

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
1250-летию Старой Ладogi
и 300-летию Санкт-Петербурга*

ИПК «ВЕСТИ»

GOVERNMENT OF LENINGRAD REGION
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
UNITED SCIENTIFIC ORGANISATION OF HUMANITARIY
PROBLEMS AND HISTORICAL AND CULTURAL
HERITAGE SAINT-PETERSBURG SCIENTIFIC
CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
SOCIETY OF RUSSIAN FEDERATION FOR PROTECTION
OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE
(LENINGRAD BRANCH)

CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN STATE

Vol. IV

SCIENTIST, POLITICIANS, JOURNALISTS
ABOUT CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

The series was founded in 1999

St.Petersburg
«Vesti»
2003

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОБЪЕДИНЕННЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Выпуск IV

УЧЕНЫЕ, ПОЛИТИКИ, ЖУРНАЛИСТЫ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ДОСТОЯНИИ

Серия основана в 1999 году

Санкт-Петербург
ИПК «Вести»
2003

*Сборник научных трудов выходит в свет благодаря поддержке
Издательского совета во главе с Губернатором В. П. Сердюковым
в рамках программы Правительства Ленинградской области
по выпуску историко-краеведческой
и культурно-просветительской литературы*

В книге приведен разнообразный материал, посвященный проблемам культуры, а также культурному, научному, историческому, архитектурному, музейному, церковному и человеческому наследию России и русского зарубежья. Учено историческое прошлое Ленинградской области. Представлены статьи о ценностях и объектах культуры, имеющих отечественное и международное значение. Приведены материалы о книжном деле, библиотеках и архивах, искусстве, архитектуре и городах древней Руси.

Издание предназначено всем, кто интересуется прошлым и настоящим исторической России.

Статьи, посвященные археологии, написаны в соответствии с программой Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук «Северная Русь и народы Балтики» (проект № 10115—218).

*Редакция благодарит сотрудницу пресс-центра
Правительства Ленинградской области Елену Соловьеву
за помощь по созданию этого сборника*

Редакционная коллегия:

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

(автор проекта, ответственный редактор и составитель),

Е. Н. НОСОВ, В. С. ПОНОМАРЕВ

Editorial Board:

A. N. KIRPICHNIKOV (Chief editor),

E. N. NOSOV, V. S. PONOMAREV

Настоящий сборник продолжает серию выпусков «Культурное наследие Российского государства» (вып. I—III), опубликованных издательством «Вести» в 1999—2002 гг., при поддержке Правительства Ленинградской области.*

Замысел этой серии был нетрадиционным — объединить под одной обложкой статьи ученых, журналистов, политиков, дипломатов, музееведов, деятелей культуры, представителей власти и церкви, посвященные культуре и культурному наследию. Проект подобного рода в книжном деле нашей страны, как известно, не имеет прецедента. Этот замысел удастся осуществить.

Проблемы отечественной культуры обсуждаются еще недостаточно и нередко недооцениваются, что наносит вред нравственному состоянию общества.

Прямой диалог и сопоставление мнений представителей светской и духовной власти, музеев, науки, образования, искусства, литературы, журналистики давно назрел и будет только способствовать возвращению нашей богатейшей, но пока во многом невосребованной исторической памяти.

В XIX—XX вв. русская культура стала мировым явлением. Ее представители внесли замечательный вклад в развитие литературы, искусства, театра, архитектуры всего мира. Эта тема долгое время у нас была непопулярна, поэтому имеющаяся информация недостаточна. Пришло время осмыслить русскую культуру в ее мировом пространстве, собрать драгоценные сведения о жизни сынов и дочерей Родины, включая и тех, которые волею судеб потеряли с ней связь, но, оказавшись на чужбине, обогатили человечество важными открытиями.

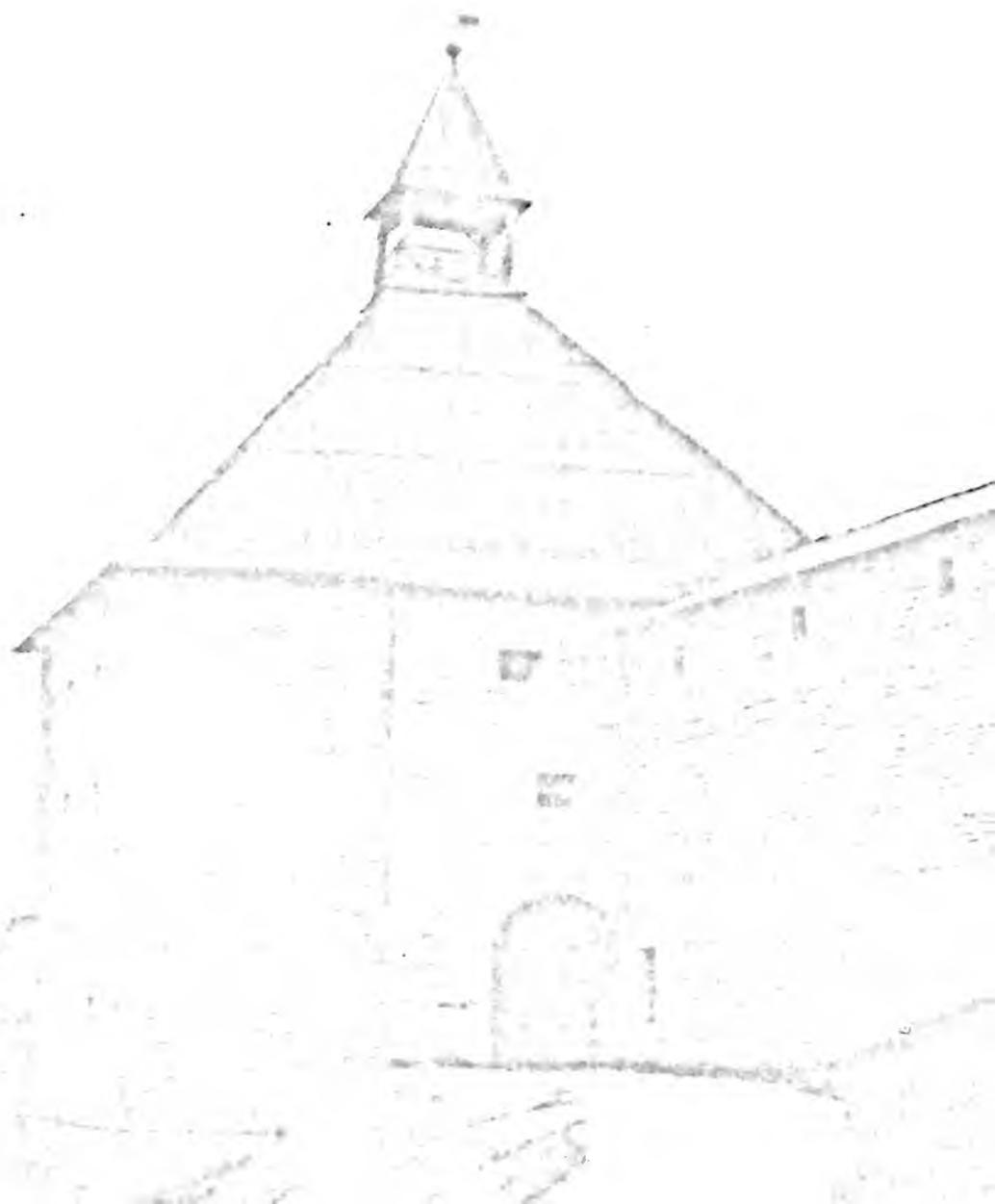
* Культурное наследие Российского государства. СПб., 1999; то же, вып. II (подзаголовок: Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии), СПб., 2000; то же, вып. III (подзаголовок: Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии), СПб., 2002. Все выпуски опубликованы в ИПК «Вести».

Историю и культуру подчас считают чем-то второстепенным и малозначущим. Это заблуждение. Чтобы идти вперед, надо оглянуться назад. Вековые ценности России Н. К. Рерих сравнил с «неоттитой чашей». Эти ценности нуждаются в защите и изучении. Они воспитывают уважение перед нашим великим прошлым. И здесь человека ждет много счастливых открытий и польза духовного просвещения.

Культура и гуманитарное знание всеохватны, их повороты порой неожиданны и поражают глубиной таланта самих творцов. С этой меркой мы формировали и настоящий сборник. Его материал распределен по следующим разделам: приоритеты культуры, искусство и архитектура, культурная мозаика, историко-археологические древности, хроника. Жанр статей, их проблематика, хронологический и тематический охват различны, но все они объединены общей основой — речь идет о культурном достоянии ленинградской земли, всей России и русского зарубежья. Среди авторов — политические деятели, работники библиотек, музеев, университетов, институтов, люди свободных профессий. Сборник открывают выступления Президента России В. В. Путина и Губернатора Ленинградской области В. П. Сердюкова, специально посвященные вопросам культуры. Отдельные обратившие на себя внимание работы переиздаются, ибо мало известны читателям. Однако подавляющее число произведений публикуются впервые.

Сборник собирался в короткие сроки. Мы направили приглашение участвовать в нем авторам разной творческой направленности и думали, что из-за «раскачки» получим не все материалы. Велико было удовлетворение, когда большинство авторов оперативно представили свои работы. Можно гордиться и восхищаться каким мощным, глубоким, так сказать, невыговоренным интеллектом обладает наше общество. Приглашаем всех желающих и в будущем поддержать своим участием наш издательский проект о культурном наследии вечной России.

ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРЫ

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ
16 июня 2003 г.***

Добрый день, уважаемые коллеги!

Прежде чем мы начнем работать, я хочу поблагодарить руководство города и руководство Эрмитажа за предоставленную возможность встретиться здесь.

Тема сегодняшнего заседания Госсовета — развитие российской культуры. И для обсуждения столь важного для нашего общества вопроса мы, конечно, не случайно собрались здесь, в Санкт-Петербурге, в городе, который по праву считается одной из культурных столиц мира. Юбилей Петербурга, возрождение и реставрация уникальных шедевров дали возможность еще раз обратиться к нашему культурному наследию. И заставили взглянуть по-новому на многое, к чему мы давно привыкли.

У страны и народа, создавших и сохранивших свою уникальную и богатейшую культуру, не только огромные перспективы, но и огромная ответственность. И, прежде всего в том, чтобы в полной мере соответствовать тому духовному богатству, которое было выработано многовековой историей нашей страны. Культура является важнейшим носителем традиций, сформировавших российский народ как единую общность и составляющих основу российской государственности.

Уважаемые коллеги!

Очевидно, что в сфере культуры происходит пересечение многих интересов. И у государства здесь — две основные задачи. Первая — защитить свободу творчества, и вторая — обеспечить доступность культуры для граждан. Конечно, без поддержки со стороны государства здесь не обойтись. При этом распределение средств на нужды культуры должно быть публичным и прозрачным.

Эти важнейшие принципы нашли отражение в материалах рабочей группы Госсовета. Ее доклад вам представлен. Я предложил бы

* Выездное заседание Государственного совета состоялось в Георгиевском зале Государственного Эрмитажа.

сконцентрироваться на следующих основных вопросах. Первое — это финансово-экономические аспекты культурной политики. Думаю, что и Эдуард Эргартович Россель, и Михаил Ефимович Швыдкой более детально осветят эту проблему в своих выступлениях.

Подчеркну, что в контексте разграничения полномочий необходимо уточнить функции, права и обязанности федеральных, региональных и муниципальных органов власти в сфере культуры, завершить разграничение собственности.

Должен вам сказать, что вчера, в Стрельне, во вновь восстановленном Константиновском дворце, я встречался с представителями российского бизнеса, которые профинансировали восстановление дворца. Я говорил, и повторяю еще раз, что все средства, которые были затрачены — а это несколько сотен миллионов долларов — предоставили руководители крупных российских компаний. Из государственного бюджета было направлено всего десять миллионов рублей. Это было сделано для того, чтобы государство имело право контролировать ход работ и подрядчика, контролировать расходование полученных средств. Так вот, когда я встречался с руководителями наших компаний, они проявили большой интерес ко многим объектам российской культуры, готовы поддерживать их, восстанавливать, однако вопросы собственности являются ключевыми. Это — базовые вопросы и их нерешенность самым негативным образом сказывается на распределении средств. Кроме того, несмотря на огромный интерес к культурным проектам со стороны бизнес-сообщества, готового вкладывать в них деньги, государство все еще не создало для этого достаточных правовых и экономических условий. Полагаю, что при разработке федеральной целевой программы «Культура России», которая начнет действовать с 2006 года, надо максимально учесть и эти аспекты.

Следующее направление, на котором хотел бы остановиться, это доступность объектов культуры и искусства. В реализации этой задачи у нас немало проблем. Одна из них — резкое сокращение сети массовых центров культуры. В них сегодня прочно «поселились» автосалоны и мебельные магазины. Ничего не имею против мебельных магазинов и автосалонов, но все должно быть на своем месте.

У определенной части общества, в первую очередь из-за финансовых причин, исчезает возможность участвовать в культурной жизни, духовно развиваться. Это, к сожалению, касается в первую очередь молодежи. Художественное воспитание, которое традиционно было у нас сильным, сегодня практически отсутствует. И, конечно же, следует обратить пристальное внимание на гуманитарную составляющую образования и просвещения.

Неизменным приоритетом для нас остается и сохранение накопленного веками культурного наследия. На территории России проживает более 150 этнических сообществ. И у каждого из них есть свои обычаи и традиции, которые необходимо сохранять и развивать.

Сейчас и на федеральном, и на региональном уровне сложилась целая система обеспечения этой многогранной и кропотливой работы. Наша страна включилась в реализацию проекта ЮНЕСКО «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества».

Полагаю, что мы должны дальше развивать практику грантов и государственных стипендий. Это особенно важно для нашей провинции, для регионов.

Сегодня предлагается еще один путь поддержки — формирование своеобразного госзнака на творческую продукцию большой социальной значимости. Такой опыт уже апробирован в кинематографе и, конечно, заслуживает поддержки.

И, наконец, важнейший вопрос — это состояние законодательства в сфере культуры. В основе своей оно было сформировано восемь—десять лет назад, когда речь фактически шла не о развитии, а о выживании культуры на переходе к рынку. Сейчас большинство этих, можно сказать, «экстренных» мер нуждается в пересмотре, в адаптации к нуждам сегодняшнего дня. Назрела необходимость совершенствования законодательства в сфере культуры. И здесь чрезвычайно важным считаю защиту авторских прав. Тем более, что «пиратство» стало привычным и практически ненаказуемым.

Уважаемые коллеги, безусловно, круг вопросов, которые нам предстоит обсудить, гораздо шире, чем я сегодня назвал. Кроме того, у каждого из вас есть свое видение этих проблем. Тема культурной политики требует всестороннего и глубокого анализа. Надеюсь, что именно в таком режиме мы и будем сегодня работать.

Благодарю вас за внимание.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ
НА ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ
16 июня 2003 года**

*Уважаемый Владимир Владимирович!
Уважаемые участники заседания!
Коллеги!*

Надо согласиться, что сегодняшнее заседание Госсовета имеет огромное историческое значение для России. В последние годы четко обозначился экономический подъем, стабилизируется социальная обстановка, и эти процессы обязаны сопровождаться адекватными позитивными сдвигами и в культурной сфере.

И наше заседание должно стать отправной точкой в осуществлении реальных шагов для возрождения культуры России. Для Ленинградской области это особенно актуально, поскольку именно здесь находится Старая Ладога — первая столица Древней Руси, 1250-летие которой мы отмечаем в этом году.

Здесь, на берегах седого Волхова, расположены многочисленные памятники истории и культуры VIII—XIX веков: могильные курганы, могила князя Олега Вещего, крепостные сооружения, уникальные церкви Святого Георгия и Успения домонгольского периода и многие другие предметы старины.

Жители нашей области искренне благодарны Вам, Владимир Владимирович, за Указ Президента от 9 декабря 2002 года о праздновании юбилея Старой Ладого, что еще раз подтверждает Вашу убежденность в необходимости культурного возрождения России. Указ, по сути, положил начало второй жизни Старой Ладого, восстановил историческую справедливость и подтвердил ее значимость как нашей первой столицы.

Здесь, на пути «из варяг в греки», закладывались основы Российской государственности, сюда был приглашен княжить легендарный Рюрик — основатель первой российской царской династии, правившей до конца XVI века. Культура — понятие многогранное. Я остановлюсь на одном из них: это исторические памятники, памятники культуры.

Подготовка к юбилею Старой Ладого наглядно высветила целый ряд проблем, связанных с существующим законодательством и бюд-

жестными отношениями, о которых уже говорилось на заседании. Во-первых, это отсутствие четкого разграничения собственности в этой сфере и, соответственно, прав и обязанностей различных уровней власти — федеральной, региональной и местной — в вопросах охраны и использования памятников истории и культуры. Только в нашей области их свыше 4 тысяч, многие из которых отнесены к федеральной собственности и которыми ни федеральные структуры, ни мы не занимаемся. Это дворцы, усадьбы, парки и т. д. Сотни гектаров земли пустуют. Правильно было бы передать их нам, однако, механизм передачи не отлажен. В итоге — памятники десятилетиями не реставрируются, приходят в упадок. А населению не понять — почему заброшен тот или иной объект. И зачастую обвиняют в этом Губернатора и региональную власть. А ведь памятники хороши тогда, когда они используются.

Еще одна проблема, которая сдерживает процесс эффективной охраны и восстановления памятников старины: как сбалансировать интересы проживающего населения и организаций, занимающихся эксплуатацией и охраной исторических мест? Здесь ведь живут и работают люди, которые хотят жить по-современному, а не как их предки. Но ГИОПы ставят такие требования, что у многих не возникает желания вкладывать средства в их возрождение, развитие этих территорий. Еще один вопрос. Жаль, что в современных учебниках по истории, университетских и школьных программах нет достойного отражения исторических памятников культуры. Одно только перечисление этих святынь, расположенных в Ленобласти, воскрешает в памяти великую историю Государства Российского. Крепости: Копорье, Ивангород, Ямгород, Орешек, Корела; Зеленецкий, Коневецкий, Александро-Свирский монастыри. Думаю, что этот вопрос также должен быть учтен при корректировке законодательных актов в области культуры.

А ведь здесь не нужны большие финансовые средства, нужно только осознание важности изучения истории России. Это наша гордость, о которой надо говорить, на которой надо воспитывать молодежь. Мы в области начали это делать: ввели в школах спецкурс «Ленинградская земля: история и культура», в начальных классах изучается русское народное творчество, из года в год увеличиваем финансирование областных и, в первую очередь, сельских библиотек. Открываются новые историко-краеведческие музеи. Но нужны усилия и на федеральном уровне. Думается, что Министерству культуры, Министерству образования нужно пересмотреть подходы к изучению исторических ценностей России.

Говоря о сохранении памятников старины, нельзя не затронуть взаимоотношения государства и церкви. Поддерживаю предложения рабочей группы о необходимости движения государства, светской и церковной культуры навстречу друг другу. Сообща мы в состоянии решать самые сложные вопросы. Наглядный пример тому — наши совместные усилия по возвращению из Америки в Россию иконы Тихвинской Божией Матери. С благословения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II создана рабочая группа и утвержден график возвращения Православной святыни. В 2004 году она займет свое исконное место в Тихвинском монастыре.

И последнее. О носителях культуры: библиотекарях, музейщиках, клубных работниках, реставраторах, археологах и многих других скромных людях, которые беззаветно служат нашей культуре. Я поддерживаю предложение министра культуры Михаила Юрьевича о контрактной оплате труда этим работникам. Ленинградская область готова участвовать в этом эксперименте.

Пользуясь случаем, приглашаю вас всех 16 августа на юбилей Старой Ладogi, положившей начало нашей государственности.

Владимир Владимирович, надеюсь, что в этот день Вы будете с нами в первой столице Древней Руси, посетите первенца плана ГОЭЛРО — Волховскую ГЭС и первый отечественный алюминиевый завод.

Спасибо.

РАБОТА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В августе прошлого года Ленинградская область отметила 75-летие. Наша территория является одним из самых молодых субъектов Российской Федерации, сформировавшимся в существующих границах позднее других регионов Северо-Запада России. Поэтому можно сказать, что Ленинградская область очень молода. В то же время в текущем году отмечается 1250-летие Старой Ладого — первой столице Руси.

Старая Ладога — это не Москва, не Санкт-Петербург, не Казань. Но именно сюда пришел князь Рюрик со своей дружиной, чтобы потом сплотить российские земли. Именно здесь зарождалась единая Россия. Ладога — колыбель российской государственности. Мы гордимся тем, что это событие обрело Всероссийский масштаб и значение, что закреплено Указом Президента страны.

Историческое прошлое, культурные традиции Ленинградской области самым тесным образом сплетены с историей и судьбой государства Российского. Ленинградская область навсегда связана с именами великих деятелей культуры — А. С. Пушкина, Н. К. Рериха, Н. А. Римского-Корсакова, М. М. Ипполитова-Иванова. Уникальное историко-культурное своеобразие Ленинградской области определяется тем, что она объединила земли, тяготевшие к различным культурам. Здесь веками живут люди, принадлежащие к самобытным этническим общностям, к разным традициям, разным конфессиям. В известном смысле, в Ленинградской области, как в капле воды, отражается все многообразие, практически вся палитра социальной жизни страны. Она является обозримой моделью России.

На землях Ленинградской области наше общее прошлое закреплено в огромном количестве памятников — живых свидетелях разных эпох и исторических событий. Это памятники олонечно-карельского круга, новгородско-псковского и скандинавско-финского происхождения. Здесь представлены фактически все пласты

наследия прошлого: археологические памятники — от мезолита до позднего средневековья, памятники военно-оборонительного зодчества XII—XVIII веков, деревянного зодчества, усадебные комплексы XVIII—XIX веков, памятники техники XVIII—XX веков и памятники Великой Отечественной войны. Всего на территории Ленинградской области находится около 4700 памятников, в том числе 189 — деревянного зодчества, 763 — воинские захоронения. Это настоящее богатство, которое нужно сберечь для потомков. Оно требует неустанной заботы и внимания, а также усилий, обеспечивающих их сохранность и эксплуатацию.

В Ленинградской области, одной из первых в нашей стране (с 1990 года), внедрена в практику работы система перспективного планирования всей социально-культурной деятельности. Сегодня мы работаем в рамках Региональной целевой программы «Культура Ленинградской области: 2001—2005 годы». При ее создании мы ориентировались на Федеральную программу «Культура России». Опыт разработки и реализации специализированных программ культурной политики себя оправдывает — это позволяет избежать распыления финансовых ресурсов, неэффективных затрат средств и сил. Решение финансовых вопросов реализации программы «Наследие», обеспечивающей нужды реставрации и консервации памятников, в последние годы обеспечивается за счет областного бюджета в объемах, в два с лишним раза превышающих поступления из федерального бюджета. Удастся привлекать средства из внебюджетных источников, которые достигают сегодня почти трети от всех расходов на эти цели. Понятно, что работа с памятниками, создание новой системы их использования в контексте национальной культуры, внедрение новых форм работы, безусловно, одна из главных и чрезвычайно важных задач национальной политики.

С конца 90-х годов XX века, когда в нашей стране наметился сдвиг в сторону демократизации общественных отношений, все более заметную роль стали играть отношения государства и церкви. С 1994 года, после подписания государственных соглашений с основными традиционными конфессиями России, началась передача культовых памятников в ведение церковных организаций. Этот процесс не мог быть простым, поскольку требовал совместных усилий органов власти, учреждений культуры и церковных структур. Для успешного решения этих проблем в областную целевую программу «Культура Ленинградской области: 2001—2005 гг.» включен пункт «Поддержка реставрационных работ по памятникам культового назначения», в соответствии с которым ведутся реставрационные

работы комплексов Тихвинского, Коневецкого и Зеленецкого монастырей. Совместными усилиями удалось возродить традиции проведения праздников, связанных с датами православного церковного календаря. Это традиционный праздник, посвященный памяти Святого Благоверного князя Александра Невского в селе Старая Ладога, праздник явления иконы Тихвинской Божией Матери в городе Тихвине, Большой Пасхальный Фестиваль. Доброй традицией стало участие представителей православной церкви в значительных событиях, связанных с историей городов области, — 300-летием Лодейного Поля, 300-летием Шлиссельбурга и многими другими. Это совместное стремление к возрождению исконных нравственных ценностей нашего народа, возвращению из-за рубежа национальных святынь — важный аспект национальной культурной политики. Для Ленинградской области конкретным воплощением этой тенденции является работа по возвращению бесценной русской реликвии — иконы Тихвинской Божией Матери.

В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 16 мая этого года Владимир Владимирович Путин сформулировал следующую цель, которая, на наш взгляд, не может не найти отклика у каждого истинного россиянина: «Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией. В ней в полной мере будут обеспечены права человека, гражданские и политические свободы». Нет и не может быть гражданского общества без общей памяти, общего национального самосознания, без общей заботы о сохранении нашего достояния — культурного наследия страны, без его развития и прумножения. Сегодня, после многих социальных потрясений, пережитых нашим народом, все явственней и прозрачней видна роль культуры как консолидирующей силы. Особая роль в успешности этого процесса принадлежит, конечно, людям, специалистам, работающим в сфере культуры и искусства Ленинградской области.

Именно поэтому Правительство Ленинградской области в союзе с Законодательным собранием региона приняло за последние годы целую серию документов, Законодательных актов и Распоряжений Губернатора, в том числе посвященных вопросам культурной деятельности в регионе и поддерживающих работников культуры, которые своим трудом обеспечивают культурную «связь времен». Некоторые, как нам кажется, важно обозначить. Приняты Законы: «О благотворительной деятельности в Ленинградской области», (1995 г.), «Об обязательном библиотечном экземпляре документов на территории Ленинградской области» (1997 г.). Серьезное внимание уделяется Правительством области материальному стимули-

рованию работников культуры. В целом, за три последние года их зарплата увеличена на 72%. Для людей, удостоенных почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», это увеличение составляет 122%.

Здесь важно подчеркнуть, что забота о работниках культуры в Ленинградской области — это не эпизод, не случайность, а тенденция. Одновременно область стремится к моральному поощрению работников культуры и искусства региона. Если в 2000 году 53 человека были представлены к различным званиям и наградам, то два года спустя эта цифра возросла до 189 человек, в том числе — «Народный артист России» (2 человека), «Заслуженный артист России» (2 человека), «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» (31 человек). Награждены правительственными наградами России — орденом «Дружбы» — 1 человек, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени — 3 человека. Это отраднo.

Благодаря консолидации усилий законодательной и исполнительной власти Ленинградской области и позиции муниципальных образований (их в нашем регионе — 29), удалось сохранить сеть учреждений культуры, которых насчитывается более 1,5 тысяч. Нашим общим достоянием является живая традиция народного искусства в богатом разнообразии жанров. Люди тянутся к совместному творчеству. Это ценная традиция регионов. Общее число художественных коллективов в Ленинградской области превышает 2,5 тысячи, в том числе 266 из них получили или подтвердили звания «народный» и «образцовый». Это в два раза превышает показатель пятилетней давности. Важно, что число участников ежегодно растет.

Особого внимания требует сохранение и поддержка культурных традиций коренных малых народов. В нашей области исконно проживают вепсы, вoдь, ижоры, ингерманландцы, компактно живут татары, цыгане. В области (Подпорожский район) есть центр вепсской культуры, музей, национальные фольклорные коллективы, детский кукольный театр на вепсском языке, преподается язык в детских садах и школах. Вышла в свет азбука вепсского языка. Более 15 лет проводится традиционный праздник «Древо жизни», собирающий представителей финно-угорской семьи из разных областей России и зарубежья. В нескольких районах успешно работают центры финской культуры (город Гатчина, Всеволожский, Волосовский районы). Ленинградская область, как вы знаете, граничит с Финляндией и Эстонией. Бережное и уважительное отношение к национальной культуре других народов способствует формированию благоприятного имиджа региона.

По итогам оценки министерством культуры Российской Федерации культура Ленинградской области признана в числе десяти наиболее успешных. Думаем этим можно гордиться. Более 10-ти лет в Ленинградской области проходят такие важные культурные акции, как Всероссийский кинофестиваль «Литература и кино» в городе Гатчине, Международный кинофестиваль «Окно в Европу» в Выборге, которые, несомненно, активно и сильно влияют на общий «культурный климат» в регионе. Логическим продолжением этого процесса стало осуществление уникальных оперных постановок Мариинского театра оперы и балета в Ленинградской области, декорациями к которым стали исторические замки и крепости в Выборге и Ивангороде. Это такие музыкальные шедевры оперной сцены, как «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Аида» Дж. Верди, «Князь Игорь» А. Бородина, «Принцесса Турандот» Дж. Пуччини. Понятно, каким событием для жителей области стали эти спектакли. Но хочу заметить, что подобные масштабные события — это еще и внимание широкой российской общественности, привлечение инвестиций в культуру региона, повод и стимул развития приграничного туризма. Подобных примеров можно привести множество, но главное в другом — развитие культуры Ленинградской области сегодня набирает силу. Уровень культурных запросов жителя области сегодня формируется на лучших, подлинных образцах отечественного и зарубежного искусства.

Область имеет и собственные театральные силы. Широко известны в стране и за рубежом областные театры: Малый драматический театр — Театр Европы, Государственный драматический театр «На Литейном», Театр Сатиры на Васильевском острове, Театр кукол «Святая крепость» в городе Выборге и другие. Эти творческие коллективы трижды удостоены Государственной премии, завоевали более десятка высших национальных театральных премий «Золотая маска» в разных номинациях. С точки зрения культурной политики в регионе, важно, что областной зритель получает возможность видеть настоящий Театр. Мы воспитывали областного зрителя средствами хорошего, настоящего театра. Для детей Ленинградской области в этом году открываются два новых театра: Детский музыкальный театр в городе Выборге, Театр юных зрителей в городе Гатчине. Одновременно решаются задачи строительства новых крупных учреждений культуры в областных центрах: дворцы культуры в городах Кириши и Тосно, Концертно-театральный комплекс в г. Гатчине.

В культуре, быть может, особенно важно, что за люди работают, с какими мыслями, с какими нравственными принципами, что они несут жителям области. Специалисты в области культуры, несмотря на низкий уровень зарплат, не уходят в другие сферы деятельности. Сегодня в делах культуры области занято около 9 тысяч человек. В том числе рост специалистов наблюдается в сельской местности, у жителей которой, думаю, как и у многих в регионах, совершенно особая забота. Для жителя села жизненно важны Дома культуры, досуговые центры, особенно библиотеки. Из 465 библиотек области — 329 работают на селе. Думаю всем хорошо известно, какое обилие проблем стоит перед этими учреждениями. Мы прилагаем усилия для исправления положения. Три года подряд Правительство Ленинградской области выделяет из бюджета региона целевые средства для пополнения книжных фондов сельских библиотек. Это, отчасти, создает равные условия для жителей отдаленных районов и горожан в общении с книгой.

Культура — это живой организм, нуждающийся в воспроизводстве, обновлении. Именно поэтому, Ленинградская область гордится развитой структурой учебных заведений искусства и культуры. В области более 30 тысяч детей и подростков — учащиеся музыкальных и художественных школ, сотни студентов обучаются в Областном колледже культуры и искусства, Областном государственном университете им. А. С. Пушкина. Это гарантия, что Ленинградская область способна обеспечить себя профессиональными кадрами. Однако проблемы есть, и они серьезные. Низкая заработная плата, проблемы с жильем для молодых специалистов, часто не соответствующие современным требованиям материально-техническая база и оборудование — не могут привлечь молодежь. Особенно остро эти проблемы стоят в отдаленных районах области. Это общие заботы и преодолевать их надо сообща.

Несомненные успехи в области культурного строительства в Ленинградской области не заслоняют для нас нерешенных задач. Нам еще многое предстоит сделать. Упоминаем здесь только некоторые основные, на наш взгляд, направления работы. Разумеется, мы занимаемся также и вопросами кинообслуживания населения, информатизацией отрасли, совершенствованием отраслевой структуры, сохранением традиционных народных художественных промыслов, концертно-выставочной деятельностью и многим, многим другим. Но все эти локальные задачи подчинены главному — воспитанию человека, достойного завоевания демократического общества, способного воспользоваться гражданскими свободами, нацеленного на созидательный труд, любящего и уважающего свою страну, свой народ.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ — ПО-РУССКИ, ИЛИ РУССКОЕ СЛОВО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

**Краткие заметки о русском языке
от Петра I и М. В. Ломоносова до наших дней**

В языке народа отражается вся его жизнь, история его материальной и духовной культуры. Язык выполняет роль генетической памяти любого народа, любой страны и любого этноса.

Культура и язык, язык и история народа, язык и общество — эти коренные общественные явления всегда являлись и являются объектом внимания политических и государственных деятелей, крупных исторических фигур, выдающихся мыслителей и ученых России, патриотов своей Родины.

Еще Петр I ввел в употребление новый шрифт русской письменности, сам терпеливо и старательно вырезал и отливал в формах буквы алфавита, осмысливал серьезные последствия своего начинания. А они были грандиозны для образования, просвещения народа и культуры российского государства.

Благодаря его усилиям язык становился литературным, вытесняя прежний церковнославянский. Он желал слышать и настоящую, живую светскую речь, сурово требовал от сподвижников говорить не по писанному. Его указ Сенату гласил, что, если господам сенаторам надо речь держать, то «токмо своими словами, дабы дурь каждого была видна». Последнее, к сожалению, мы часто наблюдаем в наши дни: с трибуны Госдумы, в печатных и электронных средствах информации, в разговорной и деловой речи наших современников.

Михаил Васильевич Ломоносов, оценивая свой «скромный вклад» в развитие и совершенствование русского языка, его грамматики, в письме к Светлейшему рейх-графу Михаилу Ларионовичу Воронцову от 30 декабря 1759 года писал: «... в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и приемами в разных сочинениях...».

Усилия М. В. Ломоносова в русской филологии, который вслед за В. К. Тредиаковским, автором книги «Новый и краткий способ

к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний», которую молодой студент Михайло Ломоносов досконально изучил, обучаясь в Германии в 1736—1741 годах в основном металлургии и горному делу, привели к тому, что в 1739 году во Фрайбурге М. В. Ломоносов написал научный трактат «Письмо о правилах российского стихотворства», в котором изложил принципы тонического стихосложения применительно к русской национальной поэзии, определив основы классической системы русского стихосложения на долгие годы.

Филологические упражнения М. В. Ломоносова многогранны. Еще будучи студентом Славяно-греко-латинской академии он увлекался риторикой, эти увлечения продолжились в Марбурге, где он прослушал курс римского красноречия, а также изучил многие труды по риторике. Итогом этих занятий стала его «Риторика», завершенная к началу 1744 года. Изданная в 1748 году в переработанном виде с названием «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоюто красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки», эта книга стала большим событием общественного звучания, так как утвердила основы русской литературной речи. Цель ученого состояла в том, чтобы придать русскому языку «такое совершенство», какое есть в других языках, и научить россиян правильному языковому пользованию.

Общественная функция русского языка, по мнению М. В. Ломоносова, заключается в том, что он позволяет «Собраться рассеянными народами в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу». И это возможно лишь при том, что все они пользуются одними грамматическими правилами, общими для данного языка. «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Великий ученый задумал создать и свод правил русского литературного языка. В 1751 году он сообщал, что «собранные прежде сего материи к сочинению «Граматики» зачал приводить в порядок». В 1754—1755 годах он написал «Российскую грамматику», которая вышла в свет в 1757 году тиражом 1200 экземпляров, что было для того времени довольно много. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова выдержала более десяти изданий и стала популярным пособием для школьного обучения и образования. Русские люди многие годы осваивали грамматику своего языка по замечательному труду М. В. Ломоносова.

В 1764 году «Российская грамматика» была переведена на немецкий язык архивариусом Академии наук И. Л. Стафенгагеном (J. L. Stavenhagen). «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» за 1764 год (ч. I, июнь. С. 551) отмечали, что перевод книги сделан удачно и «иностранные народы оной с великим удовольствием примут и к своей пользе употреблять будут».

В год смерти М. В. Ломоносова (умер он 4 апреля 1765 года, похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге) в книге П. П. Пескарского «Дополнительные известия для биографии М. В. Ломоносова» (СПб., 1865, С. 90—91) была опубликована краткая заметка «О нынешнем состоянии словесных наук в России», написанная М. В. Ломоносовым в 1756 году. Ученый обращает внимание на значение литературы для прогресса человечества. Он подчеркивает значение постоянной заботы о чистоте отечественного языка, о воспитании молодежи на лучших произведениях классиков литературы, особенно подчеркивая красоту, великолепие, силу и богатство русского языка.

Прошло два с половиной века со времени, когда великий М. В. Ломоносов создавал свои труды по русскому языку, грамматике, риторике, когда он изложил свои мысли и заботы о судьбе и роли языка для России и россиян.

В наше время все больше становится очевидным, что будущее России в значительной мере зависит от того, удастся ли сохранить национальную культуру, национальный русский язык и образование. Сейчас русский язык переживает не лучшие времена. Как только люди оторвались от текста и стали пользоваться свободной устной речью, многое изменилось. Повсеместным стало употребление сниженных пластов лексики, заимствование слов, особенно из сферы компьютерных и новых технологий, не всегда уместных. Естественно, это не может не беспокоить русистов (да и представителей других областей культуры). Сегодня очень важно решить проблемы со средой языка, чтобы студенты из разных стран могли слышать прекрасную русскую речь и учиться ей. Развитие средств массовой информации, особенно радио и телевидения, привело к распространению звучащего слова, не чтения заранее подготовленного текста, а свободного изложения мыслей, почти импровизации. Это избавило нас от жалкого, часто неэмоционального, монотонного чтения. И сколько интересных ораторов слышим мы вокруг! Никто сегодня не будет спорить с тем, что изучение правильного, литературного произношения так же важно, как изучение правильного написания, грамматических норм. Филологи Санкт-Петербургского государственного университета, озабоченные соблюдением норм

правильного русского произношения, выпустили в свет краткий словарь-справочник «Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения», который предназначен для самого широкого круга читателей и призван помочь им избежать распространения ошибок в речи. Цель словаря состоит в том, чтобы дать читателю сведения о произношении, ударении и образовании основных форм тех слов современного русского языка, которые по разным причинам вызывают или могут вызвать затруднения при их произношении. Словник справочника составлен по материалам современных толковых и отраслевых словарей русского языка с использованием материалов, представленных в средствах массовой информации и на сайтах интернета. Он ориентирован преимущественно на сферы экономической и политической жизни и отражает произносительные нормы современного русского языка (современным считается русский язык начиная со второй половины XX века). Словарем заинтересовались члены правительства и депутаты Государственной Думы. Есть надежда, что теперь с самых высоких трибун нашего государства будет слышна красивая, правильная русская речь и ораторы станут образцом для российских граждан при использовании родного языка в самых различных обстоятельствах.

А для тех, кто более подробно хочет заняться исправлением ошибок в речи и научиться нормативному русскому языку, можно рекомендовать, среди прочих пособий, вышедшее в 2003 году третьим изданием пособие по русскому языку «Давайте говорить правильно», где произносительная норма современного русского языка представлена в виде имеющихся вариантов и определены основные тенденции развития нормы, показаны отклонения от нормы, связанные с воздействием родного языка или диалекта. Книга снабжена словарем-справочником нормативного произношения. Пособие рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов вузов, оно может быть полезно всем тем, кто стремится научиться говорить правильно, кому дорога чистота русской речи.

Русский язык — язык межнационального и международного общения. Он входит в число мировых языков, являясь одним из официальных языков ООН и ЮНЕСКО.

Во второй половине XX века русским языком как родным, неродным, или иностранным, владело, по некоторым подсчетам до 500 миллионов человек. До середины 80-х годов русский язык по количеству владевших им как родным и неродным занимал пятое место в мире (после китайского, хинди и урду, вместе взятых,

английского и испанского языков), его изучали в более чем 100 государствах мира.

Профессионалы-русисты сегодня несут основной груз и основную долю ответственности за сохранение, развитие и широкое распространение образцовой русской речи, что в целом содействует распространению русской культуры, приобщению россиян и иностранцев к достижениям национальной и мировой культуры.

В год славного 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга на берега Невы со всего света съехались русисты-профессионалы на X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) «Русское слово в мировой культуре» (Санкт-Петербург, 30 июня—5 июля 2003 года). Их цель — обмен результатами фундаментальных и прикладных исследований в области русской филологии, страноведения, методики преподавания русской литературы и русского языка и определение дальнейших направлений сотрудничества между различными организациями как в России, так и за рубежом по вопросам укрепления позиций русского языка. Более тысячи профессионалов — участников Конгресса из почти 60 стран мира — это надежная гарантия того, что великий русский язык и русская литература и в новом тысячелетии будут во многом определять мировой уровень культуры на нашей планете.

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Вновь и вновь говорят и пишут о национальной идее. Однозначного ответа пока нет. По опросам в качестве девиза страны называют некоторые понятия национального менталитета, как бы близкие искомой идее. Таковы: вера, надежда, любовь; держава, личность, свобода; дорогу осилит идущий; и даже фраза известного стихотворения Ф. Тютчева «умом Россию не понять». Поиски национальной идеи действительно вызывают всеобщий интерес. Какие здесь могут быть подходы?*

Особый склад характера русского народа стал формироваться в далеком прошлом. Вместе с ним укоренялась система нравственных и поведенческих мотиваций.

Геополитическое положение Руси—России между Западом и Востоком, многоэтничный состав государства (в его сложении в IX—X вв. кроме славян-русских, приняли участие 22 племени и этнических образований), необозримые размеры территории, открытость и доступность по отношению к соседям, веротерпимость, межплеменная уживаемость, предприимчивость и гостеприимство — все это обусловило особую широту, природную щедрость и отзывчивость народа.

Уязвимость Руси—России (знавшей победы и поражения, а порой и ужасающие катастрофы) со стороны восточных и западных соседей, тяжелые испытания от внешних и внутренних неурядиц, готовность населения к самопожертвованию, массовый героизм в периоды войн и нашествий, жертвенность и удивительное терпение — все сказалось на формировании качеств народа, существовавшего в борьбе и лишениях. Сочетание этих, подчас противоречивых, свойств привело к тому, что русские, случалось, не отвергали и мирились с социальными и политическими эксперимен-

* Версия настоящей статьи см. А. Н. Кирпичников. Размышления о национальном характере и национальной идее России // Культурное наследие Российского государства. Вып. II. СПб., 2000, с. 15 сл.

тами, даже если последние осуществлялись методами террора и насилия.

Постоянно действующим фактором исторической жизни Руси—России явились, как упоминалось, связи с Востоком и Западом. Страна стремилась использовать достижения мировой цивилизации. Особенно важен был беспрепятственный доступ к водным морским путям, международной торговле, в конечном счете, к всемирному человеческому общению и тесным связям со всем Старым Светом, даже в те периоды, когда иноземцы представлялись как политические и идеологические недруги.

Как велики не были религиозные, общественные, этнокультурные и другие отличия жителей России от ее соседей, они не помешали, может быть, даже способствовали их стремлению к международной интеграции. Об этом проникновенно сказал в 1880 г. в своей речи «Пушкин» Федор Достоевский. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»¹.

В противоречии с периодами определенной экономической и социальной отсталости Россия в эпоху нового времени выдвинулась как носитель высочайших достижений духовности и культуры. Появилось понятие загадочной русской души, в которой невероятным образом сочетались великие устремления и расточительность, мечтательность и стяжательство, практическая сметка и беспомощность, отзывчивость и отчаяние, фатализм и удалство. В этом сочетании полярных качеств пробивали дорогу, как писал А. Солженицын в своей книге «Россия в обвале», открытость, простота, великодушие, уживчивость, широта характера, размах решений, самопожертвенность. Русская духовность поднялась до высот мессианства и божественного прозрения в поисках ответа о смысле жизни. Развитие литературы, искусства, музыки, философии, культуры в целом, достигло в начале XX столетия небывалого расцвета, оборванного, увы, губительными потрясениями.

Две мировых и одна гражданская войны, голод, террор, насильственное искоренение церковной веры, массовое истребление людей — унесли десятки миллионов жизней. По валу смертей, уничтожению и захватам имущества военное время совместилось

с мирным. Надо только удивляться, как выстоял и не потерял творческой силы народ. Спасшиеся и уцелевшие могут благодарить судьбу и слепой случай. На смену мессианскому порыву народа к «всчеловеческому единению и братской любви» (слова Ф. М. Достоевского) пришел «пролетарский интернационализм» с его установкой на классовую борьбу и ненависть одной части общества к другой. В официальной пропаганде не жалели возвышенных слов, но на деле насаждались нетерпимость к инакомыслящим, подозрительность, тотальная слежка, доносительство, лицемерие, жестокость. «Железный занавес» изолировал страну от мира. Живи Ф. М. Достоевский в середине XX в., он со своей «всчеловечностью» был бы объявлен «безродным космополитом».

После разрушения командно-коммунистической системы Россию вместо «экономического чуда» неожиданно поглотил новый глубокий хозяйственный и общественный кризис, не преодоленный и поныне.

Можно ли противостоять разгулу преступности, нарушениям закона, оскудению народа? Конечно, многое здесь зависит от изменения общей экономической обстановки. Не менее важна нравственная сторона дела. Особое значение приобретают воспитание, просвещение, культура. Именно культура, по словам Д. С. Лихачева «должна стать средой, преодолевающей теневые стороны русского национального характера, прежде всего, его склонность к крайностям, легковерие, надежду на «авось» и связанную с ним безответственность»².

Национальная идея, как и национальный характер, кристаллизовалась веками. Она многогранна, изменчива, ее невозможно наметить и обосновать без учета более чем 12-вековой письменной истории народа и государства.

Едва ли не впервые в отчетливом виде национальная идея «Москва — третий Рим» была сформулирована в конце XV в. Она воплощала преемственность власти и веры, как бы по высшему предназначению унаследованную Россией от Византийской империи. Эта идея помогла укреплению престижа Московского государства.

Уже в новое время при Александре I разработкой новой общегосударственной идеи занималась группа реформаторов, но только при Николае I в 1833 г. она была окончательно постулирована тогдашним министром Народного просвещения графом С. С. Уваровым в известных словах «православие, самодержавие и народность». Не вдаваясь в оценку этой идеи, следует отметить, что для своего времени она сыграла положительную, цементирующую общество, роль.

В наше время также предпринимались, пока не увенчавшиеся успехом, попытки выразить современным событиям формулировку идеи. Дальше размышлений и некоторых высказываний дело не сдвинулось. Во время встречи в 2002 году с учеными историками президент В. В. Путин спросил их о национальной идее. Ответ был отрицательным: «никто этого не знает, и мы этого не знаем». Причина: несложившиеся в обществе мировоззрение и мироощущение, сложность проблемы, отсутствие серьезного поиска. Действительно, поиск трудной истины иногда низводят до сиюминутных оценок: «более или менее сносно жилось бы, вот и вся национальная идея». Отсутствие государственно-общественной формулы оборачивается вульгарно-потребительской рекламой, вроде «бери от жизни все».

Думается, что нашему обществу именно в трудное, нестабильное время необходима такая идея, которая бы объединяла народ, была бы общенациональной и общечеловеческой. Она была бы призвана укрепить союз власти и общества, сплотив их общим делом и единением. Такая идея не конъюнктурна, не лозунг на злобу дня, конечно, не призывает бороться с коррупцией или вовремя платить зарплату и вносить налоги. Национальная идея, с чем, надеюсь, многие согласятся, должна отличаться вседуховностью, вниманием к человеку, межконфессиональностью, определенной долговечностью и привлекательностью, быть открытой, прозрачной, лаконичной и общедоступной для понимания, учитывать многоэтничность страны и отечественные исторические традиции.

Национальная идея в определенной мере программирует поведение общества не только сегодня, но и в будущем. Она обращена к каждому члену общества. Подобная идея должна отражать стремление человека к миру, добру и любви: она чужда ненависти, насилию, исключительности. Такая формула призвана обобщить исторический опыт страны. Она будет жизненной, если сконцентрирует в себе наиболее значимые морально-нравственные, общественные и государственные ценности. Конечно, сама идея, если она будет выработана, не избавит от трудностей жизни, но психологически поможет их преодолению. А. И. Солженицын говорил, что у нас не может быть другой национальной идеи, кроме народосбережения.

Более чем 1000 лет русская православная церковь укрепляла людей на молитву, труд и подвиг, способствовала их нравственному просвещению и самоусовершенствованию. Искоренение церкви, развернувшееся в XX столетии, в конечном итоге имело негативные последствия и сопровождалось вопиющим нарушением прав верующих и разрушением вековых народно-культурных традиций. Ныне переживаем медленный, сложный период восстановления

христианства. К этому можно относиться по-разному, но с растущим согласием. Разумеем веру не как слепое, фанатичное поклонение творцу, а как одухотворение, как комплекс христианской морали, без которой человек чаще всего опустошен и нищ духом. Существует ли высшее провидение в делах и в сущности людей, каждый должен решать сам.

Как бы не относиться к религии, следует признать божественную суть человеческой личности. Не случайно в одном из византийских заупокойных тропарей сказано: «возведи меня, Господи, в подобие тебе, дабы возобновлялся во мне древний образ твоей красоты». Проповедь христианской морали несет людям любовь, радость, мир, благодать, милосердие, кротость, воздержание, просветление.

В итоге всего сказанного, национальная идея России, как вариант, может быть выражена в следующих словах: «ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, БОГ, ОТЕЧЕСТВО». Называем, если так можно выразиться, титульные категории понятий претендентов. Здесь важны личностные и общественные приоритеты, в которых сконцентрированы такие вечные ценности, как жизнь человека, духовность, нравственность, малая и большая Родина. Эти приоритеты предложены в порядке обсуждения. Суждения политиков, философов, деятелей культуры и церкви, всех желающих, если они не безразличны к столь сложному и ответственному выбору понятий идеи, приблизят нас к истине, точнее сказать, всеохватывающей, общеприемлемой формуле. Ведь речь идет о высших моральных, духовных, человеческих и, в то же время, государственных ценностях России, которые укрепят общество в его силах и возможностях и помогут продвижению в стабильное будущее. Верно сказал философ И. А. Ильин: «нечего бороться за восстановление России без совести, без веры»³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л., 1984. С. 147.

² «Русская мысль». 14—20 января 1999. С. 15.

³ Цитировано: Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С. 201.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Череды праздников и периоды их подготовки, связанные с юбилеями многовекового бытия старинных городов Руси и градообразованиями века Просвещения в России — Старой Ладogi и Пскова, Санкт-Петербурга и Петрозаводска — обострили интерес соотечественников к своему историческому прошлому. Эти события стилизировали переосмысление самого феномена культурного наследия, значения роли культурно-исторической памяти в общественном созидании современников.

Вместе с тем и недавние последствия деструктивного периода перестройки заставили обратить особое внимание на культурное достояние нации. Многообразие и богатство культурного наследия стало представляться как основополагающий признак цивилизованного общества, интеграционный компонент государственного, национального и регионального самосознания. Более того, стало осознаваться, что культурное многообразие регионов, уникальность исторического опыта населяющих их народов — не только бесценное достояние прошлого, но и важный фактор модернизации современного общества, его культурной продуктивности. Следует также отметить, что глобальные информационно-коммуникативные процессы тоже заставили многих политиков, ученых и преподавателей более серьезно относиться к проблеме культурного наследия в образовании.

Однако, чтобы использовать культурный потенциал каждого города, области, всей страны, необходимо было предусмотреть соответствующее содержание образования в школах, училищах, вузах. Эта проблема была осознана как «регионально-национальный компонент образования» и как вопрос о культурной идентичности каждого современника, в особенности молодого поколения.

Образование приняло вызов новой реальности и попыталось ответить на потребности людей в использовании своего регионального культурного достояния. В Ленинградской области заметно усилило интерес к культуре вообще и местному наследию регио-

нальное телевидение; был издан фундаментальный альбом «Ленинградская область. История и современность»¹; школьные библиотеки пополнились научными трудами таких известных ученых, исследующих историю культуры Северо-Запада России, как Н. Н. Гурина, Г. С. Лебедев, А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин и многих других². Стали проводиться региональные конференции по проблемам культурного наследия³, издаваться литература для учителей и даже младших школьников⁴. Во многих школах Ленинградской области (Выборге, Волхове, Кингисеппе, Тихвине, Киришах, Сосновом Бору и др. городах) в той или иной степени стало практиковаться изучение культуры народов северо-западной России, история своего города или района в основном на курсах традиционного краеведения. Это, конечно, явилось важным началом приобщения молодежи к культурному достоянию своей малой родины.

Анализируя краеведческий опыт многих школ области, приходится констатировать, что как в массовом сознании, так и в деятельности институтов управления развитием образования содержание понятия культурное наследие чаще всего связывается с деятельностью музеев, библиотек, архивов, реставрационных мастерских, обществ охраны памятников истории и культуры. Эти учреждения безусловно выполняют часть важных практических задач по сохранению и трансляции опыта поколений. Однако такое понимание культурного наследия является весьма зауженным и проистекает из-за неадекватности понимания самого феномена культуры и его роли в обеспечении устойчивого развития региона и качества образования.

Весьма показательно уже то, что местные жители (как старые, так и молодые) под культурой продолжают понимать какие-то шедевры духа и творчества, массовую художественную культуру, а не весь способ бытия человека с его смыслами, средствами и результатами деятельности. Культура — внебиологический созданный человеком мир с определенным порядком, единством его материальной, духовной и художественной сфер. Это принятая во всем мире социальная солидарность людей, совокупный опыт коллективного бытия, специфическая модальность этнического, национального, регионального, всечеловеческого существования.

Необходимо иметь в виду, строя краеведческое образование, что культура включает в себя множество явлений: это способ познания и упорядочивания мира для практических и психологических нужд людей; механизмы выработки и выбора определенных типов поведения; общественная и индивидуальная работа по реализации способностей, заложенных в человеке; ценности и нормы бытия и сознания; мировоззренческие установки; эстетические предпочтения; технологии производства; художественное творчество и многое другое.

Существенно, что культура не передается генетически от предков, а очень жестко требует выучивания новым поколением «с нуля». Вследствие этого она становится средством реализации функции обучения и воспитания как в обыденной сфере, так и через деятельность специальных институтов социализации и инкультурации (просветительских, информационных, коммуникативных, образовательных и др.). Как правило, культура — это поле неравномерного распределения социального опыта между разными группами людей с их специфическими интересами; в ней существует зона постоянных конфликтов между общественными требованиями и индивидуальными притязаниями и потому в определенной степени она является силой, принуждающей людей выполнять нормы совместной жизни. Кроме того, культура — это бесконечное обсуждение человеческих дел, перспектив и смыслов бытия...

В самом общем виде культурное наследие как содержание образования является фундаментальным средством межпоколенного воспроизводства общества как устойчивой и вместе с тем исторически своеобразной целостности.

Таким образом, когда мы говорим о культурном наследии, мы должны иметь в виду не только музеи, библиотеки, архивы и подобные им учреждения. Сегодня концепция целостного культурного наследия является существенной стороной социокультурного воспроизводства нации, ее общих и региональных традиций. Однако до сих пор мы пока не имеем соответствующих этой концепции культурного наследия программ регионального развития и необходимой учебной литературы.

Между тем анализ результатов многолетних собеседований с учениками областных школ, приезжающими поступать в вузы, показывает, что зачастую они слабо представляют себе историю культуры своего села, города и области в целом, персоналогию местных подвижников истории и культуры, а также современную социокультурную ситуацию, в которой им вскоре предстоит действовать, строя достойную жизнь в провинции. Обращает на себя внимание деформированность культурно-исторической сферы сознания выпускников не только области, но и всего федерального округа. Многие выпускники школ не могут обрисовать контур Ленинградской области, обозначить место своего города, культурные центры региона, основные памятники истории и культуры, рассказать о взаимодействии местных народов с культурами соседних стран. Они имеют некоторое представление об истории войн, но не знают летописи мира, результатов совместного культурного созидания на рассматриваемой территории. Наконец, следует заметить, что многие школьники 7—11 классов имеют сегодня возможности постигать через компью-

терные системы (игровые CD «Фараон», «Клеопатра» и др. историю культуры Египта или Месопотамии) как люди выращивали хлеб, ковали железо, строили крепости, торговали, создавали произведения искусства на берегах Нила или Евфрата. Однако никто не подарил им возможность аналогичным мультимедийным способом осваивать традиции культуры древних славян, жителей средневекового Выборга, Старой Ладogi, Карелы (Приозерска), Ивангорода и даже военную культуру россиян в момент Полтавской битвы со шведами и т. п.

Между тем современное федеральное строительство России, усиление взаимодействия регионов, контактов на государственных границах, изменение социокультурных систем и ценностных ориентаций на местах, необходимость оптимизации внутренних и местных межэтнических и межконфессиональных процессов, острая потребность в гражданской активности, нехватка профессиональных кадров, а также потребности в эффективной самоорганизации жизни внутри сел, городов, области — все эти новые вызовы времени заставляют размышлять о концепции культурного наследия и вводить в содержание образования те элементы, которые отвечают этим вызовам.

Эскиз возможной концепции культурного наследия в образовании школьной молодежи Ленинградской области видится в реализации такой цели, как формирование ключевой культурной компетентности старшеклассника по отношению к истории и современной жизни регионального сообщества, умению представить себя в качестве активной личности, способной участвовать в создании благоприятной среды для последующего позитивного культуротворчества.

Задачи (и соответственно образовательные результаты данной концепции культурного наследия) могут выразиться в следующем:

- дать комплекс предметных знаний по региону (географических, экологических, социологических, историко-культурных, экономических, политологических, естественнонаучных и др.); получить образовательные результаты в виде подготовки старшеклассниками геокультурных карт своего региона, маршрутов экскурсий по его природным объектам, создание собственного «портфеля» по региональной культуре (картотека описаний различных культурных объектов — промышленных, сельскохозяйственных, рекреационных, архитектурно-художественных и многих других); фотографии памятников, результаты интервьюирования и опроса населения о культурных ориентациях жителей, перечень фольклорного и литературного наследия, зарисовки, доклады для олимпиад и конференций по истории культуры области, фотогалерею великих людей региона, интернет-сведения о своем северо-западном федеральном округе и т. п.;

- изучить историко-культурную эволюцию области от древности до современности в ее основных циклах; познать исторический вклад каждого народа в историко-культурный процесс; ознакомиться со спецификой этнических культур и общим культурным достоянием на своей территории;

- освоить наиболее значимую топонимику Ленинградской области, ее исторические пласты, эволюцию символов и значений; показать варианты использования различных смыслов и значений прошлого в современном языке, именах и фамилиях, художественных образах, политических символах и др.; научиться исследовать свою родословную и роль своей династии в развитии культуры региона; попытаться спроектировать роль своей семьи и самого себя в сохранении и приумножении культурного достояния, определить свою современную культурную идентичность;

- освоить содержание и характер практического применения в своем регионе документов ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия; научиться критериям отбора объектов как всемирного, так и национального и местного значения;

- помочь получить старшекласснику глубокие знания о современных социокультурных процессах в своем городе и регионе (изменение социальной структуры и ценностных ориентаций; появление новых общественных движений, политических партий; промышленных объектов и других явлений культуры);

- развивать творческое культурологическое мышление старшеклассников, помочь им обрести личную ответственность за сохранение культурного достояния региона, за развитие культурных традиций и инноваций; научиться сочетать универсальные и локальные ценности в своей будущей практической деятельности в регионе.

Для реализации данной концепции культурного наследия в образовании необходимы добротная учебная литература и конкретные для каждого села, города и района Ленинградской области программы освоения исторического достояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленинградская область. История и современность. Изд-во «Лики России». СПб., 1997.

² Например, *А. Н. Кирпичников*. Старая Ладога — древняя столица Руси, 1996; *Г. С. Лебедев*. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; *Е. А. Рябилин*. Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб., 1997; Культурное наследие Российского государства. СПб., вып. III, «Вести», 2002.

³ Например, Культура Петербургского региона в науке и образовании. РГПУ им. А. И. Герцена. 28—29 сентября 2002 г. СПб., 2002.

⁴ См.: Наши мифы и сказки. СПб., 2002.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА СЕГОДНЯ

Когда-то Александр Блок назвал самой и даже единственной культурной эпохой в жизни России пушкинскую эпоху. Между тем само слово *культура* в том же пушкинском словаре не встречается, да и в словарях-лексиконах, а значит, и в общей лексике этой *культурной* эпохи, по сути, отсутствует.

Культура как обозначение некоего предмета теоретического осознания либо сферы его исторических изучений, да и просто как слово обычного житейского употребления — дело в основном позднейшего времени. Наконец, и тоже в наше время, основательно обоснованное несколько десятилетий назад Уайтом и, так сказать, получившее, наконец, права гражданства. Родились и особые науки — *культуроведение* и даже — *культурология*. Правда, в последнее время вызывающая все больше подозрений в сомнительности, наука эта тем не менее и на Западе, и у нас развернулась и дала уже более трехсот определений понятия *культура*.

В одном случае это определение философии культуры, в другом — рассмотрение ее истории, в третьем — уяснение ее нынешней практики и современного бытования. Обо всем этом, не занимаясь философическими хитросплетениями, следует хотя бы упомянуть. Ведь, в конечном счете, можно свести десятки формул все-таки к двум. В общетеоретическом плане культура чаще всего понимается как совокупность всей человеческой деятельности.

Вероятно, в нашем положении при известной неопределенности, размытости и потому уязвимости понятия следует думать и говорить о культуре в другом и более узком значении как о собственно духовном производстве. Что происходит с обществом в сфере духовной жизни? — видимо, так должен стоять вопрос с возможными, естественно, выходами, отвлечениями и ответвлениями в материальное производство, в быт и т. п.

Я понимаю, что постоянное и назойливое взывание к духовности способно рождать и часто рождает, особенно в расхожей публи-

цистике, и неприятис, и раздраженис, и ерничанье. И все же от этого не уйти. Не откажемся же мы от слова *хлеб* и забот о нем и взываний к нему, ибо он *насущен днесь*. Но — *не хлебом единым* столь же *насушно*, как и сам хлеб. *Хлеб насущный даждь нам днесь* и *не хлебом единым жив человек* — две ипостаси и два постулата, без которых человек погибает, во всяком случае, как человек и человеческое общество уничтожаются, во всяком случае, как общество человеческое.

Так что первое: культура в этом смысле, культура как духовность — неперемное условие, без которого всякое общество и любая страна обречены. Это именно условие, необходимость и залог, а не довесок, добавка и приложение. Здесь реальное положение и в нынешнем человеческом мире в целом, и в нашей стране, в частности, очень сложное — в глубинных процессах и очень пестрое во многих внешних проявлениях. Особенно на нашем политическом и в нашем временном пространстве: русском и российском, советском и после-советском.

Конечно, по-разному сложным оно было всегда. Дело в сегодняшнем характере самой этой сложности и в нынешних ее особенностях. И, конечно, это прямо связано с тем переломным состоянием, в котором наше общество оказалось. Кто-то называет это революцией, кто-то контрреволюцией. Вероятно и то и другое. Просто фантастическое переплетение наисовременнейшей прогрессивности и прямо первобытной дикости, замшелого консерватизма и лихой продвинутости, внедрение самых передовых и реставрация самых архаичных начал отличают нашу жизнь.

Так или иначе, налицо колоссального масштаба перелом, катаклизм, первоначально обозначенный неточным и невинным словом «перестройка» и вскоре скорректированный другим — страшным и точным — «катастрожка». Точным, если в него вдуматься, отвлекаясь от внешней каламбурности. Все-таки — и стройка, все-таки — и динамика, все-таки — и движение, все-таки — прорыв, но, как часто, или даже как чаще всего в России, на лезвии бритвы, по краю пропасти, «по самому по краю», катастрофически в стройке почти срывается. И что же здесь культура?

Вспомним другую нашу «катастрожку»: после 1917 года. Один из главных ее деятелей В. И. Ленин очень скоро, явно приходя в ужас от многих ее деяний и бед, увидел одно из главных ее деяний и бед именно в том, что рушатся «столпы культуры». Видимо, при отказе от старого, прогнившего, фасадного, сокрушении естественном и необходимом, естественно и необходимо возникает феномен выплескиваемого с водой ребенка. Он — особенно на первых этапах —

всесторонне проявляется: и в политике, и в экономике, и вообще в социуме. И в культуре. Характерно, между прочим, что сокрушители в политике часто являются большими консерваторами в искусстве: безусловный архаист Радищев, прямо деклариовавший свое поэтическое староверчество Чернышевский, очень консервативный в художественных вкусах Ленин. Может быть, и у разрушителей срабатывает какой-то инстинкт самосохранения, стремление здесь как-то сгрести разлетающиеся камни.

Так или иначе, но именно в пору больших перемен и сломов безусловно и явно возникает насущная необходимость сохранения в культуре именно *столпов*. И чем раньше приходит понимание и ощущение этого, тем лучше. Сейчас, кажется, приходит. Я — повторяю — не утверждаю, что это неременная и неизменная генеральная линия, могут быть и иные времена, но сегодня именно это главное условие спасения и развития культуры.

Напомню и поучительную историю с Маяковским, дерзко грозившим сбросить Пушкина с корабля современности и закончившим смиренной, чуть прикрытой шуткой-стихом, готовностью «подсадить на пьедестал». Пушкин предстал как явленное разрешение тех противоречий в сфере культуры, над которыми мы сейчас бьемся и которыми мы маемся. Отсюда эта невероятная тяга к нему, наверное, не до конца осознанная, выливающаяся время от времени в события-юбилеи. И, конечно, в деле сохранения и охранения культуры Пушкин — первый учитель.

Я совсем не хочу сказать, что консерватизм есть первое, абсолютное и непреходящее начало. Я говорю лишь о требовании сегодняшнего дня и в сегодняшних условиях. Впрочем, как раз скоропреходящая судьба и нынешнее положение таких явлений, как, например постмодернизм, да и в целом весь андерграунд, подтверждают насущность этих требований.

Нынешние декларации о необходимости возвращения к базовым ценностям звучат как заявления об ответственности и обязательствах государства. Если угодно, об опеке. И речь не просто о финансовых вливаниях. Более того, *в условиях рынка государство тем сильнее и разумнее должно озаботиться охранением столпов культуры*. Недаром даже в знаменитой программе «500 дней» был введен особый отдел «нерыночный сектор», куда прежде всего попала сфера культуры, в которой авторы программы настаивали на «неснижении уровня государственной поддержки».

Однако это в свою очередь чревато для культуры некими угрозами. Государство — вещь страшная. Но не более, чем его отсутствие. Боюсь, что мы, в свое время до тошноты перекормленные сказками

о государстве рае, утратили иммунитет страха перед адом безгосударственности. И только сейчас он возвращается. Пока что необходимость государственной опеки над основными базовыми институтами культурной жизни и — одновременно — стремление избежать тотального государственного вмешательства в ее внутреннюю жизнь — противоречие, которое, очевидно, будет определять у нас развитие культуры в более или менее обозримом времени.

Но и сохранение, и восстановление столпов культуры прямо связано с наличием ценностного ряда. Собственно, *культ*, даже по сути, есть первое условие культуры. Разрушение самого иерархического ряда в ней есть разрушение культуры вообще. Но если культы — первое условие культуры, то истинность культов, а не лжекультов — второе. Ценность всякой культуры, безусловно, определяется присутствующей в ней культурой ценностей.

Конечно, так было всегда. В свое время даже некоторые серьезные критики провозглашали первым поэтом России Пушкина, а первым ее прозаиком... Булгарина. Недаром гоголевский поручик Пирогов хвалил Пушкина, Булгарина и Греча и говорил с *презрением и остроумными колкостями* об Александре Анфимовиче Орлове, то есть о писателе совсем уж низов. А Пирогов, так сказать, средний литературный обыватель. Да что поручик Пирогов. Уже в начале 30-х годов XIX века вполне культурное, даже элитное «Общество любителей Российской словесности» производило в свои почетные члены, как было печатно объявлено, «корофеев нашей словесности Пушкина и Булгарина» — акция, приведшая Пушкина в ярость. Так что так было всегда. И сейчас сплошь и рядом вполне средненького писателя или поэта вдруг могут объявить классиком или даже «живым классиком».

Но никогда еще, пожалуй, такая смятенность ценностных рядов, такое нарушение иерархии не имели таких масштабов, не достигали таких объемов и не были столь губительны, как сейчас. Характерно и столь частое стремление театра, телевидения, кино в работе с классикой, например, перевести ее в другой ценностный ряд: сделать из трагедии фарс, из драмы — мелодраму, из комедии — оперетку. Примеры из другой и, так сказать, более легкомысленной сферы: настоящий эстрадный звездопад на современной сцене. Трудно даже представить такую сосредоточенность безголосицы, отпетых пошляков, такое скопление бездарностей, постоянно объявляемых «звездами». Ведь и термин уже есть: не *поиск* талантов, а *раскрутка*, которая в свою очередь прямо — и публично — определяется количеством вложенных денег. Назвал же один критик нашу эстраду —

нашим национальным позором. Хотя, конечно, и там есть одаренные люди. И какое же идет постоянное свертывание набекрень молодых мозгов, какое их промывание. И, навсрное, речь совсем не о староверческом брюзжании по поводу тех или иных вкусов и предпочтений. Дело гораздо сложнее и страшнее.

Восстановление иерархической шкалы ценностей — одна из важнейших задач культурной жизни сегодня, имеющая существеннейшее значение в деле восстановления ценностного ряда в нашей жизни вообще. Нельзя не сказать здесь и о важнейшей сейчас и в этом отношении роли церкви, которая сохранила истинную иерархию как для царства кесаря, так и для царства духа и, наконец, для дела соотнесения двух этих иерархических рядов.

И снова счастье, что у нас есть Пушкин как уникальное явление человеческой культуры, как абсолютное начало чувства меры, в котором когда-то Лев Толстой увидел чуть ли не главную его особенность. С восстановлением и укреплением ценностного ряда, подлинной иерархии связано и еще одно важнейшее современное обстоятельство даже не в жизни, а для жизни культуры в разных ее сферах. Особенно у нас и именно сегодня. Она действительно нуждается в опеке. Не всегда и обязательно государственной.

Все это приобретает особое значение в нашей сегодняшней жизни и в связи с колоссальным распространением того, что можно было бы назвать полукulturой по аналогии с полунаукой — явление именно нового времени, отмеченное еще Достоевским, и с тех пор получившее широчайшее распространение, в частности, и за счет того, что теперь называют СМИ.

Все это связано и с такими явлениями в области культуры, как массовое и народное. Опять-таки понятия не новые, но сейчас получающие особое звучание и современное выражение. К тому же сама категория массового приобретает особый поворот в условиях возможностей, которые открывает то же телевидение — могучее орудие массового и моментального воздействия на человека и которое не снилось тому же печатному станку. Но это о средствах воздействия. А теперь о качестве воздействующего.

Следует, очевидно, иметь в виду, что в культуре могут иметь место явления массовые и народные, массовые, но не народные, наконец, народные, но не массовые. Начала живой активности, народного творчества, духовной производительности народа и нации, а не духовного потребления только, потребилки, которая уже даже в силу убивающей нас пассивности оборачивается, наконец, бездуховностью или даже антидуховностью — вот, грубо говоря, та грань, которая разводит народную культуру и так называемую

«массовую культуру». Понимая под массовостью уже не степень распространения, а особое качество, принесенное обществом потребления.

Давно утверждается — да так оно и есть — что тот же пушкинский «Борис Годунов» есть *народная трагедия*. Но есть там одна примечательная авторская ремарка, на которую, кажется, не обращено внимания: «народ несется толпой».

Народ может быть *народом*, попечителем, хранителем и выразителем творческого духовного начала, а может обернуться *толпой*. Это отсутствие духовности, эта стадность — вот примета искусства массового, не народного, а толпного. В условиях тотального воздействия того же массового телевидения *народ* действительно может *понестись толпой*. И вспомним — по какой-то, на первый взгляд, парадоксальной, но, в конце концов, видимо, объяснимой логике в трагическом 1993 году толпа понеслась прежде всего громить Останкино как, может быть, главного своего врага. Здесь есть над чем задуматься не только в сфере политики, но именно в сфере культуры. Со всем этим связан и чрезвычайно важный для современного состояния культуры вопрос — о ее этизированнойности — особенно острый у нас и для нас — хотя и всеобщий.

Когда-то Владимир Соловьев определял суть человеческого общества; его связь со всем живущим миром и отличие от всего животного мира. Первое он увидел в сострадании, а второе — в стыде. Стыд — вот что отличает человека от животного. И если мы, пусть даже не абсолютизируя, учтем эту позицию, то вынуждены будем констатировать стремительный процесс расчеловечивания. Процесс — заметим — всеобщий. «Пробил час отказа от стыда в Европе», — констатирует западный автор.

У нас бесстыдство стало процессом тотальным, всезахватывающим, уже почти не прикрываемым — даже лицемерно. И именно в культуре. А ведь еще в конце 70-х годов XIX века Щедрин, мечтавший о *тоске проснувшегося стыда*, писал: «Большинство даже людей так называемой культуры просто без стыда живет. Пробуждение стыда есть в настоящее время благодарная тема для литературных разработок».

С тех пор актуальность темы и для общекультурных разработок здорово подросла, а практическая их ценность очень повысилась. Именно практическая. Тот же до ужаса лишенный иллюзий Щедрин писал: «Стыд — хорошее здоровое чувство — при случае может быть рекомендован в качестве целесообразного практического средства. Нужно, чтобы возможно большее количество людей почувствовали стыд». Кажется, в нашей истории пришел этот самый

случай. Сошлюсь еще и на революционера, классика, не очень сейчас почитаемого. «Стыд — это уже своего рода революция» (К. Маркс). Может быть, следует, по Марксу, предпочесть такую революцию иным революциям и, может быть, предупредить такой революцией иные революции.

Никогда еще, наверное, не достигали таких размеров ложь и клевета при абсолютной безответственности, идущей от полной безнаказанности.

Между тем есть простые лекарства: не невнятные объяснения и мизерные штрафы по редким приговорам судов, а отлучение клеветника от экрана или печатной страницы. Наказывают же удалением за нарушение, за грубость и хамство, за нечестный прием футболиста или хоккеиста. Да уж и не о грубости речь. Возник термин — *телекиллер*. Вы можете представить даже при нынешнем, как говорят, беспределе положение, при котором вышедшего с автоматом на улицу и расстреливающего людей убийцу-киллера останавливают, немного журят, берут легкий штраф, а затем, не изымая автомата, отпускают продолжать убийства.

Вероятно, пусть временное, но *гласное* удаление за доказанную злонамеренную клевету с игрового поля стало бы действенным средством воспитания культуры в СМИ и борьбы за опороченную свободу слова, ибо и есть-то она только у имеющих доступ к информационным трубам, т. е., собственно, у их хозяев. Впрочем, не был ли прав Пушкин, скептически писавший: «Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая».

Можно и нужно говорить о неприятии многих сложившихся и насаждавшихся в свое время идеологом, действительно способных приводить и приводивших в отчаяние и бешенство. Но отказ от них повлек к иллюзиям о якобы возможной вообще деидеологизации и к освобождению от этики вообще. Деидеологизация обернулась деморализацией и завершилась аморализмом. Речь не о назидательности и морализаторстве (вспомним: романы Фаддея Булгарина назывались *нравственно-сатирическими*), но о восстановлении категорий *злое и доброе, хорошее и плохое, стыдное и бесстыдное*. Утрата этих категорий, понятий, мер и оценок, а она захватила культуру вообще и — что ужасно — образование, поведет к полной деградации, к тому, что и названо в нашем языке точным словом — *беспредел*.

Конечно же, всегда было и злое, и плохое, и бесстыдное, и неэтичное. Но не утрачивались критерии и определения того и другого, и третьего. Не внедрялось такого равнодушия к их различению. В этом все дело. Говорят и пишут о бесконечной череде насилий и убийств, например, на экранах и т. п. Но ведь в этом смысле нет

более жестокого драматурга, чем Шекспир: почти все пьесы на крови. Да и почти все великое «пятикнижье» Достоевского — серия детективов с убийствами и расследованиями. Но там — у Достоевского, Шекспира — это катастрофы и потрясения. Там отучают от убийства. Здесь к убийству приучают. Да и обучают тоже.

Есть, однако, в нашей жизни — и в культуре — последнего времени моменты, вселяющие надежду на возрождение солидарности, национального (не просто этнического) и человеческого единения. Я бы решился указать на два события — праздники двух последних лет: юбилей Пушкина и юбилей Победы. Они означили, что можно искать и нужно найти пункт культуры, ее основу, *почву*, говоря старым словом, или *структуру*, говоря новым, вокруг которой и на основе которой сошлись бы общие интересы, интересы всех — правых и левых, верхов и низов, богатых и бедных. То главное звено, борясь за которое мы спасем культуру, сохраним и разовьем ее как духовность и душевность. Это аккумулятор, который — уж в России, во всяком случае, — сводит к себе массу приводных ремней и тысячи разнообразных нитей: экономических, политических, бытовых, духовных и душевных.

Это язык.

«Язык — душа нации», — говорил Лев Толстой (а уж он знал толк и в том и в другом). В России особенно. И счастье, и драма нашего языка в том, что он язык межнационального общения. А это прямо связано и с особой интернациональной миссией нашего народа и нашей культуры. Она часто оборачивается наивным дурацким обезьянничаньем, будь то галломания начала XIX века или вестернизация конца XX. Но она — эта особенность у нас оборачивается и *всемирностью* пушкинского гения — *главным нашим*, как полагал Достоевский, *возвещением человечеству*.

Я не очень верю в безусловную спасительность закона о языке, особенно в запретительных и ограничивающих частях. Напомню, что Россия в свое время, скажем, на рубеже XVII—XVIII веков, пошла на решительную украинизацию русской жизни и русской культуры, ставшую для нее благодетельной. Думаю, что дерусификация украинской жизни и украинской культуры будут губительны прежде всего для украинской жизни и украинской культуры. Недавно такой деятель, как Олжас Сулейменов, сказал как о редчайшем благе о наличии единого языка для колоссального геополитического пространства. Это понимают и американцы: они, а не мы, берут на себя дело обучения русскому языку, например, на Украине или в Казахстане.

Не забудем: *дело отлучения от языка для нас равносильно отлучению от истории*. «Национальность проявляется в культурном творчестве, — писал С. Булгаков. — Культуру не следует, конечно, отождествлять с новейшей образованностью, ибо культурное творчество изначальнее и древнее ее. Самое могучее орудие культуры, в котором отпечатывается душа национальности, есть язык (недаром по-славянски «язык» прямо и обозначает народ..). В языке мы имеем неисчерпаемую сокровищницу возможностей культуры».

Культура — разнообразный и многоликий процесс. Есть в ней — и немало — настоящие герои и подвижники. Часто, в отличие от заполнявших экраны и страницы культовых и мифологизированных фигур, люди как раз неведомые, но главные. Движение и само даже существование культуры требуют ответственности и самоотдачи каждого причастного. Когда-то Гете, сравнивая со старыми мастерами деятелей новейшего времени, говорил, что последние подходят, приступая к делу, «по человечески расслабленными, артистически беспомощными и полагают, что у них что-то получится». Речь идет прежде всего о создании самих себя, о высоте своего духа как условию делания культуры. Поэтому начнем с себя. Ибо, говоря словами того же великого немца, «надо чем-то быть, чтобы что-то сделать».

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Есть только один путь глубоко и всесторонне понять сложные и порой противоречивые процессы современного этапа развития российской культуры — это обратиться к ее истокам, к тому периоду истории, когда складывались основы российского государства, и следовательно — российской культуры.

Ленинградская область обладает бесценными памятниками прошлого. Только поставленных на государственную охрану недвижимых исторических объектов у нас насчитывается свыше 4500! В большинстве они уникальны, подобных нигде больше не встретишь. Сохранившиеся здесь города, крепости, монастыри — одни из древнейших в Российском государстве.

Приневско-Ладожский край — это еще и богатейшее этнокультурное наследие, соединившее в себе традиции, культуру, обычаи самых разных народов, населивших эти земли в разные времена и оставивших свой след в судьбе Ленинградской области.

Жемчужина края — Старая Ладога (бывший город Ладога) — в 2003 году отмечает 1250 лет своего существования. Город возник на перекрестке международных торговых путей и играл когда-то столь значительную роль экономического, торгового и культурного центра, что по праву стал древней столицей Северной Руси. Расположившаяся на пути «из варяг в греки», соединившем Русь, Скандинавию, Центральную и Западную Европу с Востоком, древняя Ладога была прообразом городов будущей единой Европы, ведь создавалась она усилиями многих народов: славян, скандинавов, финно-угров. Здесь же закладывались основы древнерусской государственности. В Ладогу в 862 году был приглашен княжить Рюрик. При преемнике Рюрика князе Олеге, прозванном Вещим, Ладожская крепость стала важным опорным пунктом Русского государства.

Удивительное совпадение юбилеев Санкт-Петербурга и Старой Ладоги, которые в 2003 году отмечают соответственно 300 и 1250 лет своей истории, не так уж случайно. Без древней столицы

Северной Руси, утвердившей здесь русское присутствие, не было бы столичного Санкт-Петербурга, закрепившего навечно значение Невского края для жизни России. Ладога без преувеличения — исторический прообраз Санкт-Петербурга.

Памятники архитектуры и археологии уцелели в Старой Ладоге в поражающем изобилии — их более 160. В это число входят крепостные сооружения, храмы, колокольни, дома, амбары, часовни, древние городища и урочища, курганы и сопки, наконец, культурный слой древнего города.

Из века в век сохранялось и крепло назначение нашего края как защитника русских земель. Во времена Новгородской Республики, а затем Московского государства поднимались твердыни, охранявшие северные границы Руси. Города Ладога, Орешек, Корела, Тиверский Городок, Копорье, Ямгород, Ивангород были мощным оборонительным щитом, заслонявшим Русь от иноземных вторжений. Мы и сегодня можем восхищаться мощью и красотой сохранившихся почти полностью или частично крепостей XII—XV веков, Ладоги, Копорья, Корелы, Ямгорода, Орешка, Ивангорода. Созданные руками умелых мастеров они являют собой бесценный источник нашего восхищения.

Не ставим своей целью даже кратко охарактеризовать исторические города и крепости ленинградской земли. Это культурное богатство национального масштаба остается фактически невостребованным, малоизвестным или просто забытым. Архитектурные сооружения этих городов вызывают о их сбережении и восстановлении. Сходное положение сложилось и в ряде других мест России.

Особое место занимают бесценные архитектурные и художественные сокровища — монастыри и храмы, большинство из которых требуют реставрации: Рождествено-Богородичный Коневецкий монастырь, Александро-Свирский Троицкий и Преображенский, Введено-Оятский Островской, Троицкий Антониев-Дымский, Троицкий Зеленецкий, Никольский и Успенский Ладожские, Тихвинский Успенский; храмы Ивангорода, Шлиссельбурга, Новой Ладоги, Выборга, Кингисеппа, Дятлиц, Гатчины и других городов и поселков Ленинградской области.

Важно было бы узаконить государственно-церковные институты в деле спасения и реставрации тех или иных исторических и культурных объектов. Некоторые ценные культовые сооружения находятся в совместном использовании церкви и государства, поэтому необходима договорная мера ответственности за их содержание и сохранение.

Учет исторических памятников следует дополнить обозначением их балансовой стоимости. Думается, что следует более настойчиво выдвигать памятники Отечества, достойные включения в список объектов мировой ценности.

Приневские земли всегда были стратегически важным пересечением международных торговых путей. Это прекрасно осознавал и великий российский реформатор Петр I, продолжавший начатую его предшественниками практику утверждения России на этих землях. Отвовав в ходе Северной войны старинную новгородскую крепость Орешек (Шлиссельбург), затем шведскую крепость Ниеншанц на Охте, Петр I смог заложить новый форпост на Неве — Петропавловскую крепость, давшую начало великому Санкт-Петербургу. Понимая, сколь велика ценность сотрудничества, а не войны с соседями, Петр I, если так можно выразиться, прорубил здесь «окно в Европу», вернув приладожским и приневским землям былое значение первостепенного международного экономического, политического и торгового региона.

В XVIII—XIX веках приневские и приладожские земли становятся центром развития российской науки и технической мысли. Начало этому было положено строительством при Петре I Ладужских каналов. Традиция возведения уникальных гидротехнических сооружений продолжалась уже в XX веке работами по проектированию и строительству Волховской и Свирских ГЭС. На этих землях создавалось фарфоровое, стекольное производство, появлялись первые в России крупные заводы, игравшие роль испытательных центров европейского значения.

Большое строительство на территории нынешней Ленинградской области велось в петровское и последующие времена, особенно в период возникновения и роста Санкт-Петербурга. Рождением городов Новая Ладога, Лодейное Поле мы обязаны Петру I, который не мыслил России без флота.

Вокруг Петербурга строились роскошные царские резиденции. Старинная архитектура в сочетании с красотой северной природы образует совершенные художественные ансамбли.

Помимо роскошных дворцово-парковых ансамблей, на территории Ленинградской области сохранилось немало «камерных», более скромных дворянских усадеб. В них соединилось множество образов различных искусств: архитектуры, паркового искусства, живописи, скульптуры, поэзии, музыки, театра. Притягательны ансамбли бывших уездных городов.

С ленинградской землей связаны имена многих деятелей отечественной литературы, искусства, науки. Одни здесь родились,

другие только работали, некоторые приезжали на отдых. Тихвин — родина Н. А. Римского-Корсакова, в Гатчине родились художник-пейзажист Ф. А. Васильев и композитор М. М. Ипполитов-Иванов, долго жил и работал А. И. Куприн. Окрестности Гатчины ассоциируются с предками А. С. Пушкина — Ганнибалами. В Рождествене было имение родителей В. В. Набокова. Старая Ладога — «Мекка» русских художников. Выборг — это Ф. П. Толстой, Н. И. Костомаров, М. И. Глинка, В. Ф. Одоевский, А. А. Ахматова. Много ездил по Петербургской губернии и жил в пригородах Санкт-Петербурга Н. М. Карамзин. До наших дней сохранились архитектурные творения В. Ф. Бренна и В. И. Баженова, А. Ринальди и Н. А. Львова, А. Д. Захарова и Р. И. Кузьмина, А. П. Брюллова и П. К. Клодта.

Отечественное культурное наследие, которое подвергалось неоднократным сокрушительным ударам, ныне вновь переживает кризис. В результате наше общество несет невосполнимые нравственные, материальные, научные, просветительские и, думаю, политические потери. Укоренился остаточный принцип выделения средств на развитие культуры. Охрана памятников пришла в упадок, их реставрация во многих местах заброшена из-за отсутствия необходимых средств. Работники библиотек, архивов, музеев, учителя, архитекторы-реставраторы, наконец, ученые придавлены нищетой. «Второстепенность» культуры, ее заброшенность и финансовое оскудение приводят к деградации общества, углубляют бездуховность народа.

Набатный колокол в защиту культурного достояния звучит все тревожнее, все громче и настойчивей. Приходит новая оценка российского наследия как фактора национальной и общемировой духовности. Было время бросать камни, настало ли — их собирать? Без коллективных усилий общества и поддержки государства не обойтись. Здесь только сами себе можем помочь.

Вполне актуальным сегодня на государственном уровне уделить должное внимание возрождению забытых традиций России. Нам нужен день, в который все россияне (и соотечественники вне территории России) смогут услышать, прочесть и вспомнить имена тех, кто сделал достойный вклад в дело объединения народов России на почве взаимного уважения, духовного согласия — во имя достойной жизни народов нашей Родины. Нам нужен день поклонения священным реликвиям национальной истории. Этот день должен соединить всю историю российских народов. Он должен взлелеять в душе человека зерна добра, сострадания и любви.

Духовные богатства необходимо сохранить. Все требует бережного внимания: и фольклорная песня и костюм, и храм, и крепость.

Правительство Ленинградской области заинтересовано в том, чтобы великое наследие предков смогли увидеть и оценить наши потомки. Мы хотим, чтобы для будущих поколений не утратились характер и значение Приневско-Ладожского края в истории России, его вклад в развитие мировой истории и культуры.

Самое важное сегодня, конечно, финансовая и законодательная поддержка работ по возрождению и сохранению культурного богатства Ленинградской области. С этой целью в Правительстве Ленинградской области приняты и действуют законы, постановления, охраняющие и поддерживающие не только культурное, историческое и архитектурное наследие, но и людей, подвижнически отдающих все свое время сохранению бесценных богатств края.

Одна из приоритетных задач Правительства области — помочь возрождению памятников истории и архитектуры. Среди них — музейный комплекс Старой Ладogi, историко-архитектурный комплекс Ивангорода, шедевр средневекового зодчества — Тихвинский Успенский Богородицкий монастырь.

Правительством и Законодательным собранием области предпринимаются все меры, чтобы к 2003 году были восстановлены исторические, архитектурные и археологические объекты Старо-ладожского музея-заповедника. Мы заинтересованы в том, чтобы Старая Ладога возродилась как важный экскурсионный объект. С этой целью Координационный совет по туризму, в работе которого принимают участие представители администрации и муниципальных образований области, а также заинтересованные руководители туристических компаний, уже подготовил целый ряд предложений по превращению музейного комплекса Старой Ладogi в один из самых посещаемых экскурсионных объектов Ленинградской области. Со своей стороны руководство области оказывает посильную финансовую помощь в восстановлении объектов древнего города (специальная статья финансирования Старой Ладogi есть в областном бюджете) и патронирует интересы музея на федеральном уровне.

На ленинградской земле сложился уникальный комплекс памятников художественной и технической культуры, который в миниатюре отражает историю всей коренной России от возникновения государственности до наших дней. Наша задача сохранить его для последующих поколений. Это подразумевает не только реставрацию и восстановление памятников материальной культуры, но и возрождение духовности. Это не возможно без воспитания в людях любви к Родине и чувства гордости за свою землю.

АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕНЕССАНС

Проблема Ренессанса применительно к русской культуре неоднократно оказывалась предметом обсуждения. О явлениях проторенессансного характера в культуре средневековой Руси писали Д. В. Айналов, Б. Михайловский, Б. Пуришев, М. Алексеев, А. Рогов и другие.¹ Наличие Предвозрождения в русской культуре отстаивал Д. С. Лихачев, правда, в основном на материале литературы.² Не вступая в очередной раз в полемику по этому вопросу, отметим, что сама постановка проблемы и положительный ответ на заключенный в ней вопрос представляются нам сомнительными. «Возрождение» или «Предвозрождение», по нашему мнению, это не просто «подъем» или «расцвет» культуры. Эти понятия мы связываем с определенным историко-художественным качеством, которое воплощается в типе культуры и ее стиле. Отдельные элементы культуры обретают свою подлинную содержательность лишь в целостном сцеплении и взаимопроникновении. Сопоставление культур по сходству отдельных элементов представляется малопродуктивным. Схождение культур на основе сходства отдельных черт, явлений, форм должно апробироваться сопоставлением принципов, определяющих жизнеспособность культуры в конкретных исторических условиях, цементирующих ее как единство и функционально ориентирующих ее отдельные элементы на осуществление целого.

Отказываясь видеть черты ренессансности в русской средневековой культуре, мы, тем не менее, склонны задаться вопросом, почему развитие в ренессансном направлении оказалось невозможным. При таком подходе становится актуальным не столько надуманный вопрос о Возрождении или Предвозрождении, а уяснение особенностей русской культуры в те моменты истории, когда развитие в ренессансном направлении, казалось бы, имело благоприятную перспективу.

Одна из таких возможностей для древнерусской культуры возникла в конце XV—начале XVI в., когда в Москве работала боль-

шая группа итальянских мастеров, прежде всего, архитекторов. Архитектурный материал позволяет наглядно убедиться в характере взаимодействия двух культурных традиций, предвосхищая постановку проблему ренессансности.

Вызов мастеров — всегда событие для местной культуры. В процессе взаимодействия выявляются потребности местной культуры, степень ее устойчивости, пределы заимствования «чужого», способность его переработать и сделать «своим». Не менее важна и подоплека вызова мастеров, как и последствия их деятельности для местной культуры. Об этом и пойдет речь в настоящих заметках³.

В истории русской культуры вызов иноземных художников явление довольно частное. Но для нашей темы показательны, так сказать, «большие» вызовы, связанные с ключевыми моментами в истории культуры. Обращение к услугам иностранных мастеров — всегда следствие решаемой задачи, ее масштабности. Два примера «большого» вызова в ключевые моменты русской истории и культуры: приглашение князем Владимиром византийских мастеров сразу после крещения Руси в конце X века и сонмище иностранных художников в России при Петре I, когда на принципиально новой основе реформировались все стороны русской жизни.

И в том и в другом случае сознанием реформатора владеет идея слома традиционной культуры. Это вполне осознанная цель и последовательно решаемая задача. Одно из средств, которым она осуществляется — призыв иностранных мастеров самых разнообразных специальностей. «Слом» культуры нагляднее всего обнаруживается в зодчестве, прежде всего, культовом. На смену языческим святилищам в конце X века приходят христианские храмы — сооружения ничего общего не имеющие с культовыми постройками предшествующей эпохи. Петропавловский собор в Санкт-Петербурге зримо противостоит храмам древнерусского периода не деталями, а всем архитектурным существом. Иным становится объемно-пространственный организм, меняется типологическая основа здания.

Последствия деятельности иностранных строителей могут иметь и совершенно иной характер. Так было при владими́ро-суздальском князе Андрее Боголюбском в 60-е гг. XII века, когда присланные Фридрихом Барбароссой ломбардские мастера совместно с русскими зодчими осуществляют большую строительную программу в столице княжества — г. Владимире. При этом следует подчеркнуть, что цели князя-заказчика весьма высоки, но не радикальны. Он действует в пределах традиционной культуры, утверждая престиж владими́ро-суздальского княжества и тем самым свой собственный.

Каков главный результат строительной деятельности в этот период? Отметим, прежде всего, новое, более высокое художественное качество архитектуры, ее резко повысившуюся эстетическую эффективность. При этом архитектурная типология остается неизменной. Новое качество достигается за счет внутреннего ресурса архитектурной системы, за счет побуждения ее к полной самоотдаче традиционными, а также новыми техническими и художественными (имеется в виду в основном декор) средствами. По сравнению с предшествующим периодом каменное строительство довольно резко интенсифицируется, меняется его масштаб. Обновляется язык архитектуры, но без отбрасывания старых, традиционных форм и приемов. Строительство ведется около 7 лет, но его импульс, постепенно замирая, прослеживается в последующем строительстве не только домонгольского, но и послемонгольского периода. Прежние новации становятся привычными, «своими» и воспринимаются в дальнейшем как опознавательный знак владими́ро-сузда́льского зодчества.

Итак, в данном случае мы имеем дело с иными результатами, чем в конце X или начале XVIII в. Заказчик решает локальную задачу, в его намерениях и в деятельности его строителей отсутствует стремление к изменению основополагающих принципов культуры. Архитектурная система остается неизменной. Она лишь обогащается за счет новых технических приемов и декоративных форм, обретая более высокое художественное качество.

Еще более выразительным предстает взаимодействие двух культур при великом князе Иване III в конце XV—начале XVI в. Осуществляется грандиозная перестройка военно-оборонительных, гражданских и культовых построек Московского Кремля. Один за другим, а то и целыми группами, приезжают в столицу мастера из Италии, в основном строители. Вся последняя четверть XV и начало XVI вв. проходит под знаком активнейшего участия итальянских зодчих в строительных начинаниях не только Москвы, но и других русских городов. Не 7 лет, как при Андрее Боголюбском, а около четырех десятилетий, т. е. значительно дольше, чем при Петре I, продолжается своего рода — итальянская «инъекция» в русскую культуру и, прежде всего, архитектуру. Сорок лет непрерывного контакта, строительной практики, в которую оказались вовлеченными русские заказчики, зодчие и каменщики, ремесленники смежных профессий. Эту впечатляющую длительность контакта необходимо учитывать при оценке результатов и последствий деятельности итальянцев, сказавшихся в русском зодчестве XVI в.

При Андрее Боголюбском в контакт вступили две культуры, которые принадлежали средневековой эпохе. Среди мастеров, пригла-

шенных Иваном III, были такие сильные индивидуальности, как Фиораванти и такие, чей творческий почерк трудно уловим; приезжали мастера ярко ренессансного склада, такие как Алевиз Новый (Алевизе Ламберти да Монтаньяна?) и тяготевшие к поздней готике, — такие как Солари, но в целом можно считать, что это была генерация деятелей нового типа, представлявших в основном ренессансную культуру. Это делало контакт двух культур более сложным, а для русской, как культуры воспринимающей, испытанием на устойчивость традиционных принципов, проверкой на возможную предрасположенность к развитию в ренессансном направлении. Было ли это принципиально для русского заказчика? Весьма маловероятно. Не новаторство и прогрессивность творческих принципов того или иного зодчего интересовали заказчика, а его инженерно-техническое мастерство, умение надежно строить и эффектно украшать. Вызов мастеров носил характер не художественного запроса, а определялся сугубо практическими, утилитарными потребностями заказчика. Допуская ренессансные принципы и формы, древнерусский заказчик рассматривал их поэтому или с точки зрения целесообразности и пользы, как это было в оборонном зодчестве, или же видел в них безвредное украшательство, не затрагивавшее ни его религиозных ценностей, ни эстетических вкусов.

Отметим предшествовавшие вызову итальянских строителей некоторые характерные обстоятельства, показывающие специфику запроса русских заказчиков:

1. Поводом для первого из известных нам вызовов (приглашение Аристотеля Фиораванти) послужила строительная катастрофа, приключившаяся в 1474 г. с московским Успенским собором. Местные зодчие — Кривцов и Мышкин — обнаружили свою явную несостоятельность. Вызванные к руинам здания в качестве экспертов зодчие из Пскова продолжать строительство отказались. Тогда и было направлено посольство в Италию с целью найма архитектора, способного завершить возведение собора. Совершенно определенно, что повод для вызова итальянского зодчего был чисто технический. Архитектурная программа строительства главного храма столицы была давно разработана — образцом для зодчих был указан Успенский собор во Владимире. Не недостатки программы, а невозможность осуществить ее силами местных зодчих побудила русского заказчика воспользоваться услугами иностранного строителя. Иначе говоря, не художественные потребности вынудили московского заказчика обратить взоры на ренессансную Италию. Ренессансный запрос с самого начала отсутствовал, ибо решалась сугубо техническая задача.

2. Вероятнее всего способ решения этой задачи был подсказан женой Ивана III Софьей Палеолог, незадолго до того прибывшей в Москву из Италии и, несомненно, хорошо ориентировавшейся в культурной жизни этой страны. Греческая принцесса, долгое время проживавшая в Италии, нашла идеальный выход для разрешения названной технической проблемы. Однако Софья Палеолог не была органически связана с культурой русского общества и вряд ли может считаться выразительницей его духовных потребностей.

3. Хотя начало контактов с Италией нельзя отнести к разряду исторических случайностей, но их внутренний импульс со стороны русских назвать ренессансным нельзя. В нашем распоряжении нет ни одного свидетельства, из которого бы можно заключить о специальном интересе Москвы именно к ренессансному искусству и культуре. Главная задача, которую ставил перед своими послами великий князь — найти мастеров — специалистов, прежде всего, строительного профиля. Отчетливо прослеживается мотивация вне художественного порядка, спрос на техническое мастерство, а не на ценности итальянской духовной культуры, тем более ренессансной.

4. Характерен состав приглашавшихся в Москву итальянских мастеров. Это, как уже отмечалось, прежде всего, строители, резчики по камню, но среди них не было живописцев и скульпторов. А именно в сфере этих искусств принципиальные свершения итальянского Ренессанса особенно показательны, как явления новой культурной формации. Потребность в мастерах этих видов искусства со стороны русских оказалась по существу равной нулю. Оознавательные знаки иной, чуждой русскому сознанию, католической и, что особенно важно, светской, т. е. ренессансной культуры, в этих видах искусства выразились особенно резко.

Русская живопись этого периода носила совершенно иной характер. Показателем духовных устремлений этого времени является творчество Дионисия. Изощенный спиритуалист, мастер обобщенной линейной формы и плоского цветового пятна, Дионисий был полной противоположностью итальянским живописцам конца XV—начала XVI вв. Все это представляется симптоматичным. Целенаправленный вызов только строителей и специалистов прикладных профессий показывает, что Москва решала грандиозную, но в общем контексте культуры, локальную задачу, придерживаясь традиционных ценностей и, допуская новации в пределах, которые не затрагивали основополагающих принципов культуры восточно-христианского типа.

Две постройки итальянских зодчих дают представление о взаимоотношении принципов древнерусской и итальянской архитектуры

конца XV—начала XVI вв. Это Успенский собор, построенный болонским зодчим и инженером Аристотелем Фиораванти в 1475—1479 гг. и возведенный там же, в Кремле, Архангельский собор (1505—1508), строителем которого был Алевиз Новый, которого предположительно идентифицируют с Алевизом Ламберти да Монтаньяна, скульптором, работавшим в Италии в конце XV в.⁴

При постройке Успенского собора Фиораванти, как и его русские предшественники Кривцов и Мышкин, должен был считаться с волей заказчика, твердо ориентировавшего итальянца на местные образцы. Это не значит, что Фиораванти жестко следовал непосредственному образцу, Успенскому собору во Владимире, которому он при осмотре дал высокую оценку, признав работой итальянских зодчих. Московский храм получился другим. Об этом свидетельствует план, весьма далекий от решения Владимирского собора 1185—1189 гг., характер внутреннего пространства, оригинальный облик алтарной части, расстановка глав, отсутствие хор и т. д. Проект Фиораванти не был подражанием какому-либо определенному образцу. В нем на ренессансной основе с поразительным тактом синтезированы наиболее характерные формы древнерусского зодчества. План шестистопного здания следует традиционной древнерусской схеме, но в ее пределах Фиораванти находит такое решение, в котором проявляется не только индивидуальный почерк зодчего, но и его определенно ренессансное происхождение. Мерная разбивка плана на одинаковые ячейки напомнила летописцу зальные постройки гражданского назначения («палатный образ»). Производными от особенностей плана являются и другие особенности здания — равномерное членение фасадов, одинаковая высота закомар, использование редких для древнерусского зодчества крестовых сводов. На первый взгляд, в архитектуре собора нет ничего ренессансного. Фиораванти полностью отказался от привнесения форм, чуждых древнерусскому зодчеству. Ничто в облике храма не могло раздражать ревнивый взгляд приверженца традиций и ненавистника всякого рода «латинства». Задача Фиораванти до известной степени облегчалась тем, что ренессансная и древнерусская архитектура при всех принципиальных различиях были схожи в одном: предпочитали каменному каркасу готического типа сплошной массив стены и объем как основное средство формирования композиции и создания художественного образа.

И все же ренессансный почерк зодчего проявился вполне определенно, но заключался не в новых формах, а в принципах организации традиционных элементов. Постройку словно пронизывает дух ясности и строгого рационализма, столь присущий архитектуре раннего

Возрождения. Отмеченная летописью работа «в правило и кружало», т. е. по циркулю и линейке, была лишь частностью, в которой проявился аналитический склад архитектурного мышления зодчего. Опираясь на чуждые формы, он осмысливает их на основе своего главного творческого принципа и создает органическое целое, в котором традиционные формы полностью раскрывают свои потенциальные возможности и «работают» с предельным художественным направлением.

Великокняжеский дворец в Кремле, сохранившийся лишь в нижних частях, был, вероятно, самой ренессансной постройкой Москвы. По свидетельству его строителя Алоизио да Карезано, за образец был взят один из дворцов Милана. Светское и военно-оборонное зодчество оказалось более восприимчивым к ренессансным новациям. В этой сфере целесообразность тех или иных нововведений легче прокладывала дорогу, ибо не затрачивала столь непосредственно, как в культовом строительстве, ценностей религиозного характера.

Важнейшей особенностью Архангельского собора, построенного венецианцем Алевизом Новым в 1505—1508 гг., явился ордерный принцип, взятый за основу решения фасадов. При этом объемно-пространственная композиция здания и его конструктивная система оказались гораздо более традиционными, нежели в Успенском соборе Фиораванти. В Архангельском соборе скрестились две художественные традиции — средневековая (древнерусская) и ренессансная, две художественные воли — русского заказчика, предопределившая тип сооружения, традиционализм объемно-пространственного решения, и ренессансного мастера, чей почерк проявился в декоре, словно наложенном на стену древнерусского здания. Ордерная система декора предстает здесь в завершенном виде — случай уникальный в истории древнерусского зодчества.

Гибкость архитектурной мысли Фиораванти сказалась в том, что свой художественный замысел он сумел изложить на родном языке заказчика. Зодчий же Архангельского собора пытается «говорить» сразу на двух языках и это отражается на качестве «изложения», равнозначного эклектике. Одновременно следует отдать должное строителю Архангельского собора — он совершил внушительный прорыв, явив в решении фасадов законченное целое — ордерную систему, которую для древнерусского зодчества можно считать своего рода откровением ренессансного мышления. И то, как этой архитектурной системой распорядились зодчие XVI в., стало ответом на вопрос о возможной предрасположенности русской культуры к развитию в ренессансном направлении.

Одновременно с итальянцами в Москве работали и местные зодчие, а также мастера, приглашенные из Пскова. Воздействие на их творчество итальянских приемов и форм, их отбор и интерпретация носят весьма специфический и в целом ограниченный характер. Механизм взаимодействия двух архитектурных систем можно представить в трех формах. Во-первых, в форме прямого общения русских строителей с итальянцами непосредственно на строительной площадке. Так было при строительстве Успенского собора, о чем упоминает летописец. Показательно, что особое внимание москвичей привлекали новые технические приемы, использовавшиеся Фиораванти, хотя отмечен и метод работы над построением формы — «в кружало да в правило»⁵, т. е. по циркулю и линейке. В какой мере такие наблюдения усваивались русскими мастерами и переносились в строительную практику судить можно лишь с учетом другой формы взаимодействия, которая осуществлялась через заимствование и истолкование местными зодчими форм построек, возведенных итальянцами.

Следы такого воздействия находим в архитектуре городских и монастырских храмов XVI в., в постройках шатрового типа, посадских и усадебных храмов. Особенно большое влияние на архитектуру XVI в. оказал Успенский собор Фиораванти. С оглядкой на прославленный московский храм строили в Москве, Новгороде, Суздале, Ростове, Вологде и других городах. Напрасно было бы в этих сооружениях искать подражания главному принципу, положенному в основу московского собора. Но именно в нем и заключалось собственно ренессансное содержание.

В XVI в. древнерусские зодчие неоднократно обращались к алевизовским приемам оформления фасадов. В декоре многих храмов традиционного типа, а также в постройках нового для XVI в. облика, таких как церкви Вознесения в Коломенском, Преображения в Острове, Иоанна Предтечи в Дьякове, Покрова на Рву в Москве и других, в различных сочетаниях с местными формами встречаются и элементы итальянского происхождения: карнизы, пилястры, филенки, круглые окна, раковины и т. д. Преобладающей тенденцией является использование отдельных элементов ордера вне объединяющей их системы, отказ от пластической формы в пользу графической выразительности, использование элементов ренессансного типа в качестве декоративной накладки. Неизменной остается объемно-пространственная система храма.

Характерный для итальянской архитектуры рационализм, воплощением которого была ордерная система, не мог быть воспринят русскими зодчими во всей глубине его внутреннего содержания.

Ренессансные формы были носителями не просто технических новшеств, но прежде всего нового гуманистического содержания. Их подлинная сущность ускользала от древнерусских зодчих и заказчиков. Отбор и усвоение элементов итальянской культуры осуществлялся в соответствии с внутренними потребностями русской культуры, глубоко средневековой по своей сути.

Еще одна форма восприятия и переработки русскими зодчими итальянского материала обнаруживается в таких своеобразных постройках XVI в., как церковь Иоанна Предтечи в Дьякове и Покрова на Рву в Москве. Особенности планировки этих храмов не могут получить удовлетворительного объяснения, если исходить из контекста местного зодчества.

Как известно, архитектурная мысль Ренессанса активно разрабатывала проблему центрально-купольного храма. Один из первых набросков такого типа здания имеется в трактате Антонио Аверлино. Это так называемый «храм в городе» — центрическая композиция, представляющая в плане квадрат с 4-мя пространственными компартиментами, диагонально расположенными по отношению к центральному. Такой же по типу план имеется в одной из книг более позднего трактата Серлио. Если иметь в виду только принцип построения плана, то сколько-нибудь значительной разницы между этими планами и планами дяковского храма практически нет. В том же трактате Аверлино имеется план идеального города — Сфорцинды, в основе построения которого два наложенных квадрата, оси которых расположены по отношению друг к другу под углом 45°. Среди архитектурных набросков Леонардо та же идея использована для плана центрально-купольного здания. Вряд ли можно считать случайностью, что план собора Покрова на Рву (Василия Блаженного) построен на основе того же принципа.

Зодчие, приезжавшие в Москву из Италии, конечно, были в курсе современных архитектурных идей. С полным основанием можно допустить, что каждый из отправлявшихся в далекую Россию архитекторов имел в своем багаже рукописные и графические материалы, возможно, руководства по архитектуре и инженерному делу. В конце XV—первой половине XVI вв. такие материалы могли откладываться в архивах, непосредственно попадать в руки местных зодчих и таким образом оказывать воздействие на строительную практику.

При составлении плана Покровского собора зодчие Барма и Постник сумели убедить заказчика строительства — царя Ивана IV — в необходимости скорректировать первоначальный замысел и вместо восьми разместить девять церквей на одном основании. Тем самым план собора был приведен в соответствие с тем принципом,

который представлен упоминавшимися рисунками Аверлино и Леонардо. Речь не идет, разумеется, о следовании именно этим конкретным материалам. Имеется в виду принцип, широко представленный в теоретических разработках и практике итальянской архитектуры. Это тем более вероятно, что в летописи имеется известие о «различных образцах и многих переводах», использованных при строительстве Покровского собора. Под образцами имеются в виду, конечно, постройки, предшествующие Покровскому собору, в частности, церковь Вознесения в Коломенском. Термин же «перевод», как свидетельствует И. И. Срезневский, многозначен. В XVI в. встречается его употребление в значении «рукопись». Применительно же к зодчеству допустимо понимать под «переводом» архитектурный рисунок, чертеж. Вполне возможно, что, решая проблему размещения первоначальных восьми объемов на едином основании, Барма и Постник обращались и к архитектурным материалам итальянского происхождения. Любой из планов указанного типа мог подсказать идею девятого столпа. Реальные очертания итальянского «перевода» оказались в неразделимом сплаве с другими «образцами» и «переводами» и лишь с трудом улавливаются в плане осуществленной постройки.

Воздействие «итальянского наследия» на русское зодчество XVI в. было в высшей степени значительным, но не ренессансным. Это был мощный толчок к развитию с обновлением технической базы, конструктивных приемов и декоративных форм. Иной, более высокой, стала культура строительства, заметно обогатился, сделался более разнообразным язык зодчества. В XVI в. каменное строительство обрело невиданный размах и интенсивность. Несравнимы с XV веком территориальный диапазон и темпы развития каменной архитектуры. Все ее стороны обретают новые качественные характеристики (масштабность замыслов, внушительность образного решения, арсенал технических и художественных средств зодчих) и повсюду, хотя и по-разному, проявляется позитивная роль итальянской составляющей. Однако ренессансные по своему происхождению архитектурные новации в контексте древнерусского зодчества XVI в. обретали совсем иной историко-художественный смысл. Общая тенденция развития зодчества состояла не в усвоении итальянских образцов в их сокровенной ренессансной сущности, а в ее преодолении и выхолащивании. Крайне сомнительна сама узнаваемость новых форм как ренессансных. Они воспринимались, надо полагать, в иной, чем ныне, системе смысловых координат. В них видели техническое совершенство, затейливое мастерство, красивую декоративную форму, но собственно ренессансный, ясный для нас, смысл не был востребован.

В этой связи представляется сомнительным ставить вопрос даже об элементах Возрождения в древнерусской культуре, подчеркивая, так сказать, ее хотя и ограниченную, но все же ренессансность. Такие понятия как «Античность», «Средневековье», «Ренессанс» кристаллизуют в себе не просто сумму признаков, а органичное единство, в котором отдельные элементы объединяются особым принципом связи. Ренессансные по происхождению элементы на русской почве становились составляющими другой историко-художественной целостности, по отношению к которой понятия «Предвозрождение» и «Возрождение», как выработанные для обозначения специфических свойств другой по типу культуры, теряют смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Айдалов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; он же. Византийская живопись XIV в. Пг., 1917. Михайловский Б., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV и до начала XVIII в. М—Л., 1941; Рогов А. И. Было ли русское Возрождение? М., 1971. Булкин В. А., Петров М. Т. Критико-историографические заметки к проблеме Восточного Ренессанса. — Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 2. Изд-во ЛГУ, 1982.

² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973; он же. Предвозрождение на Руси в конце XIV—первой половине XV века. — Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967 и др. работы.

³ Об этих проблемах в ст.: Булкин В. А. Итальянизм в древнерусском зодчестве конца XV—XVI веков. — Вестник Ленинградского университета. № 20, 1973. С. 59—66; он же. О церкви Вознесения в Коломенском. — Культура и искусство Древней Руси. Л., 1974. С. 113—116. Подъяпольский С. С. Венецианские истоки архитектуры московского Архангельского собора — Древнерусское искусство. М., 1975. С. 252—279; он же. «О деятельности Алевиза Нового в России. — Древнерусское искусство. М., 1993. С. 170—193; он же. Итальянские строительные мастера в России в конце XV—начале XVI вв. — Реставрация и архитектурная археология. М., 1991. С. 218—233.

⁴ Булкин В. А. Итальянизмы... С. 60.

⁵ ПСРЛ, т. VI, с. 200.

ОРЕЛ НАД МУЗЕЕМ

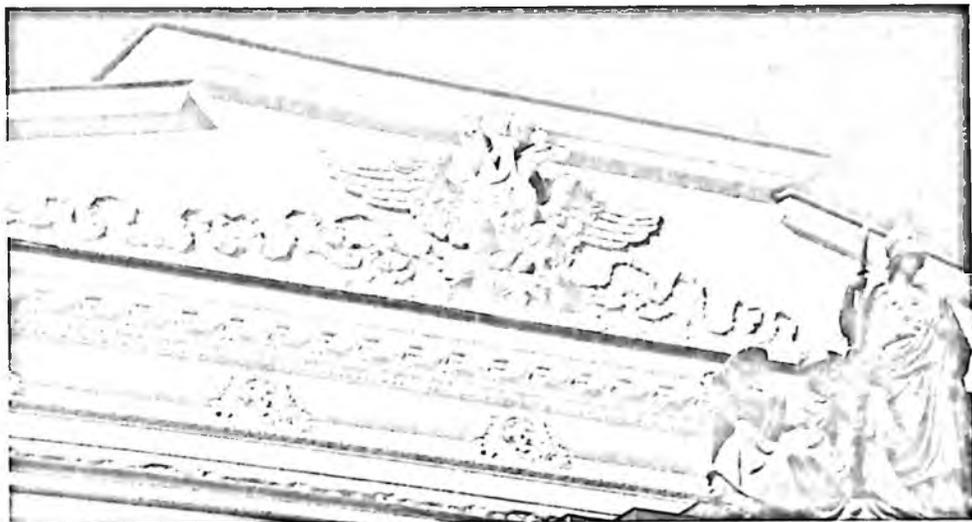
Подготовка к 300-летию юбилею нашего Великого города в буквальном смысле возродила к жизни, вернула из небытия уникальные архитектурные элементы зданий блистательной северной столицы.

Более года продолжалась тщательно подготовленная реставрация фасадов зданий Российского этнографического музея. Завершение этих работ, которые были регламентированы в специальном перечне Президента Российской Федерации, ознаменовалось установкой лепного российского двуглавого орла на фронте Главного здания музея со стороны площади Искусств.

Таким образом, была поставлена даже не точка, а скорее восклицательный знак в трудной работе реставраторов всех специальностей — архитекторов, инженеров, каменщиков, штукатуров, скульпторов, металлистов.

Гигантский символ величия и державности России с размахом крыльев в шесть метров и высотой в три метра «взлетел» через сто лет без малого во второй раз на свое место на фронте Главного здания Российского этнографического музея, фасад которого, многие элементы архитектуры и декора были отреставрированы к 300-летию города.

Газета «Новое время» от 3 июля 1904 года в разделе «Хроника» сообщила читателям: «Работы по сооружению этнографического музея быстро продвигаются вперед. По размерам музей этнографии будет одним из выдающихся зданий столицы. . . Здание музея строится на сваях, так как иначе грунт не выдержал бы тяжести этого колоссального сооружения из гранита и мрамора. Из вестибюля широкая лестница будет вести прямо в Александровский зал вышиною в два этажа, со стеклянной крышей и с 40 колоннами из олонечского мрамора, украшенными бронзовыми капителями. По стенам зала протянутся огромные горельефы в 40 саж. длиной и 2 арш. 10 верш. вышиной. Горельефы изображают типы всех народов, населяющих Россию. Над горельефами работает скульптор Харламов. Против входа в Зал будет установлена мраморная статуя Императора

Здание Российского этнографического музея

Александра III, исполненная М. М. Антокольским. Центральный зал будут окружать многочисленные залы, заключающие в себе богатейшие этнографические коллекции».

Совершенно естественно, что двуглавый орел, древний герб России, увенчал величественное и самое современное, по тем временам, музейное здание.

С момента начала строительства здания велись специальные журналы Высочайше утвержденной строительной комиссии. И вот в журнале № 27 Заседания № 143 от 9 июля 1909 года: «. . . Доложено заявление скульптора Н. А. Попова об исполнении им декоративно-скульптурных работ на фасадах зданий». А в дневнике строительства ровно через месяц 9 августа 1909 года отмечено, что скульптор Н. А. Попов закончил из цемента двуглавого орла на фронте Памятного отдела (Портик Главного здания). Орел был водружен на фронтон в окружении лепных венков и лент.

Очевидно, символ государственности Российской империи был уничтожен одновременно с величественным памятником Александру III в Мраморном зале (Памятном отделе) в апреле 1918 года в соответствии с Декретом Совета народных комиссаров «О памятниках Республики».

В конце XX века вновь провернулось колесо истории и двуглавый орел вернул себе исторические прерогативы.

Было принято решение — в ряду реставрационных работ — восстановить символ державности и важнейший элемент архитектурного декора Главного здания музея.

Это ответственное задание было поручено известной в Санкт-Петербурге реставрационной фирме «Пикалов и сын», одобрено КГИОП и Министерством культуры Российской Федерации.

Не будем останавливаться на сложнейших нюансах процесса воссоздания скульптуры орла — работе над историческими фотографиями, альбомами, пластилиновыми и глиняными формами — всей той кропотливой многогранной работе скульптора, которой потом люди отдадут должное десятки и сотни лет.

Но обязательно отметим, что фигура орла была воссоздана творческим и производственным коллективом во главе со скульптором Сергеем Васильевичем Васильевым.

В прошлом 2002 году Российскому этнографическому музею исполнилось 100 лет, и в год 300-летия Санкт-Петербурга ему был возвращен двуглавый орел, как знак уважения и мудрости прожитых вместе с Россией лет.

**«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВСЕЙ РОССИИ»
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИЛЛЮСТРАЦИЯ»
(1845—1847 годы)**

Художественный еженедельный журнал «Иллюстрация»¹ был заметным явлением в культурной жизни России конца 40-х годов XIX века. Это издание — еженедельные субботние тетради — выходило в Петербурге с марта 1845 года² до начала 1849 года³. С марта 1845 до марта 1847 редактором «Иллюстрации» был Нестор Кукольник. С апреля 1847 года редакцию возглавил Александр Башуцкий. На страницах журнала публиковались художественные произведения, статьи по истории, литературе, музыке, театральному искусству. В журнале сотрудничали известные литераторы: Николай Полевой, граф Владимир Соллогуб, Константин Кавелин. Владимир Даль публиковал в «Иллюстрации» материалы, собранные им для «Толкового словаря живого великорусского языка» и «Пословиц русского народа». В журнале постоянно помещались рецензии на художественные выставки, давались сведения о выходящих книгах. Специалисты всегда признавали значение «Иллюстрации» в деле распространения отечественной литературы и художественной критики⁴. К сожалению, время издания журнала оказалось не слишком продолжительным. Он выходил менее 5 лет и прекратил существование из-за финансовых трудностей. Но положительные начинания «Иллюстрации» и опубликованные на ее страницах материалы заслуживают внимания и изучения. О литературной части «Иллюстрации» упоминали, анализируя деятельность редакторов Н. Кукольника и А. Башуцкого⁵, художественная же часть журнала выпала из поля зрения исследователей. Между тем «Иллюстрация» изначально имела продуманную программу декоративно-художественного оформления. Основу этой программы составляло широкое использование гравюры на дереве, как главной для журнала техники иллюстрации. На страницах журнала ксилография получила поддержку как активно развивающаяся печатная техника, чрезвычайно органичная для полиграфического производства. Вокруг редакции были собраны лучшие мастера ксилографии России: К. Клодт, Г. Дерикер,

Рис. 1. Вид двух крепостей в Нарве

барон Неттельгорст, Е. Бернадский, Б. Грейм, Д. Дунин, а впоследствии Г. Гогенфельден и Л. Серяков. Они выполняли для журнала основную часть гравюр-иллюстраций.

В рекламном проспекте (еще до выхода первого номера) Нестор Кукольник как редактор знакомил будущих читателей с литературной и художественной программой журнала: «<...> у нас — слово будет душой, а гравюра — телом. Наше издание будет слито из двух этих стихий нераздельных». Так что одинаковая важность литературной и художественной частей журнала предполагалась заранее. В редакционной статье, открывающей первый номер «Иллюстрации» (от 31 марта 1845 года) объявлялось, что главная задача издания — «<...> описание России <...> в подвигах и трудах замечательных соотечественников, в нравах и обычаях народа»⁶. В развитии этой задачи в третьем номере журнала (от 14 апреля 1845 года) появился раздел «Путешествие по всей России». «Всегда было нашей мечтою совершить путешествие по безмерному Царству, занимающему <...> седьмую часть земли нашей Планеты»⁷, — сообщала редакция во вступлении перед новым разделом. Именно «Иллюстрация» стала первым художественным журналом, который задался благородной целью знакомить русских читателей с неизвестными областями огромной страны, сопровождая литературные тексты иллюстрациями отечественных художников, выполненных специально для этих

текстов⁸. Для первого путешествия была выбрана Нарва, «мало известная не только отдельным провинциям, но и в Петербурге»⁹. Очерк Петра Фурмана (сотрудника журнала) о Нарве, ее истории, жителях, романтических городских преданиях печатался в двух номерах (№ 3, 4) и сопровождался иллюстрациями: «Вид двух крепостей в Нарве» (рис. 1) и «Нарвский водопад». Их с рисунков П. Фурмана гравировал для журнала Константин Карлович Клодт. Деревянные гравюры-политипажи занимали одну треть каждой страницы. Умело вкомпанованные в текст, состоящий из трех столбцов набора, гравюры придавали всей странице декоративный вид и создавали особый стиль оформления «Иллюстрации». Из-за большого объема иллюстраций не все гравюры были поручены отечественным художникам. Часть видовых гравюр для раздела «Путешествие...» редакция заказала в Париже, но возникли сложности с их доставкой. «С первым пароходом мы ожидаем гравюр, исполненных в Париже по рисункам Е. Мейера и других русских художников. Виды Павловска, Финляндии и южного поморья Балтийского моря уже в дороге, другие гравированы и будут присланы в течение настоящей навигации»¹⁰, — так объясняла долгое отсутствие в журнале новых статей к «Путешествию по всей России» редакция. Следующую статью раздела смогли напечатать только в № 26 (от 6 октября 1845 года). Журнал предлагал читателям продолжить путешествие по Эстонии почти с того же места, где оно было прервано.

После Нарвы читатель знакомился со столицей Эстляндии Ревелем и его окрестностями (Гапсель). Гравированные в Париже с рисунков выпускника Академии художеств Егора Мейера эстонские виды представляли почти неизвестные основной части населения «Замок Вайсенберг», «Развалины монастыря святой Бригитты», «Гапсаль» и внутренний вид церкви св. Николая в Ревеле. Дальнейший маршрут «Путешествия по России» проходил, как и обещала редакция, по северо-западным областям страны. В очерке «Из путевых записок» (№ 29 от 27 октября 1845 года) рассказывалось о Новгороде, его истории, достопримечательностях; кроме того, читатель мог узнать и о лечебных заведениях Старой Руссы. Очерк иллюстрировали гравюры, выполненные с рисунков Мейера: «Лечебное заведение в Старой Руссе» (рис. 2), «Мост через Волхов в Новгороде», (рис. 3), «Собор святой Софии», «Благовещенский монастырь в Новгороде». Для большинства читателей «Иллюстрации» это была возможность впервые увидеть неизвестные памятники архитектуры. Четкие, хорошо отпечатанные гравюры были расположены по две на листе, гармонично сочетались с набором и делали страницу журнала весьма живописной. Далее, в № 33 (от 24 ноября 1845 года), рисунок

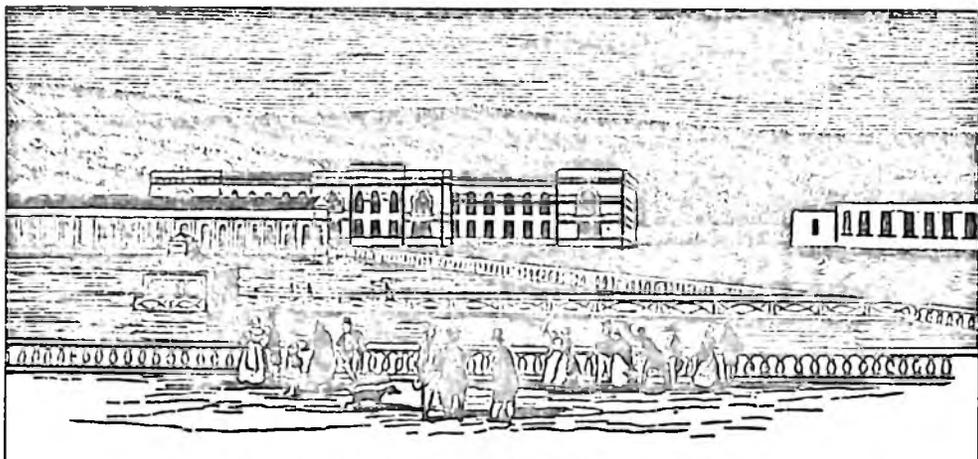

Рис. 2. Лечебное заведение в Старой Руссе

Рис. 3. Мост через Волхов в Новгороде

Мейера сопровождал статью «Иматра» — поэтический рассказ об одном из самых красивых мест Финляндии.

Редакция старалась, по возможности, не разделять текст и изображения, печатать их одновременно. Но иллюстрации-политипажи, особенно те из них, которые гравировали в Париже, поступали в редакцию нерегулярно, часто после выхода литературного текста, для которого они были заказаны. Тогда гравюры размещались в ближайшем номере с пояснениями редакции. Так, в № 34 (от 1 декабря), были напечатаны виды Иркутска и Витебска и забавная жанровая

сцена на фоне вулкана — «Вид на Камчатке», совершенная экзотика для читателя журнала. Рассказы об этих местах были без иллюстраций помещены в предыдущем номере.

Во второй год издания журнала «Путешествия по всей России» были продолжены. Раздел включали в выходящие номера почти регулярно. В 1846 году редакция решила познакомить читателей с южной частью Империи и поместила в №№ 20 и 21 «Очерки Малороссии» Николая Сементовского¹¹. В «Очерках...» специально для журнала было подробно рассказано об одном из знаменитых городов Малороссии — Полтаве, ее истории, нравах и обычаях жителей. Оба «Очерка» сопровождались видами основных достопримечательностей города: «Церковь Нерукотворного образа» (№ 20), «Полтавская могила» (№ 21), «Общий вид города» (№ 20). Далее, следуя принципу разнообразия, в № 28 (от 3 августа) в разделе «Путешествие...» «Иллюстрация» опять вернулась на север, в столицу, и посвятила очерк Петровскому Петербургу. Это был первый подобный рассказ для широкого круга читателей. Очерк сопровождали три иллюстрации: «Зимний дом Петра Великого в Петербурге», «Неизвестный дом времен Петра Великого в Петербурге» и «Триумфальные ворота на Неве в 1714 году». Все были гравированы специально для журнала с изображений петровского времени.

В новом 1847 году редакция приступила к воплощению своего самого масштабного проекта в разделе «Путешествие по всей России» — описанию Тавриды. С небольшими перерывами очерки «Таврида» выходили с № 2 по 11. Николай Сементовский, автор очерков, постарался подробно и разнообразно рассказать о Крыме, полуострове знаменитом, таящем в своей истории много загадок, и удовлетворить живой интерес разных категорий читателей. «Очарованный дивною разнообразностью местности, я забываюсь и воображаю, что гляжу на волшебное стекло, в котором, как цветы и рисунки в калейдоскопе, с каждым мгновением, при малейшем движении являются мне новые виды»¹², — так определил принцип повествования автор «Тавриды». Художественное оформление очерков «Таврида» на страницах «Иллюстрации» также соответствовало принципу мгновенной сменяемости изображений. Как в калейдоскопе мелькали на страницах «Алушта. Вид на мечеть», «Набережная в Керчи», «Дом князя Воронцова в Алушке», «Бахчисарай. Ханский дворец», «Памятник Керим-Гереею», «Сад в Бахчисарае», «Гора Аюдаг», «Федосия», «Памятник подвигу Казарского», «Водопад в Крыму». Гравюры были разнообразно размещены и по одной, и по три на страницах с живописной асимметричностью. Большую часть гравюр выполнил Д. Дунин, несколько — Леонтий Серяков и Георгий

Гогенфельден. Иллюстрации давали самое полное представление о разнообразной природе Тавриды, ее древних и современных памятниках, создавали эффект присутствия. Чтобы читатель в литературном путешествии по знойному югу не забывал о родном севере, в номерах «Иллюстрации» одновременно с «Тавридой» (с № 3) публиковались очерки об одном из самых романтических пригородов Петербурга — Ораниенбауме. Неторопливо, с удовольствием «Ораниенбаумский сторожил» — так называл себя автор очерков — знакомил читателей не только с хорошо известными местами «Катальная гора» (№ 4), «Фрейлинский флигель» (№ 5), «Въездные ворота» (№ 5) (рис. 4), но и с редко посещаемыми уголками: «Кладбище в Ораниенбауме» (№ 4), «Лютеранская церковь» (№ 5). Кроме того, не были обойдены вниманием и ближайшие окрестности: «Дача князя Дундукова—Корсакова на Ораниенбаумской дороге» (№ 6). Публикуя одновременно в разделе «Путешествие по всей России» очерки о хорошо знакомом пригороде Петербурга и рассказы о южных областях, сопровождая их одинаково подробными иллюстрациями, редакция журнала пробуждала у читателей заинтересованное отношение не только к территориям далеким, но и к местам хорошо знакомым.

№ 11 «Иллюстрации» (от 22 марта) стал последним, который редактировал Нестор Кукольник. Кукольник продал права на издание и отошел от дел журнала. В № 11 были помещены оставшиеся у старой редакции иллюстрации к «Путешествию по всей России», которые не вошли в предыдущие номера журнала: «Ивановский монастырь в Казани», «Коневец на Ладогe» (рис. 5), «Седоровский Городецкий монастырь Нижегородской губернии, в коем скончался князь Александр Невский».

С № 12 за 1847 год редакцию «Иллюстрации» возглавил Александр Башуцкий¹³. В редакционной статье говорилось о естественных внутренних переменах в журнале, «в названиях отделов, в размещении входящих в состав издания статей различного содержания и гравюр, которыми они будут украшены»¹⁴. Для «Иллюстрации» начался новый этап. Новый редактор энергично взялся за дело улучшения журнала. Журнал стали печатать на бумаге Невской фабрики, специально был заказан новый шрифт, отлитый словолитней Ревильона. И самое главное, к концу 1847 года стараниями Башуцкого при «Иллюстрации» было основано собственное гравировальное заведение. Серьезные изменения, затронувшие содержание журнала, коснулись и раздела о путешествиях. Тема путешествий не ушла со страниц «Иллюстрации», но после некоторых поисков новая редакция нашла другую ее форму изложения в журнале. Вместо одного

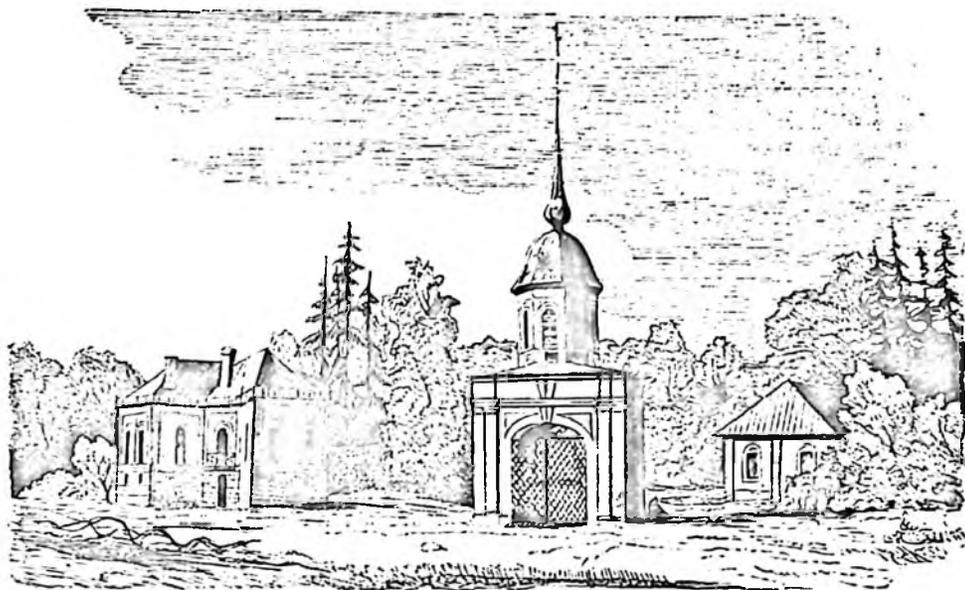

Рис. 4. Въездные ворота в Ораниенбаум

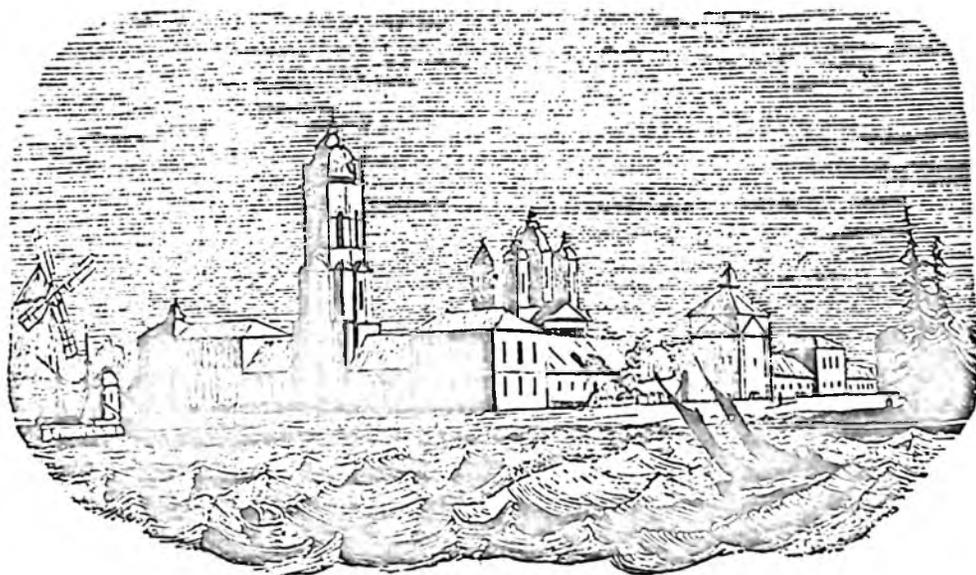

Рис. 5. Коневец на Ладогe

общего раздела «Путешествие по всей России» появились два: «Живописные путешествия» (с № 26 от 19 июля) и «Отечественное» (с № 27 от 26 июля), которые существенно отличались от раздела, созданного при Несторе Кукольнике.

Подводя итог, необходимо отметить, что на страницах журнала «Иллюстрация» тема путешествий по России была одной из основных. «Иллюстрация» первая из художественных журналов начала разрабатывать ее так подробно, привлекая для создания иллюстраций лучших мастеров ксилографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С № 1 за 1845 год до № 24 за 1847 год — «Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного»; с № 25 за 1847 — «Иллюстрация».

² Первый номер «Иллюстрации» вышел 31 марта 1845 года.

³ Выход «Иллюстрации» прекратился на № 3 за 1849 год.

⁴ *Нарышкина Н. А.* Художественная критика пушкинской поры. — Л.: 1987.

⁵ Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. А—Г.—М.: 1989. Т. 3. К—М.—М.: 1994.

⁶ Иллюстрация. Т. 1. 1845. № 1. С. 1.

⁷ Иллюстрация. Т. 1. 1845. № 3. С. 36.

⁸ Первый в России научно-популярный журнал с «географическим» разделом «Живописное обозрение» (издавался в Москве Августом Семеном с 1835 по 1844 год) — использовал приобретенные за границей гравюры-клише: иллюстрации из английских и французских журналов, которые печатал с новым текстом.

⁹ Иллюстрация. Т. 1. 1845. № 3. С. 36.

¹⁰ Иллюстрация. Т. 1. 1845. № 6.

¹¹ Сементовский Николай Максимович (1819—1879) — писатель; воспитанник Нежинского лицея, автор исторических романов и историко-археологических сочинений: «Киев и его достопримечательности» (Киев, 1852), «Запорожская рукопись о кладах» (Киев, 1856) и др. Был корреспондентом разных газет и журналов.

¹² Иллюстрация. Т. 4. 1847. № 2. С. 3.

¹³ Александр Павлович Башуцкий (11.04.1803—7.04.1876) — прозаик, публицист, журналист, издатель. В 1834 году предпринял издание «Панорамы Петербурга», оставшейся неоконченной. Был инициатором и составителем альбома «Наши, списанные с натуры русскими» (выпуск 1—14). — СПб.: 1841—1842 г.

¹⁴ Иллюстрация. Т. 4. 1847. № 12. С. 43.

**ЯРОСЛАВЛЬ И ОКРУГА.
АРХИТЕКТУРА И АРХЕОЛОГИЯ
(по материалам фотоархива ИИМК РАН)**

В фондах фотоархива Института истории материальной культуры за годы его существования накоплен огромный фотографический материал, связанный не только с археологическими исследованиями, но и с другими областями исторической науки. Широко представлена архитектура русских и зарубежных городов, начиная с середины XIX века. Среди всего этого многообразия фотодокументов хранятся и материалы, посвященные архитектуре и археологическому изучению г. Ярославля второй половины XIX—XX вв., которые насчитывают не менее 3000 негативов, отпечатков и открыток. Они содержатся в пяти фондах, поступивших от общественных организаций и учреждений, таких, как Императорская Археологическая Комиссия, Государственная Академия истории материальной культуры, Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, Библиотека Мраморного дворца, Комитет популяризации художественных изданий, и в одиннадцати личных фондах исследователей.

Особенно многочисленны фотографии архитектуры г. Ярославля. На них можно увидеть как общие виды города конца XIX—XX вв., так и снимки городских улиц, зданий гражданской архитектуры, в том числе и домов частных лиц. Материалы, отображающие памятники церковного зодчества, отличаются наибольшей тщательностью фиксации. Они включают в себя фотографии внешних видов храмов Ярославля, сделанных с разных ракурсов, а также различных архитектурных деталей, фрагментов внутреннего убранства, предметов церковной утвари, памятников монументальной живописи и икон; материалы, связанные с реставрацией некоторых церквей в дореволюционное и советское время (снимки чертежей, деталей стенописи и иконостасов). Всего на снимках и негативах из фондов фотоархива запечатлено около 30 памятников церковного зодчества г. Ярославля, снятых в разные годы, начиная с 80-х гг. XIX в. Наиболее ярко представлены Спасо-Преображенский монастырь, церкви Богоявления, Ильи Пророка, Иоанна Златоуста в Коровниках,

Успенский собор, 1899 г.
Фото В. М. Машикова

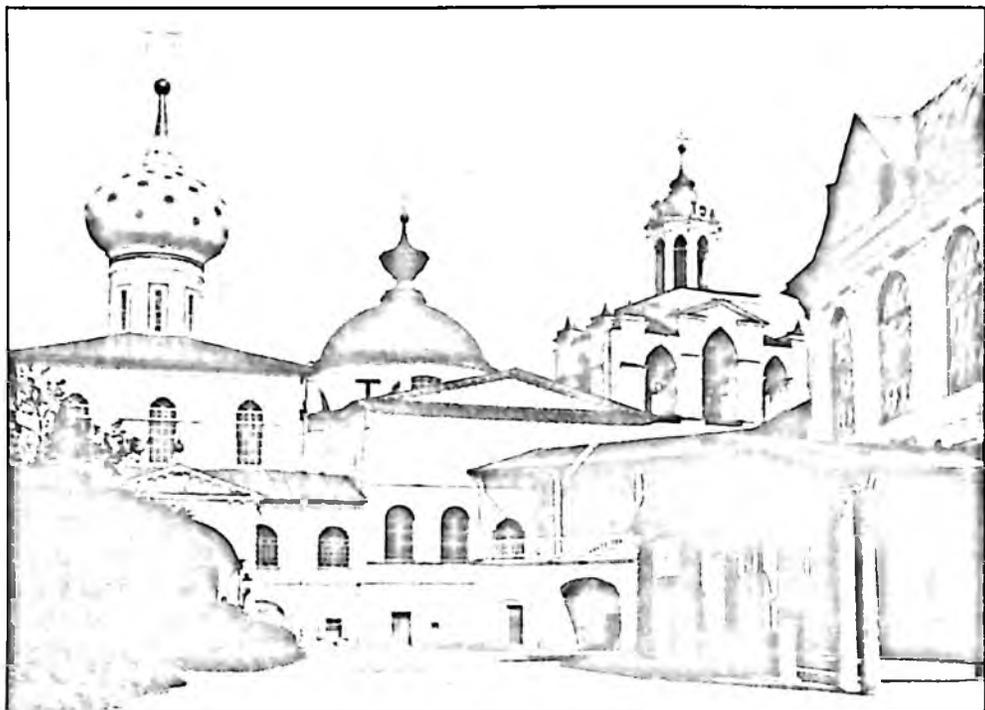
Иоанна Предтечи в Толчкове, Николы Мокрого, Николы Надеина, Петра и Павла, Рождества Христова. Фотоматериалы, посвященные архитектуре г. Ярославля, уникальны по своему художественному и историческому значению, так как дают возможность современным исследователям и реставраторам увидеть, как изменялся облик архитектурных памятников города на протяжении последней четверти XIX—XX вв., а также восстановить утраченные элементы.

К сожалению, до нашего времени не сохранились имена всех фотографов, сделавших эти фотографии, но некоторые известны. Первые фотосъемки по материалам фотоархива ИИМК РАН были произведены известным русским фотографом И. Ф. Барщевским, фотографом Русского Археологического Общества и Академии Художеств. На обороте фотоснимков из фондов фотоархива ИИМК РАН имеется отпечаток печати «Фотографъ Императорской Академии Художеств и Императорского Московского Археологического Общества И. Барщевскій». В 1877 г. И. Ф. Барщевский поселился в

Ростове-Ярославском и открыл там фотографическую портретную мастерскую. В это же время он увлекся археологией и начал пробовать силы в видовой фотографии. Им была выполнена серия снимков ростовских древностей, которая привлекла внимание исследователей русского зодчества¹. В 1882 г. И. Ф. Барщевский отправился в путешествие с целью фотографирования памятников архитектуры и древней художественной утвари в Ярославле и других старых городах России. При съемке памятника И. Ф. Барщевский производил серию снимков, следуя «от общего к частному»: общие виды, детали фасадов, внутреннее убранство и произведения прикладного искусства. Он самостоятельно выработал подобную методику съемки в 1880—1881 гг., работая в Ростове Великом и Ярославле. В Ярославле И. Ф. Барщевский жил с 1886 г. до конца девяностых годов XIX в., и в это время он активно занимался фотографированием архитектурных памятников города. Качество фотографий и негативов, выполненных И. Ф. Барщевским, из фондов фотоархива ИИМК РАН, несомненно, свидетельствует о высоком профессионализме фотографа.

На рубеже XIX—XX вв. в Ярославле снимал фотограф В. М. Машуков. Про него известно только то, что он занимался фотографическими работами с 1898 г. и позже в разных городах и губерниях России, Украины, Белоруссии, Сибири. Снимки В. М. Машукова, отображающие общие виды г. Ярославля и его архитектурные памятники, по материалам фотоархива ИИМК РАН датируются 1898—1902 гг.

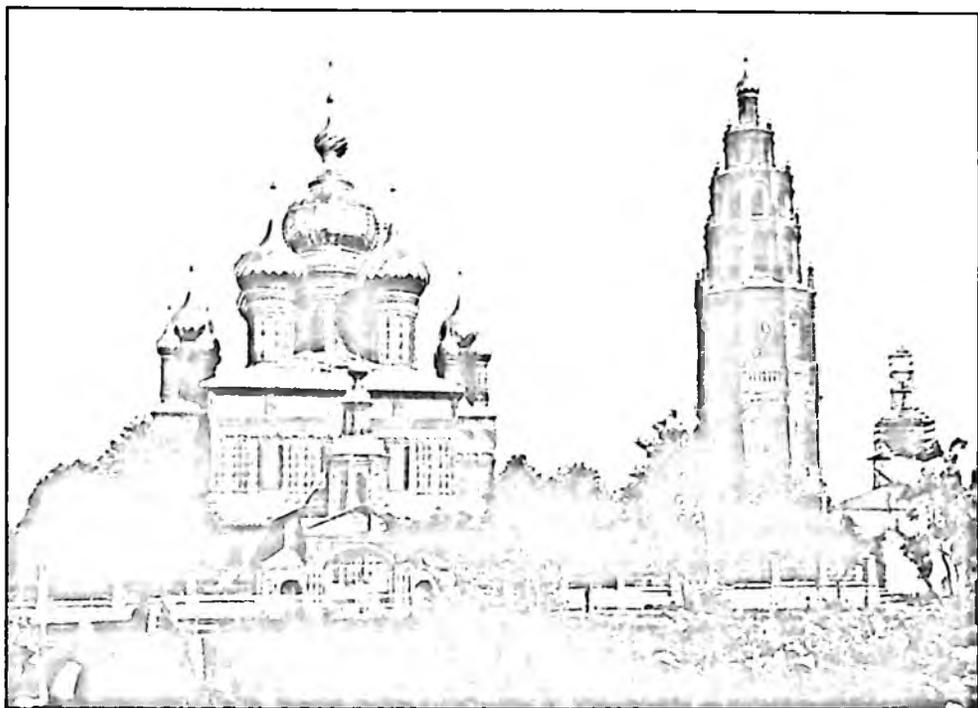
В начале XX в. фотосъемку церковной архитектуры Ярославля и предметов из Древнехранилища производил П. П. Покрышкин. Об этом свидетельствуют около 400 фотографий и негативов из фондов фотоархива. П. П. Покрышкин — один из основателей методов научной реставрации архитектуры. Он получил архитектурное образование в Академии Художеств, которую блестяще окончил в 1895 г. С этого же времени П. П. Покрышкин участвовал в работе экспедиций, организованных Императорской Археологической Комиссией. В 1902 г. он становится членом ИАК, где активно занимался исследованием архитектурных памятников России. В 1909 г. П. П. Покрышкин был удостоен звания академика архитектуры². В Археологической Комиссии он являлся постоянным участником специальных заседаний, где решались вопросы реставрации, ремонта и сохранения памятников зодчества; состоял сотрудником Отдела монументальных памятников, который возглавлял с 1918 г. до его упразднения в 1919 г. По заданию Императорской Археологической Комиссии П. П. Покрышкин неоднократно ездил в Ярославль и Ярославскую губернию для осмотра и предварительного обследо-

Спасо-Преображенский монастырь.
Фото В. М. Машукова, 1902 г.

Золотая бляха от диадемы с эмалевым
изображением богородицы. Случайная
находка близ г. Ярославля.
Фото И. Ф. Чистякова, 1901 г.

Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове.
Фото И. Ф. Чистякова, 1905 г.

ния церквей перед их ремонтом или реставрацией, а также с целью наблюдения за проводившимися работами.

Дореволюционные материалы, посвященные археологическому изучению Ярославля и его округи, представлены фотографиями находок, сделанных при раскопках Великосельского могильника и изображениями случайно найденных древностей. Все эти снимки выполнены И. Ф. Чистяковым, фотографом Императорской Археологической Комиссии. В 1890 г. И. Ф. Чистяков поступил работать сторожем в Императорскую Археологическую Комиссию, где под руководством члена Археологической Комиссии В. Г. Дружинина обучился фотографии. С 1894 г. он состоял фотографом ИАК до ее ликвидации. И. Ф. Чистяков работал также для Русского Археологического Общества в 1900—1903 гг., одновременно фотографировал для Эрмитажа, Русского музея, Академии наук и Академии Художеств³.

В фотоархиве более широко представлены материалы, связанные с археологическим изучением Ярославля и Ярославской обла-

сти в 1930—40-е гг. В эти годы уже сформировалась система пополнения фондов фотоархива, когда вся фотодокументация, освещающая работы экспедиций, проводимых Государственной Академией истории материальной культуры, передавалась в архив. Фотоматериалы, посвященные археологии г. Ярославля, отражают работы Ярославской экспедиции 1935 г. (нач. экспедиции П. Н. Третьяков), Верхневолжской экспедиции 1936—1938 гг. (нач. экспедиции П. Н. Третьяков), раскопки у с. Михайловское и у д. Тимирево в 1938—1939 гг. под руководством Я. В. Станкевич, исследования непосредственно на территории города, произведенные в 1940 г. Ярославской экспедицией (нач. экспедиции Н. Н. Воронин). На фотографиях можно увидеть общие виды археологических памятников, фотофиксацию процесса полевых работ, снимки индивидуальных находок, пересъемку чертежей. В общей сложности данные материалы составляют около 1000 негативов и отпечатков.

В заключение хотелось бы добавить, что фотографии, живо и ярко представляющие архитектуру г. Ярославля конца XIX—XX вв., являются частью огромного комплекса фотоматериалов, хранящихся в фотоархиве ИИМК РАН и отображающих все многообразие архитектурного наследия древнерусских городов. Фотодокументы по архитектуре и археологии Ярославля служат ценнейшим источником для изучения истории и культуры города и его округа, а также восстановления утраченных памятников, так как фотография в ряде случаев является уникальным носителем информации, которая нигде больше не сохранилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барановский. И. Ф. Барщевский (1851—1948). Некролог // КСИИМК. Вып. XXIV. 1948. С. 121—122.

² Медникова Е. Ю. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // Археологические вестн. № 4. СПб., 1995.

³ Личное дело И. Ф. Чистякова. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 733.

О РЕЛИКВАРНЫХ КРЕСТАХ ИЗ АЛЕКСАНДРО-СВИРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Вкладные и переписные книги богатого архива Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, сохранившегося во время полного разорения монастыря в 1920-е годы¹, подробно описывают монастырские храмы, находящиеся там многочисленные иконы, шитье и церковную утварь. Эти документы дают возможность представить богатое внутреннее убранство всех храмов монастыря, начиная с семнадцатого столетия, когда монастырь быстро восстанавливается после опустошительного литовского разорения 1612—1613 годов. К сожалению, во время страшного Литовского нашествия на монастырь, когда были разорены все храмы и убиты монахи, в пожаре погиб и весь монастырский архив.

В Русском музее хранится замечательное собрание памятников древнерусской живописи, шитья и декоративно-прикладного искусства Александро-Свирского монастыря², которое удалось спасти самоотверженным членам музейного фонда в 1920-е годы. Особая роль выпала на долю помощника хранителя художественного отдела Русского музея Алексея Петровича Смирнова, который был прекрасным специалистом и тонким знатоком древнерусского искусства. 19 января 1918 года он был командирован (сроком на две недели) «для учета памятников древнерусского искусства, эвакуированных в 1918 году из Александро-Свирского монастыря в Петрозаводск, а также в Александро-Свирский монастырь для обследования находящихся там музейных предметов древнерусского искусства»³. Усилиями Алексея Петровича Смирнова были привезены в Русский музей почти все эти произведения, судя по переписным книгам монастыря, самые древние и ценные в обширном монастырском собрании. Сейчас многие из них являются гордостью нашей коллекции древнерусского искусства, экспонируются на выставках в Русском музее и за рубежом.

К самым древним памятникам прикладного искусства из Александро-Свирского монастыря в собрании Русского музея относятся

два напрестольных креста XVI столетия, почитаемые в обители как драгоценные реликвии. Их удалось спасти монастырю во время страшного литовского разорения, и впоследствии в многочисленных монастырских переписных книгах они упоминаются первыми. Наиболее почитаемым в монастыре был большой серебряный позолоченный реликварный крест, выполненный в редкой для XVI столетия технике выемчатой эмали (рис. 1). В центре на фоне темно-синего Голгофского креста, стоящего на небольшой горе Голгофе с головой Адама, изображено Распятие с поясными фигурами предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова в небольших круглых медальонах. Все пространство верхнего перекрестия занимает круглый медальон с изображением шестикрылого херувима, знаменующего победное присутствие высших небесных сил, ниже надпись «РАСПЯТИЕ Г(ОСПОД)А // НАШЕГО И(ИСУ)СА Х(РИ)С(Т)А». По сторонам крестчатого нимба поникшей головы Христа на темно-синем фоне выделяются золотые буквы: «IC», «XC» (Иисус Христос). В подножии Голгофского креста (креста Искупления и Спасения) в центре нижнего косога перекрестия находится круглый медальон с поясным изображением святого Александра Свирского с благословляющим жестом и со свитком в левой руке. Крест, в целом, имеет хорошую сохранность, отдельные утраты эмали находятся на Голгофском кресте и фигуре Христа. Не сохранилась, к сожалению, жемчужная обнизь, положенная по краю вдоль всего креста, за исключением рукояти, видны лишь парные небольшие отверстия от креплений нити жемчуга. На темно-синем фоне рукояти выделяются золотые буквы многострочной вкладной надписи о создании креста повелением игумена Вениамина в марте 1576 года: «СИ КРЕСТЬ ЗДЕЛ//АНЪ ВО ОБИТЕ//ЛИ ЖИВОНАЧА//ЛНЫЯ ТРОИЦ//А И ПРЕПОДОБ//НАГО АЛЕКСА//НДРА СВЕРС//КАГО ЧЮДОТ//ВОРЦА ПРИ БЛАГОВЕРНО//МЪ ЦАРИ ВЕЛ//ИКОМЪ КН(Я)З//И ИВАНЕ ВАС//ИЛЕВИЧЕ ВС//ЕЯ РУСИ И ПР//И МИТРОПОЛ//ИТЕ АНТОНИЕ// ПОВЕЛЕНИЕМ//Ъ Р(А)БА БОЖИЯ И//ГУМЕНА ВЕНИ//ЯМИНА З БРА//ТИЕЮ ЛЕТА// ЗПД (7084) ГО(ДА) МАРТ». Продуманность и гармоничность общей композиции изображений, красивый выразительный рисунок фигур, разнообразие орнаментальных мотивов, сдержанность и изысканность цветовых сочетаний темно-синей, зеленой и бирюзовой эмали говорят о работе опытных талантливых мастеров. В обители существовало предание о том, что этот «благословящий крест Господень» был сделан мастерами-греками, сосланными в Александро-Свирский монастырь по повелению царя Ивана Грозного «преслушания ради, что мусиею (т. е. эмалью) писать русских людей никого не учили». На золотом фоне тыльной стороны креста (рис. 2) находятся

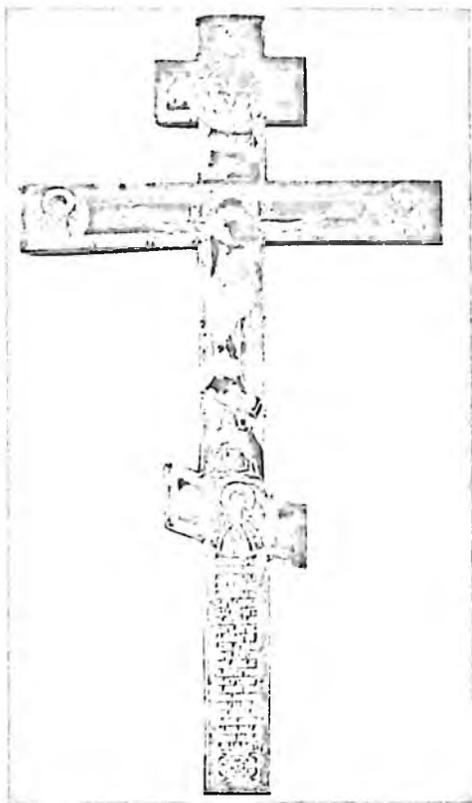

Рис. 1. Напрестольный реликварный крест 1576 года.
Происходит из Троицкого собора Александра-Свирского монастыря

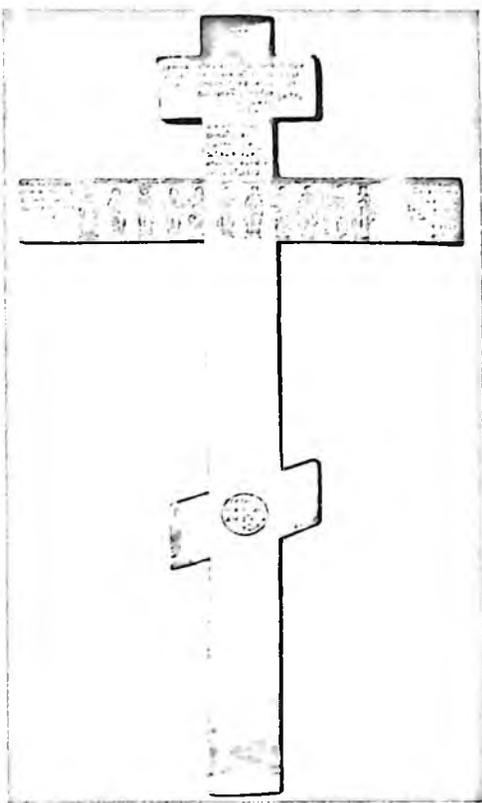

Рис. 2. Тыльная сторона креста 1576 года с надписями о находящихся в нем реликвиях и изображениями избранных святых

выполненные черной эмалью надписи о вложенных в него реликвиях и на длинной горизонтальной перекладине выполнены миниатюрные изображения избранных святых в рост: Григория Богослова, пророка Моисея, царя Давида, пророка Захария, Иоанна Предтечи, Дмитрия, Иакова Персиянина, архиепископа Никиты, преподобного Зосимы, царицы Елены и мученицы Варвары. В некоторых переписных книгах монастыря реликвии креста подробно перечисляются, все они, в основном, связаны со святыми местами Библейской истории: *«кровь Христова», «камень гроба Господня», «бумага что потирали кровь во Иерусалиме», «камень того места где Христос со апостолы молитву молвилъ Отче Нашъ», «плащаница Христова», «древо Тивериадского моря где Христос со апостолы рыбы*

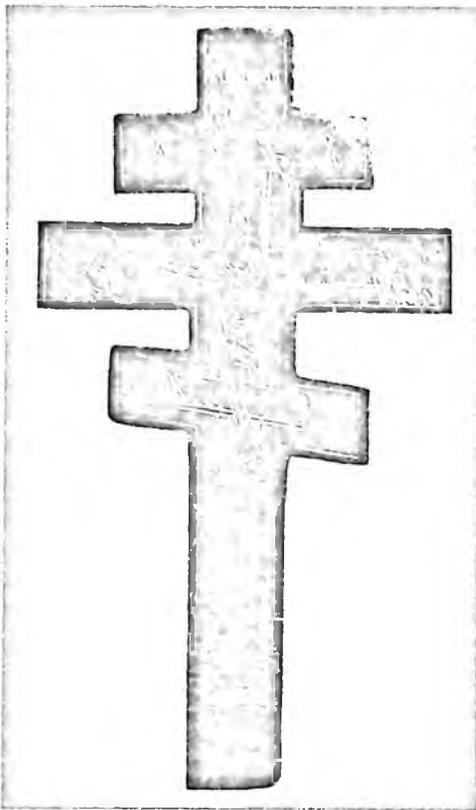

Рис. 3. Водосвятный реликварный крест 1592 года. Происходит из Троицкого собора Александра-Свирского монастыря

ловиль», «камень какъ Христось крестился во Иерданеи и на немъ седель», «камень дому Ивана Богослова», «камень того места где Июда Христа продал», «персть Иордана реки где Христось крестился», «камень горы Синайские где Моисей Пречистую видель в кутине». На месте нижнего перекрестия соответственно изображению на лицевой стороне преподобного Александра Свирского находится надпись о местной монастырской реликвии, помещенной внутри креста — «риза и посох чудотворца Александра Свирского». В одной из переписных книг монастыря этот крест называется «воздвизальным», что объясняет его большие размеры (44,3 × 22,2 см) и предназначение. «Крест воздвизальный серебряной золочен с мощми складистой по краям жемчужная вревочка на кресте написано Распятие мусиею в подножии чудотворец Александр поясной»⁴. Воздвизальные кресты служили образом Истинного Креста Господня,

являлись реликварием святых, связанных с земной жизнью и страданиями Христа, а также ковчегами для хранения частиц мощей и реликвий святых. Воздвизальный крест мог находиться на престоле в алтаре храма и участвовать в богослужении в качестве креста благословящего, в определенные дни он выносился на аналой для поклонения верующих. Особую роль воздвизальный крест выполнял в чине праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня 14 (27) сентября, на 3-й Крестопоклонной неделе Великого поста, в праздник Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня 1 (14) августа и во время крестных ходов. Воздвизальным крестам как реликвариям святых воздавались особые почести и поклонение.

Другой святыней монастыря был небольшой серебряный позолоченный крест с резными изображениями Распятия с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом (рис. 3). Верх креста осеняют два шестикрылых херувима, на нижнем перекрестии — поясное изображение Александра Свирского. На рукояти резная вкладная надпись повествует о создании креста в 1592 году при игумене Дионисии: «ЛЕТА 3. Р. (7100)// ЗДЕЛАНЪ БЫСТЬ// СИЙ КРЕСТЬ ВО// ОБИТЕЛЬ Ж//ИВОНА(ЧА)ЛНЫЯ// ТРОИЦЫ ПРИ // ИГУМЕНИ ДЕ//ОНИСИИ». Общая композиция изображений и рисунок фигур говорят о стремлении мастера повторить в меньшем размере и в другой технике большой напрестольный крест, созданный на шестнадцать лет раньше (крест 1576 года). По краям креста также шла жемчужная обнизь, позже утраченная. Этот небольшой крест являлся не только реликварием «мощей многих святых», но и хранил в себе как бесценную святыню крест благословящий Александра Свирского, о чем на тыльной стороне рукояти креста резана надпись:

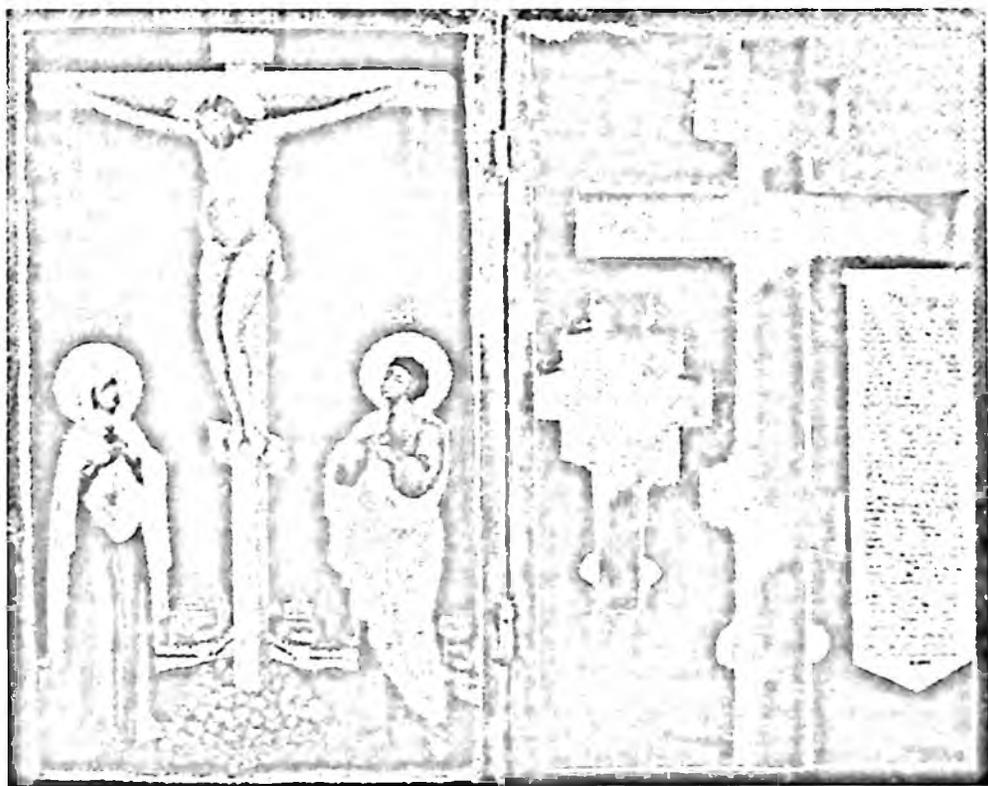

Рис. 4. Футляр для крестов 1576 и 1592 гг. XVIII—XIX вв.

«В СЕМЬ КР(ЕС)ТИ КРЕ//СТЬ НАЧАЛНОЙ// ПРЕП(ОДО)БНАГО АЛЕ//КСАНДРА ЧЮДО//ТВОРЦА». Внутри креста находится небольшой восьмиконечный деревянный крест, обложенный басмой с тисненным изображением Распятия и вверху Спаса Нерукотворного, орнамент басменного тиснения имитирует спиралевидный сканный узор. Серебряный крест сделан по форме внутреннего креста с небольшими припусками для дополнительных реликвий. Внизу на тыльной стороне креста имеется еще одна надпись о монастырской святыне — в кресте находились «ЧАСТЬ МАНТИИ // И ПОСОХА АЛЕ//КСАНДРА ЧЮДО//ТВОРЦА СВ//ИРСКАГО». Судя по переписным книгам, где он назван «водосвятными», этот небольшой реликварный крест использовался в монастыре чине освящения воды.

Эти два самые почитаемые в монастыре креста уже в начале XVIII века бережно хранились вместе в одном футляре, как описывается в переписной книге 1715 года: «крест серебряной золочен складистой с мощми Распятие и в подножии чудотворец Александр поясной писаны мусиею обложено в одну нить жемчугом, другой водосвятной серебряной небольшой резной золочен с мощми в кругу по краям обложено в одну нить жемчугом оба оные в едином ковчеге»⁵. В собрании Русского музея хранится деревянный футляр для крестов, сделанный в виде книги, в ветхом бархатном переплете, в котором напрестольные кресты и поступили в музей в 1924 году. Внутри него на левой створке находится изображение Распятия с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом в рост на фоне города Иерусалима (по-видимому, это поздняя запись конца XIX века), на правой створке — углубления, сделанные по форме крестов и окрашенные в красный цвет, и изображение свитка с длинным текстом, написанным мелким шрифтом (рис. 4). Текст на свитке подробно повествует о создании в 1576 году благословящего креста Господня мастерами «ссылными греки во Александрове монастыре» и перечисляются все «святые вещи» (перечисленные выше), присланные для этого креста царем Иоанном Васильевичем. Достоверность этого свидетельства, отражающая устные монастырские предания, до сих пор не нашла документальных подтверждений и признается не всеми исследователями. При Иване Грозном греко-русские связи были весьма интенсивными и вполне возможен приезд в Москву греческих мастеров. Вопрос о мастерах, создавших уникальный для XVI столетия напрестольный реликварный крест с яркими цветными эмалями, остается открытым и требует дальнейшего исследования. Судя по технике эмали и орнаментальным мотивам

можно предположить участие греческих мастеров в исполнении этого замечательного памятника. С начала XVIII века два благословящих креста, как святые реликвии Троицкой обители преподобного Александра Свирского, находились в этом футляре и хранились в алтаре или ризнице Троицкого собора монастыря.

Остальные произведения древнерусского прикладного искусства из Александро-Свирского монастыря в собрании Русского музея относятся к более позднему времени, в основном к периоду восстановления обители и ее процветанию в XVII столетии⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы архива Александро-Свирского монастыря находятся, в основном, в Архиве СПб ФИРИ РАН, РГИА и Отделе рукописей РНБ.

² Русские монастыри. Искусство и традиции. Гос. Русский музей. 1997. С. 72—97.

³ Личное дело А. П. Смирнова. — ВА ГРМ, ф. ГРМ (1), оп. 10, ед. хр. 419, л. 41—42.

⁴ Книги Пресвятыя Троицы Александрова монастыря Свирского чудотворца ризной казны и всякой церковной утвари. — Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 150, л. 68.

⁵ Архив СПб ФИРИ РАН, ф. 3, оп. 1, карт. 10, ед. хр. 44, л. 27—27 об.

⁶ *Т. А. Петренко*. Произведения прикладного искусства из Александро-Свирского монастыря (по архивным материалам) // Гос. Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. XII—первая половина XIX века. Вып. VIII. СПб. 2003. С. 25—45.

**ИЗ ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
ВЫГОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ
в первые 10-летия XX в.***

Среди очагов русской культуры и просвещения на Севере России в XVIII—первой половине XIX в. исключительную роль играл Выговский старообрядческий монастырь, находившийся в Повенецком уезде Олонецкой губернии на берегу реки Выг¹. Основанный в 1694 г. Даниилом Викулиным и устроенный трудами братьев Андрея и Семена Денисовых, монастырь со временем стал своеобразной академией, получить образование в которой стремились не только старообрядцы, но и православные. Здесь действовала книгописная мастерская, писались и отливались из меди иконы, резались из дерева кресты, изготовлялись изделия повседневного обихода. С момента избрания настоятелем монастыря Андрея Денисова (1702 г.) в общежительстве были введены строгие порядки. Строгой регламентации был подчинен сам образ жизни обитателей, в основу которого были положены монашеские аскетические традиции, отказ от личного имущества, жесткие дисциплинарные правила. В условиях все нарастающего падения нравственности и снижения авторитета духовенства господствующей церкви Выг в XVIII—первой четверти XIX в. привлекал к себе все новых и новых последователей.

Тяжелые времена наступили для монастыря и окружавших его скитов в царствование Николая I. Именно в эти годы, ознаменовавшиеся усилением борьбы с «расколом», на территории Российской империи были уничтожены многочисленные старообрядческие скиты, часовни, моленные, варварски разграблено их имущество, высланы в места прежнего проживания насельники обителей, отправлены в ссылки вожди старообрядчества. Варварскому разгрому подвергся и Выговский монастырь. В 1854—1857 гг. одна за другой уничтожаются моленные в мужской Даниловской и женской

* Работа ведется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-04-00259а «Старообрядческая икона как явление культуры XIX—начала XX в.: исторический и художественный аспекты»).

Лексинской обителях, конфискуется их имущество, оскверняются могилы наставников на монастырских кладбищах². В 1850-е годы удар был нанесен и по окружавшим общежительство скитам³. Данилов и Лекса были обращены в селения государственных крестьян, специально переселенных на Выг из Псковской губернии; на месте прежних старообрядческих моленных были устроены новообрядческие церкви. Спустя годы, анализируя результаты этих правительственных мероприятий, историки отмечали, что они не достигли поставленных целей. Старообрядцы продолжали тайно отправлять богослужение по своему обряду; новообрядческие церкви совсем не посещались местными крестьянами; налаженное трудами обитателей Выговского общежительства сельское хозяйство пришло в полное запустение и упадок⁴.

Интерес к истории, культуре, вещественным остаткам Выговского общежительства пробуждается во второй половине 900-х годов после издания манифеста об укреплении начал веротерпимости. Один из первых опытов описания этих исторических мест в жанре путевого очерка — «В краю непуганных птиц» М. М. Пришвина. Однако подлинный научный интерес к вещественным остаткам Выгорской обители, вызванный изучением ее истории, возникает в эти годы в петербургской ученой среде.

Безусловное первенство в ряду исследователей вещественных памятников Выговской старообрядческой пустыни принадлежит В. Г. Дружинину (1859—1936), историку старообрядчества, археографу, археологу и коллекционеру⁵. Выпускник Петербургского университета (1883) он в 1889 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Раскол на Дону в XVII в.» и затем всецело посвятил себя изучению истории и культуры Выговского старообрядческого общежительства. В начале XX в. он начинает собирать коллекцию старообрядческого медного литья⁶. Полное отсутствие специалистов в области литья заставляет Дружинина самостоятельно разрабатывать методику его изучения. Систематизировав материал, «Дружинин смог установить отличительные признаки этих предметов от предметов, сделанных в Гуслицах, в Московской губернии, т. н. загорского литья и на Иргизе»⁷. Это было первое исследование в данной области, занимавшее 10—12 листов текста⁸.

Труд В. Г. Дружинина был предложен для публикации Комитету попечительства о русской иконописи, членом которого ученый состоял в 1903—1918 гг., однако в результате закрытия Комитета работа над изданием не была доведена до конца. Исследование так и не вышло в свет⁹. В процессе работы над изданием 24 июня 1919 г. Дружинин выступает в заседании Русского отдела Российской государ-

ственной археологической комиссии с докладом об истории поморского медного литья, иллюстрируя его рисунками и вещами из своей коллекции ¹⁰. Резюмируя сказанное, он подчеркивает, что необходимо теперь же, пока не совсем исчезло это ремесло и его традиции, собрать сведения о современной технике его и истории этого дела по местностям. Идея систематизации материалов посредством устройства специальной выставки, которая «обнаружила бы и специалистов, и собрания» была высказана заведующим Русским отделом комиссии А. А. Спицыным. Однако и проект изучения литейного дела в России, разработка которого была поручена Дружинину и Спицыну ¹¹, не был реализован в сложной обстановке тех лет. Впоследствии выжимку из своих изысканий в области старообрядческого медного литья, икон, резьбы по дереву Дружинин опубликовал в статье «К истории крестьянского искусства XVIII—XIX веков в Олонецкой губернии. (Художественное наследие Выгорецкой поморской обители.)» ¹².

Среди многочисленных поставщиков В. Г. Дружинина, способствовавших формированию его коллекции, следует назвать Ф. А. Каликина (1876(?)—1971), старообрядца филипповского согласия, уроженца дер. Гавриловской Вологодской губернии. Познакомившись с Дружининым в 1908 г., Каликин, профессиональный иконописец и реставратор, не просто стал его агентом, но постепенно сам приобщился к собиранию памятников, их научной систематизации и изучению. «С этого момента, — писал впоследствии Ф. А. Каликин, — я как бы становлюсь незаметным образом его, Дружинина, агентом или сотрудником по собиранию для него поморской старообрядческой письменности» ¹³. В результате поездок, совершенных Каликиным в Олонецкую губернию по заданию и на средства В. Г. Дружинина (1909—1914 гг.) ¹⁴, в Петербург было доставлено значительное число старообрядческих рукописей ¹⁵. Одновременно Каликиным приобретались у старообрядцев памятники медного литья и иконы. Во время первой поездки на Выг Каликин познакомился с последним выговским «большаком» Н. Н. Лубаковым, у которого и приобрел первые рукописи для Дружинина — два синаксаря и обгорелые святцы. Он присутствует на заупокойной литии, совершаемой Лубаковым прямо в доме перед уцелевшими надмогильными крестами ¹⁶. В последующие выезды на Выг Каликин приложит все усилия, чтобы сохранить бесценные остатки исчезающих старообрядческих памятников.

Летом 1912 г. он совершает очередную поездку в Повенецкий уезд Олонецкой губернии. Осмотрев пришедшие в ветхость полуразрушенные монастырские сооружения и часовни, он производит их

Рис. 1. Колокольня в Тихвином Бору.
Фото Ф. А. Каликина

подробную фотофиксацию. Каликин фотографирует часовню и покосившуюся колокольню в Тихвином Бору (рис. 1), часовню в Гапсельге, два шатровых креста с Распятием и иконами в рост человека и келью «Большакову» в Данилове (рис. 2). На заброшенном старообрядческом кладбище он находит множество покосившихся надгробных памятников или «намогильничков» (столбиков под крышами с врезанными в них изображениями Голгофских крестов и биографиями усопших). В сентябре того же года он выступает в Москве на Втором всероссийском съезде старообрядцев-поморцев с докладом о состоянии Выгорецкого монастыря. Описывая плачевное состояние монастырских построек и кладбища, он призывает старообрядцев принять участие в спасении и сохранении «вещественных памятников Выгорецкого монастырского обихода»¹⁷.

В 1910-е годы Ф. А. Каликин вывозит из бывшего Данилова монастыря, Шунгского погоста, Тихвина Бора резные кресты и иконы, снятые им с упавших на землю, разрушающихся и гниющих надгробных памятников. На исполненных им фотографиях мы видим множество этих памятников, сваленных в кучи и «приготовленных к растопке», как говорится в подписях к некоторым снимкам

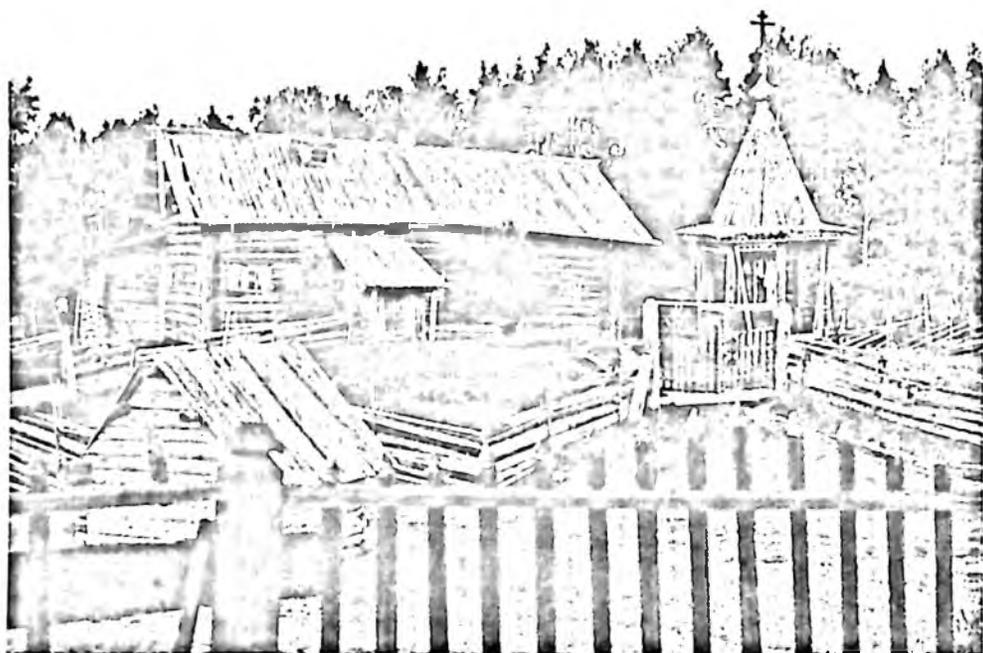

Рис. 2. Данилово. Вид летней церкви и кельи большаков.
Фото Ф. А. Каликина

(рис. 3). Каликин не просто подбирает кресты и иконы, но фиксирует места их находки, делая пометки карандашом на тыльной стороне предметов. Уже в советские годы, в октябре 1920 г., будучи экспертом Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины, Каликин совершает очередную поездку на место Данилова монастыря для обследования его сооружений и художественного инвентаря. По результатам поездки им была составлена записка с краткими сведениями по истории пустыни и перечнем фотографий, исполненных при осмотре. В летней церкви Данилова, устроенной при закрытии монастыря в середине XIX в. из Богоявленской соборной часовни, Каликин регистрирует до 277 икон, дающих хорошее представление о поморской школе иконописания (рис. 4), и описывает замечательный слюдяной фонарь (рис. 5)¹⁸. Благодаря фотографиям Ф. А. Каликина и мы имеем возможность составить представление об этих памятниках.

Рис. 3. Намогильнички на кладбище с. Данилово.
Фото Ф. А. Каликина

Их судьба столь же трагична, как и судьба самой пустыни. После закрытия монастыря конфискованные правительственными чиновниками иконы по распоряжению духовного начальства частью распределяются по беднейшим церквям губернии, частью поступают для хранения в Петрозаводский кафедральный собор. На месте знаменитой некогда Богоявленской соборной часовни в Данилово устраивается летняя новообрядческая церковь с перенесением в нее прежнего иконостаса. Именно эти иконы и описал во время поездки 1920 г. Ф. А. Каликин. Вывезенные из пустыни в Петрозаводский кафедральный собор иконы долго пылятся на соборной колокольне. Только осенью 1915 г. их переносят в одну из небольших комнат Александрo-Свирского братства, где в апреле 1916 г. их осматривает председатель Императорской Археологической комиссии гр. А. А. Бобринский. 2 октября того же года он составляет памятную записку «о поморских иконах, вывезенных из Выговской пустыни»¹⁹. «Икон, писанных на дереве разных размеров, — отмечает в записке Бобринский, — я насчитал 836, писанных на холсте 11, цар-

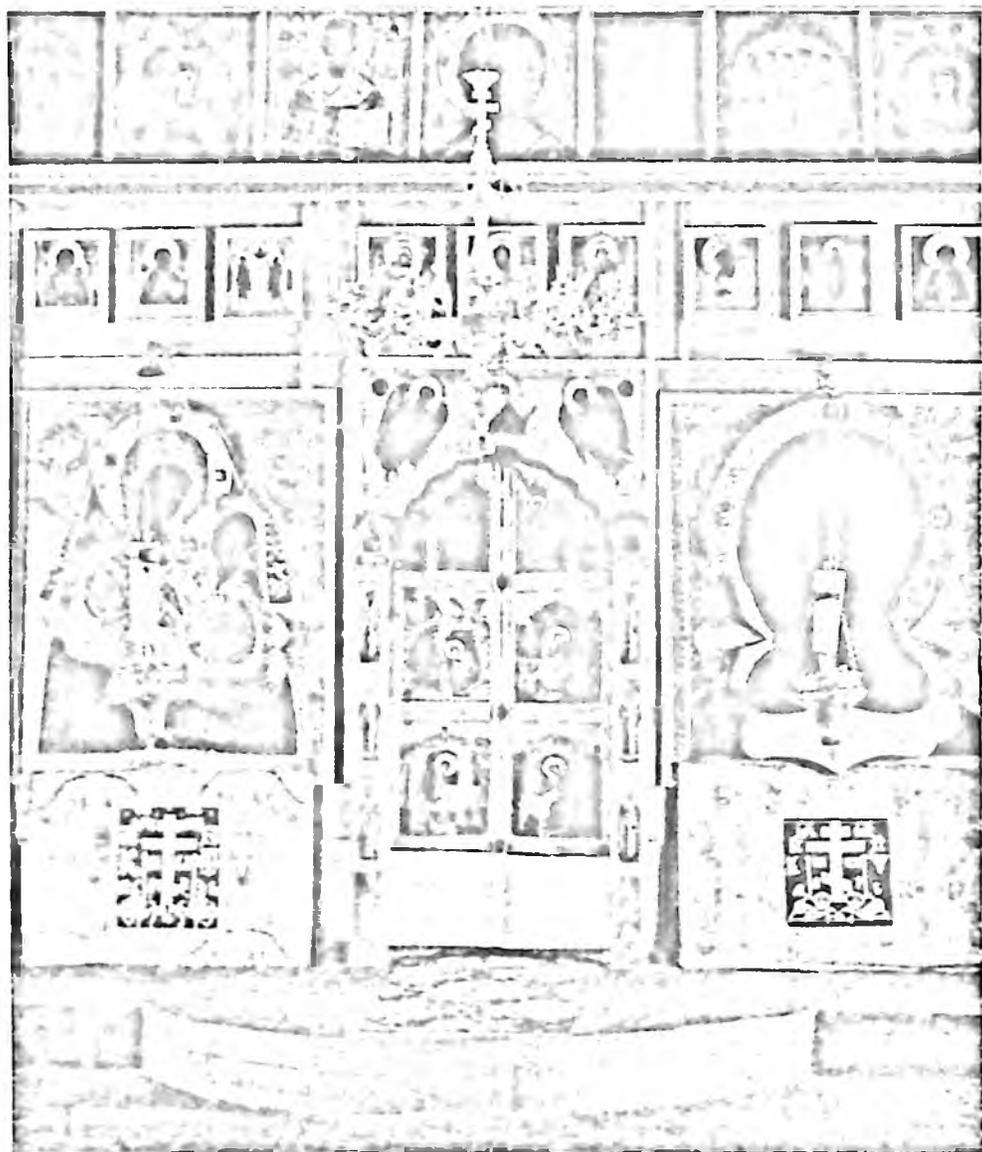

Рис. 4. Данилово. Общий вид иконостаса в летней церкви.
Фото Ф. А. Каликина

ских врат 4, 1 выносной крест и 1 раскрашенная деревянная статуя Христа. Кроме того, в той же комнате сложены церковные книги, коих я насчитал 51. Большинство книг, насколько мне удалось их бегло просмотреть, времен до-Никоновских, XVII века.

Когда я осведомился у отца-ректора Чукова что братство собирается сделать со всеми этими иконами и предметами, — о. Чуков ответил, что духовные власти предполагают либо раздарить иконы беднейшим приходом Олонецкой губернии, либо сохранить их в теперешнем помещении, чтобы когда-нибудь в будущем передать их в ведение Музея в память 300-летия дома Романовых, который предполагается основать в Петрозаводске после окончания войны»²⁰.

По результатам поездки гр. Бобринского ИАК возбуждает ходатайство о принятии мер к охранению икон, которые, как следовало из той же записки, «сложены грудями на полу», и большинство из них «сильно пострадало от сырости». Ходатайство ИАК перед Синодом от 14 декабря 1916 г. о недопущении продажи этих икон без согласия Комиссии, возымело действие. Продажу отменяют и начинают приведение икон в порядок. Эту работу берет на себя заведующий Олонецким епархиальным древлехранилищем о. Димитрий Островский. В 1918 г. РГАК командирует в Петрозаводск своего сотрудника А. П. Удаленкова для осмотра состояния памятников. Последнее требование Комиссии — перенесение икон в более сухое, светлое и обширное помещение²¹.

Своеобразную летопись работ по систематизации икон содержат отчеты о. Димитрия, опубликованные в Известиях Отдела народ-

Рис. 5. Данилово. Слюдяной фонарь.
Фото Ф. А. Каликина

ного образования при Олонецкой губернии²². Иконы осматривались, описывались, заносились в опись и снабжались номерками. За период с 15 июля по 8 декабря 1918 г. было заинвентаризировано 865 икон XV—XIX вв.²³. В начале октября того же года Олонецкий губернский церковно-исторический музей был переведен из б. братского дома в здание Петрозаводской учительской семинарии. Предполагались ассигнования коллегии народного образования на оборудование музея. Однако в декабре 1918 г. претензии на музейные помещения предъявила Онежская флотилия моряков. Работы по систематизации коллекции о. Димитрий переносит на дом. «Прекращенная в самом музее работа по нему, — пишет он в отчете, — теперь проводится в квартире заведующего — в его кабинете. Довольно обширный историко-археологический материал, собранный заведующим при описании живописных памятников музея, изучается, систематизируется и, таким образом, полагается в основание новой начатой заведующим литературной работы “Олонецкий губернский Церковно-исторический музей”»²⁴. Однако эта работа не была доведена до конца. Со смертью о. Димитрия музей прекращает существование²⁵.

Более удачной оказалась судьба резных деревянных крестов и надгробных досок, вывезенных в Петербург из Олонецкой губернии Ф. А. Каликиным. В марте 1919 г. Ф. А. Каликин предлагает Археологической комиссии для приобретения коллекцию из 30 крестов и надгробных досок, собранных им в Данилове монастыре и его окрестностях²⁶. По заключению экспертов К. К. Романова и В. Г. Дружинина коллекция приобретает РГАК 10 апреля 1919 г. за 900 руб.²⁷. Приложенная к вещам опись фиксировала размеры вещей и места их сбора. Именно это обстоятельство не позволило памятникам затеряться среди других экспонатов склада древностей Комиссии (впоследствии ГАИМК)²⁸. В 1931 г. после упразднения Склада древностей ГАИМК они поступают в собрание ГРМ. Так Русский музей оказывается причастным к сохранению художественного наследия Выговской старообрядческой пустыни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о Выговской пустыни, ее истории и культуре см.: *Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение для истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914; *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. I—II; Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003.

² Многочисленные документы, относящиеся к этому периоду, сохранились в фонде МВД (ф. 1284) в РГИА в Петербурге. О разгроме монастыря см. также: *Майнов В.* Мертвый городок. (Из путевых заметок) // Исторический вѣстник. Историко-литературный журнал. Год первый. 1880. Октябрь. С. 525—546.

³ Монастырю принадлежали 27 скитов, имевшие молитвенные здания, хозяйственные постройки, кладбища. Многие из них постигла та же участь, что и киновию.

⁴ См., например: *Майнов В. Н.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

⁵ См. о нем: *Берестецкая Т. В.* Исследователь истории и культуры старообрядчества В. Г. Дружинин: неизвестные страницы биографии // *Боровский краевед. Боровск, 1991. Вып. 3. С. 10—12; Она же. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). Сб. научных трудов / Под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. С. 214—227 и др. работы. К послужному списку В. Г. Дружинина, опубликованному Т. В. Берестецкой, следует добавить, что Дружинин с 12 декабря 1886 г. по 22 января 1891 г. служил в Министерстве внутренних дел «с причислением к оному и откомандированием для занятий в Департамент духовных дел иностранных исповеданий», а с 16 июня 1889 по 22 ноября 1896 г. состоял сверхштатным, а затем штатным членом Императорской археологической комиссии (Архив ИИМК РАН, ф. 1 (1889), д. 36: Дело ИАК о назначении коллежского секретаря В. Г. Дружинина ученым секретарем Комиссии без содержания. 2 мая 1889—12 апреля 1910).*

⁶ Согласно воспоминаниям В. Г. Дружинина, к 1907 г. она насчитывала до 500 предметов. См.: *Берестецкая Т. В.* Дружинин В. Г. — собиратель и исследователь поморского литья // *Русское медное литье. М., 1993. Вып. 2. С. 32; Она же. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии. С. 220.*

⁷ Там же.

⁸ См.: *Винокурова Э. П.* Рукопись о поморском литье В. Г. Дружинина // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. ХLI. С. 405—410; *Она же.* Рукописное наследие В. Г. Дружинина. Поморское медное литье // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. ХLIX. С. 254—277; *Берестецкая Т. В.* «Мое исследование было первым опытом...» (Памяти В. Г. Дружинина) // *Русское медное литье. Сб. статей. М., 1993. Вып. 1. С. 56—64.*

⁹ О подготовке издания подробнее см.: *Берестецкая Т. В.* Дружинин В. Г. — собиратель и исследователь поморского литья. С. 32—33.

¹⁰ Коллекция В. Г. Дружинина после его ареста в 1930 г. и ссылки в Ростов оставалась в Ленинграде у родственников. Находясь в тяжелом материальном положении, родственники начинают распродают коллекцию. Ее полностью распылению положил конец иконописец и реставратор Ф. А. Каликин, приобретший ее часть и впоследствии продавший ее Государственному Эрмитажу. См.: *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей // ТОДРЛ. Л., 1980. С. 448—449; *Берестецкая Т. В.* «Мое исследование было первым опытом...» (С. 60—61. О составе коллекции см.: *Прищева М. Н.* Коллекция медного литья Ф. А. Каликина в собрании Отдела истории русской культуры Эрмитажа // ПКНО. Ежегодник 1984. М., 1986. С. 394—408. О Ф. А. Каликине см. ниже.

¹¹ Архив ИИМК РАН, ф. 1 (1919), д. 98, л. 48.

¹² Известия АН СССР. 1926. Сер. VI. № 15-17. С. 1479—1490.

¹³ ИРЛИ, Древлехранилище, коллекция 160, л. 11: письмо Ф. А. Каликина к И. Н. Заволоко. Цит. по: *Берестецкая Т. В.* «Мое исследование было первым опытом...» (С. 59).

¹⁴ Первая поездка в Олонецкую губернию состоялась зимой 1909 г. Путешествие продолжалось два месяца по маршруту: Петербург—Каргополь—Лекса—Данилов—Повенец—Шуныга. (*Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей. С. 447).

¹⁵ Упоминание о трех поездках Ф. А. Каликина в Олонецкую губернию сохранились в мемуарах В. Г. Дружинина: «... ездил для меня в Олонецкую губернию мой приятель иконописец Ф. А. Каликин три раза и привозил мне оттуда купленные у тамошних представителей Поморского согласия предметы...» (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 8, л. 221 об.). Цит. по: *Берестецкая Т. В.* «Мое исследование было первым опытом...» (С. 59).

¹⁶ *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей. С. 448.

¹⁷ Доклад Ф. А. Каликина Выгорецкий монастырь в настоящее время // Деяния Второго Всероссийского собора христианского поморского церковного общества в царствующем граде Москве в тело от сотворения мира ЗУКА сентеврия в дни с И по ЗI. М., ЗУКА. С. 192—193.

¹⁸ ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, д. 645, л. 29—30.

¹⁹ Архив ИИМК РАН, ф. 1 (1916), д. 106, л. 1—2: Дело ИАК о принятии мер к охране древних икон, вывезенных из Выговской пустыни и находящихся ныне в помещении Александрo-Свирского братства Олонецкой губернии Петрозаводского уезда.

²⁰ Там же. А. А. Бобринский отмечал, что далеко не все иконы, вывезенные из пустыни, попали в это хранилище, часть их была распределена по различным церквям Петрозаводска. Так, в одном лишь летнем соборе, построенном Петром I, он насчитал их более 80.

²¹ Отношение РГАК в Епархиальный совет Олонецкой губернии от 20 сентября 1918 г. за № 537 (Архив ИИМК РАН, ф. 1 (1916), д. 106, л. 6).

²² *Островский Д.* Краткий отчет о деятельности по губернскому церковно-историческому музею с 15 июля — 4 сентября 1918 г. // Известия Отдела нар. образования при Олонецком губернском исполнительном комитете Советов К. Р. и Кр. Д. Петрозаводск, 1918. № 7—8. С. 92—93; *Он же.* Краткий отчет о деятельности по Олонецкому Губернскому Церковно-Историческому музею с 4 сентября 1918 г.—8 декабря того же года // Там же. № 9—10. С. 130—131.

²³ Там же. С. 130. Инвентарные книги, заведенные о. Дмитрием Островским, сохранились до настоящего времени (ЦГА РК, ф. 1046, оп. 1 д. 1/2, 1/3), что существенно облегчает выявление выговских икон в наши дни. Они обнаружены В. Г. Платоновым.

²⁴ *Островский Д.* Краткий отчет о деятельности по Олонецкому Губернскому Церковно-Историческому музею с 4 сентября 1918 г.—8 декабря того же года. С. 131.

²⁵ После смерти о. Дмитрия иконы церковно-исторического музея влились в фонды Карельского государственного музея. В наши дни их выявление в составе обширных коллекций Музея изобразительных искусств Карелии и Государственного краеведческого музея ведется сотрудниками этих хранилищ. См.: Платонов В. Г. Иконопись // Культура староверов Выга. (К 300-летию Выговского старообрядческого общецелительства.) Каталог. Петрозаводск, 1994. С. 14.

²⁶ Архив ИИМК РАН, ф. 1 (1919), д. 98, л. 32—32 об.

²⁷ Там же, л. 34—34 об.; ф. 2 (1919), д. 46, л. 93 об.—94. В апреле—мае того же года было решено приобрести для библиотеки Комиссии негативы Ф. А. Каликина в количестве 81 шт., предложив владельцу негативы этнографического характера и с икон Русского музея передать в Русский музей (Архив ИИМК РАН, ф. 2 (1919), д. 25, л. 1, 2). В архиве сохранилась расписка Каликина в получении вышеупомянутых 26 негативов для передачи в РМ (Там же, ф. 21, д. 182, л. 2). В настоящее время негативы хранятся в Фотоархиве ИИМК РАН (ф. 18: Негативы Ф. А. Каликина с комментариями о предметах съемки).

²⁸ Архив ИИМК РАН, ф. 2 (1919), д. 46, л. 126 об. — 127. №№ КП 401—428; д. 208, л. 80—83; д. 223, л. 56—58 об.

**ТРОИЦКИЙ
АЛЕКСАНДРО-СВИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
в XVI—XVII столетиях**

Александрова пустынь возникла в 80-е годы XV столетия недалеко от берега реки Свирь в Никольском погосте на Ояти, входившем в состав Заонежской половины Обонежской пятины Великого Новгорода. Место для монастыря было выбрано удачно. По Свири пролегал один из древнейших колонизационных и торговых путей, по которому новгородцы продвигались к Онежскому озеру и дальше к Белому морю ¹. По берегам реки располагались и самые удобные для возделывания плодородные земли. Новая обитель была основана в наиболее обжитых землях Обонежья. В 36 верстах от нее находился Олонецкий погост, известный еще по документам XII в. и на протяжении всех последующих столетий остававшийся единственным крупным населенным пунктом городского типа в этой части Обонежья ².

Единственным источником, освещающим начальный период истории Свирского монастыря, является житие Александра Свирского. Оно было создано преемником Александра и его учеником игуменом Иродионом около 1545 г. Повествование Иродиона основано на рассказах его наставника и первых монахов, а также на собственных воспоминаниях. Поэтому житийный текст, несмотря на традиционность изложения, содержит многочисленные указания на конкретные факты, даты и участников событий ³.

Александр Свирский родился в селе Мандеры близ Островского Введенского монастыря 15 июня 1448 г. и был наречен Амосом. Его родители Стефан и Васса были не слишком богатыми людьми, однако владели селом и имели определенное состояние, которое впоследствии, возможно, было использовано Александром для устройства его монастыря. С юных лет, отличаясь большой набожностью и не желая следовать обычным жизненным путем, отрок стремился посвятить себя монашескому служению. Решающим событием в его судьбе оказалась беседа с иноками Спасо-Преображенского монастыря на Валааме, встреченными им недалеко от дома. Вскоре Амос тайно покинул родителей и отправился на Валаам. По пути, перепра-

вившись через Свирь, ему пришлось заночевать на месте будущего Троицкого монастыря.

В Преображенский монастырь Амос был принят игуменом Иоакимом в 1474 г. и двадцати шести лет от роду пострижен им под именем Александра. Он пробыл на Валааме около десяти лет, живя в общежитии и в уединении, ведя строгую подвижническую жизнь и «труждаясь день и ночь неленостно» в пскальне и других монастырских службах. В 1485 г. Александр покинул Валаамские острова и, возвратившись в родные места, поселился на «преждепоказанном» ему месте будущей обители. Он прожил в уединении семь лет, прежде чем его хижина была открыта московским переселенцем дворянином Андреем Завалишиным, чье поместье находилось в десяти поприщах от места обитания отшельника. Вскоре с Александром поселился его брат Иоанн, затем стала собираться братия.

Только в 1508 г. по благословению новгородского архиепископа Серапиона Александр принял игуменский сан и вместе с братией срубил первую деревянную церковь Троицы⁴. Это произошло, согласно житию, после явления Александру св. Троицы, а затем ангела, указавшего место поставления церкви. Это была «церковь древяна мала»⁵. Антиминс для нее был прислан коломенским епископом Митрофаном, который в это время вместе с великим князем Василием Ивановичем находился в Новгороде.

Между тем, монастырская братия множилась и «многи от велможь прихождаху к нему (Александру) благословения ради и молитв, и даяху от имений своих на строение обители»⁶. Это позволило Александру сделать первые земельные приобретения и обзавестись тонями для рыбной ловли, поставить первую мельницу и задумать строительство каменной церкви в монастыре. Кирпич и «иные удобныя припасы к тому строению» были приготовлены силами монахов, но для полного самостоятельного осуществления этого замысла у монастыря средств оказалось недостаточно «понеже сел не имеем, ни же богатства собранного»⁷. Поэтому к великому князю в Москву были посланы три монаха «сотворити к нему прошение яко да отпустит искусных делатели к строению церкви. Христолюбивый же великий князь любезно прошение прият и с радостию дарствует потребных множества на строение церкви и обители, и делатели искусныя, и надзирателя к делу тоя церкви»⁸. Новый храм был освящен новгородским архиепископом Макарием около 1526 г. и представлял собой четырехстолпную трехапсидную одноглавую постройку⁹. Полученные от великого князя средства позволили расширить монастырь — помимо Троицкой церкви были построены новые кельи, трапезная и другие хозяйственные постройки.

Позднее, с помощью новых великокняжеских средств и присланного «делателя» Игнатия¹⁰, было начато строительство еще одной каменной церкви — Покрова, с обширной трапезной и новыми службами, возведение которых было закончено уже после смерти Александра. Особенность архитектурного ансамбля Александровского монастыря заключалась в том, что он состоял из двух частей. На высоком берегу Рощинского озера рядом возвышались белокаменные Троицкая и Покровская церкви с трапезной палатой. В некотором отдалении от них находилась «отходная пустынь» или рощинская часть монастыря, где были келья игумена Александра и братское кладбище с деревянной церковью Преображения (несколько позднее здесь появилась и Никольская церковь). Оба ансамбля имели деревянные ограды. Необходимо отметить, что определяющая роль в выборе места основания самой обители и расположения ее построек, главные усилия по их возведению целиком принадлежали Александру Свирскому.

Александр Свирский несомненно обладал большим духовным авторитетом. Известно немалое число его учеников, многие из которых впоследствии стали основателями новых пустынь. При жизни Александра начинает складываться вера в его «благословенный дар сподоблять чадородие мужским полом»¹¹, подчеркнутая в житии святого рассказом о его чудесном рождении и в ряде его прижизненных и посмертных чудес. Александр почитался также как целитель.

Скончался Александр Свирский 30 августа 1533 г. и был погребен у северной стены церкви Преображения. Известие о смерти свирского игумена было включено под этим годом в Новгородский летописный свод 1539 г.¹² Впоследствии оно вошло и в Лицевой летописный свод (современный Шумиловский том), где было проиллюстрировано миниатюрой с изображением ложа с телом Александра за монастырской оградой в окружении бревенчатых построек¹³.

Благоприятные обстоятельства и целеустремленные действия Александра Свирского и его преемников сделали недавно основанный, далекий северный монастырь хорошо известным и высоко почитаемым в Москве и при великокняжеском дворе. При обращении Александра через посланных им в Москву иноков к великому князю Василию Ивановичу было получено все необходимое для возведения каменной церкви, причем самодержец делает это «ведая святость жития его»¹⁴. Известно, что в 1526 г. Василий Иванович три дня был на поклонении в Тихвине и «многие монастыри милостынями удоволил»¹⁵; в их числе скорее всего была и Александрова пустынь. Позднее великий князь помог и в возведении каменной Покровской церкви с трапезной. Как можно предположить, в великокняжеской семье свирский чудотворец почитался как молитвен-

ник о чадородии великой княгини Елены. На это указывает клеймо с изображением «Молитвы о чадородии великого князя Василия Ивановича» на установленной в Успенском соборе Московского Кремля в середине XVI в. иконе и особое почитание свирского чудотворца Иваном IV.

В 1549 г. Андрей Завалишин, к тому времени инок Андриан, крестил дочь Ивана IV царевну Анну и мог рассказывать при дворе о своем духовном отце. Царь в своих посланиях не раз обращался с молитвой к чудотворцу, а в послании в Кириллов монастырь выделил его как высочайший нравственный образец среди множества других: «Вот ведь на наших глазах только в монастырях Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и эти монастыри процветают монашескими подвигами...»¹⁶. Изображение Александра Свирского присутствует в росписи царского моленного места 1572 г. в Новгородском Софийском соборе, программа декора которого была составлена едва ли не самим Иваном Грозным¹⁷. Старейшими памятниками, в свирской коллекции икон сохранившими свои вкладные надписи, являются иконы с изображением Богородицы и Христа, присланные в монастырь в 1584 г. Иваном Грозным как вклад по душе царевича Ивана Ивановича¹⁸.

В житии отмечено также, что со временем монастырь стали посещать многие вельможи, щедро подававшие на строение обители. Сохранившиеся с 1570-х годов отрывочные вкладные записи называют такие фамилии крупных московских родов, как Шереметевы, Годуновы, князья Мещерские и Ростовские, и другие¹⁹. Их вклады составляли деньги, ценная церковная утварь и земельные наделы. Поэтому генеральное обмежевание монастырских земель 1562—1563 гг. зафиксировало достаточно большую их площадь; к тому же по царской грамоте эти земли не облагались оброком²⁰. Известно, что в земельном споре монастыря с боярским сыном А. С. Вындомским царь Иван IV встал на сторону монастыря²¹.

В своей духовной грамоте Александр Свирский отдает основанный им монастырь под покровительство новгородского архиепископа Макария. Сопоставление фактов позволяет утверждать, что попечительство Макария стало той основой, на которой базировались высокий авторитет и материальное процветание Александрово-Свирского монастыря. Представляется естественным личное знакомство архиепископа и Александра Свирского. Одно из их свиданий могло состояться в 1526 г. в Тихвинском Успенском монастыре. Этих деятелей объединяли единые взгляды на решение тех вопросов, которые являлись основными пунктами «программы» деятельности Макария на новгородской владычной кафедре и составляли основу

позиций Александра, донесенных его духовной грамотой. Сохранились указания на вклады архиепископа Макария в Александрову пустынь.

На соборе 1547 г. произошла канонизация Александра Свирского, которому в числе двенадцати святых было определено повсеместное празднование²². Собор проходил под председательством митрополита Макария и был подготовлен под его непосредственным руководством²³. В преддверии канонизации в 1545 г. по его распоряжению были составлены житие и служба «новому чудотворцу». Культ нового святого получил очень быстрое распространение. Список Великих Миней Четых, вложенный митрополитом в Успенский собор Московского Кремля в 1552 г., содержит старейший из сохранившихся списков жития Александра Свирского. Между 1547 и 1555 годами в этом же соборе была установлена монументальная икона Александра Свирского со ста двадцатью восемью клеймами, которая является, видимо, первой житийной иконой этого святого²⁴. В середине 1550-х годов на Красной площади началось строительство Покровского храма. Его северо-восточный придел 1 октября 1560 г. был освящен митрополитом Макарием со святейшим собором в память Александра Свирского²⁵.

Большую роль в истории монастыря в XVI в. сыграли игумены Иродион и Дионисий. Принятый в Троицкий монастырь и постриженный в монахи, а позднее возведенный в священноиноческий сан самим Александром, Иродион именуется в житии «меньший от ученик сего преподобного». В числе трех монахов он ездил в Москву к великому князю испрашивать деньги на строительство церкви Троицы²⁶. Около 1545 г. Иродион стал игуменом монастыря. Его сменил Иоасаф, П. Строеву было известно, что он в 1563 г. уже возглавлял монастырь²⁷. Несомненно, Иродион был выбран митрополитом Макарием для составления жития «нового чудотворца» не случайно — его труд обличает в нем человека начитанного, литературно одаренного и хорошо знакомого с агиографическими произведениями, в частности, с сочинениями Пахомия Логофета. Это помогло ему создать произведение, которое с момента своего появления пользовалось популярностью и потому было распространено в большом количестве списков, а также стало образцом для подобных сочинений, в частности, житий Антония Сийского и Александра Ошевенского²⁸. Служба Александру Свирскому была составлена, по-видимому, также Иродионом²⁹. Вероятно, именно в период игуменства Иродиона активно и последовательно формируется убранство храмов монастыря: наиболее древние из сохранившихся икон по своим стилистическим признакам и характеру украшающей их басмы не могут быть датиро-

ваны ранее середины XVI в. Это иконы «Никола в житии», «Богоматерь Смоленская», «Александр Свирский в житии»³⁰, столбики царских врат, выносной крест. При Иродионе в монастыре был отлит колокол, в начале XVII в. вывезенный в Швецию и впоследствии утраченный, надпись на котором содержала фамилию — Кочнев³¹.

Еще один важный период в развитии Свирского монастыря связан с деятельностью игумена Дионисия (1582—1608 гг.), при котором был осуществлен комплекс мероприятий, призванных придать еще большее значение святыням монастыря. На время его пребывания во главе монастыря приходятся наиболее крупные пожертвования семьи Годуновых и царя Федора Ивановича, на «дачу» которого в восьмидесятые годы XVI в. рядом с Преображенским собором был возведен придел во имя Александра Свирского³². Его возведение стоит в ряду подобных событий в других северных и среднерусских обителях: иждивением Федора Ивановича в Кирилло-Белозерском монастыре в 1582—1587 годах была построена придельная к Успенской церкви церковь Кирилла; в 1591 г. в Тихвинском монастыре на его средства строилась церковь великомученика Феодора Стратилата и др.³³.

В новом приделе над гробом преподобного Александра была устроена на средства вкладчиков каменная гробница: «А в церкви лежат мощи преподобного чудотворца Александра под спудом, а над мощми гробница каменная а по гробнице покров»³⁴. С устройством гробницы и возведением придела связаны вклады в монастырь надгробных покровов, сделанные в 1581 и 1582 гг. царевичем Феодором Ивановичем и Борисом Федоровичем Годуновым, шитых в мастерской Ирины Федоровны Годуновой (в собрании П. Корина, ГТГ и Русского музея). Усилия по созданию этого мемориального ансамбля увенчал вклад в 1592 г. «к гробу» монументальной житийной иконы с поясным изображением Александра Свирского и поставной свечи, принадлежавший московскому дьяку Семену Емельянову: «Образ чюдотворца в деянии на гроб его строение Семена Емельянова за НЗ (57) рублев»³⁵.

Характерно, что спустя полвека этот ансамбль был сменен другим, полностью ему подобным по составу, — в отходной пустыни появились новые Преображенский собор с приделом Александра Свирского, серебряная рака 1644 г., надгробный покров царицы Евдокии Лукьяновны и житийная икона с лампадой дьяка Богдана Силина. В 1592 г. в монастыре появились новые напрестольный крест и крестильная чаша, а в 1597 г. было покрыто драгоценным окладом напрестольное Евангелие³⁶. В 1581 г. Свирская пустынь понесла достаточно ощутимый урон от набега шведского отряда³⁷; так, вслед за

восстановлением убранства Покровской церкви (может быть, опять с помощью средств царя Федора Ивановича) потребовалось ее повторное освящение³⁸.

На становление и развитие Александро-Свирского монастыря оказало определенное влияние его близкое соседство с Тихвинским Успенским монастырем. В их развитии на протяжении XVI столетия можно заметить некий параллелизм и общие особенности. Оба эти монашеские поселения образовались в конце XV в. на землях новгородского Софийского Дома. В 1510 г. по распоряжению великого князя Василия Ивановича и по благословению московского митрополита Варлаама началось возведение Успенского собора Тихвинского монастыря присланным из Москвы мастером Фрязиным. В 1508 г. в Александровой пустыни на средства великого князя московскими мастерами строится Троицкая церковь. Могут быть связаны факты пребывания в 1526 г. Василия Ивановича в Тихвине и начало строительства Покровской церкви в Александровой пустыни. 1550—1560-е годы — время активного распространения культа «нового чудотворца» Александра Свирского и проведения обширных работ по устройству тихвинских Успенской и Введенской обителей. В 1550-е годы в Успенском соборе Московского Кремля были установлены иконы Александра Свирского и Тихвинской Богоматери.

К концу XVI в. оформился архитектурный ансамбль Александро-Свирского монастыря. Благодаря усилиям игуменов и многочисленным пожертвованиям, его церкви, ризница и книгохранилище были наполнены иконами, драгоценной утварью, произведениями шитья и рукописями. Со времени царствования Василия III сложилась устойчивая традиция царских вкладов в Свирский монастырь. В казне хранились многие жалованные, данные, купчие грамоты на владение вотчинами, пожнями и тонями. Царские грамоты, каждая из которых подтверждала предыдущую, освобождали монастырские земли от оброка и других налогов. В казну поступали доходы с Троицкой ярмарки, ежегодно собиравшейся у стен монастыря. Обитель имела также «на Москве за Яузою двор монастырской у Никиты великомученика, в Новгороде двор монастырской с садом у Жен мирносиц ... сад на Дослане улице», подворья в Олонце, Вытегре, на Белоозере»³⁹. «Таким образом, к началу XVII в. ... Свирский монастырь сделался одним из богатейших монастырей Олонецкого края»⁴⁰.

В 1612—1613 годах процветавший монастырь был основательно разрушен и опустошен отрядами литовцев и поляков. Были убиты игумен Паисий и 59 иноков. Преображенский храм, а также кельи, ограды и службы сожжены. Разрушена Покровская церковь, Троиц-

кая «от немецких людей обожжена и развалилася надвое»⁴¹. Предвидя нападение, монахи успели спрятать в земле монастырскую казну и колокола, часть драгоценной утвари была отправлена в Кирилло-Белозерский монастырь на сохранение⁴².

В 1615 г. в монастырь прибыл новый игумен, иеромонах новгородского митрополичьего Дома Феодорит, благодаря энергичным действиям которого Свирский монастырь достаточно быстро был полностью восстановлен. С этой целью в 1618 г. Феодорит дважды ездил в Москву, где сумел подтвердить прежние жалованные грамоты, получить от царя Михаила Федоровича грамоту на возобновление обители и крупные пожертвования⁴³. Среди прочих мероприятий по царскому указу в монастырь из Новгорода «от пустых храмов» были привезены часовой колокол и иконы для иконостаса Троицкой церкви⁴⁴. Описание монастыря, содержащееся в Писцовой книге 1628 г., убеждает в том, что к этому времени Александро-Свирский монастырь достиг своего прежнего состояния.

За долгие десятилетия в стенах Свирского монастыря были собраны обширные художественные коллекции произведений иконописи, прикладного искусства, шитья, которые, несомненно, начали формироваться с момента его учреждения. Однако в начальный период существования пустыни икон, книг, служебной утвари в ней было немного. Главное внимание ее основателя было направлено на строительство и налаживание хозяйства. Как свидетельствуют сохранившиеся иконы, иконописные ансамбли монастырских церквей складываются в середине—второй половине XVI в., одновременно с завершением формирования его первоначального архитектурного ансамбля. Гордость Свирского монастыря составляли драгоценные иконы и утварь, привозившиеся и присылавшиеся сюда царями и многими именитыми вкладчиками.

Обращение к сохранившимся памятникам и обнаруженные в монастырском архиве документы помогают восстановить историю образования монастырских коллекций. Александро-Свирский монастырь не имел собственных иконописной и иных художественных мастерских и постоянно трудившихся в них иконописцев или серебряников. Периодически в монастыре поселялись мастера, которые подражались выполнить подоспевшие работы либо занимались реставрацией ветхих предметов. Для выполнения больших и ответственных работ по созданию фресковых росписей церквей, икон для новых иконостасов, их украшению окладами или изготовлению новой служебной утвари приглашались профессиональные мастера из больших городов. Прежде всего это был Новгород — крупнейший культурный центр Древней Руси, на землях которого возник Троицкий монастырь. А также города Тихвин, Олонец, Кострома. Во вто-

рой половине XVII в. выдвигаются небольшие новые местные центры различных промыслов, в которых монастырские заказы способствовали стабильному развитию ремесла. Кроме того, в монастыре появляются мастера, переходившие с целью заработка из одного поселения в другое.

На протяжении XVII столетия в монастыре не прекращались строительные работы. С 1641 по 1644 г. был «поставлен ново» пятиглавый каменный Преображенский собор с приделами Николы и Александра Свирского⁴⁵. В нем в декабре 1644 г. были торжественно установлены обретенные в апреле 1641 г. мощи преподобного. Они были заключены в серебряную раку, присланную в монастырь в качестве вклада царя Михаила Федоровича и его семьи и изготовленную государевыми серебряниками под руководством Гаврилы Овдоимова⁴⁶. Единый ансамбль с ней составила монументальная икона «Александр Свирский в житии» 1655 г. вклада дьяка Захарии Богдана Силина⁴⁷. Таким образом, в середине XVII в. произошла смена одного мемориального ансамбля другим — вместо деревянных Преображенской церкви и ее придела во имя Александра Свирского был возведен новый каменный собор; каменную гробницу сменила рака и покров на нее царя Михаила Федоровича; икону и поставную свечу дьяка Семена Емельянова вытеснили образ и лампада дьяка Богдана Силина. Обращает на себя внимание тождественность и «обязательность» составляющих эти ансамбли частей, создание которых могло растянуться на несколько лет, за которыми прослеживается многовековая традиция культового оформления почитаемых гробниц.

Обретение мощей Александра Свирского способствовало еще более широкому распространению его культа и определило проведение основных строительных работ в середине—второй половине XVII в. именно в Преображенской части монастыря, полную замену его деревянного ансамбля каменным. Рядом с Преображенским собором в 1661 г. на средства московского дьяка Богдана Силина началось возведение церкви пророка Захарии с колокольней и папертью⁴⁸. В 1680 г. на старом месте была срублена новая церковь Николы⁴⁹. В 1676 г. на южных воротах Троицкой части монастыря появилась церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Кроме того, проводились постоянные работы по строительству различных служб, келий, каменных оград с воротами, благоустройство территорий. Строительство церковей влекло за собой постоянные работы в их интерьерах — создание иконостасов и переделки в них, изменения в составе икон и т. д.

В самом конце XVII в., в 1695—1697 гг., был сооружен новый Троицкий собор (третий на этом месте). В качестве образца для него была указана Новгородская Знаменская церковь, построенная в 1682—1688 гг. Договор на его строительство архимандритом Гермоном с братней был заключен с костромским крестьянином Яковом Агафоновым⁵⁰. В создании икон для троицкого иконостаса в 1698—1699 гг. принимали участие тихвинские иконописцы Аарон и Георгий с помощниками⁵¹. Около 1709 г. Троицкий собор был полностью расписан фресками, образцом для которых послужил ансамбль той же Знаменской церкви. Руководил артелью мастеров костромич Леонтий Марков⁵². Подобно тому, как была создана книга для записи вкладов «ради иконного и иконостасного благоуукрашения» Знаменской церкви, в 1709 г. по благословению новгородского митрополита Иова был организован и сбор средств на украшение Троицкого собора⁵³. Эта акция была предпринята, по всей вероятности, с целью несколько пополнить казну и помочь монастырю спра-

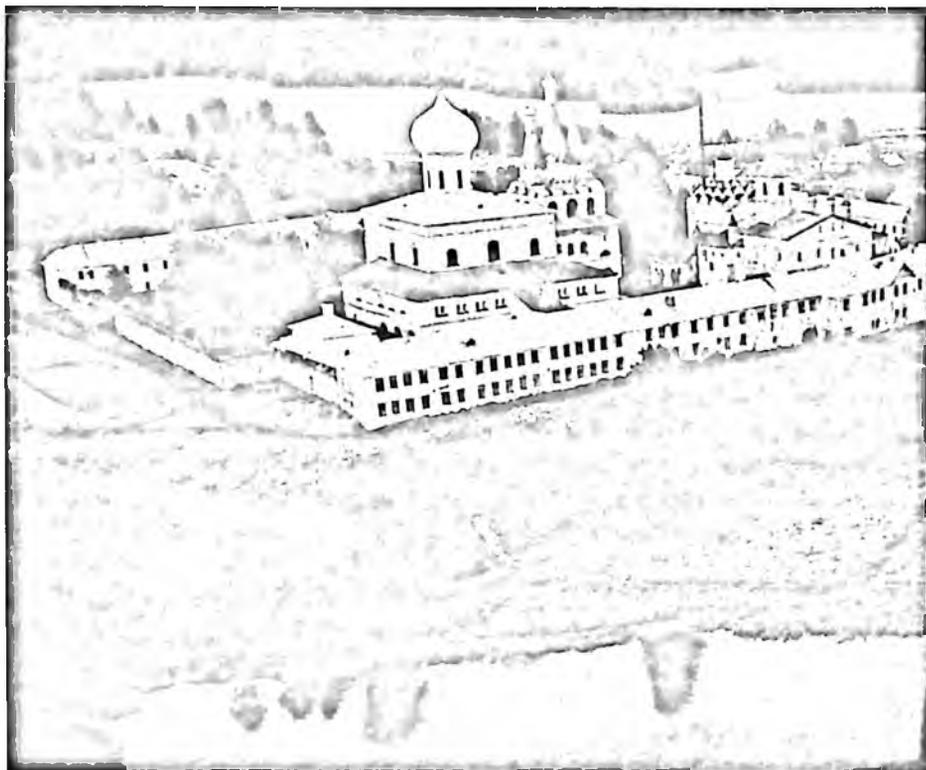

Рис. 1. Троицкий Александро-Свирский монастырь

виться с теми большими денежными затратами, которые он претерпел, осуществляя строительство и благоустройство своих новых построек.

Значительными денежными вложениями, участием в перевозках и трудом монастырских слуг свирская обитель была обязана принимать участие в строительстве города Олонца (с 1647 г.), в работах по благоустройству Новгорода, в строительстве Петербурга, в снабжении армии в период Северной войны⁵⁴.

В 1763—1765 гг. произошло разделение монастыря: в его Троицкой части утвержден архиерейский дом и консистория, а Троицкий собор стал кафедральным; Преображенская часть стала самостоятельным второклассным монастырем⁵⁵. Большая часть монастырских земель была отписана

в собственность государства, все приписные пустыни превращены в приходские церкви. Эти события привели в начале XIX в. к оскудению монастырской казны и к расстройству хозяйства Александро-Свирского монастыря, а затем к его полному упадку и обнищанию. В середине 1850-х годов архимандрит Павел в отчетах о состоянии монастыря должен был констатировать крайнюю ветхость его построек и внутреннее их разорение. Фрески Троицкого собора от сырости потемнели и начали осыпаться, иконостасы церквей поломаны и частично разобраны, иконы значительно потемнели и имели утраты живописи⁵⁶, многие оклады икон утрачены. Благодаря энергичным усилиям настоятеля все постройки монастыря и их убранство были возобновлены, иконы приведены в порядок согласно принятой в тот период реставрационной практике. В XIX—первые десятилетия XX в. монастырь в основном жил заботами

Рис. 2. Крест напрестольный. 1576 г. Серебро, резьба, золочение, цветные эмали. Изготовлен при игумене Вениамине. Собранье ГРМ

Рис. 3. Преподобный
Александр Свирский. 1644 г.
Покров на гробницу. Атлас,
шитье шелковыми и золотыми нитями.
Собрание ГРМ

о хозяйстве, стараясь сохранить свои древние постройки и убранство их интерьеров.

Основанная на рубеже XV и XVI столетий в далеком Олонецком крае Александра пустынь в последующие два столетия, благодаря целеустремленной деятельности своего основателя и его преемников, превратилась в один из процветающих северных монастырей. Тесно связанный в экономическом и культурном отношении со своей митрополией — Великим Новгородом, монастырь с самого начала стал хорошо известен и почитаем в столице. Основа его процветания была заложена самим преподобным Александром Свирским. В середине—второй половине XVI в. его начинания были продолжены игуменами Иродионом и Дионисием. Значительная роль в истории Свирского монастыря и утверждении культа его основателя в середине XVI в. принадлежит митрополиту Макарию. Процветавшее хозяйство и прочный авторитет позволили монастырю занять одно из почетных мест среди крупных российских обителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 14—15; Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1. С. 27;

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков: Из Истории сельских поселений. М., 1966. С. 43.

² *Егоров Ф. И.* Олонек. Историко-краеведческий очерк о городе и районе. Петрозаводск, 1959; *Иванов А.* Очерки Олонецкой губернии в историческом, топографическом и статистическом отношениях // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1867 год. Петрозаводск, 1867. Ч. II. С. 3—138.

³ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 263; *Яхонтов И.* Жития святых северо-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 37—87; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. С. 35—37, 322—327; *Дмитриев Л. А.* Жанр северо-русских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. XXVII. С. 184; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 441. В рукопись жития Александра Свирского середины XVIII в. помещены уникальные «портретные» изображения игумена Иродиона // ГИМ. Муз. 344. Л. 13 об.—15.

⁴ Ссылки на житийное повествование приводятся по тексту рукописи 1715 г. из собрания ГРМ, гр. др. 26. Л. 55 (далее — Житие).

⁵ Житие. Л. 71.

⁶ Житие. Л. 72 об.

⁷ Житие. Л. 86.

⁸ Житие, Л. 87 об.

⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 4; *Корнилова А. В.* Александровский монастырь. Историческая справка. Л. 1969. С. 50 (на правах рукописи).

¹⁰ Известно, что в 1552—1557 гг. трапезную Успенскую церковь Соловецкого монастыря строил новгородский мастер Игнатий Салка // *Скотин В. В., Щенникова Л. А.* Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982. С. 17. Представляется возможным предположить, что эти два строителя были одним и тем же лицом.

¹¹ *Забелин И.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 301.

¹² ПСРЛ. Изд. 2. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 552; ПСРЛ. СПб., 1853. С. 291.

¹³ *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 159, 332.

¹⁴ Житие. Л. 87 об.

¹⁵ *Мордвинов И. П.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторический очерк. Тихвин. 1925. С. 35.

¹⁶ Послание Ивана Грозного // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 153. Имя «истинного чудотворца» Александра Свирского встречается и в сочинении Андрея Курбского «История о великом князе Московском» // Там же. С. 373.

¹⁷ *Никитина Ю. И.* Монументально-декоративная резьба моленных мест из Новгородской Софии // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. Л., 1987. С. 361.

¹⁸ Хранятся в ГРМ, инв. ДРЖ 256, 313: *Соловьева И. Д.* Иконы из Александровского монастыря // Государственный Русский музей. Из истории музея. СПб., 1997. С. 28, 73. Я. И. Ивановский относил к вкладам Ивана Грозного также мощехранительный крест 1576 г. (ГРМ, БК 2889), который поздняя монастырская традиция числила работой греческих мастеров, сосланных царем в далекую северную обитель: *Ивановский Я. И.* Свято-Троицкий Александровский монастырь. Краткая история с приложением важнейших документов. СПб., 1901. С. 31. Изложение этой легенды сохранилось на футляре для крестов XVIII в. (также в ГРМ). В начале XVII в. в алтаре церкви Покрова находилось еще одно произведение этих мастеров: «образ Пречистые Богородицы да Ивана Богослова да Александра Свирского чудотворца писано по серебру мусиею» // Переписная книга Александровского монастыря. 1628—1629 гг. Олонецкие губернские ведомости, часть неофициальная. 1850. № 23. В начале XVII в. Преображенскую церковь освещало «паникадило медное, а на нем дватцать четыре подсвечника ... по скаске игумена Авраамья з братиею что то паника-

дило и кисть данье государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси» // Там же. № 30—31. По душе Ивана IV царем Федором Ивановичем в монастырь в 1585 г. был прислан из Москвы колокол // ЦГИА СПб. Ф. 834. Оп. 3. № 2831. Л. 53 об.; *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 33.

¹⁹ Житие. Л. 72 об.; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1.

²⁰ *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 29—30.

²¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3. Л. 6 об.—7. Осведомленность и заинтересованность Ивана IV в решении земельных вопросов монастыря могла проистекать из того, что Обонежская пятнина, на земле которой находилась Александрова пустынь, в 1570 г. была взята в опричнину // *Платонов С. Ф.* Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 г. и после подчинения до Ништадтского мира 1721 г. Новгород, 1911. С. 111.

²² Еще в XVI в. в монастыре появился полный комплект иконописных миней, в состав которых входили изображения вновь канонизированных святых // Там же. Л. 9.

²³ АИ. Т. 1. № 23; *Васильев В.* История канонизации русских святых // ЧОИДР. М., 1893. Т. III. С. 175—176; *Голубинский Е.* Указ. соч. С. 93—106.

²⁴ Музеи Московского Кремля, инв. Ж 291/1. Датировка принадлежит И. А. Журавлевой: икона впервые упомянута при переносе в Успенский собор образа Николы Великорещского в 1555 г. (ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 254—255) и описана в «Сказании о святой чудотворной иконе святого чудотворца Николы архиепископа» (ОР РГБ. Ф. 256. № СССР XIV. Л. 286.) — *Журавлева И. А.* Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // Гос. Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. XI. М., 1998. С. 118—144. Икона «Александр Свирский в житии» быстро стала почитаться чудотворной.

²⁵ *Сизгирев В. Л.* Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953. С. 26—27.

²⁶ Житие. Л. 198, 87—87 об.

²⁷ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 992.

²⁸ *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 162—163; *Яхонтов И.* Указ. соч. С. 88—110; *Дмитриев Л. А.* Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л. 1989. С. 462—464.

²⁹ *Веретенников П.* Указ. соч. С. 329.

³⁰ Все иконы хранятся в ГРМ, инв. ДРЖ 1876, 1871, 1548, 1546, 1823.

³¹ *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 28.

³² Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 10. Д. 3. Л. 6 об.; Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 40. Л. 213 об.

³³ *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 18—25.

³⁴ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Л. 24; Олонекские губернские ведомости, часть неофициальная. 1853. № 30—31. Характерно, что в близкие годы каменные гробницы над погребениями преподобных появились в Кирилло-Белозерском и Иосифо-Волоколамском монастырях.

³⁵ Олонекские губернские ведомости, часть неофициальная. 1853. № 30—31; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 115. Д. 2. Л. 1. Судя по размерам и количеству клейм (сто четыре), икона была написана «в меру и подобие» образа Успенского собора Московского Кремля. Икона Семена Емельянова находилась в монастыре еще в 1960-е гг.; в настоящее время ее местонахождение мне неизвестно.

³⁶ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 115. Д. 2. Л. 2 об.; Олонекские губернские ведомости, часть неофициальная. 1853. № 10; ЦГА СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 83. Л. 9.

³⁷ Очерки по истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 106.

³⁸ Известен антиминс из Покровской церкви, датированный 5 апреля 1590 г. // *Островский Д.* Краткое описание церковных древностей Олонекского епархиального церковного древлехранилища. Петрозаводск, 1912. С. 3—4.

³⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 37. Л. 76—76 об. Подворье в Новгороде на Торговой стороне у Церкви Жен мироносиц было передано монастырю в 1585 г. по грамоте царя Федора Ивановича // Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 643. Л. 51. № 21.

⁴⁰ *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 35.

⁴¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 9. Л. 3 об.

⁴² Там же. Д. 22.

⁴³ *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 38—44; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3 Оп. 1. Картон 10. Д. 3. Л. 6 об. —7; Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 27 об.

⁴⁴ Олонцкие губернские ведомости, часть неофициальная. 1850. № 16, 28; *Соловьева И. Д.* К истории иконописного собрания Александро-Свирского монастыря // ТОДРЛ. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 403—406.

⁴⁵ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 36.

⁴⁶ Там же. Л. 40 об.; *Плешанова И. И., Лихачева Л. Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. Кат. 68. Рака 1644 г. заключала в себе мощи преподобного вплоть до 1878 г., когда они были переложены в новую серебряную гробницу, изготовленную в Петербурге мастером Николаем Андреевичем Груздевым: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 126. С этого времени старая рака хранилась в Троицком соборе; в ней ежегодно (с 1817 г.) на Троицын день переносились мощи преподобного из Преображенского в Троицкий собор и обратно: *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 101, 127.

⁴⁷ Чеканный оклад иконы несомненно был также выполнен в Оружейной палате; мастера, его изготовившие, неизвестны. Но может быть не случайно в синодик Свирского монастыря после рода Богдана Силина был записан род «золотые палаты мастера Семена Гурьева»: ОР БАН. Ал. Св. 58. Л. 53 об.; *Троицкий В. И.* Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Л., 1928. Вып. 1. С. 37; *Троицкий В. И.* Словарь. Мастера-художники золотого и серебряного дела, алмазники и сусальники, работавшие в Москве при Патриаршем дворе в XVII в. М., 1914. С. 51. На протяжении 1640-х —1650-х годов Богдан Силин состоял на службе в Золотом и Серебряном приказе, что позволяло ему привлекать к исполнению собственных заказов лучших мастеров.

⁴⁸ Строительство закончено в 1668 г.: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 79. Л. 40, 52—52 об.; Д. 83. Л. 31. Дьяк Богдан Силин был крупнейшим вкладчиком Свирского монастыря второй половины XVII в. — помимо книг, драгоценных утвари, икон, риз, денежных средств, он отдал обители часть своей вотчины в Московском уезде и подворье в Москве: *Соловьева И. Д.* Икона «Александр Свирский в житии» в собрании Русского музея (к проблеме атрибуции) // Государственный Русский музей. Древнерусское искусство. Новые атрибуции. Сборник статей. СПб., 1994. С. 39—46.

⁴⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 151. Л. 124.

⁵⁰ *Кондратьева Е. В.* Создание проекта храма в XVII веке // Вопросы истории и теории русской и советской архитектуры. Л. 1988. С. 46—53.

⁵¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 205. Л. 152, 154—154 об., 182—182 об.

⁵² Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 261. Л. 4.

⁵³ *Тихомиров П.* Историческое описание Новгородского Знаменского собора. Новгород, 1899. С. 20; *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 85; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Доп. опись к описи 1. Д. 36/36.

⁵⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 227. Л. 45.

⁵⁵ *Ивановский Я. И.* Указ. соч. С. 94—95.

⁵⁶ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 66. Л. 123.

**К ИСТОРИИ СОБРАНИЯ ПРОРИСЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ:
РАННИЕ ИКОННЫЕ ОБРАЗЦЫ
1-й половины XVII века**

Одно из самых больших и значительных собраний иконных образцов-прорисей в нашей стране принадлежит Государственному Русскому музею. Оно составляет около 10 000 единиц хранения. Начало собранию было положено Георгием Дмитриевичем Филимоновым еще в 60-х годах XIX века. Тогда им было приобретено сразу около 5000 листов прорисей у случайного торговца в Москве возле Сухаревой башни. Вместе с Филимоновым приблизительно в это же время прориси приобрели Иван Степанович Нскрасов, Егор Иванович Маковский, Иван Егорович Забелин, но все же большая часть досталась Г. Д. Филимонову. Это были остатки огромного собрания иконных образцов братьев Петра Ивановича и Михаила Ивановича Сапожниковых, владевших собственной иконописной мастерской в Москве в конце XVIII—начале XIX веков¹.

После смерти Филимонова его вдова в 1898 году передала всю бесценную коллекцию иконописных образцов в Общество Любителей Древней Письменности, где ее впервые разобрал Николай Васильевич Тимофеев под руководством Никодима Павловича Кондакова с января 1903 по март 1904 года². С 1918 года издательство ОЛДП вследствие национализации прекратило свое существование, но было окончательно упразднено только в 1932 году. Тогда все собранные и хранящиеся в нем предметы русской старины, рукописи и книги были переданы в государственные музеи и библиотеки, а собрание прорисей Г. Д. Филимонова попало в Русский музей.

Собрание прорисей ГРМ, по всей видимости, представляет в большей и лучшей своей части разрозненный лицевой иконописный подлинник средней Руси. На абсолютном большинстве листов имеются авторские и владельческие подписи палехских мастеров. Среди них братья Хреновы, работавшие в середине—второй половине XIX века в Палехе, династия Карпенковых, развернувшая свою деятельность в конце XVIII—XIX веках. Из них наиболее известны Арефий и Василий Карпенковы, — работали в Палехе в первой половине XIX века. Прориси с надписью «Карпенков Ковшевский»,

возможно, принадлежат Василию. Наше предположение отчасти подтверждается тем, что в собрании Русского музея хранится одна полностью подписанная им прорись — «Воскрешение Лазаря»³. Василий Карпенков был крестьянином вотчины князя Лобанова-Ростовского из деревни Ковшево Вязниковской округи Владимирской области. Арефий — его близкий родственник. В 1833—1834 годах Василием был расписан верхний ярус иконостаса в селе Шеговары Шенкурской округи. Архангельский епископ был недоволен иконописной работой Василия и советовал ему настоятельно «достать правильных образцов...»⁴. Много подписных листов вышло из мастерской Сафоновых и мастерской братьев Сапожниковых, которые уже выше упоминались.

В начале 50-х годов всю коллекцию прорисей, включая ее «филимоновскую» часть, повторно разобрал Федор Антонович Каликин (1876—1971)⁵. Имея за плечами огромный опыт работы в качестве реставратора древнерусской живописи, Федору Антоновичу не составило большого труда распознать и вычленить из общего количества переводов собрания ГРМ часть листов, относящуюся к XVII веку. Каликин провел точный подсчет образцов, составил к ним алфавитный указатель и разделил все собрание на группы. Самые ранние прориси XVII века он определил в группу «А», которая составила 1/23 часть от общего количества — более четырехсот листов. Каликин учитывал иностранную бумагу XVII века, сличал филигранны по альбомам, преимущественно Н. П. Лихачева, и палеографические данные, то есть имеющиеся на листах авторские и владельческие надписи, сделанные полууставом и скорописью.

В группу «Б» вошли прориси XVIII—начала XX века, снятые, как с икон этого времени, так и с более ранних памятников XV—XVI веков и с икон XVII века. Каликиным была проведена также большая работа по определению дублетов прорисей, составивших группу «В». Причем оригиналом считалась прорись «левая» с обратным изображением. Однако в тех случаях, когда прорись «правая» была выполнена лучше, чем оригинал, она помещалась в основной фонд. Таким образом, коллекция Г. Д. Филимонова снова слилась с другими иконописными образцами⁶.

Особого внимания в собрании прорисей Русского музея заслуживают древние иконописные образцы 1-й половины XVII века, вошедшие в группу «А», то есть самые ранние листы. Большую роль при их датировке сыграли водяные знаки бумаги⁷. Палеографические данные — полууставный или скорописный почерк, являясь важным датирующим материалом и дополнительным источником информации о бытовании памятника, дают расплывчатую и более широкую дати-

ровку по сравнению с филигранями, а по водяным знакам (их расположению на листе, соотношению вержеров и понтюзо, буквенному сопровождению) можно иногда датировать документ с точностью до десяти лет. При этом следует учитывать так называемую «палеографию» самого водяного знака, то есть его модификации в определенных временных промежутках. Во всяком случае водяные знаки бумаги «дают достаточно оснований для определения времени ранее которого рукопись (в нашем случае — прорись, — *М. Федосеева*) не могла быть исполнена»⁸.

Как известно, филигрань часто состоит из двух частей — эмблематической и литерной. Первая — рисунок или эмблема обозначает иногда личный герб владельца предприятия. Например, так называемый «шифр четырех» или крест, опирающийся на три круга, является знаком, входящим в состав герба фамилии Дюринг — династии бумажных фабрикантов города Базеля. Деятельность их приходится на 1520-е — вторую половину XVII века. Знак большей частью представляет окончание основы филигрании «голова шута» и является в ней датирующим элементом, так как до конца XVI века он не встречается, и в собрании ГРМ таких листов, то есть листов без «шифра четырех», нет⁹.

Вторая часть филигрании литерная указывает на фамилию владельца, его титул, местонахождение бумажной мельницы. Чаще всего — это только начальные буквы — инициалы. Таким образом, идеальное представление о филигрании можно получить, когда налицо полный лист с обеими частями водяного знака (на прорисях полные филигрании встречаются редко, — чаще мы имеем 1/2, 1/4 или даже 1/8 листа), однако датировка ранних прорисей XVII века облегчается совмещением эмблематической и литерной частей филигрании.

В XVII—начале XVIII века пользовались особенной популярностью три водяных знака: «кувшин» (распространение на Руси получил в первой половине XVII века); «голова шута» (на Руси — 1640-е—начало XVIII века); герб города Амстердам (на Руси — 2-я половина XVII—первая четверть XVIII века). Все три водяных знака присущи бумаге исключительно иностранного производства. Наибольший интерес для нас представляет филигрань «кувшин», поскольку с нею связаны самые ранние листы нашего собрания. Время бытования «кувшинчика» в Европе — XV—середина XVII века, на Руси — конец XVI—начало 50-х годов XVII века. Филигрань встречается чаще всего на бумаге французского происхождения. Другое ее название — «под оловейником» укоренилось благодаря широкому распространению на Руси в XVII веке оловянных кувшинов. Эта

филигрань имеет две разновидности: кувшин одноручный и двуручная ваза. Вопрос о принадлежности литерного сопровождения того или другого знака до сих пор остается открытым. Наиболее распространенное мнение состоит в том, что литеры являются инициалами владельцев бумажных мельниц. Другая гипотеза, принадлежащая А. А. Гераклитову, что литеры могут являться инициалами мастеров-черпальщиков.

В собрании ГРМ имеется восемнадцать листов — прорисей с филигранью «кувшин». Датировка их первой половиной XVII века согласуется со сходными филигранями в трудах Н. П. Лихачева, З. В. Участкиной, С. А. Клепикова, Т. В. Диановой. На рубеже XVI—XVII веков филигрань «кувшин» одноручный имеет простую форму, с короной или гребешком на крышке. Отличительная черта — три шарика в виде пирамидки на ручке. Над короной (гребешком) возвышается либо розетка — четырехлистник, либо полумесяц. На тулове кувшина часто встречаются литеры: «Р» или «I В». Точно к такому описанию не подходит ни один лист из собрания ГРМ. Но есть очень любопытная филигрань на прориси «Пир царя Ирода» (Др/Гр-263), аналога которой найти пока не удалось. Близкие по графике одноручные «кувшинчики» с гребешком на крышке и литерами «I В» на тулове встречаются во многих альбомах¹⁰, но все они не имеют венчающего элемента в виде крупного цветка. Пышные цветы — розы и тюльпаны принадлежат водяным знакам 30—40-х годов XVII века, когда уже выходят из употребления «кувшинны» под розеткой и гребешком. Учитывая это, мы предлагаем датировать водяной знак первой четвертью XVII века, а саму прорись, исходя из залежности бумаги, началом 30-х годов XVII века.

Прорись представляет «налепок» с обратным переводом — зеркальным изображением с житийной иконы XV—XVI веков святого Иоанна Предтечи. Образцом для иконописца могла послужить и лицевая рукопись XVI века. Прорись интересна своими этнографическими деталями. Так, в сценах «Обретения главы святого Иоанна Предтечи» почти всегда глава пророка помещается в вазе, имеющей форму водосвятной чаши, точно такой, какая стоит на столе перед Иродиадой. В рисунке очень важен язык жестов между персонажами и последовательность событий. Слуга передает свое страшное блюдо Соломее, а она, в свою очередь, поднявшись по ступеням, ставит его на чашу перед Иродиадой, сидящей в центре стола. Другой любопытной этнографической подробностью являются одежды гостей, Соломеи и Иродиады. Иконописец иллюстрирует новозаветную историю (Ев. от Марка VI, 14—30; Ев. от Матфея XIV, 6—12), но использует реалии недавнего прошлого: княжеские

шапки гостей, убрusy, покрывающие женские головы. Так, на Иродиаде можно рассмотреть сорочку, приволоку с прошвами, на голове — убрus и корону. На Соломее надето очень характерное платье с длинными, ниже колен, рукавами, — излюбленная особенность платья танцовщиц в средние века. Наиболее близкую аналогию одежде Соломен удалось найти на миниатюре Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи XV века (6 л. об.), где изображена языческая пляска — «игрища» древних славян. Можно еще назвать миниатюру из Гелатского Евангелия XI—XII веков, — также «Пир царя Ирода».

Одновременно с филигранью «одноручный кувшин» в первом десятилетии XVII века распространяется вторая ее разновидность — «двуручная ваза». Отличительной особенностью этого водяного знака является отсутствие крышки и венчающая пирамида из шариков или полумесяцев. Литеры на тулове вазы сохраняются. С такими филигранями в собрании ГРМ находятся два листа прорисей. Первая из них — «Голова Спаса Эммануила» (Др/Гр-245) принадлежит середине XVII века, хотя бумага, на которой она исполнена, более ранняя. Лист отражает традиционную иконографию, характерную для XVII—XVIII веков; чувствуется тонкая, живописная манера иконописца. Близкие аналогии филиграней можно встретить в альбомах у Н. П. Лихачева и Т. В. Диановой¹¹. Прорись происходит из коллекции Е. И. Маковского и имеет владельческую подпись «васхаев», именно владельческую, так как аналогичные автографы имеются на листах конца XVIII века. Вторая прорись 1-й половины XVII века «Омовение ног» (Др/Гр-305) также выполнена на бумаге начала XVII века и представляет собой «налепок» с иконы XV—XVI веков, обратный перевод. Рисунок с традиционной иконографией выполнен схематично, без проработки отдельных деталей, но выдает точную и умелую руку иконописца. Для этого листа удалось найти полностью идентичный водяной знак¹², помещенный в альбоме Т. В. Диановой, — происходит из коллекции Щепкина (Муз. № 4159; 1602—1603 гг.). Совпадение литер на тулове вазы и неровная графика знака, видимо, благодаря испорченной металлической форме, подтверждают его уникальность.

Прорись с житийной иконы Святителя Николая чудотворца XV—XVI веков снята с одного из клейм и передает широко распространенный сюжет — «Освобождение Святым Николаем трех невинно осужденных». Несмотря на плохую сохранность, прорись тонко исполнена; точные пропорции фигур и изящный рисунок в архитектуре выдают уверенную руку мастера. Прорись также исполнена в технике «налепка», — зеркальный перевод. Бумага 1-й поло-

вины XVII века может быть датирована 40-ми годами. К этому времени (даже раньше, к 30-м годам XVII века) увеличивается общий размер водяного знака бумаги. Теперь самая популярная форма филиграни — кувшин с округленными зубцами короны, числом пять или семь, с бусинами на концах, где среднюю украшает розетка под полумесяцем¹³. Именно такая филигрань с литерами на тулове кувшина «I P» встречается в альбомах многих исследователей: А. А. Гераклитова, В. М. Загребина, Т. В. Диановой.

К пятому десятилетию XVII века филиграни полностью меняют свои очертания. Самую большую группу теперь представляют крупные знаки в виде ваз, с вырастающими из них экзотическими цветами, большей частью тюльпанами. На тулове ваз появляются узоры в форме сердечек, ручки выводятся одной тонкой изогнутой линией. С подобными филигранями в собрании Русского музея хранятся несколько листов. Например, «Троица Ветхозаветная или Гостеприимство Авраама» (Др/Пр-351) — прорись середины XVII века, выполненная в технике «налепка» и «сколка» с иконы конца XVI—начала XVII веков¹⁴.

Десять листов-прорисей, представляющих книжку образцов к «Житию святых князей Бориса и Глеба» датируются серединой XVII века и иллюстрируют «Степенную книгу» XVI века. Один из листов «Умершие братья Борис и Глеб перед князем Ярославом» (Др/Пр-420) имеет редкую филигрань, точнее только ее основание. Полностью реконструировать этот водяной знак удалось также по альбому Т. В. Диановой. Им оказалась ваза неправильной формы, увенчанная стилизованным цветком лилии. На ее тулове помещены изображения как бы двух перевернутых топориков. Ваза имеет две тонкие, изогнутые ручки¹⁵.

Филиграни «двуручных ваз» отличались иногда самыми причудливыми формами. Об этом дает представление прорись «Благовещение» (Др/Пр-5), — «налепок» с иконы XV—XVI веков; прямой перевод. Бумага принадлежит к 30-м годам XVII века. Филигрань, просматривающаяся на ней, представляет собой вазу, на круглом тулове которой — изображение сердечка. Ваза увенчана полукруглой формой в виде зонтика с пирамидой шариков наверху; основание представляет высокий поддон трехлепестковой формы. Аналогия знака также найдена была у Т. В. Диановой¹⁶.

Во второй половине XVII века самой популярной филигранью в России становится «голова шута». Прориси с этим водяным знаком широко представлены в собрании Государственного Русского музея (их более восьмидесяти листов), но эта тема уже выходит за рамки нашего сообщения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 114, 168.

² Отчеты о заседаниях Императорского Общества Любителей Древней Письменности за 1898—1899 гг.; 1902—1903 гг. СПб., 1900. С. 6 и 22; СПб., 1904. С. 4.

³ ПМ ГРМ-2689 «Воскрешение Лазаря»; на обороте листа владельческая надпись: «Сеи рисунокъ Василия Алексеева Карленкова».

⁴ *Кольцова Т. М.* Северные иконописцы. Архангельск. 1998. С. 143.

⁵ *Каликин Ф. А.* (1876—1971) известный реставратор, художник и эксперт по древнерусскому искусству. В 1907 году работал сдельно в Русском музее по реставрации памятников древнерусской живописи для Н. П. Лихачева. Впоследствии реставратор Отдела по охране памятников старины (Музейный фонд), антиквариата, Музея истории религии при АН СССР, Государственного Эрмитажа, где с 1931 по 1952 годы работал старшим реставратором западноевропейской живописи (примитивы); с начала 50-х годов вновь сотрудник Государственного Русского музея. — Архив ГРМ. Ф. 1. Оп. 10, ед. хр. 181. С. 2, 3, 14.

⁶ *Федосеева М. В.* История собрания прорисей Государственного Русского музея. — *Г. В. Маркелов.* Святые Древней Руси. Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 1. С. 41—44.

⁷ Научный сотрудник Отдела технико-технологических исследований С. В. Сирро выявил при помощи рентгенофлуоресцентного анализа некоторые филигранные прорисей XVII века. Благодаря его работе удалось датировать многие листы, сравнивая филигранные по альбомам Н. П. Лихачева, З. В. Участкиной, С. А. Клепикова, Т. В. Диановой.

⁸ *Шмидт С. О.* К изучению Лицевого летописного свода. — «Древнерусское искусство». М., 1983. С. 209.

⁹ *Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «голова шута». — Записки отдела рукописей. Вып. 26. М., 1963. С. 407, 415.

¹⁰ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. III, № 1951; *Герасимов А. А.* Свод с изображением «кувшина». М., 1975, № 726.

¹¹ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. III, № 4243; *Дианова Т. В.* Водяные знаки по рукописям России XVII века. М., 1980, №№ 756, 763.

¹² *Дианова Т. В.* Там же. № 764.

¹³ *Дианова Т. В.* Филигрань «кувшин». XVII век. М., 1989, № 453.

¹⁴ *Дианова Т. В.* Водяные знаки бумаги по рукописям России XVII века. М., 1980, № 841.

¹⁵ *Дианова Т. В.* Там же, № 833.

¹⁶ *Дианова Т. В.* Там же, № 822.

ИСТОРИЯ МОЗАИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ НАЧАЛАСЬ В УСТЬ-РУДИЦЕ...

Мозаика — искусство, существование которого невозможно без хорошо налаженной технической базы по изготовлению красочного материала — смальты — непрозрачного цветного стекла. На Руси мозаика появилась во времена принятия христианства и развивалась вместе с культурой каменного храмового строительства, перенятого от Византии, утверждавшего идеологию молодого Русского государства. В дальнейшем мозаику перестали применять. О ней не вспоминали на Руси более шести веков.

Петербург стал родиной русской мозаики Нового времени. На берегах Невы, в столице обновленного Петром Великим государства, образовался мощный центр российской культуры, который оказался способным поднять страну до уровня передовых европейских держав. Разносторонние контакты с западными странами, основание Академии наук и Академии художеств дали возможность развиваться отечественной науке и искусству. В этом отношении уникальное место в истории заняла деятельность М. В. Ломоносова. Соединяя в своем характере упорство ученого и прозрение художника, именно он возродил в России забытое искусство мозаики. «В его занятиях мозаикой слились химические знания, оптические взгляды, художественные вкусы, исторический восторг перед Петром I, которого Ломоносов постоянно изображал и воспевал», — писал С. И. Вавилов в статье «Великий русский ученый»¹. Сам Ломоносов констатировал, что «сколько испытаний физических причин, разные цветы производящих, столько ж или еще больше, примеры римской мозаики <...> побудили меня предпринять снискание мозаичного художества»². В это время единственным очагом мозаичного искусства была мастерская при Ватикане. Ее основной задачей был перевод в мозаику живописи собора св. Петра в Риме. Смальта должна была подражать произведениям, выполненным масляными красками, «чтобы сделать их так сказать вечными указателями гения и искусства живописцев,

Нерукотворный Спас.
Мозаика М. В. Ломоносова. 1753 г.

тогда как оригинальные творения их с течением времени не только могут потускнеть, потемнеть, но и уничтожиться совсем»³.

Технология производства смальт и создание мозаик держались папскими мозаичистами в тайне, поэтому Ломоносову пришлось все изобретать самому. В письме к швейцарскому математику Л. Эйлеру в 1754 году он рассказывал: «В течение трех лет я был весь погружен в физико-химические испытания, предпринятые для разработки учения о цветах <...> Почти три тысячи опытов, сделанных для воспроизведения разных цветов в стеклах, дали не только огромный материал для истинной теории цветов, но и привели к тому, что я принялся за изготовление мозаик <...>»⁴.

Безусловно Ломоносов понимал назначение мозаики как средства увековечивания живописи, так как «краски не сохраняют своей ясности и доброты толь долго, как мы желаем»⁵. Известно, что он восхищался работами римских мозаичистов, однако самостоятельность и оригинальность мышления ученого привели к созданию произведений, далеко опередивших свое время. К их числу принадлежат образ «Нерукотворного Спаса» (1753, ГИМ), портрет Петра I (1754, ГЭ), мозаика «Апостол Петр, плачущий» (1755, ГЭ), образ св. князя Александра Невского (1757—1758, ГРМ), панно «Полтавская баталия» (1762—1764), парадная лестница здания Академии наук и др. Эти мозаики набраны крупными или мелкими разнообразной формы кусками разноцветной смальты. Вблизи они совершенно не похожи на живопись, и наоборот, красноречиво демонстрируют свою наборную природу. Естественно, что подобные произведения поражали декоративностью, которой в XVIII веке не знали и которую вполне могли считать плодом неумения Ломоносова. Так, например, В. К. Тредиаковский писал, что «живопись, производимая малеванием, весьма превосходнее мозаичных живописи <...> ибо невозможно <...> подражать совершенно камешками и стеклышками всем красотам и приятностям изображаемым от искусных кисточки на картине из масла, или на стене, так называемою фрескою»⁶. Недооценивал новаторства Ломоносова и Я. Штелин. «Его представления о художественной ценности мозаичных работ (восхищение иллюзорностью, имитацией масляной живописи) свидетельствуют, что в данном вопросе Штелин следовал вкусам своей эпохи и не мог быть беспристрастным арбитром»⁷.

Изучение Ломоносовым природы света и цвета, разработанная им «трехцветная» теория, согласно которой белый свет состоит из красного, желтого и голубого колеров, знание законов живописи привели его к научному осознанию смешения цветов на расстоянии и вызвали эксперимент в искусстве. Не случайно же набранный

крупными кусками смальты образ «Спаса Нерукотворного» он не постеснялся подарить жене графа П. И. Воронцова и «советовал рассмотреть <...> издали»⁸. В исторической перспективе подобные произведения Ломоносова перекликаются с поисками художников-пуантилистов второй половины XIX века. Разница заключается лишь в том, что последние искали в науке подтверждения своим зрительным ощущениям, а Ломоносов, опираясь на науку, на эксперимент, пришел к возможности в изобразительном искусстве пользоваться раздельными пятнами ограниченного количества колеров для достижения необходимого зрительного эффекта. Характерны в этом отношении интерпретации, данные живописной манере французских художников-дивизионистов 1880-х годов в книге Дж. Ревалда «Постимпрессионизм» и анализ работ учеников Ломоносова мозаичистов М. Васильева и Е. Мельникова, приведенный В. К. Макаровым в исследовании «Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики». Ревалд писал: «На определенном расстоянии, зависящем от размера точек, выбранного для данной картины, эти мелкие частицы должны были оптически смешаться. Эта оптическая смесь, по утверждению Сёра и его друзей, давала гораздо большую интенсивность и яркость цветов, чем любая другая смесь пигментов»⁹. Макаров обращает внимание на аналогичную особенность работы русских мозаичистов XVIII века и подчеркивает, «что каждый кусочек смальты здесь поставлен на точно рассчитанное место их руками и что, считаясь с оптическим смещением цветов на расстоянии, эти ломоносовцы должны были обладать совершенным зрением, подобным абсолютному слуху музыкантов»¹⁰.

Однако декоративные приемы, выработанные под руководством Ломоносова, в работе его учеников постепенно стирались и система набора становилась близкой к методу римских мозаичистов, стремившихся к имитации живописи. Это объясняется непониманием современниками значения художественных открытий Ломоносова, неостребованностью наборного искусства, слишком рано заявившего о своей самостоятельности на фоне развивавшейся школы русской живописи. Понимая государственное значение своего начинания в 1753 году в деревне Усть-Рудица Копорского уезда, Ломоносов построил фабрику цветного стекла. По замыслу ученого здесь должно было возникнуть крупное научно-производственное предприятие. Однако государство тогда еще не дозрело до понимания важности деятельности Ломоносова и никакой поддержки ему не оказывало. Смерть великого ученого в 1765 году предопределила скорое прекращение деятельности фабрики и исчезновение мозаики

из семьи изобразительных искусств, существовавших в это время в России.

Интерес к мозаике снова возник только в 1840-х годах в связи со строительством Исаакиевского собора по проекту О. Монферрана. По изначальному замыслу храм должен был «и снаружи, и внутри по богатству и благородству архитектуры представлять все, что возбуждает удивление в самых великолепных церквях Италии»¹¹. В 1842 году архитектор решает «объехать Германию, Францию, Италию и Англию и обозреть там замечательнейшие здания в отношении украшений и из сравнения оных извлечь точные сведения на употребление выгоднейших средств для окончания собора»¹². Среди вопросов, которые архитектор предполагал выяснить за рубежом, значилось под четвертым номером и «использование мозаики»¹³. Очевидно, что идея Монферрана «о частичной замене живописи мозаичными работами»¹⁴ в Исаакиевском соборе была вызвана как сыростью петербургского климата, так и желанием иметь такое же великолепное убранство в своем произведении, как создаваемое на протяжении многих десятков лет ватиканской мозаичной мастерской в соборе св. Петра в Риме.

В Совет Академии художеств был представлен проект организации Мозаичного заведения, подготовленный «начальником русских художников в Риме» П. И. Кривцовым. «Совет Академии признал учреждение такого заведения в России крайне желательным и полезным, но указал, что для успешной постановки дела необходимо помимо художников, могущих исполнять мозаичные работы, иметь опытных мастеров-химиков для приготовления в достаточном количестве и надлежащего достоинства смальт (стеклянной эмали различных цветов), необходимых как материал для работы; поэтому Совет полагал бы, что прежде всего надлежит устроить смальтовую фабрику со всеми приспособлениями, пригласив как для этого, так и для обучения сему делу русских мастеров, химиков-мозаичистов из Рима. Что же касается собственно мозаичного искусства, то Академия полагала бы обучить ему нескольких художников, из числа ее пенсионеров, проживающих в Риме»¹⁵.

Кривцов предлагал в качестве руководителя Мозаичного заведения назначить русского художника-мозаичиста Е. Я. Веклера¹⁶, выполнявшего миниатюрные произведения из смальты. С 1834 по 1837 год он совершенствовал свое мастерство в ватиканской студии под руководством М.-А. Барбери и Д. П. Бонафедде — известных в то время римских мозаичистов¹⁷. Однако приемы художника-миниатюриста не соответствовали масштабам предполагаемых работ

в Исаакиевском соборе, где «требовалось выполнение более широкое и набор более крупный»¹⁸.

В 1847 году Николай I повелел учредить Мозаичное заведение (позже Мозаичное отделение) при Академии художеств, а за два года до этого распорядился прекратить «писание образов для Исаакиевского собора на медных досках <...> и <...> писать их впредь на холстах, с тем, чтобы впоследствии они были заменены мозаичными»¹⁹. «Императорское Мозаичное Заведение, — писал С. Н. Кондаков в «Юбилейном справочнике Императорской Академии художеств», — учреждено Государем Николаем Павловичем, главным образом для замены живописных изображений в Исаакиевском соборе, долженствовавшем служить монументальным памятником эпохи его царствования, — художественною мозаикою, в виду ее долговечности и ценности, а также вообще для насаждения в России мозаичного искусства»²⁰. Изначально предполагалось, «что мозаика может потребоваться не только для одного Исаакиевского собора, но и для Храма Спасителя в Москве, а также для галерей Императорских дворцов и частных лиц»²¹.

При ватиканской мастерской в Риме уже в 1847 году была открыта русская студия, в которую поступили художники-пенсионеры петербургской Академии, находившиеся в это время в Италии, И. С. Шаповалов, В. Е. Раев, С. В. Федоров и Е. Г. Солнцев. Обучение они проходили под руководством профессора Барбери. В Петербурге организацией выплавки смальт начал заниматься в 1848 году приехавший из Рима профессор В. Рафаэлли²². В 1851 году срок контракта с Рафаэлли окончился и он уехал в Италию. Тогда же из Рима в Петербург вернулись русские художники-мозаичисты, одновременно с ними прибыли итальянские мастера: мозаичисты Р. Кокки, Л. Рубиконди, химик-мозаичист Д. П. Бонафедде и его брат и помощник Л. П. Бонафедде²³.

В 1851 году были утверждены положение и временный штат Мозаичного заведения²⁴. Систематическая работа по созданию мозаик началась с 1852 года. В течение первых четырех лет были набраны иконы по оригиналам Т. А. Неффа для первого яруса главного иконостаса Исаакиевского собора: «Богородица с младенцем» — мозаичисты Рубиконди и Федоров, «Спаситель на престоле» — Кокки и Солнцев и «Исаакий Далматский» — Раев и Алексеев²⁵. «Одновременно производились работы мозаичных орнаментов для часовни на Николаевском мосту и была начата мозаичная облицовка, из орнаментов, для храма Христа Спасителя в Москве»²⁶.

В 1856 году вследствие окончания срока контракта художники-мозаичисты Кокки и Рубиконди уехали в Италию, а братья Бонафедде

остались в Петербурге продолжать работу. Руководителем технической и художественной частями производства был назначен Д. П. Бонафедде²⁷. Становление русской академической школы мозаичного искусства, которое было уже не частной инициативой одного энтузиаста, а проводилось под протекторатом императорской власти, во многом обязано мастерству и знаниям братьев Бонафедде.

К этому времени в мастерскую пришли художники Г. М. Агафонов, Н. М. Алексеев, И. Д. Бурухин, П. С. Васильев, Ф. Ф. Гартунг, Н. М. Голубцов, В. А. Колосов, М. П. Муравьев, А. Н. Фролов, М. А. Хмелевский и М. И. Щетинин. Они вместе с опытными мастерами продолжили набор мозаик для Исаакиевского собора.

Итак, перед мозаичистами была поставленная задача копировать смальтой живописные образы. Фактически они продолжили ту тенденцию развития наборного искусства, которая определилась в поздних работах ломоносовской мастерской. Однако, если художники XVIII века были самоучками в мозаике, то в академическом Мозаичном отделении мастера, получившие выучку в ватиканской студии, передавали свой опыт и знания молодым²⁸. «Римский» способ набора смальт способствовал точному воспроизведению живописи, выполненной масляными красками. В силу этого готовые произведения оценивались исключительно на основании их близости к оригиналу. Лучшей мозаикой считалась та, где не видна была ее наборная природа.

Однако мастера составляли, выкладывали кусочки материала, а не писали красками²⁹. Разница в материале и технологии создания произведений живописи и мозаики исключала возможность изготовления абсолютно точных копий. Приходилось по сути не копировать, а переводить художественную форму оригинала на язык наборной техники. «Фасад» мозаики, имитирующий оригинал, скрывал технику набора как элемент подсобный, не художественный, не имеющий права самостоятельного «голоса». Желаемый результат мог быть достигнут только неограниченным расширением цветовой палитры материала, предназначенного «для тончайшего подражания живописи, что собственно и дает только право мозаике из ремесленного производства, требующего более или менее технического навыка, перейти в искусство подражательное <...> то есть дающее возможность артисту состязаться с живописцем в передаче натуры»³⁰. Этого было, однако, недостаточно для передачи всех нюансов и контрастов тонко лессированной живописи оригиналов. Поэтому мозаичисты широко применяли, и не могли не применять, эффект оптического смешения цветов, интуитивно найденный еще в глубокой древности и продуманно использовавшийся Ломоносо-

вым. Однако в репродукционных мозаиках этот эффект был подчинен имитационной задаче. Художественный метод репродукционных мозаик заключался в создании живописного образа через имитируемый оригинал на основе виртуозного владения наборной копировальной техникой.

Русские художники с успехом освоили сложный «римский» метод создания мозаик. На временную мастику наносился контур изображаемого, затем, постоянно сверяясь с оригиналом, производился набор. Каждый кусочек смальты тщательно подтачивался и плотно укладывался в уготовленное для него место. Набор велся преимущественно квадратными или прямоугольными кусочками, располагавшимися ровными однообразными горизонтальными рядами. Форма отдельных кусочков и направление их кладки изменялись только при моделировке сложных элементов лица, волос, драпировок и т. п. Скрытая изображением гравюра набора (швы между отдельными кусочками смальты) не входила в состав средств художественного выражения мозаик, живописная форма выявлялась преимущественно цветом, а не характером кладки.

Академическая мастерская создавалась в период распада классицизма и формирования эклектизма в архитектуре. В это время в России со всей силой утвердился принцип «подражания» для всех сфер художественного творчества. Живопись и скульптура или стремились создавать идеализированные в духе классических традиций образы природы и человека, или воспроизводить действительность во всех проявлениях; архитектура копировала стили прошлого, что было аналогично подражанию исторической реальности. Точно так же в живописи, гравюре, мозаике и других видах пространственных искусств производственная, техническая сторона творчества маскировалась в погоне за достоверностью изображения.

Однако наравне с эстетикой подражательности в воздухе практического XIX века витали идеи рационализма. В архитектуре они проявились в так называемом «кирпичном стиле», а в живописи, следует признать, — в форме мозаики, которую до сих пор иногда называют неким «родом» или «способом» монументальной живописи. Таким образом, перевод в смальту святых образов, созданных художниками Т. А. Неффом, К. П. Брюлловым, Ф. А. Бруни, П. В. Басиным, Б. В. Венигом и другими, должен был предохранить живопись от воздействий сырого климата и разрушающего времени. Рационализм применения мозаик в декоре Исаакиевского собора корреспондировался с традицией «вечными красками» — смальтой создавать «вечную живопись» — мозаики, способные донести до потомков лучшие произведения художников-живописцев. По сути творческая

деятельность Мозаичного отделения сомкнулась с эстетикой церковного академизма и способствовала сохранению канонов формообразования, базировавшихся на образцах Высокого Возрождения, Болонской академии XVII века и классицистических правилах живописи. В ситуации, при которой эстетической нормой считалась только одна система формального изобразительного языка, невозможным было воссоздание средств художественной выразительности иконописи, возрождение специфических свойств мозаик античности и средневековья, возвращение к декоративной ломоносовской манере. Открытие, исследование и коллекционирование древнерусской живописи³¹, распространение национальных мотивов в зодчестве практически не отразились на манере художников, создававших оригиналы мозаик Исаакиевского собора. Единственный элемент — золотой фон отдельных икон, установленных в храме, свидетельствовал о некотором влиянии средневековой традиции на образную систему церковно-академических произведений.

Высокое качество работ, награды, полученные на петербургской выставке в 1861 и лондонской в 1862 году, обратили внимание на художественное значение деятельности мозаичистов. В 1867 году Академия художеств приняла участие во Всемирной выставке в Париже, на которой были представлены произведения Мозаичного отделения. «К этому времени русские художники настолько овладели мозаическим искусством что на выставке «русскую мозаику» признают стоящей выше конкурса, и мозаическому отделению присуждается золотая медаль»³².

«Работы наших мозаичистов для Исаакиевского собора, — отмечал М. П. Соловьев в 1885 году, — составляют последнее слово мозаичного искусства в Европе. В точности воспроизведения живописных произведений идти далее невозможно. Мозаика достигла совершенства как служебное орудие живописи»³³. Констатируя кризис репродукционной мозаики, Соловьев призывал к возрождению ее утраченной самостоятельности. «Изучение древностей искусства привело к более правильным воззрениям на значение мозаики, выяснило особые условия, специальную ее цель как искусства и заставляет открыть ей новые пути, на которых совершенствование так же бесконечно, как и для архитектуры, живописи и ваяния»³⁴.

Такой призыв был неслучаен. В 1860–1870-х годах с определенным пафосом первооткрывательства сформировалась эстетика импрессионизма, сильно повлиявшая на эволюцию всего европейского искусства. Главным его завоеванием было открытие свето-воздушной среды, заставившее живописцев обратить внимание на особенности цвета, на краски, передающие цветовые нюансы. «Они оста-

вили на своей палитре лишь 7 или 8 красок и вместо того, чтобы смешивать их на палитре, как это делалось раньше, стали переносить их на полотно почти в чистом виде, предоставляя глазу зрителя смешивать эти отдельные пятна в одно оптическое целое. Таким образом, — отмечал Я. А. Тугендхольд, — главное новшество и бессмертное открытие импрессионизма заключалось не столько в синтезе, сколько в анализе, в разложении красок. <...> Принцип оптического смешения красок, живопись чистыми красками — стали исходной точкой не только импрессионизма, но и всего нового искусства»³⁵. Однако импрессионизм с трудом пробивал себе дорогу в России³⁶, хотя она уже давно и прочно находилась в системе европейской культуры, и изменения в эстетике Запада не проходили мимо русских художников³⁷. Впечатления, полученные ими в период пребывания за границей, влияли на сознание, стимулировали сдвиги в творчестве и поиск новых средств выражения в искусстве, что красноречиво обнаружилось на рубеже XIX—XX веков в стиле модерн³⁸.

В первой половине XIX века в Венеции реставраторами мозаик собора св. Марка был «открыт» метод набора смальт на обратную сторону будущего произведения, получивший в отличие от прямого «римского» название «венецианского». Считалось, что именно таким способом изготовлялись мозаики в древности. В 1860-х годах венецианец А. Сальвиати начал применять его для изготовления мозаичных композиций. Относительные дешевизна и быстрота производства новым методом обеспечивали его распространение в Западной Европе. «Новая школа отвергла римские традиции и возвращается к преданиям древнехристианских мозаик, — писал М. П. Соловьев. — Она справедливо полагает, что даже при громадном разнообразии оттенков смальты никогда не будут в состоянии состязаться с кистью и палитрой живописца и, подобно им, передавать тончайшие переливы светотени <...> Изучение древних мозаик привело к первобытной простоте как в композиции, так и в исполнении. Оказалось, что полное впечатление достигается даже в том случае, когда в распоряжении мозаичиста находится всего несколько сотен смальт»³⁹.

Энтузиазм М. П. Соловьева, однако, в России разделяли немногие. Так, химик-технолог, заведовавший производством смальт, В. И. Селезнев с опаской отнесся к венецианскому начинанию, «выросшему на капиталистической почве» и стремившемуся «вульгаризировать искусство, сделать его общедоступным путем массового производства дешевых изделий <...> Шаблонность, спешность, пошлость, фальшь сменили прежние оригинальность, много-

образе личного элемента в изделиях <...>. Удешевление мозаик <...>, — считал он, — может расти лишь за счет экономии в смальте и крайнего суживания личного труда <...>»⁴⁰. Специалист по смальтоварению откровенно сомневался в возможности эстетического осмысления рационального набора материала. Однако признание красоты и эмоциональной полнокровности древних композиций, выполненных ограниченным количеством оттенков смальты, открывало при помощи «венецианского» метода путь к освоению опыта мастеров далекого прошлого. Об этом было сказано в статье М. П. Соловьева, глубоко осознавшего художественные возможности начинания. «Может быть, в начале, — писал он, — новые мозаичисты <...> увлекутся пристрастием к старине: время сгладит излишнее, и, в результате, мозаика пробьет себе свой настоящий путь»⁴¹.

Организацией, взявшейся за формирование новой школы мозаики в России, стала частная студия, основанная в 1890 году в Петербурге архитектором А. А. Фроловым (в 1897 году, после смерти основателя, во главе дела встал В. А. Фролов — младший брат архитектора)⁴². «Развитию дела и правильной постановке его, — писал В. А. Фролов в 1900 году, — в значительной степени способствовало введение нового приема письма оригиналов, по которым производится набор мозаики. В основе этого особенного приема лежит, возможно, большее упрощение письма путем введения определенных границ светотени, с ограничением переходов тона 3—8 ясно определенными оттенками (общий полутон, свет и тень и добавочные полутона), в зависимости от высоты, на которой должна находиться мозаика, — чем выше, тем меньше количество оттенков каждого тона»⁴³. Требования для оригиналов, вводимые в практику мастерской, определяли отношение к воспроизводимой смальтой живописи не как к обязательному для подражания образцу, а как к эскизу будущей мозаики. Уже одно только стремление подчинить переводимую в смальту живопись требованиям наборного искусства стало важным завоеванием Фроловых. Нововведения основывались не на механическом использовании «венецианского» метода, а на творческом осмыслении многовекового наследия мозаичного искусства.

Различие в подходе к решению художественного пространства мозаик мастерской Академии художеств и архитектора Фролова можно проследить, сопоставив иконы «Святая Екатерина» (оригинал Т. А. Неффа) малого иконостаса Исаакиевского собора, выполненную А. Н. Фроловым (отцом основателя частной студии) в 1868—1880 годах и А. А. Фроловым в 1893⁴⁴. Исходя из рационального способа набора смальт и стремясь возродить природную деко-

ративность мозаик, архитектор существенно переработал оригинал, значительно упростив рисунок и устранив сложные тональные переходы живописи. Обращает на себя внимание одна немаловажная деталь: на иконе появилась темно-коричневая контурная линия, чего никогда не было в живописи церковного академизма. Такая окантовка изображения могла возникнуть только после тщательного изучения византийского и древнерусского наследия и, кажется, была здесь впервые применена для усиления декоративного звучания композиции. Кладка смальт в мозаиках свидетельствует о разных задачах, которые ставили перед собой художники. Если А. Н. Фролов тщательной подгонкой смальт имитировал каждую деталь оригинала, то А. А. Фролов создавал декоративное пространство кусочками материала, собранными в обобщенные цветовые пятна. Оба мастера использовали эффект оптического смешения колеров. В академической мозаике смена цветов близлежащих смальт создает тон или мягкий переход к другому тону, в произведении частной студии введение полутонов в основной помогает цветопластической лепке формы. В первой мозаике гравюра набора уходит и растворяется в среде имитируемой живописи, во второй она имеет самостоятельное значение. Следуя рисунку оригинала, в некоторых местах набор вдруг теряет свою графическую основу и превращается в прихотливый динамичный узор, что особенно заметно в трактовке одежды Великомученицы Екатерины.

Крупнейшей работой мастерской Фроловых было исполнение мозаик для церкви Воскресения Христова на Екатерининском канале в Петербурге (1895—1907). Масштаб заказа, разнохарактерность оригиналов, предназначенных для перевода в мозаику, позволили выработать приемы, определенный стиль, подготовить специалистов «венецианского» набора. В начале XX века мастерская декоративной мозаики стала заметным явлением художественной жизни Петербурга, а ее владелец и руководитель В. А. Фролов авторитетным специалистом своего дела. Под его руководством выполнялись произведения для Петербурга, Москвы, Киева, Дармштадта, Варшавы, Таллинна, Кронштадта, Царского Села и других городов. Выполняя разнообразные заказы на мозаичное убранство архитектурных сооружений, Фролов определял масштаб и характер смальтовой кладки, ее соответствие месту и манере автора эскиза. Новаторскими выглядят композиции, созданные мастерской, включенные в систему декора зданий, построенных в стиле модерн. Так, например, струящиеся линии набора подчеркивают динамику фриза из цветов и листьев особняка С. П. Рябушинского на улице А. Толстого, 2/6, в Москве (арх. Ф. О. Щехтель, 1902), крупными кусками разномодуль-

Св. Екатерина.

Мозаика А. Н. Фролова по оригиналу
Т. А. Неффа. 1868—1869 гг.

Св. Екатерина.

Мозаика А. А. Фролова
по переработанному оригиналу
Т. А. Неффа. 1893 г.

ной смальты выложены пять громадных панно на фасаде доходного дома Н. Н. Лейхтенбергского на Большой Зелениной улице, 28, в Петербурге (худ. С. Т. Шелковий, арх. Ф. Ф. Постельс, 1904—1905)⁴⁵.

Необыкновенно эффектны произведения, выполненные по оригиналам Н. К. Рериха⁴⁶, для церквей в неорусском стиле, например, в имениях Пархомовка, Талашкино, в Почаевской лавре. Опираясь на традиции иконописи, в которой «только недавно рассмотрели <...> не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутье, овладевшее огромными плоскостями <...>»⁴⁷, Рерих создавал живописные стилизации, наполненные историческим духом средневековья. Важное место в развитии монументального искусства занимают мозаики, выполненные для церкви Покрова Богородицы в селе Пархомовке, недалеко от Киева (арх. В. А. Покровский). В центре западного фасада над главным входом установлена композиция «Покров Богородицы» (мозаика набрана в 1906—1907 гг.). Над мощной крепостной стеной возвышается фигура Богородицы, окруженная ангелами, поддерживающими покров — символ защиты города.

Мозаика мастерской В. А. Фролова
по оригиналу С. Т. Шелкового.
1905 г.

В нижней части размещены двенадцать святых старцев, двигающихся по шесть слева и справа навстречу друг другу.

Основа композиционного построения, масштабное и пространственное соотношение главных участников действия напоминают распределение религиозных сюжетов на мозаиках в апсиде собора святой Софии в Киеве — «Мария-Оранта» и «Евхаристия». Идея защиты, заступничества Богоматери также перекликается с темой памятника XI века. Сама мозаика, выполненная в мастерской Фролова, способствует возникновению исторической ассоциации. Поверхность многоцветного набора смальт не только передала характерные особенности оригинала художника, но стала неотъемлемой частью художественного образа произведения.

Живопись Рериха, рассчитанная на воспроизведение в смальте, обладала той степенью декоративности, которая наиболее соответствовала наборному искусству. Как бы слепленная крупными блоками, подчеркнутыми темной контурной линией — «графьей», она помогала мозаичистам вести набор. Крупные структурообразующие части оригинала набирались более мелким модулем смальт. Живопис-

ная манера Рериха облегчала привычное для художника-мозаичиста, работающего обратным «венецианским» способом, обобщение цветных кусочков в декоративные пятна. В рамках каждого отдельного «пятна» кладка смальт была не пассивной, а обладала своей внутренней декоративностью, зависимой от конкретного места композиции. Графика набора то подчеркивала статичность, то выявляла динамичность интерпретируемого фрагмента: менялся размер, профиль кусочков смальт, ориентация и характер кладки.

Выступая на Всероссийском съезде художников в 1912 году, В. А. Фролов отмечал, что «в основе всякой древней мозаики лежало декоративное начало, и это ее особенность, в связи с умелым сочетанием тонов, и создает то прекрасное впечатление, которое мы выносим из церкви Равенны, Киевской Софии и др.»⁴⁸. Отстаивая роль непосредственных создателей мозаик, докладчик отмечал, что «некоторая разница в приемах самого набора мозаики, направление кусков и различное пользование материалом заставляет признать за мозаичистом некоторую долю самостоятельности»⁴⁹.

Мозаичисты Фроловы был сторонниками и пропагандистами «венецианского» метода набора, для того времени единственного способа, открывавшего перспективу развития мозаики как самостоятельного вида искусства. Выкладка смальт на обратную сторону будущего произведения была проще и экономичней по сравнению с «римским» способом, в то же время мозаичисту предоставлялась возможность не повторять, а как бы пересказывать языком смальт произведение живописи. Внешняя простота исполнения и трудность контроля лицевой стороны мозаики привели к ложному представлению о нехудожественности обратного способа, от которого впоследствии отказались. Однако исторически «венецианский» метод сыграл важную роль в переориентации мозаики с позиций подчиненной техники на пути самостоятельного развития. Именно он возвратил мозаике ту декоративность, с которой начался ее путь возрождения в XVIII веке. Отметим, кстати, что Б. А. Косолапов, анализируя архивные источники, пришел к выводу о применении Ломоносовым в наборе «Полтавской баталии» обратного способа⁵⁰. Таким образом, в России утверждение самобытного языка мозаики растянулось на длительный срок от смелых начинаний Ломоносова до новаторских нововведений Фроловых. В XX веке мозаика стала одним из самых распространенных видов художественного творчества и не скрывала более своей природной декоративности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Вавилов С. И.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961. С. 36.
- ² *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л. Т. 3. 1952. С. 432.
- ³ Краткое обозрение мозаичного дела, особенно в России. Сост. *П. П. Петров*. СПб., 1864. С. 37. Далее ссылки на это издание: *Петров П. Н.* Краткое обозрение.
- ⁴ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. 1957. С. 502.
- ⁵ *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1986. С. 128.
- ⁶ Трудолюбивая пчела. СПб., 1759, июль. С. 358. Цит. по: *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950. С. 11.
- ⁷ *Малиновский К. В.* Предисл. к разделу «О мозаике» // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Сост., пер., предисл. *К. В. Малиновского* Т. 1. М., 1990. С. 115.
- ⁸ *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950. С. 54.
- ⁹ *Ревалд Дж.* Постимпрессионизм / Пер. *П. В. Мелковой*. Л.; М., 1962. С. 57.
- ¹⁰ *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. С. 56.
- ¹¹ *Преображенский П.* Исаакиевский собор. История построения храма, его святылице и художественные достопримечательности. СПб., 1894. С. 3, 4.
- ¹² Цит. по: *Никитин Н. П.* Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л., 1939. С. 145.
- ¹³ См.: Там же. С. 146.
- ¹⁴ *Бутиков Г. П.* Музей «Исаакиевский собор». Л., 1991. С. 64.
- ¹⁵ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914. Сост. *С. Н. Кондаков*. 1. Часть историческая. СПб., 6/г. С. 129—130. Далее ссылки на это издание: *Кондаков С. Н.* Юбилейный справочник.
- ¹⁶ О нем см.: *Тарасова Л. А.* Мозаики Е. Я. Веклера в собрании Государственного Эрмитажа // Декоративно-прикладное искусство России и Западной Европы. / Сб. научн. тр. Л., 1986. С. 58—65.
- ¹⁷ Там же. С. 61.
- ¹⁸ *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств. Ч. 1—3. СПб., 1864—1866. С. 48.
- ¹⁹ *Кондаков С. Н.* Юбилейный справочник. С. 130.
- ²⁰ Там же. С. 129.
- ²¹ Там же. С. 130.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 131.
- ²⁵ *Петров П. Н.* Краткое обозрение. С. 49—50.
- ²⁶ *Кондаков С. Н.* Юбилейный справочник.
- ²⁷ Там же. С. 131.
- ²⁸ См.: *Кутейникова Н. С.* Из истории мозаичной мастерской Академии художеств (2-я половина XIX—1940-е гг.) // Вопросы художественного образования в России. Л., 1984. Вып. XXXVI. С. 72.
- ²⁹ Подробнее о специфике мозаичного искусства см.: *Фролов В.* Язык мозаики // Художник и город. М., 1988. С. 336—347.
- ³⁰ Краткое обозрение мозаичного дела, особенно в России. Сост. *П. Н. Петров*. СПб., 1864. С. 7.
- ³¹ См. об этом: *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986.
- ³² *Селезнев В.* Указ. соч. С. 75.
- ³³ *Соловьев М. П.* Мозаика на Западе и в России // Вестник изящных искусств, издаваемый при Императорской Академии художеств под редакцией *А. И. Солова*. Т. III. Вып. 1. СПб., 1885. С. 90.
- ³⁴ Там же. С. 90—91.

³⁵ Тугендхольд Я. А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. Избранные статьи и очерки. М., 1987. С. 25—26.

³⁶ См.: *Сарабьянов Д. В.* Русская живопись XIX века среди европейских школ. Опыт сравнительного анализа. М., 1980. Глава «Импрессионизм и стиль модерн в России конца XIX века». С. 166—237.

³⁷ См. об этом подробнее: *Сарабьянов Д. В.* Указ. соч.

³⁸ См. об этом подробнее: *Сарабьянов Д. В.* Указ. соч. Глава «Импрессионизм и стиль модерн в России конца XIX века». С. 166—237; *Борисова Е. А., Стернин Г. Ю.* Русский модерн. М., 1994; *Фролов В. А.* Архитектура модерна: проблема взаимодействия искусств // 100 лет петербургскому модерну. Материалы научной конференции 30 сентября—2 октября 1999 года. СПб., 2000. С. 56—77.

³⁹ *Соловьев М. П.* Указ. соч. С. 91.

⁴⁰ *Селезнев В.* Изразцы и мозаика (монументальная эмалевая живопись). Очерк техники и значения их в декоративном искусстве и зодчестве. СПб., 1896. С. 49—50.

⁴¹ *Соловьев М. П.* Указ. соч. С. 91.

⁴² *Фролов В. А.* Мозаичная мастерская Фроловых. 1890—1917 // «Храм и культура». «Древнерусский семинар». Сб. мат. (ноябрь 1994—июнь 1995). Вып. 12. СПб., 1996. С. 91—103.

⁴³ [*Фролов В. А.*] Заметка о мозаике. Первая частная мозаическая мастерская Фролова. 1890—1900. СПб., С. 10—11.

⁴⁴ Мозаика «Святая Екатерина», выполненная А. А. Фроловым, с 1990 г. находится в церкви Св. Екатерины в Мурино и практически недоступна для исследователей.

⁴⁵ См.: *Фролов В. А.* Мозаика на Большой Зелениной улице // Петроградская сторона. История и архитектура. Тезисы докладов краеведческой конференции. Л., 1988. С. 43—44.

⁴⁶ См.: *Фролов А.* Творческое содружество Н. Рериха и В. Фролова // Искусство. 1970. № 8. С. 62—68.

⁴⁷ *Рерих Н.* Сочинения. М., 1914. Т.1. С. 121.

⁴⁸ Труды Всероссийского съезда художников. Пг., [б. г.]. С. 40.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Косолапов Б. А.* О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работа над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Советское искусствознание '83. М., 1984. Вып. 1. С. 274.

ПСКОВСКИЕ МОНАСТЫРСКИЕ ИКОНОСТАСЫ И ИХ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*

Монастырский тип иконостаса никогда не был предметом специального внимания. Более того, в обширной научной литературе, посвященной истории развития древнерусского высокого иконостаса¹, составу его рядов², символическому замыслу и содержанию его художественной структуры³ такой тип никогда не выделялся и не рассматривался как самостоятельный. Отчасти это справедливо, поскольку структура иконостаса была общей как для кафедральных, приходских, так и для монастырских храмов. С тем же явлением мы имеем дело при рассмотрении архитектурных форм и системы фрескового декора, которые в силу своей универсальности одинаково использовались и в том, и в другом случае, но всегда имели свои особенности, определявшиеся целью и назначением храмов. Как кажется, и состав монастырских иконостасов, по сравнению с обычными храмовыми, обладал рядом характерных черт, объяснимых особенностями монастырских служб и чинопоследований.

Псковских икон, которые можно было бы связать с иконостасами конкретных храмов, сохранилось немного. Еще меньшее число памятников удастся соотнести с монастырскими комплексами, более других пострадавшими за годы советской власти. Затруднения, возникающие при реконструкции интерьеров псковских церквей, объясняются не только фрагментарностью дошедших до нас произведений, но и отсутствием древних описей и переписных книг монастырского имущества, фиксировавших расположение икон, состав и своеобразие иконостасов. Но и немногочисленные уцелевшие документы описывают особенности храмовых интерьеров настолько скупо, что не позволяют судить о числе и особенностях украшавших их икон. Определение места происхождения памятников значительно затруднено отсутствием «паспортных» данных — многие из хранящихся в Псковском музее икон утратили сведения о поступлении⁴, а произведения псковской иконописи,

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 01-04-16304а «Боковые врата иконостаса: история—символика—иконография»

находящиеся ныне в других музеях, чаще всего попадали туда из частных собраний.

Состав и иконографическое своеобразие псковских иконостасов обсуждался в ряде научных публикаций. Исследователи отмечали необычайно развитые праздничные чины XVI века, включавшие, помимо двенадцатых праздников, иконы страстного цикла и такие редкие сюжеты, как «Преполовление» и «Воздвижение Креста»⁵. В композициях псковских праздников часто использовались сложные иконографические изводы с рядом уникальных деталей⁶. Расширенным составом отличались и деисусные чины, причем уже в XV веке они могли заменяться апостольскими⁷. Местный ряд традиционно включал иконы «Троицы Ветхозаветной»⁸, служившей религиозным символом псковской духовной культуры, поскольку главный кафедральный собор был посвящен Св. Троице — обычно ее ставили на самом почетном месте — справа от царских врат. Здесь же размещали образы «Воскресения» — «Сошествия во ад» — в XVI столетии они стали неотъемлемой частью псковского иконостаса, причем часто отличались уникальным иконографическим изводом⁹. Столь же традиционными для этого времени становятся большие почитаемые образы Богородицы с Младенцем и житийные иконы святого Николая, для клейм которых почти обязательными оказываются редкие сюжеты и мотивы, встречающиеся только в псковской культуре¹⁰.

Некоторые наблюдения над составом и иконографией икон, составлявших в древности ансамбли псковских монастырских иконостасов, все же позволяют выделить ряд особенностей, характерных именно для этого типа памятников и распространенных в местной художественной культуре, а также высказать предположения о замысле, обусловившем их появление.

С монастырским происхождением следует связывать, прежде всего, развитые деисусные чины с образами отшельников и преподобных. Для середины—третьей четверти XVI в. такой пример известен по иконам деисусного и праздничного рядов, совмещенных на одних досках, происходящим из иконостаса небольшой монастырской церкви второй четверти—середины XVI века церкви мужского Введенского монастыря¹¹. В состав этого тринадцатифигурного чина включены образы преподобных Саввы Освященного, автора монашеского Иерусалимского устава, и его учителя-наставника Евфимия Великого — двух самых известных основателей монастырей и великих лавр Палестины. Они расположены крайними среди святых ходатаев, поставленных по обыкновению «чину», и замыкают небесное шествие к престолу Бога-Вседержителя. Такое размещение

фигур Саввы и Евфимия, участвующих в торжественной процессии и как бы обрамляющих деисусное моление, свидетельствует об особом заказе и содержании этого иконостаса. Он должен был зримо свидетельствовать молившейся перед ним монастырской братии о заступничестве великих палестинских подвижников, словно возглавляющих предстояние самих Введенских иноков. Выбор преподобных, по-видимому, был также не случаен. Жившие сначала под духовным руководством Евфимия, а потом усединенно в основанных ими иерусалимских монастырях, они не могли не напоминать псковичам о своих местных пустынниках второй половины XV века — Евфросине Псковском и Савве Крыпецком. Последние также жили сначала вместе под духовным началом старца Евфросина — основателя Спасо-Елеазаровского монастыря¹², а впоследствии прославились как аскеты-отшельники. Причем основанный Саввой недалеко от Пскова Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь отличался, подобно лавре Саввы Освященного, особо строгим общжительным уставом и суровой аскетической жизнью¹³.

Такое мышление было характерно для псковской культуры XVI—XVII веков, часто обращавшейся к образам соименных святых. Достаточно вспомнить многочисленные иконы с их небольшими фигурами в среднике или палеосными изображениями¹⁴, не каноничные деисусные чины на верхнем поле праздничных икон («Рождество Богоматери» из собрания П. Корина¹⁵, «Сошествие во ад»¹⁶), деисусные ряды иконостасов, где среди представленных «по чину» святых появлялись псковские местночтимые князя Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей¹⁷.

По-видимому, деисусные чины, включавшие образы преподобных, подобные рассмотренной двухрядице, были весьма характерны для монастырского типа иконостаса. Причем, значительное число изображенных монахов могло придавать деисусной композиции особый монашеский, аскетический характер. Так, согласно описи Псково-Печерского монастыря, составленной между 1585—1587 гг., в церкви Сорока мучеников Севастийских деисусный чин иконостаса также состоял из тринадцати фигур, среди которых — помимо Спаса, Богоматери Иоанна Предтечи и Архангелов — были Феодосий и Антоний Печерские, Варлаам Хутынский, Леонтий Ростовский, Петр митрополит, Ефрем Сирин, Савва Освященный и Иоанн Дамаскин¹⁸. Реконструируемый по описи монашеский вариант деисусного чина, совершенно не характерный для обычных храмовых иконостасов, включал автора Иерусалимского (монастырского) устава и монахов-гимнографов, а также пять образов русских святых — основателей и игуменов известных монастырей и крупных

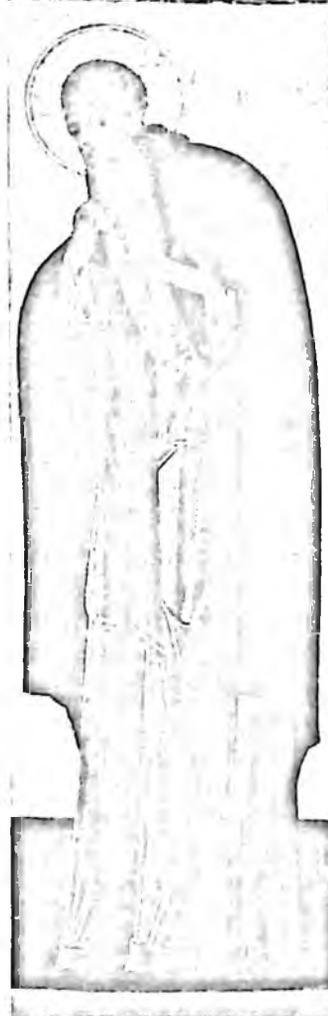
церковных деятелей. Следует отметить, что все представленные здесь преподобные, несмотря на свою монашескую мантию и аскетический образ отшельнической жизни, прославились как наставники, духовные учителя, писатели, борцы с ересями и иконоборчеством, активно участвовавшие в духовной и общественно-политической жизни своего времени, имевшие большое влияние на умонастроения современного им общества. Появление этих святых в иконостасе печерского монастырского храма, скорее всего, было обусловлено характерными для монашеской жизни второй половины XVI века идеями духовного наставничества и стойкости, защиты и проповеди веры. Включенный в состав деисусного чина образ московского митрополита Петра, много способствовавшего возвышению московского княжества и служившего его духовным символом, свидетельствует о промосковских настроениях Печерской обители, характерных для ее внутренней жизни во второй половине столетия.

Примечательно, что сходные идеи, характерные для больших монументальных монастырских комплексов, легли в основу миниатюрных складней-иконостасов, написанных по заказу игуменов или важных представителей монашеских братии. Вероятно, какому-то высокому духовному лицу принадлежал в древности небольшой складень-триптих с изображением Деисуса первой половины XVI века (ГТГ)¹⁹. На его боковых створах среди изображенных в три ряда предстоящих помещены фигуры русских чудотворцев, преподобных, основателей крупных обителей. Отсутствие надписей не позволяет уверенно идентифицировать всех святых (возможно, это Савва Сторожевский, Дмитрий Прилуцкий, Сергей Радонежский, Павел Обнорский, митрополиты Петр, Алексей, Иона), но сам факт их включения в композицию келейного иконостаса весьма знаменателен.

Работе псковского мастера принадлежит небольшой походный иконостас третьей четверти XVI века, в XIX—начале XX вв. находившийся в церкви Белой Троицы в Твери, а ныне хранящийся в собрании Тверской Картинной галереи²⁰. Его четырехъярусная структура с праздничным, деисусным, своеобразным местным чином и ярусом прямоличных фигур преподобных повторяла привычное размещение икон «по чину» и была весьма символична. Следует обратить внимание на необычный состав праздничного яруса, включающего всего семь праздников, причем два крайних из них — «Рождество Богородицы» и «Успение Богоматери» — относятся к богородичному циклу. Сцены необычно растянуты по ширине клейм, что заставляет думать об особом желании заказчика

Иконы деисусного и праздничного рядов из иконостаса второй четверти—

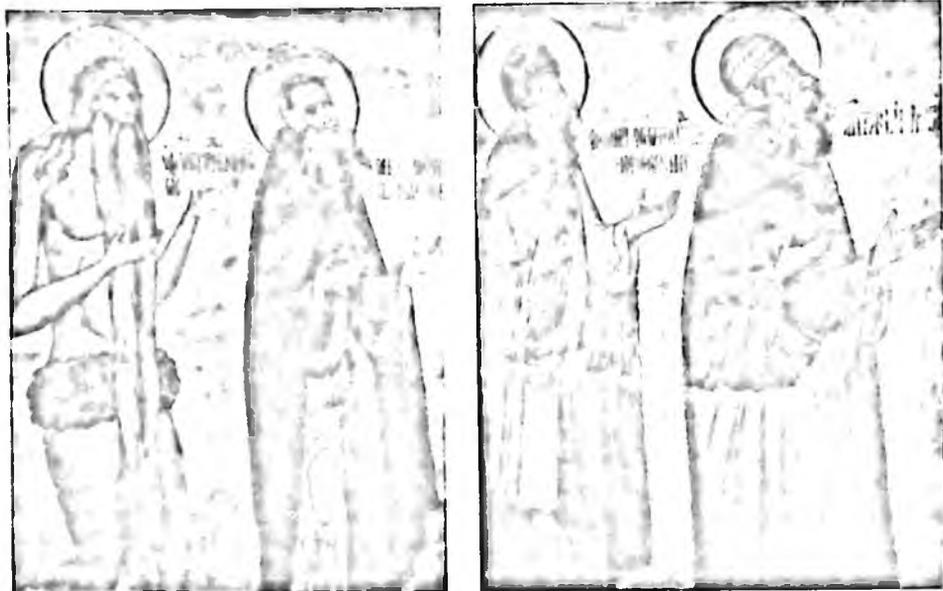

средины XVI века церкви мужского Введенского монастыря. Псковский музей

поместить не все сюжеты праздников, но лишь эти конкретные изображения. Деисусный ряд представляет собой вариант апостольского чина, поскольку помимо традиционного ядра из пяти центральных икон остальные восемь — это фигуры апостолов и евангелистов: Петра и Павла, Иоанна Богослова и Луки, Матвея и Марка, Фомы и Филиппа. Они демонстрируют насколько устойчивым во Пскове был столь необычный состав деисусного чина. Не менее интересным оказывается третий регистр изображений, где в семи клеймах показаны всего лишь две праздничные иконы «Сошествия во ад» и «Троицы Ветхозаветной», расположенные в соответствии с уже отмеченными особенностями убранства местного ряда. Остальные пять клейм включают по шесть «пирамидально» изображенных фигур святых в соответствии с чином их святости: воины, князья, епископы и митрополиты (помещенные в самом центре ряда), воины и целители, св. жены-мученицы. О псковском происхождении этого памятника свидетельствует, прежде всего, подбор святых князей, где вновь появляются князья Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей, а также княгиня Ольга, которая почиталась здесь с особым благочестием, поскольку Псков считался ее родиной. Следует также отметить появление на иконе третьей четверти столетия редкого образа Довмонта, канонизированного лишь в конце XVI века²¹. Такие случаи весьма характерны для локальной культуры и обычно свидетельствуют о местном происхождении мастера и заказчика. Поистине грандиозным по размаху и замыслу является нижний регистр иконы, включающий 26 фигур преподобных, отшельников, монахов, юродивых и блаженных. Это преподобные Макарий Египетский, Онуфрий Великий, Петр Афонский, Марк Фраческий, Александр Свирский, Зосима и Савватий Соловецкие, Дмитрий Прилуцкий (в надписи «Вологодский»), Макарий Калязинский, Кирилл Белозерский, Сергей Радонежский, Евфимий Великий, Стефан Новый, Пахомий Великий, Ефрем Сириянин, Антоний и Феодосий Печерские, Иоанн архиепископ Новгородский, Варлаам Хутынский, Иоасаф царевич Индийский и Варлаам Пустынный, Евфросин Псковский, блаженные Максим и Василий Московские, Андрей Юродивый, Мария Египетская. Следует обратить внимание на расположение святых: в центре ряда выделены преподобные, прославившиеся как составители монашеских уставов, наставники, духовные учителя, защитники веры и иконопочитатели. Замыкают его святые, олицетворяющие крайнюю аскезу: юродивые, блаженные, молчальники, пустынники. Это самый обширный из известных в русском искусстве до XVI века подбор «портретов» русских князей, епископов и преподобных. Явное преобладание темы пустынножительства, аскезы и монашества заставляет думать о принадлежности этого миниатюрного походного иконостаса представителю монашеских кругов. Выделение среди

преподобных Евфросина Псковского, образ которого неизвестен в искусстве других центров, вновь подчеркивает псковское происхождение заказчика. А изображение в центре «Крещения Господня» над Спасом Вседержителем и нижнего клейма с избранными епископами и митрополитами русской церкви с возвышающейся над ними фигурой Николая Чудотворца, — явно намекают на его высокое, скорее всего, епископское положение. Г. В. Попов высказал предположение, что заказчиком походного иконостаса мог быть тверской епископ Савва (1570—1572/73)²², выходец из псковских земель, постриженник и бывший игумен Псковского Успенского Печерского монастыря²³. Эта мысль покажется еще более вероятной, если обратить внимание на одну композиционную особенность «Походного иконостаса», необычную для подобных произведений. Нижний регистр иконы, на котором представлены преподобные, повторяет роспись сплошной каменной алтарной преграды, отделявшей алтарь от наоса храма. Византийская традиция таких преград на Руси в конце XIV—начале XV в. была переосмыслена как нижний ярус высокого иконостаса: над фресками с фигурами святых обычно возвышались местный, деисусный, праздничный и пророческий ряды. Причем во всех известных случаях, независимо от назначения храма, темой росписи были монахи и преподобные, учителя аскезы и пустынники. Такие расписные преграды с фигурами преподобных сохранились под иконостасами в Успенском (1481)²⁴ и Благовещенском (1405, известна по фрагментам фресок)²⁵ соборах Московского Кремля, Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря (1423—24), соборе Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря (вторая четверть XV в.)²⁶, Троицком соборе города Александрова (1513)²⁷, Смоленском соборе Новодевичьего монастыря (1524), Вознесенском соборе Оршина монастыря (около 1567 г.). Особенно значительна по размерам и представительна по составу преграда Успенского собора, состоящая из 23, но первоначально, судя по реконструкции²⁸, насчитывавшая 25—26 фигур, то есть столько же, сколько представлено на рассматриваемой псковской иконе. Совпадает и подбор святых, включающий, в частности, Варлаама и Иоасафа, Марка Фраческого, Ефрема Сирина, Онуфрия Великого, и расположение фигур — отшельники, блаженные и юродивые по краям, а в центре самые известные деятели Церкви. Но в росписи Успенского собора отсутствуют русские преподобные, отшельники и устроители известных монастырей.

В этой связи следует вспомнить, что и в Успенском соборе Псково-Печерского монастыря в приделе Антония и Феодосия Киево-Печерских была обнаружена расписная алтарная преграда с образами преподобных, судя по стилю, исполненная в 50—60-х гг. XVI в.²⁹ На ней представлены развернутые к центру восемь фигур святых, с

Расписная алтарная преграда с образами преподобных. 50—60-е гг. XVI в.
Успенский собор Псково-Печерского монастыря, придел Антония и Феодосия
Киево-Печерских

молитвенно воздетыми руками, торжественно шествующие от дверей жертвенника и диаконника к царским вратам. Процессия состоит из учителей аскезы, отшельников, составителей уставов монашеского жития: слева направо изображены Онуфрий Великий, Савва Освященный, Антоний Великий и Антоний Печерский, справа налево, от южной стены: Марк Фраческий, Макарий Египетский, Евфимий Великий и Феодосий Печерский. Не исключено, что в древности каменная алтарная преграда перекрывала не только придел, но и весь храм Успения. Фигуры преподобных Антония и Феодосия Печерских включены в состав этого своеобразного монашеского деисуса как святые, которым посвящен престол придельного храма, а само посвящение, безусловно, связано с характером Печерского монастыря как монастыря пещерного, прототипом которого были не только знаменитые палестинские обители, но, прежде всего, Киево-Печерские пещеры. Фигуры киевских преподобных, игуменов первого русского монастыря представлены и в нижнем ряду «Походного иконостаса».

По замыслу составителя этого необычного «монашеского» деисусного чина, молитвенная процессия преподобных — великих аскетов и духовных наставников иллюзорно раздвигала тесное пространство пещерного храма и «реально» соединялась со стоящей

Южные боковые врата собора Иоанно-Богословского
Крыпецкого монастыря. 1705. В начале XX века находились
в Единоверческой церкви г. Риги.
(Фото М. В. и А. И. Успенских)

перед преградой молящейся братией монастыря, уничтожая временные расстояния между древними палестинскими и египетскими отшельниками и печерскими насельниками XVI века. Направленное к святому престолу и возложенным на нем во время литургии Св. Дарам шествие святых уподобляло эту композицию Службе святых отцов, вовлекая всех предстоящих в ее таинство. Выведенные из алтарного пространства и размещенные перед глазами монахов и непосредственно рядом с ними — на земле воплощенные образы отшельников и аскетов, уже достигших высшего духовного совершенства, должны были вселять в каждого из них уверенность в возможность обретения и стяжания Царствия Небесного. Причем имена представленных преподобных не могли не напоминать псковичам о соименных им местных прославленных подвижниках: Савве Крыпецком, Евфросине Псковском, Онуфрии Мальском, основателе Рождественского Мальского монастыря, печерском святом — отшельнике Марке, по преданию подвизавшемся в пещере еще до основания монастыря. Такая соотнесенность имен великих подвижников, представленных на преграде, и местных псковских святых-отшельников³⁰ наводит на мысль о глубоко продуманном характере иконографической программы росписи, заказчик которой, по-видимому, был тесно связан своими корнями с духовной культурой древнего Пскова.

Не исключено, что Савва — игумен Псково-Печерского монастыря, покидая родную обитель, заказал себе в качестве келейного и походного иконостаса миниатюрное повторение главного живописного монастырского ансамбля — иконостас соборного храма Успения. О распространенности таких миниатюрных «приставных» иконостасов говорит опись того же Печерского монастыря, составленная между 1585—57 гг., отмечавшая, что в церкви Благовещения *«среди трапезы у поставца деисус на красках, в киоте, с господскими праздники и с пророки»*³¹.

Появление расписной алтарной преграды в 60-х годах XVI века следовало бы считать явлением архаичным, поскольку в это время особенно активно развивается местный ряд иконостаса, к концу столетия уже закрывавший сплошной стеной все его нижнее пространство. Однако, судя по сохранившимся памятникам, именно к этому десятилетию относятся такие монастырские памятники, как преграда Вознесенского Оршина монастыря, построенная около 1567 г. (сохранилась фигура Онуфрия Великого, расположенная около входа в алтарь)³², а также предалтарная стенка центрального памятника эпохи Ивана Грозного — Успенского собора Троице-Сергиева монастыря³³. Возможно, все они так или иначе восходили к росписи

московского Успенского собора, повторяя фигуры представленных там святых. Структура иконостаса главного кафедрального храма Руси на протяжении всего XVI столетия оставалась образцом для подражания в крупных монастырских храмах. В этой связи можно вспомнить, что и политика преподобного Корнилия, знаменитого игумена Псково-Печерского монастыря³⁴, и тверского епископа Саввы носила промосковский характер: они нередко бывали в Москве и, безусловно, хорошо знали фресковые изображения преподобных на преграде Успенского собора.

Что касается праздничного ряда, то его типология, по-видимому, была единой и достаточно универсальной как для храмовых, так и для монастырских иконостасов. Во всяком случае, особенности его развития и характерные черты, которые появляются в его структуре в XV—XVI вв., прослеживаются во всех известных памятниках, независимо от их принадлежности и назначения.

Возможно, с введением на Руси монашеского Иерусалимского устава в конце XIV в. и широким распространением его в XV столетии связано заметное расширение состава праздничного ряда. Именно в это время появляются и приобретают исключительное значение иконы страстного и пасхального цикла, праздничные сцены Троицкого круга и такие экклезиологические по содержанию композиции, как «Троица Ветхозаветная», «Преполовление», «Воздвижение Креста», «Покров Богоматери» и «Успение Богоматери». Расширение праздничных рядов иконостасов мы не можем связывать с монастырской литургической практикой, хотя они и отвечают порядку богослужений монашеского устава с его более развитой системой чтений, богатой гимнографической практикой, сложной структурой суточных служб и всенощных бдений. Интерес к подробностям земной жизни Спасителя, особенно к событиям Страстной недели, пронизывающий содержание канонов в типиконе Саввы Освященного³⁵, мог послужить непосредственной причиной развития праздничного ряда в сторону умножения его сюжетов и усложнения иконографии. Не исключено, что впервые такие развернутые праздничные чины появляются именно в монастырях, о чем и свидетельствуют самые ранние иконостасы с такой «расширенной» программой, принадлежащие монастырским соборам: Троицы в Троице-Сергиевом монастыре, 1425—1427 г., Св. Николая Новгородского Гостинопольского монастыря, конец XV века, Успения Богоматери Кирилло-Белозерского монастыря, 1497 г., Троицкого собора Павло-Обнорского монастыря, около 1500 г.³⁶ Но уже на самом раннем этапе теми же особенностями обладают и соборные иконостасы, например, праздничный ряд Успенского собора во Владимире, 1408 г.,

судя по описи XVII века, также насчитывал 25 «праздников» и среди них иконы «страстного цикла»³⁷.

Однако в составе иконостасов XVI—XVII всков существовали такие образы, появление и развитие которых с уверенностью можно связывать именно с монастырским типом храмов. Речь идет о боковых вратах, ведущих из наоса в помещения жертвенника и дьяконника. Нам уже приходилось говорить, что появление декорированных боковых дверей иконостаса относится ко времени сравнительно позднему — не ранее второй половины—конца XIV столетия. Оно было непосредственно связано с превращением низкой алтарной преграды в высокий иконостас и закреплением за северной и южной апсидами функций жертвенника и дьяконника³⁸. Но и даже в XVI веке форма врат и их художественное убранство еще не получили широкого распространения и вход в предложение или диаконник нередко завешивали ткаными завесами. Поэтому сохранилось их не так много. Не часто описания боковых дверей можно встретить и в переписных книгах, поскольку врата, как функциональная принадлежность иконостаса, часто не рассматривались сакральным поклонным образом. Они служили наглядным напоминанием о грехе, покаянии, прощении человека, восшествии его на небо и обретении им Царствия Небесного. Поэтому и декор на боковых дверях был «говорящим», носящим назидательный и дидактический характер: через сжатые зрительные формулы он являл прототипы поведения человека, желающего достичь врат и войти в Небесную Скинию. Вероятно, именно в этом «неиконном» характере врат кроется причина того, что их довольно редко описывали в инвентарях храмового интерьера.

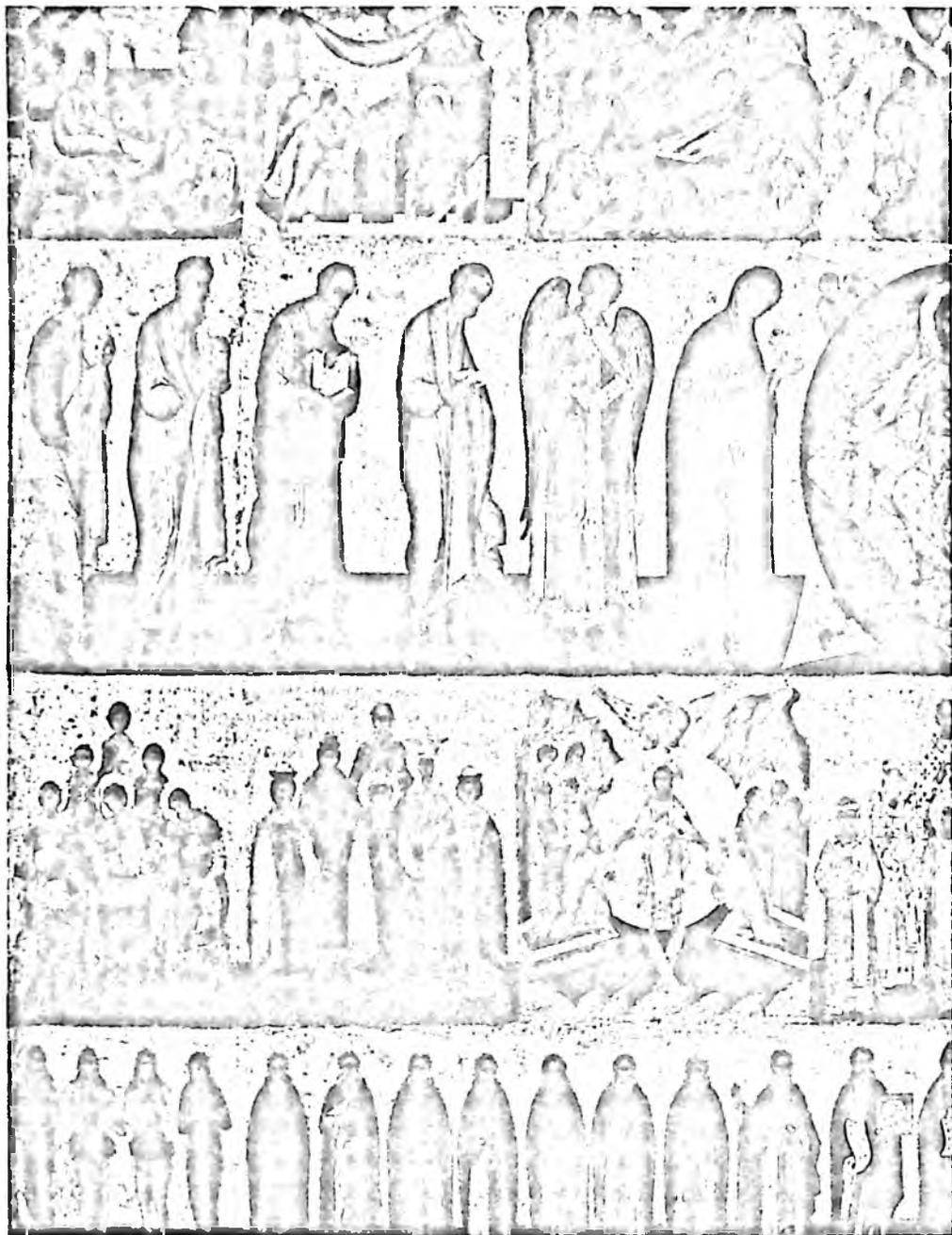
Именно с такой ситуацией сталкиваемся мы при обращении к описям псковских монастырей, например, упомянутой описи Псково-Печерского монастыря 1585—1587 гг. или переписной книги того же монастыря, составленной в 1639 году³⁹. В последней при описании церковных иконостасов нередко называются северные и южные врата, но ни разу не упомянуты сюжеты их живописного убранства. Наше внимание привлекло описание двух икон Единоверческой церкви в Риге, составленное в 1896 г. М. В. и А. И. Успенскими⁴⁰. В связи с подготовкой в Риге X Археологического съезда они были командированы туда Московским Археологическим обществом для изучения и фотографирования древних икон и памятников церковной старины, на которые впервые обратил внимание Комитета Съезда побывавший там Н. В. Покровский⁴¹. В XVIII—XIX вв. в Риге сосредоточилось значительное собрание древних икон и предметов церковного убранства, поскольку здесь обосновались скрывавшиеся от

преследования властей раскольники. Они основали ряд церквей и молитвенных домов, которые были наполнены предметами старины, многие из которых впоследствии вошли в состав Церковно-Археологического музея православных древностей, учрежденного по распоряжению Синода в 1895 г.

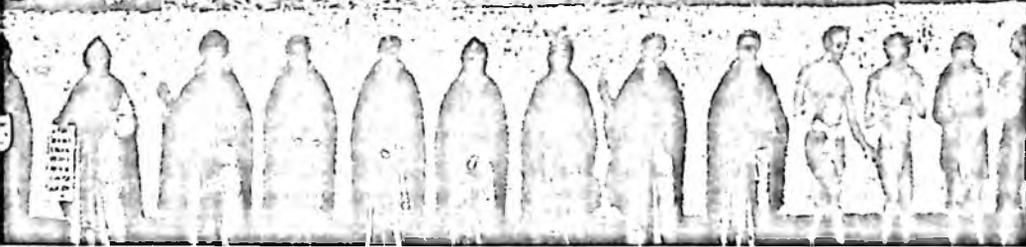
Описывая иконостас Единоверческой церкви в Риге, состоящий из ряда древних икон, М. В. и А. И. Успенские подробно рассмотрели сюжеты на северных и южных вратах, а также полностью привели надпись с летописью, помещенную внизу северной двери: *«1705 года. Построены сии северныя и южныя двери и позолочены повелением игумена Феодосия и братии»*. Успенские со слов священника единоверческой церкви отца Трифона записали данные о поступлении врат: они были переданы сюда в 1830-х гг. Иринархом, викарием псковским, епископом Рижским ⁴². Упомянутый в надписи Феодосий мог быть игуменом Псковского Иоанно-Богословского Крыпецкого монастыря: среди его настоятелей в феврале 1706 года отмечен преподобный Феодосий ⁴³.

Полотнище каждой створки врат, имеющих килевидное завершение, разделено на три регистра. На северной двери в верхнем ярусе изображена сцена «Видение Евлогия». На фоне семиглавой церкви с образом «Богоматери Знамения» сверху центрального прясла возвышается литургический престол с водосвятной чашей, над которой склонились преподобные Пахомий и Моисей. Вокруг множество монахов, среди которых видны фигуры ангелов. Одни из них из кошниц (корзин) раздают круглые просфоры, другие достают и раздают деньги из кошельков, третьи изображены с открытыми ларцами. В левом нижнем углу сцены преподобный Евлогий с раскрытым свитком в руках, текст на нем гласит: *«Семо сию откровению сподоби мя Господь смиренного Евлогия самовидцу быти, како ангели невидимо ликовствуют со иноки»*. Между бодрствующей на бдении братии группа спящих монахов. В левом верхнем углу звонарь звонит в колокола, в правом на высокой столпообразной колокольне другой звонарь ударяет в било. Над иконой надпись: *«Сие видение поведи преподобный Евлогий, како ангели ликовствуют на всенощном бдении»*.

В среднем регистре северной двери на фоне такого же семиглавого храма, представленного в разрезе, изображен священник в крещатой ризе преподающий причастие подступившему к нему отроку. В следующей сцене иудей бросает отрока в горящую печь. Ниже Богородица вынимает из печи мальчика, а женщина, стоящая позади сцены, указывает на нее рукой. В нижнем клейме перед сидящим на троне царем стоят епископ в ризах и иудей с женщиной. Руки

Походный иконостас Третьей четверти XVI века. Псковский мастер.
Из церкви Белой Троицы в Твери (Тверская Картинная галерея)

святителя и женщины возложены на отрока, а рука царя поднята в ораторском жесте.

В верхнем ярусе южной двери⁴⁴ на фоне пятиглавого храма Христос Великий архиерей, облаченный в святительские одежды, стоит среди херувимов перед престолом, на котором возложены чаша, крест и Евангелие, благословляет обеими руками предстоящих ему ангелов в дьяконских одеждах, один из которых держит рипиды. Слева два ангела ведут Спаса Эммануила *«заклатися и датися в снедь верным»*.

Ниже сцена «Пир Премудрости», иллюстрирующая Притчи Соломоновы (9 : 1—5). Премудрость, представленная в виде женской фигуры в белой одежде и восьмиугольном нимбе, восседает на круглой славе. Перед ней диагонально поставленный стол-трапеза с двумя сосудами, а на заднем плане ангелы и палаты — храм Премудрости с 7-ю колоннами, слуга наливает из сосуда вино в чашу, два других закалывают тельца. На трапезе надпись *«Иуготова своя жертвенная»*. Перед палатами образ царя Соломона в венце и со свитком, на котором читается надпись: *«Премудрость созда себе храм и утверди»*. В правой части ангел на вершине горы держит медальон с изображением сидящей на престоле Богоматери с младенцем. У трапезы группа юношей с чашами в руках, подпись: *«Черпа в чаше своей вино»*. Над другой группой изображенных подпись *«Посланные рабы»*, а над сценой: *«Созывающи с высоким проповеданием на чашу глаголя: иже есть безумен, да уклонится ко мне, и требующим ума рече: примите, ядите мой хлеб, и пиите вино, еже черпах вам, оставите безумие и живи будете»*.

В нижнем ряду также на фоне пятиглавого храма представлена сцена небесной литургии: священнослужители — ангелы в ризах и епитрахилиях несут на главах почивающего на херувимах Господа. Надпись над композицией: *«Служба божественная литургия»*.

Литературной основой композиций северных врат являются два рассказа Скитского Патерика (переведенного с греческого языка сборника повестей и изречений отцов, разделенного на главы согласно главнейшим монашеским добродетелям): «Видение преподобного Евлогия» (или «Видение кошниц») и «Об овчии пастусе отроце Евреянине». В первом говорится о таинственном видении, которое было монаху Евлогию, стоявшему на всенощной и уснувшему во время чтения. Он увидел, как по окончании службы сошедшие из алтаря ангелы раздавали монахам из кошниц золотые, серебряные и медные монеты, просфоры целые и «в крохах», золотые сосуды с миром и кадиланицы, другие же монахи ничего не получали. Евлогий, удивленный, что дары были столь различны, просил открыть ему

суть видения. Согласно тексту, меры вознаграждения зависели от исполнения монашеского обета, усердной молитвы, чтения, поста, бдения, послушания и смирения⁴⁵.

Во втором рассказе говорится об иудейском отроке, который, приняв христианскую веру и причастившись Св. Даров, был брошен за это своим отцом, правоверным иудеем, в печь, но чудесным образом был спасен от огня Богородицей⁴⁶. Сюжетная канва его напоминает известный библейский рассказ о трех отроках, спасенных ангелом в печи огненной. В храмовых программах росписей сцена «Трех отроков» обычно размещалась на стене жертвенника, что, по-видимому, сыграло свою роль при выборе этого сюжета из Патерика. Образы южной двери восходят к текстам литургических песнопений и Притч Соломоновых: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его...» (9 : 1—5). Обе верхние символические композиции Небесной Литургии являются иллюстрациями слов Херувимской песни, исполняемой на литургии Иоанна Златоуста⁴⁷ и песнопения, звучащего в Великую Субботу вместо херувимской⁴⁸. Сцены «Иже херувимы» и «Да молчит всяка плоть», получившие название «Небесной Литургии», появились в монументальных росписях храмов в XIV в., причем изображались они в росписях жертвенника и центральной апсиды.

Воспроизведение на псковских алтарных вратах литургических сцен, непосредственно связанных с таинством Евхаристии, вполне понятно: их образы толковали и объясняли предстоящим сокровенный смысл происходящего в алтаре действия. Менее ясны, на первый взгляд, сюжеты Патериковых сборников. Иконографический замысел их декора становится понятным, если учесть те уставные изменения, которые произошли в богослужении в XVI веке и затронули, прежде всего, монастырское чинопоследование. Более всего эти изменения коснулись порядка уставных чтений так называемых «часов»⁴⁹. С распространением Иерусалимского устава, который имел определенную по строю и составу систему чтений, уставные чтения на «часах» стали исполняться во время службы на левом клиросе, то есть непосредственно перед входом в жертвенник. К XVI в. сформировался основной корпус читаемых здесь книг. В отличие от Студийского, он отличался дидактическим элементом и включал патериковые сочинения. Эти чтения предопределили как назидательно-дидактический характер живописного декора врат, так и их сюжетный репертуар, поскольку все изображаемые здесь «притчи» и «видения» иллюстрируют соответствующие тексты, читаемые на «часах». Одним из ранних примеров переосмысления дверного декора в соответствии с изменившимся Уставом, а также введением в

монастырях Новгорода и Пскова общежития являются новгородские иконы-притчи из собрания Н. П. Лихачева (ГРМ), служившие в древности частями северных врат иконостаса церкви Рождества Богородицы Антониева монастыря⁵⁰.

О том, что образ был непосредственно связан с чтением на часах патериковых сборников, свидетельствуют и другие изображения «Видения Евлогия». Так, на стоявшей около жертвенника иконе 1565 г. из Сольвычегодска⁵¹ дважды изображена звонница с бьющим «часы» монахом, призывающим на молитву и чтение — деталь, которая отмечена М. В. и А. И. Успенскими и на крыпецкой иконе. Следует обратить внимание на повторяющийся медальон с образом «Богоматери Воплощение», — емким символом проскомидии. Но самым ранним и убедительным примером является роспись собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря⁵², где большая композиция «Видение Евлогия» на северной предалтарной стене служила иллюзорным продолжением монашеской братии, которая, «бодрствуя у порога» жертвенника, стояла здесь во время чтения, в том числе и глав Скитского Патерика, и взирала на живописный образ притчи⁵³. Знаменательно, что после 1502 г. эта сцена неоднократно повторяется на северных вратах иконостасов. Вполне возможно, что одна из частей северных врат Успенского собора Свяжского монастыря, написанных в 60-х годах XVI в., иллюстрировала сюжеты, подобные крыпецким, поскольку в описи 1614 г. отмечено, что *«на них писаны повести из Патерика»*⁵⁴.

Все эти наблюдения позволяют заключить, что сюжеты и иконография боковых врат собора Псковского Крыпецкого монастыря, созданных в 1705 г., характерны для гораздо более раннего времени — для второй половины XVI столетия. По-видимому, они восходят к образам ранних боковых врат крыпецкого иконостаса, устроенного в соборе сразу после его возведения, то есть около 1560 г.⁵⁵. К 1705 г. врата — в силу их частого функционального использования во время служб — могли обветшать (именно в этом причина того, что боковые двери иконостасов сохранились до нашего времени в столь незначительном количестве и только от позднего времени) и их переписали заново, повторив старую иконографию. Возможно, описанные Успенскими врата представляли собой обычную позднюю запись и отмеченный в летописи год их создания мог быть временем реставрации икон. Как бы там ни было, описание рассмотренных дверей позволяет говорить об особом, монастырском типе этой части крыпецкого иконостаса. Псковский вариант дверного декора развивался параллельно с аналогичными особенностями новгородской и среднерусской иконографии и был вполне созвучен передовым художественным идеям этого времени.

Отмеченные особенности псковских монастырских иконостасов, конечно, не исчерпывают поставленной задачи. Мы попытались лишь наметить тему, до сих пор не привлекавшую внимание исследователей. Дальнейшее изучение состава и иконографического своеобразия таких комплексов, литературной и литургической основы каждой иконы, а также реконструкция иконостасов в соответствии с сохранившимися памятниками и письменными данными позволит — хотя бы отчасти — восстановить облик и характер монастырского искусства — важнейшей составляющей средневековой культуры древнего Пскова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Троицкий Н. И.* Иконостас и его символика // Труды Восьмого археологического съезда в Москве, 1890. Т. IV. М., 1897. С. 93—96; *Филимонов Г. Д.* Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне, близ Новгорода. Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквях. М., 1859; *Голубинский Е. Е.* История алтарной преграды или иконостаса в православных церквях // Православное обозрение, 1872. Ноябрь. С. 570—589; *Он же.* История русской церкви. Т. 1/2. М., 1904. С. 195—215; Т. 1/2. М., 1911. С. 343—354; *Сперовский Н.* Старинные русские иконостасы // Христианское чтение, 1891 (ноябрь—декабрь). С. 337—353; 1892 (март—апрель). С. 162—176; май—июнь. С. 321—334; июль—август. С. 3—17; ноябрь—декабрь. С. 522—537; 1893 (сентябрь—октябрь). С. 321—342; *Троицкий Н. И.* Иконостас и его символика // Православное обозрение, 1891, апрель. С. 696—719; *Тренив Д. К.* Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря. М., 1902; *Konstantinowicz J. V.* Iconostasis. Studien und orshungen, I. Lwow. *Lemberg*, 1939; *Успенский Л.* Вопрос иконостаса // ВРЗЕПЭ, 1963, № 44, С. 246; *Ильин М. А.* Некоторые предположения об архитектуре русских иконостасов на рубеже XIV—XV вв. // Культура Древней Руси. М., 1968. С. 79—88; *Он же.* Иконостас Успенского собора во Владимире Андрея Рублева // ДРИ: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. М., 1970. С. 29—40; *Бемист Л. В.* Об архитектурной композиции древнерусского высокого иконостаса // Там же. С. 41—56; *Он же.* Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Там же. С. 57—72; *Walter Ch.* The Origins of the Iconostasis // Eastern Churches Review. 1971. V. 3. P. 251—267; *Walter Ch. A.* New Look at the Byzantine Sanctuary Barrier // REB. 1993. Vol. 51. P. 203—224; *Eppstein A. W.* The Middle Byzantine Sanctuary barrier templon or iconostasis? // The Journal of the British Archaeological Association. V. 134. 1981. P. 23; *Горюхино Э. А.* Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12); *Щенникова Л. А.* Древнерусский высокий иконостас XIV—начала XV в.: итоги и перспективы изучения // Сб. Иконостас: Происхождение—Развитие—Символика. М., 2000. С. 392—410.

² *Тренив Д. К.* Иконология нижнего яруса иконостаса XIV—XV века (Фрески алтарных столпов Успенского собора в Звенигороде) // Богословский вестник. 1916. Январь. С. 63—76. *Толстая Т. В.* Местный ряд иконостаса Успенского собора в конце XV—начале XVI века. // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 100—122; *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы в XVI в.: Их состав и иконографические особенности // Русское искусство позднего средневековья: Образ и смысл. М., 1993. С. 68; *Сорокатый В. М.* Праздничный ряд русского иконостаса. Иконографические программы XV—XVI вв. // Сб. Иконостас: Происхождение—Развитие—Символика. М., 2000. С. 465—489; *Кочетков И. А.* Русский полнофигурный деисусный чин. Генеалогия иконографических типов // Там же. С. 442—464; *Журавлева И. А.* Праотеческий ряд и завершение символической струк-

туры русского высокого иконостаса // Там же. С. 490—500; *Бусева-Давыдова И. Л.* Русский иконостас XVII века: Генезис типа и итоги эволюции // Там же. С. 621—650.

³ *Флоренский П.* Иконостас. М., 1994; *Троицкий Н. И.* Иконостас и его символика // Православное обозрение. М., 1891. Апрель. Вып. IV. С. 696—719; *Шалина И. А.* Вход «Святая Святых» и храмовая алтарная преграда // Иконостас: происхождение, развитие, символика. Сборник статей. М., 2000. С. 52—84.

⁴ *Ткачева Н.* Древняя живопись Пскова // Творчество, № 1. 1992. С. 34—37.

⁵ Иконы из иконостаса церкви Николы со Усохи середины XVI в. опубликованы: *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Псковская икона XIII—XVI веков. Альбом. Л., 1990. Кат. 105—113. С. 309—310. (Далее: Псковская икона XIII—XVI веков).

⁶ *Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М.* Псковская школа живописи в XVI веке // Древний Псков. М., 1988. С. 236—268.

⁷ Псковская икона XIII—XVI веков. Кат. 31. С. 299.

⁸ *Малицкий Н.* К истории композиции ветхозаветной Троицы // Seminarium Kon-dakovianum. Praha, 1928. Т. II. С. 33—45; *Сергеев В. Н.* Об одной особенности в иконографии ветхозаветной «Троицы» // Древнерусское искусство XV—XVII веков // Древнерусское искусство. Сборник статей. М., 1981. С. 25—31.

⁹ *Шалина И. А.* Псковские иконы «Сошествие во ад». О литургической интерпретации иконографических особенностей // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. Сб. статей. СПб., 1994. С. 230—270.

¹⁰ *Бобров Ю. Г.* Новые открытия псковской живописи XV—XVI вв. // ПКНО. 1985. М., 1987. С. 179—182; *Родникова И. С.* Две житийные иконы Николы из собрания Псковского музея (К вопросу о «псковской школе» в XVI веке) // Земля Псковская: древняя и социалистическая. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 110-й годовщине музея-заповедника. Псков, 1986. С. 112—114. *Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М.* Псковская школа живописи в XVI веке // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования: Сб. статей / Сост. С. В. Ямищев. М., 1988. С. 254—260; *Шалина И. А.* Сцена перенесения мощей св. Николая в древнерусской иконографии // Искусство христианского мира. Вып. 6. М., 2002. С. 89—98.

¹¹ *Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913. С. 279—280; Псковская икона XIII—XVI веков. Кат. и табл. 121—131. С. 312; *Родникова И. С.* О чиновных иконах середины XVI века из церкви Димитрия «на Пскове» (К вопросу о датировке) // Земля Псковская, древняя и современная: Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1994. С. 15—16. На происхождение икон из Венденской церкви обратил мое внимание А. М. Гордин, за что приношу ему свою благодарность; *Гордин А. М.* Деревянное церковное зодчество Пскова XV—XVII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 97.

¹² *Серебрянский Н. И.* Житие преподобного Евфросина Псковского: (Первоначальная редакция) // ПДПИ. СПб., 1909. Т. 173. С. I—XXIV; *Он же.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 78—146; *Охотникова В. И.* Житие Евфросина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 262—264.

¹³ *Серебрянский Н.* О редакциях Жития преподобного Саввы Крыпецкого. СПб., 1903; *Он же.* Очерки по истории монастырской жизни... С. 146—168; *Дмитриева Р. П.* Василий (в иноках Варлаам) // Словарь книжников и книжности: Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 112—116.

¹⁴ *Сорокатый В. М.* Псковская икона конца XIV—начала XV в. // Древнерусское искусство: XIV—XV века. М., 1984. С. 226—242.

¹⁵ Псковская икона XIII—XVI веков. Кат. и Табл. 26.

¹⁶ Там же. Кат. и Табл. 30, 72.

¹⁷ Святые князья Всеволод и Довмонт, названный в крещении Тимофеем, представлены на тринадцатифигурном деисусном чине церкви Сергия Радонежского в Изборке; *Бобров Ю. Г.* Новооткрытый деисусный чин из церкви Сергия Радонежского в Изборке // ПКНО. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 267—273. Ил. на с. 270.

¹⁸ Псково-Печерский монастырь в 1586 г. // *Старина и новизна*. СПб., 1904. Кн. 7. С. 270.

¹⁹ *Антонова В. И., Мневa Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 1. М., 1963. С. 327—328. Кат. 272; Псковская икона XII—XVI веков. Кат. и Табл. 43—45. С. 302.

²⁰ ТОКГ, инв. № Ж-1239. 64 × 98. Опубл.: Псковская икона XIII—XVI веков. Кат. и Табл. 148. С. 316—317; *Попов Г. В.* Тверская икона XIII—XVI веков. СПб., 1993. Кат. 169. С. 272—273.

²¹ *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 159—160.

²² *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей, монастырей российской церкви. М., 1877. 1. Стлб. 442.

²³ *Попов Г. В., Рындица А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV—XVI века. М., 1979. С. 236—237.

²⁴ *Зонова О. В.* О ранних алтарных фресках Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 69—86.

²⁵ *Федоров В. И.* Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960—1972. // Советская Археология. 1974. № 2. С. 34.

²⁶ *Протасов Н.* Фрески на алтарных столпах Успенского собора в Звенигороде // Светильник. 1914. № 9—12. С. 28; *Вздорнов Г. И.* Фресковая роспись алтарной преграды Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде // Древнерусское искусство XV—начала XVI века. М., 1963. С. 75—82.

²⁷ *Скворцов А. И.* О времени первоначальной росписи Троицкого собора в Александрове // Александровская слобода. Материалы научно-практической конференции. Владимир, 1995. С. 96—101.

²⁸ *Зонова О. В.* О ранних алтарных фресках Успенского собора... С. 70; *Толстая Т. В.* Местный ряд иконостаса Успенского собора в конце XV—начале XVI века // Там же. С. 100—122.

²⁹ *Малков Ю. Г.* Новый памятник живописи Древнего Пскова // История СССР. 1971. № 6. С. 220—224; *Он же.* Художественные памятники Псково-Печерского монастыря (Материалы и исследования) // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования: Сб. статей / Сост. С. В. Ялшиков. М., 1988. С. 200—205.

³⁰ На это впервые обратил внимание опубликовавший роспись преграды Ю. Г. Малков: *Малков Ю. Г.* Новый памятник живописи Древнего Пскова... С. 221—222.

³¹ Псково-Печерский монастырь в 1586 г. С. 255—272.

³² *Попов Г. В., Рындица А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. С. 237, 240. Ил. на с. 237.

³³ *Кавельмахер В. В.* К вопросу о первоначальном облике Успенского собора Московского Кремля // АН. М., 1995. № 38. С. 217—220.

³⁴ Преподобный Корнилий Печерский. М., 1909; *Петухов Е. В.* О некоторых исторических и литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря в XVI и XVII веках // Труды X Археологического съезда. Рига, 1899. Ч. 1; *Andreyev N.* The Pskov-Pechery Monastery in the 16-th century // The Slavonic and East European Review. 1954. Vol. XXII. N. 79. P. 318—343.

³⁵ *Дашченко Б.* Окозрительный устав в истории богослужения русской церкви. München, 1990. (Slavistische Beiträge. Т. 258.) С. 10.

³⁶ *Сорокатый В. М.* Праздничный ряд русского иконостаса. С. 465—489.

³⁷ РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Ед. хр. 53.

³⁸ Подр. см.: *Шалица И. А.* Боковые врата иконостаса: иконография и символика // Иконостас: происхождение, развитие, символика. Сборник статей. М., 2000. С. 559—598.

³⁹ Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 115/1178. Л. 19.

⁴⁰ *Успенские М. В. и А. И.* Очерк церковных древностей г. Риги // Труды X Археологического съезда в Риге, 1896. М., 1900. Т. III. С. 190—192.

⁴¹ Там же. С. 139 и Протоколы. С. 90.

⁴² Там же. С. 191.

⁴³ *Строев А.* Списки иерархов и настоятелей. С. 391—392.

⁴⁴ Успенские М. В. и А. И. Очерк церковных древностей г. Риги. С. 191. Табл. 1: ч/б воспроизведение южной двери.

⁴⁵ Текст Скитского Патерика в середине XVI века был полностью включен в состав Великих Миней Четых митрополита Макария: Евлогиево видение // Великие Миней Четых. Декабрь, день 31. М., 1914. Памятники славяно-русской письменности, изд. Имп. Арх. Ком. Вып. 14. Тетр. 1.

⁴⁶ Текст этого рассказа помещен, например, в рукописи Скитского Патерика XVII в. из собрания Ф. И. Буслаева, см.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 452.

⁴⁷ Текст песнопения: *«Иже херувимы тайно образующе и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение, яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чиним. Аллилуйя (трижды)».*

⁴⁸ *«Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет. Царь бо царствующих и Господь Господствующих приходит заклаться и даться в снедь верным; предходят же сему лица ангельстии со всяким началом и властью: многоочитые херувимы и шестокрылатии серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: Аллилуйа».* См.: Никольский К. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 419.

⁴⁹ Дмитриевский А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Казань, 1894. Ч. 1. С. 131; Муретов С. Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского патриарха Филофея: Опыт историко-литургического исследования. М., 1895. С. 262; Дяконовский Е. П. Последование часов и изобразительных. Историческое исследование. Киев, 1913; Голубцов А. Соборные чиновники и особенности служб по ним. 1-я половина исследования. М., 1907. С. 176; Виноградов В. П. Уставные чтения (проповедь книги). Историко-гомилетическое исследование. Вып. I. Уставная регламентация чтений в греческой церкви. Сергиев Посад, 1914; Он же. Уставные чтения. Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. С. 16.

⁵⁰ ГРМ ДРЖ 2139—2141. Подр. см.: Шалина И. А. Врата «с притчами» как символический вход в «Дом Премудрости» // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 269—294; Шалина И. А. — Иконы-«притчи» из собрания Н. П. Лихачева: художественный и символический замысел // Тезисы конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы ГРМ за 1999 год и 125-летию со дня рождения П. И. Нерадовского (1875—1962). СПб., 2000. С. 1—4.

⁵¹ Антонова В. И., Миева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. XVI—XVIII века. М., 1963. С. 222—223. Кат. 644. Ил. 84; София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII—XIX веков из собраний музеев России. М., 2000. Кат. 85. С. 242—243.

⁵² См. Данилова И. Е. Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970. Табл. 53, 141.

⁵³ Шалина И. А. Летописная запись Дионисия и особенности росписей северовосточных компартиментов собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря // Тезисы Международной конференции «К 500-летию создания фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Русское и поствизантийское искусство рубежа XV—XVI веков. М., 2002. С. 84—88.

⁵⁴ Описание Свяжского Богородицкого мужского монастыря 1614 года. Казань, 1892. С. 9.

⁵⁵ Евгений, митр. Описание монастырей Иоанно-Богословского Крыпецкого и Рождества Богородицы Снетогорского. Дерпт, 1821. С. 4—13; Морозкина Е. Н. Архитектурный ансамбль Крыпецкого монастыря // АН. 1963. № 15. С. 63—78.

**АРХИТЕКТУРНЫЙ «МИР»
РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА
КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ:
ОТ КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЫ
К ПРОМЫШЛЕННОМУ ГОРОДУ**

Русские купцы, промышленники, инженеры и архитекторы, наверное, не могли предвидеть, что тот совершенно новый мир, который они создали в течение XIX и начала XX века, — мир огромных фабрик, железных дорог и тысяч станков, но одновременно и мир замечательных художественных музеев, театров, больниц и приютов — их же и уничтожит. Необыкновенно ярка и трагична судьба тех отечественных предпринимателей, которым понадобилось чуть более столетия, чтобы за два-три поколения превратиться из часто неграмотных крепостных крестьян в блестяще образованных коммерсантов, увлекавшихся музыкой или живописью, собирателей уникальных художественных коллекций. А затем исчезнуть: или быть убитыми большевиками, или раствориться в бедности и неблагополучии русской эмиграции.

Что же это были за люди и какие свойства их характера и деятельности стали для них фатальными? Как это ни удивительно, но именно то качество, которое помогло им превратиться в миллионеров, их же и погубило. Это — осознание себя хозяином своей земли и дела, талант предприимчивости, и, одновременно, честность, склонность к благотворительности, набожность. Для понимания и сохранения отечественного исторического и культурного наследия необходимо обратиться к образам этих людей и к тем реальным архитектурным «мирам», которые они создавали вокруг себя на протяжении последнего столетия существования Российской империи. В особой степени это относится к многочисленным текстильным фабрикам и возникавшим при них поселениям.

Накануне революции 1917 года в России текстильная промышленность была одной из самых развитых и мощных во всей империи. К этому времени именно здесь действовали наиболее крупные фабричные комплексы, на которых были заняты десятки тысяч рабочих. Не случайно в Иваново-Вознесенске — столице текстильного края, расположенной в 300 километрах к северо-востоку от Москвы, кон-

центрация пролетариата была настолько высокой, что во время первой русской революции 1903—1907 годов именно здесь рабочие организовали первые «советы» — прообразы устройства пролетарского государства, впоследствии использованные большевиками.

Парадоксально, что не только рабочие-текстильщики, но и сами предприниматели — владельцы этих фабрик, вышли из крепостных крестьян. Генетическая память о зависимой жизни крепостных крестьян была настолько сильна и в среде самих фабрикантов (чьи деды в начале XIX века еще были крепостными), что они — богатейшие люди страны, имевшие миллионные состояния, активно помогали революционерам в борьбе против царизма. Представители знаменитейших купеческих семей, например, Морозовы, Мамонтовы, Стахеевы давали русским революционерам большие суммы денег, устраивали в своих домах их тайные встречи. Они видимо не понимали, что, на самом деле, наряду с императорской властью осуществляется борьба и с тем режимом, который позволил создать российскую промышленность. Предприниматели по существу помогали уничтожению того, чему были отданы сила и энергия их дедов, отцов и их самих.

* * *

В советское время исследование истории купеческих родов и их экономической и общественной деятельности, по понятным причинам, было невозможно. В 1990-е годы ранее запретная тема — история капиталистов России стала достаточно популярной. Опубликовано много исследований по истории предпринимательства¹, причем в 1990-е годы появились не только научные монографии и статьи, но даже произведения художественной литературы, повести и романы, посвященные самым известным династиям русского купечества — Рябушинским, Морозовым, Прохоровым, Мамонтовым и другим.

Одновременно, все еще в гораздо меньшей степени остается исследованным созданный этими промышленниками зримый мир архитектуры, который существует и сегодня. Между тем, приехав в любой город России, вы увидите, что его лучшие общественные здания второй половины XIX — начала XX столетий — школы, больницы, музеи, храмы, и, конечно, фабрики — построены местным купечеством. Среди фундаментальных исследований последних лет по истории промышленной архитектуры в первую очередь необходимо назвать работы М. С. Штиглиц, посвященные промышленному зодчеству Петербурга². Пожалуй, это единственный труд, в котором промышленная архитектура описана на основе систематического и

всестороннего обследования сохранившихся сооружений. Большинство же других больших и малых российских промышленных центров, включая и Москву, остаются неизученными в той мере, как это принято на сегодняшний день в международной практике выявления и охраны архитектурного наследия.

Представляется важным подчеркнуть, что в большинстве развитых европейских стран процесс систематического исследования и учета промышленного зодчества и связанных с ним комплексов прифабричных поселений начался в 1960—1970-е годы и к настоящему времени в основном уже завершен, а материалы исследований опубликованы в многочисленных изданиях как научного, так и научно-популярного характера. В рамках программ составления Инвентарей памятников историко-архитектурного наследия (родственных российскому Своду памятников архитектуры) в отдельных странах создавались даже специализированные научно-исследовательские подразделения или самостоятельные учреждения по изучению именно промышленного зодчества. В частности, специализированный институт этого профиля действует в Нидерландах, а отдельные ветви организованы в службах Генеральных инвентарей исторических памятников Франции, Бельгии, в службе Английское Наследие и т. д.

Определенные усилия по систематическому изучению промышленного зодчества и прифабричных поселений предпринимались начиная с 1970-х годов в рамках программы Свода памятников архитектуры России³. Собранный для Свода памятников материал во многом уже опубликован в первых вышедших томах этого энциклопедического издания⁴. Правда, следует признать, что в силу объективных причин и традиционного приоритета культовой, жилой и гражданской архитектуры при обследовании территорий, в процессе подготовки к изданию первых томов Свода в разных областях работа по обследованию промышленного зодчества проводилась по-разному. Так, в Брянской и Смоленской областях промышленная архитектура не подверглась детальному обследованию и поэтому лишь фрагментарно включена в соответствующие тома. Что касается Ивановской области, то изучение и публикация материалов по промышленной и связанной с ней архитектуре стали своеобразным «прорывом» в практике исследования отечественного архитектурного наследия российской провинции⁵. Неожиданно эта архитектура «второго сорта», считавшаяся малопривлекательной и малоинтересной, предстала необыкновенно богатой и разнообразной по функциональной типологии и художественным достижениям. Начатое в 1970-х годах изучение текстильных комплексов и образовавшихся вокруг них рабочих поселений конца XIX—начала XX веков, затем было продолжено в середине 1990-х годов непосредственно перед

выпуском томов Свода⁶. Опыт подробного обследования этого архитектурного наследия продолжается и при подготовке Свода памятников Тверской, Рязанской, Калужской, Костромской, Ярославской и других областей.

В данной статье хотелось обратиться к тем сооружениям, которые связаны с возникновением и развитием русского предпринимательства и, в особенности, текстильной промышленности, и проследить, как параллельно с ростом производства видоизменялся и сам окружающий фабриканта и его рабочих рукотворный мир, который еще частично уцелел в существующих постройках. Статья основана на материалах, собранных за последние годы при работе над Сводом памятников архитектуры Российской Федерации.

Крестьянские «промышленные» усадьбы

Издавна в России, впрочем как и во всей северной и центральной Европе, крестьянское население само занималось выделкой льняных и шерстяных холстов. Практически в каждой крестьянской семье были прялки, чесала для льна и шерсти, примитивные ручные станки для выделки ткани. В России первые крупные государственные фабрики по производству тканей разных типов были основаны в начале XVIII столетия при Петре I. Однако их продукция в первую очередь имела стратегическое значение — выдвигались ткани для парусов, для солдатской формы, или дорогие престижные ткани — шелк, парча для высшего сословия. Крестьянское население продолжало производить ткани само для себя. Часть этой продукции традиционно продавалась или обменивалась, поскольку льняные ткани в основном производились в северных губерниях России — на территориях современных Архангельской, Вологодской, Тверской, Костромской, Владимирской, Ивановской, Московской областей. В южных регионах была своя сельскохозяйственная специализация, в частности, выделка кож, изготовление веревок и канатов из пеньки, производство шерстяных тканей.

Мы пропускаем самый начальный этап существования будущего промышленного льняного и текстильного производства, который зарождался, как сказано выше, в обычной крестьянской избе. Второй этап — укрупнения производства и возникновения рядом с жилым домом крестьянина-предпринимателя специальных производственных построек (прежде всего красилен холстов) — сохранил до наших дней несколько примеров этих своеобразных сельских промышленных усадеб конца XVIII—начала XIX века. Хорошим примером образований этого типа является усадьба Ефима Ивановича Грачева, одного из первых фабрикантов Иваново-Вознесенска,

который основал свое предприятие в селе Иванове во второй половине XVIII столетия. Усадьба Е. И. Грачева уже совсем непохожа на крестьянскую усадьбу, хотя во время строительства ее хозяин еще оставался крепостным крестьянином графа Шереметьева. Здесь мы видим большой двухэтажный кирпичный оштукатуренный дом третьей четверти XVIII века, стоящий вдоль улицы и напоминающий скорее жилище дворянина. Однако, если заглянуть во двор владения, то на месте традиционного меньшего по размерам жилого или кухонного флигеля (как это было бы в дворянской усадьбе) мы находим производственное сооружение для набойки холстов. В верхнем этаже этого двухэтажного кирпичного корпуса первоначально были расположены широкие горизонтальные проемы: это этаж, где располагались «сушила» — приспособления для высушивания окрашенных тканей.

Тип подобной жилой и одновременно промышленной крестьянско-купеческой усадьбы существовал во многих селах и городах вплоть до середины XIX века. Поскольку такие усадьбы возникали в результате постепенной эволюции обыкновенного крестьянского владения, то их функционирование и внешний облик видоизменялись по мере того, как производство развивалось, а владельцы мастерской, а затем фабрики, богатели. Достаточно долго владельцы небольших красильных и набойных мастерских сами оставались основными работниками⁷. С расширением производства стали использоваться наемные рабочие. Однако фабричные корпуса еще долго традиционно располагались рядом с жилым домом фабриканта, который и сам, впрочем, как уже говорилось, долго мог иметь самый низкий социальный статус крепостного крестьянина.

Е. И. Грачев, уже в конце XVIII века наживший большой капитал, первым среди ивановских мануфактуристов в 1793 году выкупился из крепостной зависимости за баснословную по тем временам сумму в 135 тысяч рублей. Вскоре после этого он переселился в Москву, где получил звание купца второй гильдии. В начале XIX столетия Е. И. Грачев стал известным благотворителем, жертвовал значительные суммы Московскому университету, и за свои заслуги был награжден императором Александром I золотой медалью.

Другие представители известнейших фамилий льняных и текстильных фабрикантов стали выкупаться из крепостной зависимости уже после победы России в войне с Наполеоном, в конце 1810-х и в 1920-е годы. Основатель богатейшего клана Морозовых — Савва Васильевич Морозов выкупился вместе с четырьмя сыновьями у помещика Рюмина в 1820 году за 17 тысяч рублей (при этом свою первую фабрику Савва Васильевич основал в 1780-х годах).

Несмотря на обретение свободы и наличие значительных капиталов, уклад жизни в семьях фабрикантов в первой половине—середине XIX века оставался очень строгим, лишенным каких бы то ни было признаков роскоши. Это было связано с тем, что большинство представителей русского купечества, и особенно фабриканты-мануфактуристы, были старообрядцами и традиционно придерживались строго регламентированных правил жизни, предписанных религией. В старообрядческих купеческих семьях свято соблюдались правила подчинения сыновей отцу — главе «дела», младших братьев — старшим. Не дозволялось употребление спиртных напитков и предметов роскоши, демонстрация своего богатства считалась грехом. В среде купечества негласно действовал свой «кодекс чести», не допускавший обмана в деловых операциях: при заключении сделки гарантией ее выполнения была не подпись купца, а его «честное слово». Тот, кто однажды нарушал данное обязательство, автоматически исключался из купеческой среды и подвергался единодушному бойкоту других предпринимателей.

Все эти особенности устройства жизни, сила традиций, не могли не отразиться на внешнем облике и самой структуре жизненной среды купечества, которое долго не могло «оторваться» от старозаветных, еще крестьянских по своей природе, привычек. Поэтому рядом с большими двух-трехэтажными домами фабрикантов даже в Москве в середине XIX века сохранялись фабричные здания: один из известных примеров — усадьба Рябушинских, которые в то время имели несколько ткацких фабрик в Калужской губернии и одновременно руководили достаточно большим предприятием, которое располагалось во дворе их московского владения, рядом с жилым домом. Другим сохранившимся до наших дней примером промышленной усадьбы является владение крупных мануфактуристов Ясюнинских в городе Кохма близ Иванова. Комплекс середины XIX века, отличающийся симметричной композицией, «парадность» которой подчеркнута умело использованным рельефом, включает стоящий на бровке холма главный дом (перед которым первоначально был разбит террасный партер) и два поставленных ниже по рельефу на флангах партера здания — двухэтажные жилой флигель и красильный корпус.

Производственные комплексы

Следующий период роста льняного и текстильного производства отмечен появлением больших по размерам фабричных корпусов, расположенных уже на отдельных специальных участках. Эта пере-

мена была вызвана переходом от ручного к механическому изготовлению тканей. В 1820-е годы на землях Московской, Владимирской, Костромской областей на нескольких наиболее передовых предприятиях появились первые набивные машины «перротины». Одновременно вводятся первые паровые энергоустановки. В 1840-х годах стали привозить из Англии механические прядильные и ткацкие станки. Последнее стало возможным благодаря отмене Английским правительством в 1842 году запрета на экспорт станков для текстильного производства. Для нового механического оборудования потребовались здания совершенно других размеров — с этого времени стали возникать первые крупные промышленные комплексы, возведенные уже на специальных участках, на расстоянии от жилых усадеб фабрикантов.

Нередко в этот период достаточно мирного сосуществования живших рядом фабрикантов и рабочих (который закончился в 1890-е и 1900-е годы, после массовых забастовок и революционных выступлений русского пролетариата) в планировке села проявлялось идеализированное восприятие промышленности и промышленных комплексов их владельцами. Подобно тому, как средневековый феодал любовался из своего замка на красивый вид подчинявшегося ему города, так и в фабричных селах жилая усадьба предпринимателя нередко строилась так, чтобы от нее открывался наиболее эффектный вид на мануфактуру. Яркий пример этого мы встречаем в городе Южа Владимирской губернии (ныне Ивановская область). Здесь, на низком берегу искусственного озера расположен большой промышленный комплекс мануфактуры Балиных, последней трети XIX—начала XX веков, а на противоположном высоком холмистом берегу выстроена усадьба Балиных. От поставленных на гребне холма жилых домов вниз спускается парк с тремя широкими полосами газонных партеров, разделенными липовыми аллеями, как бы направляющими взгляд на другую сторону озера, к панораме фабрики.

Одновременно с развитием машинного производства в 1840-е годы начал формироваться и специфический художественный стиль промышленной архитектуры со своими отличительными чертами. Ранние известные нам набойные корпуса конца XVIII—первой трети XIX веков строились в упрощенных формах классицизма. Светлые оштукатуренные фасады этих двух-трехэтажных кирпичных зданий украшались скромным декором: ступенчатыми, венчающими стены карнизами, междуэтажными поясками, простого рисунка рамочными наличниками вокруг небольших прямоугольных окон. Фабричные корпуса 1840-х—первая механическая прядильная фабрика Никона Гарелина в Иваново-Вознесенске (1846—48) и пер-

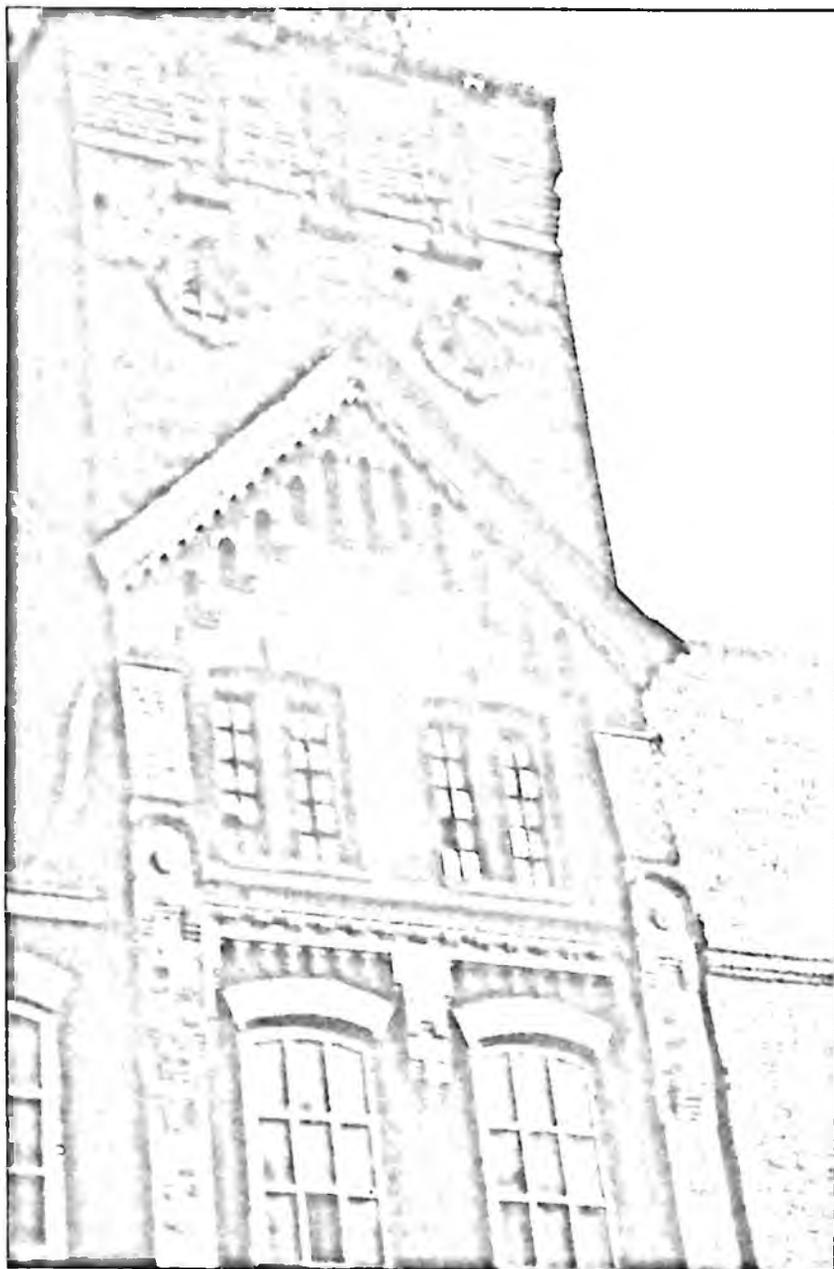
Фабрика И. Попова в городе Шуя. Прядильно-ткацкий корпус,
1847 г.— вторая половина XIX века.
Фотография 1995 г.

Фабрика Я. Н. Фокина в Иваново-Вознесенске. Вторая половина XIX века.
Фотография 1995 г.

вая прядильно-ткацкая механическая фабрика Ивана Попова в городе Шуя (1847) — демонстрируют уже совершенно иной характер архитектуры, начало нового художественного языка — так называемого стиля эклектики, который станет наиболее характерным для промышленного зодчества второй половины XIX и начала XX веков. Это особенно показательно, потому что в архитектуре общественных и жилых зданий этого времени в российской провинции нередко продолжали доминировать традиции классицизма. Фабрики Н. Гарелина и И. Попова отличаются не только несравнимо более крупными размерами и новыми конструкциями (чугунными колоннами и кирпичными сводиками по балкам). Совершенно иной характер имеют выразительные протяженные кирпичные фасады этих трех-четырёхэтажных корпусов. Их рисунок определяется ритмом часто расположенных крупных вертикальных окон с лучковыми перемычками и редко расставленных (через три-четыре оси проемов) пилястр. Особое своеобразие придает фасадам новый «фабричный» колорит: стены окрашены в темно-красный цвет, декоративные элементы выделены белым цветом.

С возникновением в последней трети XIX века крупных текстильных и льняных комплексов, состоявших из большого числа

Фабрика Н. Ф. Зубкова в Иваново-Вознесенске.
Технологическая башня,
конец XIX—начало XX веков.
Фотография 1995 г.

сооружений разного функционального назначения, развивается и значительно усложняется пространственно-планировочное построение фабрик. Вместо простейшего «павильонного» типа планировки, для которой характерна свободная расстановка нескольких сравнительно небольших по протяженности прядильных, ткацких и отделочных корпусов и вспомогательных сооружений, приходит новый «урбанизированный» тип. Процесс формирования этого усложненного типа фабрик происходил в периоды лавинообразного расширения производства и был подобен росту разветвленной корневой системы. Яркими примерами подобных предприятий, превращенных в своеобразные лабиринты из десятков соединенных друг с другом корпусов, являются, например, фабрика Товарищества Покровской мануфактуры П. Н. Грязнова или фабрика Я. Н. Фокина в Иваново-Вознесенске. Впрочем известны и отдельные примеры весьма рациональной и даже регулярной планировки предприятий конца XIX—начала XX веков⁸. Одновременно с развитием пространственных структур фабрик в них появляются высотные доминанты — водонапорные башни и дымовые трубы энергоустановок, облику которых уделялось особое внимание.

Важнейшими композиционными элементами новой фабричной архитектуры становятся высокие монументальные технологические башни, располагавшиеся, как правило, в середине или на торце производственного корпуса. Вверху башни размещался резервуар с водой, а ниже — лестница фабричного корпуса. Башни и трубы становились не только пространственными ориентирами и важнейшими элементами пейзажа, но и своеобразными символами своих предприятий, поэтому их верхние части украшались выразительными коронообразными завершениями, фигурными окнами или ложными проемами всевозможных форм с эффектными обрамлениями. В конце XIX—начале XX веков в архитектуре фабричных корпусов развиваются различные оттенки эклектики. При этом на основе изучения большого числа сооружений можно отметить своеобразную эволюцию форм стиля от достаточно плоскостного несколько простоватого по характеру наружного убранства со смесью мотивов нового изобразительного языка эклектики и классицистических элементов, до развитой, вполне самостоятельной по рисунку и профессионально выполненной системы эклектического декора с характерными «готическими» мотивами, формами кирпичного стиля, модерна и т. д.

Новый облик промышленных поселений

Параллельно с изменением облика и размеров производственных комплексов во второй половине XIX века начал меняться и характер

самих фабричных поселений. Вплоть до середины XIX столетия вид прифабричных поселков мало чем отличался от обычных крестьянских сел. Вышедшие из крестьянской среды рабочие, как и их предки, жили в одноэтажных деревянных избах и имели земельные наделы. Часто представители одной и той же крестьянской семьи в летнее время продолжали заниматься сельским хозяйством, а зимой становились наемными рабочими на льняных и текстильных мануфактурах. Однако с ростом фабрик для них требовалось все большее число рабочих, которые стали приходить из дальних мест, часто из других губерний России. Для их размещения сначала использовались устаревшие производственные корпуса, в которых устраивались жилые казармы. Известны и противоположные примеры, когда выстроенные «впрок» фабричные здания сначала применялись под жилье рабочих. В последней трети XIX века начали возводить и специальные большие здания казарм, сначала одно-двухэтажные деревянные, а при многих крупнейших фабриках — многоэтажные кирпичные. Этот совершенно необычный для русской деревни тип многоэтажного жилого здания значительно изменил облик сельского ландшафта.

Условия жизни в больших казармах, особенно в начальный период их существования, были весьма примитивными и тяжелыми. В огромных залах ровными рядами стояли сбитые из досок кровати, а часто двух-трехъярусные нары. У беднейших наемных бессемейных рабочих, работавших в 2—3 смены, почти не было личного имущества, которое часто и некуда было положить. Обычно два-три человека, занятых в разные смены, по очереди делили между собой одну кровать. Конечно такие рабские условия жизни не способствовали повышению производительности труда, среди рабочих часто вспыхивали эпидемии.

В 1860—1880-е годы наиболее прогрессивные фабриканты, уже побывавшие в Европе и ознакомившиеся с условиями жизни и быта рабочих в Англии, Германии, Франции, стали открывать при фабриках больницы, училища, богадельни. В конце XIX века процесс создания комплексов социально-бытовых учреждений для рабочих приобрел массовый характер. Нередко в такой комплекс входили не только обязательные церковь, больница и школа, но и богадельня для одиноких старых рабочих, а также клуб или «Народный дом».

Города-сады

Промышленное село рубежа XIX—XX веков по своей структуре стало больше напоминать небольшой городок. Интересно, что часто эти «городки» получали облик, близкий представлениям об идеаль-

ных городах-садах. При чем в одних случаях фабриканты действительно были увлечены теорией Эбенизера Говарда, а в других — похожесть на город-сад получалась естественным образом.

Одним из самых ярких примеров прифабричного села, созданного на основе принципов городов-садов, стало село Бонячки при текстильной фабрике Коноваловых в Костромской губернии⁹. Начальная история фабрики достаточно типична. Основанная в 1810-е годы крепостными крестьянами графов Татищевых мастерская в течение столетия выросла в значительное текстильное предприятие. В середине XIX века выкупившиеся к тому времени из крепостной зависимости фабриканты построили вблизи мануфактуры большие собственные кирпичные жилые дома (впоследствии, после переселения Коноваловых в Москву, пожертвованные под прифабричные общественные заведения). В XIX веке большинство рабочих предприятия Коноваловых жили в селе Бонячки и близлежащих деревнях и не нуждались в специальном строительстве жилья. Впрочем, для размещения небольшого числа приходивших издалека работников, использовались сохранившиеся до наших дней старые фабричные здания с маленькими окошками, заполненными толстым зеленым стеклом. С ростом производства в конце 1890-х и особенно в 1900—1910-е годы в Бонячках началось строительство большого числа общественных зданий, а также двух поселков из одноэтажных домов на одну-две семьи для рабочих и служащих. Проекты этих сооружений выполнялись известными столичными архитекторами — И. В. Жолтовским, В. Д. Адамовичем, П. П. Малиновским, братьями Весниными и другими. В результате осуществления серьезной социальной программы Коноваловых к середине 1910-х годов в Бонячках сложился образцовый по тем временам прифабричный город-сад, основные сооружения которого сохранились к началу XXI века¹⁰.

В его центре располагался обширный парк-сад, включавший не только аллеи и поляны, но и теннисные корты, площадки для крикета (что было редкостью для России тех лет). По одну сторону парка размещалась фабричная зона и целый ряд общественных зданий: церковь, училище, богадельня, ясли, клуб для служащих. Среди этих построек выделялся своими размерами гигантский Народный дом, включавший большой театральный зал и обширную библиотеку. На противоположном конце парка находился поселок для служащих (его выразительные двухквартирные дома с фронтонами и портиками на главных фасадах строились предположительно по проекту И. В. Жолтовского), а за ним — комплекс больницы, оснащенной самым современным для тех лет медицинским оборудованием.

Город-сад при фабрике Коноваловых в Бонячках. Больница.
Архитектор В. Д. Адамович, 1911 г.
Фотография 1912 г.

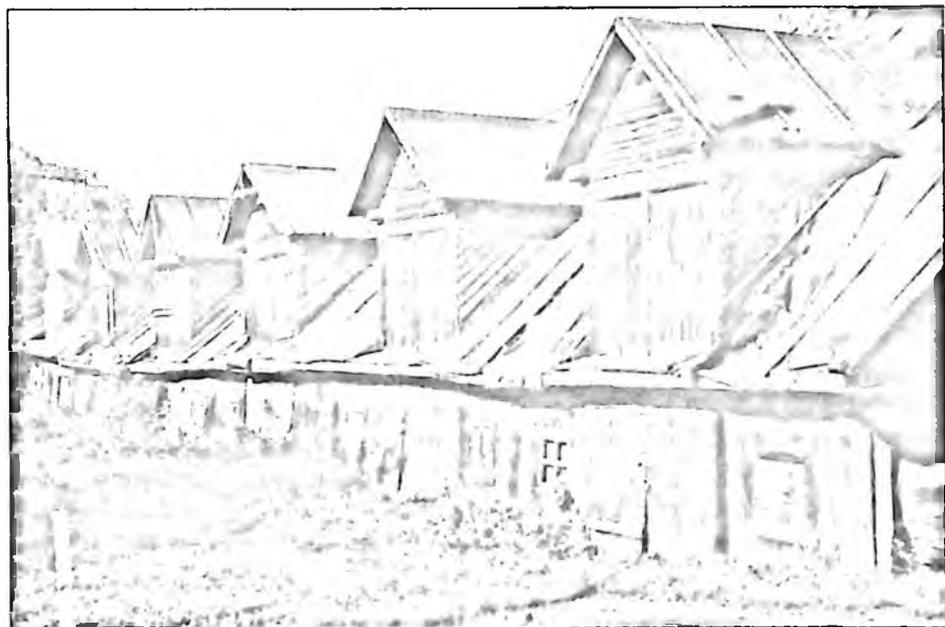
Город-сад при фабрике Коноваловых в Бонячках. Ясли.
Архитектор В. Д. Адамович, 1911 г.
Фотография 1912 г.

В архитектуре наиболее крупных общественных сооружений в Бонячках — Народного дома (архитектор П. П. Малиновский, в 1920-е гг. здание завершалось Весниными) и больницы (архитектор В. Д. Адамович) были использованы характерные для русского зодчества 1910-х годов формы неоклассицизма (тесно связанного с ностальгическим идеализированием русской действительности начала XIX века), которые проявились не только в композициях фасадов, украшенных монументальными портиками, но и в самой планировке. Комплекс больницы, состоявший из нескольких корпусов, получил планировку, характерную для русской загородной дворянской усадьбы эпохи классицизма первой трети XIX века, с поставленными вдоль одной линии главным домом и фланкирующими его меньшими боковыми корпусами. Важно, что больничный комплекс

Поселок фабрики
Красильщиковых в Родниках.
Типовой дом для служащих.
Начало XX века.
Фотография 1995 г.

Поселок фабрики
Красильщиковых в Родниках.
Типовые сараи при домах для служащих.
Начало XX века.
Фотография 1995 г.

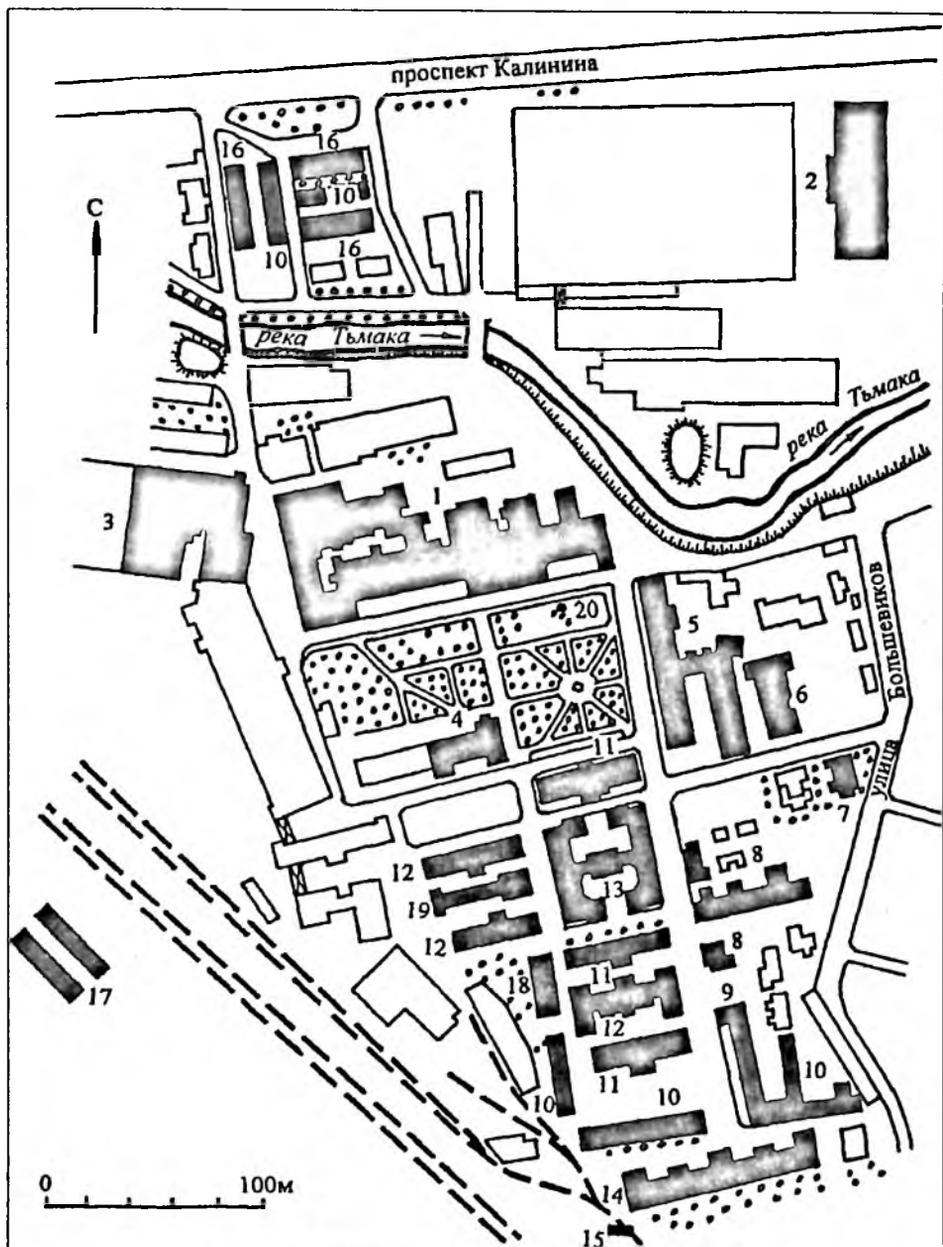
Поселок фабрики Рябушинских в Вышнем Волочке.

Типовые дома для служащих, 1910-е г.

Фотография 2001 г.

завершал композицию фабричного поселка и образовывал своеобразную архитектурную кулису для всего поселения. Таким образом с помощью языка архитектуры воплощалось стремление к своего рода идеализации всего пространства промышленного поселения. Это же проявилось в несколько наивной форме в архитектуре фабрики, один из корпусов которой получил на торце объема гигантский пятиколонный портик.

Пример Бонячек может быть наиболее ярким, но не уникальным. Аналогичные промышленные поселки возникли в этот же период вокруг многих текстильных и льняных фабрик (Красильщиковых в селе Родники, Балиных в селе Южа, Ясунинских и Щербаковых в селе Кохма и многих других). Там наиболее характерным вариантом стало соединение традиционной малоэтажной усадебной сельской застройки (часть которой состояла из построенных фабрикантами стандартных домов на одну-две квартиры) и нескольких больших кирпичных казарм. В Вышнем Волочке Тверской губернии около двух крупных текстильных предприятий московских фабрикантов Прохоровых и Рябушинских в конце XIX—начале XX веков для рабочих и служащих были построены жилые поселки из типовых деревянных двухэтажных домов в формах рационального модерна на

«Морозовский городок» в Твери.
 Схема генплана (современное состояние)

несколько квартир. Облик этих поселков, которые уже не похожи на типично сельскую крестьянскую застройку, а скорее на малоэтажный город, демонстрируют еще один вариант фабричных жилых домов высокого стандарта.

Урбанизированный фабричный городок

Наряду с появлением прифабричных городов-садов, в которых владельцы предприятий стремились создать наиболее гуманизованную жилую среду (не случайно на предприятиях Коноваловых никогда не было забастовок), на рубеже XIX—XX веков в России возник и другой, противоположный тип промышленных поселков с предельно урбанизированным характером пространственной структуры. Появление этого второго типа, видимо, связано с изменением психологии фабрикантов, которые уже утратили свою исконную связь с миром «предпринимателей-крестьян», а также с другой, более жесткой, формой эксплуатации рабочих. Не случайно самый яркий пример поселков этого типа — так называемый «Морозовский городок» — был построен представителями известной династии предпринимателей Морозовых не на их родине, а на совершенно новом месте, на окраине Твери ¹¹.

Так же как и в других прифабричных поселках, в конце XIX века при Тверской Морозовской мануфактуре попечением В. А. Морозовой был открыт целый ряд благотворительных заведений: больница, родильный приют, аптека, «санатория», приют для сирот, ясли, богадельня, убежище для хроников, дом призрения, училище, школа рукоделия, библиотека. Значительным событием стало строительство в 1898—1900 годах Народного театра, который сначала назывался «чайная и зал для спектаклей».

Одновременно осуществлялась программа по возведению жилья для рабочих, однако в отличие от других фабричных поселков здесь преимущество было отдано возведению многоэтажных кирпичных казарм (с коридорной системой планировки, с общими кухнями, умывальными и т. д.). На протяжении 1880—1910-х годов было построено 8 капитальных кирпичных зданий трех-пятиэтажных казарм и несколько деревянных.

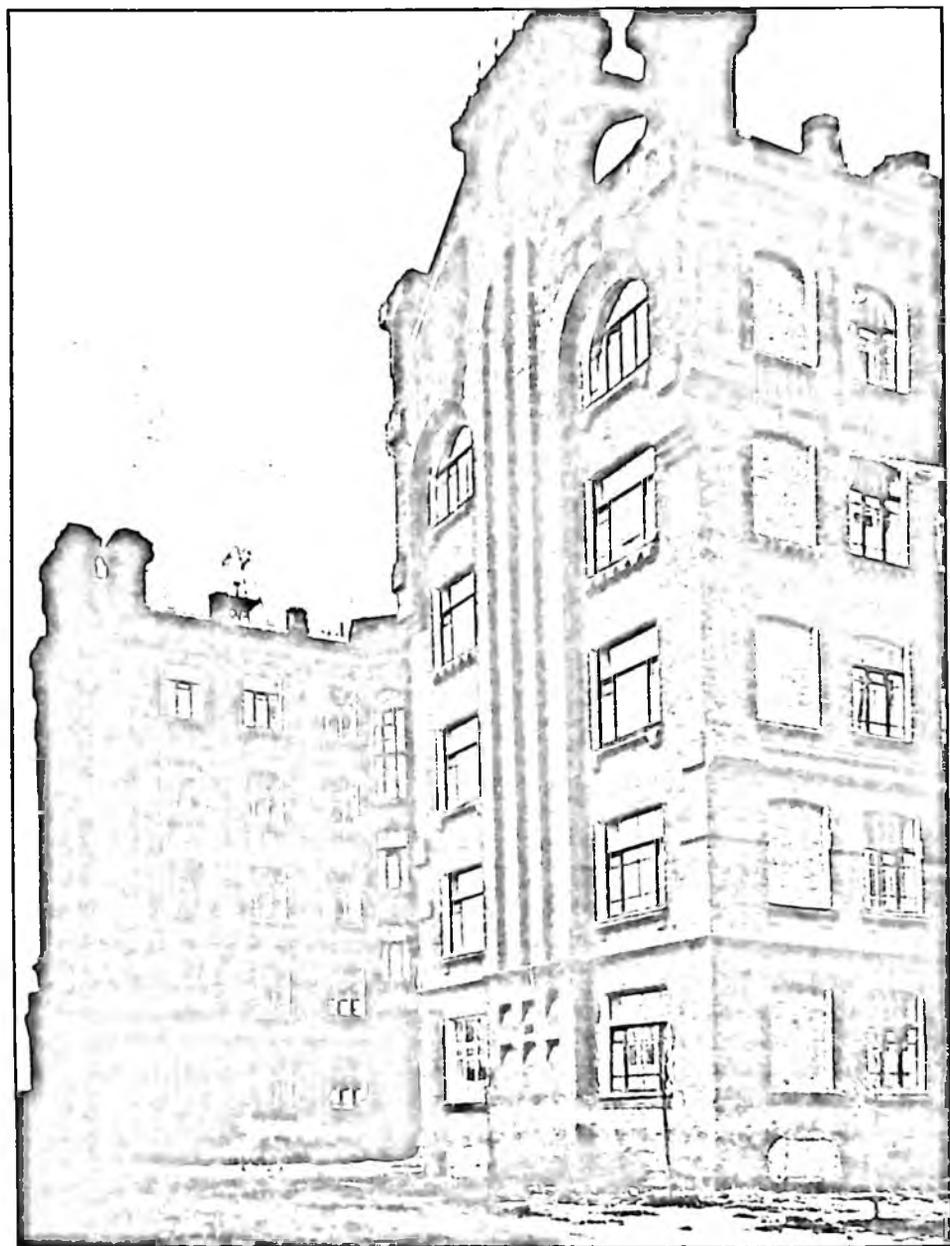
Планировочная и пространственная структура урбанизированного прифабричного поселения на примере Морозовского городка

В формировании планировочной структуры и состава построек Морозовского городка можно выделить несколько периодов.

В 1860—1880-е годы — в течение первого из них, развитие комплекса происходило, судя по всему, без четкого плана. Вдоль правого берега реки Уводь были сосредоточены фабричные сооружения, южнее их располагались подсобные хозяйственные здания и различные мастерские, которые чередовались с группами жилых деревянных домов для служащих, казарм для рабочих и первыми общественными зданиями. Так, в северо-западной части городка, в непосредственной близости от ситцевой фабрики, южнее ее, находилась достаточно большая группа жилых домов «квартир колесистов» с окружавшим их традиционным набором подсобных хозяйственных построек: сараев, погребов и т. д. Рядом размещался окруженный небольшой оградой комплекс «приюта и колыбельной» с хозяйственными службами, прачечной и т. д. Восточнее приюта располагались «Дом для приезжающих» и отдельный достаточно большой «Дом бухгалтера», также с подсобными службами.

Во время второго периода развития городка — в 1890—1900-е годы, когда были возведены основные многоэтажные жилые казармы для рабочих и новые административные и общественные здания, планировка городка стала приобретать более регулярный характер. Этот этап отражен на сохранившемся «Плане фабрики Товарищества Тверской Мануфактуры» 1909 года¹². В это время стала формироваться общественная зона перед бумагопрядильной фабрикой, в которую входили общественный сад с прудом и стоящие по их сторонам Народный театр (на плане он назван «чайная для рабочих»), главная фабричная контора, фабричные лавки, хлебопекарня, восточнее последней — училище. В то же время, пространство общественной площади еще не имело прямоугольной формы, еще не существовала перспектива главной улицы, ориентированной на последнюю гигантскую казарму «Париж»: начало улицы со стороны общественной зоны в то время было закрыто двумя косо поставленными домами для служащих.

План 1909 года дает нам редкую возможность представить, каким был Морозовский городок в конце 1900-х годов. Вся территория комплекса была окружена оградой, в которой были с трех сторон устроены охраняемые и запиравшиеся на ночь ворота: северные, южные и восточные. Городок включал 12 больших зданий казарм и один «барак» для рабочих, с окружавшими их многочисленными сараями, погребями и т. д. Всего хозяйственных построек разных типов (включая коровники, птичник, прачечные, харчевые склады) на территории городка насчитывалось более 80 (большинство из них не сохранилось). Самостоятельную группу из десятка зданий составляли конюшни, сараи для карет и экипажей, кузница. В группу обще-

«Морозовский городок» в Твери. Казарма «Париж», 1910-е гг.
Архитектор В. К. Терский.
Фотография 1975 г.

ственных сооружений, помимо вышеназванных, входили почтово-телеграфная станция, пожарное депо, амбулатория, комплекс больницы с часовней, кухней и прачечной, мануфактурная и фабричная лавки. На западном конце городка и в его восточной половине располагалось большое число деревянных одно-двухэтажных жилых домов для служащих фабрик: всего таких зданий «квартир служащих» было более 40.

Во время третьего этапа развития городка — в 1910-е годы в результате возведения новых монументальных зданий — казармы «Париж» на южном конце территории, многоэтажного жилого комплекса для служащих фабрики на ее северном конце на левом берегу Тьмаки, а также нескольких построек, продолживших восточный фронт застройки общественной площади — композиция городка приобрела значительно более определенный регулярный характер с новыми крупными доминантами.

Мы позволили себе достаточно подробно описать структуру и состав построек Морозовского городка 1900-х годов, поскольку кажется интересным представить в деталях особенности жизни промышленного поселения этого времени.

Весьма интересна планировка комплекса, сложившаяся к концу 1910-х годов и в значительной степени дошедшая до наших дней. Она отличается известной регулярностью и сравнительно четким зонированием. Прямоугольная вытянутая в направлении с севера на юг территория разделена протекающей с запада на восток р. Тьмакой на два неравных участка. Основное число как промышленных, так и жилых и общественных сооружений сосредоточено на правом южном берегу реки. На самом берегу Тьмаки в северо-западной части территории городка расположены невысокие здания ситцевой фабрики. Восточнее в направлении восток—запад вытянут монументальный пятиэтажный корпус бумагопрядильной фабрики, играющий роль доминанты в общей композиции Морозовского городка. Перед протяженным южным фасадом бумагопрядильной фабрики расположена обширная площадь со сквером, в западной части которого поставлено здание Народного театра. Рядом с восточным торцом фабрики начинается главная улица поселка, идущая на юг. Она разделяет территорию на две зоны — большую западную, занятую в основном жилыми зданиями казарм, и восточную, где размещено большинство общественных и хозяйственных сооружений.

В начале главной улицы вдоль ее восточной стороны поставлен длинный состоящий из нескольких частей корпус главной фабричной конторы (в формах неоклассицизма) и магазинов (в формах модерна), обращенных к скверу. За южным торцом этого объема

начинается идущая на восток поперечная улица, на которой расположены училище и небольшие деревянные жилые дома для служащих. Далее вдоль восточной стороны главной улицы располагается группа лечебных заведений — больница, амбулатория, аптека, а в конце — пожарная часть, конюшни и другие хозяйственные строения.

В западной жилой части городка находятся семь трех-четырёхэтажных корпусов казарм, которые поставлены в два ряда и ориентированы в направлении восток—запад. В первом ряду расположены пять казарм, выходящих торцами на главную улицу. Во втором — две казармы и две большие хозяйственные постройки. Между двумя рядами казарм параллельно главной — проходит малая внутренняя улица, ориентированная на Народный театр. На южной границе территории городка стоит громадный пятиэтажный корпус восьмой казармы «Париж», замыкающий перспективу главной улицы. Небольшая обособленная группа из трех многоэтажных жилых домов для служащих предприятия (с большими комфортабельными квартирами) расположена на противоположном левом берегу Тьмаки. Рядом сохранилось деревянное здание почты.

С художественной точки зрения особый интерес представляет архитектура многоэтажных кирпичных казарм Морозовского городка, большинство которых, видимо, было создано по проектам архитектора предприятия В. К. Терского. Все они, так же как и театр, выполнены в формах готизирующей эклектики, которая в каждом новом здании приобретала все более фантастические черты. Последняя самая большая по размерам казарма городка начала 1910-х годов, получившая из-за своего совершенно необычного экстравагантного облика название «Париж», по существу соединила в себе все разнообразные элементы фасадного декора, примененные в более ранних зданиях.

Судьба фабричных поселков и судьба фабрикантов

Несмотря на удивительно выразительную архитектуру казарм Морозовского городка и других фабричных поселков, их оснащение редкими в те годы электричеством и канализацией, все же жизнь в стесненных условиях общих гигантских кухонь и умывальных комнат была шагом назад по сравнению с индивидуальными крестьянскими домиками со своим участком земли. Тем более, что скорее всего жилых площадей в казармах все равно не хватало из-за лавинообразного роста числа рабочих (в 1880—1910-е годы с 5 до 14 тысяч).

Какова же была судьба фабричных поселений после революции 1917 года? Как было показано выше, в фабричных поселках России

накануне революции сложилось два разных типа жизненной среды — тип идеализированного города-сада и тип урбанизированного городка из многоэтажных казарм. Характер жилых построек в них был различен, однако было и много общего — прежде всего большое число общественных учреждений, количество которых постоянно увеличивалось. Не будь революции, можно предположить, что оба типа поселений должны были бы развиваться по пути все большей гуманизации условий жизни — эта тенденция наметилась уже на начальном описанном нами этапе их развития. Не случайно, на рубеже XIX—XX столетий в прифабричных селах и городках практически повсеместно стали строить не только больницы и училища, но и клубы, театры и народные дома для рабочих. Интересным фактом культурно-просветительских начинаний тех лет является организация в народных домах регулярных образовательных лекций с показом так называемых «туманных картин» — прообраза современных слайдов. Часто просветительская деятельность касалась не только рабочих, но и крестьян: в селе Родники при мануфактуре Красильщиковых была создана показательная выставка-магазин новейших сельскохозяйственных инструментов и посадочных материалов. Идеи организации идеальных городов-садов начала XX века были продолжены в советской России. В первое десятилетие советской власти в 1920-е годы в фабричных городах возникло широкое движение по созданию малоэтажных кооперативных поселков-садов для рабочих, многие из которых сохранились до наших дней и также являются интереснейшими свидетельствами социального строительства тех лет.

Впрочем, сегодня трудно гадать, что бы стало с описанными фабричными поселениями Коноваловых или Морозовых и с ними самими, если бы в России не произошла революция 1917 года. Все же хотелось бы сделать небольшое отступление и обратиться к тому, что мы знаем достоверно, в частности, к судьбе двух «героев» этой статьи — фамилии Коноваловых и тверской ветви Морозовых.

Последний владелец мануфактуры в Бонячках, Александр Иванович Коновалов, был человеком незаурядным. Он был и известным предпринимателем и благотворителем, финансистом и талантливым музыкантом, во временном правительстве Керенского в 1918 году он занимал пост министра труда. После падения Российской империи эмигрировал в Великобританию, где уже его сын Сергей Александрович Коновалов (1899—1982) стал известным филологом, воспитавшим в Оксфорде не одно поколение британских знатоков русского языка и литературы.

Не менее яркой была и личность Ивана Абрамовича Морозова, последнего владельца Тверской Морозовской мануфактуры. Он

получил известность не только как выдающийся предприниматель и благотворитель, но и как один из крупнейших меценатов своего времени. Замечательная коллекция картин французских импрессионистов, которая насчитывала около 250 полотен, была помещена И. А. Морозовым в специально приобретенном московском дворце, куда он переселился в начале 1900-х годов (ныне здание Российской Академии Художеств в Москве). В 1918 году И. А. Морозов стал заместителем директора учрежденного здесь государственного музея, но в конце того же года с семьей покинул Россию и выехал на Запад, где в 1921 году скончался. В советские годы коллекции И. А. Морозова и другого известного знатока западноевропейского искусства — С. И. Щукина, ставшие основой отечественного собрания французской живописи начала XX века, были объединены в Музей новой западной живописи, а с 1947 года размещены в Петербургском Эрмитаже и Московском музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В заключение еще раз хочется сказать о большой актуальности изучения памятников промышленного зодчества и прифабричных поселений дореволюционной эпохи. Сегодня, в период экономического упадка, на физическое сохранение многих из них надеяться не приходится. Кроме того, и на протяжении советского периода текстильные предприятия, да и большинство других, интенсивно эксплуатировались по-варварски и были изуродованы многочисленными переделками и пристройками. Подходя к старому фабричному корпусу, опутанному толстым слоем резиновых кабелей и закрытому десятком сараев, подчас только по отдельным уцелевшим фрагментам фасадов приходится мысленно реконструировать облик некогда красивого представительного здания. Многие текстильные фабрики остановлены с 1990-х годов из-за прекращения поступлений среднеазиатского хлопка и обречены на постепенное разрушение. Тем важнее, поскольку едва ли можно надеяться спасти их физически, хотя бы сохранить на бумаге в планах, описаниях и фотографиях документальную память об этой архитектуре, как о свидетеле важнейшего этапа истории нашей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не претендуя на исчерпывающую библиографическую справку по 1990-м гг., назовем характерные примеры работ, посвященных рассматриваемому вопросу: *Калигин В. Д.* Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских. М., 1993; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост. *О. Платонов*. М., 1995; *Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века*. М., 1997; *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. Интересную группу публикаций образуют материалы региональ-

ных конференций, посвященных деятельности купеческих родов, например: Морозовы и их роль в истории России / Труды первой научно-практической конференции. Ногинск (Богородск), 1996; Морозовы и Москва / Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». М., 1998; С.И.Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Брянск, 1994; С. И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. II / Сборник материалов II и III историко-краеведческих конференций. Брянск, 1998; и многие другие.

Особую группу составляют опыты писания художественных произведений о знаменитых купеческих фамилиях, которые хотя и отличаются некоторой наивностью изложения, но свидетельствуют о популярности этой темы: *Иванов В.* Зачем человеку деньги . . . : Хроника жизни купеческой семьи Рябушинских. М., 1996; *Морозов С. Т.* Дед умер молодым: Документальная повесть. М., 1996; и другие подобные издания «Экономической газеты» и издательского центра «ТЕРРА».

² *Штиглиц М. С.* Промышленная архитектура Петербурга. Изд. 2-е. СПб., 1996.

³ О программе Свода памятников архитектуры России см.: *Швицковский Д. О.* Отечественные пепелища / Наше Наследие, № 65. М., 2003, с. 2—9; *Стерлигов А. Б.* Свод памятников архитектуры и монументального искусства Российской Федерации / Наше Наследие, № 65. М., 2003. С. 6.

⁴ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. Отв. ред. В. П. Выголов. М., 1997; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Отв. ред. Е. Г. Щеболева. Ч. 1—3. М., 1998—2000; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. Отв. ред. В. И. Плужников. М., 2001; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Ч. 1. Отв. ред. Г. К. Смирнов. М., 2002. Кроме того, ряд материалов опубликован в издаваемых в последние годы в областях сериях каталогов (в частности, по Костромской и Тверской областям), в подготовке которых также участвуют сотрудники отдела Свода памятников архитектуры Государственного института искусствознания МК РФ. Одним из важных изданий, которое должно обобщить материалы по промышленному зодчеству и по архитектуре прифабричных поселений Ивановской области, является выпускаемый тем же институтом каталог «Купеческое строительство Ивановской области» (ред.-сост. Е. Г. Щеболева), первый выпуск которого, посвященный городу Иваново, вышел в 1998 г. (по объективным причинам в него не включены материалы по фабричным комплексам города; однако в следующих выпусках по остальной территории области промышленная архитектура будет представлена).

⁵ К основным работам 1970-х гг., в той или иной степени обращенным к наследию промышленной архитектуры Ивановской области, относятся следующие труды: *Гераскин Н. С.* Архитектура русской текстильной фабрики XIX—нач. XX в. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. архит. М., 1972; *Власюк А. И.* К истории планировочной структуры и архитектуры Иваново-Вознесенска / Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1980; *Кудряцева Т. П.* Промышленные поселения Центральной России в XIX в. (Развитие планировочных структур). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. архит. М., 1980; *Хлебников И. Н.* Становление советской архитектуры в Иваново-Вознесенском промышленном районе в конце 1920—начале 1930-х гг. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. архит. М., 1981 (несмотря на название, в этой работе большое место уделено дореволюционной промышленной архитектуре Ивановского региона). Кроме того, нельзя не упомянуть многочисленных статей краеведческого характера местных ивановских авторов — П. М. Экземплярского, Л. А. Шлычкова, А. Б. Дьякова, Ю. Ф. Глебова и многих других.

⁶ В 1990-е гг. обследование без малого трех десятков текстильных комплексов Ивановской области проводили сотрудники отдела Свода памятников архитектуры Государственного института искусствознания Е. Г. Щеболева, Е. И. Кириченко, Г. К. Смирнов, Е. А. Шорбан.

⁷ Вместе с тем, это уже был шаг вперед по пути укрупнения производства, поскольку красильщики сами не могли выткать достаточного количества холстов, а

кубовая окраска (окраска в один цвет в чане с разогретой краской), а тем более набойка холстов в несколько цветов, требовала специальных производственных устройств. Поэтому беднейшие крестьяне приносили неокрашенные холсты в красильную мастерскую. В конце XVIII века, когда начался привоз в Россию из Европы хлопковой пряжи, возникли новые предприятия «промежуточного характера» — так называемые «раздаточные конторы», в которых пряжа раздавалась крестьянам по домам для изготовления холстов.

⁸ См. об этом подробнее: *Шорбан Е. А.* Промышленная архитектура Иваново-Вознесенска XIX—начала XX вв.: рационализм стилистической свободы / Архив архитектуры. Вып. IX. М., 1997.

⁹ Ныне город Вичуга Ивановской области.

¹⁰ К столетнему юбилею фирмы Коноваловых был издан иллюстрированный альбом: Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с Сыном. 1812—1912. Краткий исторический очерк. М., 1912.

¹¹ Да и само возникновение Тверской Морозовской мануфактуры происходило по другой «схеме». Фабрика на окраине Твери была основана в 1856—1858 гг. московскими купцами С. Шибасвым, И. Матюшиным, В. Брызгалиным и др., но вскоре перекуплена Саввой Васильевичем Морозовым. С 1872 года она перешла к его внуку — Абраму Абрамовичу, а затем из-за болезни последнего и смерти в 1882 году к его жене Варваре Алексеевне Морозовой (урожденной Хлудовой), а с 1890-х годов к их среднему сыну Ивану Абрамовичу Морозову. См. об этом подробнее: *Думова Н. Г.* Хозяин Тверской мануфактуры. В кн.: Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 228—238.

¹² ГАТО. Ф. 158. Ед. хр. 34, 94, 148, 281—2.

КУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА

ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XIX—начала XX вв.

Под поколением в культуре следует понимать совокупность сверстников и современников, представляющую собой особую социально-историческую и социально-психологическую общность (судьбы, умонастроений, ценностных ориентаций и переживаний), которая выделяется под влиянием исторических событий, идей и ценностей определенного типа культуры, занимает важное место и играет существенную роль в социальных и культурных процессах преемственности и изменения традиций.

Моменты смены поколений сложно выявить. Однако любое поколение наделено способностью к саморефлексии через искусство и философскую мысль, в результате которой оно последовательно фиксируется, воплощаясь в художественных произведениях, теоретизируется в научных исследованиях, осмысливается, абстрагируясь от реальности. Таким образом, выделение сущностных черт поколения возможно только в теоретической абстракции и в произведениях искусства. Представители поколения выступают в качестве «героев своего времени» в произведениях художественной культуры. В литературе — это персонажи-типы, в живописи — портретируемые современники.

Исследование культуры XIX—начала XX вв. — сложная задача. Эпоха оставила огромное количество разнообразных материалов: произведений художественной литературы, публицистики, мемуаров, философских сочинений, переводных статей и критических заметок, дневников, дамских альбомов, акварельных миниатюр и произведений масляной живописи, музыкальных сочинений и т. д. Систематизация этого наследия требует нахождения адекватного способа периодизации. При составлении периодизации необходимо учитывать специфику эпохи; задача состоит в том, чтобы найти такую систему, которая отразила бы динамику процессов и явлений, происходивших в культуре России именно XIX века.

История культуры неоднократно подвергалась процедуре периодизации. Существуют разные основания и варианты периодизации культуры, связанные с выделением исторических типов и нахождением основных качественных этапов культурной динамики. Разрабатывалась историческая типология культуры в работах Н. К. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса, П. Сорокина, М. С. Кагана, А. С. Кадмина и других авторов. Проблемы типологии художественной культуры рассматривали Ф. Шлегель, Ф. Шиллер, А. Шлегель, Г.-В.-Ф. Гегель, Я. Бурхардт, Б. Л. Яворский, М. С. Каган, Г. К. Щедрина и др. Предложенные виды периодизаций рассматривают глобальные исторические пласты, основные большие периоды развития истории культуры, выделяя особенности, характерные для культуры того или иного типа, того или иного периода. В исторической науке периодизация соотносится также с событиями внешней и внутренней политики, со сменой династий монархов, с этапными датами. С другой стороны, биографический метод в социологии и близкий ему персоналогический метод в литературоведении и культурологии позволяет исследовать этапы творчества знаменитых людей и судьбы их менее известных современников. Периодизация культуры также учитывает вклад великих людей в развитие культуры¹. Сопоставляя сведения разных источников, можно получить целостную картину культуры того или иного периода.

Таким образом, существуют два направления, два поля периодизации: одно исследует макродинамику культурно-исторического процесса, другое «работает» на уровне индивида. Конкретизировать периодизацию, представив макродинамические варианты (исторические типы культуры) в богатстве их качественного и динамического многообразия, позволяет обращение к поколению как способу периодизации истории культуры. Таким образом, поле поколения, поколенческая периодизация занимает промежуточную область между выделением макроисторических типов и персоналогическими исследованиями культуры. Поколение связывает личность и историю, и именно особое качественное единство, взаимная обусловленность поколения и культурно-исторического периода, в который оно сформировалось и на который оказало влияние, движущая энергия поколений, их деятельность в творении культуры позволяют выделить поколение в качестве возможного элемента периодизации истории культуры.

Генезис проблемы поколений в XIX в., отраженный в произведениях художественной культуры, отмечен особым сближением героев и реальных представителей поколений — уникальный момент, характерный только для данной эпохи. Чацкий, Онегин, Печорин, Рудин, Базаров и др. персонажи, герои своего времени, были слиты со

своими многочисленными прототипами, определяли образ целого поколения. Философские искания, динамика революционного движения, осознание социальных, гендерных проблем, поиски положительного героя — сложная система элементов культуры XIX века, которая может быть осмыслена именно при помощи поколенческой периодизации. Поколение — сложная, подвижная, меняющаяся, гибкая структура, поэтому установление зависимости «поколение — история» дает возможность применения логического метода к сложному организму культуры. Исследование искусства XIX—начала XX вв. сквозь проблему поколений позволяет проследить соприкосновение реальности и ткани художественного произведения.

К периодизации, основанной на смене поколений, в некоторой степени прибегают Н. Бердяев (в работе «Русская идея» анализирует генезис идеи на протяжении XIX в. по поколениям философов), В. Ключевский (в статье «Евгений Онегин и его предки» рассматривает предполагаемое генеалогическое древо пушкинского героя, анализирует влияние образов литературных персонажей на образ своего поколения), Л. Аннинский (сопоставляет поколения XIX и XX вв., рассуждая о «диалектике поколений»). Эти авторы уделяют особое внимание таким категориям, как «свое поколение», «новое поколение» (младшее, либо свое как новое), «старшее поколение», пишут о разных поколениях родственников и о смене поколений на протяжении определенного периода. Поколение, таким образом, позволяет исследовать все три временных среза: прошлое, настоящее, предположить будущее, — сопоставляя их в «одновременности разновременного» (В. Пиндер).

Изучение поколений XIX—начала XX вв. должно идти в двух взаимосвязанных направлениях: определение характера поколения по его наиболее репрезентативным представителям и определение принадлежности к тому или иному поколению остальных представителей поколения (действия которых не отражены в произведениях художественной культуры, в исторических источниках) на основе выработанных характеристик.

Образ поколения в XIX веке может приниматься во внимание в качестве определенной формулировки результата самосознания автора, обратившегося к теме поколений, в более широком смысле — в качестве элемента самосознания эпохи. Человек, личность, «Я» — образуется, как известно, в результате «пересечения» рода и поколения (то, что в психогенетике определяется как наследственность и среда, хотя, несомненно, в понятие среды входят представители разных поколений). Эпоха осмысляется, осознается в XIX в. (что отражено в произведениях художественной культуры) через рассмотре-

ние каждым автором своего поколения, через нахождение своего места в поколении, предварительно определяется роль данного поколения в истории. Например, В. О. Ключевский, говоря о значении личности Пушкина для своего, предыдущего и последующего поколений, употребляет объединяющее местоимение «мы», называя свое поколение². Такая последовательность от поколения — к личности преобладает вплоть до первых десятилетий XX века. Х. Ортега-и-Гассет, рассуждая о «состоятельности» и «осуществленности» поколения, в том числе собственного, логически завершает разработку и применение этого своеобразного «дедуктивного» метода.

В XX веке нарастает тенденция «индуктивного» подхода (от себя — через поколение — к себе-в-поколении). Теперь все последовательнее образ поколения формулируется через образ личности, в том числе и когда речь идет о роли личности в предыдущую эпоху. Подтверждением этому служат названия современных воспоминаний, частое употребление слова «поколения» во всех сферах жизни: «исповедь поколения», «потерянное поколение», «мое поколение», «наше поколение» (внимание на местоимение). Такой подход — путь изучения времени через себя, осмысление своего поколения как совокупности себе подобных. В конце XX века в воспоминаниях писателей «стиль времени» проявляется через стиль авторов, все больше — через оттенки личностного отношения. Несомненно, эти варианты взаимодействия в художественной культуре личности автора и его поколения сосуществуют и пересекаются, однако в XIX веке удельный вес «поколенческого обобщения» намного больше, чем в XX веке.

Поколение 10-х—20-х годов XIX столетия названо Н. Бердяевым поколением *декабристов*. Однако философ отмечает, что декабристы в поколении составляли незначительное меньшинство, не имевшее опоры, обреченное на гибель. Л. Аннинский также выделяет поколение декабристов, принадлежность к нему рассматривает по принципу определения ареала рождения: 1785—1799 годы³. М. Гершензон охарактеризовал декабристов как людей действия, а не рефлексии, людей акций, цельных и монолитных. Герои по сути первого поколения XIX века представлены образами нескольких крупных литературных персонажей, благодаря которым и последующие поколения авторов и критиков нередко определяли суть, настроение эпохи. Это, прежде всего, Александр Андреевич Чацкий. Такой тип, как герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», по словам И. А. Гончарова, «неизбежен при каждой смене одного века другим», и «литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым, как только художник коснется борьбы понятий, смены поколений»⁴.

Чацкий — знак эпохи, символ борьбы «старого» и «нового» мира, что так актуально на переломе эпох, переломе столетий.

Поколение Чацкого выступает в качестве своеобразного «векораздела», несет дополнительную нагрузку социокультурного ценза, вместе с тем, дополнительную ответственность. Блестящее образование, полученное молодой дворянской элитой, широкие горизонты возможных перспектив общественного развития, открытые в результате победоносного пребывания в Европе (1813—1815), культ дворянской и офицерской чести, идеалы служения Отечеству — все это позволило поколению Чацкого и вместе с ним поколению его автора стать героическим. Чацкий был назван Аполлоном Григорьевым в 1862 году «единственным героическим лицом нашей литературы», А. И. Герцен обобщил поколение «Онегиных, Чацких и всех нас»⁵, включив себя в плеяду героев художественных произведений. Таким образом, определилась практика выделения реальных поколений по принципу принадлежности к ним литературных персонажей. Вся дальнейшая критика (Д. И. Писарев, И. А. Гончаров, А. Н. Пыпин, М. В. Авдеев) отмечает изоморфизм литературного поколения Чацкого и реального поколения декабристов. Мышление литературными поколениями естественно для авторов XIX века. Чацкий стал одним из тех героев классической русской литературы, чей образ последовательно осмысливается на протяжении уже двух столетий.

Следует помнить, что при всей общности, позволяющей выделять поколение, оно, тем не менее, всегда разнообразно по своему составу, его представители образуют сложную систему качеств поколения, иногда диаметрально противоположных. Чацкий — не единственный герой «Горя от ума», принадлежащий к поколению 20-х годов. Его антиподы и соперники — Молчалин и Скалозуб — представители того же поколения. Молчалин ненамного моложе Чацкого, однако разница в возрасте оказывается решающей для формирования этих «полюсов» поколения. Молчалин — порождение аракчеевщины (а не «дней александровых прекрасного начала», как Чацкий) — системы, сложившейся в послевоенное время. «Деловые» (как определяет своего секретаря Фамусов), опытные люди — порода чиновников, воспитанная новым режимом⁶. В. В. Розанов говорит о Молчалине как о первом разночинце, оскорбленном аристократом Чацким: «Чувство смеха над Сперанским в петербургском обществе сливается с чувством смеха Грибоедова над Молчалиным»⁷. Скалозуб же представляет тип военного, далекого от героического идеала начала столетия. Есть еще Репетилов — персонаж пародийный, однако с его помощью Грибоедов пытается проанализировать причины неудачи своих современников на Сенатской площади.

Портреты Галереи героев войны 1812 года Дж. Доу запечатлели облик героев поколения. Это поколение молодых по преимуществу. Несомненно, в него попадают люди разных возрастов, однако общее состояние молодости все же сообщает особую характеристику поколению. Герои войны становились генералами в 25—30 лет. Многочисленные карандашные рисунки и наброски О. Кипренского запечатлели героев своего времени — молодых героев. Среди графических работ 1812—1816 гг. — портреты знаменитого боевого генерала Е. И. Чаплица (1813) и будущего декабриста Никиты Муравьева (1813). Еще раньше, в 1809 году, Кипренский написал Евграфа Давыдова, создав замечательный образец живописного портрета эпохи Романтизма.

Среди живописных произведений Кипренского 1810-х годов выделяются портреты молодого С. С. Уварова — в будущем президента Академии наук, позже — министра, автора знаменитой социальной формулы: «Православие. Самодержавие. Народность», и В. А. Жуковского (оба — 1816). По мнению искусствоведов, в «идеальном» образе светского щеголя Уварова есть что-то онегинское, хотя Онегин как литературный герой появится еще через несколько лет⁸. Евгения Онегина можно также причислить к этому поколению. По расчетам В. Набокова, Онегин родился в 1795 г.; «учиться он закончил не позднее 1811—1812 гг., а Пушкин примерно тогда же начал — в только что основанном Лицее. Разница в возрасте между Пушкиным и Онегиным — четыре года»⁹. Онегин не участвовал в войне 1812 года, не служил, и его литературная фигура определяет «среднего» представителя поколения. *«Молодой повеса»*, демонстрировавший вполне модное светское разочарование. И в то же время в нем жили *«Мечтам невольная преданность»* и *«резкий, охлажденный ум»*. В самом деле, это портрет героя своего времени. С другой стороны, он — герой на перепутье поколений, возможно, в этом — причина его нереализованности, его «лишности». Для последующих поколений этот герой имел большое значение как родоначальник целого типа.

Еще двух литературных персонажей можно отнести к поколению декабристов. Это Андрей Болконский и Пьер Безухов. Андрей представляет собой военного-аристократа, не чуждого гражданской службе (можно вспомнить его общение со Сперанским). Внутренний надлом и разочарование постигли его гораздо раньше, чем, например, героя Грибоедова, задолго до 1825 года. Пьер, сугубо гражданский человек, был увлечен масонством — распространенное среди молодежи того поколения явление (масонами были многие декабристы, например, Пестель). В нереализованном замысле романа *«Декабристы»* Толстой, как известно, хотел дописать историю жизни своих героев,

испытав их уже восстанием на Сенатской площади. Поколение 10-х—20-х годов отличает общее стремление к деятельности, вдохновленное подъемом национального самосознания в годы Отечественной войны. Потребность в борьбе за совершенствование миропорядка, реализовавшаяся в освобождении России от иноземных захватчиков, побуждала к поискам новых форм актуализации патриотических и гражданских чувств. Романтический идеал героя своего времени был подготовлен предшествующей эпохой екатерининского воспитания «нового человека», нового гражданина — идеалом эпохи Просвещения. Трагическая развязка на Сенатской площади, сочетающая в себе драматизм реально-исторического события, ломавшего судьбы, и жесткое воплощение романтической программы — удар судьбы и гибель героя, четко определила рубеж поколений, хотя вызвала не разрыв между ними, а горькое чувство сожаления о невозможности изменить мир.

Поколение 30-х годов исследователи определяют как *пушкинское*¹⁰. Личность А. С. Пушкина соединяет два литературных века, подчеркивая культурную преемственность, а также ознаменовывает переход русской литературы в иное качество (определяются новые формы литературного языка), формируя свою традицию. В пушкинскую плеяду входят Е. Баратынский, Ф. Тютчев, М. Глинка, К. Брюллов, А. Иванов, а также Н. Гоголь. Н. Бердяев выделяет пушкинское поколение как важную веху, отметившую начало формирования интеллигенции.

Анализ проблемы поколений в культуре XIX века невозможен без изучения генезиса уникального явления русской культуры — интеллигенции. Разговор о «зрелой» интеллигенции уместнее вести с поколения 1860-х годов, однако две ветви этого явления: дворянская и разночинная выделились именно в 30-е годы¹¹. Интеллигенция рекрутировалась из обедневших дворян. Богатыми источниками интеллигенции были также «низшие» сословия: духовенство, военные, в меньшей степени крестьянство и купечество. Разночинцам было непросто выбиться в люди, получать профессиональное и высшее образование, «преодолеть гнетущий страх, который придавливал к земле, мешал видеть картину мира Акакиям Акакиевичам и героям Сухово-Кобылина»¹², — отмечает Н. И. Балашов.

...Многочисленны живописные портреты представителей поколения 30-х. Герои произведений О. Кипренского — замечательные люди своей эпохи. Прежде всего, следует вспомнить известный портрет «заглавного» героя поколения — А. С. Пушкина (1827). Романтический и, вместе с тем, несколько салонный характер только подчеркивает выразительность образа. Современники отмечали важность

того, что Кипренский «сохранил для потомства черты любимца Муз»¹³, а сам поэт ответил на свой портрет хвалебными стихами в адрес художника: «Себя как в зеркале я вижу, / Но это зеркало мне льстит...». В том же 1827 году портрет Пушкина написал и В. А. Тропинин. Художник стремился показать лирическую природу личности поэта. Ясность и простота композиционного построения позволяют относиться к изображаемому герою не как к великой литературной фигуре, а как к реальному живому человеку.

Следует подчеркнуть, что в искусстве на протяжении всего XIX века, начиная с 20-х годов, утверждается образ творческой личности. Ценность творчества декларируется в автопортретах С. Щедрина (1817), О. Кипренского («Автопортрет в полосатом халате», 1828), В. Тропинина («Автопортрет с видом на Кремль», 1846). Уникальный статус творчества заключается во внесловной аксиологии таланта. Особая живописная и композиционная свобода автопортретов и портретов замечательных современников (например, в портрете писателя А. Н. Струговщикова кисти К. Брюллова (1840), портрете Н. В. Гоголя работы А. Иванова (1841)) указывает на новое отношение к творчеству и к его «носителям», во многом определившее содержание феномена интеллигенции.

Замечательным явлением Пушкинского поколения был Арзамас. Ефим Курганов предпринял попытку сравнения поколения арзамасцев с поколением 20-х—30-х годов XX века, представленного особым литературным движением. Он высказал предположение о схожести судеб поколений двух столетий и отметил существование особого мироощущения, присущего каждой из этих «общностей», подчеркнув, в частности, что «литературные аристократы» — арзамасцы — были «носителями особого духа, особого и не очень понятного другим поколениям типа взаимоотношений»¹⁴. Эта общность и особость сохранялась несмотря на то, что со смертью Пушкина Арзамас распался окончательно. Сопоставление поколений разных эпох, нахождение определенной степени «повторяемости», которая действительно имеет место в истории поколений, подчеркивает непрерывность культурной традиции, ее преемственность.

40-е годы стали периодом «кризисного поколения»¹⁵. Люди 40-х годов систематичны, но, по выражению Л. Аннинского, в их «душе зреет ад». «Портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» написал М. Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени». Пребывание Печорина на Кавказе — штрих особой выразительности. Не только потому, что автор там служил, но и потому, что Кавказ 40-х годов был основным «местом действия», приложения сил и талантов, возможно, единственным. Про-

тивостояние Печорина и Грушницкого не обосновано определенными обстоятельствами, оно возникает, казалось бы, из *«врожденной страсти противоречить»*, свойственной Печорину, однако причина — в невозможности иной, плодотворной самореализации. Кавказ, при всем необходимом героизме, уже иной масштаб, чем Отечественная война. Форма романа — дневник Печорина — дает возможность читателю оценить аналитическую окраску размышлений героя: *«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою...»*¹⁶. В дневнике — поиск причин собственных поступков. Психологические «эксперименты» Печорина, заставлявшего других людей поступать, как ему нравится, происходят не вследствие жестокости сердца, а от скуки-тоски рассудка, от избытка воли. Его цинизм, желание причинять боль происходят от внутренней расколотости и одиночества. Таков и Арбенин — герой «Маскарада». Единственного друга — жену Нину — он убивает, разрушая свой мир, самого себя.

Современником Печорина может быть назван Павел Петрович Кирсанов — дядя Аркадия из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Автор отмечал, что в образе отца Аркадия изобразил самого себя, а в образе Павла Петровича — друга М. Ю. Лермонтова Монго Столыпина. Вот портрет Кирсанова: *«Он с детства отличался замечательной красотой; к тому же был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен — он не мог не нравиться. Он начал появляться повсюду, как только вышел в офицеры. Его носили на руках, и он сам себя баловал, даже дурачился, даже ломался, но все это к нему шло. Женщины от него с ума сходили, мужчины называли его фатом и тайне завидовали ему. [...] На двадцать восьмом году от роду он уже был капитаном; блестящая карьера ожидала его»*¹⁷. Характерно, что его «погубила» любимая женщина. Этого «романтизма» ему не может простить Базаров — представитель поколения 50-х.

И. С. Тургенев ярко нарисовал поколения 40-х, 50-х, 60-х годов в серии романов, повестей и рассказов: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», неоконченный роман «Два поколения», «Отцы и дети», «Дым», «Новь», «Яков Пасынков», «Фауст», «Гамлет Шигровского уезда». Тургенев наиболее последователен в своем стремлении показать жизнь поколений. Он всегда определяет даты, важные для понимания исторического контекста событий романов, дает в тексте указания на литературные, философские, музыкальные произведения, которые волновали умы представителей поколений. Такая добросовестность указывает на то, что осмысление проблемы поколений обрело к середине столетия особую художественную полноту. Рудин

и Лаврецкий, «Гамлет» представляют поколение 30-х—40-х годов, то есть поколение самого автора. Это новые «лишние» люди со стремлениями к свершениям, объединенные в салонные или студенческие кружки единомышленники, спорящие о судьбах России.

Линию «лишних людей» продолжает Рудин. Финал одноименного романа венчает смерть главного героя. Следует отметить, что обстоятельства смерти героя в произведениях русской литературы играют важную роль в понимании художественной и общественной значимости данного персонажа, в том числе, и в характеристике поколения, к которому он принадлежит. Так, юный Ленский убит на дуэли, смерть Печорина, возвращавшегося из Персии, по Лермонтову, проходит почти незамеченной, однако дает возможность автору напечатать записки того, кто *«так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки»*. Рудин в смерти совершает определенный выбор и погибает на баррикадах Парижа.

Не менее важен для понимания поколения 40-х годов образ Покорского — товарища и учителя Рудина и Лежнева. Если Рудин появляется на страницах романа уже в достаточно зрелом возрасте — 35 лет, то Покорский¹⁸, олицетворявший душу студенческого кружка, явлен в воспоминаниях Лежнева совсем юным. Лежнев говорит и о верности идеалам поколения, которая не уходит даже вопреки жизненным обстоятельствам, меняющим людей.

Противоречия поколения 40-х годов отразились и в облике героев И. А. Гончарова: Обломова, Штольца, Адуева. Суммировав рассмотренные образы данного поколения, можно подчеркнуть, что столкновение идеалистического мировоззрения, культурные истоки которого лежали в немецком романтизме, сочинениях И.-Ф. Шиллера, И.-В. Гете, философии Ф.-В. Шеллинга, И.-Г. Фихте, Г.-В.-Ф. Гегеля, во французском социалистическом утопизме, в учениях А. Сен-Симона, Ш. Фурье и П. Леру и «невозможности деятельности» (Н. Бердяев), порождает ту общность, которая позволяет определить персонажей художественных произведений как «людей 40-х годов».

К этому же периоду относится становление художественной практики изображения представителей разных социальных сословий — носителей разных социальных ролей. Расширение спектра образов поколения вводит в круг героев своего времени «маленьких», «незначительных», «средних» или даже комедийных персонажей — *«наших плутов»* (Н. В. Гоголь), дополняющих общую картину поколения и придающих ей отныне своеобразную полноту, а образу поколения — наполненность и особую насыщенность, которые не были свойственны предлагаемым литературой и живописью образам предшествующих поколений.

Гоголевские персонажи (Хлестаков, Чичиков, Акакий Акакиевич, капитан Копейкин и др.), уже занявшие в 30-е гг. место в литературе и в жизни российского общества, явились своеобразной отправной точкой в этом процессе накопления «единиц» поколения. В 40-е—50-е годы их ряды пополнили герои А. Н. Островского и М. Е. Салтыкова-Щедрин — купцы, генералы, чиновники, солдаты, городские обыватели-мещане и уездные помещики. С появлением пьес Островского на театральную сцену ворвалась стихия русской жизни, новый, сочный и современный язык, новые герои. В живописи визуальный облик этой части поколения 40-х—50-х гг. запечатлел П. А. Федотов (картины «Свежий кавалер» (1847), «Сватовство майора», «Анкор, еще, анкор» (1852), «Игроки» и др.). Выразительные социальные портреты нарисовал в своих «сатирических песнях» А. С. Даргомыжский. Яркие примеры подобных произведений — песни «Червяк» и «Титулярный советник» (обе 50-х гг.). Музыкальный образ «маленьких людей» создал и М. П. Мусоргский в неоконченной опере «Женитьба».

Вместе с тем, зарождается и новый тип героя, несущего в себе качества человека беспринципного, не имеющего понятия о чести. Нить подобных персонажей тянется от Расплюева — героя пьес А. В. Сухова-Кобылина: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». Характерна «эволюция» этого героя в произведениях Сухова-Кобылина. В первой пьесе он предстает шулером и по совместительству — слугой Кречинского, во второй — доносчиком, а в третьей — квартальным надзирателем, преследующим людей. Расплюев — «добровольный холуй, который (когда наступит черед, то есть в “Смерти Тарелкина”) станет торжествующим хамом»¹⁹. Это человек «общественной обочины», карабкающийся вверх. Для него характерна неопределенность происхождения, отсутствие корней.

Герои И. С. Тургенева Инсаров и Базаров, представляющие новую социальную категорию России, маркируют поколение 50-х гг. Социальная и политическая активность разночинцев к этому периоду значительно возросла. В романе «Накануне»²⁰ Тургенев создал портреты нескольких типов поколения: Инсарова, Шубина, Берсенева. В «Отцах и детях» Базаров предвосхищает появление новых людей, он — первый нигилист. Его отрицание всего и вся, кроме естественной науки и разума, сигнализирует о переходе от идеалистического мировоззрения поколения 40-х годов — к реалистам-шестидесятникам и радикалам-семидесятникам. В то же время, Ф. М. Достоевский видел в образе Базарова выражение тоски и беспокойства — признак переживания незаурядных, чутких натур, стремящихся к утверждению какого-то высокого идеала — свойственное, в частности, Онеги-

ну, Печорину и другим предшественникам героя. Инсаров рано умирает, Базаров тоже. Они не осуществили того, к чему стремились их помыслы, но задали направление общественной и художественной мысли, подготовили более последовательное в мыслях и поступках, менее сомневающееся поколение 60-х.

«Новые люди» — поколение 60-х ²¹ — представлены героями Н. Г. Чернышевского — Лопуховым, Кирсановым, Рахметовым. Это люди действия, декларативно чуждые романтизму и идеализму. Поколение героев романа «Что делать?» — это поколение экспериментаторов и критиков. Тем не менее, следование воззрениям Фейербаха и Конта приводили к определенному утопизму мировоззрения. Перелом поколений, декларация выхода за пределы традиционного социального и семейного бытования находили отражение в практике следования литературным «рецептам» Чернышевского реальными представителями поколения. «Новые люди» — это, прежде всего, разночинцы. Именно этот слой населения оказался наиболее затронут «ценностным кризисом сознания» — нигилизмом. Разночинцы — искусственно созданное по указу Петра I сословие, в которое записывали детей отставных солдат, священников, мещан. Они не имели права владеть землей, крепостными, вести экономическую деятельность. В этом причина их «неукорененности в бытии», «беспочвенности» ²². Разночинная интеллигенция во многом определяла облик поколения 60-х гг. и последующих поколений. Именно эта социальная и идеологическая составляющая интеллигенции повлияла на формирование одного из важнейших свойств русского интеллигента — обязательного противостояния существующему порядку. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованный в 1862 году, стал романом-«катализатором» (Т. Шоломова) для современников, увидевших, наконец, нигилизм — явление, обретшее в романе свое имя ²³. Это важнейший этап обострения конфликта, вместе с тем, становления проблемы поколений.

Поколение и во второй половине столетия неизменно ассоциируется с молодостью. Так, люди 60-х—70-х годов — «мальчишки» по терминологии Л. Аннинского — рождались в ареале 1841—1850 годов ²⁴. Однако этим «мальчишкам» уже не присущ идеализм их «отцов» — поколения 40-х годов. Напротив, их переполняет энергия: энергия и созидания, и разрушения. Это время краха семейных «гнезд» и время становления народничества, период террористической борьбы и проповедь действием аскетизма во имя социального блага. Проблема нарастания атеистической энтропии российского общества сосуществует с расцветом религиозной философии. Именно в этот период, в это поколение, характеризующееся богатым раз-

нообразием проявлений культуры и внутренней расколотостью, остро ставится тема «о столкновении личности и истории, личности и мировой гармонии», которая, по словам Бердяева, «есть очень русская тема» и которую через проблему страдания раскрывает в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский, особенно в «Великом Инквизиторе».

Это время может быть определено как этап начала бурной политической активизации масс. К народникам «пристали и пристыли циничные глумливые «бесы», которые, как Петр Степанович Верховенский в романе Достоевского, дрались за возможность повелевать, дрались за власть, плели интриги, учились и учили привыкать к убийству, рады были жертвовать тысячами голов как своих противников, так и своих сторонников»²⁵.

По мнению А. Ципко, в «Бесах» рассмотрен эгоизм интеллигенции — «стремление навязать миру свои пристрастия»²⁶. Данный аспект бытования интеллигенции, в данном случае интеллигенции революционной, позволяет говорить об этом невероятно активном социальном и культурном слое как о динамической основе поколений в России XIX—XX вв. Основе, несущей как созидательные, так и разрушительные, деструктивные импульсы, обусловленные фактором собственной мощной личности. Героев «Бесов» и, соответственно, типы представителей поколения анализирует С. Булгаков в статье «Русская трагедия». Петр Верховенский — это политический провокатор: «Над всем царит у него одна холодная, насмешливая презрительная воля. Но при этом и трезвый, расчетливый в злодействе Верховенский в действительности есть маньяк и одержимый... Он готов разрешить для человеческого стада демократию, его осчастливить, он позволяет ему устраиваться в своем муравейнике, при условии повиновения его диктатуре. Образ Великого Инквизитора просвечивает в Верховенском»²⁷. Ставрогиным владеет дух небытия. В Шатове — «жгучая потребность опереться на Ставрогина», обусловленная личной трагедией «веры и неверия», обернувшейся для последующих поколений общей — торжеством «бесов».

Рожденные в 1850—1855 годах составляют поколение 70-х—80-х — поколение «царубийц»²⁸. 80-е годы — эпоха политической реакции». Л. Аннинский называет поколение 80-х «чеховским» (родившиеся в 1855—1866 годах) и определяет его как «смутно и расплывчато обозначенное в памяти истории»²⁹. В своих произведениях А. П. Чехов показывает сложность жизни «среднего» человека. Он не формулирует героя своего времени, но преподносит целый верер персонажей, характеризующий многообразие проявлений истории и быта и бытия в их судьбах. Уездные помещики, врачи, учителя, вете-

ринеры, землемеры, «нарицательные» чиновники Толстый и Тонкий, служащие, воснные разных рангов мозаикой появлений на страницах коротких рассказов формируют картину поколения, означая своим присутствием бесконечно сложное качество жизни. Трагедия «маленького человека» Н. В. Гоголя выравнивается в общую драму жизни обывателя — гражданина Российской Империи.

Вместе с относительно «положительными» персонажами — «средними» людьми определенных достоинств и слабостей все активнее формируется тип «мелкого беса». В одноименном романе В. Сологуба герой — учитель гимназии Передонов, обыватель, но человек психологически злой, жестокий, мстительный и подозрительный. Это приводит его, в конечном итоге, к сумасшествию. Не идеологические мотивы толкают его на убийство, а ханжество, зависть, его собственный «мелкий бес», разрушающий душу. «Восстание масс» проходит мучительно и не бескровно. Автор признавался, что работа над романом была столь продолжительна (1892—1902) «...лишь для того, чтобы случайное возвести к необходимому»³⁰. Это стремление, воплощенное в конкретном романе, было обосновано, однако, общими особенностями характера литературного персонажа этого времени.

Дело в том, что определенный тип (типы) героя начала XIX столетия, то есть поколений 20-х, 30-х, 40-х годов постепенно претворяется во множество героев. Каждый из них несет фрагмент изначального, но разработанного и усложнившегося типа (архетипа героя поколения), восходит одновременно и к гоголевским героям, и к реальным социальным лидерам поколения, и к «лишним» людям. Подчеркивается, что каждый человек, независимо от масштаба, может быть рассмотрен в качестве портрета эпохи, портрета поколения. Можно сделать вывод, что «тип» начала столетия — это, по сути дела, идеал, тогда как тип героя второй половины века (эта тенденция усиливается к началу XX столетия) является непосредственно «типическим» и рождается в поиске зеркала поколения в каждой личности.

Поколение 1890-х³¹—1900-х³² гг. представлено, в частности, Николаем Аполлоновичем Аблеуховым — героем романа «Петербург» Андрея Белого. История взаимоотношений сенатора Аполлона Аполлоновича Аблеухова и его сына, чуть было не бросившего бомбу в отца, характерна для противостояния поколений в русской культуре. Действие романа происходит в 1905 году, и вместе с аристократом Николаем Аблеуховым в романе действуют его сверстники и современники из разных слоев общества, которые судьба сталкивает почти мистически. Андрей Белый, увлеченный модернистским экспериментом с литературной формой, тем не менее, предельно четко выбирает персонажей, разбирая типы свидетелей и участников событий того

времени: близкий к сумасшествию Дудкин, в котором что-то от Раскольникова, а что-то от Евгения — героя «Медного всадника», беспринципный аферист Липпанченко — «мелкий бес», прямой, хотя и выродившийся «потомок» Верховенского, честный офицер Лихутин, дворник Моржов, сапожник Бессмертный и др.

Представители этого поколения и герои романа М. Горького «Мать» — Павел Власов и его друзья — соратники по революционной борьбе. Павел — молодой человек из рабочей слободы. Появление этого героя в качестве действующего лица романа знаменует вхождение в литературу, в характеристику поколений действующих лиц из числа рабочих.

Особый колорит первого поколения нового столетия отражен в поэтических произведениях. Образ лирического героя-автора — свидетеля исторических событий, осмысленных через рефлексию над личными переживаниями, — собирается из множества черт, проявленных в стихотворениях поэтов разных стилистических направлений.

Образы поколений XIX столетия и первых поколений XX века, несомненно, гораздо насыщеннее и полнее, чем это может быть представлено в рамках данной статьи. Однако для того, чтобы уточнить характеристики того или иного поколения, необходимо было задать первоначальные ориентиры, выделив наиболее репрезентативных представителей. Литературные и живописные «герои своего времени» воплотили в себе наиболее выразительные черты представителей «поколений авторов», поэтому каждый из них ценен и как историко-культурный феномен.

Рассмотрение образов поколений дает возможность глубже проанализировать токи культуры сложнейшего периода русской истории, структурировать и систематизировать теорию и художественную практику, определяя направления и динамику культурных процессов. Этому способствует и определение социального состава разных поколений. Персонажи произведений искусства первых десятилетий XIX столетия в большинстве своем дворянского происхождения, впрочем, как и их авторы. К 40-м годам нарастает «удельный вес» героев-разночинцев пропорционально росту роли последних в обществе и их месту в культуре. Выделяется и слой разночинной интеллигенции, процессы «порождения» интеллигенции происходят и в дворянском сословии. К 60-м годам вполне уверенно определяется линия изображения крестьянского сословия, купечества, мелких служащих. К концу столетия в «социальный состав» героев художественных произведений активно входят рабочие, он становится предельно разнообразным. Подобные социальные метаморфозы героя своего времени обус-

ловливают специфику образа поколения, формирующегося из разных социальных субъектов. Само поколение также есть социальный субъект, творящий культуру и, в свою очередь, являющийся творением культуры.

Событийная история, представленная через историю поколений, обретает качественную полноту и определенность, а само поколение как феномен культуры предстает активным компонентом культуротворческого процесса, позволяя анализировать характер и варианты взаимодействия личного и общесторического в культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К подобному принципу периодизации прибегает, в частности, В. Г. Белинский, когда говорит о допушкинском и пушкинском, догоголевском и гоголевском периодах русской литературы, выделяя промежуточные этапы и отмечая наличие литературной традиции. См.: *Белинский В. Г. Статьи о Пушкине / Послесл. и примеч. С. П. Красновой.* М., 1974. С. 79.

² *Ключевский О. В. Евгений Онегин и его предки // Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост. В. А. Александров.* М., 1990.

³ См.: *Бердяев Н. Русская идея // Самопознание: Сочинения / Сост., вст. ст., примеч. М. А. Блюменкранца.* М.—Харьков, 1999. С. 77—142; *Аннинский Л. «Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники...» К диалектике поколений в русской культуре // Литературное обозрение.* 1991. № 4. С. 10—14.

⁴ *Гончаров И. А. «Милльон терзаний».*

⁵ Цит. по: *Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы.* М., 1977. С. 11, 13.

⁶ См.: *Нечкина М. В. Указ. соч.* С. 286, 287.

⁷ *Розанов В. В. Литературные очерки / Сб. статей.* СПб.: Изд. П. Перцова, 1899. С. 192—201. Цит. по: *Нечкина М. В. Указ. соч.* М., 1977. С. 29.

⁸ См.: *Воронихина Л., Михайлова Т. Русская живопись XIX века.* М., 1990. С. 23.

⁹ См.: *Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».* СПб., 1999. С. 110.

¹⁰ Н. Бердяев не предпринимает анализ собственно пушкинского поколения, он рассматривает послепушкинский этап — конец 30-х годов. Л. Аннинский включает в пушкинское поколение людей, рожденных в 1799—1809 (12) годах, однако личность самого поэта помещает в особый «люфт» между поколениями декабристов и теми, кто «последует после крушения попытки». Пушкинское поколение отличает гармония духа и реальности. См.: *Бердяев Н. Указ. соч.* С. 77—142; *Аннинский Л. Указ. соч.* С. 10.

¹¹ Н. И. Балашов, рассматривая этапы развития русской интеллигенции, оперируя персонажами именно литературными — типами героев своих поколений. См.: *Балашов Н. И. Русская интеллигенция в ее классическом виде как важный субъект формирования живой культуры России XIX—XX вв. // Русская интеллигенция. История и судьба / Сост. Т. Б. Князевская.* М., 2000. С. 230—242.

¹² Там же. С. 236.

¹³ *Булгарин Ф. В.* Петербургские записки. Посещение Императорской Академии художеств, 1827. Цит. по: *Воронихина Л., Михайлова Т.* Указ. соч. С. 31.

¹⁴ *Курганов Е.* ОПояЗ и Арзамас. СПб., 1998. С. 36.

¹⁵ В 30—40-е годы, по словам Н. Бердяева, «русские люди очень мучились от невозможности деятельности. К поколению 30—40-х годов относится и В. Г. Белинский, и А. И. Герцен. 40-е годы, по Бердяеву, были эпохой напряженной умственной жизни. Бердяев приводит высказывание Достоевского о «русских мальчиках, решающих проклятые вопросы». «Оранжевым поколением» называет людей 30—40-х годов Л. Аннинский, используя термин М. Гершензона. Это родившиеся в 1812—1825 годах «люди рефлексии, люди духа». Западники и славянофилы, систематики и вожди составляют это поколение. Контрастны поэтические гении: Некрасов—Фет; писатели: Достоевский—Тургенев, Тургенев—Гончаров. Поколение отмечено наступающей непримиримостью. Эпоха либерального царя Александра. См.: *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 77—142; *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

¹⁶ *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени // Собр. соч.: В 4 т. Т. 4 / Примеч. *И. Л. Андронникова.* М., 1976. С. 50.

¹⁷ *Тургенев И. С.* Отцы и дети // Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1976. С. 147.

¹⁸ И. С. Тургенев писал: «Когда я изображал Покорского (в «Рудине»), образ Станкевича носился передо мной — но все это только бледный очерк» (цит. по: *Тургенев И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 2 / Примеч. *М. П. Алексеева.* М., 1976. С. 309). В образе Покорского и Рудина современники и литературоведы находят также черты Белинского, Грановского, Бакунина и самого автора романа. «В характеристиках второстепенных персонажей романа — Субботин, Шеллер, Щитов — нередко находят прямое сходство с членами кружка Станкевича» (*Алексеев М. П.* Примечания // *Тургенев И. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1976. С. 306, 310).

¹⁹ *Рассадин Ст.* Расплюев. Биография типа // Новый мир. 1988. № 1. С. 231—251.

²⁰ Начало действия романа «Накануне» — июнь 1853 года, смерть Инсарова — апрель 1854. См.: *Тургенев И. С.* Накануне // Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1976.

²¹ Родившиеся в 1825—1841 годах Л. Аннинский называет «новыми людьми». Это поколение 50—60-х. Начало отсчета — 1825 год. Они будут «конфирмованы» в радикализме Крымской войной (1853/54). Рождаются будущие шестидесятники XIX в.: Чернышевский и Салтыков-Щедрин, в противовес им — Толстой и Лесков. См.: *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

Н. Бердяев подчеркивает, что в 60-е годы тип «идеалиста» был заменен типом «реалиста». Более мягкий тип превращается в более жесткий. В России образуется общественное мнение, чего не было в 40-е годы. Идеальный вождь поколения — Н. Г. Чернышевский. У «нигилистов» 60-х появляется аскетическая складка, характерная для последующей революционной интеллигенции. См.: *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 77—142.

²² *Шоломова Т. В.* Эстетика русского нигилизма (1860—1880-е годы): Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1999. С. 7.

²³ Т. В. Шоломова рассматривает периодизацию русского нигилизма до и после публикации романа И. С. Тургенева, «обнаружившего» явление, заключая, что «хронологические рамки нигилизма могут быть обозначены как 1859—1887». *Шоломова Т. В.* Указ. соч. С. 8.

²⁴ Это поколение «босвников», людей, которые «явились на зов». Его представители — Кропоткин, Михайловский, Нечасв, Решетников. См.: *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

70-е годы — время *народников*. Это поколение страдания и сострадания, когда крайности нигилизма постепенно стали сглаживаться. Это поколение застало расцвет творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого, появился Вл. Соловьев. Левая народническая интеллигенция остается замкнутой в своем мире и имеет своих властителей дум (Н. Михайловский). Идеальный руководитель революционного движения — П. Лавров. См.: *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 77—142.

²⁵ *Балашов Н. И.* Указ. соч. М., 2000. С. 239.

²⁶ Цит. по: *Шубкин В.* Грустная правда // *Новый мир*. 1991. № 6. С. 174—200.

²⁷ Там же. С. 174—200.

²⁸ Народовольцы Желябов, Фигнер, Перовская, Михайлов, Гриневицкий, а также Александр III — представители одного поколения. См.: *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

²⁹ Представители поколения: Плеханов, И. Анненский, Розанов, Гаршин, Серафимович, Сологуб, Вернадский, Вербицкий, Глазунов, Мережковский, Пестов, Вересаев, Чехов. Чехов — «писатель несостоявшейся русской демократии». См.: *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

³⁰ Цит. по: *Клинг О. А.* О романах двух поэтов // *Сологуб Ф.* Мелкий бес. *Белый А.* Петербург: Романы / Вступ. ст. *О. А. Клинга*, коммент. *Л. К. Долгополова*. Ставрополь, 1988. С. 5—7.

³¹ Родившиеся в 1866—1881 гг. — поколение «будущих большевиков». Ленин в этом поколении — старик. Николай II, Азеф, Сталин, Троцкий, Горький — представители этого поколения. Альтернативная система ценностей представлена Бердяевым, Булгаковым, Франком, Лосским. См.: *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

³² Родившиеся в 1880-х гг. — «младшие большевики», романтики военного коммунизма, а также первые пленники ГУЛАГа. Представляют это поколение Блок, Грин, Андрей Белый, Саша Черный, Керенский, Рыков, Буденный и Демьян Бедный, Спиридонова и Вахтангова. Это очередные «мальчишки» русской истории. «Поколение опьяненных». См.: *Аннинский Л.* Указ. соч. С. 10—14.

ЛЕТНИЕ ДАЧИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО (на примере семьи Каринских—Лупповых)

Дачная жизнь конца XIX—начала XX в. отражала специфику разных слоев населения России: аристократии, интеллигенции, купечества. Для русской интеллигенции она была особенно значима, поскольку формировала характер и образ мышления, демократический стиль поведения, прививала любовь и сострадание к народу и способствовала осознанию себя русским человеком.

Городская жизнь детей большей части семей этого круга была достаточно замкнутой. Она ограничивалась стенами городской квартиры, гимназии и прогулками с мамой или гувернанткой. О внешней жизни дети узнавали из разговоров взрослых в семье, сами же в ней почти не участвовали. На дачах дети соприкасались не только с природой, но и с «настоящей» жизнью, наблюдая за ней и сближаясь с детьми другого круга и воспитания. Именно на дачах дети получали практические навыки, нередко перераставшие в профессию. Дачная жизнь способствовала как физическому, так и нравственному развитию. «Раннее детство для каждого человека самый важный период — для человека все новое, душа открыта ко всем впечатлениям и жадно впитывает в себя все, получает первые горячие привязанности, хорошее и плохое из окружающей среды, и в первые десять лет складывается и нравственный облик, и стремления человека уже часто на всю жизнь. Хорошая детская обстановка дает закалку на всю жизнь»¹, — так писала *Нина Михайловна Луппова* (1878—1957), супруга петербургского ученого историка и краеведа *Павла Николаевича Луппова* (1867—1949)² и мать их восьмерых детей.

Один из сыновей, *Сергей Павлович Луппов* (1910—1988)³ — историк, архивист, книговед и библиограф родился не в семикомнатной благоустроенной городской квартире с электричеством, ванной и паровым отоплением, в которой жила семья, а на даче в курортном поселке Териоки (ныне Зеленогорск). С первых дней Петербургская губерния вошла в его жизнь. Впоследствии, однако, факт рождения в Териоках, ставших к тому времени финской территорией, создал Сер-

гею Павловичу немало осложнений, поскольку эта местность считалась «заграницей» и трудно было доказать, что до революции это было всего лишь любимое петербуржцами дачное место в 40 верстах от столицы.

Сергей Павлович хорошо знал и любил Ленинградскую область. Любовь эту он впитал от матери — дочери дворянина, крупного философа-логика *Михаила Ивановича Каринского* (1840—1917) ⁴. Нина Михайловна часто вспоминала о своей жизни ребенком на дачах. В семье ее родителей всегда стремились к созданию разумного и здорового летнего отдыха для детей. Каждую весну, изучая карту губернии, чета Каринских горячо обсуждала, в какой местности лучше снять дачу. Каринские никогда не стремились к модным местам, полных развлечений, а старались выбрать интересное и новое для детей место, чтобы познакомить их с Петербургской губернией. Поэтому к дачам предъявлялись следующие требования: во-первых, рядом должна быть река, озеро или море для купания; во-вторых, — лес, где дети могли наблюдать жизнь животных и растений, собирать грибы и ягоды; в-третьих, при доме должен быть маленький садик, в котором дети бы ухаживали за цветами и растениями.

Вместе с детьми родители совершали длительные прогулки по окрестностям, заходили в деревенские избы, беседовали с крестьянами об их жизни. Во время этих прогулок Нина Каринская знакомилась с русской природой и жизнью простых крестьян. Она полюбила их, узнала особенности их работ на земле, крестьянские орудия, научилась распознавать злаковые и огородные растения. Когда подросла, стала ходить на сенокос к знакомым крестьянам, помогала им сушить сено и даже научилась жать. В одно лето Нина познакомилась с детьми рыбака и прачки-поденщицы. Ее поразило, что ребята десяти и семи лет в течение целого дня оставаясь дома одни, пока их родители уходили на заработки, сами кормили себя и двух младших детей, носили воду, прибирались в избе. Профессорская дочь восхищалась тем, что они все умели делать «как взрослые» и вели себя вполне самостоятельно, с другой стороны, эти ребята уважали ее за то, что она читала, знала историю и французский язык. Несмотря на все различия, городская девочка и дети рыбака играли дружно и весело, как равные. Повзрослев, на даче она устраивала собственный «детский сад» для крестьянской детворы. Нина получила превосходное образование: окончила с золотой медалью Петербургскую женскую гимназию под покровительством принцессы Ольденбургской, затем историко-филологический факультет Высших Бестужевских женских курсов (посещала и естественный факультет, интересуясь ботаникой), изучила важнейшие труды классиков педагогической науки, что дало

Михаил Иванович и Маргарита Викторовна Каринские в окружении детей и внуков. Справа Павел Николаевич Луппов, в шляпе его жена Нина Михайловна. Ст. Сиверская. Фото 1904 г.

ей возможность впоследствии разумно построить воспитание своих детей.

В 1901 г. выйдя замуж за Павла Николаевича Луппова, Нина Михайловна привнесла семейные традиции Каринских в собственную, с каждым годом увеличивающуюся семью. Дети-погодки росли «по парам»: Катя—Лиза, Коля—Вера (для краткости в шутку их называли «Гуливеры»), Сережа—Володя, Оля⁵—Мила. Старшие ребята нежно и заботливо относились к младшим. Когда в семье появлялся новорожденный, дети с удовольствием смотрели, как мама купала и кормила малыша, а когда ребенок подрастал, нянчились с ним, любили носить на руках.

Если Нина Михайловна всецело посвятила себя детям, то Павел Николаевич, поглощенный научной работой и службой в Училищном Совете, по существу, мог проводить время со своими детьми только летом, когда бывал на даче. Поэтому в жизни братьев и сестер Луп-

повых дачный период имел громадное значение — это было и семейной традицией, и временем тесного общения с отцом. В воспитание детей отец внес здоровую демократическую струю, необычную для городских семей его круга: на дачах детям разрешалось играть во дворе и в саду с крестьянскими ребятами. Павел Николаевич говорил: «Я сам вырос среди простых крестьянских детей, и не видел от них ничего плохого. Пусть и мои дети умеют играть со всеми детьми».

Лупповы никогда не имели собственной дачи. Они снимали ее недалеко от Петербурга, чтобы отец, Павел Николаевич, мог приезжать туда после службы. Выбирая дачу, учитывали воспитательные и познавательные интересы детей. Иногда снимались три дачи рядом: Лупповых, дедушки Михаила Ивановича Каринского и его сына, брата Нины Михайловны, Николая Михайловича Каринского ⁶. И хотя каждая семья жила своим хозяйством, на дневной чай все дети и внуки собирались у бабушки в саду или на террасе. Дети Лупповых много общались с детьми Каринских. В доме у дедушки и бабушки они устраивали концерты, театральные представления, живые картины, шарады, танцы и литературные игры.

Поскольку в разные годы дачи снимались в различных местах, братья и сестры Каринские-Лупповы запоминали хронологию своей жизни по дачным местностям. Так, в течение пяти лет снимали дачу на Сиверской по Варшавской железной дороге (1901—1904, 1911); три года — в Териоках (1909, 1910, 1913), а затем в Куоккола по Финляндской железной дороге (1915); дважды в Тярлево — между Царским селом и Павловском (1905, 1906), по году — в Юкках (1914) и в Вырице (1916). Каждая из дачных местностей имела свои специфические природные условия, которые давали детям новые эстетические впечатления и расширяли их знания об окружающем мире. На каждой из дач появлялись новые занятия и полезные развлечения, заводились новые знакомства.

Лупповы на дачах жили по четыре месяца в году: с мая по август. Обычно снимали двухэтажный дом с балконом, на котором обедали и пили чай. Дети с мамой размещались на первом, отапливаемом этаже, отец занимал второй этаж. С годами подростки старшие дети перебирались к отцу на второй этаж. Дачи в то время были без городских удобств: без электричества, водопровода, канализации, парового отопления; воду доставали из колодцев, освещение было керосиновое или свечное. В кухне стояла плита, на которой готовили, а дети сушили на ниточках и палочках грибы. Молоко брали у местных жителей по соседству. Многие продукты покупали у торговцев, которые ходили по поселку с товаром. Рыбаки носили на головах кадушки со свежей рыбой и льдом и кричали: «Окуни, судаки, сиги». Иногда слы-

шались выкрики женщин: «Клюква, ягода, клюква», «Грибы, молодые грибочки». Зеленщик возил на лошади овощи и красиво пел: «Огурчики зеленые, салат, редиска молодая». Часто на улице появлялись шарманщики; крутили ручку шарманки и пели «Маруся отравилась...»; у некоторых были птицы, вытягивающие для желающих «счастливые билетки». Иногда на радость детворе приходил дрессировщик с медведем.

Важное значение дачного периода в жизни детей состояло в том, что в это время все члены многочисленной семьи — и родители с детьми, и дети между собой — тесно и многопланово общались друг с другом, ведь в летнее время не было гимназий, разлучавших в городе старших детей с младшими на целый день. Летом большую часть дня они проводили вместе в прогулках, занятиях, играх и встречах отца из Петербурга. Это еще более сближало и без того дружную семью. Четыре месяца дачного отдыха всей семьей — это не современные три недели отпуска: четверть ежегодной жизни детей проходила на дачах. В городе общение с отцом, как правило, ограничивалось ежедневными совместными обедами и ужинами, когда дети рассказывали о своих дневных событиях, и «экзаменом», который регулярно устраивал отец, проверявший знания детей, полученные ими в домашних занятиях с матерью. На даче общение было продолжительное и душевное: это и ежедневные прогулки с Павлом Николаевичем, во время которых он вспоминал свое детство в семье псаломщика, суровые годы учебы в Вятском духовном училище, семинарии и духовной академии, и беседы с ним на самые разные темы. Именно летом дети узнавали многое из жизни своих родителей.

Не менее важно и то, что если в городе отец оказывал на детей преимущественно интеллектуальное влияние, то на даче он прививал им практические навыки. Выросший в селе, он умел колоть дрова, удить рыбу. Несмотря на карьеру ученого, Павел Николаевич был спортивным, отлично плавал и ездил на велосипеде. Он хорошо знал народные песни и часто с удовольствием пел их, что на лоне природы воспринималось детьми особенно ярко. Дачи становились местом семейного общения, где вживую осуществлялась связь поколений и преемственность родовых традиций как в мировоззренческом, так и в интеллектуальном плане. Дачная жизнь развивала детей, и в город они возвращались повзрослевшими и переполненными впечатлениями. Именно дачная жизнь способствовала взаимоузнаванию детьми друг друга, что влияло на всю их дальнейшую жизнь, в которой кредо каждого стали взаимовыручка и помощь друг другу.

Особое значение Павел Николаевич и Нина Михайловна придавали созданию на даче режима жизни детей. Как и во многих семьях

интеллигенции дореволюционной России, до десяти лет дети получали превосходное домашнее начальное образование. В доме Лупповых никогда не было гувернанток и приходящих учителей; детей к гимназии готовила сама Нина Михайловна. На даче обучение не прекращалось, и по утрам каждый день ребята немного занимались (чаще по французскому и немецкому языкам), иногда брали на прокат пианино и девочки упражнялись в игре, чтобы не разучиться за лето. Затем, до обеда, осуществлялись «дальние прогулки» по окрестностям.

К часу дня возвращались домой. По настоянию отца, среди детей были распределены «дежурства». Дежурный должен был накрывать на стол к обеду, приносить с грядки зелень. После обеда в саду читала художественную литературу. Художественное слово играло большую роль в развитии детей: они воспитывались на классических образцах, доступных их возрасту. Поскольку возраст был разный, младшие слышали романы «Юрий Милославский» и «Князь Серебряный» очень рано. Полученные впечатления были столь сильными, что дети нередко разыгрывали сюжеты, распределяя роли и варьируя историю по своему усмотрению. Мать любила и хорошо читала стихи М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. К. Толстого; дети их слышали и учили наизусть с ранних лет. Нина Михайловна обращала внимание на выразительное чтение и разучивала с детьми довольно большие отрывки. Некоторые вещи любил декламировать отец. Так, сын Николай, будучи еще совсем маленьким, сидя на коленях у отца, выучил с голоса все стихотворение А. К. Толстого «Садко» и читал его без ошибок наизусть. Это стихотворение, в котором живо описывалось подводное царство, соединялось с образами, созданными И. Е. Репиным в одноименной картине.

Отец стремился развивать в детях умение писать сочинения и часто требовал, чтобы они после какой-нибудь интересной прогулки описывали ее. Благодаря этому особенно яркие впечатления запомнились на всю жизнь. Таким было одно из «дальних» по меркам детей путешествий в Териоках — за 5 километров, на Щучье озеро. На озере катались на лодке, которую брали у хозяйки красного финского домика, а затем пили у нее холодное молоко с особенно вкусным черным-черным хлебом. Во время катания на лодке ловили рыбу. Однажды на «дорожку» попала большущая щука. Она билась на дне лодки, дети в восторге повскакивали со скамеек, и отец был вынужден быстро грести к берегу, опасаясь, что лодка опрокинется. Щуку завернули в нижнюю юбку одной из сестер и торжественно принесли домой. Из нее были приготовлены на обед вкуснейшие котлеты. Вечером об этом богатом событиях дне писались сочинения.

По замыслу отца дети выпускали собственный рукописный иллюстрированный журнал. Первый номер «вышел в свет», когда старшим было одиннадцать-тринадцать лет. Их первый литературный опыт начался с переводов маленьких рассказов с французского, немецкого и английского языков. Брат Николай уже в раннем детстве писал стихи и «публиковал» их в семейном журнале. Старшие дети выросли, подраставшие младшие постепенно включались в «журналистику», так что с каждым годом журнал становился все интереснее — все писали уже самостоятельные произведения. Последние журналы (1919 г.) имели довольно солидный вид. В них помещал свои воспоминания, очерки и Павел Николаевич. В дальнейшем выросшим детям полученные в семье литературные навыки пригодились в научной работе.

На дачах большое внимание уделялось физическому воспитанию. Родители заботились о закалке детей и развитии у них ловкости, обращали внимание на красоту осанки и движений. Мать проводила гимнастику по специально выписанной литературе. В саду обычно устанавливали столбы для колец и трапеций, на которых дети проделывали разные упражнения. Большой популярностью пользовались игры с мячом, которыми вначале руководила мать. Устраивались даже состязания на быстроту бега и прыжки в высоту. Во время прогулок отец следил за тем, как дети ходят, требовал, чтобы они шли прямо, правильно держали плечи, и иногда легко постукивал по спинам тросточкой. Родители хорошо плавали, и все дети умели плавать в естественных водоемах уже с шести-семи лет.

На дачах привыкшие за зиму к городской цивилизации дети общались к природе. Им разрешалось бегать босиком по саду, по берегу. В саду у дачного дома ребята ухаживали за своим «огородом»: вскапывали небольшие грядки, на которых сажали редис, укроп, лук, иногда морковку, поливали грядки и цветочные клумбы. Иногда семья даже держала цыплят, которых дети с радостью кормили.

Павел Николаевич стремился развить в детях наблюдательность. Во второй половине дня обычно отправлялись в лес за ягодами и грибами. Выросший в Вятской губернии, он был мастер собирать грибы, и видел их там, где дети не замечали. В лесу ребята наблюдали за белками, зайцами, а иногда и змеями, в парках — за лебедями. В один из дачных сезонов по идее отца велось наблюдение за жизнью птичьего гнезда, свитого над окном. Появление яиц, вылупливание птенцов, их развитие, вплоть до отлета — все это регулярно заносила в дневник дочь Екатерина, ставшая впоследствии кандидатом биологических наук. Отцу удалось разгадать ее дарование.

Когда жили на дачах в Финляндии — в Териоках и Куоккале, огромное значение имело море, на побережье которого ходили часа на три всей семьей. Там успевали и поучиться (читали вслух по-французски), и несколько раз выкупаться, и поиграть на песке. Часто строили большие песочные сооружения с башнями, крепостями, каналами и рвами. Море все дети очень любили и с ним позднее связывали свои поэтические воспоминания. Старшая сестра Елизавета часто рисовала море и даже мечтала стать художницей-маринисткой. В семейном архиве сохранились ее акварели и зарисовки, запечатлевшие разнообразные ландшафты дачных мест Петербургской губернии.

В Тярлево дачи стояли скученно, садики были маленькими, так что большого приволья для детей рядом с домом не было. Но дача была удобна своей близостью к Петербургу, что давало возможность отцу ежедневно ездить на службу. Утром он отправлялся на велосипеде купаться на речку, затем уезжал в город, а к шести часам вечера возвращался.

Главной отрадой становился Павловский парк. Он был организующим центром дачной жизни детей, заменяя им лес, а узенькая и неглубокая речка Славянка превращалась в место детского купания; на прудах же можно было получить напрокат лодку. По воспоминаниям Лупповых, им особенно запомнились прогулки к Розовому павильону, некогда принадлежавшему императрице Марии Федоровне. Там она встречала своего сына после окончания войны с французами. Дети часто бывали в этом павильоне, где получали первые впечатления об убранстве летних царских резиденций. Но павильон привлекал ребят не только своими историческими и художественными достопримечательностями, а развлечениями, которые устраивались подле него: там были качели, карусели трех видов, деревянные горы, с которых можно было кататься на особых санях с маленькими колесиками, и «Гигантские шаги» — предел детских мечтаний. От Розового павильона семья Лупповых часто поднималась к Двенадцати дорожкам, где любовалась статуями Аполлона и муз. Так дети знакомились с классическими скульптурами. Ходили они и в Царское Село, где в то лето жила семья дяди Владимира Михайловича Каринского. Путь лежал среди столетних дубов, и обхватить такой дуб можно было только всей компанией сразу, что с шумом и гомоном тут же осуществлялось. В Тярлево дети приобщались к «большой» музыке. Как известно, в Павловском курзале устраивались симфонические концерты, там звучали произведения М. И. Глинки, П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна, дирижировали которыми знаменитые музыканты.

В Юкках природа была также живописной: большое озеро окружали лесистые холмы. Приехав туда, дети тотчас бежали осматри-

вать окрестности, взобрались на гору, и вдруг кто-то скатился: по усыпанному хвоей склону подошвы детских сандалий скользили как лыжи. Ребята были в восторге: началось «летнее катание с гор — без лыж и саней». На озере была устроена купальня с деревянным полом, а желающие могли выплыть и в открытое озеро. Лето было знойное, купаться можно было не менее трех раз за день. Особым развлечением становилась ловля карасей в хозяйском пруду. Однако дачный отдых в Юкках неожиданно прервала первая мировая война.

Вскоре все переменялось. Одна из дачниц организовала в своем доме пункт по шитью масок от удушливых газов, применяемых немцами. Желающие получали материалы и образцы и шили маски. Нина Михайловна с дочерьми также ходили шить маски. Но с началом оборонительных работ дачников стали выселять. Семья Лупповых с большими приключениями вернулась в город. Чтобы не лишать детей воздуха, родители по воскресеньям устраивали выезды за город. В одну из таких поездок в Павловском парке они видели великую княгиню Елену Николаевну в окружении придворных дам; они продавали билеты в пользу раненых.

Дача в Вырице отличалась от предыдущих тем, что местность была в то время еще мало застроенной. Дома стояли словно в лесу и для детей было большое раздолье. Выйдя из сада, можно было тут же найти белые грибы. Местом прогулок служили живописные берега реки Оредеж с ее необычайно студеной водой. Новым «спортивным» развлечением стала «эквилибристическая ходьба по брусу», основную функцию которого выполняли железнодорожные рельсы. Ожидая приезда отца из Петербурга, к определенному часу дети шли встречать поезд к полотну железной дороги; там они садились на забор и, отмахиваясь от комаров, ели душистый черный хлеб с луком. Коротая время, ходили по рельсам и в результате натренировались так, что могли пройти расстояние между станциями «Вторая платформа» и «Третья платформа», не теряя равновесия. Когда, наконец, приходил поезд, жадно вглядывались в окна, отыскивая то, из которого, по обыкновению, будет махать соломенной шляпой отец.

Дача в воспоминаниях Каринских и Лупповых — это размеренная и богатая событиями жизнь, где все было в гармонии: учеба и развлечения, развивающие игры и общение с природой, труд и прогулки, посвященные изучению окрестностей — своеобразному детскому краеведению, общение с родителями, братьями и сестрами. А перед сном — чувство удовлетворения от прожитого яркого дня, планы на завтрашний день и сладкие сны.

Дача — это мощный пласт детских впечатлений и ощущений. Как солнце сквозь лиственный ажур на слабом ветерке, беспорядочно

и легко всплывают из памяти ассоциации, краски и запахи детства. Свободные блузы, панамы и сандалии. Мокрые волосы после купания перед завтраком. Березовая роща. Спрятавшаяся под листом ягода-земляника. Аромат июльского луга, жужжание мошкары. Бескрайние поля. Сверкание озера в знойный день. Плавание на лодке и песни, разливающиеся над водой далеко-далеко... Эхо. Шелест дождя за окном и шлепанье босиком по теплым лужам. Сбор шишек для самовара. Вечерний чай на террасе. Запах дыма и деревянного дома. Задумчивые беседы с отцом и с матерью. Дальние прогулки и приключения. Лес и пикники. Чтение книг вечерами за круглым столом при свечах. Ожидание отца. Заходящее солнце и убегающие вдаль рельсы. Соломенная шляпа отца. Рассказы наперебой о том, что случилось за день. Множество мелочей, дорогих русской душе, мелочей, которые человек с нежностью несет в своем сердце всю жизнь. Дача — это свобода и воля, романтика и радость первых детских открытий, это семья, родители, братья и сестры, это Родина.

Детство, проведенное на дачах «с пользой и удовольствием», оказало влияние на взрослую жизнь нескольких поколений этой замечательной семьи. Так, «детские сады» для крестьянской ребятни, в юности устраиваемые Ниной Каринской на дачах, привели ее к педагогике, которая по ее же словам, привлекала «во всех проявлениях». По окончании Бестужевских курсов Нина Михайловна стала преподавателем вечерней воскресной школы для рабочих. Выйдя замуж и через полтора года став матерью, посвятила себя воспитанию семерых детей (еще двое умерли в младенчестве). Она получила орден «Материнская слава», которым очень гордилась, поскольку считала воспитание детей делом своей жизни. Когда же дети подросли, сорокалетняя Нина Михайловна смогла использовать свои знания в общественной педагогической деятельности сначала в детских школах и техникумах, а затем в Вятском институте народного образования, где она преподавала литературу и французский язык.

Дачное воспитание сыграло большую роль в жизни детей Лупповых. Каждый из них избрал свой жизненный и научный путь. Не будет преувеличением сказать, что во многом становлению их профессиональных интересов способствовали летние занятия на дачах.

Так, наблюдавшая за птенцами и с увлечением ловившая бабочек старшая дочь, *Екатерина Павловна Луппова* (1901—1987) стала ученым-энтомологом, кандидатом биологических наук. Она работала старшим научным сотрудником Института зоологии Таджикской Академии наук, ежегодно участвовала в научных экспедициях по Средней Азии, обнаружила несколько неизвестных ранее видов паука, один из которых назван ее именем — *Phrurolithus Luppovae*.

Елизавета Луппова. Прогулка на даче.
Акварель. 1914

Елизавета Луппова. Дом в Вырице.
Акварель. 1916

Семья Лупповых: Павел Николаевич и Нина Михайловна.
Слева направо: Екатерина, Владимир, Вера, Сергей, Николай, Елизавета,
Людмила (на руках)
Фото 1924 г.

Сочинения, что задавал писать отец, развили литературный талант второй дочери, *Елизаветы Павловны Лупповой* (1903—1989). Следуя научному направлению дяди, профессора-филолога Н. М. Каринского, она стала изучать говоры Ленинградской области и на материалах нескольких диалектологических экспедиций в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде защитила кандидатскую диссертацию на тему «Староладожский говор». После эвакуации в Киров (Вятку) работала доцентом по кафедре русского языка Кировского педагогического института, а в 1946 г. вернулась в Ленинград, где преподавала в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. После смерти родителей она тщательно сохраняла и пополняла семейный архив и, следуя семейной традиции, оставила мемуары о своей детской жизни. Елизавета Павловна сохранила любовь к изобразительному искусству, собрала коллекцию репродукций и открыток по русской и зарубежной живописи, и дала навыки рисования своей племяннице Ларисе, дочери брата Сергея Павловича.

Работа на детских огородах и изучение растений привели *Веру Павловну Луппову*, в замужестве Русалеёву (1906—1988) к защите кандидатской диссертации по сельскохозяйственным наукам. Она стала доцентом по кафедре ботаники в Педагогическом институте Марийской республики, работала на опытной сельскохозяйственной станции в г. Йошкар-Ола, преподавала в Рязанском сельскохозяйственном институте.

Любивший в детстве разглядывать под струями речной воды пестрые и полосатые камушки *Николай Павлович Луппов* (1904—1975) стал доктором геолого-минералогических наук, заслуженным деятелем наук Туркменской ССР, провел ряд научных экспедиций в Средней Азии и на Северном Кавказе. Много лет работал старшим научным сотрудником Всесоюзного геологического института в Ленинграде, написал 130 научных трудов и методических разработок. Под его руководством написано и защищено свыше 20 диссертаций. Всю жизнь он увлекался поэзией, знал наизусть огромное количество литературных произведений и всегда поражал окружающих умением артистично декламировать длинные отрывки.

По семейной легенде, младшего брата Володю в детстве завораживали рельсы и паровозы, ритуальное хождение к железной дороге и ожидание приезда отца. Детские дачные впечатления, поддержанные Ниной Михайловной, дядя которой служил инженером-путейцем⁷, были столь сильны, что *Владимир Павлович Луппов* (1912—1988) впоследствии стал инженером по электрофикации железных дорог, руководил электрофикацией железных дорог на Урале, на Транссибирской магистрали, работал в Поволжье, Челябинской области, затем в Москве. С 1959 г. стал главным инженером Всесоюзного треста «Трансэлектромонтаж», а в 1976—1980 гг. работал в Иране главным инженером по электрофикации дороги Джумфа—Тетриз.

Младшая сестра, *Людмила Павловна Луппова*, в замужестве Зырина (1920—1983) блестяще училась, была поощрена Сталинской стипендией, самозабвенно музицировала; она стала физиком.

По воспоминаниям сестер, летнее чтение исторических романов и беседы с отцом во время «дальних прогулок» способствовали формированию у *Сергея Павловича Луппова* склонности к «хронологическому восприятию событий» и интереса к истории. Математическая логика мышления и наследственная склонность к гуманитарным наукам вызывали у него борьбу в выборе призвания. Сначала, под влиянием настроений того времени, его привлекла техническая и практическая специальность. Он окончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (1928—1932), но потом возоб-

ладали интерес к истории и благоговение перед книгами. Это привело уже взрослого сформировавшегося человека в 1937 г. на исторический факультет Ленинградского университета, несмотря на материальные трудности, которыми сопровождалось такое решение. Однако получение второго высшего образования прервала война.

Сергей Павлович прошел Финскую войну, защищая Карельский перешеек, где он родился. Будучи по первому образованию инженером, он в период Великой Отечественной войны, возводя оборонительные сооружения, защищал осажденный Ленинград в Гатчинском и Пушкинском районах. По его рассказам, усталый и голодный, на «ватных» ногах пешком он отправлялся из города Пушкина до канала Грибоедова, где в то время жила его сестра Елизавета Павловна, чтобы оказать ей хоть какую-то помощь. Если в направлении к Ленинграду находились попутчики, то обратный путь преодолевал в одиночестве, не зная подчас, хватит ли сил вернуться. Последний раз он прошел этот путь в марте 1942 г., чтобы эвакуировать к родителям в Киров (Вятку) сестру, находившуюся в тяжелейшем состоянии. Во время войны Сергей Павлович Луппов был награжден медалями за боевые заслуги, за победу над Германией 1941—1945 гг. и за оборону Ленинграда.

Вернувшись с фронта в 1947 г., в тяжелые послевоенные годы уже будучи семейным человеком, он блестяще окончил университет. Работа в Музее истории Ленинграда, соединившая призвание логика и историка, привела к написанию кандидатской диссертации на тему «История строительства и городского хозяйства Петербурга первой четверти XVIII в.». После ее защиты в 1956 г. он опубликовал свой научный труд, который и по сей день является эталоном научного исследования как для историков, так и для искусствоведов, занимающихся изучением Петербурга, Ораниенбаума, Царского Села, Павловска, Петергофа⁸.

В 1953 г. Сергей Павлович связал свою научную деятельность с Библиотекой Академии наук, где на основе архивных изысканий он занялся комплексным изучением истории книжного дела в России. Итогом этой кропотливой работы стали три монографии: «Книга в России в XVII в.» (Л., 1970), «Книга в России в первой четверти XVIII в.» (Л., 1973) и «Книга в России в послепетровское время» (Л., 1976). На материалах этой «трилогии» Сергей Павлович защитил докторскую диссертацию (1972). В 1974 г. он основал и возглавил научно-исследовательский отдел истории книги. Его труды положили начало целой серии работ последователей. По мнению П. И. Хотеева «Сергею Павловичу Луппову принадлежит заслуга создания целого научного направления»⁹.

До конца дней Сергея Павловича Ленинградская область играла большую роль в его жизни. В Рожино Лупповы-младшие снимали дачу для своих престарелых родителей. Сам Сергей Павлович много лет провел в Вырице, неподалеку от дачи, на которой жил когда-то в детстве. Следуя традициям своей семьи и семьи своей матери, он воспитывал собственных детей и внуков, организуя их летний отдых для развития и пользы: совершал с ними пешеходные прогулки, показывая исторические места Гатчины, Царского Села, Павловска и укрепительные рубежи, возводимые в годы войны.

Таким образом, воспитание на летних дачах Петербургской губернии и Ленинградской области сыграло громадное значение в формировании личности и характера каждого представителя нескольких поколений семьи Каринских-Лупповых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Луппова Н. М.* Воспоминания. Детство. Средняя школа (машинопись, 260 с.). Архив авторов, СПб. С. 122.

² *Луппов П. Н.* — доктор церковной истории (1911), исследователь Удмурдского края, автор более 180 работ. Его научно-исследовательская работа протекала по трем основным направлениям: история удмуртов; история Вятского края («Вятский край 50 лет тому назад», 1923; «Исторический очерк Вятского края», 1929; «Истории города Вятки», 1958); история политической ссылки («Политическая ссылка в Вятский край», 1933). Также он занимался статистикой и историей образования в России, проводя изыскательскую работу в архивах Москвы, Ленинграда, Казани, Перми, Уфы, Самары, Ижевска и Воткинска.

³ *Луппов С. П.* — доктор исторических наук, архивист, библиограф и книговед, заслуженный работник культуры РСФСР (1964). На протяжении 20 лет возглавлял научно-библиографический отдел БАН (1953—1974), затем созданный по его инициативе научно-исследовательский отдел истории книги (1974—1984).

⁴ *Каринский М. И.* — доктор философии, профессор логики, в 1869—1894 преподавал философию в Петербургской духовной академии, на Бестужевских женских курсах и др. Его научные труды посвящены истории философии («Критический обзор последнего периода германской философии». СПб., 1873), теории познания и логики («Явление и действительность» // Православное обозрение. 1878. Т. 1; «Об истинах самоочевидных», СПб., 1893; «Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных». СПб., 1914).

⁵ Ольга Луппова умерла в младенчестве.

⁶ *Каринский Н. М.* (1873—1935) — профессор-языковед, славист, доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР по отделению русского языка и словесности (с 1921), автор более 75 трудов. Профессор Петербургского университета (с 1903), Женского педагогического института (с 1911), Историко-филологического института (1913—1917), Вятского института народного образования (1919—1923), Второго МГУ (1924—1930), Московского педагогического института (1930—1935). По его инициативе в 1922 г. в Вятке был организован первый в России Научно-иссле-

довательский институт краеведения. В 1931—1935 г. — председатель Московской Диалектологической комиссии (МДК) Института языка и мышления АН СССР.

⁷ Один из братьев бабушки Лупповых, Маргариты Викторовны Каринской (в девичестве Зотиковой) *Евгений Викторович Зотиков* — инженер-путеец — разработал новую конструкцию железнодорожных мостов; по его проектам построены мосты во многих регионах России.

⁸ См.: *Раскин А. Г.* Труды Сергея Павловича Луппова и мое постижение феномена Петербурга // *Лупповские чтения: Доклады и сообщения.* Санкт-Петербург, 12 мая 2000 г. СПб.: РПМ БАН, 2000. С. 67—69.

⁹ *Хотеев П. И.* Основные вехи жизненного пути и творчества Сергея Павловича Луппова // *Лупповские чтения: Доклады и сообщения.* Санкт-Петербург, 12 мая 2000 г. СПб.: РПМ БАН, 2000. С. 7.

◆

ФИЛОКАРТЯ НА СЛУЖБЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

За последний год буквально цунами юбилеев многих исторических мест прокатилось по северо-западу России — 1250-летие первой российской столицы Старой Ладogi, 1100-летие Пскова, 300-летие Санкт-Петербурга, Лодейного Поля и Шлиссельбурга, 600-летие получения крепостью Выборг статуса города... Но в отличие от природной стихии, цунами празднеств приносит не разрушения, а наоборот несет мощный восстанавливающий и созидательный импульс. И, может быть, самый главный эффект этого явления — не реставрация исторического и архитектурного наследия и не строительство новых, не всегда вписывающихся в исторические ландшафты и ансамбли памятников, а всплеск интереса к истории собственной страны, родных мест у тысяч и миллионов людей.

В отличие от профессиональных историков, черпающих основные знания из архивных документов и других материалов, недоступных (да и не особо интересных в необработанном виде) для простых людей, большая часть наших сограждан воспринимает исторические знания через знакомство с научно-популярной или художественной литературой, а также посредством визуального контакта с дошедшими до нас предметами материальной культуры, хранящимися как в специальных (исторических и краеведческих) музеях, так и во многих домах.

Особое значение, конечно, имеют фотографические изображения, запечатлевшие исчезнувшие здания, сооружения, забытые события, давно ушедших людей, а среди фотоматериалов особое место занимают фотооткрытки. Не случайно большинство из выходящих в последнее время публикаций по истории XIX—XX веков иллюстрируется именно фотооткрытками, впервые появившимися в России в начале 1890-х годов, — качество изображений на них существенно выше, чем на любительских фотографиях, как правило, существует возможность более или менее точно идентифицировать время (год), когда была выпущена открытка, зачастую открытки, именовавшиеся преж-

де открытыми письмами, содержат в текстовой части важные сведения, дополняющие информацию об изображенном на открытке объекте или событии.

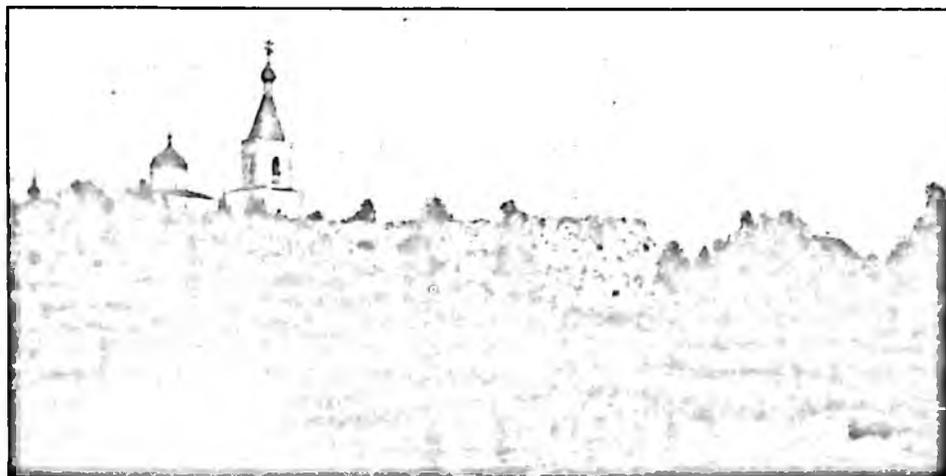
А иногда открытки представляют единственный видеоматериал о не дошедших до нас зданиях, особенностях городской или помещичьей жизни, канувших в Лету обычаях. Не случайно ведь, например, в книге С. С. Шульца «Храмы Санкт-Петербурга» (СПб.: «Глагол», 1994) изображения 27 из 51 храма, не сохранившихся до наших дней, воспроизведены по материалам фотооткрыток начала XX века.

И не случайно в последние годы появилось на свет достаточно большое количество специализированных изданий, посвященных истории отображения различных регионов России на фотооткрытках. Особо в этом ряду следует отметить совершенно уникальную работу С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» (М.: «Галарт», 1996), а также серийные издания об открытках, выпущенных во Владимирской и Псковской областях.

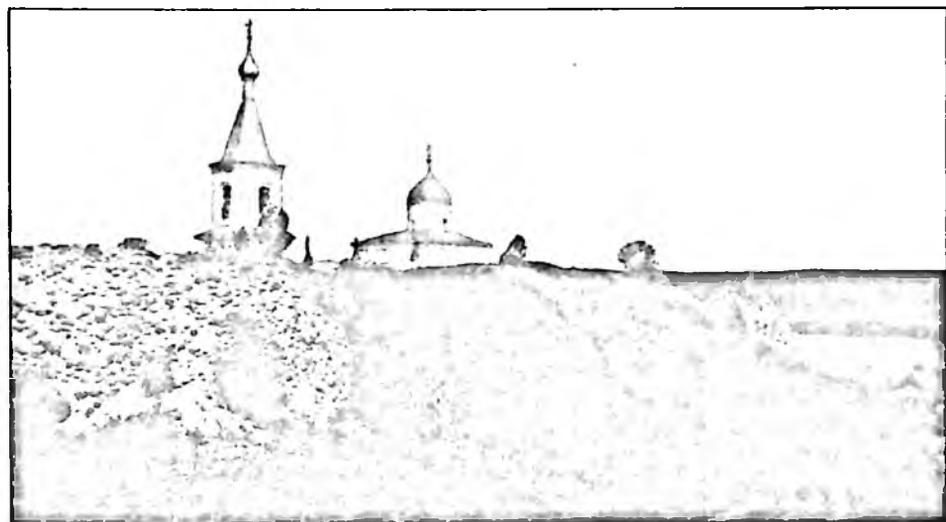
К сожалению, описанию отражения исторического прошлого Ленинградской области в филокартии внимания практически не уделяется. Единственным примером такой работы является вышедшая в 2001 году небольшая книга А. Л. Толмачева и П. Д. Цуканова «Век Любани» (СПб.: «Лига Плюс»), да и то большее внимание в этом издании уделено деятельности Любанского общества попечения о бедных, издавшем в период с 1903 по 1917 год серию из более чем пятидесяти открыток, чем анализу изображенных на открытках видов (из которых примерно половина относится к Любани и ее окрестностям).

Неужели нет достаточного филокартического материала для более глубоких исследований? Конечно же, материал должен быть. Ведь невозможно предположить, что сто лет назад интерес издателей к столичной губернии был меньше, чем к той же Владимирской. И хотя в состав нынешней Ленинградской области входят земли не только Санкт-Петербургской губернии, но также и территории, входившие ранее в Новгородскую и Олонецкую губернии, а также в состав Финляндии, можно с уверенностью предполагать, что количество выпущенных о нашем крае открыток должно быть достаточно велико.

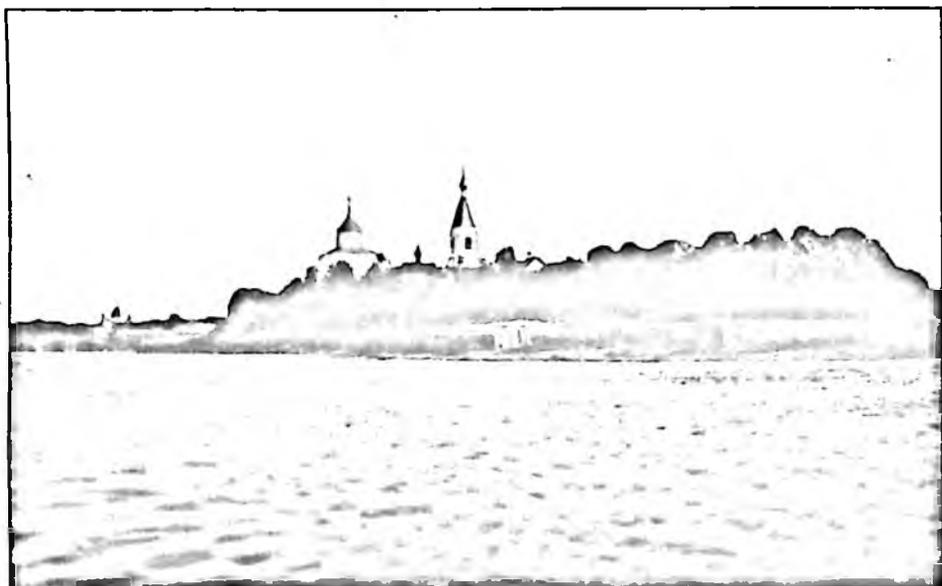
Дело, однако, заключается в том, что официальная советская историческая наука не признавала филокартию самостоятельной вспомогательной исторической дисциплиной (как, например, нумизматику или сфрагистику), в результате чего у многих научных работников музеев (в том числе, и краеведческих) не было выработано восприятие фотооткрыток как материала для научных исследований, и, как следствие, музейные работники весьма слабое внимание уделяли привлечению их в свои коллекции. В результате сегодня достаточно

Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Вид крепости с западной стороны

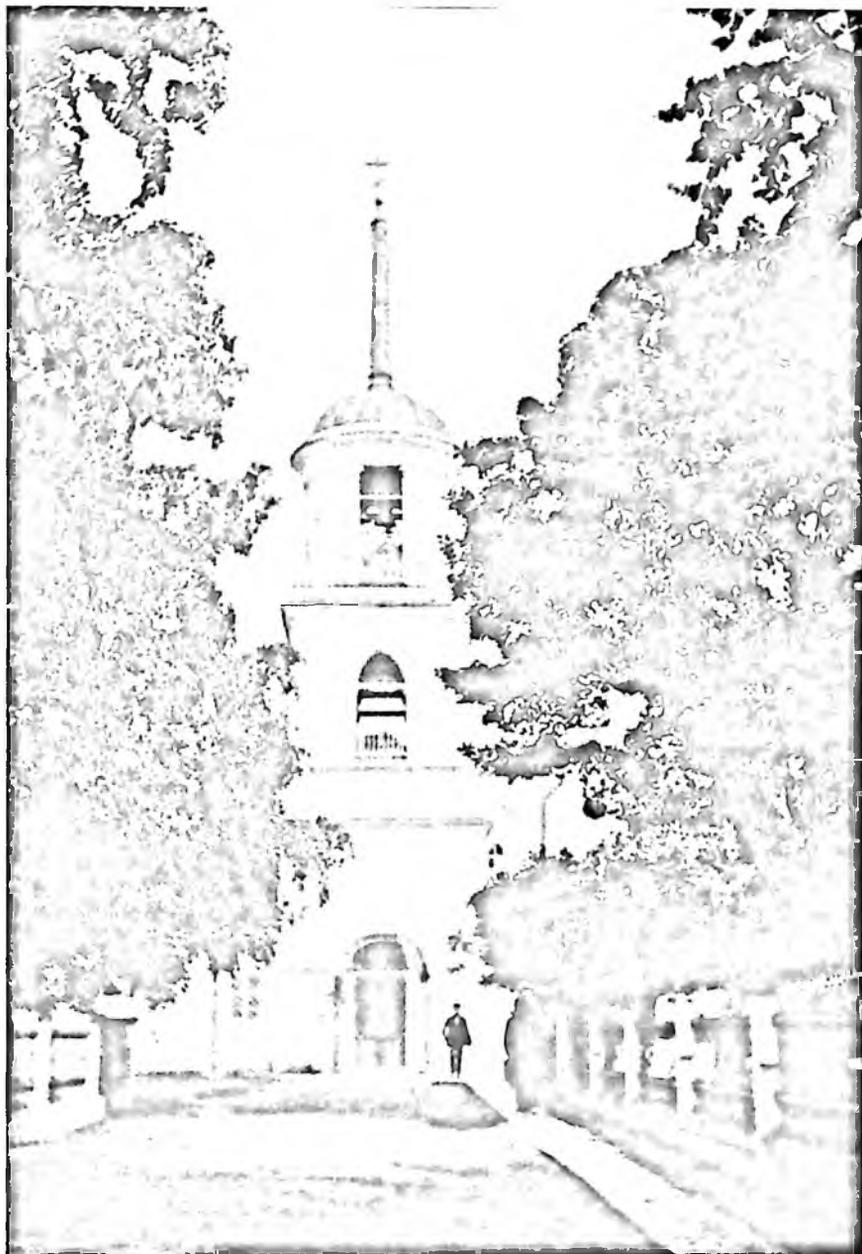
Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Вид крепости с юго-западной стороны

Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Вид крепости с северо-востока

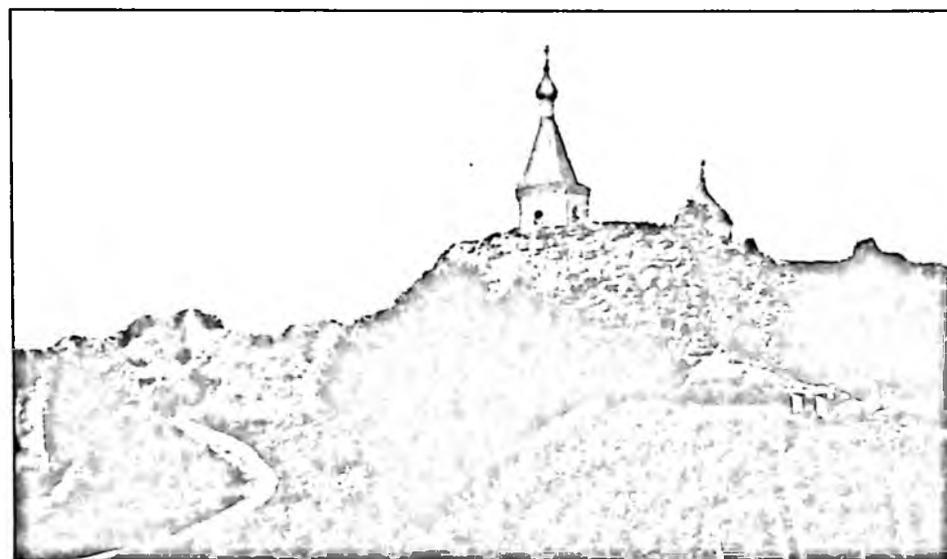
Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Общий вид с колокольни церкви Св. Георгия

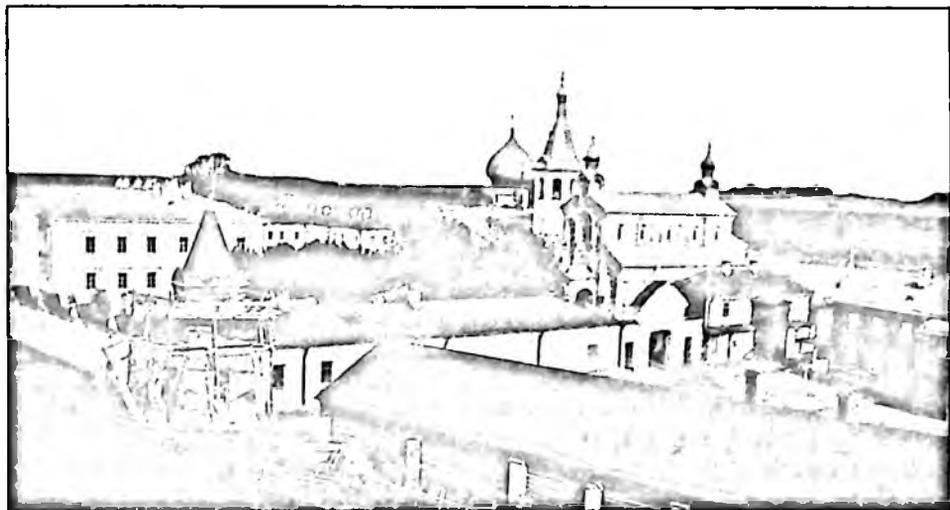
Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Колокольня Успенского монастыря

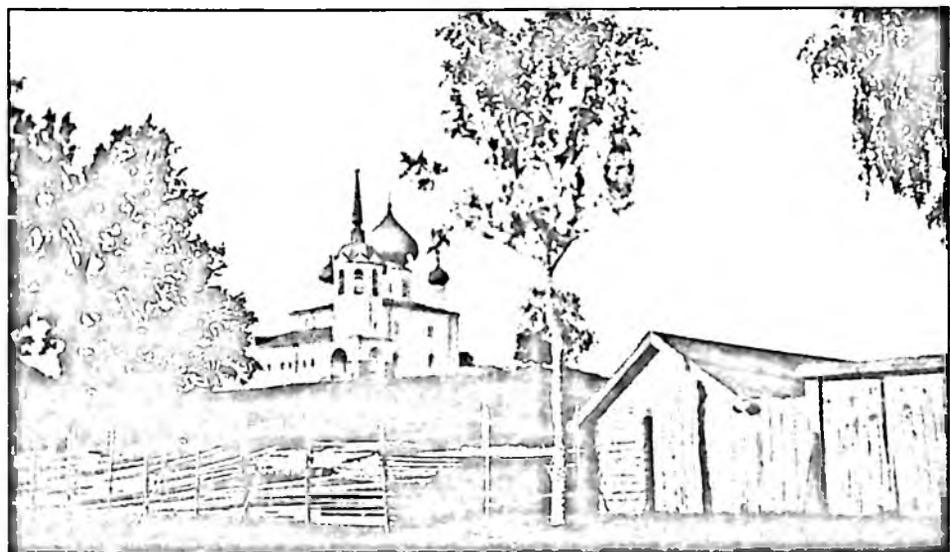
Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Остатки 2-го яруса Стрелочной башни и вид на берег р. Волхов

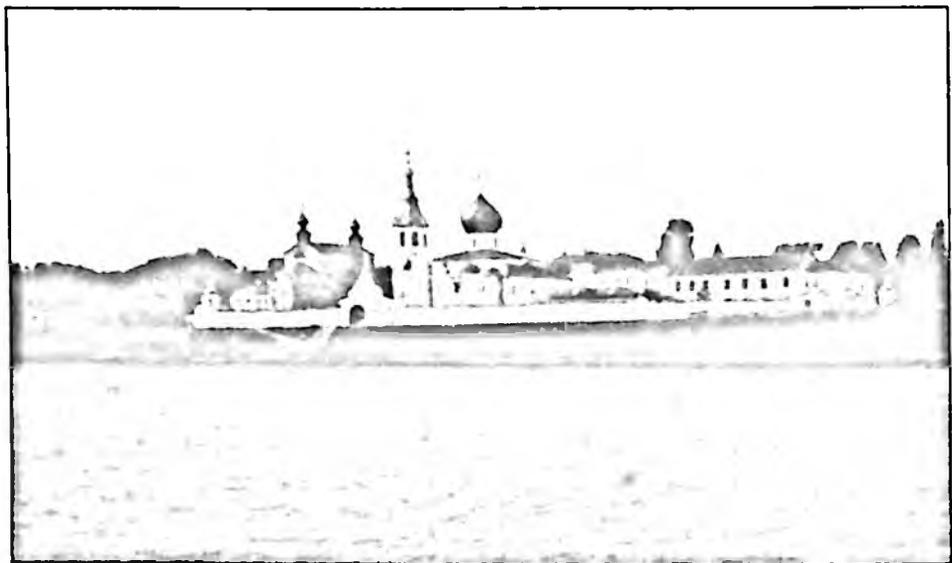
Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Климентовская башня

Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Никольский монастырь

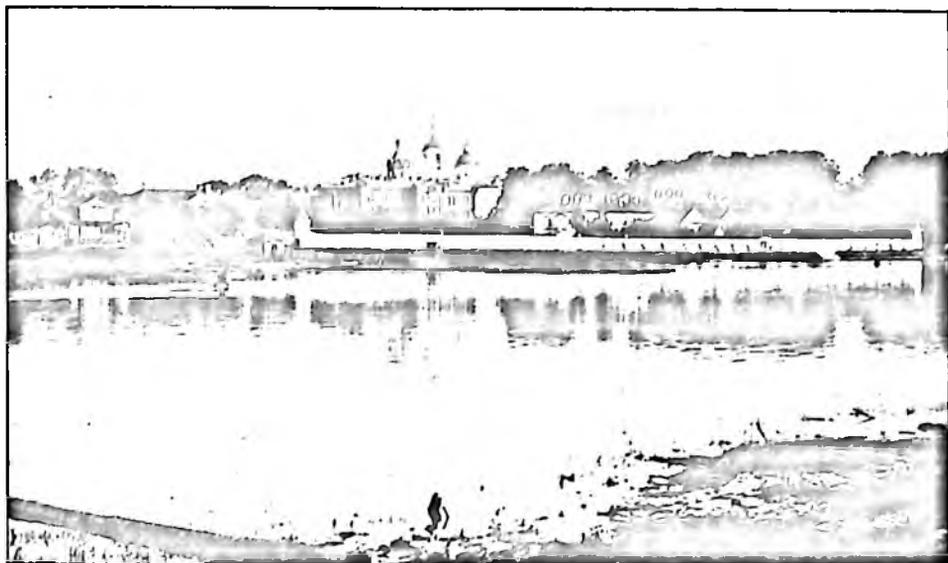
Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Вид церкви Св. Иоанна Предтечи
(постр. в конце XVII в.)

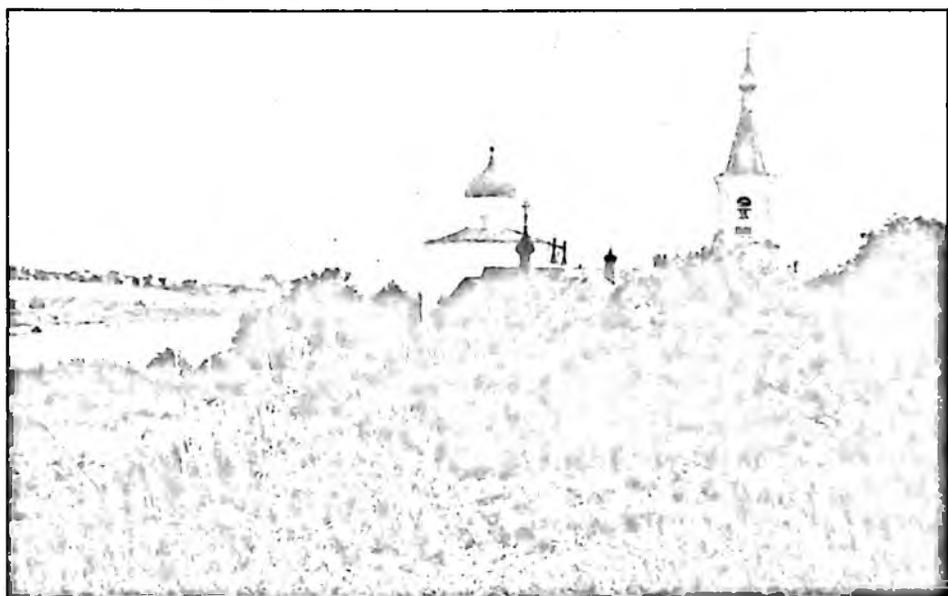
Староладожский Николаевский мужской монастырь

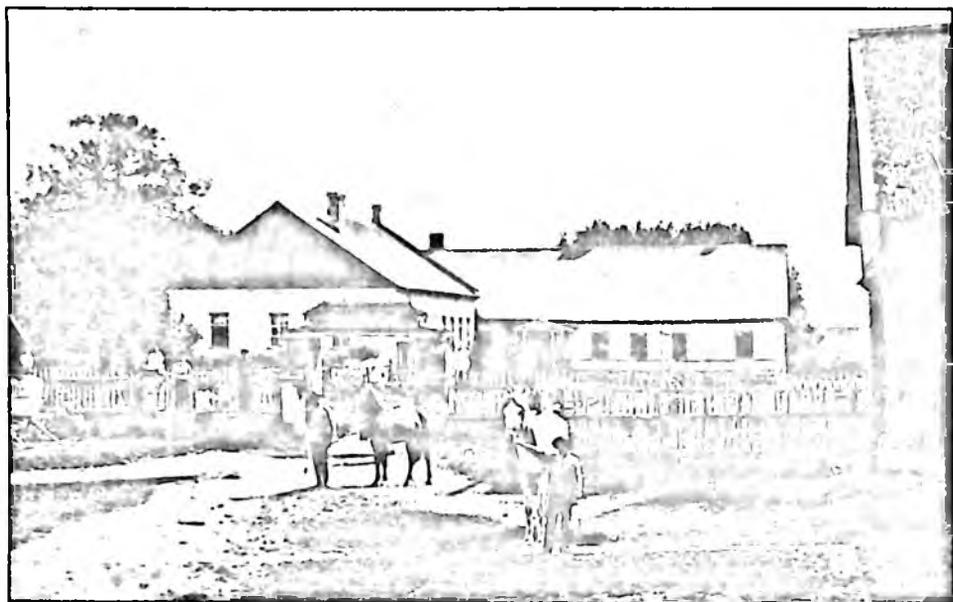
Старая Ладога. Крепость. Слева руины Воротной башни

Старая Ладога. Успенский женский монастырь

Старая Ладога, С.-Петербург. губ. Вид церкви Св. Георгия (постр. в XII в.)
и Св. Димитрия Солунского (постр. не ранее XVII в., возобн. в 1903 г.).
Вид с севера

Старая Ладога. Имение Михайловка

Старая Ладога. Женская семинария

неплохие подборки открыток имеют только три музея в Ленинградской области — в Кингисеппе, Тихвине и Тосно.

Вместе с тем, у коллекционеров хранится достаточно большое количество достаточно редких и уникальных открыток, которые могли бы стать предметом самого пристального изучения историков-краеведов. Прекрасные коллекции собраны частными коллекционерами из Луги (правда, к сожалению, в ней практически не представлены поселки Лужского района), из Гатчины (дополненная большой подборкой фотографий и исторических документов), из Сиверской (две коллекции). Два жителя Санкт-Петербурга подобрали весьма полные собрания открыток по Карельскому перешейку. Один из них — преподаватель Ленинградского областного колледжа культуры Е. А. Балашов с успехом использует свою коллекцию для иллюстрации выпускаемой им совместно с Д. И. Шитовым серии книг «Карельский перешеек — земля неизведанная» (в 1998—2002 годах в разных издательствах вышло пять частей).

Совершенно очевидно, что собранные фотооткрытки области несут в себе много важной информации о прошлом Ленинградской области, и их изучение сможет привести к интересным открытиям, как это не раз происходило у филокартистов из других регионов. Здесь — и изображения уничтоженных церквей, и виды несуществующих сегодня населенных пунктов, подробная информация об экономической и культурной жизни наших предков. А как много, например, может рассказать и о методах подготовки военнослужащих, и о тактике ведения боевых действий, да и об умении организовать пропаганду и поддержание боевого духа у солдат серия из более чем двухсот открыток, выпущенных в Луге в период с 1913 по 1917 год поручиком В. Грузинцевым?!

В таких исследованиях даже самые маленькие детали могут дать полезный материал для размышления. Например, как и сегодня, сто лет назад выпуск открыток осуществлялся по рыночному принципу — есть спрос, будет предложение. И, наверное, не случайно, количество выпущенных открыток с видами Карельского перешейка существенно уступает количеству открыток с видами Луги, Сиверской, Вырицы. Может и не так уж неправы были наши предки (включая членов императорской семьи, министров, банкиров, наиболее зажиточных жителей), выбирая местом отдыха южные пригороды Петербурга, а не северные? Может сегодняшним руководителям этих территорий надо уделять больше внимания именно этому направлению развития экономики?

На эти и многие другие вопросы можно найти ответ, изучая фотооткрытки — старинные свидетельства исторических событий,

фактов, жизни и быта. Задача сегодняшнего дня — не растерять этот ценный исторический материал, вовлечь его в орбиту научных исследований, придать филокартии статус самостоятельной вспомогательной исторической дисциплины. Ленинградская область является прекрасным объектом для подобного исследования, и специалисты — историки-краеведы, филокартисты не должны упустить свой шанс и уже к 80-летию области завершить первичное изучение и обобщение филокартического наследия Ямбурга, Присвирья, Лужского уезда — всей территории нашего прекрасного края.

Но это — в будущем. А сегодня, в год 1250-летия Старой Ладоги есть смысл кратко описать филокартическое наследие этой первой столицы Руси.

Коллекционерам известны две серии открыток, выпущенные в конце 1900-х—начале 1910 годов. Первая из них — достаточно большая (не менее дюжины) — была изготовлена по заказу фотографа Н. Смоленкова в самом известном петербургском издательстве — в «Товариществе Р. Голике и А. Вильборг», располагавшемся в доме № 11 по Звенигородской улице. Вторая, по-видимому, меньшая как по количеству видов, так и по тиражу, была отпечатана по заказу некого Н. И. Фридмана. Однако эта серия не менее интересна, так как содержит изображения не только монастырских и церковных строений, но и «жилой» зоны Старой Ладоги — например, женской семинарии или имения Михайловка.

Кроме этого, известны единичные открытки, как выпущенные известными петербургскими издательствами (например, типографией А. К. Вейермана, располагавшейся в доме № 3 по Благовещенской улице), так и не поддающиеся идентификации по издателям. Но даже эти единичные, можно сказать, отрывочные фотооткрытки представляют весьма ценный материал.

В качестве примера можно привести открытку с видом Успенского монастыря. В принципе, можно было бы сказать, что благодаря проведенной в 1950—1960-е годы работе реставраторов построенная в 1156—1159 годы церковь Успения Пресвятой Богородицы сохранилась до наших дней, но здесь вполне уместно обратиться к вездущему уже не одно десятилетие спору о методологии ведения реставрационных работ. Суть спора предельно проста — должен ли в процессе реставрации памятников архитектуры возвращаться их первоначальный вид, или необходимо сохранять все дошедшие до реставраторов «наслоения» более поздних эпох, также представляющие определенный исторический интерес. Автору более близкой является вторая точка зрения (которой, кстати, придерживался и академик Д. С. Лихачев), поэтому, признавая несомненную заслугу реставраторов в со-

хранении самого древнего памятника церковной архитектуры на территории нынешней Ленинградской области, необходимо отметить, что в ходе этой реставрации были полностью разобраны и уничтожены пристроенная в 1761 году церковь Благовещения, а также приделы Казанской Божией Матери и великомученицы Варвары, построенные в 1856 и 1855 годах соответственно, и колокольня. Сравнивая современный вид Успенской церкви с открытками начала XX века каждый сам может решить, выиграла или проиграла церковь от выполненной реставрации¹.

Приведенный пример наглядно показывает, что даже там, где количество выпущенных открыток было невелико, эти фотоматериалы представляют ценный материал как для профессиональных исследователей, так и для обычных любителей истории, для всех, чей интерес к истории сейчас особенно подогрет юбилейными торжествами.

А что говорить по поводу более «популярных» у издателей открыток мест?! По материалам исследования многих музейных и частных коллекций можно примерно оценить количество открыток, выпущенных с конца XIX века по 1917 год. Наибольшее количество видов было посвящено Выборгу — до 2000 тысяч открыток, большинство из которых были выпущены к тому же большими тиражами. Существенно меньше (но тем не менее достаточно для проведения серьезных исследований) открыток было посвящено Луге (= 500 разновидностей) и Гатчине (более 400). Далее следуют Сиверская и Тосненский район (по 250—300 видов), Ямбург, Ивангород и Тихвин (по 130—150 видов). Вряд ли более 70—100 открыток было выпущено по Всеволожску (плюс еще примерно столько же по району), Шлиссельбургу, Кексгольму, по Присвирию. Еще меньше (40—50 видов) — по Новой Ладоге, считанные единицы по Волосовскому, Ломоносовскому районам.

В целом объем филокартического материала, который может стать предметом исторических исследований Ленинградской области, составляет 5—6 тысяч единиц, многие из которых — уникальны. Представляется, что есть смысл, о чем уже говорилось выше, провести серьезную работу по сохранению, обобщению и изучению этого важнейшего материала. Ведь впереди так много юбилеев!

¹ Не пощадили время и люди и другие церкви, относящиеся к Успенскому монастырю. В сильно перестроенном виде дошло до нас здание бывшей домово́й церкви Воздвижения Креста Господня, построенной в 1860—1862 годах по проекту архитектора А. М. Горностаева.

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Вспоминая об основании Академии истории материальной культуры (далее: АИМК), С. А. Жебелев писал, что мысль о создании вместо Археологической комиссии научного учреждения, задачей которого должно служить исследование, в историческом разрезе, материальной культуры во всех ее видах и формах, с привлечением к делу исследования всех источников, будут ли то источники вещественные или письменные, с привлечением этнографии, фольклора и лингвистики возникла у Н. Я. Марра в начале марта 1919 года [Жебелев, 1935, с. 172—173]. Декрет об организации Российской академии истории материальной культуры (далее: РАИМК) был подписан 18 апреля 1919 г. Устав научного учреждения, организованного при Наркомпросе на базе бывшей Археологической комиссии, Московского и Петроградского археологических обществ, утвердили в октябре 1919 г.

Перед Академией встали сложнейшие комплексные задачи: всестороннее научное исследование памятников древности; теоретическая разработка вопросов, относящихся к области этнологии, археологии и истории искусства; производство археологических раскопок и сбор предметов древностей, искусства и старины, в равной мере — разработка основ и обеспечения их охраны; разработки по ремонту и реставрации монументальных памятников; всемерное «способствование распространению в стране знаний, относящихся к памятникам древности, искусства и старины и правильного понимания их культурной ценности и значения» [РА ИИМК, Ф. 2, 1919 г., д. 1]. Поставленные задачи не могли решаться средствами одной археологии, и к их решению были привлечены историки, этнографы, антропологи, лингвисты, фольклористы, специалисты по классической филологии, историки искусства и архитектуры.

Из письма, написанного И. Э. Грабарем брату 9 августа 1919 года: «Только вчера вернулся из Петербурга, куда ездил на выборы в «Академию истории материальной культуры»... Задумана она в Академии наук — Марром, Ольденбургом и А. А. Васильевым... Покровскому

не понравилось название «Академии археологии и истории искусства» и он изменил его в декрете на «Академию материальной культуры», и Ленин прибавил еще слово «история». Меня выбрали академиком по русскому искусству...» [Грабарь, 1977, с. 29].

«Избирательное собрание для выбора действительных членов и председателя» Российской академии истории материальной культуры состоялось 5—7 августа 1919 г.

6 августа 1919 г. участники собрания после выборов действительных членов собрались во дворе Зимнего дворца, поскольку Императорская археологическая комиссия и Российская археологическая комиссия до 1920 г. размещались в Старом Эрмитаже. И. Ф. Чистяков, фотограф Императорской археологической комиссии, продолживший свою деятельность и в Академии истории материальной культуры, сделал групповой портрет как диапозитив на стекле размером 24 × 30 см, видимо используя для съемки «видавший виды» аппарат, с которым он не расставался со времени экспедиции Н. И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. Изначально снимок не был «расшифрован». Много позже, в 1960-е годы научную атрибуцию фотографии сделал Михаил Петрович Грязнов.

Членами Академии были избраны Д. Н. Анучин, В. В. Бартольд, И. Э. Грабарь, С. А. Жебелев, Н. Я. Марр, А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, Ф. И. Шмит и другие — всего 28 ученых. В состав Академии вошли «почти все наличные в стране научные силы из лиц старшего и среднего поколения».

Представим тех, кто запечатлен на этой поистине исторической фотографии.

Сидят (слева направо):

1. *Бартольд Василий Владимирович* (1869—1930), член АИМК, востоковед, академик (с 1913), член совета РАО; в 1925 г. — товарищ председателя РАИМК, председатель археологического отделения, заведующий Разрядом археологии и искусства Средней Азии.

2. *Фармаковский Борис Владимирович* (1870—1928), член АИМК, археолог, историк античного искусства, член-корреспондент Петербургской АН (с 1914); действительный член ИАК (1901—1917); член-сотрудник (с 1896), действительный член РАО (с 1897), секретарь РАО (1906—1919), управляющий Классическим отделением общества (с 1919); ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1898—1901). Действительный член и товарищ председателя РАИМК (с 1919), ученый секретарь РАИМК—ГАИМК (1921—1928), заведующий разрядами археологии Скифии и Сарматии и греко-римского искусства. Хранитель Эрмитажа (1924—1928). Преподаватель, затем профессор Петербургского историко-филоло-

Групповой портрет участников «избирательного собрания». 6 августа 1919 г.

гического института (с 1904) и Высших женских (Бестужевских) курсов (с 1905), приват-доцент кафедры истории и теории искусств Петербургского-Петроградского университета (с 1905), профессор Петроградского-Ленинградского университета. Участник трех Международных археологических конгрессов: в Афинах (1905), Каире (1909) и Лондоне (1913).

3. *Грабарь Игорь Эммануилович* (1871—1960), член АИМК, живописец, искусствовед, музейвед, реставратор, действительный член АН СССР (с 1943) и Академии художеств СССР (с 1947). Инициатор создания и директор (1918—1930), научный руководитель Центральных реставрационных мастерских (с 1944), один из организаторов и руководителей деятельности по охране памятников искусства и старины. Действительный член института археологии и искусствоведения в Москве (с 1923), РАНИОН (с 1926).

4. *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934), член АИМК, востоковед, индолог, академик (с 1901). Непременный секретарь Императорской АН — АН СССР (1904—1929), директор Института востоковедения АН СССР (1930—1934). В РАИМК заведовал Разрядом археологии и искусства Индии и Дальнего Востока. Участник научных экспедиций в Синьцзян (1909—1910, 1914—1915). Участник либерально-демократического движения, с мая 1917 г. — член ЦК КДП; с 24 июля по 1 сентября 1917 г. — Министр просвещения, затем член Временного совета республики и Товарищ председателя комиссии по национальным делам.

5. *Латышев Василий Васильевич* (1855—1921), член АИМК, филолог-классик, историк античности, эпиграфист, специалист по византийской агиографии (вида церковной литературы — жизнеописания святых); академик (с 1893), доктор греческой словесности (с 1912). Председатель Российского Палестинского общества (1918—1921). В 1895 г. — вице-директор департамента Министерства народного просвещения, и с этого же года — почетный член Русского археологического института в Константинополе. В 1925 г. заведовал в РАИМК Разрядом археологии Кавказа и Яфетического мира.

6. *Марр Николай Яковлевич* (1864—1934), член АИМК, востоковед, лингвист, археолог, кавказовед, академик (с 1912). Председатель РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1934 г. Создатель и директор Яфетического института (1921—1934), директор Государственной Публичной библиотеки (1924—1930), вице-президент АН СССР (1930—1934). На «избирательном собрании» Н. Я. Марр был избран Председателем АИМК и бессменно оставался на этом посту до своей кончины.

7. *Васильев Александр Александрович* (1867—1953), член АИМК, историк средних веков и Византии, арабист; член-корреспондент Российской АН (с 1923, исключен в 1935 г., восстановлен в 1990 г.). В 1898—1899 гг. был прикомандирован к Русскому археологическому институту в Константинополе. В 1902 г. участвовал в экспедиции на Синай (вместе с Н. Я. Марром и И. А. Джаваховым). Доктор всеобщей истории (с 1903). Профессор Дерптского университета (1904—1912), Женского педагогического института в Петербурге (1912—1922), приват-доцент (с 1912), профессор Петроградского-Ленинградского университета (1917—1925). В РАИМК заведовал Разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского. В 1920—1921 гг. замещал Н. Я. Марра на посту Председателя РАИМК. В 1925 г. уехал в заграничную командировку в Европу, эмигрировал в США, где до 1939 г. занимал кафедру древней истории Висконсинского университета, работал в исследовательском центре Гарвардского университета Думбартон Окс в Вашингтоне; с 1936 г. возглавлял Археологический институт имени Н. П. Кондакова. [Басаргина, 1999, с. 128].

8. *Шахматов Алексей Александрович* (1864—1920), ученый сотрудник АИМК, филолог, текстолог, историк, академик (с 1894), доктор русского языка и словесности. Исследователь русского языка, в том числе его говоров, древнерусской литературы, русского летописания, русского и славянского этногенеза, вопросов прародинности и языка. Основоположник исторического изучения русского литературного языка и текстологии как науки.

9. *Мальмберг Владимир Константинович* (1860—1921), доктор истории и теории искусств, профессор Московского университета, директор Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина.

10. *Сычев Николай Петрович* (1883—1964), член АИМК, искусствовед, специалист в области древнерусской живописи; после октября 1917 г. — профессор Петроградского-Ленинградского университета, Академии художеств, Археологического института, Института истории искусств; в 1920-е гг. — хранитель (заведующий) Отделения древнерусского искусства, Художественного отдела Русского музея, директор Русского музея (1921—1926), председатель Комитета изучения древнерусской живописи. В РАИМК—ГАИМК заведовал Разрядом древнерусского искусства, Разрядом русской живописи. Председатель III художественно-исторического отделения. В декабре 1919 г. был поставлен заведовать фотоархивом.

Стоят (слева направо):

1. *Симони Павел Константинович* (1859—1939), историк, литературовед, библиограф, член-корреспондент АН СССР.

2. *Фармаковский Мстислав Владимирович* (1873—1946), художник, реставратор, ученый секретарь Института археологической технологии, заведующий Разряда керамики и стекла, действительный член и директор Института исторической технологии.

3. *Раевский Александр Сергеевич*, с 1902 г. — делопроизводитель Императорской археологической комиссии, член-сотрудник РАО. На Заседании РГАК от 13 ноября 1918 г. он был назначен помощником библиотекаря по архиву.

4. *Миллер Александр Александрович* (1875—1935), член АИМК, археолог, академик. Член ИАК. В 1920-х гг. — председатель этнологического отделения РАИМК—ГАИМК, заведующий Разрядом палеоэтнологии. Ассистент (с 1908), доцент (с 1915), профессор по кафедре археологии Петербургского-Ленинградского государственного университета (с 1923), одновременно читал лекции в Московском институте востоковедения и ряде других учебных заведений. С 19 декабря 1907 г. — сотрудник Русского музея Императора Александра III; с 12 декабря 1908 г. — хранитель Этнографического отдела, заведовал отделом Кавказа (до 1933). В 1918—1923 гг. — директор Русского государственного музея. С 1919 года — член Совета Эрмитажа [Государственный Русский музей, 1995. С. 14, 22, 34, 38—40, 42; Пиотровский Б. Б., 1995; Паромов, 1993. С. 30—31; Корягин, 1999. С. 41—43].

5. *Лукьянов С. С.* — историк античности.

6. *Романов Константин Константинович* (1882—1941), член АИМК, архитектор, художник, заведовал Разрядом русского зодчества. Действительный член Русского Военно-исторического общества (с 1909), действительный член РАО и член-корреспондент ИАК (с 1910). Хранитель этнографического отдела Русского музея (1912—1921), член-сотрудник Общества любителей древней письменности, член и Управделами Комитета Попечительства о русской иконе (1912—1918). Товарищ Председателя Совета по Делах искусств при Временном правительстве (1917), член Коллегии по Делах музеев и охране памятников искусства и старины (с 1918), профессор Петроградского университета и Археологического института (с 1918), Ленинградского института железнодорожного транспорта (с 1934), заведующий кафедрой истории архитектуры ЛИСИ (с 1939). Преподавал в Институте истории искусств (с 1923). Умер в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

7. *Шилейко Владимир Казимирович* (1891—1930), член АИМК, ассириолог, поэт и переводчик, заведовал Разрядом археологии и искусства Древнего Востока.

8. *Толстой Иван Иванович* (1880—1954), филолог, академик [Боровский, 1974. С. 114—123].

9. *Покрышкин Петр Петрович* (1870—1922), член ИАК (с 1902), член АИМК, археолог, реставратор, академик архитектуры, Заведующий отделением монументальных памятников в РГАК (октябрь 1918—август 1919 г.).

10. *Золотарев Давид Алексеевич* (1885—1935), профессор Петроградского университета, ученый сотрудник АИМК, этнограф, антрополог, заведовал сектором этнической антропологии и этнологии РАИМК, Разрядом этнографии в ГАИМК. В 1919 г. был единственным сотрудником в Разряде этнологии РАИМК. Являлся хранителем славяно-финского отделения Этнографического отдела Русского музея. Погиб в 1935 г. в Маринском лагере в Сибири. Полностью реабилитирован в 1950—1960-х гг. [Ашнин, Алпатов, 1994]. (М. И. Артамонов о Д. А. Золотареве: «Один из первых моих учителей в области этнографии. Под его руководством я работал в экспедиции в 1922 году и позже неоднократно встречался и на работе, и на дому. Человек в высшей степени порядочный, преданный науке, он много сделал для подготовки молодых кадров этнографов и антропологов. По отношению к Советской власти был вполне лояльным человеком» [Столяр, 1998. С. 11]).

11. *Тураев Борис Александрович* (1868—1920), член АИМК, востоковед-египтолог, ассириолог, эфиопист, создатель русской школы историков древнего Востока, доктор всеобщей истории, академик Российской АН (с 1918).

12. *Лихачев Николай Петрович* (1862—1936), историк, византист, историк искусства, специалист в области сфрагистики, академик АН СССР (с 1925). Организатор и руководитель Музея палеографии.

13. *Бакланов Николай Борисович* (1881—1959), член АИМК, архитектор, художник, историк архитектуры, профессор Академии художеств, член комиссии РАИМК по социологии искусства и искусствоведению. На 1 октября 1925 г. в Московской секции — действительный член Комиссий по истории быта, по истории искусства, по музееведению.

14. *Орбели Иосиф Абгарович* (1887—1961), действительный член ГАИМК (1919—1931), востоковед, академик АН СССР (с 1935), академик АН Армянской ССР и ее первый президент (1943—1947), первый ученый секретарь РАИМК, заведующий Разрядом археологии и искусства Армении и Грузии, директор Государственного Эрмитажа (1934—1951).

15. *Эфрос Абрам Маркович* (1888—1954), искусствовед, литературовед, театровед, переводчик. В 1917—1929 гг. — музейный работник.

16. *Шокальский Н. Н.*, видимо, *Шокальский Ю. М.* — *Юлий Михайлович* (1856—1940), географ, океанограф, картограф. Член-корреспондент АН (с 1925), почетный член АН СССР (с 1939). Заслуженный деятель науки РСФСР (с 1928). Профессор Военно-морской академии (1910—1930) и Ленинградского университета (1925—1940). Председатель Географического общества СССР (1917—1931). Член-корреспондент и почетный член ряда иностранных академий и научных обществ.

17. *Крачковский Игнатий Юлианович* (1883—1951), востоковед, филолог-арабист, академик, профессор Петербургского-Петроградского-Ленинградского университета (1918—1951), заведующий мусульманским отделом Азиатского музея (1916—1930).

18. *Богданов Владимир Владимирович* (1868—1948), член АИМК, этнограф, заведовал Разрядом этнической антропологии РАИМК. На 1 октября 1925 года в Московской секции — председатель Комиссии по этнологии,

19. *Яремич Степан Петрович* (1869—1939), ученый сотрудник (сверх штата) Разряда русской живописи, художник, историк искусства, профессор. Хранитель отделения гравюр и рисунков Гос. Эрмитажа (с 1918), заведовал мастерской реставрации картин ГЭ (с 1927).

20. *Адлер Бруно-Фридрих Федорович (Бруно Фридрихович)* (1874—1942), профессор Казанского университета.

21. *Тройницкий Сергей Николаевич* (1882—после 1934), ученый сотрудник Разряда прикладного искусства, историк-искусствовед, первый демократически избранный директор Эрмитажа (1918—1927).

22. *Щедринский (?)* — (у М. П. Грязнова определенно были какие-то сомнения). Скорее, *Щавинский Василий Александрович* (1869—1923), химик, член Института археологической технологии, заведующий Разрядом живописной техники и технологии красок, коллекционер произведений искусства.

23. *Мецианинов Иван Иванович* (1883—1967), языковед, археолог, академик (с 1932), ассистент Разряда археологии Кавказа и Яфетического мира.

24. *Ильин Алексей Алексеевич* (1858—1942), историк, специалист по русской нумизматике, картограф, картоиздатель, член-корреспондент АН СССР (с 1928). В 1920-х гг. возглавлял отдел нумизматики Гос. Эрмитажа и являлся ученым сотрудником РАИМК—ГАИМК, заведующим секцией нумизматики и глиптики.

25. *Елисеев Сергей Григорьевич* (1889—1975), востоковед, японист, приват-доцент Петроградского университета (с 1916), хранитель Азиатского музея (1917).

26. *Марков Алексей К.* (1858—1920), ученый сотрудник Академии, востоковед, нумизмат.

27. *Никольский Владимир Капитонович* (1894—1953), историк, специалист по первобытной истории, доктор исторических наук.

ЛИТЕРАТУРА

Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994.

Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: «Дмитрий Буланин». 1999. С. 128.

Боровский Я. М. Академик Иван Иванович Толстой // ВДИ. 1974. № 3. С. 114—123. Государственный Русский музей. Из истории музея / Сб. ст. и публ. СПб., 1995.

Грабарь Игорь. Письма: 1917—1941. М., 1977. С. 29.

Девель Т. М., Томес Т. Б. Собрание Н. Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Историко-филологический журнал. Ереван, 1971. № 3. С. 289—295.

Жебелев С. А. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н. Я. Марре // ПИДО. 1935. № 3—4. С. 172—173.

Корягин С. В. Миллеры. Материалы к истории и генеалогии донского дворянского рода. Часть I // Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 2. СПб., 1999. С. 41—43.

Миханкова В. А. Биография Н. Я. Марра // ПИМК. 1933. № 5—6. С. 4—10.

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и деятельности. М.—Л., 1935. (ИГАИМК. Вып. 154).

Парамов Я. М. К биографии А. А. Миллера // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы (11—13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 30—31.

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995.

Платонова Н. И. Н. Я. Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. № 5. С. 371—382.

Столяр А. Д. Триада жизнедеятельности М. И. Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ / Сб. науч. ст., посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998. С. 7—32.

◆

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК ОСОБО ЦЕННЫЙ ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТРАНЫ

История Санкт-Петербурга насчитывает немало страниц, рассказывающих о создании первых российских государственных учреждений — духовных центров, определяющих развитие страны — Академия наук, Университет, Эрмитаж и др. Одним из таких центров стала Императорская Публичная библиотека, день основания которой — 16 (27) мая 1795 года — исторически совпал с Днем основания города. Библиотека, ныне именуемая Российской национальной (РНБ), является всемирно известным хранилищем ценностей отечественной и мировой культуры.

На протяжении всей своей истории РНБ создавалась не только как система книгохранилищ и читальных залов, но и как центр культуры, науки и просвещения.

Гордостью РНБ являются ее богатейшие книжные и рукописные фонды. Здесь хранится старейшая из всех известных русских рукописных книг — Остромирово Евангелие (1056—1057 гг.), уникальные отечественные западноевропейские и восточные материалы, другие раритеты. Благодаря предоставленному в 1810 г. праву получения из всех типографий страны бесплатного обязательного экземпляра каждого печатного издания, Библиотека располагает самым полным в мире собранием изданий на русском языке.

РНБ занимает несколько зданий в центре Санкт-Петербурга. Первым в 1796—1801 гг. по проекту Е. Т. Соколова было возведено здание на углу Невского проспекта и Садовой улицы, в 1828—1832 гг. по проекту К. И. Росси был построен главный корпус, обращенный на площадь Островского. Следующий этап развития — сооружение в 1862 г. читального зала, пристроенного к главному корпусу (архитектор В. И. Соболевский). Завершилось создание библиотечного комплекса возведением в 1896—1901 гг. здания по проекту Е. С. Воротилова на углу переулка Крылова и площади Островского. Кроме того, с 1949 г. Библиотека занимает также здание бывшего Екатерининского института, построенное в 1804 г. по проекту Д. Кваренги (наб. р. Фонтанки, 36).

Читатель сразу ощущает атмосферу былого, входя в залы для научной работы на площади Островского, в залы со старомодными деревянными галерейками, антресолями и панелями, где стен не видно за поблескивающими позолотой корешками книг..

Поэтому перед нынешним поколением стоят сложные задачи — не только сохранить накопленные духовные ценности и исторические памятники, но приумножить их, ввести в широкий культурный и научный оборот, укрепить и расширить материальную и технологическую базу библиотеки в соответствии с ее высоким статусом и требованиями современного информационного общества.

Книгохранилище национального уровня, естественно, очень быстро растет, объем фондов стремительно увеличивается с каждым годом. На сегодняшний день в библиотеке насчитывается более 33,5 млн единиц хранения. Жизненное пространство — одна из главных проблем любой библиотеки, и если оно не расширяется, может наступить функциональная смерть. РНБ давно стала задыхаться в собственных стенах.

В 1985 году началось строительство первой очереди нового здания на Московском проспекте — событие, значение которого для библиотеки, да и всей российской культуры, трудно переоценить. Несколько лет назад в новом здании появились первые читатели — и начался сложный «переходный период».

Символично, что коллективы строителей и сотрудники библиотеки обеспечили сдачу нового здания Государственной комиссии и наметили полный ввод его в эксплуатацию в год 300-летия Санкт-Петербурга. Это чрезвычайно сложная задача, так как здание имеет огромные площади (63 тыс. кв. м), рассчитано на 2000 читательских мест и 36 хранилищ, вмещающих более 14 млн книг. Современные компьютерные системы позволяют обслуживать читателей не только собственными ресурсами, но и создают возможности доступа в удаленные базы данных других организаций по всему миру. Сложное инженерное оборудование (системы противопожарной защиты, охраны, электро-, теплоснабжения, вентиляции и кондиционирования и др.) должно обеспечить сохранность и защиту фондов, комфортные условия на каждом рабочем месте.

Сотрудники РНБ уже несколько лет вели подготовительную работу к окончательному открытию нового здания: проводилась оптимизация размещения фондов, их санитарная обработка, соединение разрозненных частей фондов, выстраивание хронологических цепей в расстановке. И, наконец, свершилось.

12 апреля 2003 года Президент России В. В. Путин официально открыл первую очередь Нового здания РНБ. Выступая перед собрав-

шимися, он сказал: «Сегодня это событие важно не только для Санкт-Петербурга, но и для всей России. Национальная библиотека, которая была создана по повелению Екатерины Великой, это уникальное учреждение, по существу является «вторым университетом» для многих поколений российской интеллигенции. В соответствии еще с постановлением Александра I с 1810 года библиотека получала бесплатный экземпляр каждого российского издания. Благодаря этому и другим решениям она стала уникальным собранием мирового значения. Без всякого преувеличения, именно мирового значения.

К сожалению, из-за финансовых трудностей многих последних лет строительство этого здания неоправданно затянулось. Думаю, это продолжалось бы и дальше, если бы не были сделаны энергичные усилия в последнее время для того, чтобы эту работу завершить. Я очень рад, что это сделано.

Думаю, что вы согласитесь, что интеллектуальный потенциал нации сегодня важнейший ресурс каждого государства.

Я хочу пожелать всем пользователям библиотеки, всем, кто будет сюда приходить и работать, успехов, новых открытий, чтобы этот дом стал для них вторым домом, родным домом. Всех нас хочу поздравить с этим важным событием.»

Президент Общества друзей РНБ писатель Д. А. Гранин также поздравил собравшихся участников: «Библиотеки в жизни нашей культуры занимают довольно скромное и незаметное место. Поэтому для всех библиотек России сегодняшнее торжество имеет особое значение. Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал, что если бы мир постигла катастрофа и при этом погибли бы музеи, театры и памятники культуры, но остались бы библиотеки, цивилизация была бы спасена и спасла мир и культуру. Действительно, библиотека — это память цивилизации, память человечества.

Я вспоминаю по отзывам своих друзей, молодежи, что люди, работавшие в публичной библиотеке, вообще в библиотеках, как и я проводят счастливейшие часы в своей жизни. Я желаю этому зданию — филиалу публичной библиотеки — долгой и радостной жизни и думаю, что это торжество и праздник не точка в истории библиотеки, а скорее двоеточие».

Ввод Нового здания РНБ стал крупным событием для российской и мировой культуры и достойным подарком к юбилею Санкт-Петербурга.

Параллельно велись строительные работы и на других объектах. Так, была осуществлена реконструкция одного из зданий библиотеки, построенного в начале XIX в. (Садовая ул., д. 20), в котором жил сотрудник Императорской публичной библиотеки, великий баснопи-

сец И. А. Крылов. После капитального ремонта в этом здании открыл свои двери «Дом Крылова», включающий в себя Информационно-сервисный центр, книжный салон, залы для проведения конференций, лекций, концертов. В перспективе здесь также будет создан Музей РНБ.

Информационно-сервисный центр предназначен для удовлетворения разнообразных потребностей в информационном обслуживании. Его услугами могут пользоваться не только читатели библиотеки, но и все желающие. Это стало возможным благодаря получению целевого гранта в рамках программы реконструкции центра Санкт-Петербурга, реализуемой Правительством Российской Федерации, Администрацией города из средств кредита Всемирного банка.

В рамках этой же программы был проведен большой ремонт главного здания РНБ, который откладывался много лет из-за недостаточного финансирования. В частности, был произведен ремонт фасадов и металлических оконных переплетов исторических зданий, построенных в XIX веке по проектам архитекторов Е. Т. Соколова, К. И. Росси, Е. С. Воротилова; реставрация фундаментно-подвальной части корпусов Воротилова и Росси. Выполненные работы позволяют надолго продлить жизнь старинных зданий РНБ.

Кроме того, используя внутренние резервы, библиотека ведет подготовительные работы для дальнейшей реконструкции и реставрации зданий-памятников: освобождена от трансформаторной подстанции территория одного из дворов, в котором планируется строительство атриума, что позволит создать зону отдыха читателей и сотрудников и развязку для прохода в различные читальные залы.

Чрезвычайно важно и жизненно необходимо для современной библиотеки использование новых библиотечных технологий. За последние годы в РНБ был внедрен процесс автоматизированной обработки всей поступающей литературы для одновременного создания электронного каталога. Разработана система российских форматов представления библиографических записей в машиночитаемой форме (RUSMARC), рекомендованных Министерством культуры РФ в качестве национальных стандартов. Реализация этих проектов потребовала больших усилий не только сотрудников библиотеки, но и специалистов других крупнейших библиотек страны.

Это позволило, начиная с 1998 года, формировать полноценный электронный каталог РНБ, а затем объединить усилия с Российской государственной библиотекой (РГБ) в создании Национального библиотечно-информационного центра и формировании на его основе сводного каталога двух национальных библиотек. Ценой больших усилий удалось также осуществить проект сканирования Генераль-

ного алфавитного каталога (ГАК) русской книги РНБ, который насчитывает более 7 000 000 карточек, и представить его для пользователей в Интернет. Аналогичные проекты в нашей стране ранее не осуществлялись. Сейчас ведется работа по преобразованию сканированного ГАК в систему многоаспектного поиска, что значительно расширит возможности потребителей. Но уже и сейчас пользователи не только нашей библиотеки, но и всего мира могут вести поиск литературы, находящейся в РНБ, через Интернет.

Библиотека приступила к осуществлению нового проекта — созданию «Центра по изучению европейской культуры XVIII века (Кабинет Вольтера)».

РНБ обладает ценнейшим памятником мировой культуры XVIII века — библиотекой и коллекцией рукописей Вольтера. Условия размещения этого уникального собрания не соответствуют нормативам хранения: коллекция занимает около 30 кв. м в хранилище фонда редкой книги, для работы читателей с этим фондом имеется всего 2 рабочих места.

Реализация проекта предполагает несколько этапов. Итогом первого этапа, который завершился к 300-летию Санкт-Петербурга, стало создание «Библиотеки Вольтера», что значительно улучшит условия сохранности коллекции великого энциклопедиста. Предполагается организация специализированных рабочих мест для исследователей и читателей, которые получают электронный доступ к локальным и удаленным базам данных по документам эпохи Просвещения, хранящимся в крупнейших научных центрах мира. Будет создана и музейная экспозиция.

В рамках проекта в корпусе К. Росси широким фронтом ведутся работы по реконструкции зала редкой книги, в котором будет представлена «Библиотека Вольтера».

Министерство Иностранных дел Франции поддержало этот проект материально и организационно. Второй и третий этапы создания «Центра» предусматривают его развитие как научного и культурно-мемориального учреждения.

Библиотека осуществляет еще один совместный проект — с Голландским институтом в Санкт-Петербурге. В рамках этого проекта предполагается реставрация силами нидерландских и российских специалистов третьего тома «Атласа городов мира» 1581 года из картографической коллекции РНБ. Одновременно будет проведен обучающий семинар для реставраторов с участием специалистов из Государственного института нидерландских коллекций. Результаты проекта будут опубликованы в сборнике научных трудов.

В юбилейный год библиотекой намечена большая программа культурных мероприятий, в которых будут представлены уникальные материалы по истории Санкт-Петербурга и России из фондов РНБ.

В частности, была организована выставка «Город великой судьбы. Сокровища Российской национальной библиотеки» в Москве в Российской государственной библиотеке (РГБ). В экспозиции были представлены редкие коллекционные материалы XV—XIX веков, посвященные истории России и основанию Санкт-Петербурга, отсутствующие в фондах РГБ. Знаменательно, что в этот же год будет отмечаться 175-летие основания РГБ — Библиотеки Румянцевского музея.

Отдел картографии РНБ выпустил уникальный CD-альбом «300 лет Петербурга на планах и картах», в котором представлено 118 материалов, которые в целом отражают все эпохи исторического развития города. Технология работы с CD позволяет получать любой масштаб изучения планов, вести поиск по любому периоду и в самых различных аспектах жизни города (названия улиц, состав населения, зоны наводнений, санитарная обстановка, полицейские участки, питьевые заведения и т. д.).

В выставочных помещениях РНБ была проведена целая серия экспозиций, посвященных Санкт-Петербургу. В их числе: «Петр Великий и Петербург», «Дворцовое ожерелье Санкт-Петербурга» (книжно-иллюстративная выставка), «Автографы и дары Романовых в фондах Императорской публичной библиотеки» (по материалам рукописного собрания РНБ), «Открыта на пользу общую» (здания и книжные собрания РНБ), «Петербург и Восток», «Великие универсаны XVIII—XX вв.». Состоится концерт «Итальянские композиторы XVIII века в Санкт-Петербурге», который пройдет в концертном зале библиотеки. В его программу включены редко исполняемые произведения итальянских композиторов XVIII века — партитуры, ноты, клавиры которых хранятся в фондах РНБ.

Разнообразна программа зарубежных мероприятий — она соответствует размаху международных связей РНБ.

Совместно с Нью-Йоркской Публичной библиотекой ведется подготовка книжно-иллюстративной выставки сокровищ российской культуры и симпозиума «Россия привлекает мир». Выставка будет проводиться при поддержке Института Гарримана и Колумбийского университета в Нью-Йорке. Она откроется 1 октября 2003 года и продлится до конца января 2004 года. Предполагается, что она будет одним из самых крупных мероприятий в Нью-Йорке во время празднования 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга. Выставку дополнит симпозиум, посвященный международным, культурным и политическим связям Российской империи и Америки.

Готовится совместная книжно-иллюстративная выставка из фондов РНБ и библиотеки Геттингенского университета в Германии. Достигнута договоренность о книжно-иллюстративной экспозиции по истории Санкт-Петербурга в этой одной из старейших немецких университетских библиотек.

Большой интерес к юбилею проявляют французские учреждения культуры. В частности, идет подготовка выставки по материалам «Библиотеки Вольтера» в замке Со (Франция). Темой выставки в Государственном музее департамента Иль де Франс (Замок и парк Со) будут русско-французские культурные и политические связи XVIII века.

Получено предложение мэра города Бордо г-на Алена Жупе направить в Санкт-Петербург около 60 оригинальных документов Монтестье из Муниципальной библиотеки г. Бордо для организации в выставочных залах РНБ совместной экспозиции, дополненной книгами Монтестье из «Библиотеки Вольтера» и автографами Монтестье из собрания рукописного фонда Российской национальной библиотеки. После демонстрации в Санкт-Петербурге выставка будет отправлена в Бордо, на родину этого великого мыслителя.

Историческому развитию бельгийско-русских связей была майская конференция «Санкт-Петербург — европейский город: бельгийско-русские связи вчера и сегодня», организованная Ассоциацией «Санкт-Петербург — Бельгия» при РНБ с участием Администрации города и Посольства Королевства Бельгии в Москве.

Аналогичная тема будет развита на конференции «Санкт-Петербург — европейский город: голландцы в Петербурге и их потомки», которую проведут в июле Генеральное консульство Королевства Нидерландов совместно с РНБ.

Семинар, посвященный 300-летию Санкт-Петербурга, с участием представителей РНБ намечено провести в октябре 2003 года в Иельском университете США — с этой инициативой выступил председатель «Общества друзей РНБ в Иельском университете» профессор Бушкович.

По предложению Международного симпозиума по немецкой культуре на территории Европейского Северо-Запада, существующего с 1995 года, его четвертое заседание, посвященное юбилею Санкт-Петербурга, предполагается провести в Российской национальной библиотеке. Тема заседания «По дороге в Санкт-Петербург: Любек, Хельсинки, Таллинн и Город царей» отразит связи Санкт-Петербурга со странами Балтики в период первых двух столетий его истории.

Выставка материалов из фондов РНБ «Графика русского конструктивизма. Утопия плакатов» в феврале открылась в японском городе Кавасаки (близь Токио), в дальнейшем она побывает в других

городах страны Восходящего Солнца — Ямагата, Хамамацу и Ниигата.

Совместно с посольством Португалии в РНБ прошли мероприятия, посвященные одному из португальских энциклопедистов — Рибейро Санчесу, значительное время служившему в России. Была открыта выставка, прошла международная конференция, состоялся концерт португальского гитариста Педро Калдейра-Кабрала.

Посольство Канады подарило РНБ средства для оборудования лингафонного кабинета в Юношеском читальном зале, что значительно расширило спектр услуг, предоставляемых молодому поколению.

Материалы, посвященные юбилею Санкт-Петербурга, РНБ представляла на крупнейшей международной книжной выставке-ярмарке в Лейпциге и представит в октябре во Франкфурте на Майне (Германия).

Непосредственное участие в подготовке сюрприза к юбилею города от Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга им. М. И. Глинки принимают специалисты отдела нот и звукозаписей РНБ, которые нашли редкую партитуру оперы французского композитора Гретри «Петр Великий», изданную в 1790 году в Париже. Ранее эта опера в России не исполнялась. Теперь она поставлена в Москве. Партитура, предложенная также дирижеру и художественному руководителю Капеллы А. В. Чернушенко, была встречена с большим интересом, и сейчас готовится концертная постановка оперы.

Перечисленные мероприятия хотя и не исчерпывают всего круга деятельности библиотеки, но показывают, что РНБ по-прежнему стремится быть одним из ведущих духовных центров России.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ НАРОДОВ РОССИИ в XX веке

Фундаментальные работы в области изучения народного костюма практически всех регионов России позволяют констатировать сохранение традиционного характера одежды у многих этносов вплоть до 1920—30-х годов и даже до середины XX в., что может быть объяснено определенной системой жизнеобеспечения, консервативностью жизненного уклада крестьянства, устойчивостью связанных с ним обычаев, передававшихся из поколения в поколение¹. Вместе с тем, неоспоримым фактом является и то, что начало XX века следует рассматривать как точку отсчета для проявления новых тенденций в жизни российского общества, коснувшихся почти всех областей жизни (политики, экономики, культуры), в том числе и костюма. Причем, если XVIII—XIX вв. — время, когда европейская мода сыграла огромную роль в формировании российского городского костюма, то XX век, особенно его вторая половина, существенным образом повлияли на судьбы традиционной одежды, которую продолжали носить в сельской местности.

Системное изучение народной одежды русских, населения Юга и Юго-Запада, а также Северо-Запада России, традиционный костюм народов Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа, включая рассмотрение конструктивного, функционального и семантического планов костюма позволяет констатировать наличие целостной модели, интегрирующей универсалии старой картины мира. Поскольку в традиционной культуре господствовал «мир вещей», которые были призваны не только включать их в символический контекст культуры, но и раскрывать его своеобразный синтаксис, то составляющие традиционной одежды продолжали выступать в качестве образного языка культуры.

В связи с тем, что знаковые функции одежды, ее семантический статус должны были быть верно «прочитаны» и в XX веке как человеком, существующим в данной традиции, так и его окружением, то народный костюм маркировался и расшифровывался (считывался) не

только индивидом, но и всем обществом, коллективом. Это обстоятельство подчеркивало социокультурную функцию традиционной одежды, позволявшую включать человека в пространство современного социума.

Являясь частью культурного пространства человека, традиционная одежда отражала изменения в его существовании на уровне представлений о ней либо на функциональном уровне. Поэтому при рассмотрении народного костюма как возможной структуры традиционного комплекса одежды, последняя, с одной стороны, оказывалась пространством, в котором разворачивалось бытие человека, а с другой — в нем происходила трансформация форм одежды, являющаяся следствием действия многообразия культурных кодов, прочтение которых требовало определенных знаний. Следует признать, что сохранение традиционной одежды в XX веке связано прежде всего с ритуалами жизненного цикла, которым соответствует «родины — свадьба — похороны»².

Маркировочная функция на уровне конструирования и декорирования костюма достигала своего максимума в свадебной одежде, в то время как в начальном (родины) и конечном (похороны) моментах жизненного цикла количество этномаркированных компонентов было минимально. Семиотический (знаковый) характер народного костюма характерен для традиционной одежды любого этноса, поскольку в опосредованном виде он всегда выражал определенные этнические традиции, посредством которых проявлялась индивидуальность конкретного носителя.

Особенностью традиционного народного костюма всегда являлась его комплексность. К началу XX в. у значительного числа народов России многие компоненты по-прежнему имели свое назначение и были обязательной составной частью конкретного целого. Вместе с тем, активно внедрялись новые элементы, в первую очередь ткани фабричного производства и различные аксессуары.

Способы ношения и соединения составных частей одежды, варьирование элементов зависели от времени года, жизненных ситуаций, связанных с трудом, бытом, праздниками, обрядами и, практически всегда, выражали локальную специфику, придавая своеобразие народному костюму. Исследования показали, что в зависимости от функциональных характеристик и других критериев одежда продолжала и в течение XX в. подразделяться по полу и возрасту, была повседневной и праздничной, отличалась по типу, общему стилю и характеру украшений. Выступая знаком половозрастного и семейного статуса, традиционный костюм опосредованно связывал человека с природой. Он служил своего рода границей между телом (микрокосмосом)

и миром (макрокосмосом). Семиотический характер сказывался и в том, что разрезы, края рукавов, подол, пояс продолжали отделывать вышивкой или тканью контрастного цвета, которые прежде имели значение оберегов.

Важным является и мнение о том, что наибольшую стабильность у этносов России сохраняли ритуальные костюмы, праздничная и свадебная одежда, максимально сохранявшие свои семиотические функции. Отношение к ним было особенное: их богаче украшали, тщательнее хранили, передавая зачастую из поколения в поколение. Праздничный костюм был всегда тесно связан с эстетическими представлениями каждого народа. Кроме того, он обладал знаковой функцией, отмечая социальную, этническую и возрастную принадлежность человека. Большое значение придавалось и атрибутам костюма.

На территории европейской части России в начале XX в. крестьянскую одежду восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов), а также молдаван, народов Прибалтики, Поволжья и Приуралья продолжали шить из льняной, конопляной и шерстяной ткани домашнего изготовления. Материя отличалась по цветовой гамме, орнаменту, хотя уже с конца XIX века в крестьянской среде, как указывалось, достаточно широко использовались и фабричные ткани.

Одежду по-прежнему украшали узорным тканьем, яркой вышивкой и кружевом. Для каждого народа был типичен свой набор элементов и покрой костюма, своеобразная орнаментация, излюбленные цветовые сочетания и декоративные приемы. Важной составной частью одежды этих народов была рубаха, поверх которой надевали плечевую или поясную одежду. Русские женщины северных и центральных районов носили сарафан (рис. 1), в южных районах — юбку или поневу. Поясная одежда «плахта» бытовала у украинцев. Белоруски поверх рубахи надевали клетчатую юбку «андарак». Народы Прибалтики носили полосатые юбки. В одежде народов Поволжья (мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей) длинная белая рубаха, преимущественно туникообразного покроя, оставалась основной частью костюма, с которым носили массивные украшения из монет, бисера, кораллов и раковин «каури» (рис. 2). У татарок и башкирок цветное платье-рубаха шилось с кокеткой и оборками. Практически у всех народов европейской части России обязательными атрибутами женского костюма в 1910—1920-е гг. были передник, пояс и своеобразный головной убор.

Мужской костюм, который значительно раньше был урбанизирован, состоял из рубахи, штанов и головного убора. Обувь как женскую, так и мужскую делали из кожи или плели из бересты.

Коренное население Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. было представлено более чем 30 народностями, каждая из которых

Рис. 1. Сарафанный комплекс с передником. Рязанская губерния. Русские. Конец XIX—начало XX в.

Рис. 2. Праздничный костюм замужней женщины. Казанская губерния. Марийцы. Вторая половина XIX в.

имела специфику, выраженную в материальной и духовной культуре, в том числе в одежде. Природно-климатические условия и особенности хозяйственной деятельности нашли отражение в своеобразии типов народного костюма и тех материалов, из которых они изготавливались (разнообразные меха, кожи животных, рыб и т. д.).

Так, скотоводы и земледельцы Южной Сибири в весенне-летний период носили распашную одежду, подпоясанную кушаком, а зимой — длинные теплые шубы. Жители Северной Сибири — оленеводы и охотники на таежного и морского зверя — надевали двухслойную меховую одежду с капюшоном. У народов Дальнего Востока костюм включал орнаментированный халат с застежкой на боку, сшитый зачастую из рыбьей кожи. Обувь население этого региона выделывало из меха, ровдуги (грубой замши) и кожи.

Как и у других этносов, одежда сибирских народов первоначально, кроме основной функции — укрытия тела, выражала и различные анимистические представления. Население края в начале XX в. продолжало верить в возможность влияния сверхъестественных сил на тот или иной материальный предмет или явление, доверяя этот контакт специальному посреднику — шаману. Связь с духами-предками отразилась и в самом костюме шамана — наплечной одежде с многочисленными подвесками и причудливом головном уборе. Так, некоторые шаманские костюмы воссоздавали образ зверя-птицы. У эвенкийского шамана, например, на плечах укреплялся зубчатый железный рог «небесного оленя», а на голове — железная «корона» с выкованными рогами.

В материале и декоре одежды народов Средней Азии и Казахстана в начале XX в. остро выступали имущественные и социальные различия. Например, пастухи, ремесленники, земледельцы продолжали использовать для костюмов грубую домотканину, дешевый ситец. В семьях богатых скотоводов и земледельцев, феодальной знати предпочитали одежду из бархата, замши, шелка и других дорогих материалов. При этом костюм обильно украшали золотым шитьем, разнообразной вышивкой, ювелирными изделиями. Основу женского костюма народов Средней Азии составляли яркой расцветки платье-рубаха на кокетке и длинные штаны. Верхней одеждой служил халат. Разнообразием отличались головные уборы. Жительницы городов — узбечки и таджички — продолжали носить в начале XX в. накидку-паранджу, которая закрывала фигуру женщины с головы до ног. Женский костюм обязательно дополнялся украшениями. Одеждой мужчин были рубаха и штаны, поверх которых надевали распашной стеганый халат, в качестве головного убора служила тюрбетейка. Обувь разного фасона делали из кожи.

На сравнительно небольшой территории Кавказа проживало свыше 50 народов и народностей, одежда которых также была обусловлена своеобразием исторического развития, соответствовала климатическим условиям края. Изготавливалась она в начале XX в. как из тканей домашнего, так и фабричного производства. Детали костюмов украшали вышивкой, аппликациями, нашивными пуговицами, монетами и пр. Обязательным атрибутом мужского костюма многих народов Кавказа было оружие. Женский костюм у кавказских народов было принято дополнять разнообразными, преимущественно серебряными, ювелирными изделиями работы местных мастеров.

Основу женского комплекса целого ряда кавказских народов составляла рубаха, поверх которой надевали распашное платье, стянутое поясом. Самобытные и древние черты отличали одежду жителей горной Грузии, в частности, хевсуров. Множество вариантов было и в одежде армянок, что объяснялось сложностью исторических судеб этого народа. Азербайджанки носили короткие кофты и широкие пестрые юбки. Непременным атрибутом женщины-мусульманки в городе начала XX в. было покрывало-чадра, которой закрывались выходя на улицу. Мужской же костюм, состоявший из кафтана-бешмента, штанов, верхней одежды — черкески и мехового головного убора — папахи, в конце XIX века получил распространение почти у всех народов Кавказа, превратясь в так называемый общекавказский тип одежды.

Вместе с тем, анализируя изученную ситуацию, следует отметить, что своеобразная традиционная одежда, используемая разными этносами России в повседневной жизни на протяжении столетий, в одних местах почти исчезла в 1920—1930-е годы, в других — к середине XX века, в третьих — к концу нашего столетия. При этом несомненно, что до конца XX века «дожили» костюмы, использовавшиеся по назначению в традиционной культуре у значительного числа народов. Так, для семейной обрядности, особенно свадебной, в 1950—1970-е гг. характерно использование наряду с белым платьем национального костюма (Западная Украина, Молдавия, некоторые южнорусские деревни и т. д.). Широко известно в 1960—1980-е гг. применение народного костюма в сочетании с масками и другими аксессуарами при проведении празднеств календарного цикла (Новый год у украинцев и молдаван, Масленица у русских, праздник урожая у народов Северного Кавказа и др.). Обязательными остаются праздничные костюмы при проведении таких праздников у народов Сибири, как Сурхарбан у бурят, Иссыях у якутов, Суглан у эвенков, коряков (рис. 3) и пр.

Зафиксированы были и случаи «воскрешения» по каким-либо причинам тех или иных элементов одежды, вновь ставших на время массовыми (например, в период войны изготовление домотканины для хевсурских костюмов, традиционных видов обуви в Белоруссии и пр.). Однако в некоторых регионах традиционный костюм сохранился до конца XX в. Это — Крайний Север, отдельные районы Сибири, Средней Азии, Кавказа. Бытование здесь народной одежды объясняется влиянием географической среды и характером производственной деятельности. Так, в условиях сурового Севера охотники-оленоводы продолжали в зимний период носить костюмы из оленьих шкур. Сохранялась традиционная производственная одежда и на Кавказе, где по-прежнему были незаменимы бурка из овечьей шерсти, папаха и башлык, составлявшие комплект табунщика. В значительной степени бытовали элементы традиционного костюма в регионе Средней Азии и Казахстана. Особенно стойко сохранялась женская национальная одежда в Узбекистане. Платье из многоцветного шелка с абровым узором, бархатный жилет, вышитая тюбетейка — таковым был наиболее популярный в 1960—70-е гг. как в городе, так и в сельской местности костюм узбечки. Тюбетейка во второй половине XX в. стала символом населения Средней

Рис. 3. Праздничная женская одежда. Корякский автономный округ. Коряки. 1970-е гг.

Азии. Интересно, что в 1950—60-е гг. этот головной убор стал интернациональным, его носили в разных районах России.

Таким образом, рассмотрение семиотического статуса традиционной одежды народов России показало, что и на протяжении XX века он оставался достаточно высоким, о чем свидетельствуют сохранившиеся целиком (либо в измененном виде) ритуалы жизненного цикла. При этом маркировочная функция была максимальна в свадебном костюме и минимальна в родильной и похоронной одежде. Важным моментом следует считать и то, что изменения в традиционном костюме практически всегда начинались со смены материала, и лишь затем касались конструкции и декора платья.

В течение всего XX века продолжала существовать региональная специфика народного костюма, обусловленная зависимостью от климатических условий и хозяйственно-культурного типа деятельности того или иного этноса. Это особенно ярко проявилось на территории Крайнего Севера, отдельных районах Сибири, Средней Азии и Кавказа.

В результате проведенной нами работы были изучены и описаны основные типы традиционной одежды сельского населения России, бытовавшие в XX веке (при этом рассматривались костюмы тех регионов, которые входили в состав бывшей Российской империи и СССР). Анализ изменений, происходивших с народным костюмом в течение столетия, позволил прийти к выводу о том, что в результате социокультурных процессов этнические особенности в повседневной одежде исчезли в основном в 1920—1930 гг., но продолжали существовать у многих этносов в праздничном костюме до 1960-х гг. Особую стабильность, вплоть до конца века, сохраняла ритуальная одежда, для которой были характерны такие важные черты, как комплексность, приверженность традиционным материалам, определенная цветовая гамма и специфический декор.

Основными приверженцами народного костюма (или его частей) всегда являлись пожилые люди. Вместе с тем, с 1920-х годов значительно усилился интерес в европейском, а затем и советском моделировании к традиционной одежде, ее конструктивным и декоративным особенностям. Выросло целое направление, выразившее модные устремления следующих поколений — фольклорный стиль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX—нач. XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 543—757; Прыткова Г. Н. Одежда народов Сибири. Л., 1960; Гаген-Торн Н. И. Одежда народов

Поволжья. М., 1961; *Романюк М. Ф.* Белорусская народная одежда. Минск, 1981; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1985; *Николаева Т. А.* Украинская народная одежда. Киев, 1987; *Волкова Н. Г., Джавахишвили Ю. Ю.* Бытовая культура Грузии XIX—XX вв. М., 1982; *Патрик А.* Армянский костюм с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1983; Одежда народов Средней Азии. М., 1982, 1989 и др.

² *Байбури А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 38—41; *Лысенко О. В.* Метаморфозы одежды в хаосе архаичных форм: модель формирования семантической структуры «народного костюма» в восточнославянской этнокультурной традиции XIX—XX вв. // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 24—26 февраля 1999 г. СПб., 1996. Вып. 2. С. 81—100.

О СВОЕОБРАЗИИ РУССКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня, несмотря на многообразие фактических сведений исторического и литературоведческого характера, в библиотековедении нет не только какой-либо общепринятой схемы библиотечного процесса, но и описания динамики движения книги в древнерусском обществе. Казалось бы, эту проблему можно решить в настоящее время, так как ученый теперь работает без запретов, не стеснен никакими внешними обстоятельствами. Однако на каждом шагу ему приходится считаться с труднопреодолимым мнением, устоявшимися традициями подачи материала в научной литературе.

Существует когорта выдающихся русских книжников, деятельность которых широко известна: Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Иларион... О тех же, чьими трудами пополнялись библиотеки не только Киева и Новгорода, но многих монастырей и княжеских усадеб, т. е. писцах, переводчиках, писателях, мы знаем очень мало. Выявление новых данных, нахождение новых имен в процессе изучения жизни старых библиотек, или, как их называл академик Н. К. Никольский, «умственных центров», будет продолжаться. Но я не собираюсь писать свой вариант библиотечной истории.

В данной статье мне хотелось бы обосновать тезис, в соответствии с которым на Руси с зарождением библиотечного процесса появляется особый феномен в сфере культуры, а именно русская библиотечная культура. Как свидетельствуют источники, формировалась она весьма своеобразно, ориентируясь не только на развитие литературы, но исходя из общих проблем русской истории и истории русской культуры. Чтобы более четко представить читателю ход моих рассуждений, приведу два отрывка из работ, относящихся к заявленной теме. Первый отрывок взят из статьи малоизвестного современному читателю русского филолога П. М. Бицилли «Трагедия русской культуры»^{1*}.

* Здесь и далее цифры отсылают к списку литературы, помещенному в конце статьи.

«То, что Россия отстала от Европы в своем развитии и потом должна была наспех догонять Европу, было величайшим несчастьем, поскольку дело идет о Цивилизации, поскольку же дело идет о Культуре, — это было величайшим даром судьбы: и у культуры есть свой прогресс, особого рода, — без закономерности, без прямолинейности, без необходимости осуществления сознательно поставленных целей, — состоящий в накоплении результатов духовного опыта, в обогащении запаса духовных стимулов и творческих возможностей... Культура по своей природе трагична, и потому ей несвойственно протекать безмятежно, идилически, без препон и опасностей: тогда ей грозит уже самая страшная и неодолимая опасность — быть незаметно, исподволь засосанной цивилизацией, как это и случилось последовательно с рядом европейских культур. Очутившись их наследницей, русская культура распорядилась своими богатствами с истинно царственной свободой...»

Чем зрелее культура, тем отчетливее выступает ее трагическая проблематика, тем неотразимее она навязывается сознанию — и тем настоятельнее потребность освободиться от угнетающей дух тревоги...

Исключительная, беспремерная свобода развития русской культуры, ее кажущаяся, внешняя неустроенность, неупорядоченность, наряду с ее предельным совершенством, — все это отнюдь не показатель каких-то неизменных свойств “русской души” (или “ate slave”): культура и есть творимая, становящаяся национальная душа; особенности же ее определяются социологическим строением нации. Для историка культуры только это имеет значение. С точки же зрения философии культуры важно другое. В том, что русская культура, в силу особых свойств строения русского общества, была “чистой” культурой; что Россия оказалась из всех стран европейского — христианского — культурного круга единственной, где культура лишь в малой степени затронула собою цивилизацию и потому не переродилась в цивилизацию; что поэтому она гибнет трагически вместо того, чтобы исподволь угасать в артериосклерозе; что тем самым она облагородила исход европейской культуры и что ее гибель служит залогом мирового Возрождения, невысказанного без великих потрясений, без мучительного осознания трагедии становящегося Духа, — историческая миссия России» (с. 147, 149, 157).

Второй отрывок заимствован из книги современного автора Б. А. Успенского². Он посвящен отношению к светской и духовной власти в России.

«Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию, затем — на Запад. Реформы Владимира Святого, ознаменовавшие приобщение Руси к византийской цивилизации, и реформы Петра I, декларировавшие приобщение России к цивилизации западноевропейской, обнаруживают принципиальное сходство; реформы эти, в сущности, аналогичны по своему характеру — меняется лишь культурный ориентир. В одном случае провозглашается принцип “ex Oriente lux”, в другом — “ex Occidente lux”, однако в обоих случаях ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем. Проблема старого и нового предстает при этом как проблема своего и чужого, культурное развитие осознается как освоение чужого опыта.

Однако, попадая на русскую почву, эти модели обычно получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, — непохожее ни на заимствуемую культуру (т. е. культуру страны-ориентира), ни на культуру реципиента. В результате именно ориентация на чужую культуру в значительной степени способствует своеобразию русской культуры...

В результате ориентации на чужой культурный эталон в Россию приходят те или иные тексты (как в узком лингвистическом, так и в широком семиотическом смысле этого слова), тексты, служащие выражением усваиваемой культурной традиции. Однако эти тексты функционируют здесь вне того историко-культурного контекста, который в свое время обусловил их появление; более того, они и заимствуются собственно для того, чтобы воссоздать здесь соответствующий культурный контекст. Культурная установка, идеологическое задание опережают реальность и призваны собственно создать новую реальность.

Так, в частности, ориентация на византийскую культуру приводит к появлению определенных ритуалов, так или иначе связанных с концепцией власти; ...русские заимствуют ритуал и наполняют его содержанием. Естественно, что это семантическое наполнение не обязательно соответствует исходному содержанию. Так ритуалы, заимствованные из Византии или же созданные в процессе ориентации на византийскую культуру, получают на Руси новый смысл и способствуют формированию новых культурных концептов — в частности, специфических представлений о власти; если в обычном случае ритуалы отражают некоторую идеологию, то в данном случае они, напротив, формируют идеологию» (с. 5, 6, 7).

Цитируемые работы, несмотря на интервал между ними в 65 лет, объединяет идея о том, что своеобразие русской культуры определяется, с одной стороны, «социологическим строением нации» в процессе накопления «результатов духовного опыта» (П. Бицилли), а с другой, по мере его освоения, проявляется, в частности, в форме «специфических представлений о власти ... формируют идеологию» (Б. Успенский).

Обратимся вначале к литературе. Если это так, если эта идея соответствует действительному положению вещей, то ее развитие логично проследить на библиотечном примере, обращаясь к опыту общения русских писателей, писцов и переводчиков с зарубежной книгой, прежде всего с византийской, пришедшей на Русь вместе с христианством. Здесь необходимо пояснить, какой смысл вкладывается мною в понятие «общение с зарубежной книгой». Я понимаю его не упрощенно, т. е. не свожу только к прочтению книги читателем и его реакции на нее, а широко, подразумевая целенаправленный перечень мероприятий, в ходе которых осуществляется:

- выбор для перевода конкретной византийской книги богослужебного или светского содержания заказчиком;
- отбор переводчиков и писцов, владеющих языком оригинала;
- чтение и интерпретация переводчиком чужого текста;
- общение с другими переводчиками и писцами, имеющими опыт перевода;
- подготовка русского перевода;
- оценка качества перевода книги в целом или определенных ее мест на основе читательского восприятия.

Полагаю, что в процессе общения с зарубежной книгой многочисленные писцы, переводчики и писатели, исполнявшие заказы церковной или светской власти, предстают не только свидетелями, но и выразителями своего времени. Добавлю также, что в исследованиях по истории библиотечного дела вопросы общения с «чужой» книгой в Древней Руси специально не изучались. Поэтому к приводимым ниже фрагментам текстов нужно относиться как к иллюстрациям, подтверждающим точку зрения автора. Было бы интересно разыскать в литературе аналогичные исследования по анализу древнерусских текстов невизантийского происхождения и сравнить их с византийскими переводами. Тогда мы имели бы более полную картину общения русских писателей, писцов, переводчиков и читателей с зарубежной книгой.

Вот лишь некоторые факты, почерпнутые из работ Н. А. Мещерского, М. М. Копыленко, М. В. Бибикова, Д. Е. Афиногенова, З. Г. Самодуровой, О. В. Творогова, свидетельствующие об общении

с византийской книгой. Анализируемые в этих работах книги представляют особый интерес, так как имеют повествовательный характер и по содержанию не относятся к памятникам церковно-богослужебной письменности. Важно и то, что отдельные переводные произведения значительно больше по своему объему, чем оригинальные, и сохранились в многочисленных списках.

Исследования Н. А. Мещерского посвящены сравнению языка славянских переводов с языком их греческих оригиналов. Одна из его работ связана с анализом «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, иудейского историка I в. н. э.³. Вот что пишет Н. А. Мещерский:

«Это выдающееся произведение мировой литературы, написанное автором-евреем на греческом языке для римских читателей, громадное по содержанию и объему, было широко известно и распространено во всех европейских странах в эпоху средневековья и неоднократно переводилось на языки западных и восточных народов. С большим мастерством оно было переведено и в Киевской Руси. Перевод был осуществлен не позднее начала XII века, причем с значительной долей вероятности можно предполагать, что перевод не должен быть моложе второй половины XI в. ...

Перевод был сделан, бесспорно, с греческого языка и соответствует той же самой редакции "Истории Иудейской войны", которая представлена в сохранившихся до нашего времени греческих списках XI—XV вв. ...

Однако в отличие от ряда других переводных произведений славянской письменности, которые слово в слово воспроизводят свой подлинник, перевод "Истории" был сделан с редкой для того времени стилистической свободой. Переводчик не только по своему выбору и разумению сокращал и упрощал текст переводимого им произведения, но и вносил дополнения. Одни из этих дополнений касаются содержания и приводят новые сведения об излагаемых в тексте событиях, другие носят главным образом стилистический характер. С их помощью переводчик достигал большей выразительности, делал свой труд ясным, понятным и доступным как по содержанию, так и по языку для своих современников. Именно поэтому перевод "Истории" и должен рассматриваться как один из важнейших литературных памятников переводной письменности Киевского периода, как один из ценнейших источников для изучения древнерусского литературного языка...

Древнерусский переводчик "Истории" оставил в своем труде многие слова подлинника без перевода. Подобного рода лек-

сические грецизмы уже давно вошли в словарный состав славянских языков в результате издревле существовавших связей между греками и славянами... Это прежде всего слова церковно-религиозного характера, например ангель, апостоль, архиерей, евангелие, псалтырь и т. п.; грецизмы "дискось", "потирь" в переводе появляются только тогда, когда рассказывается о храмовых богослужебных сосудах. Слово "ковчег" переводится "кивоть", когда речь идет об известном читателям из Библии событии: о пленении сирийцами так называемого "Кивота завета", храмовой святыни древних иудеев. Слова "кесарьствие", "кесарьство", "кесарьствати" также употреблены переводчиком вполне уместно и кстати, поскольку во всех случаях повествуется о власти и правлении именно римских императоров — "кесарей".

...Заимствованиям из греческого языка, — заключает Н. А. Мещерский, — принадлежало значительное место в лексике древнерусского литературного языка. Эти заимствования, поскольку русские авторы ими свободно пользовались, сыграли положительную и прогрессивную роль в истории русского языка. Они обогатили наш язык не только обозначениями многих отвлеченных понятий, которыми беден был язык славян на первоначальной ступени своего развития, они способствовали выработке разветвленной системы синонимов и других изобразительных средств» (с. 246, 247, 260).

Еще один любопытный факт общения с книгой, касающийся «Истории Иудейской войны». В тексте на с. 253—254 помещен рассказ об ученых занятиях ессеев — представителей одной из главных сект в иудаизме. «Древнерусские читатели, — отмечает Н. А. Мещерский, — с особым вниманием изучали эти страницы, находя в древних ессеях прообраз современного им монашества. Из перевода же можно заключить, что старинные книги, которые так настойчиво разыскивали и «испытывали» ессеи, — это естественнонаучные и историко-географические труды, приносящие пользу душе и телу»⁴.

Интуиция не подвела древнерусских читателей, они были на правильном пути, обращаясь за подобными знаниями к Византии. Одним из основных источников естественнонаучных знаний византийцев были труды античных мыслителей, в которых разрабатывались математические и натурфилософские проблемы, и их ранневизантийских комментаторов. Как показывают исследования последних лет, курс обучения для жителей империи слагался из дисциплин литературного (тривиума) и научного (квадривиума) цикла⁵. В состав научного цикла входило изучение арифметики, геометрии, музыки, или гармонии, астрономии и физики. Усвоение этих предметов способствовало

усовершенствованию разума, т. е. развитию познавательных способностей и логического мышления.

В IX—X вв. в Византии появился ряд работ математического характера. К ним относятся сочинения Льва Математика: например, лекция об Евклиде, в которой он впервые для выражения арифметических отношений использовал буквы вместо цифр, и труды Михаила Пселла, в частности его трактат «О числах». Среди других ученых назову диакона Михаила Анхиала, который в основу своего преподавания положил изучение трудов Аристотеля, объясняя студентам его логику, диалектику, физику, метафизику, астрономию и метеорологику. До наших дней в большом числе сохранились списки учебника по космологии и географии Евстратия Никейского. Как теперь установлено, при его создании автор опирался на естественнонаучные трактаты Аристотеля и сочинение Клавдия Птолемея, а также на произведения Эмпидокла, стоиков и других мыслителей древности.

Обстоятельный анализ византийских научных источников VII—XII вв., проведенный З. Г. Самодуровой, показывает, что знания о явлениях окружающего мира очевидцы той эпохи могли получить, читая и изучая труды античных мыслителей, оригинальные трактаты ученых, своих современников, учебные руководства по предметам квадривиума, богословские и литературные произведения или посещая занятия профессоров по математике, естествознанию и физике⁶.

В контексте опыта общения древнерусского читателя с зарубежной книгой обратим внимание еще на одну публикацию З. Г. Самодуровой, где затрагивается вопрос о малых византийских хрониках⁷. «Эти хроники, распространенные на Западе, Востоке и среди славян, — пишет автор, — представляют собой хронологические таблицы, состоящие из кратких заметок с указанием числа лет, прошедших от одного события до другого, и числа лет правления царей. На Руси такие хроники назывались “летописцами вскоре”, “летописцами вкратце”, “летописцами вборзе”. До нас дошло значительное их количество».

Проанализировав содержание малых хроник, З. Г. Самодурова заключает:

«...в кратких хрониках популярно и сокращенно излагалась “всемирная история”. Эти малые хроники были как бы историческими справочниками, которые были доступны широким кругам грамотного византийского населения, давали общее представление об истории (в понимании средневекового человека) и удовлетворяли требования византийских читателей в знании истории... а именно: годы жизни потомков Адама, время правления судей Израиля, иудейских, персидских, египетских, римских и византийских царей, — т. е. те сведения, знать которые

было необходимо каждому образованному византийцу. [Они] были своего рода школьными пособиями... [и] могли быть написаны учителями или учениками школ византийского периода и греческих школ, сохранившихся под властью турок... Небрежность письма, беглость начертаний, обилие сокращений, стремление поместить на небольшом пространстве большое количество текста свидетельствуют о том, что владельцы этих сборников писали для себя. Поэтому они стремились использовать каждый свободный лист и материал излагали кратко, выбирая то, что являлось, по их мнению, самым главным» (с. 146—147).

Возвратимся снова к памятникам переводной литературы, созданным в Древней Руси. Среди них «Александрии» (конец XI—начало XII в.) принадлежит особая роль. Как отмечал академик А. С. Орлов: «История Александра стала одной из мировых книг и всегда нисходила до массового обихода»⁸. Степень близости литературного языка к живой разговорной речи всегда зависит от жанра. В условиях средневековья биографическая повесть с элементами фантастики, несомненно, должна была быть жанром, наиболее понятным народу и максимально приближенным к народной речи по своему языку. В этом отношении «Александрия» превосходит не только богослужебную и житийную литературу, но также и исторические хроники. Она оказала влияние на стиль, метафоры и художественные формулы многих памятников древнерусской письменности, в том числе и летопись XIII или даже XII вв.⁹

Исследования М. М. Копыленко, посвященные синтаксическим конструкциям «Александрии», дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника¹⁰.

Аналогичному анализу М. М. Копыленко подверг перевод «Хроники» Георгия Амартола¹¹. Это же сочинение стало объектом литературоведческого исследования Д. Е. Афиногенова¹². Он подчеркивает, что популярность хроники у средневекового читателя доказывается, в частности, большим количеством сохранившихся рукописей (более 30), а также тем, что памятник был переведен уже в X—XI вв. на славянский и грузинский языки, причем приобрел широкую известность и на Руси — именно «Хронику» Георгия использует Нестор в исторической части «Повести временных лет». Кроме того, этот материал активно изучали позднейшие историки — «оттуда черпали почти все позднейшие хронографы»¹³.

Наконец, отмечу еще одну современную коллективную работу, связанную с подготовкой академического издания «Изборника» Свя-

тослава 1073 г. По замыслу авторов эта публикация включает в себя и греческий текст византийского источника. Серию статей по выявлению греческого прототипа славянского «Изборника» написал М. В. Бибииков¹⁴. Изучив путем пословного сличения текстов десять греческих рукописей, которые представляются списками византийского оригинала, он приходит к такому заключению: 1) прототип славянского «Изборника» обрел свои достаточно устойчивые формы уже на византийской почве и 2) формирование сборника в том виде, в каком он был положен в основу славянского перевода, следует датировать временем правления Константина VII Багрянородного, но во всяком случае до 17 декабря 920 г.¹⁵

В отличие от широко распространенных переводных сочинений, часть из которых упомянута выше, внимание О. В. Творогова привлекли четыре сборника XII—XV вв. В составе изученных им 34 сборников были: жития, выписки из патериков, апокрифические сочинения, гомилии, праздничные и учительные толкования, фрагменты из вопросно-ответной литературы и даже фрагменты из перевода «Хроники» Георгия Амартола¹⁶. «Именно такие сборники, — подчеркивает О. В. Творогов, — предназначены для индивидуального чтения (как можно судить по их составу и по взаиморасположению входящих в них памятников), дают возможность судить о читательских интересах их владельцев и переписчиков: отбор жанров, памятников, повторяемость определенных текстов — все это важные свидетельства для суждения о круге чтения древнерусских книжников XII—XIV веков»¹⁷.

По результатам его анализа соотношение своего и чужого решается в пользу последнего. Это, как можно теперь утверждать, был процесс естественный, поскольку произведения переводной литературы уже в XI—XII вв. разошлись по всем книжным центрам и оказались более конкурентоспособными сравнительно с русскими поучениями. Важно другое. Рядом с ними создавались оригинальные русские жития, повествовавшие о духовных подвигах соотечественников. «Первые русские жития (анонимное житие Бориса и Глеба, «Чтение о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского», написанные Нестором) убеждают нас в том, — заключает О. В. Творогов, — что древнерусские книжники в совершенстве овладели сюжетным инструментарием византийской агиографии, которую достаточно хорошо знали, и смогли создать в то же время самобытные и высокохудожественные произведения»¹⁸.

Полагаю, что приведенного материала достаточно, чтобы согласиться с тем, что литература XI—XIII вв. была важнейшим источником формирования русской библиотечной культуры. Перейдем те-

перь от литературы к общим проблемам русской истории и истории русской культуры. При этом необходимо помнить, что древнерусская книжность была единственной формой передачи знания, а книжник выступал в ней еще и как идеолог.

Рассмотрим, как проявлялось «накопление результатов духовного опыта» (по терминологии П. М. Бицилли) в отношениях церковной и светской власти. Это важно потому, что сама проблема взаимоотношения двух видов власти была задана русской культуре и русской истории ситуацией принятия христианства и крещения Руси князем Владимиром. В сочинениях того времени все авторы положительно оценили происшедшее. Красной нитью проходит в них тема одобрения союза церковной и светской власти.

«И совершив сие, [Владимир] ... простерся далее, повелев и всей земле (своей) креститься во имя Отца и Сына и Святого духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного — противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему (сие), ибо благочестие его сопряжено было с властью.

...Ты, ... исповедавший и веру утвердивший в него, не на одном соборе, а по всей земле сей, — и воздвигший церкви Христовы, и поставивший служителей ему. О подобный великому Константину, ... тот покорил Богу царство в еллинской и римской стране, ты же — на Руси: ибо Христос уже как у них, так и у нас зовется царем» (Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона) ¹⁹.

Но только одобрения книжникам недостаточно. В «Повести временных лет» Нестор-летописец, выступая как идеолог власти, приводит сюжет, в котором показаны поддержка и признание князьями церкви.

«В год 1107... месяца августа в 12-ый день... вернулись русские восвояси с победой великой, Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой Богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой Богородицы и великого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонится гробу Феодосиеву и молитву возьмет у игумена печерского, только тогда уже отправится в путь свой...

В год 1108. Заложена была церковь святого Михаила Златоверхая Святополком князем... при Феоктисте игумене... и

стал побуждать Феоктист князя Святополка вписать имя Феодосия в синодик. Богу так было угодно. Святополк же рад был, пообещал сделать так, ибо знал о житии его. И начал Святополк возвещать о житии Феодосиевом и велел вписать его в синодик, что и сделал митрополит — вписал его в синодик. Повелел же митрополит по всем епископьям вписывать Феодосия в синодик. Все епископы с радостью вписали и поминают его на всех соборах»²⁰.

Характер таких отношений между князем и церковью М. С. Киселева называет отношениями «отеческого сотрудничества»²¹. Они существовали на Руси до монгольского нашествия. Причину такого сотрудничества автор видит в нераздельности полномочий, когда обе власти вынуждены действовать параллельно. «До тех пор пока власть была одна (княжеская), ее компетенцию определять было не обязательно. Действовало обычное право. Появление второй власти потребовало разграничения сфер влияния... Поэтому до поры князь и епископ, князь и игумен того монастыря, в который он вносил вклад, слишком тесно связаны общим интересом, имеющим прежде всего политическую природу. Данный интерес и формировал идеологическое служение первых русских книжников», — заключает М. С. Киселева²².

Процесс разделения властей тормозился междоусобными конфликтами и войнами. В этих условиях литературе нужен был положительный пример. Его поиски воплотились в образе князя-миролюбца, придерживающегося «христианского завета послушания старшим». В сказании о Борисе и Глебе есть такой эпизод:

«...Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказали ему дружина: “Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках”. Он же им отвечал: “Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца”»²³.

Непослушание князей ведет к бедам, гневит Бога. Летописные повести о монголо-татарском нашествии дают нам множество примеров²⁴.

«За умножение беззаконий наших привел на нас Бог поганых, не им покровительствуя, но нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Такими карами казнит нас Бог — нашествием поганых; ведь это бич его, чтобы мы свернули с нашего дурного пути» (с. 97).

«За грехи наши Бог напустил на нас поганых; ведь Бог, в гневе своем, приводит иноплеменников на землю, чтобы побезжденные ими люди обратились к нему; а междоусобные войны быва-

ют из-за навождения дьявола... Но мы возвращаемся к злодеяниям, как псы на свою блевотину, и как свинья постоянно валяется в греховных нечистотах, так и мы живем» (с. 125).

Здесь необходимо дать небольшой комментарий. Несмотря на то, что татаро-монгольское нашествие резко затормозило развитие древнерусской культуры, оно было не в состоянии изменить общественную функцию Русской церкви и ее учреждений. Это очень скоро поняли преемники Батыея и предоставили православному духовенству право осуществлять духовное руководство, что вылилось в создание самостоятельной епископии в Сарае и получение собственного ярлыка от хана. Не сразу наметились изменения и в структуре иерархии светской и церковной власти, однако эпоха Киевской Руси постепенно уходила в прошлое. «Самостоятельность русской церкви, — подчеркивает М. С. Киселева, — выразилась в том выборе, который был сделан в конце XIII—начале XIV в., времени усиления Ростовского княжества, соперничества Москвы и Твери, а также усобной войны в русских землях. В свое время князь Владимир выбирал веру, теперь же свой выбор делала церковь, рассчитывая на силу и мощь одного княжества среди усобиц и ордынских набегов... Книжники не могли не отразить в своих произведениях эти противоречия. Причем чем более укреплялось Московское княжество, тем настойчивее представлял его интересы книжник как православные и общерусские, а потому освященные церковью»²⁵. Что касается Московского княжества, то о нем написано так много, что я ограничусь ссылкой на заключение историка А. Е. Преснякова: «Величие быстрого роста Москвы, новое ее значение в национальной и международной жизни требовали идейного осмысления. Оно и было выработано в ряде книжных теорий (выделено мною. — В. Л.) церковно-политического и всемирно-исторического характера. Москва, по смыслу этих теорий, занимает высокое место в судьбах христианского мира»²⁶.

Представленный материал, на мой взгляд, дает достаточно оснований для подтверждения тесной взаимосвязи между сформировавшейся русской историей, русской культурой и русской библиотечной культурой и, в частности, духовной и светской властью²⁷. Можно утверждать также, что своеобразие русской библиотечной культуры с момента ее зарождения проявлялось в двух аспектах. С одной стороны, оно нашло отражение в активном использовании русскими книжниками зарубежного опыта и прежде всего византийского, а с другой — в том, что и книжная, и библиотечная культура на Руси изначально развивалась на основе тесных отношений с высшей властью.

Возникает естественный вопрос: как же изучать с учетом этих особенностей библиотечную историю и библиотечную культуру?

Будем исходить из того, что каждая библиотека живет «двойной» жизнью.

Одна — эмпирическая, т. е. реальная, повседневная, бытовая. Ее можно наблюдать, ее можно описывать и изучать. В этом смысле любая библиотека является зеркалом общества, поскольку она отражает существующий во времени уклад жизни. Если задаться целью и пойти по пути выявления и описания возможно большего количества библиотек, состава их книжных собраний, справочного аппарата, то исследователь получит необходимый эмпирический материал для последующего обобщения. В частности, такого рода материал содержится в работах П. К. Симони, Н. К. Никольского и других авторов. К ним обязательно следует добавить специальные исследования XIX в. С. П. Шевырева²⁸ и Н. С. Бокачева²⁹. Эта работа продолжается и сегодня в основном историками и филологами Москвы и Санкт-Петербурга. К сожалению, ей недостает системности, так как отсутствует координационный центр, который осуществлял бы общее руководство, планирование и финансирование между всеми участниками.

Другая жизнь библиотеки скрыта от прямого наблюдения, она протекает глубоко внутри. Познать ее можно только через отношения конкретной библиотеки с властью, с другими библиотеками и учреждениями, изучая их взаимодействие, движение фондов, функции и место в обществе. По сравнению с эмпирическим описанием эта сторона исследований более сложна и находится еще в начальной стадии. Мы располагаем, по сути, только одной обстоятельной работой такого рода. Это исследование Н. Н. Зарубина, опубликованное еще в 1924 г.³⁰ На основе данных 80 описей древнерусских библиотек он проанализировал применение форматного принципа к расстановке книг в книгохранилищах северного и центрального регионов, а также северо-запада и юго-запада. Заслуживает внимания один из выводов, к которому пришел автор: распространение форматного принципа расстановки в русских библиотеках XV—XVIII вв. вызвано «усиленным чтением книг» (с. 229). Это заключение Н. Н. Зарубина содержит для библиотековеда, несомненно, ценную информацию, свидетельствующую о том, что в книгохранилищах функция обслуживания становится основной. Подобные выводы носят долговременный характер.

Из более поздних материалов выделю итоговую статью Н. Н. Розова, в которой описывается довольно разветвленная миграция книг библиотеки Новгородской Софии и делается попытка ее реконструкции³¹.

Возвращаясь к теме о «двойной» жизни каждой библиотеки, подчеркнем, что если исследователь соединит проявления этих двух раз-

ных жизней в рамках одной работы, то результат может оказаться нетривиальным. Но и тогда, естественно, не все будет ясно. Здесь имеется в виду следующее.

В описанной нами ситуации создается теоретическая возможность двойного «прочтения» библиотеки. В одном случае она, являясь конкретным учреждением, выступает субъектом текста и мы изучаем ее как конкретный феномен культуры, в другом — библиотека рассматривается уже в качестве элемента более общей библиотечной системы и анализируется на уровне контекста, в котором реально можно представить ее взаимосвязи и отношения. Библиотека интересна для исследователя уже не только своими ценными изданиями, но и связью с другими библиотеками. В таком взаимодействии она проявляется как составная часть библиотечного процесса со своим ритмом, динамикой, движением, ощущениями, которых нам очень недостает в наших историко-библиотечковедческих исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья вышла в свет в 1933 г. в журнале «Современные записки» (№ 53. С. 297—309). В 1990 г. ее опубликовал журнал «Русская литература» (№ 2. С. 134—154). Я цитирую работу П. М. Бицилли по изданию 1996 г. См.: *Бицилли П. М. Трагедия русской культуры // Избр. тр. по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 147—157.*

² *Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1988. 680 с.*

³ *Меццерский Н. А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка: По материалам переводных произведений Киевского периода // Византийский временник. Т. 13. М., 1958. С. 246—261.*

⁴ *Меццерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 492.*

⁵ См. подробный цикл статей по этой теме: *Самодурова З. Г. К вопросу о характере источников естественнонаучных знаний в Византии в VII—XII вв. // Византийский временник. Т. 53. М., 1992. С. 62—70; Т. 54. М., 1993. С. 49—61; Т. 55 (80). Ч. 1. М., 1994. С. 127—131.*

⁶ *Самодурова З. Г. К вопросу о характере источников естественнонаучных знаний в Византии в VII—XII вв. // Византийский временник. Т. 55 (80). Ч. 1. М., 1994. С. 131.*

⁷ *Самодурова З. Г. К вопросу о малых византийских хрониках. По рукописям московских собраний // Византийский временник. Т. 21. М., 1962. С. 127—147.*

⁸ *Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 9.*

⁹ *Орлов А. С. Указ. соч. С. 12.*

¹⁰ *Копыленко М. М. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы: Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Александрии» // Византийский временник. Т. 16. М., 1959. С. 82—91.*

¹¹ *Копыленко М. М.* Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола // *Византийский временник*. Т. 12. М., 1957. С. 232—241.

¹² *Афиногенов Д. Е.* Композиция «Хроники» Георгия Амартола // *Византийский временник*. Т. 52. М., 1991. С. 102—112.

¹³ *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч. С. 102.

¹⁴ См., напр., список литературы к статье: *Бибиков М. В.* Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. // *Византийский временник*. Т. 53. М., 1992. С. 106—123.

¹⁵ *Бибиков М. В.* Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. (окончание) // *Византийский временник*. Т. 54. М., 1993. С. 106.

¹⁶ Характеристика состава этих сборников дана в статье: *Творогов О. В.* Древнерусские четыри-сборники XII—XIV вв. Статья первая // *Тр. Отд. древнерус. лит.* Т. 41. Л., 1988. С. 197—214.

¹⁷ *Творогов О. В.* Свое и чужое: Переводные и оригинальные памятники в древнерусских сборниках XII—XIV веков // *Рус. лит.* 1988. № 3. С. 136.

¹⁸ *Творогов О. В.* Свое и чужое... С. 138. См. также об этом: *Творогов О. В.* Древнерусские четыри-сборники XII—XIV вв. Статья вторая: Памятники агиографии // *Тр. Отд. древнерус. лит.* Т. 44. Л., 1990. С. 106—225.

¹⁹ См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI—XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 45, 49.

²⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1... С. 293, 295.

²¹ *Киселева М. С.* Древнерусские книжники и власть // *Вопр. философии*. 1998. № 7. С. 127—147.

²² Там же. С. 130.

²³ См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1... С. 335.

²⁴ Там же. Т. 5. XII в. С. 93—131.

²⁵ *Киселева М. С.* Древнерусские книжники и власть... С. 135—136.

²⁶ *Пресняков А. Е.* Московское государство. 1500—1650 // *История нового времени (1500—1910)*. Т. 1, вып. 14—15 / Под ред. проф. И. Пфлуг-Гарттунга. СПб., 6. г. С. 723.

²⁷ См. также об этом: *Гальдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // *История СССР*. 1975. № 4. С. 60—77; *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 207 с.

Роль книжника расширялась. Он уже не только был учителем, но и давал оценку происходивших событий и деяний высших властей. Вот характерное наблюдение Н. С. Борисова: «Участие митрополичьей кафедры в идейном обосновании политических притязаний и прославлении военных побед московских князей в XIV—XV вв. было минимальным. Основную работу в этой области выполняли придворные книжники и «старцы» московских монастырей, тесно связанные с правящими кругами». (Указ. соч. С. 195—196). Так создавалась новая реальность в отношениях с властью.

²⁸ *Шевырев С. П.* История русской словесности. Часть первая, содержащая введение и столетия IX и X. Изд. 2-е, умноженное. М., 1859. С. XXIX—CX.

²⁹ *Бокачев Н.* Описи русских библиотек и библиографические издания. СПб., 1890. 316 с.

³⁰ *Зарубин Н. Н.* Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. I. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сб. Рос. публ. б-ки. Т. 2. Материалы и исследования. Вып. I. XV—XVII вв. Пг.: Изд-во Брокгауз—Ефрон, 1924. С. 190—229.

³¹ *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.: Наука, 1972. С. 24—47.

◆
**О НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОГРАФАХ
А. И. КУПРИНА ¹**

Общественно-культурная жизнь Петербурга и его окрестностей первых десятилетий XX века была необычайно насыщенной. Богатство и разнообразие литературных, художественных и театральных событий находило отражение на страницах многочисленных периодических изданий. Близость интересов и общий круг знакомств способствовали сотрудничеству поэтов, писателей, издателей, журналистов, артистов, художников. Не случайно именно в Петербурге появились такие различные по творческой направленности художественные объединения, как «Мир искусства» и «Союз молодежи». Зародилась здесь и дягилевская идея проведения за границей «Русских сезонов». Театр-кабаре «Бродячая собака» сменил не менее эксцентричный «Привал комедиантов». Выходили в свет многочисленные журналы. Искусство соседствовало с поэзией. Издательства выпускали произведения как признанных классиков литературы, так и современных авторов. На книги молодых и мало кому известных литераторов тут же откликались периодические издания самых различных направлений. Беседы о литературе и искусстве велись в «башне» Вячеслава Иванова и за столиками ресторанов «Вена» и «Контан».

В этом удивительном городе не могли не встретиться начинающий писатель Александр Иванович Куприн (1870—1938) и молодой журналист Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960). Несмотря на то, что первый был старше на восемь лет и к моменту знакомства имел в литературе имя, это не мешало им сблизиться и на протяжении долгих лет, уже в эмиграции, сохранять дружеские отношения. Если Куприна, благодаря его произведениям и в немалой степени признанию властями, в советское время на родине знали, имя Руманова — влиятельного до революций 1917 г. журналиста, юриста, коллекционера и мецената, подчас замалчивалось или намеренно искажалось; сегодня оно известно лишь специалистам. Информации о нем нет не только в энциклопедических справочниках, но и в большин-

стве публикаций, посвященных Куприну. Исключение составляют, пожалуй, лишь два издания — отечественное: воспоминания и очерки самого писателя, написанные в Париже в период с 1919 по 1934 гг.², и зарубежное: журнал «Время и мы», напечатавший некоторые страницы воспоминаний Руманова. В последнем Куприн упомянут среди друзей журналиста — А. А. Блока, Д. С. Мережковского и В. В. Розанова³. К счастью, в Российском архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и в парижском собрании Д. А. Руманова сохранились не публиковавшиеся ранее документы, позволяющие узнать некоторые подробности взаимоотношений Куприна и Руманова.

О точной дате их знакомства можно лишь предполагать. Вероятно, оно состоялось, в конце 1904 г., когда Руманов — выпускник Петербургского университета — вернулся на родину из Пятигорска, где началась его журналистская деятельность⁴. В Петербурге он устроился в газету «Биржевые ведомости», в которой, как известно, печатал свои литературные произведения Куприн. С «Биржевкой», как ее называли, сотрудничал и близкий друг Руманова, литератор Осип Дымов, которого с Куприным связывала совместная работа в сатирических журналах «Сигналы» и «Зарницы», появившихся после закрытия «Жупела», в организации которого в революционном 1905 г. писатель участвовал наряду с художниками П. Е. Щербовым, Е. Е. Лансере, М. В. Добужинским и И. Я. Билибиным. Одним словом, к началу 1906 г. Куприн и Руманов были знакомы и даже общались семьями. Подтверждает это письмо первой жены писателя, М. К. Куприной-Иорданской, адресованное Руманову. «Многоуважаемый Аркадий Вениаминович, — писала она. — По всей вероятности нам с Алекс<андром> Ив<ановичем> не удастся воспользоваться Вашим любезным приглашением и быть у Вас вечером. Оказалось, что мы уже раньше обещали сегодня обедать у одних знакомых, т. к. обыкновенно обеды очень затягиваются, то у меня весьма мало надежды на то, чтобы попасть к Вам на чтение пьесы. Ужасно жалко, что произошло такое неудобное для нас совпадение. Пожалуйста, передайте мой и Алекс<андра> Ив<ановича> поклон Евгении Львовне»⁵. Евгения Львовна — жена Руманова.

Как следует из письма, чета Куприных была приглашена к Румановым на прослушивание новой пьесы. Кто был ее автором, неизвестно. Им мог быть и упомянутый выше беллетрист Осип Дымов, и поэт, драматург и художественный критик Сергей Рафалович, и переводчица пьес популярного в начале века бельгийского драматурга М. Метерлинка Людмила Вилькина. Все они, включая поэта и художественного критика Сергея Маковского, художника Николая Рериха, поэтов Леонида Семенова (Тян-Шанского) и Леонида Галича (Габ-

риловича), а также режиссера и актера Юрия Озаровского и его жену, актрису Дарью Мусину-Пушкину, являлись членами философско-эстетического кружка «Содружество»⁶. Этот кружок создал одноименное издательство, которое к январю 1906 г. выпустило около десяти книг своих членов — сборники стихотворений, прозы, художественной критики и даже одну книгу по философии метафизики.

Заседания кружка проходили в разных местах. 27 января 1906 г., например, собирались у Румановых. Куприны не были чужды этому сообществу. В издаваемом при их участии журнале «Мир божий» печатали свои стихотворения перечисленные выше поэты. Нередко встречались и в доме у Куприных. Так, поэт Андрей Белый, вспоминая сентябрьские дни 1906 г., писал: «После завтрака двинулись все к Куприну, у жены которого сидел журналист и редактор Ф. Батюшков вместе с Осипом Дымовым <...>; у Куприна мы отобедали; он заставил меня написать на большом деревянном, сплошь покрытом эпитафиями столе на память стихи; уже вечером всею компанией мы на извозчиках, сидючи по трое, шумно поехали к Ходотову, к артисту <...>»⁷. Участники «дружеских посиделок» нередко печатались в одних и тех же журналах и альманахах.

Общим другом Куприных и Румановых был священник Григорий Петров. Куприны познакомились с ним раньше: в 1902 г. он венчал их, а в 1903 крестил дочь Лидию. «[...] венчал нас модный тогда “передовой” поп Григорий Спиридонович Петров, впоследствии расстриженный и сделавшийся журналистом (сотрудником “Русского слова”)»⁸, — вспоминала Куприна-Иорданская.

В петербургское отделение редакции московской газеты «Русское слово» в конце 1906 г. поступил на работу Руманов. Тогда же он подготовил и вскоре издал книгу, посвященную Григорию Петрову и истории его ссылки в Черемнецкий монастырь⁹. Ознакомившись с ней, Петров тут же отправил Руманову письмо. «Дорогой Аркадий Вениаминович! — писал он. — <...> Теперь о книге (биография моя). Вышло очень удачно. Какой чудный, эффектный конец! Если будет возможно, в будущем хорошо бы только сделать меченые поправки и клише другого портрета»¹⁰. Впоследствии дружеские отношения Григория Петрова и Аркадия Руманова продолжились. Оба работали в издаваемом И. Д. Сытиным «Русском слове», где впервые были напечатаны такие рассказы Куприна, как «Искушение», «Попрыгунья-стрекоза», «Винная бочка» и «Святая ложь», а также некролог памяти Джека Лондона. Историю его написания удалось проследить благодаря обнаруженной в архиве телеграмме, присланной Руманову из Москвы 12 ноября 1916 г.: «Умер Джек Лондон. Просите написать Куприна. Если не согласится, не найдете ли другого хорошего автора.

Привет = Пономарев ¹¹». Уже через пять дней статья, написанная Куприным, появилась на страницах «Русского слова» ¹².

Ранее, в 1909 г., иллюстрированный журнал «Искры» — еженедельное приложение к «Русскому слову» — напечатал переданные Румановым шарж «А. И. Куприн. Бывший офицер» (№ 9) и две фотографии, запечатлевшие писателя, «в роли водолаза» (№ 44).

В художественную коллекцию Руманова входил другой шаржированный портрет Куприна — работы Дени (В. Н. Денисова) 1916 г. На нем писатель изображен сидящим за столом рядом с Ф. И. Шаляпиным; оба уже навеселе. Руманову принадлежал и графический портрет Григория Петрова, исполненный Ильей Репиным в 1908 г. ¹³.

А. И. Куприн. Начало 1920-х гг.
Фото

Свидетелями «кипучей творческой жизни» писателей, артистов, журналистов бывали знаменитые столичные рестораны «Вена» и «Капернаум». В первом «Дымов, Куприн, Арцыбашев, Потемкин себя упрямляли в словах» ¹⁴, а во втором, по словам историков, засиживались «сотрудники как солидных и влиятельных “Биржевых ведомостей” и “Петербургской газеты” <...>, так и мелкой прессы» ¹⁵. В центре внимания всегда был душа общества, Александр Иванович Куприн.

Известно, что в большую литературу писатель пришел с «газетной полосы». На страницах периодических изданий юга России 1890-х гг. «рассыпаны сотни его корреспонденций, репортажей, заметок, стихотворений, очерков, фельетонов, литературных рецензий, публицистических откликов на разнообразные события общественной жизни» ¹⁶. И позднее Куприн «охотно и активно» печатался как в российской, так и в эмигрантской прессе.

Осень и зиму 1910 г. писатель провел в Одессе, где работал над «Гранатовым браслетом». «Жил одиноко, скучно и бедно», — вспоминал он спустя годы. «Великим и нежным утешением» для «тоскующего сердца» стали творения Льва Толстого. Как-то читал всю ночь «Казак», душа «трепетала <...>, полная восторга и благодарности», а утром «получил из “Русского слова”, от Руманова, телеграмму» ¹⁷ о смерти Толстого.

А. В. Руманов (слева с телефонной трубкой в руке) и И. Д. Сытин в редакции «Русского слова». Начало 1910-х гг.

Сотрудничая до 1912 г. с «Биржевыми ведомостями» и одновременно работая в «Русском слове», Руманов немало способствовал, чтобы на страницах этих изданий первыми появлялись новые рассказы писателя. Газеты следили за его творчеством, публикуя многочисленные интервью и откликаясь рецензиями на выход книг. Как только был закончен «Гранатовый браслет», «Биржевые ведомости» тут же напечатали восторженную рецензию, отметив, что «на всем рассказе лежит печать прекрасного таланта Куприна»¹⁸.

Вполне возможно, образ Женни Рейгер в этом произведении Куприн создал под обаянием сестер Штембер — популярной пианистки Эммы Штембер и ее сестры, пианистки, Женни Штембер — Евгении Львовны Румановой, жены Аркадия Вениаминовича. Концертируя, сестры имели успех у публики. Именно в великолепном исполнении Эммы Штембер Куприн мог слышать так поразившую его сонату Бетховена «Opus 2, № 2».

Спустя годы, в эмиграции, в Париже, Куприн вместе с Женни Штембер-Румановой участвовал в концертах, литературных вечерах и «литературных утренниках» для детей, устраиваемых редакцией сборников «Дети — детям». Тринадцатое «литературное утро», на

котором присутствовали Н. А. Бутковская, Л. А. Гаршина, Н. Л. Слонимский, М. О. Цетлин (Амари), посвящалось самому Александру Ивановичу. Куприн рассказывал, как стал писателем, а Женни Штембер-Руманова играла на рояле¹⁹. Последний литературный вечер в Париже, в котором принял участие писатель, состоялся 15 марта 1937 г. Он был посвящен «Музе Царского Села». Вступительное слово произнес П. Н. Милюков. В программу вошли отрывки из поэмы «Царское Село» и очерка «Город Пушкина». Куприн прочел «Пушкин у цыган». Женни Штембер-Руманова исполнила «соло на рояле»²⁰.

Вскоре писатель покинул Францию и вернулся на родину, где жить ему оставалось немногим больше года. В 1939 г. умерла Евгения Львовна, а Аркадий Вениаминович, пройдя через все испытания, покинул мир глубоким старцем и мудрецом.

В жизни Куприна и Руманова было нечто объединяющее. Это память об утопающей в душистой сирени маленькой, уютной Гатчине — небольшом уездном городке под Петербургом. В детстве и юности в Гатчине часто бывал Руманов. Там жили его родители, младшие сестры и брат. До женитьбы он и сам жил там, на Багговутовской улице в доме № 3. Позднее приезжал в Гатчину к поэту Константину Фофанову, к тому же Куприну.

С Гатчиной связан и один из самых счастливых периодов в жизни писателя. Ей посвятил он самые лирические страницы своей прозы. О Куприне хранят память несколько гатчинских адресов. До 1906 г. и позже он жил в доме писателя В. А. Тихонова на Багговутовской улице в доме № 5, потом у художника П. Е. Щербова на Елизаветинской, 14, а в мае 1911 г. стал постоянным жителем Гатчины, купив дом на Елизаветинской улице, 19а. В гостеприимном доме Куприна бывали их общие с Румановым знакомые: Ф. Д. Батюшков, И. А. Бунин, А. А. Измайлов, К. И. Чуковский, Ф. И. Шаляпин и многие другие. Среди них были и писатели, чьи произведения вошли в сборник «В год войны», опубликованный в Петрограде в 1915 г.

Сбор от продажи книги предназначался для Союза «Артист — солдату». Идея была «вызвана исключительно желанием принести посильную помощь жертвам войны», — поясняла редакция²¹. Представляя Российское общество писчебумажного дела, содействующее финансированию сборника, Руманов являлся одним из его редакторов. Он и предложил Куприну включить в сборник рассказ «В мертвецкой».

О дружеских взаимоотношениях с Румановым свидетельствует письмо Куприна, которое можно датировать 1916 г.²²: «Прости, Аркадий Веняминович, — 11-й том я не подписал. Пришлю другой,

А. КУПРИНЪ

А. В. Руденко

ЗВѢЗДА СОЛОМОНА

Дорогой
Арадий Великолепный,

Когда мы с Вами и с П. Д.
Светицкий поднимались в автомобиль,
Вас смывала грязь стальных
Временных колесных — ну тогда
Вспомните, что в Восток в Париже
Воду можно набить до самой крыши,
и выгнать? А французский?

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1920 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛИОНЪ“

121 1/2
t
Paris

А. Куприна

Автограф А. И. Куприна на книге «Звезда Соломона»

переброшюрованный, где вместо “Пропасти” будет “Святая ложь”. А<лександр> К<уприн>»²³. Так что, где-то хранятся и подписанные Руманову, и не подписанные, но подаренные ему тома сочинений Куприна.

Трагические события 1917 г. лишили Руманова принадлежащих ему книжного собрания и художественных коллекций. Став эмигрантами, оба — и писатель, и журналист — с грустью вспоминали о Петербурге, о том времени, когда они даже и предполагать не могли, что все так круто изменится. Об этом Куприн и написал на обложке своего первого эмигрантского сборника рассказов — на книге «Звезда Соломона»: «А. В. Руманову <> Дорогой Аркадий Веніаминович, Когда мы с Вами и с И. Д. Сытиным глядели из автомобиля, как сваливали чернь статуй Германского посольства — ну могли ли бы мы поверить, что и вот в Париже я буду делать надпись на моей книге, отпечатанной в Финляндии? 1921 III/II АКуприн Paris»²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает глубокую признательность Е. П. Яковлевой за консультации и предоставленные копии писем из РГАЛИ.

² Куприн А. И. Голос оттуда. 1919—1934. М.: Согласие, 1999.

³ См. предисловие к публ.: Руманов Аркадий. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. Нью-Йорк, Иерусалим, Париж. 1987. (№ 95). С. 212.

⁴ Об этом см.: Перова (Серебрякова) Н. Ю. А. В. Руманов в газете «Кавказские Минеральные Воды». Начало журналистской деятельности // Н. К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры / Сб. ст. Одесса, 2001. С. 163—171.

⁵ Письмо М. К. Куприной А. В. Руманову от 27 января 1906 г. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 1—2.

⁶ О «Содружестве» см.: Яковлева Е. П. Н. К. Рерих и философско-эстетический кружок «Содружество». 1900-е годы // Юбилейные Рериховские чтения. Материалы Международной обществ.-науч. конф. 1999. М., 2000.

⁷ Белый А. Между двух революций. Кн. 3 // Белый А. Воспоминания: В 3-х кн. М., 1990. С. 89.

⁸ За обеденным столом (Воспоминания М. К. Куприной-Иорданской в записи Н. К. Вержбицкого) // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 76.

⁹ Священник Г. С. Петров, член Государственной Думы. Биография и история ссылки в монастырь. С портретами и видами Черемнецкого монастыря / Сост.: А. В. Р[уман]ов. М., 1907.

¹⁰ Письмо Г. С. Петрова А. В. Руманову от 6 апреля 1907 г. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 492. Л. 20.

¹¹ Телеграмма Пономарева А. В. Руманову от 12 ноября [1916]. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 744а. Л. 55.

¹² А. Куприн. Джек Лондон // Русское Слово. 1916, 17 ноября. № 266. С. 2—3.

¹³ Оба ныне в собрании Государственного Русского музея.

¹⁴ *Белый А.* Начало века. Кн. 2 // *Белый А.* Воспоминания: В 3 т. М., 1990. С. 422.

¹⁵ *Фонякова Н. Н.* Куприн в Петербурге—Ленинграде. Л., 1986. С. 88.

¹⁶ *Куприн А. И.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 479.

¹⁷ *Куприн А. И.* Ночные бабочки // *Куприн А. И.* Голос оттуда. С. 614—615.

¹⁸ «Гранатовый браслет». Новый рассказ А. И. Куприна // Биржевые ведомости. 1911 (веч. вып.). 5 января. (№ 12108). С. 3—4.

¹⁹ Последние новости. 1923. 2 июня.

²⁰ Там же. 1937. 15 марта.

²¹ В год войны // *Артист — солдату* / Сб. Под ред. *Л. Ю. Рахмановой* и *А. В. Руманова*. Пг., 1915.

²² 12-томные собрания сочинений А. И. Куприна имели три издания: 1914, 1916, 1917 гг. В 11 том 1914 г. издания вошел рассказ «Пропасть», а в 11 том издания 1916 г. вместо него помещен рассказ «Святая ложь». Следовательно, письмо можно датировать 1916 г.

²³ Письмо А. И. Куприна А. В. Руманову от 1916 г. (атрибуция Е. П. Яковлевой и Н. Ю. Серебряковой) // Письма и телеграммы неустановленных лиц А. В. Руманову. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 728а. Л. 130.

²⁴ *Куприн А. И.* Звезда Соломона. Гельсингфорс: Библион, 1920. Экземпляр, подаренный А. В. Руманову, хранится в собрании его сына, Д. А. Руманова (Париж), которого автор благодарит за предоставленные сведения.

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭЗИЯ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ:
ОТ ВЕКА «СЕРЕБРЯНОГО» — К «АЛМАЗНОМУ»**

Мой коллега по писательскому цеху поэт Владимир Морозов в своей недавно вышедшей книге прозы высказал такую мысль: «В России поэт — явление настолько частное и частое, что поэзия здесь — более состояние души, чем талант и труд. Отношение к поэту снисходительное — по единственной причине, что дело его считается пустяшным и никчемным, и может быть, даже вредным». Несмотря на определенную эпатажность такого высказывания, в ней есть изрядная доля истины. Действительно, сегодня от поэзии зачастую ждут острой современности, словно от публицистики, злободневности и оперативности. Убедиться в этом мне довелось практически в тот же самый день, когда я ознакомился с его книгой: во время выступления на петербургском радио сразу несколько слушателей просили прочесть остросоциальные стихи, отражающие сегодняшние проблемы общества. Может быть, в самом деле долгое противостояние — народ и поэт — убило в народе само представление о высоком слого, служении поэзии вечным истинам добра и красоты, устремленности к эстетическим идеалам совершенства и гармонии души человеческой? Или забитость, усредненность, приземленность житейских проблем последнего десятилетия сделали людей нечувствительными к восприятию литературного творчества? Интересен был и вопрос, который задала ведущая передачи: а сохраняется ли интерес к поэзии среди молодежи — ведь это дело ныне отнюдь не считается престижным, оно экономически невыгодно, поскольку связано с большими материальными затратами по изданию сборников, так что подавляющее большинство стихотворцев вынуждено зарабатывать на хлеб насущный чем-то другим.

Все это справедливо. Но чем же тогда объяснить, что лишь в Петербурге ежегодно появляется от пяти до десяти новых имен, от десяти до двадцати первых поэтических книжек. Если учесть, что профессионально занимается поэзией около четырехсот человек (с учетом ныне действующих творческих союзов), пишущих стихи около

тысячи, а умеющих рифмовать — почти десять тысяч, то говорить об упадке интереса к поэзии в северной столице не приходится. «И если количество не переходит в качество, то та литературная среда, которая существует в нашем городе, все же позволяет надеяться на появление не только новых талантов, но и новых гениев» — так оптимистично утверждает сегодня мой коллега, который очень много работает с молодыми дарованиями в своем клубе «Приневьес», издающем интересную литературную серию «Поэты России», а также индивидуальные и коллективные сборники.

Ситуация, сложившаяся на рубеже XX и XXI веков, в определенном смысле напоминает ту, что существовала в русской литературе сто лет назад. Не случайно именно сегодня среди любителей поэзии так оживился интерес к славной плеяде русских поэтов «Серебряного века», их творчеству. Среди множества книг, выпущенных за последние годы — сборник критических статей и рецензий князя Д. П. Святополк-Мирского «Поэты и Россия». Большинство работ из его творческого наследия никогда ранее в нашей стране не публиковалось. Между тем автор дает точные и пронзительные оценки творчества Н. Гумилева, А. Ахматовой, А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, З. Гиппиус, М. Волошина, Н. Клюева, В. Хлебникова и многих других поэтов, так необходимых сегодня для углубленного понимания поэтического творчества. Так вот, еще в 1922 году в статье «Поэзия в Советской России» Д. П. Святополк-Мирский отмечал, что «поэзия стала неоспоримой хозяйкой русской литературы. Это еще заметнее в Советской России, которая сохранила почти всех великих поэтов и где поэзия едва ли не единственная форма существующей литературы».

Нет сомнения в том, что постсоветская Россия, несмотря на все трудности «переходного времени», сумела сохранить своих «великих поэтов», но и вернуть из исторического забвения имена многих талантливых стихотворцев, а история, например, дуэли Гумилева с Волошиным, история интереснейшей литературной мистификации начала XX века, связанной с именем школьной учительницы Черубины де Габриак, стала в наше время чуть ли не всенародным бестселлером, растиражированным красочными развлекательными журналами. Очевидно, что без пробуждения массового интереса к литературному процессу рубежа конца XIX—начала XX веков это было бы невозможно.

«Серебряный век» стал ныне своего рода модой, образцом для подражания. Это совсем неплохо. Другое дело, что эта мода породила множество эпигонов, подражаний, весьма далеких от своих образцов. В Санкт-Петербурге возникла даже целая литературная ассоциа-

ция «Соратники», провозгласившая своим лозунгом возрождение лучших традиций «Серебряного века» русской литературы. За минувшие пять лет этой цели едва ли удалось достичь большинству из более чем ста членов общественной организации, но ряд новых интересных имен все же появился на петербургском поэтическом небосклоне. Некоторые вошли в вышедшую недавно поэтическую антологию «Невский Парнас», где представлены 50 поэтов различных творческих направлений и объединений.

Активным пропагандистом «Серебряного века» в нашем городе стал за последние годы известный литературовед председатель правления Фонда поэта Н. Гумилева А. В. Доливо-Добровольский. Его ежемесячные лекции в помещении Географического общества посещают сотни людей. Вот уже три года Анатолий Вадимович увлеченно рассказывает о творчестве поэтов «Серебряного века» слушателям Литературных чтений в Выставочном зале Московского района, которые я веду при поддержке Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. В его изложении герои предстают живыми, интересными людьми, связанными личными симпатиями и антипатиями. Надо заметить, что Литературные чтения, которые проходят еженедельно с последней субботы сентября до последней субботы апреля при любезной поддержке заведующей библиотекой Л. Ф. Сиголаевой, неизменно привлекают посетителей. Здесь провели свои творческие встречи известные ныне поэты Вячеслав Кузнецов, Валентин Голубев, Борис Орлов, Анатолий Белов, Владимир Шемшученко, Зинаида Битарова и многие другие, в том числе молодые авторы.

Вот строки из книги отзывов: «Спасибо большое за возможность познакомиться с творчеством и талантом столь редких, неординарных людей»; «Встречи происходят на высоком уровне. Уходишь в приподнятом состоянии духа — ведь так редко слышишь людей, таких искренних в своей любви к русскому языку и русской поэзии. Прямо-таки подпитываешься духовной энергией». Можно ли после этого говорить об упадке современной поэзии, о ее ненужности и невостребованности?

Ответом на этот почти риторический вопрос могут служить следующие слова моего коллеги, с которого мы и начали разговор: «Поэзия в Петербурге есть, и уровень этой поэзии очень высок, и в будущем, я уверен, останутся десятки имен, пусть не самого высшего классического ряда поэтов, но того ряда, который и сформирует будущий поэтический мир — который и назовут алмазным веком русской поэзии». Я бы добавил к этому, что поэзия есть не только в Петербурге, но и в Ленинградской области. Убедительный тому пример — целый список лауреатов литературной поэтической премии «Ладога» имени

Александра Прокофьева, учрежденной губернатором области В. П. Сердюковым в 1999 году. Почетный диплом получили Николай Рачков (Тосно), Александр Люлин (Отрадное, Кировский район), Вера Бурдина (Кингисепп), Владимир Меньшиков (Волхов). Первый из них по праву встал сегодня в ряды всероссийских поэтов — за книги «Рябиновая Русь» и «Золотой венец», выпущенные в областном издательстве «Вести» при поддержке губернатора и правительства области, Николай Рачков удостоен Большой литературной премии России. А литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Золотой ключ», подготовленный тем же издательством по инициативе представителей творческой интеллигенции края к 1250-летию юбилею Старой Ладogi, — еще одно знаменательное событие в культурной жизни региона, призванное служить делу сохранения культурно-исторического наследия наших дней.

А это очень важно, «чтобы лучшие поэтические произведения не потерялись и не позабылись, чтобы сохранилась та высокая планка настоящей поэзии, по которой будут судить о последнем десятилетии XX века как наши современники, так и наши потомки».

Да, выступления поэтов сегодня, к сожалению, не собирают огромных залов и стадионов, как в 60-е годы минувшего века. Сегодня автору гораздо труднее пробиться к своему читателю. Это связано и с небольшими тиражами поэтических книг. Что говорить, если даже собрание сочинений такого известного в стране поэта, как Глеб Горбовский, выходит всего трехтысячным тиражом! Отсюда — высокая себестоимость изданий.

По мнению выступавшего недавно по телевидению (канал «Культура») Евгения Евтушенко «поэзию убила попса» — агрессивная и пошлая, повсеместно навязываемая с экранов и страниц «желтых» развлекательных газет и журналов. И все же аудитория, показанная в этой же передаче, радовала своим заинтересованным отношением к разговору о поэзии и творчестве.

Значительно тревожнее то, что многие работники образования, культуры, библиотекари далеко не всегда встречают литераторов с распростертыми объятиями. Зачастую возникает разговор об оплате за аренду помещений. Если раньше поэт или писатель за счет выступлений имел дополнительный заработок, то теперь за право появиться перед публикой он зачастую вынужден еще и платить сам! Парадоксальность ситуации очевидна, но пока здесь мало что меняется: «рыночные условия», в которые сегодня поставлены учреждения образования и культуры, диктуют свои «правила». К сожалению, помимо чисто экономических условий, немало здесь встречается людей равнодушных. Энтузиасты своего дела, подлинники любители

высокой словесности находят возможность привлечь и заинтересовать авторов ради своих читателей и зрителей. Примеров таких — несть числа. Например, среди многих творческих союзов и объединений (к сожалению, организационно разрозненных) в Петербурге создан и действует Союз поэтов, возглавляемый Александром Давыдовым. Успешно прошли выступления Театра поэтов, организованном Владимиром Антипенко на Канонерском острове, в школе № 379. Жаль, что среди зрителей присутствовали в основном люди, пишущие стихи...

В Ленинградской области тоже действует немало творческих групп и объединений. Например, в Пикалево ЛИТО «Земляки» на протяжении нескольких лет возглавляет член Союза писателей России поэт Юрий Лепиков, в Светогорске работает объединение «Истоки», широко известно ЛИТО Выборга, а в Гатчинском районе — поэтическое «Сиверское братство»... У всех авторов разный уровень мастерства и таланта. Важно другое — есть среда для общения, творческого роста, обмена опытом. В Гатчинском районе своеобразными литературно-культурными центрами становятся сегодня «Ганнибалово гнездо» при историко-краеведческом музее в Суйде, восстанавливаемый после пожара усадебный дом Рукавишниковых в Рождествено, связанный с именем знаменитого русского писателя В. Набокова. А значит — и здесь есть предпосылки для нового «алмазного» века русской поэзии...

Сохранить лучшее из поэтического наследия наших дней призваны поэтические антологии, альманахи и сборники. Библиотекари должны быть заинтересованы в пополнении своих фондов. А ведь только в области — около тысячи школьных и местных библиотек. Вот где должны проходить встречи авторов со своими читателями! Не сомневаюсь, что большинство пишущих с удовольствием примет приглашение провести творческую встречу в любой библиотеке, клубе или доме культуры. Это не только возможность познакомить аудиторию со своим творчеством, но и распространить свои книги. Ведь рассчитывать на книготорговую сеть сегодня, увы, не приходится — книжная торговля не заинтересована в авторских сборниках и «нераскрученных» авторах...

Сохранение поэтического наследия, воспитание читательского вкуса к «высокому слогу» — эта задача достигается только при взаимном движении авторов и хранителей книжных богатств навстречу друг другу. И этому повседневно и повсеместно должны содействовать органы власти и управления.

Но вот что настораживает. В заседании Государственного совета, состоявшемся в Георгиевском зале Эрмитажа под председательством президента страны и обсуждавшем проблемы сохранения культурно-

го наследия и национальной самобытности, странным образом не участвовали российские писатели — подлинники хранители языка, письменной речи, без которой невозможно само понятие культуры. Об этом в едкой реплике «Культура без словесности» на первой полосе написала «Литературная газета».

Ну в самом деле — «На протяжении всей человеческой истории именно книга собирала, поднимала и сплачивала вокруг себя народы и страны. Немыслимо надеяться на то, что язык сохранится на экране телевизора». Аналогичную мысль за полгода до этого при вручении прокофьевской поэтической премии высказал губернатор Ленинградской области: «Надо, чтобы фонды наших библиотек пополнялись новыми книгами. Потому что книга остается книгой, что бы ни говорили о приоритете радио и телевидения». В. П. Сердюков выступил и на Госсовете, говорил о богатейшем историко-краеведческом наследии нашего края. Но вот голос самих писателей, подлинных художников слова — таких как Валентин Распутин, Александр Рекемчук, Василий Белов, Евгений Евтушенко, — так и не прозвучал.

«Неужели прервется еще одна великая российская традиция, — спрашивает газета, — участие деятелей отечественной словесности в решении проблем культуры, и культура окончательно превращается в явление по сути бессловесное?» Не хотелось бы думать так...

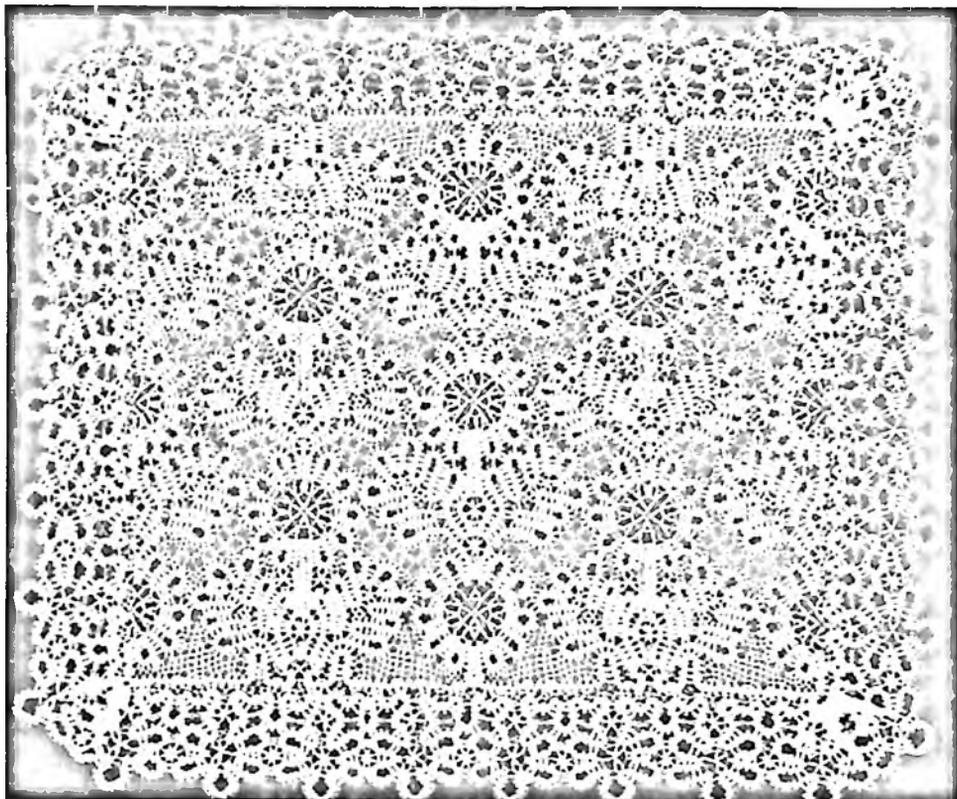
НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ленинградская область, в прошлом Санкт-Петербургская губерния — регион России, история которого далеко выходит за пределы 300-летия ее столицы. Благодаря исследованиям археологов известно, что народная культура и ремесла здесь имеют древние корни. Уже в X—XIII вв. сложились основные типы и формы многих изделий, которые производили в XIX—начале XX в.¹.

В XIX веке территория Петербургской губернии значительно отличалась от современной. После 1917 г. границы области неоднократно менялись и утвердились в нынешнем виде лишь в 1944 г. В настоящее время в состав области входит бывший Тихвинский уезд Новгородской губернии — обширная территория на востоке, которая чрезвычайно интересна для изучения местных видов народной культуры.

Кроме русских, на территории Ленинградской области в восточных районах живут вепсы и карелы, в западных — группы ижоры и води — племена финно-угорского происхождения, которые входили в состав Новгородской земли еще в XII—XV вв. Это коренное население края, которое сохранило до нашего времени родной язык и национальную культуру.

В изучение местной народной художественной культуры разного времени внесли свой вклад археологи, этнографы, фольклористы, искусствоведы. В собраниях Государственного Русского и Российского этнографического музеев, Государственного Эрмитажа, музеев Ленинградской области хранятся обширные коллекции произведений народного искусства XIX—XX в. из разных районов области. Первые экспонаты этих коллекций поступили в Этнографический отдел Музея Императора Александра III еще в 1902 г. На протяжении всего XX в. интерес к собирательской, выставочной, научной работе в сфере изучения народного искусства области не затихал. Своеобразным «пиком» этой деятельности стали проведенные в середине 1980-х гг. выставки народных промыслов Ленинградской области в ГРМ и

Мохова К. И. Накидка. 1930-е гг. Захожское кружево. ГРМ

Музее этнографии народов СССР (РЭМ)², а также интересные экспозиции в музеях области, такие, как «Всепрелюбезная наша сожительница» в музее г. Пикалево в 1990-е гг.

В Ленинградской области есть известные, хотя и небольшие художественные промыслы: захожский кружевной и оятский керамический. Но кроме них были и другие старинные центры народного ремесла: в них делали глиняную посуду и прялки, набивные ткани. Почти в каждой деревне жили ткачихи, вышивальщицы, вязальщицы. Многие виды народного искусства были развиты до конца XX века.

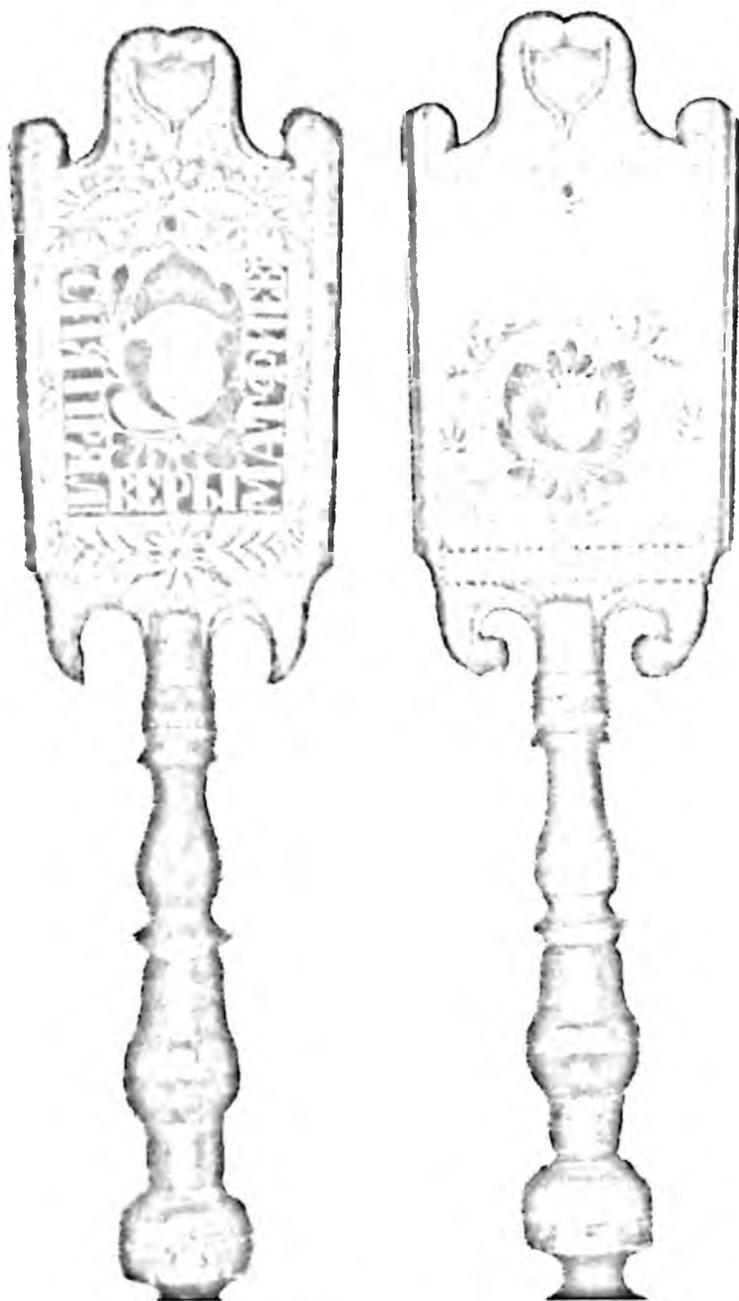
В XIX—начале XX в. резьба и роспись по дереву развивалась в нескольких центрах губернии³. Недалеко от Петербурга, в Царском-сельском уезде (совр. Гатчинский район), в деревнях Грязно, Кургино, Лампово и других в конце XIX—начале XX вв. существовал

небольшой центр изготовления росписных прялок. Они почти не сохранились до нашего времени. Несколько прялок имеется в собрании РЭМ, в коллекции ГРМ — всего одна. Царскосельские прялки — разъемные, на точеной ножке-балясине из мелких колец, с прямоугольной лопастью, украшенной городками или закругленным навершием. Живописный декор размещен на лопасти и включает изображения цветов, веток, иногда даты их создания.

Прялки восточной части области, сделанные мастерами-вепсами, архаичны по форме, имеют удлиненные, иногда узкие веслообразные лопасти и низкую ножку. При этом в декоре прялок иногда используются более современные приемы и способы украшения. Лодейнопольские прялки инкрустированы соломой или расписаны широкими свободными мазками. На одной прялке среди цветов помещено изображение ярко-желтого самовара. Вепские мастера, жившие вдоль восточной границы области, украшали прялки глубокой и четкой трехгранновыемчатой резьбой. На ножках можно увидеть резные вихревые розетки. Как форма прялок, так и мотивы, и приемы резьбы и росписи сближают их с прялками Карелии, Вологодской области, позволяют рассматривать как часть (или ветвь) традиционного искусства Севера.

Наиболее известным и крупным на Северо-Западе был прялочный промысел в Новолодожском уезде, в междуречье Волхова и Сяси. Эта территория носит название Спасовщина. Народное искусство здесь имеет древние корни. В начальный период русской истории Ладога известна как крупный торговый и ремесленный центр. В XIX—начале XX вв. здесь было широко развито узорное ткачество из тонкого беленого льна, который выращивали и обрабатывали местные жители, используя ручные прялки.

Знаменитые новолодожские расписные прялки продавались на ярмарках или делались на заказ. Их облик отличается ярким своеобразием. Аналогов им нет ни в одном регионе России. Новолодожские прялки — разъемные по конструкции, на нарядной точеной ножке с разноцветными балясинами, с прямоугольной лопастью, украшенной волнитообразными завитками в навершии и на нижних углах, с полихромной цветочной росписью. Благодаря широкой золотой полосе по краю лопасти прялки получили название «золоченки». Они отличаются стилистическим единством декора. На лицевой стороне лопасти расположен крупный цветок, обрамленный с трех сторон полосой с именем владелицы, например, «Сия прялк(а) Веры Матфиевн(ы)». Широкие круглящиеся мазки, наложенные по трафарету, строят форму огромного цветка. На его лепестки наложены декоративные разделки, штрихи, ряды точек. Цветок обрамлен сияющими веточками

Прялки-золоченки. Конец XIX в. Новолодожский уезд. Петербургская губерния. ГРМ

и листьями, словно золотой рамой. «Золотой» декоративный убор этих прялок достигается благодаря применению той же технологии, что и в хохломской росписи: серебристый металлический порошок, которым кроют фон, благодаря закаливанию лака, становится золотистым.

Яркая и гладкая по фактуре живопись, откровенно звучащий локальный цвет, выверенные, отработанные приемы исполнения, броскость облика роднят прялки с городскими живописными вывесками. Благодаря многоцветью, крупным, сочным мотивам росписи, золоченки нарядны и праздничны. Они особо ценились владельцами из-за надписей с именами. В деревнях сохранились частушки:

«Моя прялка именна, на беседушке одна.

Мой миленочек придет, по именной прялке найдет».

В той же части уезда — Спасовщине — создавались и несколько иные прялки — так называемые «крашенки», характерные отсутствием золотого обрамления и надписей. Некоторые крашенки отличались особым изяществом точеных ножек, формой круто изогнутых сережек, необычностью живописного декора. На прялке из д. Верховина изображен раскидистый куст с розовыми цветами в вазоне.

Когда возник этот промысел, точно сказать невозможно. Достоверно известно лишь то, что в 1860-е годы прялки-золоченки уже бытовали: одна из них изображена на картине В. М. Максимова «Бабушкины сказки», написанной в 1867 г. в Старой Ладогe⁴. Большая часть музейных прялок датируется 1880—1910-ми гг. Известны имена нескольких мастеров прялочной росписи: в д. Сырецкое жил мастер В. Д. Кораблев-Шустов, о котором сложена частушка: «Моя прялка именна, у Кораблева сделана». В д. Славково работали мастера В. И. Хайдуков, И. Федоров, Гаврилов. Третьим известным центром была д. Верховина. Хотя выявлены имена всего 4-х живописцев, изготовлением прялок было занято большое число мастеров.

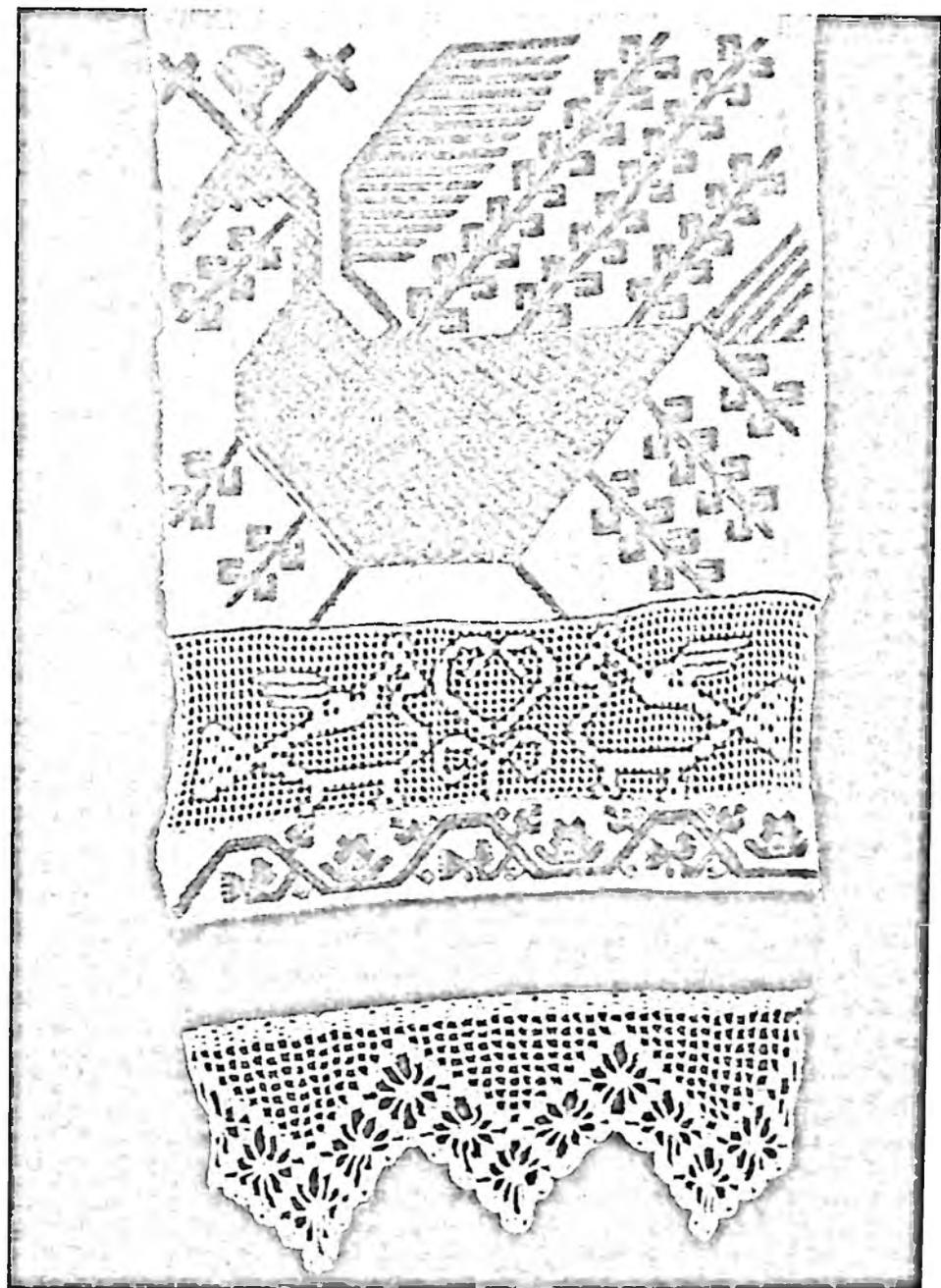
В 1920-е гг. промысел заглох, как и многие центры изготовления прялок. Казалось, что новолодожская роспись забыта и ее приемы навсегда утрачены. Но в 1970-е гг. мастера Ленинградского областного объединения народных художественных промыслов в г. Волхове, пытаясь возродить искусство декоративной росписи по дереву, выработали современные приемы и мотивы росписи на токарных деревянных формах или досках. Но на рубеже XXI века и этот промысел заглох, не получая поддержку. В Волхове работают лишь два мастера, чьи работы хорошо известны в области.

Столь же сложна и судьба наиболее известного захожского кружевного промысла⁵. Захожье — небольшая группа деревень современного Киришского района, в прошлом Новолодожского уезда.

В захожском селе Мотохово стоит белая каменная церковь XIX века, которую, по местной легенде, строили вологодские каменщики, а их жены обучили местных жительниц кружевоплетению. Действительно, приемы и элементы плетения, характер узоров вологодского и киришского кружева достаточно близки. Один из старинных захожских узоров называется «вологодский». Такое кружево строится из круто изогнутых петель широкой, ровной и плотной тесьмы—вилюшки. Сквозные просветы между петлями узора делают рисунок кружева четким и контрастным. Но похожие кружева плели не только в Вологодской, но и в Тверской губернии — там, где в конце XIX века были созданы земские кружевные мастерские, распространявшие такие узоры по многим губерниям России. Но многие поколения захожских кружевниц выработали и утвердили особые, неповторимые черты местного плетения. Захожское кружево отличается особым характером фактуры: полупрозрачные разреженные узоры как бы слегка размыты, мягко переходят в простую решетку фона. В образах кружева нашла отражение жизнь деревни с ее размеренным ритмом, привычным укладом. В них заложена глубокая связь с миром животных, растений. Среди местных узоров есть «курья лапа», «медвежья лапа», «тараканьи глазки», «бабочка». Узоры «новинская клетка», «дуняковский» говорят о месте их создания — деревнях Дуняково и Новинка. Своеобразны и местные названия элементов плетения, из которых строится само кружево. Самый важный из них кружевницы называют «точивок» (от слова «точиво» — полотно. Слово «ткать» здесь не употребляют, говорят — точить, «она точёт половики»). Плоскую наставку с заостренными концами называют «лепешка», тонкий шнурок плетешка — «сплёточек». Подушка для плетения кружев имеет название «клубок». Подушка стоит перед кружевницей в лукошке, чтобы ее легче было поворачивать, придавать нужный наклон. В том же лукошке подушку с начатой работой переносили из дома в дом, собираясь на «беседы» — посиделки.

Своеобразна и технология плетения. Даже первооснова любого кружевного узора — бумажный сколок с рисунком кружева, без которого не умеют работать мастерицы в других центрах, в Захожье не всегда применялся. Местные кружевницы умели плести и без сколка, накладывая на подушку готовое изделие и повторяя по его поверхности новую работу, еще и еще раз, лишь время от времени проводя между ними вязальным крючком, чтобы не сцепить между собой нити разных изделий.

До 1930-х гг. почти никто не знал о существовании этого кружевного промысла. Захожские кружева продавали под видом более известных вологодских. Существует местная легенда, что дорогу

Полотенце. 1910-е гг. д. Лаврово. Тихвинский уезд (совр. Бокситогорский район, Ленинградская область)

в Захожье, затерянное в глухих лесах, знала лишь одна торговка. Вероятно, она привозила местным мастерицам не сколки, а образцы кружева из других центров. Прямо по этим образцам кружевницам приходилось повторять модные узоры косынок, накидок, в результате чего и сложилась собственная оригинальная технология.

В 1930-е гг. захожские мастерицы объединились в артель «Кружевница». Их работами интересовались, писали о них в газетах, высоко оценивали на выставках. Талантливая кружевница Елизавета Дмитриевна Звезда (1900—1983) из д. Дуняково создала круглую салфетку с гербом СССР в центре. Самая известная ее работа, которая постоянно находится в экспозиции народного искусства ГРМ — подзор «Конница» (1940 г.). В широкое кружево помещены фигуры всадников, словно едущих под раскидистыми деревьями. Созданную специально для музея работу Звезда привычно назвала подзором, как домашнюю вещь. Между тем она первой из всех художников и мастеров изобразила в кружевном произведении человека, воина, тонко передала романтическую атмосферу ночного дозора.

В 1950-е гг. в Захожье работали профессиональные художники из Научно-исследовательского института художественной промышленности, создавая для мастериц современные узоры. Но кружевницам привычнее и милее были свои, «деревенские» узоры. И в 1970—1980-е гг., когда в кружевном цехе Ленинградского объединения народных промыслов работали около ста захожских умелиц, узоры они придумывали сами. Особенно чистые и красивые орнаменты воротников и салфеток создавала одна из старейшин промысла А. Н. Курина — «мастер — золотые руки». В Киришах было создано профессиональное училище, которое готовило молодых мастеров кружевоплетения. Казалось, что киришский кружевной промысел будет расти, «прибывать» молодежью и достигать новых успехов. Но он, как и многие другие предприятия, не смог преодолеть сложности переходного периода к рыночной экономике и прекратил существование. Это не означает, что кружевоплетение в Захожье погибло, но пока творчески работает в Киришах лишь одна кружевница, Е. С. Махова, автор многих уникальных произведений. Она сохранила традиционный круг изделий и технологию плетения. Не потеряли веру в будущее местного искусства и киришские педагоги. Выставка «Юные — городу» в ЦВЗ в апреле 2003 г., посвященная юбилею Петербурга, показала интересные современные работы девочек из Киришей — возможно, будущего поколения кружевниц.

Самыми многочисленными в XIX — начале XX в. были керамические промыслы, работавшие в восточной части области ⁶. Северо-

Запад России — Ленинградская, Новгородская, Псковская губернии — вследствие больших запасов высококачественных глин является одним из крупнейших керамических районов. Каждый локальный центр обладал своими особенностями. Гончары, работавшие на территории Ленинградской области, также выработали свои приемы и способы украшения изделий.

На рске Явосьма в Тихвинском уезде по данным 1880 г. работали 882 гончара в 112 деревнях. Изделия этого промысла — главным образом молочные, кухонные и цветочные горшки развозили по селениям Тихвинского и Белозерского уездов Новгородской губернии. Гончарные изделия мастера Явосьмы изготовляли в жилых избах, просушивая их на полках под высоким потолком и обжигая в больших печах, топившихся по-черному. Охлажденная посуда уже считалась готовой. Некоторые горшки внутри покрывались поливой, плечики заливались неровным слоем темно-коричневой глазури. Но большинство сосудов отличается шероховатой поверхностью красноватого, серо-розового или серо-сиреневого цвета. Мощные высокие кувшины с высоким горлом монументальны. Простота форм этих сосудов — характерная особенность керамики Явосьмы. Изредка встречаются нарядные сосуды, украшенные волнистыми вдавленными поясками, оттиснутыми ямками, выпуклыми ложками.

Оятская керамика, которую делали гончары с реки Оять в Лодейнопольском уезде, завоевала известность благодаря тому, что гончары привозили свою посуду в Петербург на лодках, нагруженных глиняной посудой, проделывая опасный и тяжелый путь по рекам Оять, Свирь, Ладожским каналам и Неве. Торговля посудой и игрушками на берегах городских рек и каналов прямо с лодок — характерная сцена городской жизни с конца XIX в. по 1940-е гг. Кроме того, керамику с Ояти и Явосьмы возили и в «Белозерщину» — к Белому озеру. Поэтому на территории современной Вологодской области бытовало множество изделий из этих центров.

Гончары жили в деревнях по течению реки Оять, берега которой богаты залежами красной и желтой глины. Лучшие сорта ее находились около деревни Регмасово, и посуда из этой деревни считалась лучшей.

Все работы производились в так называемых «заводах» — бревенчатых постройках, с гончарными кругами, полками для просушки посуды, с «горнами» — печами для обжига и русскими печами для подготовки свинцовой поливы. Стекловидная глазурь выявляет и подчеркивает цвет обожженной глины: красноватый, оранжевый, желто-коричневый.

Оятские сосуды невелики по размеру и чрезвычайно разнообразны по формам. Горшки, рукомойники и чайники шаровидной формы

приземисты и крутобоки. Встречаются цилиндрические бочонки, банки, кувшины яйцевидной формы. Многообразны миски, формы для овсяного киселя: овальные и круглые, с оттиснутыми на дне контррельефными изображениями рыбы, рака. Они отличаются особой пластичностью форм: их стенки словно сохранили отпечатки пальцев мастера. Глубокие миски с ложчатыми стенками сочетают геометризм форм и мягкость лепной отделки. Часто сосуды украшались росписью ангобом. Среди мотивов орнамента черные и белые трилистники, розетки из точек и линий, кольца, неровные мазки-запятые.

Поверхность сосудов украшалась также узорами, оттиснутыми штампиком — тонкими поясками, косыми насечками, штрихами. Рукою и енды в верхней части как бы расцветают короткими трубчатými носиками. Для чайников и кружек детали формовали: изящные ручки, как бы составленные из трех лепестков, четырехгранные массивные носики. На развитие промысла на Ояти несомненное влияние оказали известные керамические заводы Фока и И. Пирозерского в Тихвинском уезде⁸: в домашних мастерских внедрялись методы прессования рельефных украшений. Многие мастера использовали формы этого завода.

Гончарному промыслу сопутствовало изготовление глиняной игрушки. На Ояти обучение детей ремеслу начиналось с лепки свистулек. Самые простые свистульки — маленькие красно-коричневые птички с каплевидным туловищем, с отверстием в тупом коротком свистке. Мастера делали игрушки в виде домашних животных и птиц, петухов, кур, уток, собак, баранов, коней, коров, свиней. Невысокие, на толстых ножках или низких подставках, они монолитны и обобщенны. Детали едва намечены неглубокими врезами, тонкими линиями. Оперение птиц обозначается несложной росписью ангобом — мелкими мазками: белыми, черными или желтыми. Известным мастером был А. В. Лукичев (1907—1982). В его творчестве особо выделялись бараны и львы, украшенные кудрявой «шерстью» — тонкими жгутами глины, пропущенной через решето или редкую ткань.

В 1950—1960-е гг. гончары на Ояти почти не работали. Поэтому возрождение промысла в 1970-е гг. и сохранение традиционного производства на рубеже XX и XXI в. в с. Алеховщина на Ояти стало важным событием. Современные изделия оятских гончаров, отличаясь от старинных образцов, сохранили традиционные формы и приемы росписи, своеобразие пластики.

Узорное ткачество было распространено повсеместно, но наиболее характерны для Петербургской губернии, и особенно для Ново-

ладожского уезда белые льняные ткани, выполненные в технике многоцветного ткачества, с тонкими рельефными узорами.

Еще несколько лет назад во многих домах области раздавался зимой и летом мерный стук «набилкок» — части ткацкого стана. Ткачихи делали разноцветные половики — непременное украшение крестьянского дома. В Ленинградской области сформировалось несколько своеобразных локальных центров ткачества — в Киришском, Тихвинском, Бокситогорском районах. Широкие яркие половики из п. Будогощь Киришского района украшены крупными ромбами, звездами, сложными фигурами с уступчатым контуром. Древние традиции ткачества мастерицы сохраняли и развивали в современных изделиях, достигая богатства фактуры, разнообразия приемов, звучности цветовых сочетаний. Этот вид искусства оказался жизнеспособным и нашел современное воплощение, в отличие от вышивки, которая безвозвратно ушла в прошлое⁹.

В вышивке в деревнях, расположенных вблизи от Петербурга, уже в XIX веке стали преобладать модные «городские» узоры, выполненные «крестом» по широко распространенным образцам. Они поступали в деревни благодаря специально издававшимся альбомам с рисунками, с обертками мыла фабрики Броккара. Но в удаленных от города уездах, в глухих деревнях вплоть до 1930-х гг. сохранялись традиционные старинные узоры вышивки.

Русские мастерицы Лужского и Новолadoжского уездов вышивали тамбуром пышные растительные узоры, сочетая красный фон кумача, белые и цветные нити вышивки, окрашенные яркими анилиновыми красителями. Ветви, цветы, гирлянды, фигуры птиц дополнены мелкими петлями, «кудрявыми» завитками, придающими некоторую витиеватость рисунку вышивки.

Особенно развита была вышивка у вепсских, карельских, ижорских мастериц. Благодаря научным экспедициям ГРМ и РЭМ в этих музеях сформировались уникальные коллекции произведений конца XIX—начала XX вв. из районов, заселенных малыми финно-угорскими народами.

Ижорская вышивка представлена замечательными произведениями из Ямбургского уезда (совр. Кингисеппского района). Праздничные женские костюмы сочетают ткачество и вышивку. В них сохраняются черты старинного национального ижорского костюма и отмечается влияние русской одежды. В западной части уезда преобладала вышивка цветной шерстью в виде косых крестов, розеток, ромбов. Ярко-красные, синие, зеленые гарусные нити четко выделяются, словно прорисованные тонкими линиями, на белом полотне широкого поясного полотенца («кушакка») или на темно-синей распашной юбке-

«хурстут». Вышивку восточной части Ямбургского уезда Л. А. Динцес называл исключительно архаичной¹⁰. На концах полотенец, скатертях, передниках широкими рельефными стежками старинным двусторонним швом вышиты птицы с хвостами-розетками, всадники на двухголовых конях, женские фигуры.

Вышивка вепсов и карел бывш. Тихвинского и Лодейнопольского уездов, также исполненная двусторонним швом, как и ижорская, сохранила иконографию образов древней мифологии. До сих пор в быту этих народов сохраняется особенное отношение к полотенцам и скатертям, как к предметам, имеющим обрядовое значение. Круг сюжетов вепсской вышивки широк: он включает изображения деревьев с крупными листьями и мощными ветвями, двуглавых орлов, всадников, монументальные женские фигуры. В подзорах, выполненных вепскими мастерицами строчкой по ажурной сетке, привлекают внимание изображения барсов и зверей с маленькими головами и длинным хвостом. Загадочны изображения могучего дерева с церквами между ветвей. Возможно, в них отразились верования вепсов, в известной степени сохранившиеся до сих пор¹¹. Маленькие деревянные часовни и по сей день стоят в тиши могучих лесов вепсского края.

Вышивки вепсов и карел отличаются миниатюрностью узоров, тонкостью и четкостью линий, особой «прозрачностью» фигур и деталей. Фигуры заполнены косыми диагональными линиями, иногда тонкими клетками.

До нашего времени не сохранились старинные комплексы вепсской и карельской одежды. Вепсы и карелы носили длинные рубашки с кумачовыми или ситцевыми рукавами и холщовым станом, украшенным вышивкой. Карельский сарафан был двух видов. Наиболее старинная его форма — косоклинный сарафан с проймами, сшитый из синей крашенины с отделкой ситцем и галуном. В конце XIX — начале XX в. носили «ферязи» — короткие сарафаны из шелка, камки или ситца, на узких лямках. Такие же по покрою и вепские «красики», сшитые из набивной ткани. У карел встречается архаическая форма женской одежды — передник с рукавами, с распахом сзади, обильно вышитый по кокетке, низу рукавов, разрезу на груди. Карельские головные уборы — «сороки» с прямоугольным очельем из парчи, шелка или кумача, с нашитыми лентами или галуном, сохранились до нашего времени во многих деревнях.

Восточные районы области представляют удивительный «заповедник», сохранивший не только редкостную природу — глухие чащи, чистые озера и реки, но и быт карельских и вепских деревень. Деревянные дома, их убранство и сохранившиеся в них предметы несут следы жизни, труда, забот предыдущих поколений. Но и ближе к Пе-

тербургу, например, в известном селе Лампово в Гатчинском районе сохраняются островки деревянной архитектуры, старого быта. Важно сохранить эти островки, не сровнять их с асфальтом, помочь оставшимся мастерам донести до будущих поколений жителей области все богатство традиционной культуры, народного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Г. С. Лебедев*. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.

² Народное искусство и художественные промыслы Ленинградской области. Каталог выставки. Сост. Д. А. Горб и И. И. Шангина. Л., 1984; Народное искусство Ленинградской области из собрания ГРМ. Сост. и автор вст. ст. М. А. Сорокина. Л., 1985.

³ См.: *М. А. Сорокина*. О прялках Ленинградской области. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987. М., 1988, с. 378—383.

⁴ «Святыя шестидесятыя». Каталог выставки. СПб., 2002, ил. 84.

⁵ См.: *К. А. Большева*. Киришское кружево. // Народное творчество, 1939, № 4, с. 40; *Л. А. Динцес, К. А. Большева*. Народные художественные ремесла Ленинградской области. // Советская этнография, т. II. Изд-во АН СССР, 1939; *Л. И. Воронова*. Киришские кружева. // Музей народного искусства и художественные промыслы. Сборник трудов НИИХП. Выпуск 5. М., 1972, с. 267—285; *М. А. Сорокина*. Киришское кружево. // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 175—179; *М. А. Сорокина*. Звездная конница. // Маленькие чудеса. Л., 1981, с. 82—93; *М. А. Сорокина*. Современное кружево. // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Л., 1981, с. 278—303; Народное искусство Ленинградской области из собрания ГРМ. Сост. и автор вст. ст. М. А. Сорокина. Л., 1985.

⁶ См.: *Д. А. Горб*. Гончарные промыслы Ленинградской области. // Промыслы и ремесла народов СССР. Сборник научных трудов. Л., 1986, с. 45—55.

⁷ *А. Остряков*. Гончарное производство в Тихвинском уезде Новгородской губернии. // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 7. СПб., 1882, с. 1448.

⁸ См.: *Д. А. Горб*. Указ. соч., с. 47.

⁹ См.: *Л. А. Динцес, К. А. Большева*. Народные художественные ремесла Ленинградской области. // Советская этнография, т. II. Изд-во АН СССР, 1939; Народное искусство Ленинградской области из собрания ГРМ. Сост. и автор вст. ст. М. А. Сорокина. Л., 1985.

¹⁰ *Л. А. Динцес, К. А. Большева*. Народные художественные ремесла Ленинградской области. // Советская этнография, т. II. Изд-во АН СССР, 1939, с. 144.

¹¹ *Л. П. Азовская*. О верованиях вепсов. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977, с. 140—151.

«МАЛЕНЬКИЕ» ЛЮДИ В КУЛЬТУРЕ

Проходят десятилетия за десятилетиями, столетия за столетиями, и история сохраняет сначала сотни тысяч имен деятелей культуры, потом десятки, а потом только единицы. История одних берет в свой блистательный круг, других оставляет в медленном прозябании. Одних история растит, и они превращаются в гигантов. Других, наоборот, «уменьшает», и они превращаются в «маленьких» людей культуры той или иной страны.

Мне всегда казалось, что это злая несправедливость, мне всегда хотелось спасти этих «маленьких» людей от гордой холодной Клио. И поэтому я радовался, что в моей книге «Открытые письма серебряного века» портрет Ивана Михайловича Степанова опережает портреты Бенуа, Бакста, Билибина и т. д. и т. п.

Вот и эта публикация — это попытка еще раз обратить внимание историков, верных слуг «госпожи Клио» на столь несправедливый нрав их госпожи.

Уверен, для многих и многих мальчишек и девчонок в детстве не только важны рассказы о титанах, но и рассказы о тех, без кого титаны не были бы титанами.

Итак, начнем с письма:

«2 августа 1921 года (Петроград)
Степанов — Бенуа.

Дорогой Александр Николаевич!

Стоило мне придти к Голике и увидеть Вашу работу «Медный всадник», я ожил и думая о Вас, вспомнил:

Чем ночи темней,
Тем ярче звезды.

Стоит мне дерзнуть прикоснуться к этим двум светочам — прошлого и настоящего, я окрыляюсь и с восторгом берусь за свою крохотную работу маленького человека.

Оттиски Ваших рисунков я передал Сергею Ростиславовичу [Эрнсту]. Даю Вам слово, что теперь работу я не выпущу из рук и вновь Ваше желание будет исполнено незамедлительно. Как я это бывало, исполнял раньше, будучи старым чиновником. Хотелось бы поскорей двинуть это дело.

Придется отступить от старого плана и уменьшить формат книги. Бумагу, думаю, найдем и пустим старой орфографией, предположим, что набор в типографии имеется. Так и заявим кому следует.

Автолитографии Кустодиева с торшона [тип бумаги] вышли хорошо. Хотелось бы получить Ваши автолитографии постановки «Слуга двух господ». Бумагу я нашел. Как бы мне хотелось все это выдать.

Тютчев, приближаясь к глубокой старости, сказал в одном стихотворении «О, время, подожди!»

Искренне и душевно Вам предан.

И. М. Степанов.»¹

Это письмо Ивана Михайловича Степанова к Александру Николаевичу Бенуа. С этого письма началось издание поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» с иллюстрациями Бенуа. Это, пожалуй, один из немногих по откровенности документов относительно «маленьких» людей к «большим».

Маленький заштатный городок Демянск Новгородской губернии. Глухая русская провинция середины XIX века. Железная дорога в 40 верстах. По улицам городка бродят стада гусей и уток, деловито роются в земле куры, свиньи и козы разгуливают на свободе. Жизнь обывателей разнообразят свадьбы, крестины, похороны и прочие события семейного характера. Спокойное, однообразное существование демянцев не нарушали ни мятежные мысли, ни бурные порывы, ни взрывы страстей. Именно здесь в 1857 году родился Иван Михайлович Степанов, человек, о котором Александр Николаевич Бенуа — человек сугубо столичный, светский, писал: «Вы являетесь для меня во многих отношениях каким-то олицетворением того, чем должен быть человек. Ваша полная преданность делу, Ваше усердие (от слова сердце), готовое на все жертвы, Ваше упорство, почти не ведающее моментов упадка духа и всегда готовое приободрить тех, кому не хватает собственного мужества, все это составляет прекрасную и цельную «фигуру», позволяющую менее пессимистически взирать на человечество и являющуюся важным примером того, как следует служить «обществу ближних»...» И еще один штрих: «Вы, как никто послужили нашей образованности». Это мнение одного из мэтров русской культуры двадцатого века, несколько поколений предков которого в России создали не просто отдельные произведения искусства,

Иван Михайлович Степанов с семьей.
Фотография начала XX в.

они являли сам дух искусства и образованности. Мнение о человеке, семья которого «... являла собою образец мещанской неблагополучной семьи. Пьяница — отец, портной по профессии, часто пропивал весь заработок до копейки, обрекая семью на тяжкие лишения, на вечную нужду»².

В чем секрет Степанова? Как мог этот провинциал, выходец из самой, что ни на есть разночинной среды, стать олицетворением идеала для одного из образованнейших и культурнейших людей двадцатого века?

Секрета здесь нет. Все дело в том, что Иван Михайлович был профессиональным благотворителем, я не оговорился, он был действительно «профи» по части деланья добрых дел. Всегда и везде принято ругать чиновников. Но, видимо, какой-то внутренний мотор заставлял Ивана Михайловича делать добро, будучи самым обычным чиновником Российской империи. Он начал карьеру очень рано, поступив курьером в Воинское присутствие города Демянска в 1875 году, а уже в 1882 году в Новгороде он — старший делопроизводитель в губернском правлении в чине титулярного советника. Переехав в Петербург в 1893 году, Степанов начинает работать в Римско-Католической Духовной коллегии сначала бухгалтером, а затем секретарем. Его чин растет, он уже коллежский асессор, а затем — статский советник. Обычная чиновничья карьера, достаточно успешная, почти дослужился до генерала, отмечен наградами, хорошей зарплатой, светлой и просторной казенной квартирой.

«Но не надо думать, что он принадлежал к той особенно предосудительной категории бюрократов, которые стремятся выслужиться посредством угождения властям.

Напротив, основная благожелательность или, попросту говоря, человечность Степанова делали его другом, а где требовалось, и покровителем людей, с которыми его сводила жизнь. Его «контрольная» деятельность при консистории³ привела даже к непредвиденным и, вероятно, не столь уж поощряемым свыше результатам: он преисполнился к католическому духовенству искреннего уважения и стал где только можно было, всячески отстаивать его интересы, причем не обходилось и без эксплуатации его доброты со стороны некоторых лукавых интересантов среди ксендзов и патеров...⁴ Впрочем, вся эта служебная деятельность Ивана Михайловича была очень далека от меня, и я, вероятно, никогда не имел бы случая даже познакомиться с ним самим, если бы у этого образцового чиновника не появилась годдам к сорока какая-то вторая «жизненная тема» — в виде издательства художественного характера»⁵. Здесь Бенуа нас вводит в заблуждение, вторая «жизненная тема» у Ивана Михайловича появилась

очень давно. «Чиновничья служба давала отцу средства существования, но не могла дать удовлетворения такому живому, деятельному человеку, с неугомонным духом настоящего новгородца»⁶, — пишет в воспоминаниях дочь Степанова. Именно поэтому он с 20 лет начал свою «благотворительную карьеру», которая и привела его в искусство.

Так вот, Иван Михайлович был специалистом по поиску и организации таких дел. Возможно, патриотический порыв, вызванный войной с Турцией, привел его в Красный Крест для помощи в организации отряда и лазарета, но приход не стал эпизодом; переехав в Новгород, Иван Михайлович приходит работать в Новгородскую Екатерининскую Общину сестер милосердия; переехав в Петербург, приходит работать в Петербургский Комитет попечения сестер милосердия Красного Креста (15 апреля 1896 года), то есть именно в тот попечительский комитет, который образовал три года назад общину Святой Евгении. Сотрудничество с Красным Крестом продолжалось до закрытия в 1920 году Красного Креста. Причем вся его многолетняя работа в Красном Кресте осуществлялась, как сказали бы сейчас, на общественных началах.

Вот список заслуг статского советника Степанова И. М., приложенный к ходатайству Николаю II при награждении его орденом в 1912 году.

1. Безвозмездное несение обязанностей делопроизводителя Общества Красного Креста в течение 35 лет, что равносильно пожертвованию 30 тысяч рублей.

2. Организация отряда и лазарета, и сборы пожертвований во время Русско-турецкой войны (1877—1878) по Новгородскому отделу Российского Общества Красного Креста.

3. Участие в организации учреждениями Общества Красного Креста сбора пожертвований во время общественных бедствий (голодные годы) сначала в Новгородской губернии, а затем в Петербурге.

4. Участие в установлении организации вместе с бывшим управляющим Канцелярии Главного Управления Российского Общества Красного Креста Н. М. Федоровым кружечного сбора в церквах, причем этот сбор давал во время общественных бедствий сравнительно крупные поступления.

5. В организации, вначале при руководстве нынешнего председателя Главного Управления Российского Общества Красного Креста А. А. Ильина, художественное издательство в пользу Общины Св. Евгении Красного Креста и привлечение всех лучших художественных сил в это дело, успех которого говорит сам за себя: до 1903 г.

поступило чистой прибыли 78.000 рублей; ныне дело дает 10.000 рублей в год ⁷.

В 1898 году Иван Михайлович стал издателем открыток и книг. 6500 разных открыток вышло из печати за 19 лет. Путеводители В. К. Курбатова по Павловску и Петербургу, А. Н. Бенуа по Эрмитажу и многое другое. Даже в 1917 году не прерывал издательской деятельности, а, казалось, наоборот. Один за одним шедевры: «Медный всадник» с иллюстрациями А. Н. Бенуа. Альбомы литографий А. П. Остроумовой-Лебедевой, М. В. Добужинского, Б. М. Кустодиева, Г. С. Верейского. Серия уникальных — малых путеводителей по Эрмитажу, Русскому музею, Третьяковской галерее. Только в 1929 году издательство, которое носило гордое название «Комитет популяризации художественных изданий», закрыли.

Но не такой он был человек, чтобы расстаться раз и навсегда с любимым делом и по-стариковски отдыхать от трудов. Он занимается биографией О. А. Кипренского, историей дома Державина на Фонтанке, роется в архивах, ему удается установить точную дату рождения художника и найти сведения о его родителях. Иван Михайлович занимается розыском материалов о Венецианове, Перове, Агине, Шевченко и других художниках XVIII века. В августе 1935 года он делает доклад на Ленинградской секции библиофилов и экслибристов на тему: «Издательская деятельность Комитета популяризации художественных изданий».

«Часто мой отец говорил: «Я умру с пером в руке». Не мог он знать, какие тяжкие испытания выпадут на его долю в конце его долгой трудовой жизни. Не мог он предвидеть, что последние его дни будут связаны с великой трагедией Родины, с блокадой любимого города, окруженного тесным кольцом ненавистных врагов.

Иван Михайлович умер 31 декабря 1941 года, накануне нового, 42-го, представшего нам в кровавом тумане Отечественной войны, в голодных призраках блокады и в героических подвигах защитников города-героя, не впустившего в свои стены фашистскую нечисть. Отец умер от истощения, его сломил голод, хотя сердце у него было еще здоровое, он быстро ходил, редко пользуясь тросточкой, возможно, прожил бы еще несколько лет, если бы не голод. Похоронен он на Волковом кладбище в общей могиле, но никто из нас не знает места его погребения, так как мы сами не могли тогда двигаться и только чудом остались живы ⁸.

Роль Степанова в культуре России начала XX века известна и оценена ⁹, но сколько еще «маленьких» людей в культуре России, достойных памяти, не стали героями исторических изысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив ГЭ. Ф. 9. Опись 1. Ед. хр. 121. О. л. 1, 2.

² Цит. по: *Степанов И. М.* За тридцать лет. 1896—1926. Л., 1928. С. 8.

³ Так Бенуа называет Римско-католическую духовную коллегию.

⁴ *Кмит М. И.* Иван Михайлович Степанов: по семейным воспоминаниям. Рукопись и машинописная копия. Отдел рисунков ГРМ. Ед. хр. 84. Ссылки даются на машинопись, л. 1 (далее: *Кмит*).

⁵ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 2 тт., 5 кн. М., 1980. Т. 2. С. 349, 350.

⁶ *Кмит*. Л. 7.

⁷ ЦГИА СПб., ф. 202. Ед. хр. 571. Л. 1—2.

⁸ *Кмит*. Л. 20—21.

⁹ *Третьяков В. П.* Открытые письма Серебряного века. СПб., 2000.

Е. П. ЯКОВЛЕВА

**А. В. РУМАНОВ
И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ
(к истории коллекционирования
в России)¹**

Имя Аркадия Вениаминовича Руманова (1878—1960) — журналиста, юриста, коллекционера и мецената сегодня известно немногим. Между тем в первые десятилетия XX в. его хорошо знали в российских правительственных, думских и общественных кругах, в литературной и театрально-художественной среде Петербурга. По словам поэта и критика С. К. Маковского, «прирожденный журналист» Руманов обладал умением «почувать талант, угадать будущую знаменитость или поддержать сомневающегося в себе новичка»; он мог без всякого тщеславия «поднять» новое ответственное дело, оставаясь при этом в тени, но «чувствуя себя министром великой державы, имя которой — Пресса»².

Жизнь, деятельность и дружеские связи Руманова еще ждут исследований и публикаций. Достаточно сказать, что в число его знакомых входили граф С. Ю. Витте и экономист А. И. Путилов, депутаты Государственной Думы В. В. Хвоцинский и В. Л. Геловани, великий князь Александр Михайлович и народоволец Н. А. Морозов, юрист А. Ф. Кони и петроградский городской голова И. И. Толстой. Дополнить этот перечень могут многие имена представителей отечественной культуры периодов Серебряного века и Русского Зарубежья.

Современники утверждали, что Руманов был «одним из самых блистательных людей когда-то блистательного Санкт-Петербурга»³, при этом многие испытали на себе «шарм» его «тонкой, культурной и благородной личности»⁴. Поэты посвящали ему стихи⁵, художники его портретировали⁶. Все ценили доброту Руманова и отмечали его полное неумение отказывать в просьбах. Архивные фонды содержат сотни примеров того, кому и как оказывал помощь Руманов, причем среди тех, кому она предназначалась, далеко не все были ему знакомы. Представляется, что доброта и щедрость в наибольшей степени способствовали меценатству собирателя.

Личность этого яркого и своеобразного человека вполне достойна изучения и осмысления с разных позиций, в том числе со

стороны его художественных пристрастий — как коллекционера и мецената.

Аркадий Вениаминович Руманов родился 29 ноября 1878 г. в Царском Селе близ Санкт-Петербурга в семье часовых дел мастера. В 1896 г. с золотой медалью окончил respectable Царскосельскую Николаевскую гимназию. В 1898 г. поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета ⁷, где посещал лекции вместе с будущими поэтом А. А. Блоком ⁸, художником А. Д. Кайгородовым, депутатом В. Л. Геловани. Увлечение поэзией, театром, дружба с начинающим поэтом Л. Д. Семеновым (Тян-Шанским) пробудили желание будущего юриста посвятить себя литературному труду.

После окончания университета Руманов отправился на юг, где на протяжении двух сезонов 1903 и 1904 гг. работал секретарем редакции пятигорской газеты «Кавказские Минеральные воды» ⁹. Именно там он принял важное для себя решение стать газетным журналистом.

Публикации Руманова тех лет представляли собой отклики на гастролирующие в Пятигорске и Ессентуках театральные труппы. «Театральное» ориентирование в конце 1904 г. привело его в редакцию петербургского периодического издания «Театральная Россия». Между тем широта интересов, выходящих за пределы данной тематики, вскоре заставила молодого журналиста перейти в популярную петербургскую газету «Биржевые ведомости». Будучи помощником заведующего провинциальным отделом, в августовские дни революционного 1905 г. он возглавлял группу хроникеров. Именно тогда из рук Руманова получил свой первый газетный гонорар в столице К. И. Чуковский ¹⁰. Вспоминая этот период, Маковский писал, что «страсть к журнализму, к злободневным событиям, к политическому головокружению последних десятилетий Российской империи» целиком захватила Руманова ¹¹.

Профессиональная сноровка, широкие знакомства и связи в различных слоях общества, коммуникабельность и обаяние позволили ему в 1906 г. стать во главе петербургского отделения московской газеты И. Д. Сытина «Русское слово» ¹². На протяжении десяти лет считаясь «правой рукой» знаменитого издателя, Руманов в 1916 г. занял пост одного из трех директоров приобретенного Сытиным «Товарищества издательского и печатного дела А. Ф. Маркс» и одновременно возглавил популярный журнал «Нива». При этом работу в «Русском слове» он не оставлял и параллельно вел юридическую практику, состоя помощником присяжного поверенного округа Санкт-Петербургской судебной палаты (1907—1917) и присяжным поверенным (при Временном правительстве).

В годы Первой мировой войны наряду с широким кругом профессиональных обязанностей Руманов занимался благотворительной деятельностью, за что в 1915 г. был награжден медалью Святого Георгия. Он состоял членом Комитета Петергофского патроната-убежища для увечных нижних чинов имени Императрицы Марии Федоровны, был одним из учредителей Петроградского общества имени Н. И. Пирогова по организации санитарных отрядов для оказания первой помощи на полях сражений, являлся членом редакционно-издательского отдела основанного в Петрограде Общества русских писателей для помощи жертвам войны, принимал участие в устройстве лазаретов для раненых, а также в проведении художественных аукционов в пользу воинов и их семей. При его участии были изданы два выпуска «Невского альманаха» (Пг., 1915, 1916) и литературный сборник «В год войны» (Пг., 1915), сбор от которого поступил в пользу Союза «Артист — солдату».

Перед петербургским «вице-Сытинным» открывались двери многих высокопоставленных кабинетов. Именно Руманов способствовал встречам Ивана Сытина с Николаем II, Григорием Распутиным и другими влиятельными и известными в России особами. Дружеская поддержка банкиров, в том числе Алексея Путилова, помогла ему стать состоятельным человеком. Однако Октябрьская революция 1917 г. и последующие за ней перемены резко изменили судьбу преуспевающего журналиста.

После очередного ареста в период петроградского «красного террора» Руманов оставил политические иллюзии и с большим для себя сожалением покинул родину, эмигрировав сначала в Англию, а потом — во Францию. Сорок лет прожил он в Париже. Первые двадцать — вел активный образ жизни, периодически сотрудничая с такими изданиями, как «Борьба за Россию», «Числа», «Иллюстрированная Россия», «International Observer», «Русский (Советский) патриот». Основал и возглавил журнал «Cinea» и литературное агентство «Selection», работал как юрист: ряд дел провел под руководством и при участии профессора барона Б. Э. Нольде.

В конце 1920—начале 1930-х гг. в качестве статс-секретаря Великого князя Александра Михайловича Руманов совершил поездки в США, Абиссинию и Канаду, где читал лекции о французской культуре и политическом состоянии Европы, а также записывал выступления Александра Михайловича на тему «Когда я был великим князем», изданные вскоре в виде воспоминаний.

Самым тяжелым периодом парижской жизни Аркадия Руманова стали годы, предшествующие Второй мировой войне, оккупация гитлеровцами Парижа и послевоенные годы «холодной войны». За это

А. В. Руманов (слева) и Великий князь Александр Михайлович. Конец 1920-х

время из «блистательного» и преуспевающего человека он превратился в старика, который с каждым годом все больше походил на мудреца. По словам сына, его уже не интересовала мирская суета. «Все, что было связано с ней, казалось ему поверхностным. Теперь он всецело отдавался духовности, уделяя главное внимание голосу своего сердца»¹³. Жизнь Руманова в эмиграции — особая тема. Отметим лишь, что умер он в 1960 г. в Париже, «далеко от русской родины», которой «оставался неизменно верен»¹⁴.

Итак, Руманов — дореволюционный петербургский коллекционер и меценат. Документальные материалы, относящиеся к биографии собирателя и его коллекциям, каталоги выставок первых двух десятилетий XX в., а также художественные произведения позволили предположительно воссоздать историю комплектования художественного собрания и определить его состав до расформирования коллекций в 1920-е гг.

Собрание Руманова¹⁵, по словам искусствоведа С. Р. Эрнста, имело художественно-историческое значение. Оно складывалось на протяжении одного десятилетия — примерно с 1907 по 1917—1918 гг. — и состояло из нескольких коллекций: русского и западноевропейского искусства (живопись, рисунок, акварель, гравюра, скульптура); портретной миниатюры немецких художников XVIII в.; старинных монет. В собрание входили также предметы культа, декоративно-прикладного искусства и мебели. Разумеется, мебелью и другими вещами утилитарного назначения семья Румановых пользовалась в повседневной жизни.

Все собрание, за исключением коллекции старинных монет, размещалось в квартире, расположенной в доме страхового общества «Россия» на Большой Морской улице, № 35, служившей с 1907 по 1912 г. одновременно офисом петербургского отделения «Русского слова». Интерьер одной из комнат в шутливой форме описал поэт Владимир Пяст:

«В гостиной — потолок покатый;
На стенах — живопись модерн;
И Врубель, Демоном проклятый,
И Сомов, тайновидец скверн.

Под сенью их на миньютюрных
Игрушках-креслицах сидят:
То ряд имен литературных,
То — коммивояжеров ряд.

Часами, черным никотином
Старательно — и это труд —
Кладя осадок по картинам,
минутного приема ждут»¹⁶.

З. Е. Серебрякова. Портрет
А. В. Руманова. 1928

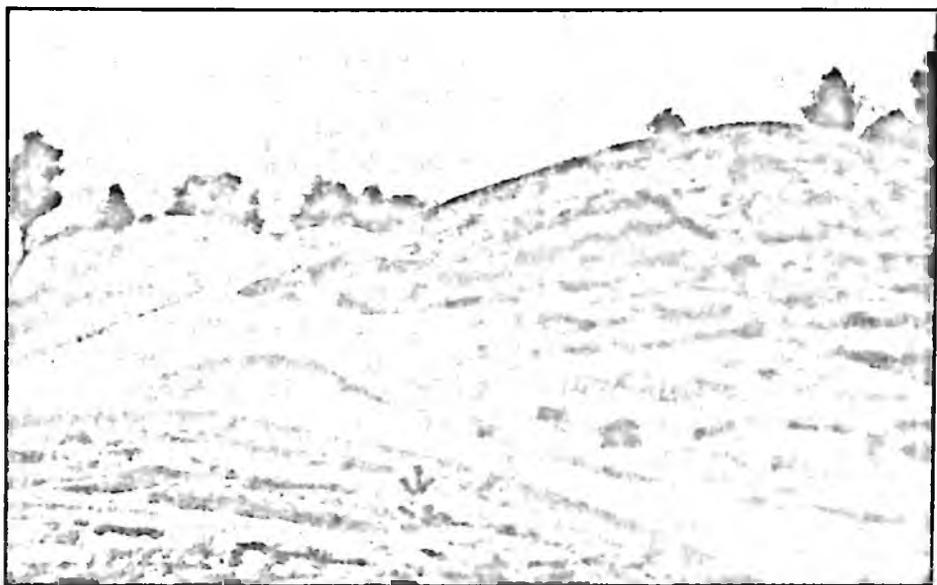
О кабинете Аркадия Руманова, обставленном «удивительной «александровской» мебелью», и находившемся там знаменитом «Портрете Анны Ахматовой» работы Натана Альтмана вспоминал поэт Георгий Иванов. Он писал, что, купив этот портрет «за «фантастические» для начинающего художника деньги», Руманов «положил начало» славе Альтмана¹⁷. Художник «с восторгом» отдал бы картину «и за двести рублей», уточняла Ирина Одоевцева, но Руманов «сам назначил цену», заплатив пять тысяч¹⁸. Покупка произведений искусства выше назначенной цены касалась не только работ Альтмана. Так, например, 150 рублей вместо назначенных 30-ти Руманов заплатил за «Пейзаж с мостиком» художнику И. И. Бродскому.

Судьба собрания Руманова оказалась типичной для судеб частных российских коллекций 1910-х гг.: согласно указу от 5 марта 1918 г. все они были «взяты под охрану» советским государством; а спустя годы, национализированы и, в конце концов, рассредоточены по различным музеям и учреждениям. Разумеется, некоторые произведения при этом исчезли с поля зрения.

Большая часть румановского собрания поступила в Русский музей. Сведениями о хранившейся в Сибирском банке коллекции ста-

ринных монет, имевшей, по словам владельца, «археологическую ценность», мы не располагаем. Единственным документом, свидетельствующим о ее наличии, является отпечатанное на бланке Наркомпроса «отношение» А. В. Луначарского от 19 декабря 1917 г. в ответ на просьбу Руманова о возврате коллекции ¹⁹. Луначарский предложил обменять коллекцию «по стоимости металла на установленных основаниях» (?! — *Е. Я.*). Так что, либо Руманову ее не вернули, либо, получив монеты, собиратель расстался с ними по своей воле.

Определены, но до настоящего времени не выявлены коллекции медных складней и крестов, медных (золоченых) буддийских божеств, предметов бронзы, фарфора, стекла, мебели, как поступивших в 1920 г. в Русский музей, так и не принятых им. Этими вопросами предстоит заниматься, как, впрочем, и поисками коллекции, состоящей из 146 портретных миниатюр работы немецких художников XVIII в. Что представляли собой миниатюры, в какой технике и материалах были выполнены, пока не известно, зато известны изображенные, главным образом, представители российского высшего общества XVIII в. — Я. Ф. Долгорукий, И. К. Нарышкин, Ф. Ф. Лефорт, А. Д. Кантемир, граф Ф. А. Головин, князя В. В. и М. М. Голицыны, боярин В. С. Волынский и другие. Все миниатюры, а также медаль XVIII в. в честь генерала Ветмана, хранились в ящике и одними из первых, поступив

Н. К. Рерих. Холмы. 1915. На обороте надпись: 27 апреля 1916 г. Аркадию Ветяминовичу Руманову. Н. Рерихъ

Дени. А. В. Руманов. Шарж. 1915

в Русский музей, были инвентаризированы. В настоящее время в музее их нет.

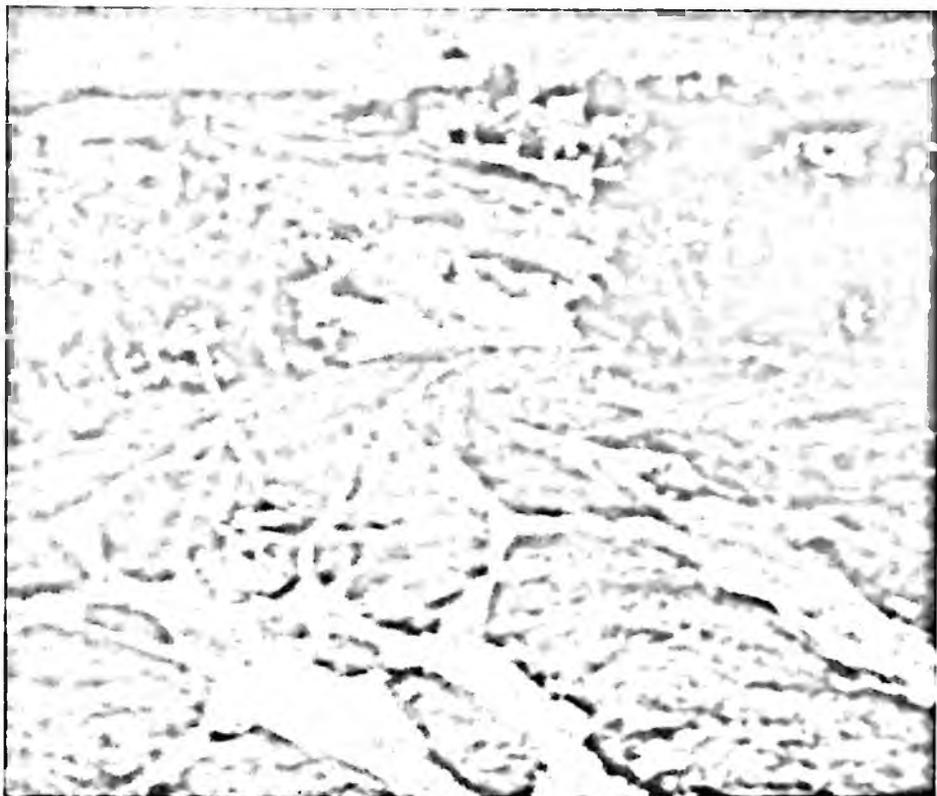
Самая многочисленная румановская коллекция, насчитывающая приблизительно три сотни работ, состояла из западноевропейского и отечественного искусства. Зарубежное искусство представляли произведения мастеров старой голландской, фламандской, французской школ живописи. Среди них — «Курильщик с трубкой» А. ван Остаде, «Пейзаж» Я. Ваувермана, «Сценка в церкви» П. Я. Кваста, «Натюрморт» Я. де Хема, «Пожар Трои» В. ден Пуля и другие. Среди пейзажей преобладали «морские виды». Были в коллекции и пейзажи с пасущимися

животными, жанровые произведения, портреты.

По сравнению с живописью коллекция печатной графики была немногочисленной. Ее представляли английские раскрашенные лубочные карикатуры, офорт Д. Уокера с портрета Екатерины II работы И. Б. Лампи, цветная старонемецкая гравюра «Мост во Франкфурте», гравированные копии с фресок Рафаэля. Из работ русских гравюров в коллекцию входили раскрашенные литографии к песням «Соловей мой, соловей» и «Ты, Настасья, отвори-ка ворота», серия гравюр В. Храмцева и, конечно же, гравированный Н. И. Уткиным портрет А. С. Пушкина — любимого поэта царскосела Руманова.

Из всей румановской коллекции произведений изобразительного искусства большую часть составляли работы отечественных художников. Произведений мастеров XIX в. было немного, и выбор их представляется довольно случайным. Руманов не ставил перед собой задачу на материале собрания выстроить историю искусства. Он приобретал то, что ему нравилось. Подчас это были случайные и не очень интересные работы, но не следует забывать, что и комплектование коллекции находилось не на завершающем этапе.

Русское искусство XIX в. представляли портреты, пейзажи, иллюстрации к литературным произведениям и редкие сюжетные картины. Среди них «Автопортрет» (1830-е) В. А. Тропинина, «Портрет неизвестного из семьи князей Путятиных» А. Г. Венецианова (?), пор-

И. Ф. Колесников. Осень. 1910-е

треты работы П. П. Соколова, акварельный «Портрет Екатерины Михайловны Бакуниной» А. П. Брюллова и эскиз его брата — «великого Карла» — к картине «Последний день Помпеи», сепия В. И. Гау «Дети императора Александра II», «Вечер» Ф. А. Васильева, иллюстрации А. О. Орловского к басням И. А. Крылова, жанровые картины Т. Г. Шевченко, «Славилыпицы» Л. И. Соломаткина, шесть этюдов И. И. Левитана, этюд В. Д. Поленова «Босфор» и т. д.

Наибольший интерес у собирателя вызывала часть коллекции, связанная с произведениями его современников — отечественных художников конца XIX—начала XX в. Не случайно многие из них были представлены несколькими работами. Больше всего у Руманова было произведений Рериха, и это объяснимо: на протяжении многих лет собирателя с художником связывали дружеские и деловые отношения. В значительной мере об их близости свидетельствуют дар-

ственные надписи Рериха на его произведениях, фотографиях, книгах. Так, на авантитуле первой книги «Собрания сочинений», изданной И. Д. Сытиным не без поддержки Руманова, художник написал: «Дорогому Аркадию Вениаминовичу Руманову в память общих дум, в память исканий и надежд и доверия. Искренно преданный. Н. Рерих. 15 ноября 1913».

Рерих, сам коллекционировавший произведения старых мастеров, консультировал Руманова в его приобретениях. Как и Рерих, Руманов состоял в Императорском Обществе поощрения художеств, Обществе защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, в Лиге Образования. Он систематически посещал художественные выставки, участвовал в благотворительных аукционах, приобретая произведения станкового, театрально-декорационного и декоративно-прикладного искусства, в том числе работы преподавателей возглавляемой Рерихом Рисовальной школы, ее выпускниц и даже учащихся.

Одной из достопримечательностей собрания Руманова являлась небольшая коллекция шаржей, изображающих самого собирателя, его друзей и знакомых — преимущественно писателей и деятелей искусства. Это шаржи работы Дени на журналиста А. А. Измайлова, А. И. Куприна и Ф. И. Шаляпина, режиссера Н. Н. Евреинова, ученого и общественного деятеля графа И. И. Толстого, «вечного странника», литератора О. Дымова; шаржи Н. В. Реми на театрального критика Ю. Д. Беляева, журналиста В. М. Дорошевича, «троицу богоискателей» — З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. Н. Filosofova; шаржи М. Л. Шафрана на ученого М. М. Ковалевского и будущего министра Временного правительства А. И. Гучкова.

Доверительные и уважительные отношения связывали Руманова со многими художниками, в том числе с академиком скульптуры И. Я. Гинцбургом, советовавшим ему приобрести качественную отливку бронзовой статуэтки Микельанджело «Моисей». «Она прекрасно отлита и чудесно исполнена», — писал скульптор Руманову и тут же уточнял, что два «таких экземпляра» уже заказал для Шаляпина²⁰. Произведения скульптуры, как представляется, в собрании носили довольно случайный характер.

Пополнялись румановские коллекции традиционными путями — в результате даров, покупки и обмена. О дарах свидетельствуют адресованные собирателю письма и надписи на произведениях, например, на «Зимнем пейзаже» С. М. Городецкого²¹, акварели Г. К. Лукомского²², нескольких работ Рериха. Из письма последнего известно, что он дарил Руманову не только собственные произведения. «Сейчас я нашел у себя вещь Бродского, — писал Рерих, — и так как я не

собираю русских современников, то прошу Вас приобщить этот пейзаж к Вашей коллекции. <...> внести лишний номер в Вашу коллекцию для меня слишком большое удовольствие, в котором я себе все-таки не могу отказать»²³.

Другим и самым главным способом пополнения коллекций являлась покупка произведений. Совершалась она в мастерских художников, на выставках и аукционах²⁴. Три работы Руманов приобрел, например, при распродаже коллекции известного петербургского собирателя П. В. Деларова. Среди них — акварель А. П. Брюллова «Портрет дамы в беличьей накидке» и «Портрет “интеллигента”» И. Е. Репина.

Третьим путем формирования коллекций был обмен. Так, в собрание Руманова входило авторское повторение эскиза декораций Рериха «Мельница в горах» к драме «Пер Гюнт», ранее принадлежавшее лейб-медику Л. Б. Бертенсону. Картина К. А. Коровина «Извозчики (Севастополь)» до Руманова являлась собственностью историка Н. А. Смирнова. От Рериха «перешла» к Руманову и приобретенная в 1913 г. за 600 рублей картина М. А. Врубеля «Гамлет и Офелия» (ныне в ГРМ).

Из обнаруженных в архивах писем, адресованных Руманову, складывается образ демократичного собирателя, с легкостью посещавшего и мастерские именитых художников, и мансардные обиталища недавних выпускников художественных школ. Так, Руманов неоднократно бывал у И. Е. Репина, Ст. Ф. Колесникова, А. А. Борисова, в мастерских мирискусников. Художники считали за честь его посещения. «Очень, очень хочу Вас видеть», — писал «искренне ценящий» Руманова С. С. Судейкин, предлагая «приобрести несколько эскизов (весьма недорого) работы Наумова, Чернова» и его самого²⁵. Отношения Руманова с Судейкиным, как и с другими художниками, сохранялись и в эмиграции.

К Руманову постоянно обращались с просьбами. Так, художница Е. С. Зарудная-Кавос просила его посетить мастерскую анималиста А. Л. Обэра, посмотреть скульптурки «обезьян» — приобрести самому или кому-нибудь порекомендовать. «Вы такой отзывчивый к искусству», а «такой большой артист в очень тяжелом материальном положении»²⁶, — поясняла она. Вероятно, вопрос о посещении этой мастерской у сверхзанятого Руманова стоял отнюдь не на первом месте, но он побывал там и заказал Обэру бронзовые скульптурки. Так была оказана очередная поддержка бедствующему художнику.

Приобретая произведения начинающих и, как правило, нуждающихся художников, Руманов поддерживал их не только материально, но и морально, ибо, как справедливо заметил А. М. Ремизов, он

«без всяких безобразий мог человека прославить и вывести на дорогу»²⁷.

Художники обращались к Руманову не только как к собирателю или другу, но и как к издателю. Они просили его оказать содействие в публикациях работ, объявлений, заметок, статей и даже в печатаньи книг. В конце октября 1915 г. поэт Сергей Городецкий писал Руманову: «Дорогой Аркадий! Юнец златокудрый, который принесет тебе это письмо, — поэт Есенин (я тебе говорил — рязанский крестьянин). Не издать ли его первую книгу “Радуница” у Сытина? Если можешь делу, я напишу предисловие. Стихи медовые, книга чудесная. Приласкай»²⁸. Как известно, опередив Руманова, «приласкал» поэта другой издатель.

Разумеется, обращались и по другим поводам. Поэт Николай Клюев просил внести «плату за учение в Вытегорском Реальном училище мужицкого сына Василия Хотякова», иначе его «заберут в солдаты»²⁹, и Руманов оплачивал годовое обучение неизвестного ему Василия.

Прожив долгую жизнь в эмиграции, Руманов навсегда сохранил любовь к родине, где одной из привязанностей его было собирательство художественных произведений. Прав был Николай Рерих, когда писал, что «русские собиратели горели к искусству». Именно это «горение» и лежало в основе собирательства петербуржца Аркадия Руманова.

Ныне в 25 музеях бывшего Советского Союза хранится свыше ста произведений из бывшего румановского собрания³⁰. Столько же находится в Русском музее. В 2001 г. Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля на базе собственных фондов, включающих пятнадцать произведений, ранее принадлежавших Руманову, впервые организовал и провел выставку, посвященную памяти собирателя³¹. Разумеется, этому предшествовала большая научно-исследовательская работа. В результате подобного рода исследований современные владельцы узнали не только имя своего предшественника, но и историю бытования принадлежавших им работ. Некоторым произведениям удалось вернуть первоначальные названия, у других — уточнить даты создания.

По документам известно, что значительное количество принадлежавших Руманову произведений в 1920-е гг. Русский музей передал в Госфонд и Комиссию по реализации госфондов. Несколько полотен для украшения интерьеров посольств поступило в Наркоминдел. Где они теперь? В каких странах? Да и сохранились ли? Поисковая работа продолжается. Так, в последние годы в музеях бывшего СССР найдено несколько работ, в том числе картина Ю. П. Анненкова «Боровичи»³².

Дальнейшее выявление произведений позволит составить полное представление о румановском собрании, что даст возможность включить эту информацию в фундаментальное научное исследование, посвященное частному коллекционированию в дореволюционной России. В то же время выявленные произведения позволят организовать выставку, наглядно демонстрирующую пути комплектования музейных фондов в советский период. Это привлечет заслуженное внимание и к личности собирателя — Аркадия Вениаминовича Руманова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая публикация: *Яковлева Е. П.* О петербургском собирателе А. В. Руманове и судьбе его художественных коллекций // Н. К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры / Сб. ст. Одесса, 2001. С. 172—188. В настоящем издании публикуется с некоторыми изменениями и сокращениями.

² *Маковский С.* К восьмидесятилетию журналиста // Русская мысль. 1958, 4 декабря.

³ Выражение из кн.: *Померанцев К.* Сквозь смерть. Воспоминания. Overseas Publication Interchange Ltd. [1996]. С. 123.

⁴ Слова принадлежат протоиерею Димитрию Соболеву. См.: Письмо Д. Соболева А. В. Руманову от 9 декабря 1958 г. Париж, собр. Д. А. Руманова.

⁵ Например, З. Н. Гиппиус, С. К. Маковский, Н. А. Оцуп, Г. А. Раевский, И. В. Одоевцева, М. А. Струве и др. Н. А. Тэффи посвятила Руманову рассказ «Баба́я книга».

⁶ *Н. Н. Гиппиус.* Портрет А. В. Руманова. Не позднее 1913. Масло. В 1928 г. из ГРМ передан в Госфонд. Ныне местонахождение неизвестно; *В. Н. Денисов (Дени).* А. В. Руманов. Шарж. 1915. Акварель, итальянский карандаш, перо. С 1920 в собрании ГРМ; *М. С. Линский.* А. В. Руманов. Шарж. 1920. Тушь, перо. Местонахождение неизвестно; *З. Е. Серебрякова.* Портрет А. В. Руманова. 1928. Пастель, уголь, карандаш. Париж, собр. Д. А. Руманова; *Бенн (Бенжу Рабинович).* Портрет А. В. Руманова. 1942. Масло. Париж, собр. Д. А. Руманова; *А. В. Гефтер.* А. В. Руманов. 1943. Тушь, перо. Местонахождение неизвестно.

⁷ В Санкт-Петербургский университет А. В. Руманов перевелся из Московского университета, куда поступил в 1896 г. на медицинский факультет. Проучившись там четыре семестра, он оставил медицину и перешел сначала на первый курс юридического факультета, потом — на тот же факультет Санкт-Петербургского университета. О студенческих годах А. В. Руманова см.: *Яковлева Е. П.* «Общий друг» поэтов и художников. А. В. Руманов // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 2. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003.

⁸ О взаимоотношениях Руманова с поэтом см.: *Яковлева Е. П.* Блок и А. В. Руманов // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. Музей-квартира А. Блока: материалы научных конференций. СПб., 1999. С. 232—245.

⁹ См. об этом: *Перова Н. Ю.* А. В. Руманов в газете «Кавказские Минеральные воды» // Н. К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры. С. 163—171.

¹⁰ См. об этом: *Чуковский К. И.* «Сигнал» // *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: ИХЛ, 1965. С. 704. Взаимоотношения А. В. Руманова и К. И. Чуковского посвящен одноименный доклад автора на научной Блоковской конференции. СПб., Музей А. А. Блока. 26 ноября 1999 г.

¹¹ *Маковский С.* Указ. соч.

¹² Эта сторона биографии А. В. Руманова некоторым образом отражена в литературе по истории издательского предприятия И. Д. Сытина, например, в монографиях: *Динерштейн Е. А.* И. Д. Сытин. М., 1983; *Роуд Ч.* Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996.

¹³ *Руманов Д. А.* Воспоминания об отце — Аркадии Вениаминовиче Руманове // Н. К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры. С. 149.

¹⁴ *Маковский С.* Указ. соч. Об эмигрантском периоде жизни А. В. Руманова см.: *Яковлева Е.* Аркадий Руманов — забытое имя? // Русское еврейство в Зарубежье. Т. 3 (8). Русские евреи во Франции. Статьи, публ., мемуары и эссе. Кн. 1. Иерусалим, 2001. С. 162—176; *Руманов Д. А.* Воспоминания об отце — Аркадии Вениаминовиче Руманове. С. 148—162; *Он же.* Мой отец // Взор. 2002. № 6.

¹⁵ Не будет ошибкой называть «собрание А. В. Руманова» «собранием А. В. и Е. Л. Румановых», хотя собирателем и владельцем коллекций, безусловно, был Аркадий Вениаминович. Как следует из дарственных надписей, некоторые произведения принадлежали его жене, пианистке Евгении Львовне (Женни Лазаревне) Румановой. Именно ей в 1918 г. государство выдало «охранную грамоту» на все собрание мужа. Имя Е. Л. Румановой фигурирует и во всех документах — описях коллекций, списках передачи произведений в отдел по охране памятников искусства и старины и в Русский музей, а также в инвентарных книгах и научных карточках произведений из Русского музея.

¹⁶ Строки из поэмы *Вл. Пяста* «Грозою дышащий июль». Цит. по: *Пяст Вл.* Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 147.

¹⁷ *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. М.: Согласие, 1994. С. 57. Приведенные свидетельства требуют некоторой коррекции. Во-первых, в кабинете размещалась не «александровская» мебель, а гарнитур «фигурного красного дерева» конца XIX—начала XX вв.; во-вторых, «Портрет Анны Ахматовой», согласно описи коллекции за июнь 1919 г., находился не в гостиной, а в прихожей или в запасных комнатах. В гостиной же — между версальскими видами А. Н. Бенуа и яркими полотнами М. С. Сарьяна и С. Ю. Судейкина — красовались альтмановские «Подсолнухи» (см.: Опись картин в квартире Ж. Л. Румановой. Архив ГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 241. Л. 11—19).

¹⁸ *Одоевцева И.* Бывшие встречи, бывшая дружба... // Русская мысль. 1960. 22 ноября.

¹⁹ Отношение Народного Комиссара по просвещению А. В. Луначарского Народному Комиссару по финансам, выданное Руманову Аркадию Вениаминовичу о выдаче коллекции старинных монет, хранящейся в Сибирском Банке от 19 декабря 1917 г. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 999.

²⁰ Письмо И. Я. Гинцбурга А. В. Руманову от 2 августа 1913 г. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 1.

В описи румановского собрания 1920 г. приводится «фигура темной бронзы Моисей», впоследствии переданная из ГРМ предположительно в Ярославский музей. Возможно, именно этот «Моисей» и был приобретен Румановым с подачи Гинцбурга.

²¹ На обороте этюда С. М. Городецкого «Зимний пейзаж» автор надписал: *Дорогому Аркадию Веньяминовичу въ знак любви и дружбы Городецкій СПб 911 20/IV*. С 1920 г. произведение хранится в ГРМ.

²² На обороте акварели Г. К. Лукомского «Внутренность Шартрского собора» написано: *Дорогому, вечно чарующему и ободряющему Аркадию Веньяминовичу, в знак радости свидания после долгой и тяжелой разлуки. 21 января 1909 г. Георгий Лукомский*. С 1931 г. произведение принадлежит Дальневосточному художественному музею.

²³ Письмо Н. К. Рериха А. В. Руманову (б/д). РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 546. Л. 41.

²⁴ Так, например, Т. Н. Гиппиус писала Руманову: «Многоуважаемый Аркадий Вениаминович <...> Если Вы не оставили еще Вашего намерения приобрести рисунки, то будьте добры: поскорее мне сообщите — согласны ли Вы на назначенную цену и какие именно Вы желаете» (письмо от 26 ноября 1913 г. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 3).

²⁵ Письма С. Ю. Судейкина А. В. Руманову от 20 июля 1914 г. и б/д РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 622. Л. 1—2. В коллекции было десять работ Судейкина: театральные эскизы, натюрморты, пейзажи Летнего сада, объединенные стихотворением М. Кузмина, портреты — того же Кузмина и его молодого друга Ю. Юркуна.

²⁶ Письмо Е. С. Зарудной-Кавос А. В. Руманову [1916 г.]. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 265. Л. 12.

²⁷ Ремизов А. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 59.

²⁸ Письмо С. М. Городецкого А. В. Руманову от 23 октября 1915 г. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 8.

²⁹ Письмо Н. А. Клюева А. В. Руманову [б/д]. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 306. Л. 4—5.

³⁰ Произведения из бывшего собрания А. В. Руманова хранятся в следующих музеях: Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (Архангельский музей изобразительных искусств), Государственный музей искусств Республики Туркмения (Ашхабад), Государственный музей искусств Республики Азербайджан (Баку), Бердянский художественный музей им. И. И. Бродского, Приморская краевая картинная галерея (Владивосток), Днепропетровский художественный музей, Государственная картинная галерея Республики Армения (Ереван), Музей изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань), Тан-Тувимский музей (Кизил), Костромской государственный объединенный художественный музей, Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко, Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова, Государственная Третьяковская галерея (Москва), Кабардино-Балкарский музей изобразительных искусств (Нальчик), Нижегородский художественный музей, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Омский музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Переславль-Залесский историко-художественный музей-заповедник, Пермская госу-

дарственная художественная галерея, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), Севастопольский художественный музей им. М. П. Крошицкого, Государственный художественный музей им. М. В. Нестерова Республики Башкортостан (Уфа), Хабаровский художественный музей. Значительное количество произведений на сегодняшний день остается невыявленным.

³¹ Омский музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Собиратель Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960). Выставка / Буклет. Омск, 2001.

³² В собрание Государственной Третьяковской галереи картина Ю. П. Анненкова «Боровичи» поступила из КГБ СССР в 1987 г. с названием «Мечты провинциала». Атрибуция автора.

**ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

СКОЛЬКО ЛЕТ ПСКОВУ?

(к 1100-летию первого упоминания Пскова
в летописи)

Вопрос «когда возник *Псков?*» подразумевает необходимость установить, когда появился топоним «Псков». Задавшись вопросом «когда возник *город* Псков», мы должны искать ответ на вопрос, называлось ли «Псковом» древнейшее раннегородское образование при слиянии Псковы и Великой. Если мы ставим вопрос «когда возник город на месте Пскова», мы тем самым а priori допускаем, что топоним «Псков» не связан с древнейшим раннегородским образованием, а появился либо раньше, либо позднее.

Формулируя вопрос, вынесенный в заголовок, я отдаю себе отчет в том, что эта формулировка ничем не лучше прочих, да к тому же она слишком публицистичная. Тем не менее, такая постановка вопроса, как это ни странно, наиболее нейтральная: фактически мы задаемся вопросом — соответствует ли отмеченный в 2003 году 1100-летний юбилей Пскова реальному возрасту ныне существующего города?

Очевидно, что ответ на этот вопрос находится в компетенции археологов: надо лишь определить — что копать. В конце XIX в. псковский краевед Ф. А. Ушаков предлагал искать первоначальные поселения, существовавшие на месте города Пскова, на мысу при впадении в реку Великую речки Мирожки и на т. н. «Городце»¹. Но после раскопок 1930² и 1936 гг.³ уже никто не сомневался в том, что догородское поселение на месте Пскова размещалось на площадке Псковского городища, составляющем ныне северную часть территории Псковского кремля.

Таким образом, решение поставленного вопроса зависит от археологических исследований на Кромку. Раскопки здесь велись неоднократно начиная с 1930 г. Наиболее масштабными стали работы, проведенные в 1946—1949 гг. С. А. Таракановой: в течение четырех полевых сезонов исследовательница вскрыла на площадке Псковского городища около двух тысяч квадратных метров культурного слоя⁴. Именно на материалы раскопок Таракановой обычно и опираются, рассматривая вопрос о возрасте Пскова.

Но здесь я хотел бы подчеркнуть: археологические материалы — весьма своеобразный вид источников. С одной стороны, в результате раскопок коллекции находок постоянно пополняются, расширяя доступный для изучения круг источников. С другой стороны, результаты масштабных раскопок зачастую лишь подтверждают уже известные факты, в то время как материалы небольшого раскопа и даже шурфа заставляют порой серьезно корректировать и даже пересматривать существующие представления.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к проблеме происхождения и времени возникновения Пскова. На протяжении нескольких десятилетий в научной и научно-популярной литературе господствовало мнение о постепенном перерастании в средневековый город Псков племенного центра славян-кривичей. Эта версия была сформулирована на материалах раскопок С. А. Таракановой⁵ и получила историческое осмысление в монографии М. Н. Тихомирова⁶. Правда, большинство собственно археологических наблюдений С. А. Таракановой было в результате новых раскопок⁷ переосмыслено, однако предложенная версия возникновения Пскова продолжала жить в работах историков самостоятельной жизнью. Это и не удивительно: процесс перерастания раннеславянского племенного центра в средневековый город был сформулирован М. Н. Тихомировым с такой подкупающей простотой и четкостью, что уточнения, вносимые археологами в интерпретацию тех или иных находок и объектов, казались несущественными.

На рубеже 1970-х и 1980-х годов спор о происхождении и времени возникновения Пскова возобновился. В печати были почти одновременно изложены две версии начальной истории города, основанные на повторном обращении к материалам раскопок С. А. Таракановой: К. М. Плоткин предложил новую систему аргументов в защиту традиционной версии происхождения Пскова из племенного центра догородской поры⁸, а я выдвинул принципиально новую версию, согласно которой культурный слой Псковского городища содержит остатки по крайней мере четырех последовательно сменявших друг друга поселений (Псков А-Г), не связанных между собой преемственным развитием⁹. При этом основные периоды культурной стратиграфии Псковского городища были в наших с К. М. Плоткиным работах определены сходно, а расхождения заключались в оценке соотношения периодов между собой.

Два с лишним десятилетия, которые прошли со времени возобновления дискуссии, показали, что намеченные периоды культурной стратиграфии Псковского городища выдержали проверку временем¹⁰. Однако вопрос о соотношении периодов до сих пор остается предме-

том дискуссии: в книге 1996 г. я продолжал настаивать на отсутствии преемственной связи между периодами культурной стратиграфии ¹¹, в то время как оппоненты, не возражая по существу, оставались при мнении о постепенном развитии поселения при впадении Псковы в Великую от середины I тысячелетия по Р. Хр. и вплоть до преобразования в раннесредневековый город ¹².

Версия культурной стратиграфии Пскова, опубликованная мною в 1980 г. и повторенная в работе 1996 г., опиралась на результаты раскопок Пскова 1930—1970-х годов. Материалы раскопок Псковского городища 1980-х годов в статье 1980 г. еще не могли быть учтены, а в работе 1996 г. результаты этих раскопок лишь упоминались. Между тем именно результаты раскопок 1980—1990-х годов являются принципиальными для решения вопроса о происхождении и времени возникновения Пскова. Прежде всего это относится к результатам изучения нижнего слоя городища в небольшом по площади раскопе (траншея у «Дома причта») 1983 г. Здесь были впервые выявлены остатки углубленного округлого в плане котлована постройки с очагом в центре, принадлежавшей носителям сетчатой керамики (Псков А) ¹³, и фрагмент прорезавшего это постройку углубленного подпрямоугольного котлована постройки, принадлежавшей носителям культуры длинных курганов (Псков Б). При этом установлено, что постройка периода Псков Б прорезала постройку периода Псков А после того, как последняя прекратила свое существование и была перекрыта стерильным слоем погребенного дерна ¹⁴. Таким образом, «мысль о связи находок сетчатой посуды с прибалтийско-финским населением, обитавшим на городище одновременно со славянами в третьей четверти I тыс.» ¹⁵ при всей ее «правдоподобности» ¹⁶ можно отбросить.

В том же раскопе 1983 г. выявлена стерильная прослойка погребенного дерна, разделяющая котлован постройки, принадлежавшей носителям культуры длинных курганов (Псков Б), и глинобитный пол постройки, относящейся ко времени существования на площадке Псковского городища поселения, принадлежавшего носителям древностей типа Камно-Рыуге (Псков В) ¹⁷. Это дает основания отказаться от мнения, согласно которому «присутствие рыугеской керамики в культурных отложениях Псковского городища» — явное свидетельство проживания на поселении наряду со славянами и местного прибалтийско-финского населения ¹⁸ — к моменту появления на площадке Псковского городища населения, строившего наземные дома с глинобитными полами (Псков В), раннеславянское поселение (Псков Б) уже прекратило свое существование. Поэтому рассматривать «наземные срубные жилища с ... ямами внутри» (постройки

периода Псков Б) и «наземные строения с глинобитными полами» (постройки периода Псков В) как два типа жилых построек одного и того же поселения¹⁹ нет оснований.

Существенно уточнить представления о поселениях I тысячелетия по Р. Хр. на Псковском городище позволили раскопки, проведенные в 1991—1992 гг.²⁰ Раскоп был заложен между зданием Порохового погребка XVII в. и «Домом притча». Слой в раскопе разделялся на «верхний» и «нижний»; границей между слоями стали прослойка пожара и подстилающая пожар прослойка известкового раствора. Верхний слой, перекрывавший реперные прослойки, представлен отложениями, содержащими предметы позднесредневекового и постсредневекового времени. Происходящие из реперной прослойки пожара предметы позволяют датировать пожар временем не ранее XVIII в. (возможно, 1778 г.²¹). Реперная прослойка известкового раствора сопоставима со строительством Порохового погребка 1636—1644 гг.²².

Нижний слой в раскопе, подстилавший реперные прослойки, представлен отложениями темно-серого (до темно-коричневого и черного) цвета, содержащими обильную примесь щепы, древесного тлена, прослойки угля, песка, глины, золы, остатки построек (печи, очаги, фрагменты срубов, мостовые и проч.). Среди находок из этой части отложений резко преобладают фрагменты лепной керамики, а фрагменты раннекруговой и круговой керамики единичны. Это определяет верхнюю хронологическую границу нижнего слоя временем не позднее XI в. Таким образом, между верхним и нижним слоями в раскопе 1991—1992 гг. выявляется хронологическая лакуна, превышающая шесть столетий. Ничем иным кроме как уничтожением части слоя при проведении земляных работ перед строительством Порохового погребка эту лакуну объяснить не удастся.

Объекты, открытые в нижнем слое раскопа 1991—1992 гг., удалось расчленить на 11 стратиграфических ярусов. В предматериковом слое погребенной почвы найдены единичные фрагменты лепной орнаментированной керамики баночных и чашевидных форм, сходной с керамикой асвенской культуры в Эстонии²³, а также фрагменты лепной сетчатой керамики. Ко времени бытования сетчатой керамики относятся также фрагменты бревен, лежавших на поверхности погребенного дерна (ярус I)²⁴. Яруса II—VIII представлены фрагментами срубных и столбовых построек с глинобитными или земляными полами и глинобитными купольными печами, под которых представлял собой булыжную вымостку, промазанную глиной; печи занимали в интерьере серединное положение. Слой этого времени содержал грубую лепную кухонную керамику баночных форм и многочисленные фрагменты столовой лощеной посуды чашевидных

форм. К ярусу IX относится срубная постройка с дощатым полом и глинобитной печью, занимавшей в интерьере угловое положение. С этой постройкой связаны находки лепных и предкруговых профилированных сосудов. Объекты ярусов X и XI сохранились плохо, а в слое, соответствующем этим объектам, найдена раннекруговая и круговая богатоорнаментированная керамика.

Таким образом, в раскопе 1991—1992 гг. зафиксированы следы застройки, относящиеся к периодам Псков А (ярус I), Псков В (яруса II—VIII) и Псков Г (яруса IX—XI). Поселения периода Псков В и Псков Г разделены слоем пожара, в котором погибли постройки яруса VIII. Домостроительство и керамика, характеризующие ярус IX, отличаются от домостроительства и керамики, характерных для ярусов II—VIII.

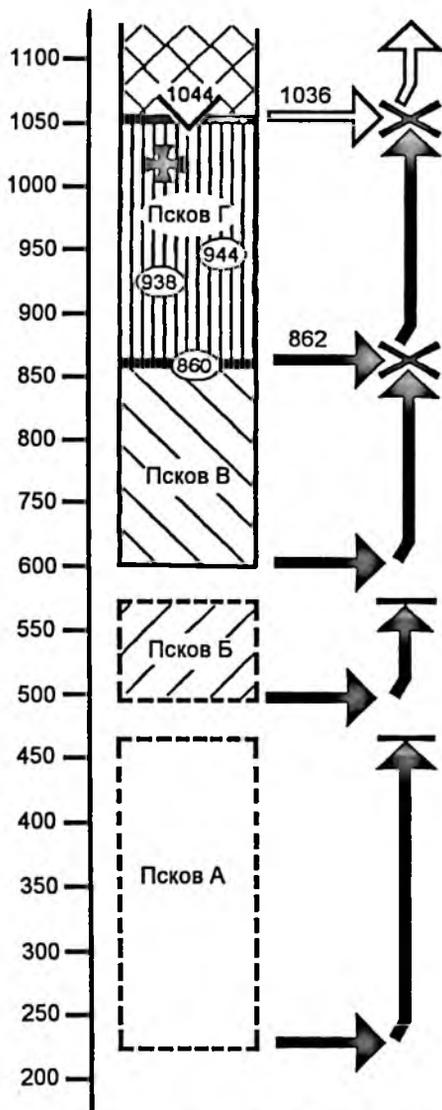
Хронология нижнего слоя в раскопе 1991—1992 гг. определена по дендроспилам²⁵ и образцам дерева, датированным радиоуглеродным методом²⁶. Полученные даты, соотнесенные со стратиграфическими наблюдениями, позволили перевести относительную хронологию ярусов в шкалу абсолютной хронологии (табл. 1). Древнейший из ярусов в раскопе отнесен ко второй четверти I тысячелетия по Р. Хр., яруса II—VIII последовательно сменяли друг друга на протяжении VII—первой половины IX вв., ярус IX, перекрывший пожар начала 860-х годов, в котором погиб ярус VIII, датирован второй половиной IX—началом X вв., ярус X датирован серединой X в., а ярус XI — второй половиной X—началом XI вв.

Таблица 1

ХРОНОЛОГИЯ ЯРУСОВ ЗАСТРОЙКИ В РАСКОПЕ 1991—1992 гг.

Яруса	Датировка
XI	вторая половина X—начало XI вв.
X	середина X в.
IX	вторая половина IX—начало X вв.
VIII	первая половина IX в. (гибнет в пожаре после 860 г.)
VII	конец VIII—начало IX вв.
VI	вторая половина VIII в.
V	первая половина VIII в.
IV	конец VII—начало VIII вв.
III	вторая половина VII в.
II	первая половина VII в.
I	III—V вв.

Таким образом, в результате раскопок 1983 и 1991—1992 гг. на Псковском городище предлагавшаяся версия культурной стратиграфии Пскова получила новые подтверждения. С учетом дополнений и корректив культурная стратиграфия Пскова приобрела следующий вид (рис. 1, табл. 2).

Культурная стратиграфия Пскова

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПСКОВА

Период	Хронология	Культурная принадлежность
Псков А-1	Середина — третья четверть I тысячелетия до Р. Хр.	Асвенская культура
?		
Псков А	Первая половина I тысячелетия по Р. Хр.	Культура каменных могильников
Период запустения площадки городища		
Псков Б	Середина — третья четверть I тысячелетия по Р. Хр.	Культура длинных курганов
Период запустения площадки городища		
Псков В	Последняя четверть I тысячелетия по Р. Хр.	Рыугеская культура
Пожар «после 860 г.»		
Псков Г	Конец IX — первая половина XI в.	Раннегородское образование
Пожар «до 1044 г.»		
Псков Д	Середина XI—XX вв.	Город Псков

Первоначальное освоение Псковского городища может быть отнесено к середине—третьей четверти I тысячелетия до Р. Хр. (Псков А-1)²⁷. Соотношение этого поселения с поселением носителей сетчатой керамики (Псков А) остается не ясно, однако хронологическая лакуна между серединой—третьей четвертью I тысячелетия до Р. Хр. и первой половиной I тысячелетия по Р. Хр. позволяет предполагать, что после прекращения жизни на поселении носителей асвенской культуры площадка Псковского городища некоторое время не была заселена.

После прекращения жизни на поселении носителей сетчатой керамики площадка Псковского городища какое-то время пребывала в запустении, пока в середине I тысячелетия по Р. Хр. здесь не появилось поселение носителей культуры длинных курганов (Псков Б). Это поселение существовало, вероятно, сравнительно недолго, после чего Псковское городище некоторое время вновь оставалось необитаемым — вплоть до появления здесь носителей рыугеской культуры (Псков В). Именно это поселение, погибшее в пожаре 860-х (?) годов, непосредственно предшествовало появлению на месте будущего города Пскова раннегородского образования (Псков Г). Как теперь

становится очевидным, ни о какой преемственной связи между про-тогородским ²⁸ поселением периода Псков В и раннегородским образованием периода Псков Г говорить не приходится, хотя какая-то (возможно — значительная) часть жителей поселка Псков В, безусловно, вошла в состав населения раннегородского образования Псков Г ²⁹.

В первой половине XI в. раннегородское образование Псков Г гибнет в опустошительном пожаре, а уличные трассы возникшего на пепелище населенного пункта прокладываются непосредственно по кварталам предшествующей застройки. Именно со второй половины XI—начала XII вв. топографическая структура города приобретает стабильный характер, и именно она развивается в дальнейшем не только на протяжении всего средневековья, но также в эпоху Нового и Новейшего времени. С середины—третьей четверти XI в. меняется набор керамики, исчезают предметы североевропейского происхождения, широко распространяются южнорусские импорты. Безусловно, именно с появлением населенного пункта, возникшего на месте погибшего в пожаре раннегородского образования Псков Г, начинается отсчет лет современного города Пскова. Однако о непосредственной преемственной связи города Пскова середины XI в. с раннегородским образованием конца IX—начала XI вв. (как бы это поселение не именовалось ³⁰) говорить не приходится.

Таким образом, широко распространенное мнение о постепенном развитии средневекового города Пскова из раннеславянского поселения середины—второй половины I тысячелетия по Р. Хр. находится в противоречии с данными археологии.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие доклада, подчеркну: в настоящее время большинство исследователей сходится в том, что топоним *Псков* является производным от прибалтийско-финского гидронима *Пскова* (= *Piiskava) ³¹. Однако вывод: «Первые славяне, основавшие поселение в устье реки Псковы, назвали его по этому гидрониму» ³² — представляется мне не слишком удачной попыткой согласовать прибалтийско-финский топоним *Пьсковъ* (= *Piiskva; сохр. в совр. финск. и эст.), с изначально заданной гипотезой о славянской принадлежности поселения на Псковском городище. Анализ материалов раскопок 1983 и 1991—1992 гг. позволяет мне остаться при прежнем мнении: в шлейфе поселений, последовательно сменивших друг друга на площадке Псковского городища, *Пьсковом*, вероятнее всего, именовалось поселение последней четверти I тысячелетия по Р. Хр. (Псков В), принадлежавшее аборигенам края.

Таким образом, топоним Псков появился, на мой взгляд, по крайней мере за три столетия до первого упоминания Пскова в летописи. В то же время средневековый город, из которого вырос современный

Псков, основан более чем на столетие позднее первого упоминания Пскова в письменных источниках. Налицо две крайности, и обе они вступают в противоречие с летописной датой Пскова.

Полагаю, дискуссия на тему «сколько лет Пскову?» («когда возник Псков», «когда возник город Псков», «когда возник город на месте Пскова» и т. п.) не имеет отношения к юбилею Пскова. Если отсчитывать юбилейные даты от событий, неоднозначно трактуемых историками, недолго докатиться до приснопамятного «1500-летия матери городов Русских», а там, глядишь, будем вести историю современных городов от палеолитических стоянок, обнаруженных на территории этих городов. Наверное, надо оставить споры для академических дискуссий. Формула юбилея Пскова определена абсолютно корректно — «1100-летие первого упоминания Пскова в русских летописях». Именно эту дату и отметила в 2003 году вместе с псковичами вся Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ушаков Ф. Псковский Городец и Мирожь как места первых псковских поселений // ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, СПб., 1901, с. 323—337.

² РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1/1930, д. 125.

³ РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1/1936, д. 20; Чернягин Н. Н. Раскопки в Псковском Кремле // СА, 1937, т. IV, с. 327—328. Он же. Псков. Кремль // Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, с. 28—32.

⁴ Архив ИА РАН, р. 1, д. 57, 168, 218, 411; РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. 1859, 1859а.

⁵ Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИ-ИМК, 1950, № 35.

⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

⁷ Напр.: Гроздилов Г. П. К вопросу о топографии древнего Пскова // АСГЭ, вып. 6, Л., 1964, с. 140—145; Белецкий С. В. Раскопки в Псковском кремле в 1972—1974 гг. // КСИА, вып. 155, 1978, с. 57—63. Он же. Раскопки Псковского городища в 1977—1978 гг. // Древнерусские города. М., 1981, с. 40—62.

⁸ Плоткин К. М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980.

⁹ Белецкий С. В. Керамика Псковской земли второй половины I—начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980. Он же. Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, вып. 160. М., 1980, с. 3—18.

¹⁰ Все основные положения моей статьи 1980 г. были в конце 1990-х годов повторены В. В. Седовым, см.: Седов В. В. Первые страницы истории Пскова // История Руси-України (історико-археологічний збірник). Київ, 1998, с. 42—48.

¹¹ Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб., с. 54—70.

¹² Напр.: Седов В. В. Первые страницы истории Пскова, с. 45, 46.

¹³ Здесь и далее: для удобства сопоставления обозначения периодов «А», «Б», «В» и «Г» соответствуют схеме культурной стратиграфии, изложенной в статье 1980 г. (*Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова...).

¹⁴ *Белецкий С. В.* Еще раз о нижнем слое Псковского городища // *Stratum plus*, № 4, 2000, с. 209—214.

¹⁵ *Седов В. В.* Первые страницы истории Пскова, с. 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Белецкий С. В.* Еще раз о нижнем слое Псковского городища, с. 209—214.

¹⁸ *Седов В. В.* Первые страницы истории Пскова, с. 44.

¹⁹ Там же, с. 46.

²⁰ *Белецкий В. Д., Белецкий С. В., Попов С. Г.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Псковского городища // *Далекое прошлое Пушкиногорья*. Вып. 5. СПб., 2000, с. 23—34.

²¹ *Кулакова М. И.* Пожары в Псковском кремле XIII—XVIII вв. // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. Т. I. СПб., Псков, 1997, с. 366.

²² *Скрынникова Е. В.* О реставрации и датировке Порохового погреба в Псковском кремле // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. Т. II. СПб.; Псков, 1997, с. 252—262.

²³ Вероятно, фрагменты именно такой керамики были приняты С. А. Таракановой за ямочно-гребенчатую керамику эпохи неолита.

²⁴ *Белецкий С. В.* Еще раз о нижнем слое Псковского городища, с. 209—214.

²⁵ Благодарю М. И. Кулакову (ПОМЗ), проводившую исследование спилов из раскопок 1992 г.

²⁶ Образцы были проанализированы в лаборатории ИИМК РАН. Благодарю С. Г. Попова, проводившего их изучение.

²⁷ Для того, чтобы не менять предлагавшиеся ранее обозначения периодов культурной стратиграфии, для древнейшего периода в истории Псковского городища введено литерное обозначение «Псков А-1».

²⁸ В. В. Седов допускает, что «Псковское городище (VIII—IX вв. — С. Б.) было относительно крупным укрепленным поселением с относительно развитой ремесленной деятельностью, зарождающимися торговыми связями, разнотипным по происхождению населением. Намечающиеся элементы городского характера позволяют считать это поселение эмбрионом раннесредневекового города» (*Седов В. В.* Первые страницы истории Пскова, с. 47). И хотя мне остается непонятно, что означает оговорка В. В. Седова «относительно», употребленная исследователем при оценке характера ремесленной деятельности и размеров поселения (по моим подсчетам — несколько сотен жителей, что для последней четверти I тысячелетия по Р. Хр. является значительной концентрацией населения в одном поселке), признание поселения Псков В в качестве «эмбриона города» соответствует моим наблюдениям (ср.: *Белецкий С. В.* Начало Пскова, с. 70, 78).

²⁹ Об этом, в частности, свидетельствуют находки чернолощенных чашевидных сосудов в слоях X—начала XI вв. (*Белецкий С. В.* Начало Пскова, с. 67, рис. 55, 8).

³⁰ См.: *Белецкий С. В.* Начало Пскова, с. 78—86.

³¹ *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973; *Седов В. В.* Топоним Псков // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1995. [Вып. 16]. Псков, 1996, с. 64—68.

³² *Седов В. В.* Топоним Псков, с. 68.

◆

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Старая Ладога Волховского района Ленинградской области подлинная историческая драгоценность Волховского края, Ленинградской земли, России и, шире, всей Европы. В ее истории обнаруживаются исторические рекорды мирового культурного уровня и значения. Не случайно, 10 декабря 2002 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ о государственном общероссийском праздновании 1250-летия основания Старой Ладogi.

Старая Ладога (до 1704 г. — город Ладога) основана в 753 г. Эта дата установлена археологическим путем с помощью дендрохронологии. Ни один город России и Балтийской Европы не имеет столь точной и определенной по своей давности даты возникновения. Этот город сыграл выдающуюся роль в создании русской городской цивилизации и способствовал выходу славян и русских на арену международной истории.

Город Ладога за восемь веков до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга первое «окно в Европу» славян-русских, ключевой город-порт на великих трансконтинентальных евразийских торговых путях Балто-Волжском и Балто-Днепровском. В создании Ладogi воплотилась «балтийская идея» славян получить выход к Балтийскому морю, к свободным связям с Западной Европой, Скандинавией, Западно-славянским Поморьем. В первые века русской истории Ладога преобразующим образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства.

Уже 1000 лет тому назад Ладога — экономически процветающий город, порт и гавань международных купеческих флотилий, мировая ярмарка лучших в Европе мехов северных народов, производящий ремесленный центр украшений, бытовых изделий, оружия, вывозившихся в соседние регионы.

В переломный период создания европейских государств и городов Ладога оказалась своеобразным «серебряным банком» Европы.

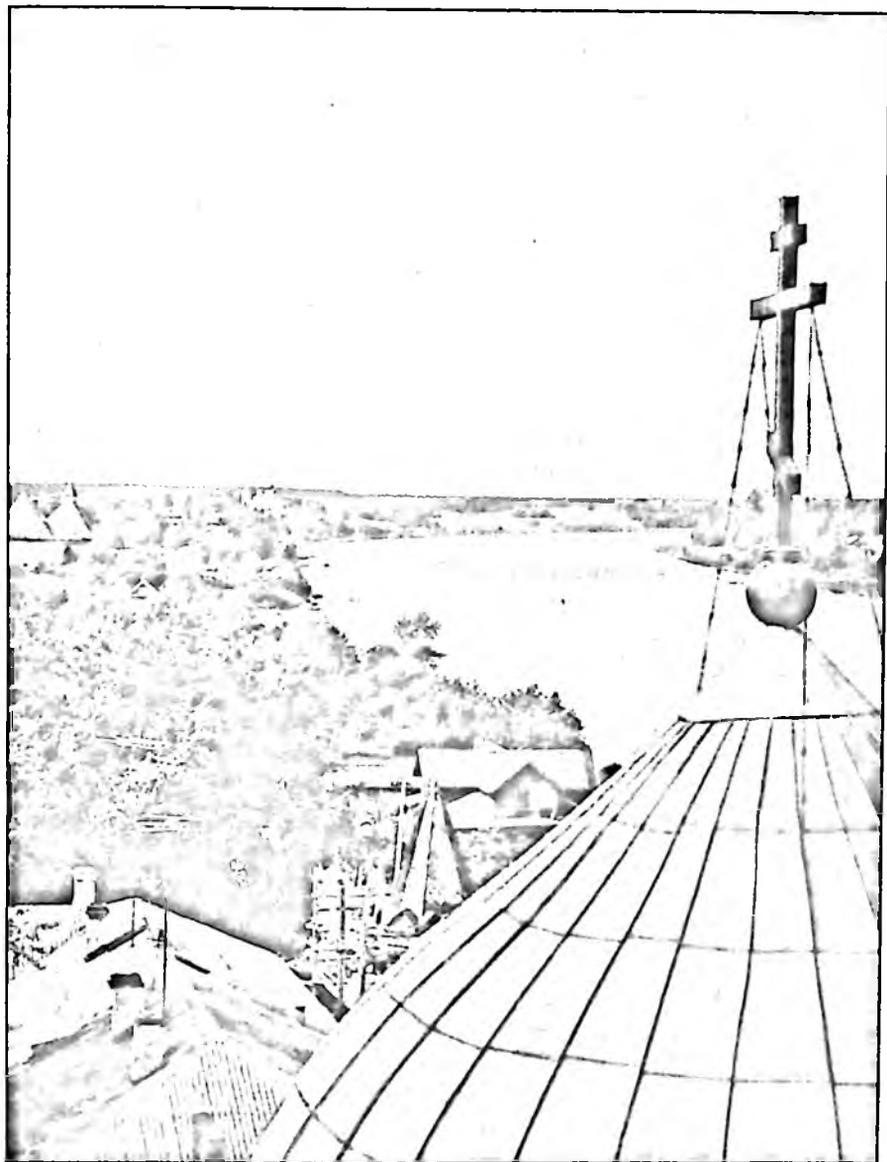
Через нее на Запад поступала основная масса международной в тот период валюты, какой были серебряные исламские монеты-дирхемы. Это способствовало невиданному обогащению целых стран и народов Старого Света, ускорившему развитие экономики, культуры и техники.

Ладога демонстрирует актуальную в наши дни модель межэтнического мира и сотрудничества народов Запада и Востока. В эпоху раннего средневековья Ладога представляла многоязычный Вавилон, поражающий гармоничной уживаемостью титульного базового этноса — славян с финнами, скандинавами, фризами, арабами, булгарами и представителями других народов тогдашнего мира. Здесь произошла историческая встреча людей Запада и Востока, породившая небывалые достижения в области материальной и духовной культуры.

Ладога явилась первой государственной столицей исторической России. В 862 г. здесь, согласно достоверным летописным данным, появился знатный скандинав (или полускандинав, полуславянин) — Рюрик с братьями, ставший основателем правящей на Руси единой державной династии. Начался новый период русской истории, ознаменованный сложением крупнейшей в Европе многонациональной державы со столицами, первоначально в Ладоге, затем на поселении, предшествовавшем Новгороду («Рюриково городище»), затем Киеве. Инициатива консолидации государства была выдвинута Северной Русью под руководством первых Рюриковичей — дальновидных объединителей земель восточных славян.

Ладога стала порубежной крепостью, защищавшей северные рубежи страны, включая Южное Приладожье и свидетельством тому являются три последовательно сооружавшихся в IX, XII и XVI вв. каменных и одной деревоземляной (имевшую новаторское для своего времени устройство) крепостей.

В ранний период своего развития Ладога явилась лидером особой Ладожской земли. Ее ядром была городская волость, занимавшая ключевое положение на важнейшем невско-волховском отрезке (длинной около 60 км) мировых водных путей, соединявших Балтику с Каспийским и Черным морями. В этой полосе находились многорядные Гостинопольские и Пчевские пороги (ныне не существуют) и обслуживавшие их укрепленные городки и приречные сельские поселения. Зона влияния Ладоги не ограничивалась приречной полосой у Волхова, а простиралась по меньшей мере до Онежского озера на востоке и Ижорского плато на западе. В орбите Ладоги находились финские аборигены края: приладожская чудь, весь, ижора, а также лопь. По времени своего формирования Ладожская земля предшествовала Новгородской.

Панорама Староладожского музея-заповедника.
Вид от Никольского монастыря.
Фото А. Н. Кирпичникова

В Ладогe впервые стали воздвигаться особые крутобокие высокие могильные холмы — коллективные усыпальницы веривших в языческих богов горожан. Затем погребения этого типа распространились по всей области словен новгородских. В христианскую эпоху, в третьей четверти XII в. в Ладогe также впервые строят крестовокупольные четырехстолпные трехапсидные приходские, расписанные фресками, храмы, затем принятые на всем севере Руси.

Старая Ладогa ныне музей-заповедник федерального значения. Он создан по инициативе Староладожской археологической экспедиции в 1984 г. На территории заповедника сохранилось более 160 памятников истории, археологии, архитектуры и искусства, а также природный исторический ландшафт.

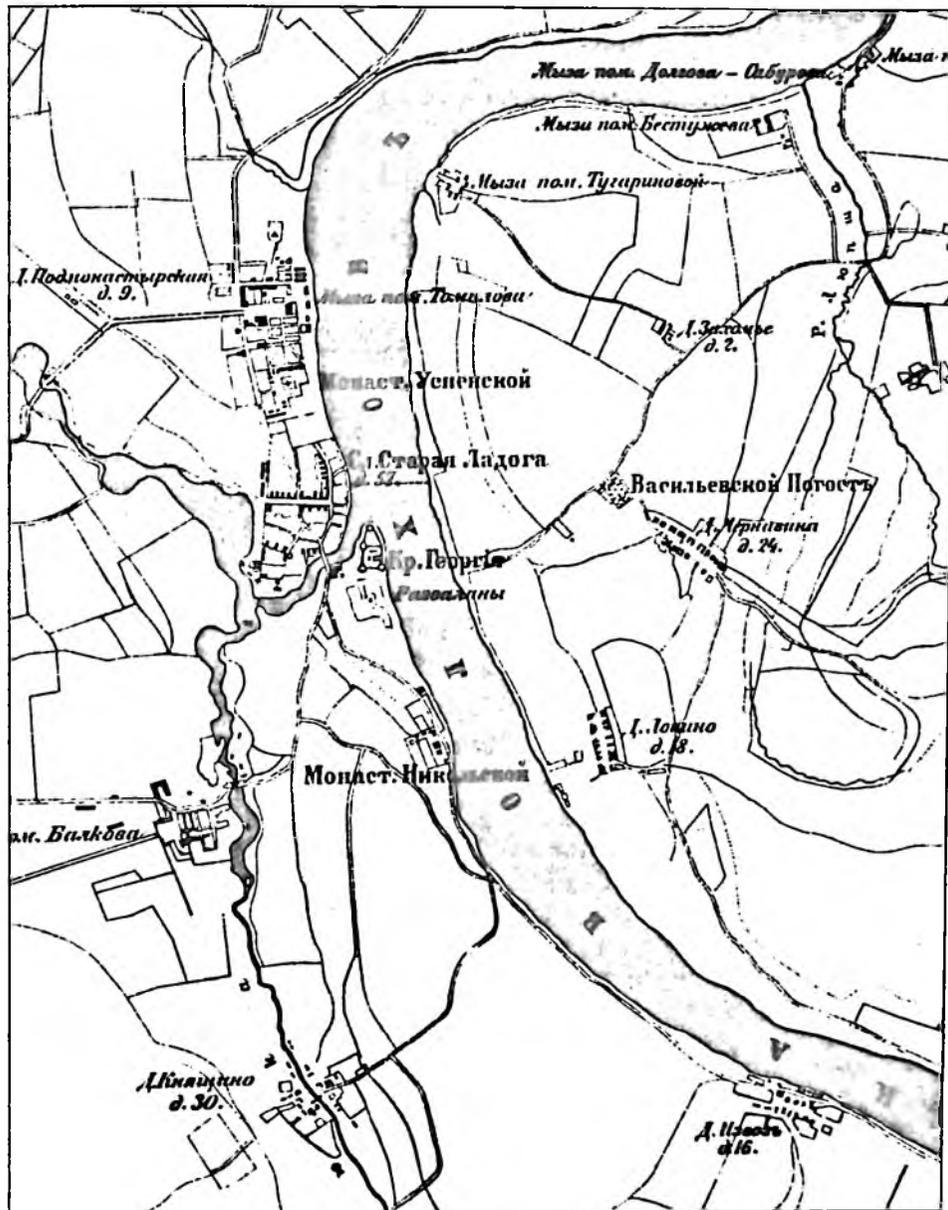
Раньше, чем где-либо в России, в Ладогe в 1708 г. начались археологические раскопки. Культурный слой этого поселения (толщиной до 3—5 м) сохранил редчайшие по сохранности и насыщенности находками и постройками культурные слои первых веков русской истории. Каждый год, начиная с 1972 г., Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук вместе со студентами Ленинградского государственного областного университета и Санкт-Петербургского университета ведет здесь раскопки. Ежегодно обнаруживаются 300—500 и более индивидуальных находок. Одни эти находки, если их продемонстрировать, образуют уникальный археологический музей европейской ценности.

Старая Ладогa, словами Николая Рериха, «неотпитая чаша». Еще много предстоит в ней открыть, сберечь, обустроить. Здесь ждут своего открытия великие ценности. Знаковым событием явилось перенесение из Италии в Староладожский Никольский монастырь, возникший примерно в XII в., мощей Николая Чудотворца, и по сей день считающихся исцеляющими.

В 2003 г. отмечено 1250-летие основания Старой Ладоги — города, повлиявшего на ход русской истории. За этим стоит возвращение исторической памяти нашего народа и государства, возвращение памяти о славном прошлом вечной России.

а) Архитектурные памятники и исторический ландшафт Старой Ладог

Местность, где расположена Старая Ладогa — своеобразный оазис, весьма благоприятный для жизни. Он тянется в длину примерно на 2 км, а в ширину до 600 м, полосой от Малышевой горы на севере до нагорья Победище на юге. На западе эта территория огра-

Старая Ладога и ее окрестности.
План второй половины XIX в.

ничена грядой с населенным пунктом Ахматова гора, на востоке рекой Волховом с находящимися на его правом берегу деревнями Чернавино и Лопино. Близость воды, плодородные почвы, транспортная доступность — все это создавало здесь особые условия для удобного строительства, доступа к корабельным пристаням, освоения земельных угодий.

Ландшафт Старой Ладogi даже в современном, несколько изменившемся виде оставляет неотразимое впечатление. В 1899 г. сюда приехал художник Н. К. Рерих и вот что он записал в своем путевом дневнике: «Взбираемся на бугор, — писал Рерих, — и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке — серые и желтоватые остовы посада вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды что-то белеет, а за всем этим густо зеленый бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно историческое настроение. < ... > Вместе с чувством уважения вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана < ... > Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладogu. Я, — продолжал Н. К. Рерих, — почти уверен, что даже поэту пейзаж будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Старой Ладoge и поглядит на крепостную церковь, посад, на далекий Никольский монастырь — все это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только отвернуться — и перед Вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с черными шапками грачевых гнезд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви новгородского типа. За нею ровный пахотный берег и далекие сопки, фон — огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными темными пятнами выдвигающая ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке — то послушницы идут за водой».

Описанная Рерихом панорамная картина села на Волхове изменилась немногим. Старая Ладога изобилует уникальными архитектурными памятниками. О создании и истории некоторых из них мало что известно. Такова, например, Староладожская каменная крепость. Именно с изучения этих последних и начала свою работу воссозданная в 1972 г. Староладожская археологическая экспедиция.

В начале XVI в. неизвестные зодчие, не исключено, что это были итальянцы или греки, построили на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой, приспособленную к огнестрельному бою твердыню с пятью мощными каменными башнями. В 80-х годах XVI в. каменное укрепление было вновь модернизировано. К XVIII в. крепость постепенно потеряла военное назначение и стала разрушаться. Столетием позже этот процесс стал катастрофическим — исчезли части стен и башен, местами они полностью развалились. Только в 50-х годах XX в. полуразрушенное сооружение стали реставрировать.

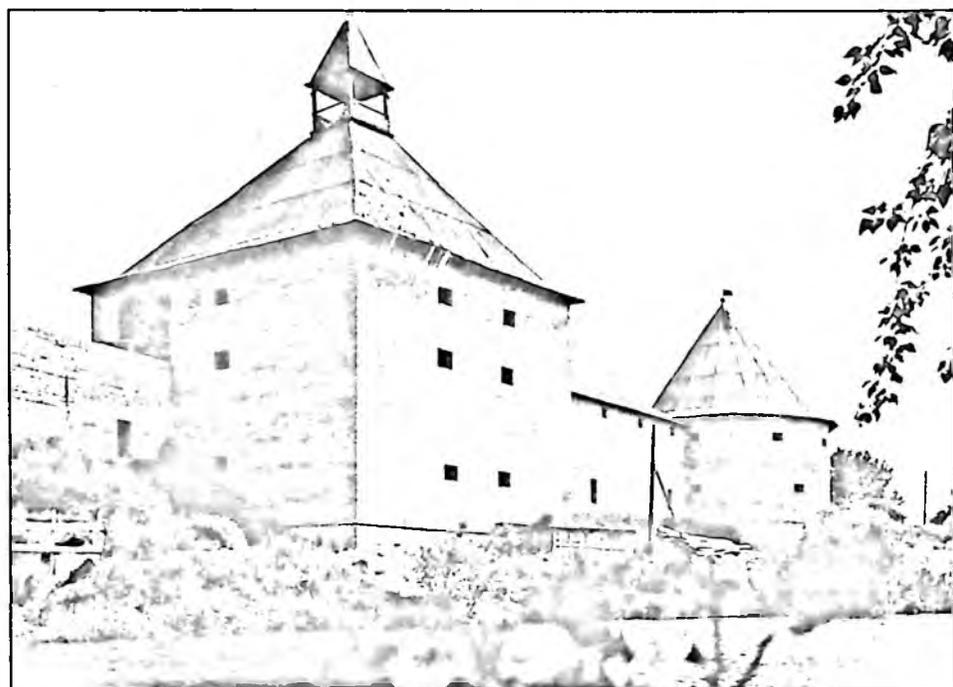
При виде руины крепостных стен XVI в. не раз вспоминалось известие из летописи 1113 или 1114 г. о том, что князь Мстислав Великий — последний властитель единой Руси — заложил в Ладоге крепость «камением на приспе», то есть насыпи. Известие подтвердилось. При обследовании существующей фортификации удалось заметить в груде камней какие-то особые включения в виде плитчатых стенок. В 1972 г. была произведена прорезка вала, с юга ограждающего крепость, и неожиданно на его гребне была обнаружена стена, относящаяся, как удалось выяснить, к началу XII в. и действительно находящаяся «на приспе» в виде земляного вала. Эта стена сохранилась в своей нижней части, а в одном месте у берега Волхова ее удалось зафиксировать почти на полную высоту — 8,5 м. Обнаруженная в Ладоге стена начала XII в. была построена таким образом, что обеспечивала круговую оборону укрепления.

Ради экономии сил и средств фортификаторы XVI в. не разрушили предшествовавшую постройку, а как бы вмуровали ее в новую. В одном месте обнажившейся стены начала XII в. обнаружили сквозную арку, открытую в сторону Волхова и находившуюся на высоте не менее 6 м над его уровнем. Через арку, по-видимому, поднимали грузы и воду внутрь крепости (колодцев в крепости не было). Ничего подобного среди военных построек Руси еще не встречалось.

Во время поиска кладок начала XII в. на трехметровой глубине неожиданно обвалилась стенка раскопа и открылась кладка из плитняка на глине. В дальнейшем это сооружение, включавшее башню, удалось проследить почти по всему периметру мыса. Это укрепление было преднамеренно разрушено — стена была повалена на землю, целыми блоками лежали опрокинутые плиты. Выяснилось, что ново-

Крепость в Старой Ладогe. *Рисунок В. А. Прохорова. Гос. Русский музей*

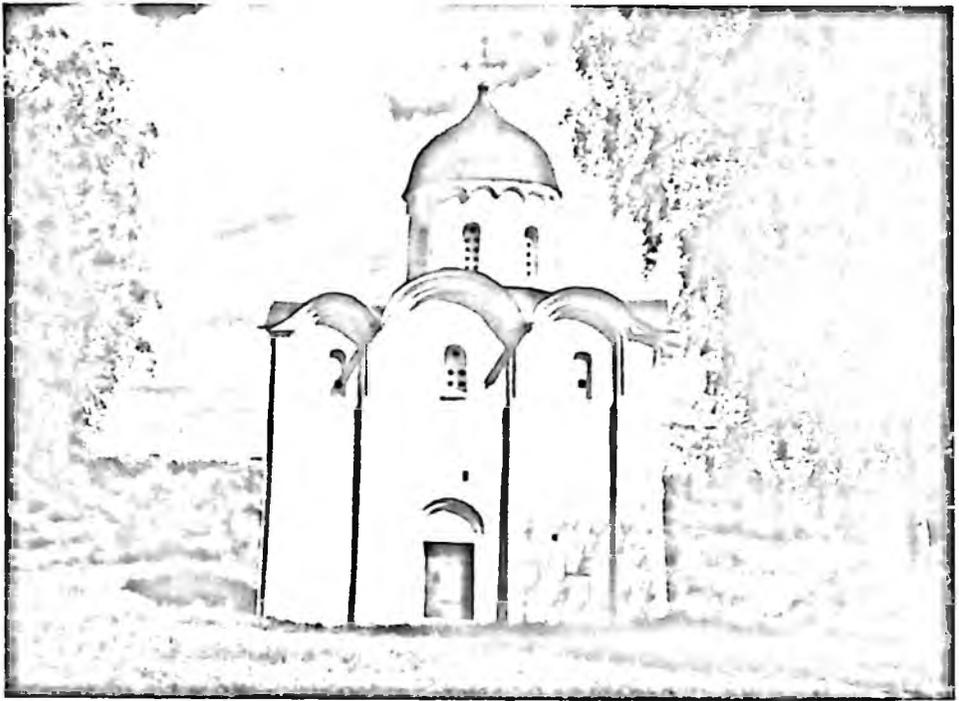
Каменная крепость в Старой Ладогe после восстановления. Вид от р. Ладожки.
Фото А. Н. Кирпичникова

обнаруженная каменная преграда была построена еще в конце IX в. и по своей рекордной давности была едва ли не первой известной нам каменной крепостью на Руси.

Итак, на месте одной каменной крепости были найдены еще две ее предшественницы. Однако на этом поиск не окончился. С юга к каменной крепости, как упоминалось, примыкает так называемое Земляное городище с расплывшимися полураскопанными бастионами и куртинами. Удалось найти прямое известие о строительстве между 1584—1586 гг. на месте ладожского посада, так называемого «Земляного города» — земляной крепости. На первый взгляд, соседство каменной и земляной крепостей выглядит странным. Однако в действительности здесь нет противоречия. В XVI в. артиллерия достигла такой силы, что ядра пробивали самые мощные каменные преграды, в земляных же они вязли, причиняя им лишь ограниченный ущерб. Инженеры обратились к земляным насыпям как к более эффективным в защите от противника. На Руси такие новации, представлявшие собой земляные основания, увенчанные башнями и срубами, пустотелыми или наполненными грунтом, появились еще в конце XV в., а в XVI в. их стали создавать все чаще. Ладожская земляная крепость оказалась в этом ряду одной из ранних и редких. Выяснение подробностей ее строительства позволило установить, что такие сооружения в России появились задолго до эпохи Петра I. Считалось, что только при Петре I начали строить бастионные фортификации. В действительности, в Московском государстве это новшество появилось раньше, чем в ряде других европейских стран.

На территории упомянутой выше каменной крепости XVI в. высятся храм Св. Георгия, благодаря своим фрескам получивший общеевропейскую художественную известность. Если бы в Старой Ладоге не было ничего, кроме этого памятника, то и тогда она могла бы рассматриваться как уникальный объект искусства и архитектуры национального и международного значения.

Строительство церкви относят к 1165—1166 гг. и связывают с победой над шведским войском, напавшим на Ладугу в 1164 г. Ладожане сожгли свои дома на посаде и затворились в крепости во главе с посадником Нежатой. Штурм был безуспешным. Подоспела помощь из Новгорода, шведы отступили в сторону восточного побережья Ладogi, где и были разбиты, потеряв почти весь свой флот. В память об одержанной победе, как полагают, и была заложена церковь Св. Георгия, небесного покровителя и защитника ладожан. Его изображение было помещено на почетном месте в диаконнике храма и освещено специальным окном. Следовательно, роспись церкви была задумана одновременно с ее постройкой.

Церковь Св. Георгия.
Фото А. Н. Кирпичникова

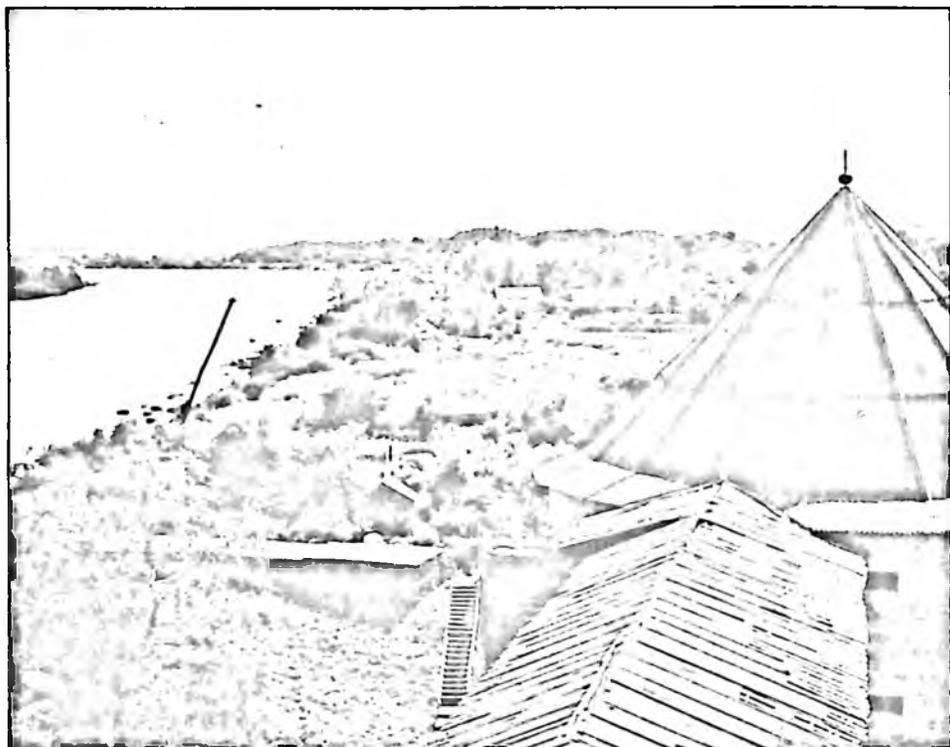
Церковь Св. Георгия представляет собой небольшой четырехстопный храм с тремя апсидами. Сложена она из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей на известковом растворе с примесью толченого кирпича. Здание полностью сохранилось. Оно перекрыто коробовыми сводами, которым на фасадах соответствуют полукружья закомар; барабан увенчан шлемовидной главой. В западной стене внутри храма сделана лестница на хоры, в северной и южной частях которых располагаются небольшие замкнутые камеры. Эти камеры соединяет деревянный помост, с которого открывается вид на среднюю часть храма и алтарь.

Церковь Св. Георгия, как отмечают исследователи, относится к особому типу приходских храмов, который выработался в середине XII в. в Ладогe. В то время, а точнее в третьей четверти XII в., здесь было воздвигнуто шесть подобных монументальных построек. Для своего времени это своеобразный рекорд. В дальнейшем сложившийся в Ладогe тип храма был полностью перенесен в Новгород и воспринят в других городах. Можно даже говорить о существовании ладож-

ской архитектурной школы. В течение веков церковь Св. Георгия испытала немало превратностей. В связи с одним из ремонтов она, впервые как монастырская, упомянута в 1445 г. Уже тогда имели место утраты росписи. До нас, к сожалению, дошла ее малая часть (около 150 кв. м).

К юго-западу от церкви Св. Георгия расположена деревянная церковь Св. Дмитрия Солунского. Этот святой, подобно Георгию, считался покровителем воинов, и появление в крепости второго воинского молитвенного дома не случайно. Да и функционально он был связан с Георгиевским. Летом служили в последнем, а зимой службы устраивали в деревянной церкви. Впервые церковь Св. Дмитрия Солунского упомянута в документе 1646 г., но построена была, вероятно, в период восстановления Ладоги после вражеских нашествий Смутного времени. В 1731 г. по челобитью прихожан постройка была обновлена. «Пригодные для дальнейшего использования бревна использовались при возведении новой церкви, а непригодные сожжены, и пепел с отменным благочестием был собран, завязан в холст и опущен в воду». В 1901 г. обветшавшую церковь вновь чинили, она была переложена по прежнему образцу. Несмотря на все ремонты, здание сохранило первоначальный облик и состоит из объединенных в одно торжественное целое притвора-сеней, трапезной и собственно церкви. С востока прирублен пятигранный алтарь. Верх церкви увенчан луковичной главкой с крестом, покрытой лемехом. Убранство церкви не сохранилось. Наиболее ценные иконы вывезены в Русский музей. Построек, подобных церкви Св. Дмитрия Солунского, сохранилось немного, тем ценнее это сооружение — ныне одно из редчайших на территории Северной России.

Следы былой деятельности ладожан не только видны над землей, но и скрыты в ее недрах. Лучшая иллюстрация этого — так называемое «Земляное городище», которое с юга примыкает к каменной крепости. Валы и бастионы городища были насыпаны, как отмечалось выше, между 1584—1586 гг. Некогда их увенчивали деревянные стены и башни. Важно то, что укрепление XVI в. накрыло собой и тем самым лучше законсервировало культурный слой ладожского посада VIII—XVI вв. мощностью до 3, а иногда и 5 м. Именно из слоя на Земляном городище происходят все лучшие археологические находки, прославившие Ладогу как богатейшее хранилище предметов и сооружений русской и мировой истории, культуры и ремесла. В этом слое благодаря постоянной влажности и наличию плотной глинистой почвы «вечно» сохраняются предметы из дерева, ткань, войлок и другое. Новые постройки не углублялись в землю, их располагали на остатках предшествующих, что также способствовало накоплению

Земляное городище в Старой Ладогe. Вид с Воротной башни крепости.
На переднем плане стена начала XII в. в законсервированном виде.

Фото А. Н. Кирпичникова

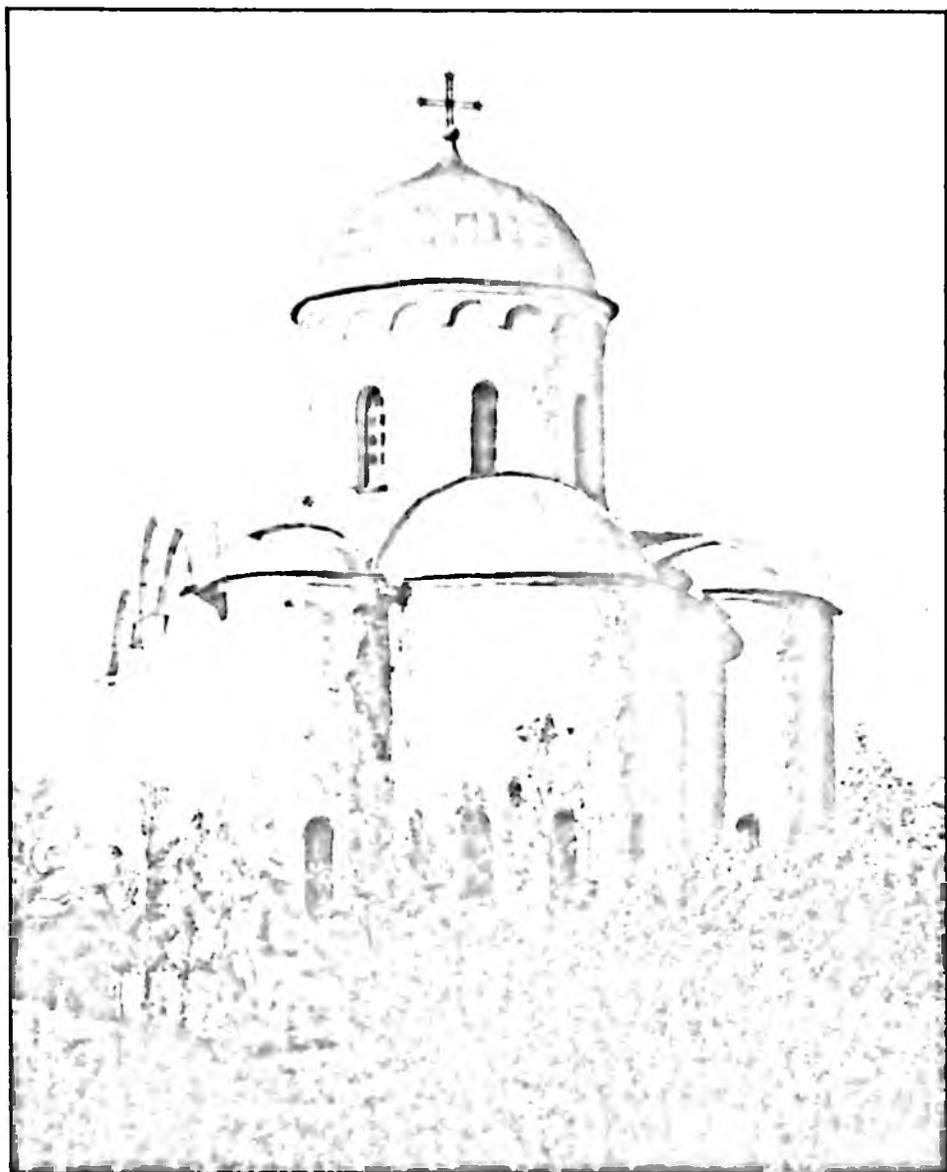
культурного слоя, который нарастал из года в год. Удалось даже подсчитать, что темп его накопления для VIII—X вв. составлял примерно один сантиметр в год. Слой в среднем в 25 см высотой отражал труд и жизнь одного поколения горожан. Обычно в такой толще скрыты остатки построек, называемые строительным горизонтом. Последовательными раскопками таких горизонтов и занимается ладожская археология. Археологи обнаружили в Ладожской земле изделия многих европейских и азиатских народов: славян, финнов, скандинавов, арабов, волжских булгар, хазар... Отложившийся в VIII—XI вв. культурный слой простирается и за пределы Земляного городища, занимая территорию в общей сложности не менее 10—12 га. Оказавшись в Старой Ладогe, мы ходим по своеобразному международному подземному еще не востребованному музею, ибо только три процента ее территории подверглись научным раскопкам.

В центре Земляного городища находятся руины единственной имеющей летописную дату создания — 1153 г. — церкви Св. Климента. Ее сооружение ознаменовало собой начало периода широкого строительства каменных храмов в Ладоге.

Севернее каменной крепости, на левом берегу Волхова, раскинулся женский Успенский монастырь. Его обнесенная кирпичной оградой территория включает десяток каменных и деревянных строений. Отметим Крестовоздвиженскую церковь, построенную вместе с больничным корпусом около 1862 г. известным архитектором А. М. Горностаевым в старорусском стиле. Предполагают, что на месте этого храма существовало древнее поселение — возможно, один из центров Ладоги, а затем был устроен монастырь Симеона Богоприимца.

В период Смутного времени, в 1610—1617 гг., Ладогу захватили шведские войска. Были разрушены церкви и монастыри. Не обошла беда и Успенский монастырь. В XVIII в. обитель была избрана для заточения (с 1718 по 1725 г.) бывшей царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены Петра I. В монастыре был размещен военный караул, запрещался вход прихожанам, было приостановлено пострижение новых послушниц. От внешнего мира святую обитель, ставшую тюрьмой для отвергнутой, ограждал двойной палисад.

Главная достопримечательность монастыря — Успенский собор. На одной из подпружных арок был обнаружен процарапанный геральдический знак, приписываемый новгородскому посаднику Судиле Иванковичу (отправлял свою должность в 1141—1144, 1147—1156 гг.), связанному с князем Ростиславом Мстиславичем, княжившим в Новгороде в 1154 и 1157 гг. Около 1156 г., очевидно, и строили церковь. Успенский собор полностью сохранился. В 1958—1960 гг. он был освобожден от более поздних пристроек, при этом выявилось строгое членение его фасадов плоскими лопатками, что соответствует его крестовокупольной конструкции. Понятие о размерах собора дают следующие цифры. Длина около 18 м, ширина около 14 м, высота более 19 м. Вместить он мог не один десяток людей. Здание было четырехстопным, трехнефным, одноглавым, трехапсидным; барабан увенчивался куполом со шлемовидной главой. Два из трех его входов имели притворы, а с запада в более позднее время была еще устроена паперть. В толще западной стены помещалась лестница на хоры. Стены собора были расписаны. Архитектурные особенности Успенской церкви роднят ее с Георгиевской и другими храмами, построенными в Ладоге в середине XII в. Георгиевский и Успенский храмы — редчайшие сохранившиеся на северо-западе России культовые сооружения XII в.

Церковь Успения Богородицы. Вид с востока.
Фото А. Н. Кирпичникова

На северной окраине села, на Малышевой горе, стоит церковь Рождества Иоанна Предтечи. Это кубической формы храм с четырьмя подкупольными столбами, пятью главами, одной семигранной алтарной апсидой. Стены церкви декорированы плоскими лопатками, фигурными колончатыми наличниками окон, нишами с килевидным верхом, поребриком. Все декоративные детали любовно выполнены из кирпича. Церковь имеет придел во имя Св. Параскевы Пятницы: трапезную, паперть, колокольню. Все это — единый архитектурный комплекс, воздвигнутый в 1695 г. К монастырю благоволила семья царя Бориса Годунова, которая преподнесла в дар обители медный колокол. Возникновение монастыря связывают с XIII в. Столетие спустя он упоминается и в письменных источниках. Тогда же названо и Малышево — местность, точнее гора, которую занимал монастырь, все постройки которого до конца XVII в. были деревянными. Можно догадываться, что до основания обители на ее месте была или сопка или языческое мольбище.

Существующая ныне церковь поставлена с глубоким художественным пониманием единства архитектуры и природы. Издали кажется, что белоснежный храм парит в воздухе между полосой зеленого взгорья и высью синего неба.

Южную оконечность Старой Ладogi замыкает Никольский монастырь, в котором недавно отреставрирована шатровая колокольня конца XVII в., восьмигранная, многоярусная, стройных пропорций, со специальным помещением для звона. Мастера, возводя этот каменный столп, стремились представить его как бы освобожденным от земного притяжения, устремленным ввысь. Среди построек монастыря выделяются затейливые, вполне светского облика Святые ворота, выходящие к Волхову, а рядом — удивительная по своей необычности церковь Св. Иоанна Златоуста, построенная в 1861—1873 гг. архитектором А. М. Горностаевым. Другой столь оригинальной постройки, сочетающей архитектурные элементы зодчества католичества и православия, кажется, нет не только в России, но и во всей Европе.

Наиболее загадочной оказалась центральная постройка монастыря — четырехстолпный, трехапсидный, со сводчатым подцерковьем и луковичной главой Никольский собор. Его кладка включает целые блоки, сложенные из чередующихся рядов серого плитняка и плинфы на известковом растворе с примесью толченого кирпича. В этой же технике были выполнены и подкупольные столбы до высоты сводов подцерковья. В западной стене церкви уцелела часть лестницы на хоры. Исследования привели специалистов к убеждению, что нижняя часть храма построена в XII—начале XIII в., а верхняя часть

сооружена в более позднее время. При этом строители стремились возвести новые части как можно ближе к исходному образцу. Так над землей возник как бы двойник по большей части несохранившегося сооружения.

К зданию вплотную подходит и частью подстилает его фундамент культурный слой с находками IX—XII вв. Очевидно, что сама церковь находилась некогда в гуще посадских строений. И местоположение храма и сведения об основателях обители повышают вероятность того факта, что она была воздвигнута по заказу не князя или епископа, а посадских, скорее всего, торговых людей.

По легенде создание Никольского монастыря связывается с именем Александра Невского и его победой над шведами в Невской битве 1240 г., в которой участвовал отряд ладожан. На возникновение этой легенды повлияла близость монастыря к нагорному полю — урочищу Победище, где по преданию произошла кровавая сеча ладожан с врагами. По краю поля со стороны Волхова тянулась цепочка сопков (они по большей части не сохранились). Мемориальное значение места закреплено в его названии. Вообще Старая Ладога находится в окружении разных памятных мест. На юге — это деревня Княщина, где в старину, очевидно, находился княжеский двор. Напротив каменной крепости, через Волхов, на первой надпойменной террасе — урочище Плакун, насчитывавшее не менее 18 курганов с погребениями скандинавов, относящимися примерно ко второй половине IX—началу X в. На том же, правом берегу Волхова, напротив Старой Ладogi располагаются старинные деревни Лопино и Чернавино. В последней находится небольшой одноапсидный, бесстолпный храм Св. Василия Кесарийского. Одноименный монастырь возник не позже первой половины XVI в. Свой современный облик он приобрел в 1686 г. Отделка и устройство церкви отличаются скромностью и благородной простотой. Стены сложены из плит, западный же портал и окна украшены фигурными обрамлениями из кирпича. Молитвенный зал, как и трапезная, покрыт двускатной кровлей и увенчан главкой на глухом барабане. С юга к зданию пристроен Благовещенский придел с открытой папертью (сохранилась частично). Судя по архитектурным особенностям и неровной кладке, каменщики были местными людьми. Таким образом, перед нами скорее всего произведение местного народного мастерства.

Следует сказать, что в древности ладожское поселение было заято кольцом могильников, в том числе групповыми или одиночными сопками. Эти последние располагались вдоль берегов Волхова, образуя для плывущих по реке своеобразные земляные пропилен на подступах к городу, напоминавшие живым об их предках, нередко сородичах.

Ладожские могильные холмы VIII—X вв. — сопки — особо примечательны. Наиболее впечатляющие сохранились в урочище Сопки на левом берегу Волхова за церковью Рождества Иоанна Предтечи. В центре этого урочища — большой холм высотой около 10 м. Его считают погребением князя Олега Вещего — объединителя северной и южной Руси. Летописцы точно не знали обстоятельств конца жизни этого князя. По одной версии Олег «иде к Новгороду и оттуда в Ладогу <...> есть могила его в Ладозе». По другой — он умер и был погребен в Киеве на горе Щековице. Северная версия признана более правдоподобной. Ладога была, очевидно, связана с именем Олега. В поисках его останков в Старой Ладоге в 1820 г. 10 человек в течение 9 дней колодцем раскапывали уже поврежденную ранее так называемую «сопку Олега», пока не дошли до ее основания. Находки оказались более чем скромными: сожженные кости, нечто похожее на задвижку замка, еловые, сосновые, ольховые угли, наконец, двушипный железный дротик длиной около 34 см. По этим находкам трудно сказать что-либо определенное о погребенном, однако и опровержения словам северного летописца здесь, пожалуй, нет. Заупокойные приношения, обнаруженные в сопке, весьма бедны, однако это не свидетельствует о социальном положении захороненного.

б) История археологических открытий в Старой Ладоге

Ладожская археология чрезвычайно важна и необычна. Она фокусирует в себе ряд узловых моментов начальной русской истории, в том числе и тех, о которых молчат или чрезмерно скупо свидетельствуют письменные источники. Это прежде всего возникновение городов и их влияние на процесс формирования русской государственности, а также сложение городской культуры, ремесла и торговли. Раскрытые и точно дендрохронологически датированные в Старой Ладоге культурные напластования VIII—X вв. по своей сохранности и выразительности не имеют себе равных в других древнейших русских городах и пока являются уникальным археологическим явлением.

Впервые раскопки в Старой Ладоге были проведены в 1708 г., раньше, чем в каком-либо другом историческом городе Восточной Европы, евангелическим пастором Вильгельмом Толле. Сведения об этом с завидной быстротой были опубликованы в 1713 г. на немецком языке анонимным автором. Место раскопок по некоторым указаниям удалось определить. Это северная часть урочища Победище, прилегающего с юга к селению Старая Ладога. Здесь были раскопаны курганы с трупосожжениями в урнах, относящиеся, видимо, к X—XI вв.

Находки: арабские и лифляндские монеты с отверстиями, то есть носившиеся в подвешенном виде как украшения, «готские языческие сосуды, жертвенные и погребальные орудия». Ладожские курганные древности составили коллекцию В. Толле, которая была одной из первых в истории Санкт-Петербурга.

Новый прилив интереса к ладожским древностям начался в XIX в. Вдохновленные почти живым видом старины, ученые и любители искали следы легендарных князей и варяжских дружин, подземные ходы и якобы спрятанные в них сокровища. Постепенно пришла более трезвая оценка мифов и сказаний. Особые заслуги в изучении ладожских древностей принадлежат историку и археологу Н. Е. Бранденбургу. Он раскопал ряд ладожских сопок, разрушенных храмов, тщательно изучил руины каменной крепости конца XV—XVI вв. и привлек к ее фиксации архитектора В. В. Сулова. В 1896 г. была опубликована капитальная монография Бранденбурга «Старая Ладога».

Это была одна из первых обобщающих книг по истории и культуре древнерусского города. Насыщенная огромным количеством фактов и снабженная множеством отличных иллюстраций, эта работа не утратила своего значения и в наши дни. В 1886 г. Н. Е. Бранденбург намеревался приступить к раскопкам Земляного городища, чтобы отыскать следы варяжского городка времен Рюрика и «быть может драгоценные для русской археологии вещественные находки». Предвидение не обмануло ученого, но задуманное им дело осуществил другой исследователь-археолог — Н. И. Репников, который в 1909—1913 гг. приступил к раскопкам Земляного городища. Результат для своего времени был неожиданным. Оказалось, что земля скрывала последовательно расположенные наслоения с хорошо сохранившимися остатками деревянных построек и многочисленными и разнообразными предметами, принадлежавшими населению первоначальной Ладоги. Перед археологами предстала, казалось, навсегда исчезнувшая деревянная Русь. Работы на Земляном городище подтолкнули ученых к раскопкам в других древнерусских городах: Новгороде, Пскове, Белоозере.

Раскопки Земляного городища были возобновлены в 1938 г. экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса. В течение одиннадцати полевых сезонов археологи смогли отыскать более 60 остатков деревянных сооружений. Были установлены этапы развития города и по находкам определена деятельность ладожан — преимущественно ремесло и торговля. Археология оказалась в состоянии существенно дополнить свидетельства письменных источников — в реалиях представить жизнь древних людей. В. И. Равдоникас подробно определил

последовательность культурных напластований и предложил их датировку.

Материалы раскопок свидетельствуют о существовании в низовьях Волхова особой самоуправляющейся городской волости, занимавшей ключевое положение на важном невиско-волховском отрезке (длиной около 60 км) водного пути Балтика—Каспийское море и Балтика—Черное море.

Зона влияния Ладоги не ограничивалась приречной полосой у Волхова, называвшейся Порожской землей, а простиралась по меньшей мере до Онежского озера на востоке и Ижорского плато на западе. В орбите Ладоги находились финские аборигены края: приладожская чудь, весь, ижора, а также лопь. По времени своего формирования Ладожская земля предшествовала Новгородской.

в) Раскопки и изыскания Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской Академии наук на «Земляном городище» и на территории села Старая Ладога

Новый цикл исследований древней Ладоги начался в 1972 г. Староладожской археологической экспедицией под руководством А. Н. Кирпичникова. Отряды экспедиции под руководством В. П. Петренко, Е. А. Рябинина, Е. Н. Носова, В. Н. Назаренко и автора этих строк расширили и углубили прежние поиски.

Нельзя не сказать о достигнутых результатах, выполненных отрядами экспедиции. Усилиями Е. А. Рябинина, а также Н. Б. Черных по спилам дерева впервые была установлена дендрохронология Ладожского поселения. Датированы восемь строительных горизонтов, каждый из которых существовал от 20 до 40 лет. Выяснена рекордная по своей давности для древнерусских городов дата создания поселения — 753 г., то есть, примерно, на сто лет раньше первого летописного упоминания Ладоги — 862 г. Вычисленные годы основания Ладоги примечательны в нескольких отношениях. Во-первых, они фиксируют факт становления в низовьях Волхова нового поселения, во-вторых, определяют начало, по крайней мере в этом месте Восточной Европы, международных торговых операций, и, в-третьих, уточняют время появления в Невско-Ладожском регионе поселенцев, среди которых были и славяне.

В предматериковом слое Е. А. Рябинин обнаружил остатки кузнечно-ювелирной мастерской с редчайшим для своего времени — 750-х гг. — набором из 28 инструментов ремесленника-универсала. Этот мастер, видимо работавший не один, мог ремонтировать кораб-

ли и изготавливать ювелирные металлические украшения. Нахождение этого комплекса факт первостепенной важности: Ладога начиналась с ремесла, организованного квалифицированными ремесленниками.

Один из участников Староладожской экспедиции В. П. Петренко впервые провел значительные раскопки вне Земляного городища на левом берегу Ладожки, близ Варяжской улицы. Толща культурного слоя, составлявшая здесь несколько более 3 м, подразделялась на 11 строительных горизонтов, датированных 840—990 гг. Зафиксировано свыше 60 разного рода построек, включая отдельные избы, трехчастные дома, хозяйственные сооружения.

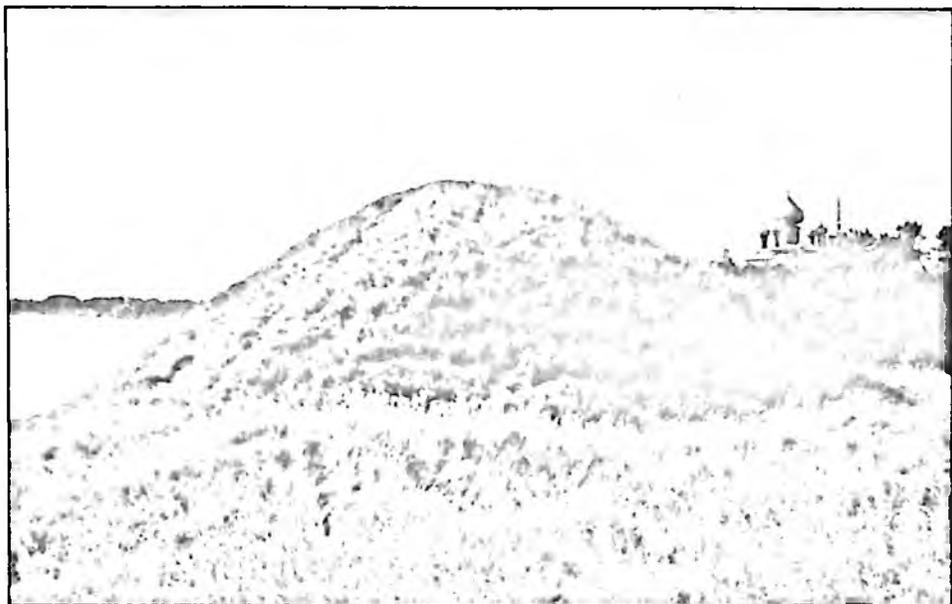
Особый интерес представляла большая постройка с двойным ограждением размером 11 × 11 м, общей площадью 120 кв. м. Строение функционировало в 960—980 гг. Возможно, это было святилище или место собраний и пиршеств — контина (известная западно-славянскому миру), или помещение для сбора дружины или веча.

Характерны находки, происходившие из данной постройки: деревянная посуда, антропоморфные и зооморфные резные скульптурные изображения, черепа животных; с внешней стороны у одной из стен найдена железная гривна-амулет с молоточками Тора. Особо выделяется бронзовая подвеска-амулет с двухсторонней, пока нерасшифрованной, но явно магической надписью. С этой подвеской сопоставим деревянный стержень с рунической надписью, найденный в 1950 г. при раскопках Земляного городища в слое, датированном 840—860 гг. Надпись читают по-разному. В переводах она звучит так: «Сверкающий лунный альф (сверкающее чудовище) будь под землей» или «Наверху (щита виден) облаченный в свое оперение (орла), покрытый инеем господин; сияющий лунный волк; пядей плуга широкий путь» или «Хвост (стрелы) одет в оперенье, блестящий наконецник притягивает добычу в большом числе». Дешифровка надписи не окончена, но как бы ее не толковать, она явно имеет заклинательный смысл. Ясно и другое, образцы рунического письма попали в Ладогу не в результате торговли, а вместе с их владельцами-скандинавами, постоянно проживавшими или временно останавливавшимися здесь. Замечено, что надпись на деревянном стержне связана с датской рунической традицией, что напоминает о временах Рюрика и его возможном датском «адресе».

Старую Ладогу до сих пор окружают сопки — могильные насыпи. Сооружения эти еще во многом загадочны. Их представительный, величественный вид как бы не соответствует их содержанию. В них почти не встречается вещей, а остатки самого погребенного — горстка пережеванных косточек. В окрестностях Ладоги насчитывалось около 30 подобных погребальных холмов, а всего в Нижнем

Руководители отрядов Староладожской археологической экспедиции (слева направо): В. П. Петренко, Е. А. Рябинин, А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов .
Фотография 1973 г.

Сопка на берегу р. Волхов, справа храм Рождества Иоанна Предтечи.
Фото А. Н. Куртичкиова

Поволховье, включая Ладогу, их насчитывали около 70. В древности их число, очевидно, превышало 100. В 1970—1979 гг. В. П. Петренко изучил 12 частью раскапывавшихся ранее или поврежденных земляными работами сопки. Исследователь написал книгу «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки верхнего Поволховья», опубликованную в 1994 г. В этом труде сопки оценены в контексте сложных процессов сложения культуры древнерусской народности и ее соседей. Они датированы VIII—X вв. Рассмотрена их конструкция, проанализированы немногие находки. Результаты исследования В. П. Петренко позволили археологам высказать предположение о том, что именно в районе Ладоги появились первые на севере страны высокие крутобокие насыпи — особого рода погребальные сооружения, распространившиеся затем в других районах северной Руси. Архитектура этих сооружений испытала влияние заупокойных обрядов славян, финнов, скандинавов. Как сообщает арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, вершины сопки увенчивали столбы с именами усопших.

Более выразительны находки в сопках, относящиеся к концу их существования — второй половине X в. Ладожане и в это время тра-

диционно продолжают использовать их для захоронений. Правда, несколько меняется заупокойный ритуал, погребения располагают по кругу могильных холмов или заглубляют на их вершинах или склонах. В 1970 г. В. П. Петренко в одной из сопок, находящейся в южной части урочища Победище, обнаружил трупосожжение с четырьмя бусами, семью гирьками и бронзовой подвеской, украшенной знаками Рюриковичей. На одной стороне пластины представлен трезубец — знак князя Владимира Святославича (годы правления 980—1015), на другой — выполненный более декоративно знак князя Ярослава Мудрого (годы правления 1019—1054). По остроумной догадке С. В. Белецкого сочетание на подвеске знаков двух князей могло появиться в период новгородского княжения Ярослава Мудрого до его ссоры с отцом, то есть около 1010—1015 гг. Полагают, что подобные клейменные подвески-печати были своеобразными верительными знаками, удостоверявшими законность и полномочность действий того или иного должностного лица, право вести свободную торговлю, наследственные или имущественные дела, выполнять на месте задания властителя. В описанном случае речь, возможно, идет о погребении купца, обладавшего правом вольной торговли. Владелец печати мог подтвердить свой статус, демонстрируя знаки владетельных отца и сына. Его похороны были, вероятно, произведены по языческому обряду уже после принятия крещения на Руси в 988 г. Длительное переживание языческих обычаев вообще характерно для истории русского народа. Имело место оно и среди горожан Ладоги.

Староладожская археологическая экспедиция в продолжении изучения Земляного городища, в 1984—1988 гг. произвела раскопки в его северо-западной части. Было вскрыто не менее девяти строительных горизонтов культурного слоя, выявлено семь остатков деревянных жилищ и несколько частей хозяйственных построек. При этом обнаружены многие сотни индивидуальных находок и 26 000 обломков глиняной посуды. Привлекло внимание, что практически в каждой из раскопанных построек были найдены ремесленные инструменты, полуфабрикаты и готовые ювелирные изделия. Это позволило сделать вывод о том, что ювелирное производство, а именно выделка застежек, бус, изделий из кости и камня, составляло одно из основных занятий горожан.

Экспедиция определила пространство, занятое культурным слоем раннесредневековой поры. Представилась также возможность наметить размеры Ладоги, которых она достигла не только в VIII—X (около 12 га), но и позже в XVI в. (16—18 га).

С помощью писцовых книг и других источников XVI в. впервые удалось определить территорию Ладоги, ее заселенность и райони-

рование, а также уточнить расположение монументальных сооружений. Получены как бы два среза ее жизни. Около 1500 г. в городе отмечены семь монастырей и четыре церкви. Они располагались в пяти районах или концах, названных по наименованию расположенных там церквей. В Ладоге тогда насчитывалось 116 дворов, в которых проживало 168 владельцев, с учетом не указанных в описи женщин, детей и стариков, число жителей достигало около 800—1000 человек. Есть основания думать, что зафиксированное около 1500 г. районирование города восходит к середине XII в., когда в нем были построены почти все каменные церкви. Тогда была осуществлена полная перепланировка Ладоги. Об этом можно судить по тому, что некоторые церкви закладывали прямо на культурном слое предшествующей поры. Следовательно, до закладки монументальных сооружений здесь, вероятно, располагалась обычная деревянная застройка посада.

Годы расцвета средневековой Ладоги зафиксировала опись 1568 г. В ней отмечены три района. В 126 дворах проживало 176 владельцев, а общее количество жителей могло превышать 1200. Все упомянутые в писцовой книге 1568 г. дворы были обмерены писцами; сложив площади домов и огородов и прибавив к этому примерную площадь улиц, переулков, кладбищ и общественных зданий (например, гостиного двора), получаем площадь города, равную 16—18 га. При этом семьдесят процентов всей площади занимали огороды.

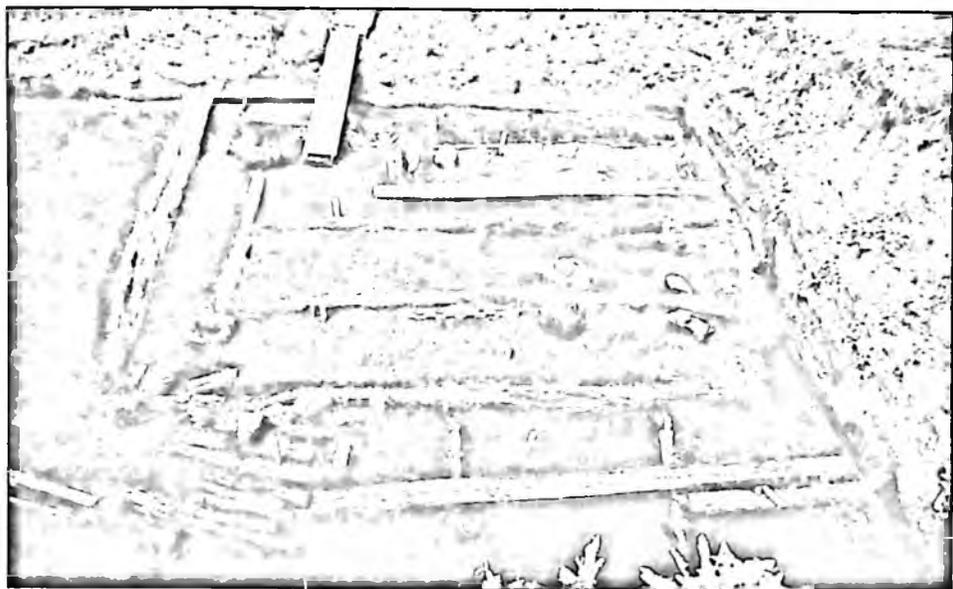
Однако деревенский характер Ладоги не стоит преувеличивать. Кроме огородничества жители занимались рыболовством, ремеслами и торговлей. Благополучие города было нарушено в 70-е гг. XVI в., а в начале следующего столетия Ладога испытала ряд военных катастроф, от которых смогла оправиться только к середине XVII в.

Начиная с 1999 г. и до настоящего времени Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук продолжает исследование Земляного городища Старой Ладоги, сосредоточив свои усилия на юго-восточной части памятника. В этом месте находилась куртина, являющаяся частью укреплений «Земляного города», воздвигнутого между 1584 и 1586 гг. на территории существовавшего здесь ладожского посада. Упомянутая крепость, включая ее земляное основание, была реконструирована в эпоху Петра I. Подсыпана наружная сторона укреплений, по-видимому, повышена высота земляной насыпи. В 1998—2000 г. куртина и прилегающий к ней со стороны крепостного двора слой земли были исследованы, при этом открылся нижележащий культурный слой эпохи средневековья, относящегося суммарно к XII—первой половине XIV вв. Слой этого периода в Старой Ладоге открыт впервые.

Изучение слоя обнаружило, что по мере его отложения периодически происходили пожары существовавших здесь построек, после которых пожарище разгребалось, нивелировалось и жизнь на этом месте вновь возобновлялась. Найденные здесь деревянные постройки подвергались полным или частичным переделкам, ремонтам и разрушениям. Они последовательно возводились в данном месте друг над другом. Сооружения разных строительных горизонтов были одинаково ориентированы по линии приблизительно север—юг, что свидетельствовало о преемственности планировки этой части посада средневековой Ладogi. Были обнаружены остатки древней улицы. Ее настил состоял из продольных и поперечных лаг, причем поперечные были с одной стороны плоско отесаны. Ширина мостовой около 3,2 м. При изучении культурного слоя и оказавшихся в нем частей построек выявлено необычайно разнообразное количество находок. Находки в большинстве составляют предметы домашней утвари, принадлежности и украшения одежды. Некоторые относятся к вооружению, деталям ладей, рыбной ловле, свидетельствуют о ремесленной деятельности жителей.

В нижележащих слоях раскопками исследованы части городской застройки X—XI вв., состоящей из остатков деревянных жилых и хозяйственных построек, деревянных мостков и мостовых. С этими конструкциями связаны находки различных предметов, общее число которых достигает почти 3500. Особое внимание привлекают некоторые украшения: серебряная кольцевидная фибула с длинной иглой, фрагмент бронзовой золоченой овально-выпуклой фибулы, круглая бронзовая застёжка с растительным орнаментом, золотое колечко булавки для держания бус, треугольная бронзовая подвеска, многочисленные бусы из цветного стекла, янтаря и сердолика. Отметим также редкую находку каменной формочки для отливки платёжных слитков из серебра. Найденные металлические украшения в большинстве указывают на Скандинавию, как место своего происхождения.

В упомянутых слоях найдены нижние части большой постройки, существовавшей, по данным дендроанализа, в 60—70-х гг. X в. Постройка раскопана частично, но точность ее плана и симметрия продольных и поперечных компонентов позволяют представить ее архитектурный облик и внешние размеры, равные примерно 10 × 16 м. Ядро постройки составлял жилой объем (приблизительно 8 × 10,5 м), возведенный из мощных столбов диаметром 0,5 м, державших кровлю, между которыми располагались плахи наборных стен. В центре помещения находился прямоугольный очаг размером 1,5 × 3,5 м. Сохранилась выкладка из плоских колотых плит, обнесенная досками. Пол помещения был деревянным — сохранились подкладочные лаги.

Части купеческого дома по раскопкам 2002 г.

В отделке дома широко использовались детали кораблей, в том числе доски бортовой обшивки.

Отапливаемое помещение было окружено сплошной наружной галереей шириной в среднем около 1 м, представлявшей собой традиционный северорусский сруб. У торца галереи, снаружи было найдено скопление глины, очевидно, от наружной печи для приготовления пищи.

Своеобразие сооружения заключается в комбинации в рамках одного комплекса скандинавской наборной и русской домостроительной традиций.

При изучении заполнения жилища было обнаружено свыше 140 индивидуальных находок, включая гребень, нож, обломки тиглей и амфор, две ладейные заклепки, куски янтаря, почти 100 стеклянных бус. У торца дома, рядом со скоплением глины, практически в одном месте было найдено около 2500 бисерин зеленого цвета. С одной стороны дома прослежены мостки шириной 0,8 м из тесаных досок, поднятые на специальных подпорках. Здесь была найдена вставка перстня из горного хрусталя с гравированной арабской двухстрочной надписью. В переводе она гласит: «Помощь моя (только у Аллаха) на него я положился и к нему обращаюсь». Данная

надпись — сура из Корана. Перстень, скорее всего, принадлежал какому-то «восточному» купцу. Подобный подписной перстень на территории древней Руси встречен впервые.

Обнаруженные в раскопках части большого дома необычны. Только в Старой Ладогe удалось открыть подобные постройки. Тайну назначения аналогичных сооружений раскрыл арабский путешественник Ибн-Фадлан. В 921—922 г. он видел похожие постройки на средней Волге. «Купцы-русы, — пишет Ибн-Фадлан — причаливают свои корабли на реке Итиль (Волге — *Авт.*)..., строя на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками-красавицами для продажи». Приведенные слова поразительно соответствуют ладожскому открытию: большое помещение с центральным очагом и пространством, достаточным для установки длинных скамей. О торговых и отчасти ремесленных занятиях жителей дома красноречиво свидетельствуют детали кораблей, обломки амфор, тигли. Женское присутствие выдают оброненные бусы и целая партия бисера, предназначенная, очевидно, для продажи, но по каким-то причинам припрятанная у стены дома. Как пишет Ибн-Фадлан, именно зеленые бусы на Востоке очень ценились и ими русы украшали своих жен.

Дома, сходные с ладожскими и описанными Ибн-Фадланом, могли строиться в торговых городах и местах, расположенных на великих речных путях Восточной Европы «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». Они служили своеобразными купеческими гостиницами. В таких домах оставались члены торговых корабельных команд, пережидая зиму, участвуя в ярмарках, ремонтируя корабли. Скорее всего, это было пристанище не семьи, а коллектива, который, не исключено, зимовал в Ладогe, дожидаясь начала навигации. И купеческий большой дом, и найденные в нем вещи свидетельствуют о дальней торговле и международных связях средневековой Ладоги со Скандинавией и странами Востока.

В изучение Старой Ладоги вложило свой труд не одно поколение историков, археологов, архитекторов-реставраторов, искусствоведов, музейных работников. Новые открытия, связанные с прошлым этого населенного пункта, достигнуты работами Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Научный поиск все теснее переплетается с охраной и сбережением историко-археологических и архитектурно-художественных памятников Староладожского музея-заповедника, имеющих общероссийское и общеевропейское культурное значение.

1250-летие Старой Ладого, наступившее в 2003 г., — свидетельство необычайной глубины и значительности русской истории, свидетельство могучей созидательной силы народа-творца вечной России. Великими ценностями истории, культуры, архитектуры и искусства преумножила славу Отечества Старая Ладога.

ЛИТЕРАТУРА,
вышедшая к 1250-летию Старой Ладого

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003.

Кирпичников А. Н., Губчевская Л. А. Старая Ладога. История и достопримечательности. СПб., 2002.

Культура, образование, история Ленинградской области. Тезисы докладов научно-практической конференции. СПб., 2002.

Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.

Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002.

Старая Ладога. СПб., 1903.

Церковь Св. Георгия в Старой Ладого. История архитектуры, фрески. Автор-составитель В. Д. Сарабьянов. М., 2002.

У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб., 2003.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ ТИХВИНСКОГО МУЗЕЯ

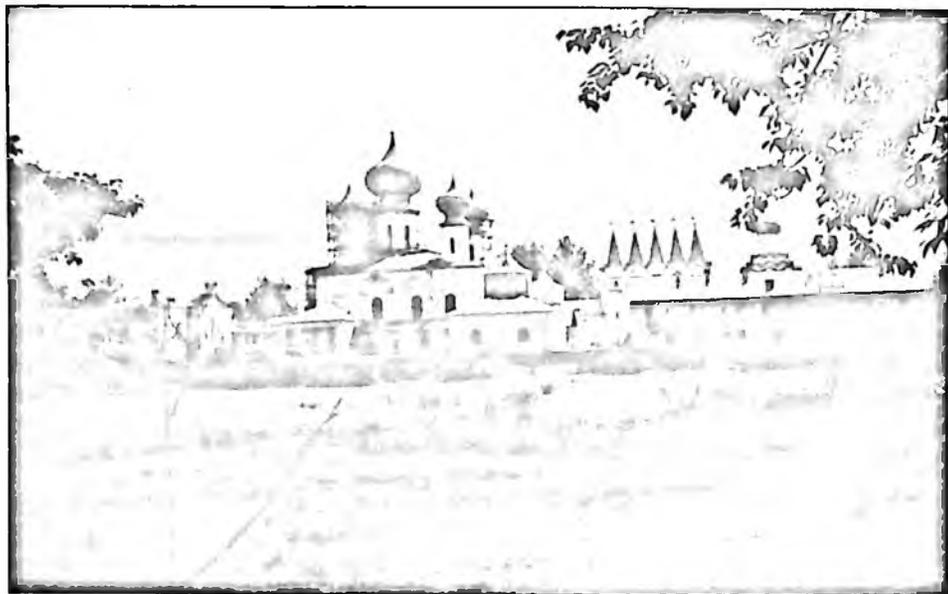
В 2003 г. Тихвинскому историко-мемориальному и архитектурно-художественному музею исполнилось 90 лет. Его открытие состоялось в 1913 г. и было приурочено к памятной исторической дате — 300-летию снятия шведской осады Тихвина. Инициатором создания в городе уездного музея являлся талантливый педагог, исследователь тихвинской старины, писатель и общественный деятель И. П. Мордвинов, возглавлявший в то время местное отделение Новгородского общества любителей древностей.

В первые годы своей работы музей размещался в доме И. П. Мордвинова; музейный фонд состоял из нескольких частных коллекций тихвинских любителей древностей. Первая же выставка «Тихвинская старина» имела широкий общественный резонанс и способствовала быстрому пополнению музейного собрания. Помимо вещевых коллекций в Тихвинском музее хранились архивы монастырей и церквей, светских учреждений и частных лиц.

Планомерная работа по комплектованию фондов была приостановлена в 1917 г. (музей был временно закрыт) и возобновлена в 1919 г. — в июне этого года «Тихвинский уездный музей местного края» получил новое здание на территории Большого Успенского монастыря. Судьба первых вещевых коллекций музея трагична. В 1941 г., во время оккупации Тихвина немецкими войсками, они погибли. Из довоенного собрания сохранилась лишь небольшая часть памятников археологии, которые в 1920—1930-е гг. были приобретены Эрмитажем и этнографическим отделом Русского музея.

Возродить музей удалось лишь в 1966 г. Примечательно, что одним из первых поступлений в музей стала археологическая коллекция, сформированная В. И. Равдоникасом из материалов раскопок Земляного городища (Старая Ладога) 1957—1958 гг. и подаренная краеведческому музею школы № 1 г. Тихвина (около 300 ед. хр.).

В 1963—1981 гг. комплектованием музейных фондов по археологии занимался тихвинский краевед-историк И. П. Круппейченко.

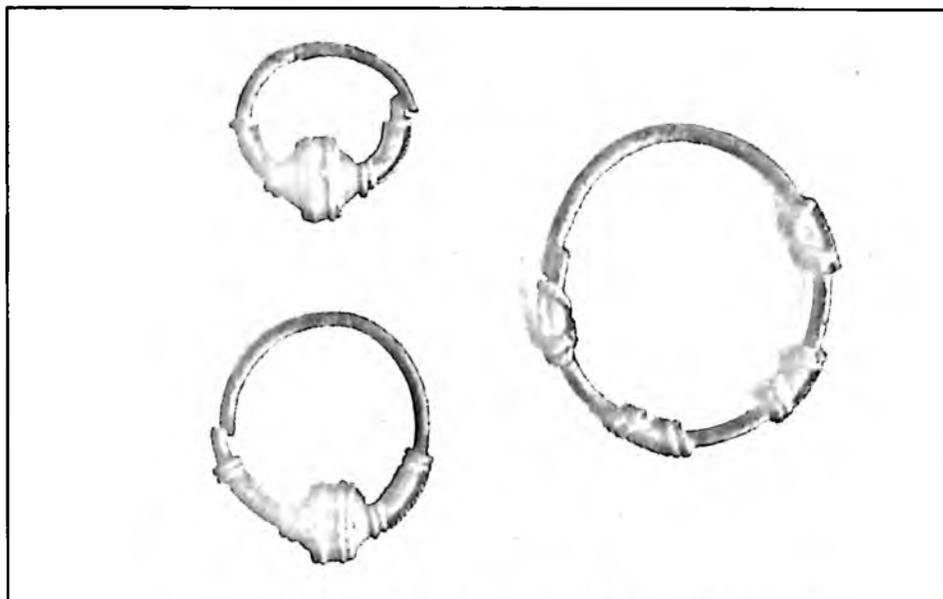

Тихвинский Большой Успенский монастырь

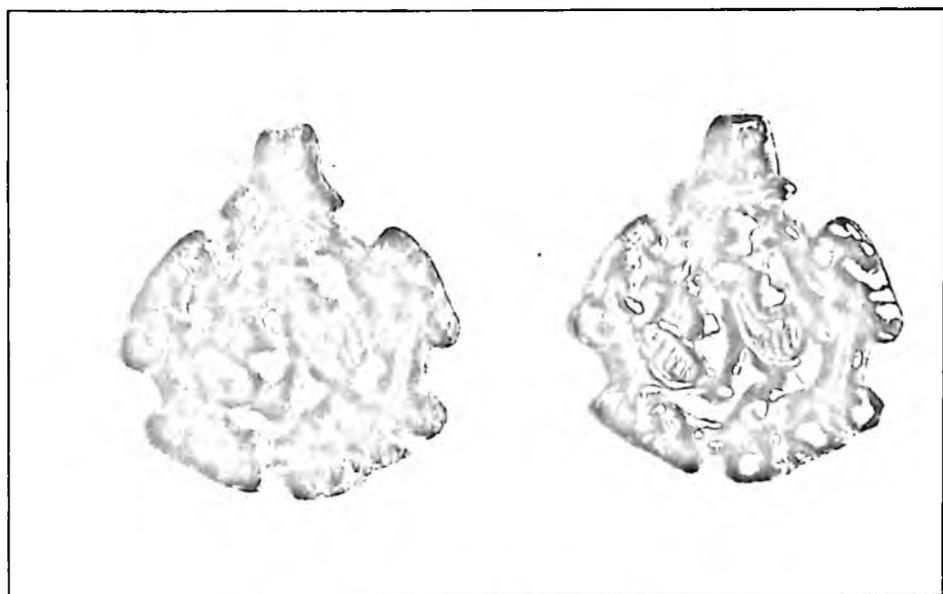
За эти годы в Тихвинском районе Ленинградской области им были исследованы большое количество могильников Приладожской курганной культуры X—XII вв., расположенных в районах деревень Горелуха, Шомушка, Новинка, Виногора, Чемихино, Орехово, Шугозеро, Липная Горка, а также ряд курганов на р. Карасенка в Бокситогорском р-не.

Материалы, полученные в результате раскопок, стали «золотым» фондом музея. В археологическом собрании хранились значительное количество бус и бисера; украшения из цветного металла, серебра (в том числе скандинавские и болгарские вещи); монеты — восточные, западно-европейские, византийские; предметы вооружения — мечи, ножи, наконечники стрел, копий; очажная утварь — глиняные горшки, бронзовые котлы, очажные лопатки, сковороды; фрагменты шелковых и шерстяных тканей, кожаной обуви и ремней и пр.

С конца 1970-х гг. и до 1991 г. археологическое собрание ТИМАХМ постоянно пополнялось материалами из раскопок на территории Тихвинского Успенского монастыря и разведок в черте города. В коллекциях, собранных в это время, преобладала гончарная посуда XVI—XIX вв. С 1986 г. в музей стали поступать коллекции по неолиту и эпохе бронзы — материалы из раскопок стоянок Карасенка,

Булгарские височные кольца. Курган у д. Шомушка, 1963 г.

Скандинавские подвески. Курган у д. Шомушка.
Раскопки 1963 г. И. П. Крупейченко

Забелье, Устье и разведок на территории Тихвинского и Бокситогорского районов. В целом к началу 1990-х гг. археологические коллекции музея представляли собой уникальное собрание по истории края, которое практически не было знакомо широкому кругу исследователей.

В 1994 г. случилась беда — в хранилище археологических фондов, которое располагалось в северных кельях монастыря, случился пожар. Значительное количество экспонатов обгорело, часть вещей была полностью уничтожена. Почти весь фонд был депаспортизирован. Работа по разборке, очистке экспонатов и их атрибуции велась почти девять лет. За это время науке были возвращены свыше 60 коллекций, сформированных в период 1958—1993 гг. Нужно отметить, что работа по комплектованию археологического фонда не прекращалась и в эти сложные для музея годы. В период 1994—2003 гг. были сформированы коллекции по материалам раскопок селищ Приладожской курганной культуры, архивизированы полевые отчеты.

В следующем году музей планирует строительство археологической экспозиции, на которой будут представлены материалы по древнейшей и средневековой истории региона, бытовой культуре Большого Успенского монастыря. Для научных исследований откроются фонды музея.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛЕННОГО УЧЕНИЧЕСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Вопрос о ремесленном обучении на Руси в отечественной историографии поднял в «Москвитяине» В. Лешков в 1852 г., а продолжили в XX в. Е. М. Тальман, С. В. Бахрушин, К. Н. Сербина, М. В. Довнар-Запольский, В. И. Троицкий, Т. П. Ефименко, Б. А. Рыбаков. Для этого времени Б. А. Рыбаков считал типичной небольшую мастерскую, где работали 1—3 человека: «Разделение труда не могло быть особенно сильным в русском городе, так как незначительные масштабы каждого отдельного ремесленного предприятия не позволяли расчленить производственный процесс». Он отмечает и малочисленность городских ремесленников, работавших по найму¹.

В письменности Древней Руси данный социальный аспект отражал единичные записи. Фразу из Новгородской Кормчей 1282 г.: «А швец покажет ученику, како резалникъ держати, резати ученику усмъ и како коюгу дръжяще, шити сапогы» можно считать наиболее ранним и единственным прямым упоминанием субъекта профессионального ремесленного обучения (ученика). Слово «ученик» в древнерусской литературе прочно связывается с нравственно-религиозным обучением (наставлением) или «учением книжным».

В законодательных актах «ученик» впервые упомянут только в начале XV в. Это статья 102 Псковской судной грамоты, где говорится о регулировании отношений между мастером и учеником. В спорах решение остается на усмотрении мастера: «Если хозяин мастера предъявит иск к своему ученику о плате за обучение, а ученик станет отрицать свой долг, то дело решается по желанию хозяина: хочет — пусть сам примет присягу в том, что ученик ему действительно должен, или пусть предоставит присягнуть ученику». По уточненной версии Л. В. Черепнина и В. Л. Янина, статья 102 появилась во 2-й редакции судной грамоты в 1417 г.²

Мнение Б. А. Рыбакова учитывает технические потребности производства и направлена на исследование социальной организации ремесла. Но оно не принимает во внимание обязательную преемствен-

ность в традиции производства. Даже для ремесел, где возможен индивидуальный труд, сложно представить отсутствие ученика или подмастерья. Любое ремесло требует множества различных мелких операций — подготовка материала, инструментов и пр. Кроме того, мастеру необходимо передавать кому-то свой опыт, знания, навыки и для жизнеобеспечения себя и своей семьи. Передача секретов ремесла в древности существовала только в форме непосредственного контакта мастера с учеником. Последний наблюдал и повторял действия мастера, копировал не просто его изделия, но и манеру его действий, особенности изготовленных мастером изделий, их декор. Именно такая преемственность в изготовлении любых предметов позволяет видеть развитие их формы во времени, инновации в технологии и технике производства, декоре. Можно полагать, что ремесленными учениками были в первую очередь сыновья мастеров.

Для древнерусского времени основу профессионального обучения следует видеть в традициях воспитания в семье, когда дети (юноши) наследовали дело своих отцов. Нормами взаимоотношений можно считать правила, изложенные в «Домострое»: «А пошлет Бог у кого дети... по времени детям смотря и по возрасту, учить рукоделью матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоин (т. е. кто на что способен)». Принципами «Домостроя» руководствовались и принимая учеников из других семей. В этом руководстве даются различные рекомендации о рациональном раскрое изделий, о возможности повторного использования ношенных одежд, обуви, также о разумном использовании отходов от раскроя. Отмечается необходимость иметь и содержать в порядке материалы, инструменты и приспособления для разных нужд: «А всякому рукоделью и у мужа и у жены всякая бы порядня и снасть была подвории: и плотницкая, и портного мастера, и железная, и сапожная...»³.

Существенные изменения в организации ремесла происходили в XVI—XVII вв. По мнению С. В. Бахрушина, московский ремесленник в XVI в. преимущественно работал в одиночку, особенно там, где это технически было возможно. Но в таких ремеслах, как кузнечное, брали подмастерьев и ученика. Ученичество было особенно распространено в ремеслах, требовавших наиболее высокой техники, например в иконописном. В ремеслах, в которых мастер не мог справиться один и даже с помощью ученика, ремесленники объединялись в небольшие артели. В документах упоминаются и наемные рабочие (казаки), вероятно, обучавшиеся отдельным операциям, например, в кожевенном деле⁴.

Письменные источники по теме ученичества становятся регулярными только в XVI—XVII вв., когда складывается всеобъемлющее

административное делопроизводство. Сохранились порядные грамоты и иные документы об отдаче детей в ученики. Так, в 1594 г. подросток 12 лет Кирилко Офромеев, сын Горончаров, говорил в Новгороде, что «наперед сего... жил на Москве и учился... у портного мастера у Филипка у Дементьева и от него збежал, а не снес от него ничего». В «Стоглаве» (1551 г.) специальная статья (ст. 26) посвящена обязанности священников организовать «учение книжному письму и церковному пению», где подробно перечисляются правила и нормы жизни и обучения учеников иконописцев. Надо учитывать, что иконопись — это не просто ремесло, а особое «духовное художество» и требования, предъявляемые к мастерам и ученикам, были более строгими, чем в других ремеслах. Из переписки 1666 г.: «По сказке мастера ихъ живописца Станислава Лопуцкаго те ученики къ тому живописному делу впредь будут прочны и учатца съ раденьемъ»⁵.

Для XVII в. ремесленное ученичество в России становится повсеместным явлением. Прием в обучение посторонних подростков или даже взрослых был характерен для всех видов ремесла. Наиболее престижными, видимо, были самые сложные и трудные ремесла — замочное, аптекарское, сафьянное, живописное и др. Обучение у разных мастеров и в различных городах, переезд людей на новое жительство и другие формы внутренней миграции населения — все это ускорило унификацию технологических приемов ремесла для основной территории государства⁶. Условия и сроки обучения, а также порядок экзаменации и выпуска учеников все более регламентируются порядными записями и распоряжениями правительства: «А прежде дву годовъ ему ихъ [учеников] за станы сажать къ тканью и не вызнавъ имъ начала основания того дела невозможно» (1686 г.); «Чтобъ они [мастера] техъ робять выучили своему мастерству доброму, и открыли дела свои къ ученью явно, и ни въ чемъ бы они въ делахъ своихъ не скрылись» (1660 г.).

До настоящего времени археологи не выделяли признаки ремесленного ученичества из-за отсутствия выразительных материалов. А известные материальные свидетельства профессионального обучения в средневековой Руси были очень немногочисленны и стали хрестоматийными. Особое положение занимают два чеканных подписных кратира XII в. мастеров Косты и Братилы из Новгородской Софийской ризницы, бывшие, по оригинальной версии Б. А. Рыбакова, «квалификационными» на получение звания мастера. В целом исследователи датируют их изготовление достаточно широко — с конца XI по начало XIII в. В одной из последних работ, затрагивающих эти произведения, названа более узкая дата: начало—первая половина XII в.⁷.

В последнее время тема ремесленного ученичества находит свое отражение и в археологическом материале средневековых русских городов, в частности связанном с кожевенным ремеслом. Можно думать, что в рамках кожевенного дела актуальность этого вопроса как бы «загушевается» спецификой самого производства. Обработка кожи и в первобытных обществах, и в сельских общинах средневековых государств оставалась необходимым занятием в каждой семье. Однако узкоспециализированное ремесло средневекового города требовало от мастеров особых навыков и развитых приемов работы, для этого необходима была длительная профессиональная подготовка. Следы ремесленного обучения в археологических комплексах можно рассматривать по ряду прямых и косвенных данных. Так, из основной массы кожевенной продукции, предположительно пошитой профессионалами, выделяются изделия «непрофессионального изготовления», существенно отличающиеся по качеству исполнения. В обувной продукции наиболее показательны поршни, где отчетливо выражены различия в способах раскроя и сборки, связанные с уровнем профессиональной подготовки мастера. Упрощенность раскроя и небрежность оформления прорезей для обор, по-видимому, была отличительным признаком «домашнего ремесла» жителей, шивших обувь для своей семьи⁸.

Исключительными для данной темы можно считать материалы из раскопок Тверского кремля в 1993—1997 гг. В нижних горизонтах застройки здесь найдены значительные скопления кожаных изделий, отдельных деталей и обрезков от раскроя. По ним были локализованы несколько производственных участков, где шили разные виды обуви и других изделий. По реконструкции застройки В. А. Лапшина, нижние горизонты отнесены к 80-м гг. XIII—рубежу XIII/XIV вв.⁹ Это время активного строительства Твери и расширения политического влияния Тверского княжества в ранний период правления Михаила Ярославича.

Среди кожаных отходов выделена группа обрезков (не менее 94), по всей видимости, использованных для тренировки учеников в раскрое прямых или фигурных заготовок, а также в правильном и точном выполнении прорезов и наколов под орнамент. Эти обрезки, в т. ч. и с края шкуры, явно не были деталями каких-либо изделий, но как остатки после раскроя использовались в качестве подручного «учебного материала». Они найдены в массе производственных отходов, захороненных в ямах или брошенных на землю вблизи рабочего места мастера-кожевника. Наибольшее число их найдено на участке 1, на уровне 19—20-го пластов, в слое и в заполнении ям, относящихся к этим пластам. Эти скопления отходов, вероятно, принадлежат одной или двум мастерским.

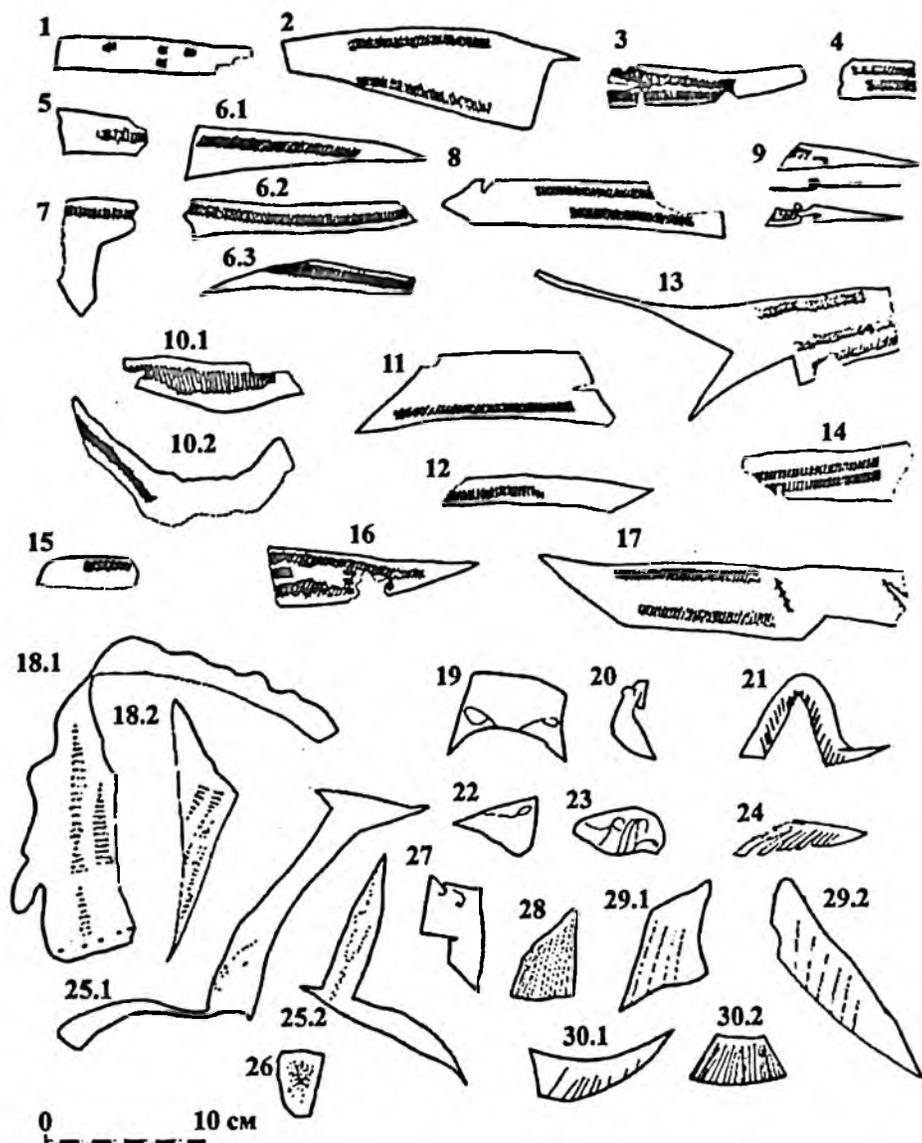

Рис. 1. «Учебные материалы» на кожаных обрезках от раскопа.
 Раскоп в Тверском кремле 1993—1997 гг.

Встречены обрезки с рядами узких и частых прорезей, имитирующих «продержку» по носку туфли (рис. 1: 1—17). Длина прорезов и их направление не всегда точно выдержаны из-за недостаточной твердости руки, неумения провести ровный надрез. Наличие же в коллекции многочисленных моделей туфель с таким декором подтверждает их местное производство. На других обрезках нанесены наколы, составляющие геометрические фигуры наподобие элементов расшивки, также встреченные на многих тверских туфлях (рис. 1: 18, 25). К группе «учебных» можно отнести серии обрезков с фигурными (рис. 1: 19, 20, 22, 23, 27) и частыми параллельными прорезами (рис. 1: 21, 24), а также некоторые обрезки с тиснением поверхности (рис. 1: 28—29). Возможно, при обучении использовались и кожаные подкладки из обрезков, использованные при раскрое.

Можно заметить, что тверские находки отражают выборочные стадии обучения обувному ремеслу. Отмечены обучение не основным операциям — раскрою деталей и их сшиванию, а исключительно тренировка правильности нанесения декора — «продержки» и расшивки. Основной прием обучения — многократное повторение одних и тех же прорезов и проколов с целью получения ровных разрезов и правильно расположенных проколов для нашивного декора. При этом ученик не должен был пользоваться какими-либо дополнительными приспособлениями, а только наглядными пособиями — изделиями мастера.

С обучением кожевенно-обувному делу, скорее всего, связаны и т. н. шаблоны для кроя, достаточно редкие среди археологических находок. Шаблоны встречены только в трех древнерусских городах — Новгороде, Пскове и Москве¹⁰. Но не все они отвечают своему назначению. За десятилетия раскопок в Новгороде встречены только 6 «деревянных лекал для кроя верха и подметок». В настоящее время в фондах Новгородского музея имеется только один предмет (рис. 2). Длина деревянной пластины 32,1 см, ширина в пальцах 6,8 см, а толщина детали 4—7 мм. В носке на обеих сторонах имеются полосы выбранного слоя дерева.

Пять шаблонов в Пскове найдены на месте построек XVII—первой пол. XVIII вв. Это железные пластины толщиной до 1—1,5 мм, по форме соответствующие некоторым видам подошв. В каждой пластине пробито по 6—8 отверстий вдоль края, указывая на использование гвоздей со шляпками (рис. 3). Эти предметы сапожники использовали не в качестве шаблонов, а как прочную основу на подошвенной стороне деревянной сапожной «лапы» (или колодки), для защиты ее от повреждения при забивании в подошву деревянных шпенок и железных гвоздей. Усиление подошвы обуви деревянными шпенками повсеместно использовалось в Западной Европе

в XVII—XVIII вв., откуда метод и был заимствован русскими мастерами.

Кроме этих находок при раскопках в Москве найдены два фрагмента «берестяных шаблонов для раскроя головок и поднарядов».

Во многих городах эти приспособления не встречены, а известные предметы единичны, несмотря на многообразие форм подошв в этих городах. Многообразие формы и пропорций подошв, найденных в средневековых слоях русских городов, показывает, что невозможно найти даже двух идентичных подошв, если они не принадлежат одной паре обуви. Видимо, средневековые мастера прекрасно ориентировались в особенностях антропометрии стопы человека и придерживались основных правил пропорционального раскроя, не пользуясь лекалами, а руководствуясь только опытом и постоянной практикой.

В письменных источниках термин «меры сапожные», отождествляемый с современными лекалами, упомянут в Новгородской Кормчей 1282 г., происходящей из Устава Феодора Студийского (ум. в 826 г.)¹¹. «Аще на потребу възметь кожу, или усние, и не съблюдая режетъ, и не прилагаетъ меры сапожныя... сухо да ясть». В Кормчей есть и другое наставление: «А швец покажетъ ученику, како резальникъ держати, резати ученику усмь и како коюгоу дръжяще, шити сапогы».

Следующий источник относится только к XVII в. В договорах об отдаче детей в ученики к мастерам различных специальностей говорится, что по истечении срока обучения мастер должен снабдить ученика одеждой и основными орудиями труда — «снастью». Сапожник дает «трои сапожные деревья (т. е. три пары сапожных колодок. — А. К.), да наметы (т. е. шаблоны для кроя. — А. К.), да шилье, и всякая сапожная снасть, да платья шубу, да кафтан сермяжной, да шапку, да сапоги»¹².

Определенно видно, что и «меры сапожные» и «наметы» связаны с обучением сапожному ремеслу. «Меры» были нужны ученику для

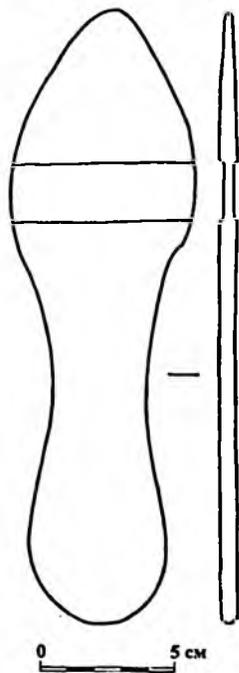

Рис. 2. Деревянный шаблон из раскопок в Новгороде

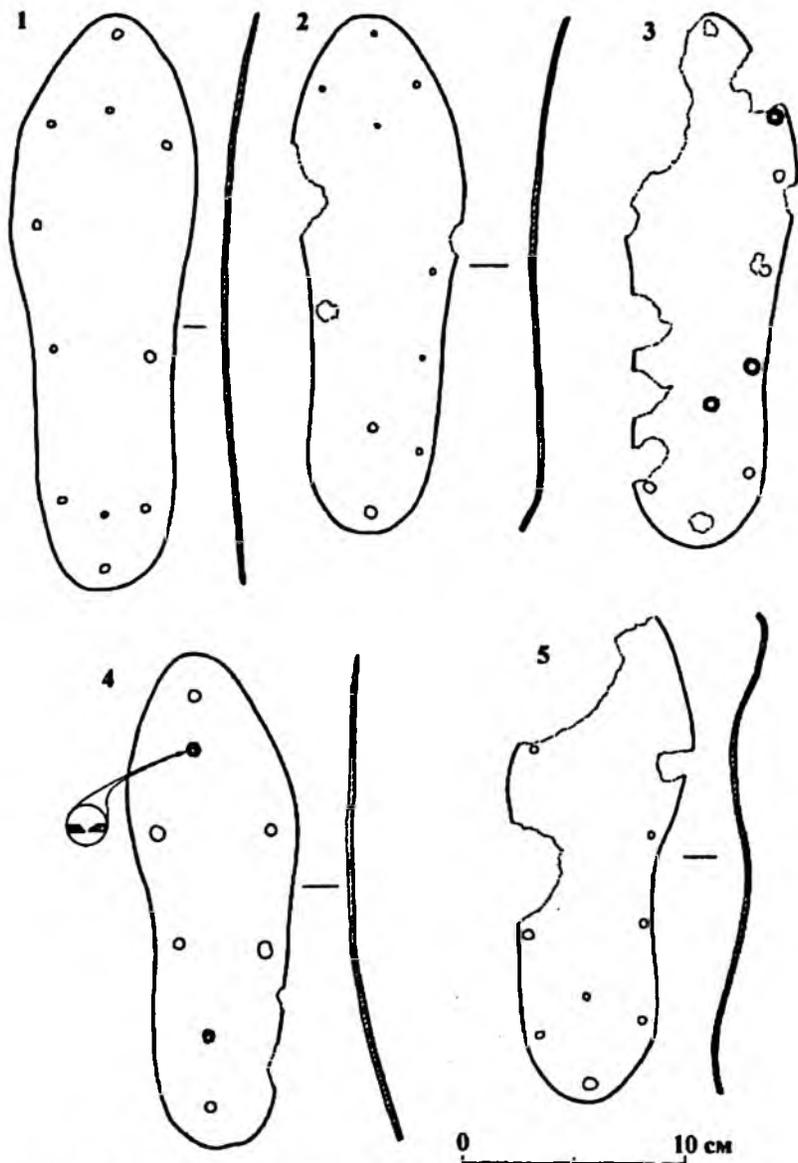

Рис. 3. Железные «шаблоны». Раскопки И. К. Лабутиной в Пскове

запоминания формы выкроек с целью их последующего воспроизведения. Несомненно, ученику требовалось много шаблонов, соответствующих разным фасонам обуви, поэтому приспособления названы во множественном числе. Но опытные мастера, постоянно практикующие раскрой деталей, уже не нуждались в таких шаблонах, которые и не встречаются в многочисленных кожевенно-обувных комплексах, исследованных археологами. Такое толкование объясняет известные противоречия археологических источников.

Знакомство детей с профессиональным ремеслом могло проходить через стадию игры, для чего служили детские игрушки, и прежде всего группы предметов-имитаций. Наблюдая за изготовлением вещей мастерами, подростки могли сами делать копии из дерева. Например, в Новгороде и Старой Ладогe найдено много игрушек из дерева и коры, подражающих реальным изделиям ремесленников, — это мечи, кинжалы, топор, лук со стрелами, лодочки, тележка¹³.

Находки берестяных грамот со «школьными упражнениями» мальчика Онфима и других новгородских отроков, а также берестяных и деревянных азбук отражают обучение грамоте и письму. Способ обучения состоял в воспроизведении на письме заученного алфавита и слогов в алфавитном порядке¹⁴. Это повторение сродни технике ремесленного обучения — многократный повтор отдельных действий с материалом.

С обучением, вероятно, связаны и недавние находки на Затьмацком посаде Твери. В раскопе 1999 г. на пересечении улиц Троицкой и Ефимова открыт участок застройки второй половины XV—начала XVI вв. с подвалами 3 наземных жилых и 1 производственной постройки. От последней сохранилась квадратная яма со сторонами около 2 м, ориентированная по странам света. В заполнении ее собрано несколько десятков целых и фрагментированных тиглей, мелкие глиняные поделки, миниатюрные сосудики или формочки (рис. 4). Часть из них могла быть игровыми имитациями или изделиями учеников. Близкие по размеру, особенностям формовки и обжига глиняные миниатюрные сосудики найдены в Пермском Предуралье на средневековых городищах — Рождественском и Анюшкар¹⁵.

Таким образом, тема ремесленного обучения в средневековой Руси получает новое звучание в связи с выделением в археологическом материале предметов, бывших образцами учебно-тренировочных работ таких например, как шаблоны. Можно полагать, что взаимоотношение мастер—ученик в Древней Руси развивалось преимущественно в семейной сфере (кроме монастырей). Появление многочисленных документов в XVII в. связано с коренными изменениями в обществе — развитием рыночного характера ремесленного производства

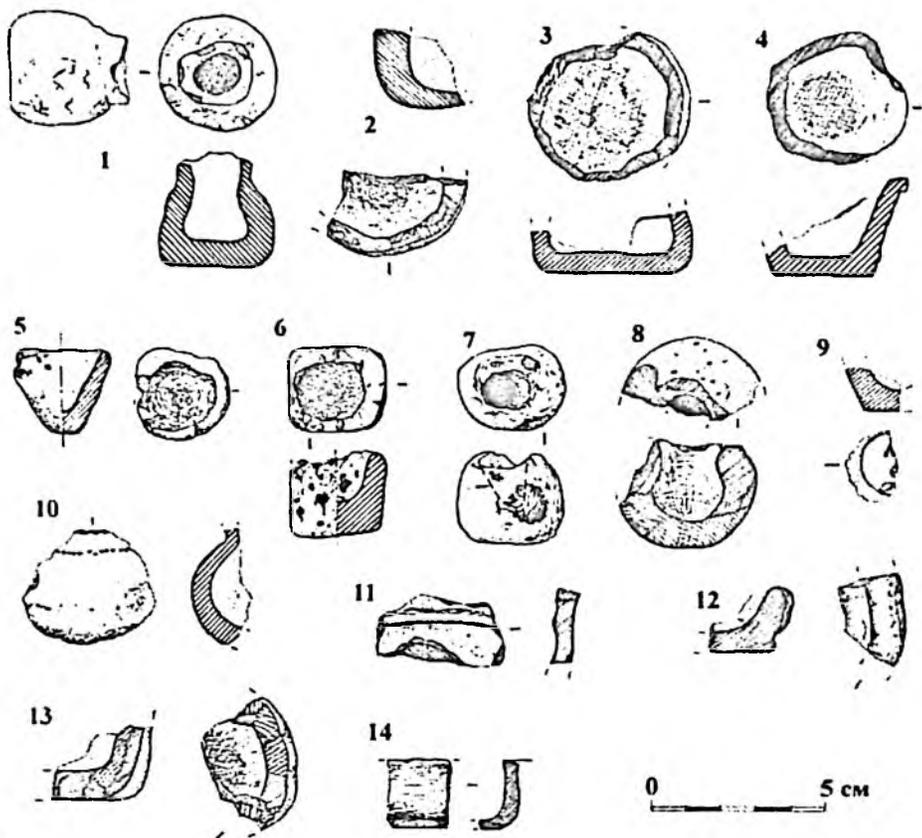

Рис. 4. Предметы из глины. Раскоп 1999 г. на ул. Троицкой в Твери. Яма 19а

и растущим разделением труда в рамках одной или нескольких мастерских, что нельзя распространять на более раннее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. библи.: *Сербина К. Н.* К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII в. // *Исторические записки.* 1948. Т. 18; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948. С. 702—704, 712; *Бахрушин С. В.* 1926. Ремесленные ученики в XVII в. // *Труды ГИМ, вып. III.* М. (перепечатана в: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. II. М., 1954).

² *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948. С. 704; *Российское законодательство X—XX вв.* Т. 1. М., 1984. С. 330—331.

³ *Домострой.* М., 1991. С. 35, 57.

⁴ *Бахрушин С. В.* 1952. Научные труды. Т. I. М. С. 166.

⁵ Новгородские кабальные книги. М., 1938. С. 445; Российское законодательство X—XX вв. Т. II. М., 1985. С. 290—291, 314—315.

⁶ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. II. М., 1954, прил. I.

⁷ Медынцева А. А. 2000. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X—первой половины XIII века. М. С. 169; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948. С. 299—300.

⁸ Курбатов А. В. 1997. Кожевенное производство Твери XIII—п. пол. XV вв. по раскопкам Тверского кремля 1993—1996 гг. // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь. Рис. 3.

⁹ Лапшин В. А. Стронительные горизонты раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993—1997 гг.). СПб., 2001. С. 60—65.

¹⁰ Колчин Б. А., Яшин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 76, 84; Лабутина И. К. Раскопки в Пскове // Археологические открытия. М., 1973. С. 16—17; Векслер А. Г., Осипов Д. О. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // Российская археология. № 1. 1999. С. 147, рис. 1.

¹¹ Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., Стлб. 389.

¹² Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 70.

¹³ Рябишин Е. А. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973—1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 187—190, рис. 4; Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // ННЗИА. 12. 1998. Новгород. С. 83—87, табл. I, рис. 1; Морозова Н. А. 1990. Игрушки древнего Новгорода // ННЗИА. Вып. 3. 1990. Новгород. С. 70.

¹⁴ Яшин В. Л. 1975. Я послал тебе бересту. Изд. 2-е. М. С. 48—57.

¹⁵ Курбатов А. В. Комплекс второй пол. XV—начала XVI вв. с Затьмацкого посада г. Твери // Археология и история Пскова и Псковской земли. В печати; Крылатова Н. Б. Элементы воспитания и обучения у средневекового населения Пермского Предуралья на примере детских игрушек // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I—II. 2001. Пермь. С. 33—39.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУСИ

Начальные этапы становления христианства на Руси (IX—XIII вв.) являются ключевым периодом в сложении русской национальной культуры и сознания, которые, в свою очередь, повлияли на характерные черты русской государственности и общественной жизни.

Вместе с тем неполнота письменных источников, оставляющая нас в неведении относительно многих существенных моментов христианизации Руси, требует активного привлечения археологических материалов. Археологические источники способны предоставить исследователю дополнительную историческую информацию, не зафиксированную древним летописцем.

В результате проведенного большого исследования комплексного характера мной была выявлена реальная картина распространения христианства на Руси, представленная версией археологии¹. Настоящий очерк претендует на то, чтобы познакомить читателя с основными выводами моей научной работы, описать главные особенности христианизации Древней Руси, дать наглядное представление о тех святынях и реликвиях, которыми пользовались первые русские христиане.

Во все времена и у всех народов первичной и преимущественной областью христианизации были представления о загробной участи человека и их отображение в погребальном обряде. Такая область знания европейской науки, как христианская археология, засвидетельствовала древнейшие материальные свидетельства истории Церкви именно в этой культурной сфере. Поэтому нет ничего удивительного, что древнейшие свидетельства христианской культуры на Руси так или иначе связаны с погребениями своего времени.

Христианские древности средневековой Руси появляются в археологии погребального обряда практически синхронно первым письменным известиям о христианизации. В целом сам тип предметов личного благочестия, как и время его бытования, хорошо синхронизируется с основными этапами распространения христианства на Руси.

На основании историко-археологических данных христианизацию Киевской Руси IX—XI вв. можно подразделить на следующие этапы с характерными особенностями. *Первый этап относится к IX в.* В это время на основе славяно-скандинавских контактов начинает складываться новый протофеодальный военно-дружинный и торгово-административный слой — «русь», составивший этнокультурную основу древнерусской народности. Новая социальная верхушка начинает свои духовные поиски, которые приводят к тому, что именно этот слой населения выступает как активный сторонник христианизации. Принятие христианства отдельными дружинами русов в период 810—870 гг. в таких византийских полисах, как Константинополь, Сугдея и Амастрида, фиксируется памятниками агиографии — «Житиями» Св. Стефана Сурожского и Прп. Георгия Амастридского, арабскими географическими сочинениями, византийскими хронистами и их поздними комментаторами, произведениями и посланиями таких государственных и церковных деятелей, как патриарх Фотий (858—867; 877—886) и император Константин Багрянородный (913—959).

Медленно, но все же начинается смена погребального обряда: ингумация постепенно вытесняет кремацию. Среди представителей социальной верхушки на Руси начинает распространяться трупоположение в камерах и появляются первые христианские древности, которые, однако, почти сразу же выпадают из повседневной культуры, поскольку новая традиция еще не сложилась. Древнейшее надежно датированное погребение этого времени по обряду ингумации, связанное с зарождающейся древнерусской культурой, исследовано в Старой Ладого (урочище Плакун).

Второй этап христианизации обнимает конец IX—первую половину X вв. Именно на этом этапе «Повесть временных лет» непосредственно фиксирует первых русских христиан, прошедших оглашение в 912 г. при императоре Льве VI Философе (886—912) и участвовавших в заключении договора с Византией в 944 г. В Киеве к 945 г. уже существовала церковь во имя пророка Ильи, почитание которого было весьма распространено именно при правившей в это время в Византии Македонской династии (867—1028). Существующие в науке представления о языческой реакции времени правления князя Олега после захвата Киева в 882 г. не подтверждаются археологическими материалами. В это время появляются новые типы христианских древностей, связанные прежде всего с княжеской дружиной и варяжскими наемниками. Поступательное развитие христианского погребального обряда и дружинной культуры приводит к широкому распространению в Поднепровье камерного обряда погребения во второй четверти—середине X в., который сопровождается

и менее престижными захоронениями, совершенными в подкурганной яме в гробовище или без.

Третий этап распространения христианства на Руси продолжается с середины X в. до 60—70 гг. X в. На этом этапе начинают проявляться местные особенности древнерусского христианства, связанные с его поликультурным характером, его открытостью как европейским, так и византийским влияниям. Этот период дает нам наибольшее число параллелей с христианизацией Западной Европы, Великой Моравии и Скандинавии. Корреляция скандинавских элементов с христианскими древностями в археологически известной культуре этого времени говорит о высокой степени участия варягов в христианизации дружинного слоя и, следовательно, в распространении христианства на Руси, что подтверждается и данными древнейшей русской летописи.

Значительно расширяются география христианских общин (Киев, Шестовицы, Гнездово) и социально-гендерная дифференциация христианства. Погребения в камерах соответствуют высокому общественному рангу христианина. Большинство христианских символов, известных в это время, происходит из женских погребений, что указывает на большую религиозность женщин в древнерусском обществе. Находка в погребении № 1 кургана № 61 могильника Шестовицы бронзовой печатки с изображением Иисуса Христа с нимбом и Евангелием и надписью: «ІС ХС» является древнейшей иконой, найденной на территории России, и может свидетельствовать о некотором развитии делопроизводства в общине². Этот иконографический тип появляется преимущественно после 945 г. (рис. 1). Все говорит о возрастании удельного веса христианства в обществе.

В конце этого периода наблюдаются прекращение функционирования христианского некрополя на усадьбе Десятинной церкви в Киеве и перемещение центров христианской жизни на север, предположительно из-за языческой реакции при Святославе около 972 г., которая надежно зафиксирована письменными источниками. Однако появляются на короткое время новые черты погребального обряда — использование свечей, — связанные с христианским импульсом из Дании. Эти находки, происходящие из погребений, раскопанных в Гнездово под Смоленском, Тимерево под Ярославлем и Шестовицы под Черниговом, являются древнейшими свидетельствами употребления воска в христианском культе 970—980-х гг.

Этим трем этапам в целом соответствует, хотя в ряде случаев и переживает их, *первое поколение христианских древностей (900—1050 гг.)*. Древности, относимые нами к этому поколению, характерны прежде всего для дружинной культуры IX—рубежа X—XI вв. Они

Рис. 1. Печать с лицевым изображением Иисуса Христа из погребения № 61/1 Шестовицкого могильника под Черниговом

представлены преимущественно крестами и крестовидными накладками из листового серебра, характерными исключительно для погребений этой эпохи (рис. 2). В настоящее время они найдены на территории Древней Руси в 12 пунктах в количестве 31 экземпляра. География их распространения достаточно широка: это Среднее и Смоленское Поднепровье (Киев, Шестовицы, Гнездово), Ярославское Поволжье (Тимерево), Новгородская земля (Удрай, Федово, Калихновщина, Озера, Болтинская), Владимиро-Суздальское ополье, Западная Украина, где в то время ощущалось великоморавское влияние³. Концы крестиков имеют самую различную форму: округлую, подтреугольную, прямоугольную. Наиболее характерны кресты с расширяющимися концами, вписанные в круг (Киев, Тимерево, Болтинская, Гнездово — 13 экз.); некоторые из них вырезаны из серебряных монет, представляющих идеальную заготовку для этого типа. Очевидно, что при незначительных различиях чувствуется несомненное иконографическое единство этих крестов, которое еще больше подчеркивается схожей техникой изготовления и украшения пунсонным орнаментом.

Характерно, что наиболее близкие, хотя и более ранние хронологические аналогии этого типа крестов известны на Британских островах среди англо-саксонских реликвий VII—VIII вв.: крест Св. Куберта, Wilton-крест и Ixworth-крест, внутри которого заключен солид императора Ираклия (613—630 гг.). Этот тип вполне определенно бытует до X в., о чем свидетельствует крест из серебряной фольги из клада в Gravesend, а также подобный крест из аббатства Whitby того же времени. Находки подобных крестов в Южной Скандинавии традиционно связываются с миссией епископа Уно в Швеции (930-е гг.), которая может иметь английские истоки⁴. Вместе с тем прикладное искусство Византии свидетельствует о частом употреблении вписанного в круг креста в качестве орнаментального элемента архитектуры и аппликации. Это могло повлиять на закрепление именно этого типа крестов в древнерусском быту. Учитывая экземпляры, найденные в Тимереве и Кемском некрополе, изготовленные из серебряных монет, очевидно, на месте, можно предположить, что единого центра

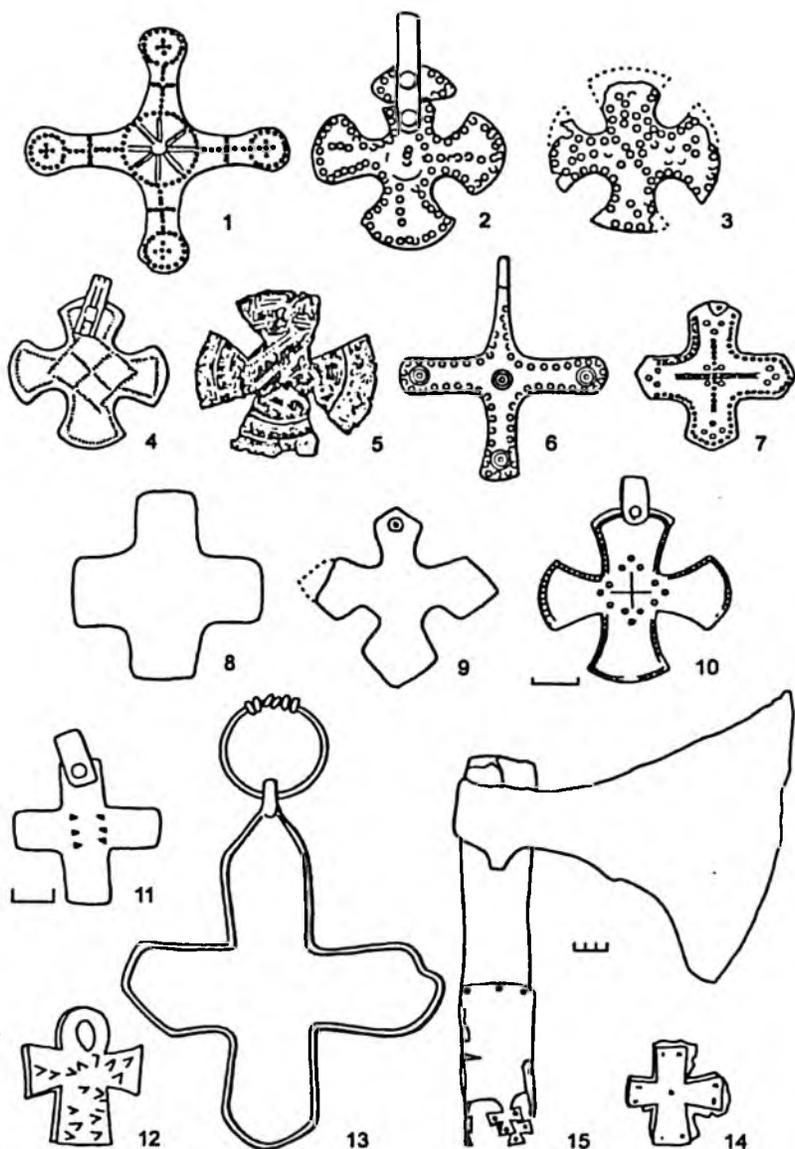

Рис. 2. Сводная таблица крестов из листового серебра и крестовидных накладок X—XI вв.: 1 — Киев, № 110; 2 — Киев, № 125; 3 — Киев, № 125; 4 — Киев, № 124; 5 — Тимерево, № 459; 6 — Шестовицы, № 78; 7 — Гнездово, Заольшанская группа, № 27; 8 — Гнездово, Заольшанская группа, № 38; 9 — Гнездово, Заольшанская группа, № 5; 10 — Гнездово, Ц-301; 11 — Гнездово, Дн-4; 12 — Федово, № 26; 13 — Удрай, № 5; 14 — Удрай, № 1; 15 — Калихновщина, № 273/1

изготовления таких крестов не существовало. Они должны были изготавливаться в местных христианских общинах по идеальным типам, существовавшим в общественном сознании.

Данный тип крестов встречается чаще всего в камерных погребениях, которые можно рассматривать как феномен древнерусской христианской культуры, характерный для социальной верхушки, принимающей новую религию. Характерной особенностью того вещного окружения, в котором были найдены христианские древности первого поколения, является его ярковыраженный милитаризованный, воинский характер. В число сопутствующих предметов часто входят каролингские мечи, боевые топоры различных типов, элементы конской упряжи. Это характеризует слагающееся сознание древнерусских христиан как особую психологию «дружины Господней», свойственную раннефеодальным христианизируемым обществам. Богословская риторика о «воинах Христовых», дополненная конкретным противостоянием языческому окружению и культом оружия эпохи ранней государственности, приводила первых русских христиан к осознанию своей особой миссии в обществе ⁵.

К предметам личного благочестия можно отнести также византийские монеты-привески, которые были своеобразными «крестильными дарами», поскольку выявленная хронология монетных серий соответствует основным моментам в истории христианизации Древней Руси. Всего на территории Древней Руси нами учтено 49 монет в 43 погребениях из 26 некрополей ⁶. Территориально-хронологическое распространение монет полностью соответствует бытованию крестов из листового серебра.

В эпоху бытования первого поколения древностей на Руси появляются византийские и балканские кресты-энколпионы с изображением Распятия или без такового (Старая Ладога, Угличе Поле) ⁷, которые предположительно влияют на иконографию крестов следующего, второго, поколения. Зафиксирован единичный экземпляр т. н. фризского кувшина (Tatinger Kannen), который происходит из погребения № 7 могильника Плакун в Старой Ладогe ⁸ (рис. 3). Подобные кувшины были найдены в разных областях Балтийского региона как в погребениях, так и на поселениях, приблизительно в 40 пунктах ⁹. Сосуды имеют высоту 24—26 см, изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины, ручка массивная, с продольным пазом. Они характеризуются устойчивой формой и оригинальным орнаментом из оловянной фольги, в состав которого входит «мальтийский» крест. Время их бытования ограничено концом VIII—серединой IX вв. ¹⁰. Находки сосудов в важнейших религиозных центрах того времени (Дорестад (Фрисландия), Лоршский монастырь (Германия,

Рис. 3. Распространение фризских кувшинов в Северной Европе в IX в.

р. Рейн), Бирка (Швеция)) могут говорить об изготовлении их клириками для нужд Церкви и миссионерской деятельности. Вопрос об их конкретном назначении является спорным: это могли быть литургические сосуды, сосуды для ритуального омовения рук во время мессы или тара для евхаристического вина. Исследователи связывают эти сосуды непосредственно с миссией Св. Ангария в Средней Швеции 840—860 гг., исходя из временного совпадения. Впрочем, не все согласны с их литургическим предназначением, однако в любом случае сосуды представляют собой материализацию христианской европейской культуры и свидетельствуют о начале христианизации Древней Руси.

Характерно, что в XI в. камерный обряд и соответствующие ему предметы личного благочестия вытесняются в сельские регионы Древней Руси, ярким примером чего является погребение такого типа в могильнике Удрай (Новгородская область). Это свидетельствует как об изменении направления христианизации в обществе, так и об изменении социокультурных функций дружинных коллективов.

Сопоставление христианских древностей с общей характеристикой погребального обряда позволяет прийти к выводу о том, что

одновременно с распространением предметов личного благочестия появляется и новый погребальный обряд — ингумация. Первые ингумации как в Древней Руси вообще, так и в финно-угорской среде на территории Новгородской земли характеризуются присутствием в их погребальном инвентаре элементов культуры, происходящих из христианизированных областей. Дальнейшее распространение нового обряда происходит в условиях, когда сельские общины начинают подражать погребальным традициям городской знати. Такая подражательность может характеризовать некоторые особенности христианизации Древней Руси. При этом первые христианские погребения, исследованные в дружинных некрополях и могильниках древнерусских поселений X в., характеризуются наличием курганной насыпи. Обычный для городских христианских погребений X в. курганный обряд в конце XI в. становится нормой для древнерусской деревни, тогда как в городах и боярских селах уже преобладают грунтовые погребения. Это можно объяснить естественной культурной инерцией села по отношению к городу. Основанием для вывода о длительном переживании традиций язычества такие наблюдения служить не могут. К тому же с рубежа XII—XIII вв., а на северо-западе Новгородской земли в конце XIII—XIV вв., фиксируется традиция каменных могильных крестов, которые ставились и на курганных некрополях (Старица (Тверская область), Воймерицы, Плешковицы).

Новый, четвертый, этап существования христианства на Руси начинается в последней четверти X в. и продолжается до середины XI в. Он характеризуется коренным изменением положения христианства в обществе и государстве, что известно из письменных источников (Крещение Руси 988 г.). Эти изменения находят подтверждение и в археологических материалах. В начале этого периода появляются новые типы христианских древностей — крестики с Распятием — наглядные изображения сущности христианской проповеди. Они отмечают появление церковной общины в Новгороде, возможно, уже в 970-е гг., и представляют собой *второе поколение христианских древностей (1000—1100 гг.)*. Представленная здесь иконография Распятия связана с Северной Европой и выполнена в англо-ирландской художественной традиции на основе великоморавских образцов предшествующей эпохи.

К настоящему времени нам известно 27 пунктов находок таких крестов на территории Древней Руси, представивших 46 экземпляров¹¹ (рис. 4). Девять крестов происходят из культурного слоя Новгорода конца X—первой трети XII вв.¹² Крест из Пскова, найденный в кремле, относится ко времени конца X—самого начала XI вв.¹³

Остальные Распятия широко датируются XI в., тяготея к его второй половине и, возможно, в некоторых случаях к началу XII в. По одному экземпляру происходит из культурного слоя городища Княжа Гора (Деман) у деревни Пески Демьянского уезда Новгородской губернии на реке Явони, городища Старая Рязань, городища Княжа Гора (Родень) под Киевом, окольного города Новогрудка, городища Заречье на реке Стугне под Любечем, Тимеревского селища, Киева (раскопки на Владимирской улице), селища Пугино (Кадуйский район Вологодской области). По одному кресту найдено в кургане № 6 у деревни Глинники Тверской губернии на Верхней Волге и в кургане № 37 у деревни Гочево. Представляют особый интерес курганы № 5 у деревни Шапчицы и № 12 у деревни Колодезная в Могилевском Поднепровье. Здесь найдены соответственно в первом кургане 7 крестов подобного типа, отлитых в одной форме, а во втором — четыре экземпляра, отлитых в другой форме. Еще три креста происходят из древнерусских погребений у деревни Рог, у деревни Христово Смоленской области из кургана № 55, у деревни Саки на р. Каспле, из курганной группы у деревни Савинские горки Тверской области. Один крест происходит из Юго-Восточного Приладожья, из кургана № 15 в Орехово на р. Капше. Такой же крест происходит из курганного погребения могильника Посады у городища Медведь Кашинского района Тверской губернии. Из разрушенного погребения № 3 могильника Жовнино (Чернобаевский район Черкасской области) также происходит крест интересующего нас типа. Одно распятие происходит из катакомбы № 15 Змейского могильника позднеаланского времени на Северном Кавказе. Три креста, места находок которых неизвестны, ныне находятся в собраниях ГИМ (№ 81073, 68759) и Череповецкого краеведческого музея. Крест, существенно отличавшийся от предыдущих своей формой и стилистикой, найден в Тарту в составе клада, однако по ряду своих иконографических особенностей он может быть отнесен к интересующей нас группе.

К этой же группе крестов мы относим и найденный во время раскопок Вышгорода 1935—1937 гг. крест «скандинавского типа», который формально принадлежит уже к следующему, третьему, поколению христианских древностей на Руси¹⁴. Однако на его обратной стороне выгравировано изображение распятого Христа с миниатюрным крестиком над головой, которое мы относим к серии имитаций интересующей нас в настоящий момент группы крестов с Распятием. Крест происходит из слоя вместе с вещами второй половины XI—XII вв. Такое сочетание сравнительно поздней формы второй половины XI—XII вв., архаичной иконографии и примитивной техники

Рис. 4. Сводная таблица крестов с Распятием в Европе: 1 — Микульчицы (Великая Моравия); 2 — Бирка (Швеция); 3 — Новгород; 4 — Шапчицы; 5 — Колодезная; 6 — Новогрудок; 7 — Новгород; 8 — Пески; 9 — Тимерево; 10 — Сигтуна (Швеция); 11 — Гочево; 12 — Саки; 13 — Юрьев; 14 — Сандегорда (Готланд); 15 — Орехово; 16 — Змейское

исполнения свидетельствует, на наш взгляд, о принадлежности этого экземпляра к памятникам переходного периода. Несмотря на повсеместное распространение крестов новых местных форм, старые традиции изображений продолжали сохраняться в религиозном сознании и повседневной культуре. Совмещение того и другого позволяло адаптировать новые веяния к устоявшимся иконографическим предпочтениям, восходящим к эпохе Крещения Руси.

Основная часть крестов представляет тип, для которого характерны расширяющиеся лопасти и крестик над головой Христа. Сама фигура занимает срединную часть креста. Целый ряд стилистических деталей позволяет рассматривать одежду Спасителя как длинный колобиум с рукавами, фалды которого расходятся вниз в виде «ласточкиного хвоста». Кисти рук Христа подчеркнута крупные, на запястьях спиралевидный орнамент, который, скорее всего, является рукавами одеяния. Характерной является крестовидная перевязь на груди, также характеризующая одеяние как длинное и закрытое. Глаза Христа закрыты, что соответствует иконографическому типу *Christus mortuus*. Голова склонена вправо.

Истоки характерных иконографических черт, прежде всего крестовидной перевязи на груди распятого Христа, облаченного в длинный колобиум, должны быть отнесены к сиро-палестинской традиции. Наиболее древние образы такой иконографии представлены в миниатюре Распятия Евангелия Равулы (после 586 г.)¹⁵. Крестовидные перевязи в сцене Распятия встречены на серебряном блюде сирийской работы, найденном в конце XIX в. около села Григорьевское Соликамского уезда Пермской области¹⁶. Обычно блюдо, которое, как полагают, изготовлено сирийским мастером-несторианином в сасанидском Иране, датируется VII—VIII вв. Для византийского искусства крестовидная перевязь нехарактерна.

Единственным известным исключением является миниатюра Распятия, выполненная для Евангелия Gr. Qu. 66 (Государственная библиотека в Берлине, Фонд прусского культурного наследия), традиционно относимого к памятникам Чикаго-Карахиширской группы¹⁷. Миниатюра, помещенная в тексте Евангелия от Луки, представляет собой воплощение архаичной иконографии, где фигура Христа в колобиуме до колен, фланкированном клавами, изображена фронтально, а руки у локтей привязаны. У изображенных рядом распятых разбойников руки также привязаны, однако здесь присутствуют уже известные нам по Евангелию Равулы и крестовидные перевязи. Рукописи Чикаго-Карахиширской группы имеют преимущественно провинциальное происхождение и традиционно связываются с Кипром и Палестиной, но такая иконография хорошо вписывается в контекст

их создания. Очевидно, подобная архаичная традиция изображения Распятия в Византии удерживалась вплоть до первой половины—середины XIII в. Это могло способствовать закреплению ее характерных черт в древнерусском искусстве, поскольку непосредственные стилистические и ремесленные истоки крестов с «грубым изображением Распятия» все же находятся в Северной Европе.

Именно среди памятников Британских островов непосредственным образом присутствуют Распятия интересующего нас времени, которые имеют аналогичную древнерусским крестам нагрудную перевязь. Прежде всего стоит отметить Распятие на каменном кресте из Thorton Steward (Wensleydale, IX—X—начало XI вв.)¹⁸. К этому же типу Распятий с крестовидной перевязью относятся изображение на фрагменте выносного креста из St. Vituskirche (Hemer, Kr. Iserlohn, до XII в.) и Распятие на епископском жезле из Lismore (XI в.). Отсюда эти иконографические черты и были заимствованы в произведения ремесленной миниатюры ремесленников-норманнов и перенесены на Русь. Характерно, что в это время миниатюрные нательные кресты-распятия характерны не только для Скандинавии и Древней Руси, но и для Средней и Восточной Европы в целом, а также для Средиземно-Черноморского региона¹⁹.

Время бытования подобных крестов в Европе приблизительно приходится на 950—1075 гг., а территория, охватывающая пространство от Норвегии до Алании, позволяет увидеть Русь в контексте широкомасштабной христианизации Европы. Кресты с Распятием характерны прежде всего для древнерусских городов и сельских некрополей Древней Руси XI в., что также подчеркивает приоритеты христианизации этой эпохи. В области канонического права смена поколения христианских древностей отражает смену дружинно-княжеского типа организации духовенства епархиально-приходским. Распространение этого типа крестов на основных внутренних торговых путях и колонизационных маршрутов демонстрирует пути и механизмы христианизации Древней Руси.

Христианский в своей основе обряд ингумации, в разной степени влияя на древнерусское население, окончательно вытесняет кремацию. Представляется, что к концу X в. — времени введения христианства в качестве «государственной веры» — общество имеет весьма солидный объем знаний о новой религии. Становление церковной организации на Руси, открытие первых епископских кафедр X—начала XI вв. (Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк, Переяславль, Белгород) является кристаллизующим фактором новой государственной структуры. Примечательно, что синхронное перемещение христианских древностей из открытых торгово-ремесленных поселений и дру-

жинных могильников в древнерусские города и сельские некрополи наверняка отражает процесс сложения новых общественных связей. Такое перемещение является отражением создания постоянной церковной организации. Возможно, что при кафедрах (миссионерских центрах) могли создаваться мастерские по производству предметов христианского культа. Это должно было бы привести к унификации их формы, что и можно отметить на примере крестов с Распятием. Очевидно, что разнообразие форм крестов из листового серебра X в. отражает отсутствие единых центров их изготовления.

Древнерусское христианство продолжает быть восприимчивым к инокультурным влияниям, в частности, из христианских стран Западной и Северной Европы, и перерабатывать к своей пользе. Это не может быть связано исключительно с фактом неразделенной Церкви, существовавшей до 1054 г. В этом видится особенность древнерусской христианской культуры в период ее становления. Об особенном, жизнеутверждающем, характере древнерусского христианства писал Д. С. Лихачев²⁰. Древнерусское общество не только аккумулировало разнообразные христианские импульсы. Оно являлось проводником христианского влияния вовне как на Севере, так и на Юге. Христианизация Руси, в конечном итоге, являлась лишь частью распространения христианства в Европе.

На основе сложившейся древнерусской народности в условиях формирования самостоятельной христианской культуры появляется во второй половине XI в. *третье поколение христианских древностей на Руси (1075—1275 гг.)*, которое характеризуется местным происхождением и бытует преимущественно на территории Древней Руси. Оно представлено в первую очередь металлическими крестами с геометрическими украшениями индивидуальных типов, однако в рамках этого поколения бытуют круглые иконки, амулеты-змеевики, привозные энколпионы и древнерусские подражания им. В оформлении предметов личного благочестия начинают преобладать орнаментальные и декоративные мотивы. Это свидетельствует о становлении самостоятельных форм древнерусской культуры, которое совпадает с началом новой эпохи в истории Руси, начавшейся в конце XI в. Новая система взаимоотношений между князьями и канонизации первых русских святых, вызвавшие к жизни новые явления церковной культуры, — все это говорит о новом этапе в жизни древнерусского христианства.

Предпринятое исследование позволяет выявить определенные закономерности в использовании предметов христианского культа в Древней Руси X—XI вв. и на территории Новгородской земли XI—XIII вв. Христианские древности появляются в погребениях на

ранних этапах христианизации, когда сознание неопитов требует демонстрации своего религиозного статуса. Традиция помещения христианских символов в погребения исчезает с установлением на этих территориях строгой церковной иерархии и монастырских форм церковной культуры, что повсеместно происходит начиная с XIII в. Третье поколение христианских древностей характерно более всего для окраин Древней Руси, где пограничное положение христианской общины требовало постоянного подчеркивания своей принадлежности к новой вере. Вместе с тем финно-угорский субстрат, проявивший себя в древнерусской культуре прежде всего на окраинных территориях Новгородской земли, мог способствовать сложению определенных эстетических представлений, связанных с местом предметов христианского благочестия в повседневном и погребальном уборе.

Большинство предметов личного благочестия XI—XIII вв. происходит из некрополей, оставленных коллективами, занимавшими ключевые позиции на древнерусских торговых маршрутах. Такое местоположение способствовало активным контактам местного населения с ремесленниками и торговцами, в результате чего христианские символы оказывались в местной культуре в более массовом количестве. Эти контакты раскрывают конкретные механизмы христианизации древнерусской деревни. Представляется, что чем выше была внешняя активность общины, тем чаще ее представители использовали христианские символы в быту.

При комплексном подходе к проблеме христианизации Древней Руси этот историко-культурный феномен может быть понят как длительный процесс с присущими ему диалектическими противоречиями, обусловленными качественным и количественным сочетанием традиционного и инновационного в древнерусской культуре. Однако в отечественной науке при характеристике древнерусского мировоззрения и по сути, и терминологически преобладает подход, когда древнерусское мировоззрение оценивается статично как «двоеверие», представляющееся христианско-языческим религиозным синкретизмом и, по существу, — непобежденным язычеством ²¹.

Существует и другая точка зрения, воплощенная в работах Н. М. Гальковского, Б. Д. Грекова, Г. К. Вагнера и Д. С. Лихачева ²². Здесь на первый план выступает усвоение Православием элементов предшествующего мировоззрения и модификация новой религии в древнерусской культурной среде. Ученые этого направления в целом признают имеющийся синкретизм христианским в своем существе и подвергают критике сам термин «двоеверие», указывая на невозможность существования «двух вер» в реальной жизни.

Не секрет, что сам термин «двоеверие» (греческое — *amfisbitisis*) представляет собой производное от выражения «двоеверно живяху», принадлежащее автору «Слова святого Григория», поучения XII в., направленного против язычества и его «пережитков»²³. Однако подобное отклонение от ортодоксии употреблялось в средневековье достаточно широко и в различных контекстах. Необходимо подчеркнуть книжный характер такого понимания происходившего на Руси религиозного процесса, возникшего среди епископата и монашества как наиболее образованной части Церкви.

Представляется необходимым дать культурологическую оценку этому процессу и выявить его сущность, что важно для адекватного понимания мировоззрения русского средневековья. Потребность освоения языческого культурного наследия стояла еще перед античным христианством, и Древняя Русь находилась перед решением той же культурной задачи. Основным методом здесь была так называемая рецепция, то есть заимствование из языческого наследия того, что может быть переосмыслено, наполнено новым содержанием и использовано уже в новой христианской культуре. Это явление характерно как для интеллектуального, так и для эмоционально-эстетического уровня общественного сознания.

В настоящее время мировоззрение русского средневековья на основе комплексного историко-археологического исследования можно охарактеризовать как христианское, закономерно включившее в себя элементы предшествующей культуры и примитивные представления религиозной психологии. Эта мысль подтверждается как общим характером русской культуры, так и состоянием источников. Вещественные древности, правильно понятые и осмысленные в свете письменной традиции христианского общества, также позволяют охарактеризовать древнерусскую культуру как цельную систему ценностей, соответствующую христианскому мировоззрению. Христианские древности древнерусского города и деревни, происходящие из исследованных погребений, прекрасно вписываются как в канонические нормы церковного права Древней Руси, так и в эволюцию религиозной психологии народа, принявшего новую религию. В этом смысле знаменательно, что именно сельское сословие на Руси, которое обычно рассматривается как носитель языческих традиций в культуре, начинает называть себя «христиане-крестьяне». Это самоназвание читается в ряде берестяных грамот XIV в. (№ 310, 540)²⁴ и ценно нам тем, что непосредственно передает самосознание русского крестьянства, синхронное письменному источнику. Поэтому понятие «двоеверие» воспринимается нами как искусственное изобретение древне-

русских книжников, не отражающее сущности происходящих на Руси духовных процессов. Христианизация предстает в истории России как феномен религиозного творчества, переосмысливающий архаичные культурные традиции и включающий их в новую христианскую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли IX—XIV вв.: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

² *Билфельд Д. I.* Давньорусские пам'ятники Шестовици. Київ, 1977. С. 150—155. Рис. 29.

³ *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли. С. 127—145.

⁴ *Staecker J.* Rex regum et Dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Stockholm, 1999.

⁵ *Мусин А. Е.* Меч и крест: Новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 134—150.

⁶ *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли. С. 170—173.

⁷ *Пескова А. А.* Энколпионы Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Сборник статей памяти О. И. Давидан. СПб., 2002. С. 30—37; *Томсинский С. В.* Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 263—267.

⁸ *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладogi // Краткие сообщения Института археологии. 1971. № 125. С. 59—64.

⁹ *Херрман И.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 104; *Gabriel I.* Hof und Sakralkultur sowie Gebrauchs und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigrad/Oldenburg. Berlin. RGK 69. 1988. 134f. Notes 107—109. Fig. 12.

¹⁰ *Arbman H.* Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937; *Selling D.* Wikingerzeitliche und fruhmittelaltliche keramik in Sweden. Stockholm, 1955. S. 47, 54; *Jankun H.* Hathabu, ein Handelsplatz Wikingerzeit. Neumunster, 1963. S. 196; *Winkeltmann W.* Liturgisches Gerasch der Missionszeit aus Paderborn. Zur Verbreitung und Deutung der Tatinger Kannen // Paderbornensis Ecclessia. Munchen; Paderborn; Wien, 1972. 43 ff.

¹¹ *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли. С. 152—170.

¹² *Седова М. В.* Ювелирные изделия Великого Новгорода X—XV веков. М., 1981. С. 49—50. Рис. 13, 2, 3, 4.

¹³ *Мусин А. Е.* Крест-тельник из Псковского кремля (к характеристике корпуса древнейших русских крестов) // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб., 1994. С. 154—163.

¹⁴ *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 р. // Археологія. Київ, 1950. Т. III. С. 64—92. Табл. VII : 16, 17; *Шовкопляс Г. М.* Вишгород і його замовчуванш дослідники // Археологічні дослідження в Україні 1994—1996 років. Київ, 2000. С. 181—185. Рис. 1—5.

¹⁵ *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийской и русской. СПб., 1892. С. 325. Рис. 165; *Dalton O. M.* Byzantine art and archeology. N. Y. P. 448, 544.

¹⁶ *Смирнов Я. И.* Восточное серебро: Атлас серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. СПб., 1909. Табл. XV. № 318.

¹⁷ *Саминский А. Л.* Пути константинопольской живописи времен латинской оккупации по миниатюрам Евангелия (Gr. Qu. 66) Государственной библиотеки в Берлине (Фонд прусского культурного наследия) // Древнерусское искусство. Рус. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 114—138.

¹⁸ *Collingwood W. G.* Northumbrian Crosses of the Pre—Norman Age. London, 1989. P. 104, 105. Fig. 129.

¹⁹ *Staecker J.* Rex regum et Dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Stockholm, 1999.

²⁰ *Лихачев Д. С.* Стилеформирующая доминанта домонгольского искусства и литературы // Средневековая Русь. М., 1976. С. 131—134.

²¹ *Аничков Е. В.* Язычество в Древней Руси. СПб., 1914; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987.

²² *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества. М., 1913. Т. 2. Харьков. 1916. Т. 1; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси XII в. Владимир. Боголюбово. М., 1969; *Лихачев Д. С.* Стилеформирующая доминанта. С. 131—134; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.

²³ *Носова А.* Язычество в православии. М., 1977.

²⁴ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 13—14.

ПЕРВЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОЙ РУСИ (постановка проблемы: история и археология)*

Территория Древней Руси принадлежит к тем районам Европы, где не были известны ранние формы урбанизации, восходящие к античности, и где появление городов было обусловлено социально-экономическим развитием в среде местных племен в период становления раннефеодальных отношений и государственности.

Нынешние дискуссии в отечественной литературе о путях возникновения древнерусского города и его социально-экономическом облике берут свое начало в работах отечественных историков конца 1920—1930-х гг. Это был период активного внедрения в советскую историческую науку идей марксизма, предполагавших примат социально-экономической обусловленности всей эволюции общественных структур, введение всепоглощающих понятий классовой борьбы и общественно-экономических формаций как обязательных «стадий» развития общества. «Смена ориентиров» шла при резком отрицании наследия предшествующей историографии, в первую очередь в лице В. О. Ключевского.

В трудах последнего воплотились лучшие достижения отечественной исторической мысли конца XIX—начала XX вв. «Ключевский наложил отпечаток на всю новейшую историографию, — писал М. Н. Покровский, — вы везде встретите осколки этого влияния. Имея ключ к шифру Ключевского, вы имеете ключ ко всей русской историографии...»¹. В рамках своей концепции русской истории В. О. Ключевский создал целостную картину становления города². Он тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную. Большое значение

* Данная статья является сокращенным вариантом работы «Происхождение городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) — см.: «Исторические записки». № 5 (123). М., 2002. С. 5—42.

в своих построениях историк вслед за С. М. Соловьевым придавал природно-географической обусловленности славянского расселения, в том числе роли речных систем³.

По мнению исследователя, аварское нашествие вызвало передвижение славян из района Карпат в восточном и северо-восточном направлении и в VII—VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах начинает формироваться «новое сцепление», обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянущимися к ним областями. Эти города возникали в VIII в., в IX в. они окружаются укреплениями, в них сосредоточивается военная сила общества, одной из основных целей которой была охрана торговых путей, сплачиваются тянущиеся к городам территории. «Вооруженный торговый город стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства»⁴. В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей в государственные территории на торговых путях Восточной Европы появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем оно усиливается. Варяги активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси — «военно-торговой аристократии». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущейся к нему областью получал характер варяжского владения. Появление сформулированных взглядов В. О. Ключевского на историю города, получивших в литературе определение «торговой теории», — момент этапный в развитии русской историографии происхождения городов.

В 1920—начале 1930-х гг. Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, положившие начало в марксистской исторической литературе изучению истории древнерусских городов в рамках хозяйственной интерпретации общественных явлений, продолжали считать основной функцией города как социально-экономического образования торговую. Затем, однако, как антитеза подхода В. О. Ключевского к городам в советской науке возобладала точка зрения о городе как составной части феодализма, как центре феодального производства и феодальных производственных отношений, порожденном потребностями сельского хозяйства и феодального землевладения. Все стало объясняться развитием аграрных общин, накоплением прибавочного продукта, возникновением городов как центров сельских округ, пунктов размещения феодалов и т. д. Места дальней торговли и иноземным влияни-

ям как существенным факторам развития общества и первых городов при таких построениях не оставалось. Вполне естественно и роль варягов выводилась за скобки какого-либо их серьезного участия в формировании социально-экономической базы Древней Руси⁶. Равным образом принижалось и значение географического фактора в истории страны⁷. Обусловленность многих явлений особенностями природной среды уступила место социологическим объяснениям⁸.

Основные положения нового подхода были сформулированы С. В. Юшковым и развиты М. Н. Тихомировым. В близком направлении, но с некоторыми отличиями шло формирование взглядов Б. Д. Грекова. С. В. Юшков тесно увязывал становление городов с формированием их округ и развитием земледельческого хозяйства. Исследователь ввел понятие «племенного города», где концентрировались племенные власти, князь и его дружина, а поскольку такой город был центром всей территории, то в нем оседали ремесленники и торговцы. Город — в первую очередь, феодальный центр, организующий примыкающие к нему волости, и только затем центр ремесленный и торговый⁹.

М. Н. Тихомиров, полемизируя с В. О. Ключевским, полагал, что не наличие водных путей и торговли вызвало появление первых городов, эти факторы лишь способствовали выделению среди них наиболее крупных и богатых, а города возникали в наиболее густонаселенных сельскохозяйственных районах. Существование городов обуславливалось внутренними потребностями хозяйства, для которого было необходимо выделение ремесла, обслуживавшего ближайшую округу. Эта потребность и была важнейшей движущей силой становления городов. По мнению М. Н. Тихомирова, ядрами формирующихся городов были укрепленные княжеские детинцы, выраставшие из славянских городков, которые являлись центрами округов и племенных образований, а торгово-ремесленные функции городов были вторичны¹⁰.

Б. Д. Греков также рассматривал города как неотъемлемую часть феодального строя¹¹. Он не согласился с С. В. Юшковым в вопросе о существовании на Руси «племенных городов»: «Если в племени появились города, то это значит, что племени как такового уже не существует». Город — это «населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия», а «возникновение древнейших городов на Руси находит свое объяснение прежде всего в развитии ремесла, сбыта ремесленной продукции и, конечно, международной торговли, которую отрицать у нас нет никаких оснований». Поселения, перераставшие в города, были разнообразны — это могли быть усадьба-замок,

укрепленное убежище, крестьянское поселение, ставшее торжищем, крепость, но город «в смысле средоточия ремесел и торговли, какого бы происхождения он ни был» — «всегда есть результат общественно-го разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торгового характера». Итак, согласно Б. Д. Грекову, древнейшие русские города образовались не однолинейно в результате того, что феодальные центры притягивали под свои стены торгово-ремесленное население, а более сложным, многовариантным путем перерастания разнотипных поселений, где сосредоточивались торговцы и ремесленники в опорные пункты феодального властвования.

С конца 1940-х годов в советской историографии на десятилетия стало каноническим общее заключение М. Н. Тихомирова: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений»¹².

Иной оказалась судьба построений В. О. Ключевского в трудах западных исследователей Древней Руси и русских историков-эмигрантов. В их лице выводы В. О. Ключевского нашли многочисленных и последовательных сторонников¹³. Г. В. Вернадский писал, что в русской экономической жизни не менее значимым фактором, чем сельское хозяйство, была торговля, и, в особенности, внешняя, и «в этом отношении многие из блестящих обобщений Ключевского все еще твердо выдерживают недавно обрушивающуюся на них критику»¹⁴; «В противоположность Западу, не феодальная усадьба, а город был доминирующим фактором в экономическом развитии...»¹⁵.

Однако отсутствие прямых ссылок на работы В. О. Ключевского отнюдь не означает, что его подход не оказывал постоянного влияния на историографию советского времени. В качестве примера можно привести взгляды такого крупного археолога и историка, как М. И. Артамонов. Они с достаточной полнотой впервые были изложены в работе 1935 г., но в своей основе автор пронес их через всю жизнь, вплоть до начала 1980-х годов¹⁶. М. И. Артамонов прямо отмечал, что города являлись центрами торгового обращения и ремесленного производства: «Проблема торговли в Древней Руси в результате реакции против прежней переоценки ее роли стала недооцениваться. Некоторые ударились в противоположную крайность...»¹⁷.

Особую роль М. И. Артамонов отдавал торгово-военным дружинам. Были дружины норманнские, туземные и смешанные. Они возникали вокруг богатых и знатных вождей. Новый слой общества «сформировался вместе с городом — средоточием военно-торговой, рабовладельческой прослойки, постепенно превратившей даннические отношения окружающего земледельческого населения в феодаль-

ную, основанную на землевладении и отработочной ренте зависимости». Во всех этих рассуждениях со всей очевидностью проступают черты «вооруженного торгового города» В. О. Ключевского¹⁸.

Идеи, выдвинутые С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым и Б. Д. Грековым о происхождении русских городов, долгие годы продолжали определять основные направления изучения этой проблемы. В 1980-е гг. к рассмотрению вопросов становления городов обратился А. В. Куза. По его мнению, «у истоков возникновения городов стояли феодалы»¹⁹. Построения А. В. Кузы полностью повторяют путь решения вопроса о происхождении древнерусских городов, предложенный С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым.

Эту же линию историографии продолжил П. П. Толочко, проводя мысль, что древнейший русский город был «в основе своей аграрным, рождением и развитием целиком обязанным сельскохозяйственной округе»²⁰. Идеи Б. Д. Грекова наследуют те исследователи, которые допускают многообразие путей становления городов и превращения их в центры феодального властвования при эволюции из поселений различных типов (в том числе торгово-ремесленных поселков)²¹.

Интересную концепцию становления города предложил В. В. Седов²². Он считает доказанным по археологическим материалам положение о том, что единого пути образования городов на Руси не было. В одной из своих новейших монографий автор следующим образом определил понимание процесса градообразования на Восточно-Европейской равнине. Первые торгово-ремесленные поселения появились в VIII в. Они стали центрами кристаллизации военно-дружинного и торгового сословий и пунктами становления ремесленного производства. С момента основания эти города оказывались пестрыми в этническом отношении, но основу их населения составляли представители того племени, в ареале которого они возникли. При этом В. В. Седов не употребляет терминов «племенные центры», «феодализм» и не акцентирует внимание на сельскохозяйственном окружении городов²³. Его взгляды в целом соответствуют той линии подхода к рассмотрению происхождения русских городов, которая восходит к построениям Б. Д. Грекова.

Своеобразное понимание процесса возникновения городов было предложено в работах И. Я. Фроянова и его соавторов²⁴. Суть их позиции заключается в том, что образование первых городов на Руси связывается ими не с периодом становления феодализма и классового общества, а с поздним этапом родового строя. Именно тогда «организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается

невозможной». Этот момент фиксируется образованием крупных племенных и межплеменных объединений. Их существование обеспечивали племенные центры, то есть города. Они появились в IX—X вв., возникли на общинной основе и были порождены сельской стихией. Города не противостояли селу, а являлись ступенью в развитии сельских институтов и имели аграрный характер. Превращаясь в племенной центр, община принимала государственную форму, становясь городом-государством²⁵. Многообразие типов раннегородских поселений выглядит искусственным, а рассуждения о «протогородах» и «иных предтечах городов» — надуманными²⁶.

Однако если сопоставить построения И. Я. Фроянова и П. П. Толочко как продолжателя традиционной концепции, то по важнейшим конкретным позициям они очень близки. И П. П. Толочко, и И. Я. Фроянов признают связь (или тождество) племенного центра и города; оба принимают «монистический» путь образования древнейших городов; оба отстаивают их аграрный характер и утверждают, что главными функциями городов были функции управления (военно-политические, административные, культовые), при незначительной и вторичной роли ремесла и торговли. Все сложение древнерусской государственности и П. П. Толочко, и И. Я. Фроянов объясняют, исходя из внутреннего социально-экономического развития аграрно-восточнославянского общества и марксистского учения о формациях. Корень разногласий заключается в различном понимании времени формирования феодального общества на Руси, в разном ответе на вопрос: являлся ли племенной центр (древнейший город) частью феодального классового общества или ячейкой позднеродового общества и общинного устройства?

Из этого следует, что, не коснувшись подходов к пониманию сути феодального общества в нашей науке, невозможно понять и все хитросплетения в разработке проблемы становления восточнославянских городов, поскольку последняя неотделима от концептуальных построений. Однако в большинстве работ, специально посвященных разработке вопросов возникновения первых городов, принципиальное понятие «феодализм» используется обычно весьма произвольно, а чаще вообще не оговаривается.

Достаточно четко постепенное формирование различных позиций по проблеме о феодализме очерчено И. Я. Фрояновым²⁷. Огромный фактический материал собран М. Б. Свердловым²⁸. Из исследований более раннего периода, несомненно, следует выделить рассмотрение историографии вопроса Л. В. Черепниним²⁹.

Главное «направление» в сложении феодализма на Руси в своей основе было сформулировано Б. Д. Грековым к концу 1930-х гг., хотя

в его разработке участвовали многие исследователи. Его стержневая линия заключается в том, что генезис феодализма рассматривался в плане формирования крупной частной земельной собственности и зависимого от вотчинника крестьянства, то есть в стремлении трактовать вотчинный режим как феодальный, а главное, считать его основным признаком феодализма³⁰. По Б. Д. Грекову, генезис феодализма уже завершился к рубежу VIII—IX вв.

Однако безоговорочно принять выводы Б. Д. Грекова при предложенной хронологии событий оказалось не просто. Дело в том, что в исторических источниках следы крупного вотчинного землевладения (княжеского, боярского, церковного) проступают лишь со второй половины XI—XII вв. По существу, возникла дилемма либо признать, что если нет крупного землевладения (вотчин) в столь ранний период, а соответственно, нет и полностью зависимого от земледельческого собственника крестьянства, то нет и феодализма, и тем самым признать ошибочность позиции Б. Д. Грекова (во всяком случае, предложенных им хронологических рамок возникновения феодализма), либо искать иные аргументы.

Попытки формулирования новых решений можно отнести к началу 1950-х гг., когда Л. В. Черепнин стал склоняться к мысли, что если в источниках вплоть до второй половины XI—XII вв. нет свидетельств существования крупных вотчин на Руси, а без них нет и феодализма, то, значит, был «государственный феодализм». В таком случае князь выступал как верховный собственник на землю, а вся территория государства являлась его вотчиной. Все собираемые поборы и дани являются формой феодальной ренты³¹. Концепция Б. Д. Грекова при подобном подходе получала все права на существование.

Представление о государственном феодализме стало господствующим в отечественной науке, несмотря на то что целым рядом историков отмечались и слабые стороны приводимых доказательств. Аргументированной критике эту точку зрения подверг А. Р. Корсунский: «Те же положения, которые приводят в пользу своей точки зрения сторонники тезиса о верховной собственности государства на землю, не дают оснований говорить об исключительности древнерусского аграрного развития. Взгляд суверена на государство как на собственную вотчину, его раздел между сыновьями, передача отдельных территорий в кормление — явление, характерное и для стран Западной Европы, в частности для Франкского королевства, где отсутствовала верховная собственность государства на землю. Вряд ли может служить доказательством существование таковой в Киевской Руси и практика дарений земли (вместе с обрабатывающими ее свободными

общинниками) церквам. Такого рода пожалования имели место и в донормандской Англии, и во Франкской империи, хотя верховная собственность государства на землю там отсутствовала. Эти пожалования генетически связаны с наличием у глав варварских политических образований возможности распоряжаться земельными пространствами, принадлежащими всему данному народу». А. Р. Корсунский подчеркивал, что «формирующееся государство способствовало созданию предпосылок для феодализации, но еще не осуществляло феодальную эксплуатацию, хотя и в первоначальной форме. Неправоммерно утверждать, что феодальная эксплуатация крестьян государством предшествовала их эксплуатации частными феодальными собственниками, так же как неверно было бы доказывать, что происходило обратное»³². Если следовать этой мысли, помещающей наблюдения по Древней Руси в общеевропейский контекст, то ясно, что подход Л. В. Черепнина не устраняет основного противоречия построений Б. Д. Грекова в отношении раннего возникновения феодализма на Руси.

И. Я. Фроянов и его сторонники, не найдя в древнерусских материалах крупных вотчин раннего времени, пошли по иному пути. По их мнению, феодализма на Руси в VIII—X вв. еще и не было, а поэтому этот период жизни страны следует рассматривать как поздний этап родового строя. И здесь очевиден принципиальный момент сходства позиций И. В. Черепнина и И. Я. Фроянова. В фундаменте обеих концепций лежит одна основа — принятие марксистского деления общества на формации и понимание феодализма, вслед за Б. Д. Грековым, в первую очередь как экономической категории, а его формирования как результата развития аграрных обществ, их дифференциации, возникновения крупной земельной собственности, появления зависимого от вотчинника крестьянства и образования городов как узлов новых общественно-экономических отношений. И. Я. Фроянов прямо пишет, что «принимаемый тезис о вотчинном землевладении как экономическом фундаменте, на котором возводилось феодальное здание, мы иначе определяем время образования феодализма в Киевской Руси, т. е. разделяем в теоретическом аспекте мнение Б. Д. Грекова, расходясь с ним в конкретной истории древнерусского общества»³³.

Эта общая основа в понимании феодализма и объясняет сходство в конкретных характеристиках древнерусских городов, которые видят в них и П. П. Толочко, и И. Я. Фроянов, выводящие города непосредственно из деревни. Различия в концепциях возникают тогда, когда сделанные фактические наблюдения помещаются в более общие рамки, в одном случае феодальной формации и классового общества, в другом — первобытнообщинного строя.

Однако уже в 1960-е гг. в исторической литературе стали пробиваться совсем иные мысли и идеи. В книге 1970 г. А. Я. Гуревича была высказана мысль, что «феодализация заключалась прежде всего в смене одной системы социальных связей другой» и ее рассмотрение лежит не на традиционных путях, проторенных советской историографией, где «становление феодализма рассматривалось в первую очередь в аспекте вскрытия сдвигов в производительных силах, в отношениях собственности и социально-экономическом положении непосредственных производителей»³⁴. Становилось ясно, что феодализм не укладывается в строгие рамки марксистской формационности.

В 1995 г. Е. А. Мельникова выступила против прямой зависимости между такими понятиями, как формация, классовое общество, государство. Она задается вопросом: а «так ли необходимо обязательное отнесение ранних форм государства к определенной социально-экономической формации?» Автор обсуждает термин «стратифицированное общество»: «Выраженная социальная стратификация общества, однако, не носит еще классового характера, она основывается по-прежнему на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства». Представители экономической антропологии существенно изменили и расширили представления о месте торговли, особенно внешней, в экономическом и социальном развитии ранних обществ, переживающих переход от первобытнообщинного строя к государственному, «обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулирует их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию». Первостепенное значение социальной стратификации, внешней торговли, военных дружин — вот черты, которые Е. А. Мельникова отмечает для древнерусского общества. По ее мнению, «переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе — с государственным политическим устройством, является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы»³⁵. Из всего этого следует, что формационность в том виде, как она обычно преломлялась в советской исторической историографии, не является фактором столь обязательным, а это значит, что различные явления древнерусского социально-экономического уклада могут трактоваться гораздо более многообразно.

Тема влияния наследия В. О. Ключевского на развитие русской исторической и общественной мысли насчитывает сотни исследований. Я лишь хочу обратить внимание на некоторые из аспектов его исторических построений, связанных с пониманием природы древ-

нейших русских городов, что позволяют сделать материалы современной археологии.

При разработке своей общей концепции истории Древней Руси В. О. Ключевский опирался на данные письменных источников. Полноценные раскопки древнерусских городов во времена работы историка вообще не проводились. Однако начиная с 1930-х гг. широкие исследования затронули многие города Руси и древности их округ. Историческое объяснение полученных археологических материалов шло в русле в первую очередь построений Б. Д. Грекова в отношении развития сельского хозяйства на Руси и М. Н. Тихомирова, согласно которому, первопричиной возникновения городов назывались земледелие и формирование густонаселенных сельскохозяйственных районов. Это прекрасно видно при объяснении В. И. Равдоникасом, Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым и другими исследователями материалов раскопок Ладоги — древнейшего городского центра на севере Руси. А. Н. Кирпичников удачно назвал подобные взгляды «теорией о крестьянской Ладоге VIII—IX вв.»³⁶.

Однако постепенно становилось ясно, что древнейшие города на территории Древней Руси отнюдь не обязательно вырастают исключительно как центры сельскохозяйственных округ и феодального владения, истоки их процветания отнюдь не обязательно определяются высоким уровнем местного экономического развития. Города в разных частях страны возникали на отличающейся основе, огромную роль играла внешняя торговля, и, наконец, образование некоторых городских центров происходило до сложения плотных сельскохозяйственных округ. Город формировал такую округу «для себя» и вокруг себя. Подобный путь не являлся чем-то исключительным для Руси, а был характерен для возникновения городских поселений в регионе Балтики, на скандинавских и западнославянских землях. Подобная «перестройка» в понимании основы древнейших городов основывалась на все пополняющихся новых археологических материалах и шла в русле переоценки понимания раннего феодализма и «обязательной формационности» отечественными историками.

Формальное начало новой линии в интерпретации археологического материала было положено небольшой статьей 1974 г. В. А. Булкина и Г. С. Лебедева «Гнездово и Бирка»³⁷. Отмечая, что становление города представляет собой одно из проявлений процесса классового образования, завершающегося созданием государства, и что развитие этих взаимосвязанных явлений определяли как внутренние, так и внешние факторы, авторы подчеркнули, что среди последних важную роль играла международная торговля Руси IX—XI вв., в которую включились Русь и Скандинавия.

Определенная декларативность выдвинутых тезисов не снижает значимости высказанных взглядов. Во-первых, впервые за многие годы было четко заявлено о значительной роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских поселений, аналогичных по типу североевропейским викам, и, в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере располагавшихся на крупнейших международных путях, сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Эти же авторы вместе с И. В. Дубовым в 1978 г. более четко определили концепцию становления городов на Руси³⁸. Древнейшей формой предгородских поселений, по их мнению, были племенные центры VIII—IX вв., которые в IX—X вв. обрастали торгово-ремесленными посадками. Иным типом являлись возникавшие в VIII в. и, главным образом, в IX в. открытые торгово-ремесленные поселения, где сосредоточивалось разноэтничное население, связанное с дальней торговлей, военными походами, ремеслом. Такие поселения приобретали надплеменное значение и международный облик, и значительную роль в них играли дружины варягов. Интеграция прото- и раннегородских поселений завершилась к исходу X—началу XI вв., когда сформировалась единообразная структура города, состоявшая из княжеского детинца и ремесленно-торгового посада.

Постановка вопроса о том, что на Руси в VIII—X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, развитому ремеслу, обслуживавшему новый военно-дружинный слой общества, привлекла внимание в отечественной историографии. Теперь, естественно, на первый план вышли проблемы о том, какое место занимают такие поселения в процессе градообразования на Руси, как совместить новые факты с традиционным рассмотрением городов как феодальных центров, выраставших в результате роста земледельческих округ.

Признание пути становления города через торговые средоточия означало также частичную «реабилитацию» взглядов В. О. Ключевского, ведь «вооруженный торговый город» в его построениях — это не что иное, как торгово-ремесленное поселение, не связанное напрямую с племенными структурами и на новой основе стягивающее близлежащие территории. Современные археологические материалы находятся в русле основной концепции В. О. Ключевского относительно возникновения первых русских городов, характера колонизации лесной зоны Восточной Европы славянами и роли скандинавов в истории Руси. Конечно, следует говорить не о буквальном соответствии,

а о преемственности главной мысли. В. А. Булкин и Г. С. Лебедев, похоже, даже не задумывались, куда ведут их выводы. Во всяком случае упоминаний о В. О. Ключевском в их работах нет. Однако решительный критик подобных взглядов Д. А. Авдусин сразу заметил, что «рассуждения» о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях это — не «исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов», а «приспособление к русским условиям построений западных археологов и почти неприкрытый норманизм». Эти построения перекликаются с давно разбитой теорией «торговых городов» В. О. Ключевского³⁹.

Большинство авторов, однако, признали убедительным выделение торгово-ремесленных центров, как и необходимость сопоставления однопорядковых центров Балтийского региона и Восточной Европы, игравших значительную роль в международной торговле⁴⁰. Было бы наивным упрощением трактовать данный подход как простой перенос идей западноевропейских исследователей на русскую почву. Дело в том, что были накоплены новые материалы по Ладоге, Гнездову, Шестовицам, Рюрикову городищу, Тимереву, соответствующим предлагаемой интерпретации.

Предметом дискуссии вновь стал вопрос о так называемых парных центрах. Дело в том, что рядом с целым рядом русских городов находились значительные, в тенденции более древние поселения, и эта проблема рассматривалась в литературе во многом с акцентом на соотношение Гнездова и Смоленска. Эта «парность» трактовалась прежде всего с точки зрения прямой преемственности центров, образующих пары, то есть как перемещение города с одного места на другое («перенос») по самым разным обстоятельствам⁴¹. Однако эти многовариантные объяснения оставались лишь в виде общих суждений, не определяя общей причины существования «парных» центров. Б. А. Рыбаков вообще предложил рассматривать крупные поселения близ древнерусских центров как особые лагеря, где «могли быть купцы и нанятые варяжские воины»⁴².

В новой историографической ситуации 1970—1980-х гг. оказалось, что «парные» центры включают поселения торгово-ремесленного плана, теперь сопоставляемые с аналогичными североевропейскими протогородами, и города, упоминаемые в летописях и обычно трактуемые как племенные центры. Это Гнездово и Смоленск, Тимерево и Ярославль, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов, Рюриково городище и Новгород. Стало ясно, что история этих двух типов поселений взаимосвязана.

По-новому попытались подойти к трактовке соотношения «парных» центров В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина⁴³. Они сместили

ракурс рассмотрения вопроса от анализа генетической преемственности «парных» центров к рассмотрению их с точки зрения частичного сосуществования, различного характера и соперничества. Появление на Руси подобных центров исследователи объяснили тем, что в X в. силы великого князя и местного боярства, видимо, оказались уравновешенными, возникло своеобразное «двоевластие», и рядом с племенными центрами, где сильна была местная знать, на жизненно важных международных путях, привлекающих разноплеменных воинов, торговцев и ремесленников, появляются новые центры, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси, феодализирующейся дружины, на сбор дани и т. д. Эти новые центры В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина оценили как «великокняжеские дружинные погосты».

Однако с заключениями о характере городских поселений внутри «пар» на территории Древней Руси и о динамике их взаимоотношений согласиться нельзя. Сама постановка вопроса авторами предполагает, что «племенные центры» (Смоленск, Новгород, Ярославль и др.) древнее «княжеских погостов». В действительности однозначно, что все было наоборот — древнее центры «вторичные», по В. Я. Петрухину и Т. А. Пушкиной. Таким образом, все дальнейшие построения исследователей надуманны.

Стремясь «не размывать» своей концепции становления городов, А. В. Куза оставил открытым вопрос о роли и месте торгово-ремесленных поселений в процессе формирования древнейших городов, сославшись на необходимость специальных исследований⁴⁴. И. Я. Фроянов, не найдя подходящего места торгово-ремесленным поселением на международных торговых путях в своей схеме становления городов на Руси, предпочел в обобщающих исследованиях вообще не акцентировать внимания на них⁴⁵ или же высказываться резко против их существования и распространенной оценки значимости и характера⁴⁶. Позиция И. Я. Фроянова — это традиционные взгляды на рождение города в аграрной среде, из которых изъяты понятия «феодализма».

П. П. Толочко придерживается взглядов на происхождение русского города, восходящих к построениям С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова. Однако, в отличие от И. Я. Фроянова, в монографии, посвященной изучению древнерусских городов⁴⁷ и в ряде статей⁴⁸ он признает существование на Руси особого рода торгово-ремесленных поселений, которые играли свою роль в городском развитии страны, поскольку, как специалист-археолог, в полной мере оценивает совершенно особый характер представленной на них материальной культуры. Автор отмечает их приуроченность к торговым путям, соглашается с наличием «парных» центров. П. П. Толочко решительно

выступил против того, чтобы считать торгово-ремесленные поселения определенной стадией в истории древнерусского города, против стремления установить преемственность торгово-ремесленных поселков и некоторых городов, против теории «переноса» городов, упрощающей собственно проблему, и т. д. Он считает, что для правильного понимания социальной сущности торгово-ремесленных поселений IX—X вв. и их места в становлении городских форм жизни на Руси их следует рассматривать в контексте общеевропейского исторического развития. На Балтике близкими по сути восточнославянским являлись торговые города, такие как Бирка, Висби, Хедебю, Любек, Менцлин, Волин, Щецин, были известны и пары городов: Хедебю и Шлезвик, Бирка и Сигтуна и др. Указанные торговые города входили в единую экономическую систему, которая не укладывалась в рамки этнических границ. Начало их существования в IX—X вв. было обусловлено бурным развитием трансевропейских торговых связей. Главными занятиями жителей этих поселений являлась дальняя торговля, а также связанные с нею ремесло и военное дело. Существование подобных поселений было относительно кратковременным. Их почти повсеместное затухание сопровождалось возвышением новых центров, к которым иногда переходили и старые названия. «Причины пресечения традиции торгово-ремесленных городов следует искать в изменившихся условиях социально-экономического развития европейских стран (в том числе и Киевской Руси) в последние десятилетия X в. В это время происходит стабилизация их государственных структур, определение границ, что неизбежно вело к нарушению прежних связей и формированию новых экономических районов». Не являясь органическим порождением внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества, торгово-ремесленные поселения не смогли стать естественным средоточием сельскохозяйственной округи и не имели перспектив для развития. Административно-политических функций вики не имели.

Из сказанного, с чем в большей части следует согласиться, П. П. Толочко делает неожиданные и противоречивые выводы. «Эволюция городских форм жизни, при которой первой стадией была бы торгово-ремесленная, в условиях раннефеодальных производственных отношений на Руси просто невероятна», — утверждает исследователь. Следующая фраза имеет уже иной смысл: «...значение торгово-ремесленных поселений для эволюции городских форм на Руси не было всеобъемлющим. И не следует его преувеличивать. Это не стадия в жизни восточнославянского города, а лишь один из путей его образования». Такой путь П. П. Толочко называет «тупиковым», поскольку он был обусловлен преимущественно факторами внешне-

го социально-экономического развития. «Торговля, которую вели эти центры, была необходима прежде всего им самим, но не тем регионам, в которых они возникали»⁴⁹. Следуя логике рассуждений П. П. Толочко, торгово-ремесленные центры были инородными телами на территории Руси, никак не отвечали потребностям экономики местного общества.

Использование П. П. Толочко одновременно определений «торгово-ремесленный путь развития городов» и «тупиковый путь» при характеристике одного и того же явления, на мой взгляд, неуместно. Само появление торгово-ремесленных поселений и их существование на протяжении как минимум двух столетий, активное участие в дальней торговле и обмене оказывали плодотворное влияние на экономическое, социальное и культурное развитие обширных регионов и просто не могло закончиться «тупиком», что и не произошло, как показывает ход русской истории.

Да, торгово-ремесленные поселения в основном прекратили свое существование на рубеже X и XI вв., но рядом с Гнездовом появился Смоленск, рядом с Рюриковым городищем — Новгород, поблизости от Сарского городища — Ростов, от Тимерева — Ярославль и т. д., именно с торгово-ремесленного поселка началось и не прерывалось развитие Ладоги. Торгово-ремесленные поселения возникали в ключевых местах водных путей, однако возникали там, где имелись и соответствующая местная среда для успешного осуществления торгово-ремесленной деятельности, и необходимость в охране и контроле торговых путей. Подобные поселения активно способствовали формированию «значимости» районов, созданию экономических структур и социальной среды, в которых возникали «новые» города. Само существование «парных» центров — убедительное подтверждение непрерывности и преемственности городского развития в той или иной местности Восточной Европы. Торгово-ремесленные поселения на международных путях сыграли значительную роль в становлении городов на Руси, хотя они и не являлись «обязательной стадией» в развитии городов и существовали не повсеместно. Их появление и участие в формировании городских форм жизни на Руси вполне согласуются с элементами «торговой» теории В. О. Ключевского. Конечно, следует говорить не о буквальном соответствии, а о плодотворности основной мысли знаменитого историка относительно возникновения первых городов, характера колонизации лесной зоны Восточной Европы славянами и роли скандинавов в истории Руси.

Появление древнейших городских поселений обычно рассматривается под углом зрения поиска общих закономерностей для всей территории Руси, и в то же время гораздо меньше внимания уделяется

выявлению особенностей этого процесса в отдельных частях огромной страны. Вместе с тем сложение государственной территории на юге и на севере Руси, а также становление городов как опорных центров новых общественных и экономических отношений и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имели немало специфических черт. Отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления.

Возникновению первых городов в Среднем Поднепровье — центре Южной Руси — предшествовал определенный период стабильности в развитии славянского общества, последовавший за переселением славянских племен из более западных и юго-западных районов Европы. Этот период начался, по крайней мере, в середине I тыс. н. э., а по мнению ряда исследователей, и гораздо ранее. В славянском обществе шел интенсивный процесс социальной дифференциации, кристаллизации новых общественных связей и структур, развивались ремесло и торговля. Уже для VI—VII вв. можно говорить о появлении славянских «градов» как прежде всего административно-политических центров племен⁵⁰. Часть этих «градов» в дальнейшем переросла в города. Однако широкий процесс образования нового типа поселений, противостоявших сельской стихии, начался в VIII—X вв. Города вырастали в плотно освоенных земледельческих районах как центры обширных округ, приобретая шаг за шагом административное, ремесленное и торговое значение.

На севере Руси наблюдается иная картина. Географическое размещение этой области на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера и Северо-Востока, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных торговых путей Восточной Европы, невысокое, в сравнении с Южной Русью, плодородие почв, при густой залесенности и широкой заболоченности местности, суровые климатические условия определили характер сельского расселения и особенности формирования городов. Время становления последних оказывается здесь чрезвычайно близким началу самого славянского расселения, и даже порой города основывались непосредственно в процессе освоения новых территорий. Тем самым они рождались преимущественно не постепенно, как главные поселения сельских районов, а формируя прилегающие к ним округа.

Суровые природно-климатические условия лесной зоны вполне позволяли заниматься сельским хозяйством, сочетая его с занятиями

различными промыслами, обеспечивая существование населению, но никакой особой базы для интенсивного экономического роста, в отличие от южных районов, они не давали. Тем не менее никто не ставит под сомнение, что Приильменье стало вторым после Среднего Поднепровья важнейшим очагом формирования русской государственности, что городские центры как скрепляющие административно-экономические узлы здесь появились. Чем же был обусловлен этот рост, опиравшийся на социальную стратификацию общества и его экономические успехи?

Одним из важнейших факторов, повлиявших на характер размещения населения в Приильменье и на сопредельных территориях, на социально-экономическое развитие отдельных районов, формирование раннегородских центров и установление границ тяготевших к Новгороду земель, являлось прохождение крупных торговых и военных путей средневековья — балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки». Первый из них первоначально сыграл особо значимую роль.

В конце I тыс. н. э. торговля со странами исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оседала здесь, другая же по водным путям попадала в страны Балтийского региона. Началу торговли восточным серебром способствовал целый ряд обстоятельств. В середине VIII в., в ходе своего расселения, славяне вплотную столкнулись с населением Хазарского каганата. Именно тогда началось проникновение к ним серебра в виде монет, что подтверждают находки на поселениях⁵¹. Однако, если основываться на анализе монетных кладов, то это произошло несколько позже — в 70—80-е годы VIII в.⁵². Начало торговли восточным серебром совпадает с первым столетием господства династии Аббасидов (вторая половина VIII—IX вв.), когда завершается становление Багдадского халифата как феодального государства. В поисках рынков сбыта и источников сырья мусульманские купцы устремляются в земли славян, откуда одним из важнейших предметов вывоза стали меха и рабы, получаемые в обмен на серебро. Совокупность экономических и политических факторов обусловила то, что в конце VIII в. поток серебряных монет хлынул в Восточную Европу.

По рекам Волжско-Окского междуречья восточное серебро попадало на Верхнюю Волгу. Территория складывающейся Новгородской земли в силу своего выгодного географического положения — в районе, где сходились обширные водные системы озер Ильмень и Ладога, оказалась втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала ее становления. «Край сам по себе бедный, — отмечал известный русский археолог А. А. Спицын, — но он лежит между

Востоком и Западом и потому при усилении Востока приобрел большое значение как неизбежный посредник в торговле»⁵³.

Основной поток серебряной монеты, особенно в VIII—IX вв., направлялся с Верхней Волги к Ладожскому озеру по рекам бассейна озера Ильмень: по р. Мсте или по рекам Явони и Поле (упоминаемый в летописях «*Селигерский путь*»). Серебро широко использовалось населением Приильменя, о чем свидетельствуют находки монет почти на всех поселениях, где предпринимались широкие раскопки. Часть серебра уходила на Балтику. Основной магистралью этого движения была р. Волхов⁵⁴. Ее низовья и верховья выделяются по концентрации серебра среди всей территории Северной Руси. Эти два скопления однозначно маркируют расположение двух главных городских центров Новгородской земли — Ладоги и Новгорода. В районе Ладоги зафиксировано 4 клада восточных дирхемов VIII—IX вв. (предположительно их могло быть 5), в верховьях Волхова — 4 клада IX в., 6 — X в., а датировка еще одного неясна. В Ладоге найден самый ранний из известных сейчас в Восточной Европе кладов арабских монет, с младшей монетой 786 г. В культурном слое ладожского поселения дирхем был обнаружен уже в первом ярусе построек самого раннего горизонта, и время его поступления определяется 50—60-ми годами VIII в. на основе данных дендрохронологии, подтверждая достаточно раннее начало восточной торговли⁵⁵.

Количество серебра, попавшее на Русь и прошедшее через лесную зону Восточной Европы, в IX—X вв. было огромно. Представить это помогают работы американского нумизмата Т. Нунана. Он учел свыше 1000 отдельных кладов, насчитывающих более 228 000 арабских монет. Т. Нунан допускает, что общее число дирхемов достигало 5—8 млн. Около 50% монет «прошли» в регион Балтики, а остальные остались на Руси⁵⁶. Весь этот поток транзитного серебра «пропустил» в основном Волхов с его ключевыми центрами — Ладогой и Рюриковым городищем, являвшимся предшественником Новгорода.

Балтийско-волжский путь оказал огромное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие примыкавших к нему районов Восточной Европы. У наиболее сложных участков водных путей, у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава создавались укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасность. В ключевых местах возникали торгово-ремесленные поселки, некоторые из них перерастали в города. Водные пути с «узелками» укрепленных поселений и «узлами» зарождающихся городов составили каркас Новгородской земли X в. Это были те кровеносные сосуды, которые стягивали в единое целое обширные лесные территории⁵⁷. Как только поток серебряной монеты

хлынул в Восточную Европу, скандинавы, стремясь овладеть им, стали проникать вглубь территории по основным водным магистралям. Эта активность на торговых путях, желание поставить их и связанные с ними рынки сбыта серебра и пушнины под свой контроль явились основным побудительным мотивом скандинавской деятельности на Востоке на начальной стадии их появления здесь. Не скандинавы стояли у истоков восточной торговли, импульс которой был дан экономическими потребностями населения Восточной Европы и мусульманского мира на закате VIII в., но они активно подключились к ней, как только серебряная монета стала появляться на северных территориях ⁵⁸.

Важнейшим товаром, шедшим в обмен на серебро, была пушнина. На поволжские и хазарские рынки ее гораздо рациональнее было получать в лесах Восточной Европы, участвуя в различного рода посреднических операциях и сборе даней. По материалам археологии мы знаем, что в бассейне Верхней Волги появились поселения, специализировавшиеся на добыче пушнины. Яркий пример этого дает расположенное в бассейне р. Шексны финское поселение Крутик IX—X вв. ⁵⁹.

В Восточной Европе скандинавы столкнулись со славянским колонизационным потоком. Здесь славяне и скандинавы вступили в многообразные формы экономических и социальных отношений на фоне обширного финского мира. В этом, если так можно выразиться, «интернациональном котле» и завязалась русская государственность, возникли первые города, сложилась основа Северной Руси. Итак, два основных фактора определяли историю лесной зоны Восточной Европы — славянская колонизация и функционирование балтийско-волжского (восточного) пути, по которому с севера стали проникать отряды скандинавов.

Где-то в VIII в. в Северном Приильменье и в Поволховье стали складываться контуры и механизм обменной торговли серебром и мехами, которая и обусловила активное функционирование торговой артерии и оказала существенное влияние на социально-экономическое развитие этой части Восточной Европы. В середине VIII в. была основана Ладога, древнейший город Северной Руси. Таким образом, славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически к достаточно короткому отрезку времени и тесно взаимосвязаны.

На территории Северной Руси целый ряд торгово-ремесленных, городских поселений, благосостояние которых во многом зависело от внешней торговли, изначально рос в ключевых местах основных путей международной торговли, играя также роль административных

и военных пунктов. Показательно, что на территории Приильменя и Поволжья П. П. Толочко не смог указать ни одного «славянского града», на базе которого здесь могли формироваться городские центры, что он без труда сделал для Южной Руси. Именно участие в дальней торговле было определяющим для подобного города, в то время как наличие поблизости от него массы сельских поселений первоначально не являлось обязательным для его возникновения (классический пример — Ладога), хотя в дальнейшем наличие или отсутствие сельскохозяйственной округи, естественно, влияло на характер развития городского центра.

Эти замечания вполне согласуются с выводами Е. А. Мельниковой, рассмотренными с привлечением данных современной экономической антропологии, и в первую очередь работ К. Поляного, что мы отмечали ранее. В полном соответствии с нашими археологическими наблюдениями Е. А. Мельникова заключает, что, «невзирая на скудость природных ресурсов, Северо-Западный регион действительно переживает быстрое развитие начиная с середины—конца VIII в. Важнейшей его приметой является возникновение с середины VIII в. ряда предгородских поселений, причем таких крупных, как Старая Ладога. Более того, согласно общему мнению, здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию, населенную рядом этнически разнородных племен». «Единственным крупномасштабным явлением в регионе, синхронным этим процессам, — завершает Е. А. Мельникова, — является формирование торгового пути, соединившего Балтику со странами Поволжья, Булгарией и Хазарией и Арабским халифатом через Неву, Ладогу и Волгу»⁶⁰.

Древнейшим городом Северной Руси является Ладога. Для нее с момента возникновения в VIII в. были характерны ориентация на внешние связи, развитая ремесленная деятельность, отсутствие значимой сельской округи, полиэтничный состав населения. Ладога являлась «мостом» между Балтикой и внутренними районами Восточной Европы. Она олицетворяет один из путей формирования древнерусского города и сопоставима с аналогичными ранними торгово-ремесленными поселениями Балтики.

По своему географическому положению исток Волхова также играл ключевую роль на водных путях лесной зоны Восточной Европы. Уже в середине IX в. тут существовало, возможно, возникшее несколько ранее торгово-ремесленное и военно-административное поселение на Рюриковом городище. По своей сути оно первоначально повторяло в несколько ином и более позднем варианте развитие Ладоги, но типологически это были центры близкого порядка⁶¹.

У наиболее сложных участков водных путей возникали укрепленные поселения, контролировавшие их и обеспечивавшие безопасность⁶². В ключевых местах путей росли города. Так начиналась история Ладоги, Новгорода, Нового Торга (Торжка), Волока Ламского, Городка на Ловати (Великих Лук)⁶³.

К рубежу X—XI вв. в истоке Волхова, вблизи древнего городка на Рюриковом городище, сформировался новый центр, где располагались христианский комплекс (владычный двор, общегородской храм), торг, княжий двор и где вскоре были возведены мощные укрепления. Существование «парных» центров, подобных Городищу и Новгороду, не есть нечто единичное для Руси и стран Балтики. Подобные «пары» известны. Во всех случаях появление новых городов и упадок прежних центров происходили на рубеже X—XI—первой половины XI вв., в чем нельзя не видеть проявление общей исторической закономерности, единого ритма социально-политических и экономических перемен, происходивших в обществах, находившихся за границами прямого влияния традиций, восходящих к античности.

Возникновение торгово-ремесленных и военных центров в VIII—X вв. в регионе Балтики было обусловлено распадом прежних родоплеменных связей, формированием новых структур стратифицированного варварского общества и сложением в этой среде трансевропейских торговых путей. В конце X—первой половине XI вв. на Руси и в Скандинавии происходила стабилизация государственных структур, активно распространялось христианство, шло формирование новых экономических районов, основанных на прогрессе внутренней экономики государств, внешние связи уходили на второй план. Эти процессы сопровождались созданием новой системы поселений — «новых» городов⁶⁴. На Руси рассмотренный путь становления городов не являлся всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего в северной части страны, он очевиден.

Если подвести короткий итог, современная археология не подтверждает тезиса об обязательном возникновении ранних городов, как центров сельских округ на базе интенсивного роста сельскохозяйственного производства. Она предполагает, что многие ранние торгово-ремесленные и военно-административные центры возникали в результате активного влияния внешней торговли на местное общество, которая стимулировала его интенсивное социальное расслоение и возникновение государственности. В этом плане наследие В. О. Ключевского предается неоправданному забвению. Для объяснения структуры социально-экономического строя Древней Руси отнюдь нет необходимости обязательно придерживаться ее формационного объяснения, на чем воспитывались поколения студентов-

историков. Общество Древней Руси — это отнюдь не первобытно-общинный строй, как настаивают сторонники И. Я. Фроянова, но это отнюдь не тот феодализм, который видят в нем последователи Б. Д. Грекова или Л. В. Черепнина. Это стратифицированное, варварское общество, характерное для Северной Европы и для Руси. Ближе всего к полной оценке данного феномена подошел в своих исследованиях А. Я. Гуревич, со многим можно соглашаться в упомянутой не раз статье Е. А. Мельниковой.

Некоторые из изложенных мной мыслей о возникновении самых первых городов на Руси и определяющей роли внешней торговли в разной форме публиковались мной и ранее⁶⁵. Казалось, что данная схема — город без сельскохозяйственной округи «работает» лишь для самой ранней стадии возникновения городских поселений, а потом все «уходит» в традиционные рамки. Однако исследование, проведенное в самое последнее время Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым по изучению средневекового расселения на Белом озере, показало, что это не совсем так. Авторы доказали, что древнейшее городское поселение на Белом озере возникло в середине X в. вне связи с его аграрной округой. Возникновение городского поселения у истока Шексны определялось географической значимостью места его расположения. Город запирает единственный вход в Белое озеро из речной системы Волги, отсюда водными путями можно было легко попасть во «внутренние» районы Белозерья, здесь же открывался удобный доступ к важнейшим волокам. При значительной ориентированности экономики древнерусского населения в Белозерье на промыслы такое расположение городского центра вполне логично.

К началу XIII в. Белоозеро, несмотря на свое обособленное положение по отношению к скоплениям земледельческого населения региона, превратилось в огромное поселение, раскинувшееся более чем на 50 га. Это наглядный пример того, что город мог возникнуть и процветать без развитой аграрной округи не только на начальной стадии своего возникновения, но и в XI—XII вв., опираясь на развитое промысловое хозяйство. Я вполне согласен с заключением Н. А. Макарова, что «возникновение городских центров за пределами плотно освоенных сельских территорий и опережающее развитие их по сравнению с сельской округой не являются аномалией на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси», а «возникновение крупных городских центров на слабозаселенных территориях может рассматриваться как одна из продуктивных моделей градообразования»⁶⁶.

Государство выступает как форма социальной организации общества, которая возникает на определенной стадии его развития. Оно предполагает появление централизованной формы правления, слож-

ние территориальной общности, объединенной экономическими связями и единым административным управлением, появление особых институтов, осуществляющих административные, судебные, военные и культовые функции. Особую роль в этой новой системе отношений и связей играют города как центры государственной власти, то есть места размещения ее важнейших институтов. Универсального определения города, приложимого ко всем эпохам и народам, если не учитывать его самые общие абстрактные характеристики, нет, поскольку формирование новых ячеек общества происходило в разных конкретных исторических условиях. Общие социологические определения обычно остаются обязательной фразой, предваряющей исторические исследования и не имеющей большого значения при разработке конкретных вопросов. В то же время город — это особый феномен в жизни общества. Выйдя раз из недр сельского окружения, он живет и развивается по своим законам, создает свои собственные институты, не будучи жестко увязан во всем своем существовании с сельской стихией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература // *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 343.

² *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 127, 128, 148—150; *Он же.* Боярская Дума в Древней Руси. М.: Ладомир, 1994 (репринт с третьего издания 1903 г.). С. 20—38.

³ *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // *Великий Новгород в истории средневековой Европы: 157—170.* М.: Русские словари, 1999. С. 157—170.

⁴ *Ключевский В. О.* Боярская Дума... С. 23.

⁵ Обзор взглядов, см.: *Ширина Д. А.* Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917—начала 1930-х годов // *Исторические записки.* 1970. № 86. С. 276.

⁶ *Nosov E. N.* The Varangian Problem: Russian Historical Tradition vs. New Archaeological Evidence // *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes Von der Eisenzeit zum Mittelalter.* Festschrift für Michael Müller-Wille: 61—66. Neumünster, 1998. S. 61—66; *Носов Е. Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей.* СПб., 1999. С. 151—163.

⁷ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. М., 1873; *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909 (изд. литографским способом); *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910; *Середонин С. М.* Историческая география. Пгр., 1916; *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пгр., 1917.

⁸ *Носов Е. Н.* Речная сеть... С. 157—170.

⁹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 23, 46, 47, 131—137, 172.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города / Ученые записки МГУ. Вып. 99. М., 1946; Он же. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956; английский перевод см.: *Tikhomirov M. N. The Towns of Ancient Russia*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1959.

¹¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 92—106.

¹² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. С. 64.

¹³ *Karpovich M. Kluchevski and recent trends in Russian historiography // The Slavonic and East European Review (American Series, II), vol.121, part I, 1943; Библиографию вопроса и критику построенной В. О. Ключевского см.: Хорошкевич А. Л. Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке // Критика буржуазных концепций России периода феодализма. М., 1962. С. 116 и др.; Шушарин В. П. Современные буржуазные историки о характере древнерусского государства // Там же, с. 141—160.*

¹⁴ Вернадский Г. В. Киевская Русь. М.; Тверь, 2000.

¹⁵ *Vernadsky G. Kievan Russia*. New Haven and London: Yale University Press, 1976. P. 8, 9, 99—102, 165—172, 196—202, 209—213.

¹⁶ Носов Е. Н. М. И. Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // История и культура древних и средневековых обществ / Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998. С. 43—50.

¹⁷ Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. С. 275, 283.

¹⁸ Там же; Он же. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3. С. 282—286.

¹⁹ Куза А. В. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 179. 1984. С. 9, 10 и др.; Он же. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 6: 4—36. М., 1983. С. 4—36; Он же. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 142—162.

²⁰ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 12, 39 и др.

²¹ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XI. 1951. С. 9—11; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке проблемы) // Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976. С. 37 и др.; Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 24—42; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 94.

²² Седов В. В. Начало городов на Руси // Труды V Междун. Конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1. М., 1987. С. 12—31.

²³ Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.

²⁴ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник ЛГУ. 1970. № 20. С. 7—15; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической ис-

тории. Л., 1980. С. 216 и сл.; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* 1988. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 22—40.

²⁵ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Указ. соч. С. 29.

²⁶ *Фроянов И. Я.* Мятный Новгород. СПб., 1992. С. 23; *Фроянов И. Я., Михайлова И. Б.* 1999. Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 228—236.

²⁷ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990; второе изд. см.: *Он же.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 19—330.

²⁸ *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996.

²⁹ *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // *А. П. Новосельцев, В. Т. Пауто, Л. В. Черепнин.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 131—146.

³⁰ *Носов Н. Е.* Академик Борис Дмитриевич Греков — исследователь-историк-вед // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. Л., 1983. С. 11, 12.

³¹ *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 38—64; *Он же.* Спорные вопросы... С. 249—251; *Он же.* Формирование крестьянства на Руси // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Формирование феодально-зависимого крестьянства. Т. 1. М., 1985. С. 327 и сл.

³² *Корсунский А. Р.* Крестьянство и государство // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Формирование феодально-зависимого крестьянства. Т. 1. М., 1985. С. 435—436.

³³ *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. С. 327.

³⁴ *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 5 и др.

³⁵ *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 16—31.

³⁶ *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 5.

³⁷ *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17.

³⁸ *Булкин В. А., Лебедев Г. С., Дубов И. В.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 138—140.

³⁹ *Авдусин Д. А.* Указ. соч. С. 37—42.

⁴⁰ *Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А.* Рец. на кн. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978 // Советская археология. 1982. № 2. С. 287; *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // Советская археология. 1977. № 1. С. 89 и др.; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белорусии. М., 1980. С. 142, 143; *Кирпичников А. Н.*

Ладога и Ладужская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточно-славянских племен в Древней Руси). Киев. 1979. С. 98, 99 и др.

⁴¹ Библиографию вопроса см.: *Дубов И. В.* К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70, 71.

⁴² *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX—сер. XII вв. // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 37.

⁴³ *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100—112.

⁴⁴ *Куза А. В.* Малые города... С. 148—151.

⁴⁵ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. С. 216 и сл.; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Указ. соч. С. 22—40.

⁴⁶ *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. С. 31 и сл.

⁴⁷ *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. С. 50—59.

⁴⁸ *Толочко П. П.* О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 159—167; *Он же.* Пути становления. С. 12—15.

⁴⁹ *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. С. 57.

⁵⁰ Там же. С. 19 и сл.

⁵¹ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—первая половина IX вв.): Историко-археологические очерки // Материалы и исследования по археологии. № 168. Л., 1968. С. 150—151.

⁵² *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 84.

⁵³ *Спицын А. А.* Указ. соч. С. 8.

⁵⁴ Там же. С. 99—103.

⁵⁵ *Носов Е. Н.* Нумизматические данные... С. 99—102. Дополнения к приведенной сводке см.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 187, 188, 202, прим. 83.

⁵⁶ *Noonan T.* Scandinavians in European Russia // The Oxford illustrated history of the vikings. Oxford University Press. Oxford; New York, 1997. P. 145, 152; *Idem.* The Islamic World, Russia and the Vikings, 750—900: The Numismatic Evidence / *Variorum Collected Studies Series: CS595.* Ashgate Publishing Ltd., 1998.

⁵⁷ *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологические очерки) // Автореф. докт. дисс. СПб., 1992. С. 12—14, 33—35; *Nosov E. N.* The Problem of the Emergence of Early Urban Centres in Northern Russia // Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe / *Worldwide Archaeology. Series 6.* Avebury: Ashgate Publishing Ltd. P. 252—254; *Idem.* The emergence and development of Russian towns: Some outline ideas // *Archaeologia Polona. Vol. 32:* 1994. P. 185—196.

⁵⁸ *Носов Е. Н.* Скандинавы в Поволжье // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 7—17.

⁵⁹ *Голубева Л. А., Кочуркина С. И.* Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

⁶⁰ *Мельникова Е. А.* Указ. соч. С. 25—26.

⁶¹ *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище.

⁶² *Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // Краткие сообщения Института археологии. № 164. 1981: 18—24.

⁶³ *Носов Е. Н.* Новгородская земля...

⁶⁴ *Andren A.* The early town in Scandinavia // The birth of Europe-Archaeology and social development in the first millennium A. D. Roma, 1989. P. 173—177; *Callmer J.* Urbanisation in Scandinavia and the Baltic Region c AD 700-1100: Trading Places, Centres and Early Urban Sites // Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age / The Twelfth Viking Congress. Birka Studies. 3. Stockholm, 1994. P. 50—90.

⁶⁵ *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 59—78.

⁶⁶ *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 79, 83, 175, 226 и др.

«ДЕВА ОДИНА», ИЛИ «ЖЕНА ОДА»? к интерпретации изображения на литейной форме из Старой Ладogi

Культурный слой Староладожского поселения таит в себе немало информации, важной для понимания истории древнерусского государства. Каждый год, благодаря археологическим исследованиям Старой Ладogi, пополняются коллекции разнообразных интересных вещевых находок.

К числу уникальных находок, найденных при раскопках 1940 г. Староладожского Земляного городища под руководством В. И. Равдоникаса, относятся два обломка небольшой глиняной литейной формы (рис. 1). Фрагменты стыкуются и составляют большую часть данной формы. Первоначально форма представляла, видимо, подпрямоугольную плитку. Наибольшие размеры сохранившейся части 30 × 16 × 9 мм. Глубина негатива не более 1 мм. Форма служила для отливки женской фигурки, показанной в профиль. Женщина одета в длинные, до лодыжек, одежды. На ее шее обозначено ожерелье. Рука женщины, прижатая к груди, касается этого украшения, что, возможно, подчеркивает значимость этой детали.

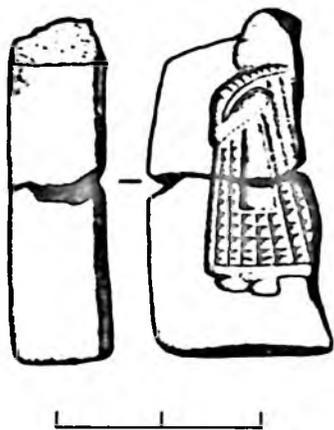

Рис. 1. Глиняная литейная форма из Старой Ладogi

Глиняная форма была найдена при исследовании культурных напластований горизонта Д Земляного городища Старой Ладogi, который датируется в основном X веком. При раскопках В. И. Равдоникасом в 1938—1940 гг. в большинстве жилых построек этого горизонта были встречены многочисленные следы ювелирного и косторезного ремесленного производства¹. В них или в их окружении были отмечены железные шлаки, обломки литейных форм, льячек, тиглей, бруски и слитки цветного металла, остат-

ки производства изделий из кости и рога. Явных мастерских зафиксировано не было, хотя одну из построек, с которой было связано особенно большое количество остатков обработки металлов, в ходе полевых работ называли «кузницей»². По мнению О. И. Давидан, на этом участке Земляного городища жили и работали ремесленники-универсалы, занимавшиеся изготовлением предметов из кости, рога, янтаря, обработкой железа и ювелирным делом³. Ею было высказано предположение, что обнаруженные на данном участке жилища составляли особый ремесленный квартал, в котором изготавливались различные украшения и предметы туалета⁴.

В древностях Северной и Восточной Европы раннего средневековья нам известно девять литых женских фигурок, в разной степени похожих на те, которые могли изготавливаться в найденной в Старой Ладого форме:

1. Старая Упсала, провинция Упланд, Швеция⁵ (рис. 2: 3). Бронзовая фигурка происходит из женского захоронения в ладье, датированного IX в.

2. Туна, приход Алсике, провинция Упланд, Швеция⁶ (рис. 2: 1). Миниатюрное серебряное изображение происходит, по-видимому, из разрушенного женского погребения. Подвеска может быть датирована концом VIII—первой четвертью IX века⁷.

3. Бирка, приход Адельсё, провинция Упланд, Швеция⁸ (рис. 2: 7). Серебряная подвеска в виде женской фигурки найдена в погребении 825, представляющем собой женское трупоположение в камере. На основании овальных фибул и серебряных подвесок захоронение датируется концом IX—X вв.⁹

4. Бирка, приход Адельсё, провинция Упланд, Швеция¹⁰ (рис. 2: 8). Камерное женское погребение 968 содержит серебряную подвеску в виде женщины. Это захоронение на основании находок может быть датировано X веком¹¹.

5. Сиббле, приход Грёдинге, провинция Сёдерманланд, Швеция¹² (рис. 2 : 2). Серебряная женская фигурка, найденная в погребении по обряду кремации. Встреченные с миниатюрой предметы позволяют, с наибольшей вероятностью, отнести находку к VIII или IX веку¹³.

6. Юртхаммар, приход Фрётчэрла, провинция Блекинге, Швеция¹⁴ (рис. 2 : 4). В поврежденном кургане, в женском погребении, найдена бронзовая фигурка. По мнению В. Холмквиста, захоронение может быть отнесено к IX веку¹⁵.

7. Квинта, приход Чёпинг, о. Эланд, Швеция¹⁶ (рис. 2: 5). Клад серебра содержал маленькую женскую фигурку, держащую в руке питьевой рог. На основе сопровождающих предметов находка может быть отнесена к X веку или, возможно, позже¹⁷.

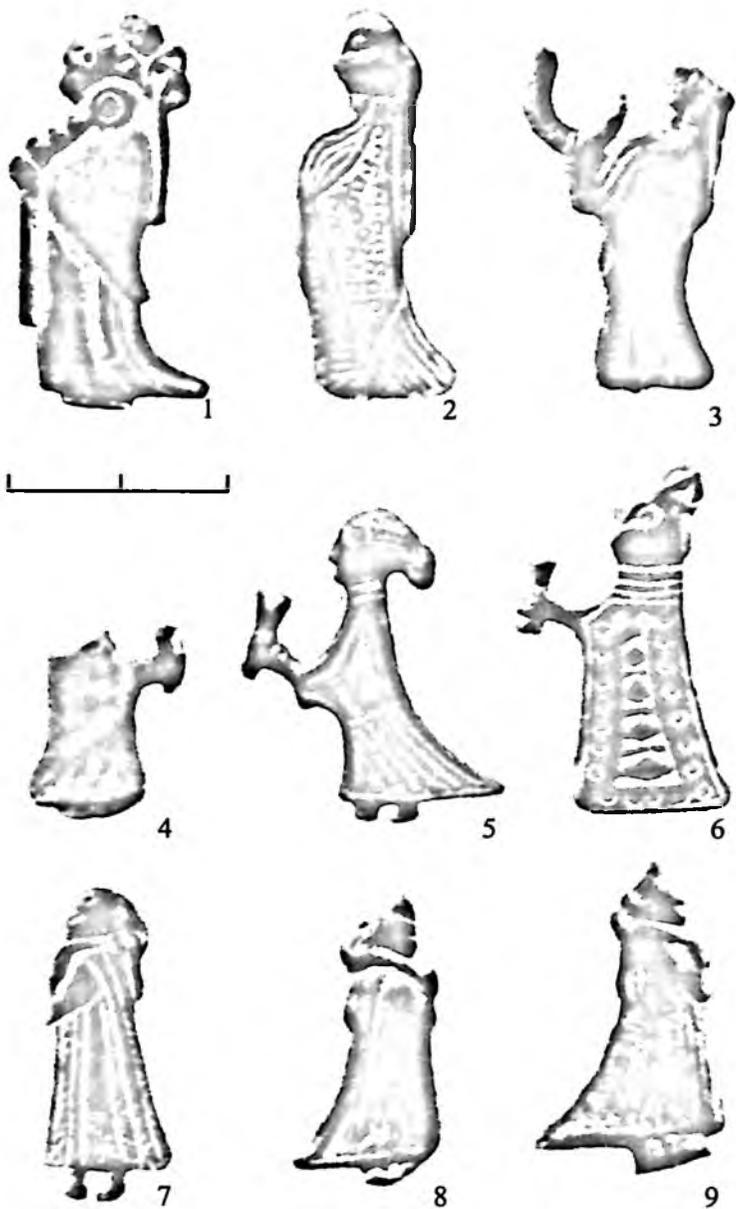

Рис. 2. Подвески с изображением женских фигурок

8. Неизвестное место на о. Эланд, Швеция (рис. 2: 6). Маленькая бронзовая подвеска ¹⁸.

9. Д. Городище (Рюриково городище), ныне находящееся в черте Новгорода, Россия ¹⁹ (рис. 2: 9). Серебряная подвеска происходит из культурного слоя поселения.

Единственным до последнего времени местом, где были найдены следы изготовления женских фигурок, являлась Бирка. В первой половине 1990-х гг. во время исследования культурного слоя этого поселения — «Черной земли» — были найдены тысячи фрагментов глиняных литейных форм. Среди них определены обломки двух разъемных форм для изготовления женских фигурок ²⁰. Первое изделие предназначалась для производства фигурок, близких подвеске, встреченной в погребении 825 из могильника Бирки. Вторая служила для отливки сразу двух фигурок, по своему виду очень близких находке из Сиббле. Обе формы связываются Б. Амбросиани с мастерской, функционирующей в начале IX в.

Все известные подвески являются рельефными изображениями женщин, показанных в профиль. По композиционному построению эти подвески можно разделить на три группы.

К первой, хронологически наиболее ранней, группе относятся фигурки из Туны и Сиббле. Их главной отличительной чертой является отсутствие изображения рук, очевидно скрытых одеждой. Головы показаны без особой детализации. Рельефно выделен лишь глаз в середине лица. Волосы женщин собраны узлом. Ф. Бау отмечает на фигурках передник, платье с бретелями, шлейф и накидку ²¹. Накидка закреплялась фибулами. У фигурки из Туны показано ожерелье. Нельзя исключить, что ленты, имеющиеся на груди женской фигурки из Сиббле, являются передачей того же украшения.

Вторую группу составляют подвески в виде женщин, держащих в руке кубок или питьевой рог. Это образцы из Старой Упсалы, Юрхаммара и две находки с Эланда. Данная группа наиболее разнообразна по приемам моделировки элементов фигуры, одежды и прически, а также по использованному для подвесок металлу.

Фигурки из погребений Бирки и культурного слоя Рюрикова городища составляют третью группу, которая состоит из изображений, различающихся только мелкими деталями трактовки одежды и прически. Мы видим женщин, одетых в широкие, длинные, достигающие до лодыжек одежды. Исследователи различают в их уборе передник, платье на лямках и шлейф ²². Лица фигурок не проработаны. Волосы убраны в закрепленный петлей узел. На шее изображены ленты, которые женщины придерживают согнутыми в локтях руками.

Изучение имеющихся в нашем распоряжении материалов показало, что наиболее близкими аналогиями фигуркам, отливавшимся в старорладожской форме, являются подвески третьей группы, особенно миниатюры, найденные в погребении 968 Бирки и культурном слое Рюрикова городища. Эта близость в очередной раз подтверждает тесные связи населения региона озера Меларен и Поволховья в эпоху викингов.

Все перечисленные выше фигурки служили подвесками, поскольку на обратной стороне каждой из них были петли. Важным для понимания функционального назначения рассматриваемых находок является положение фигурок в погребениях. Характер сопутствующего инвентаря позволяет определить захоронения, где найдена большая часть миниатюр, как женские. В погребениях Бирки и Старой Упсалы подвески располагались в районе груди или шеи. В Бирке вместе с женскими фигурками был найден целый ряд вещей, считающихся культовыми предметами. Так, в погребении 968 в состав одного ожерелья входили щитовидная подвеска, подвеска в форме стула, крест и подвеска в виде женской фигурки²³.

Малочисленность находок и расположение их в погребениях дают основание предполагать, что они были, скорее, не украшениями, а амулетами и имели магическое значение. Обнаружение подобных предметов в кладе и на поселении свидетельствует, что они использовались не только в погребальных обрядах, но и носились в повседневной жизни.

Обычно российские и зарубежные ученые трактуют рассматриваемые фигурки, особенно с питьевым рогом или кубком в руках, как изображение валькирий²⁴.

Валькирии в древнем скандинавском эпосе являются воинственными девами, спутницами Одина. Они определяли судьбу того, кто вступил в битву, кому суждено в ней пасть²⁵. Само слово «валькирия» (*valkyria*) переводится с древнеисландского как «избирающая убитых». Валькирии встречали погибших в сражениях героев (эйнхериев) в загробном мире, подносили им питье, присматривали в Вальхалле за посудой и чашами²⁶. Вместе с норнами «девы Одина» составляли категорию низших женских божеств²⁷.

Интерпретация учеными женских фигур как валькирий основана на изучении разнообразного изобразительного материала, в первую очередь анализе сцен, запечатленных на готландских поминальных камнях, а также на исследованиях в области северогерманской мифологии. Представление о том, что воинственные девы приветствовали в Вальхалле погибших героев кубками с медом, привело к трактовке некоторых изображений на камнях, как указывающих на эти су-

щества²⁸. Образы, запечатленные на камнях, послужили, в свою очередь, основой для смысловой интерпретации рассматриваемых нами подвесок²⁹.

Трактовка миниатюрных фигурок женщин как изображений воинственных «дев Одина» вызывает, однако, определенные сомнения, поскольку эти амулеты встречены только в женских могилах. Причем в основном это захоронения не рядовых скандинавок, а женщин высокого социального положения³⁰, преданных земле по «престижному» обряду, каким является погребение в камере или ладье³¹. Исследователи, считающие фигурки валькириями, не объясняют роли этих амулетов в повседневной жизни женщин эпохи викингов и их значение в погребальном обряде.

В скандинавской мифологии имеется множество женских персонажей. Кого же из них, кроме валькирий, могут изображать миниатюрные отливки?

Как уже отмечалось, характерной чертой третьей группы подвесок является наличие лент на шеях фигур. Староладожская форма с достаточной уверенностью позволяет интерпретировать эти ленты как ожерелья. Изображение подобного украшения есть на фигурках из Туны и, возможно, из Сиббле.

Из скандинавской мифологии известно, что главным атрибутом Фрейи является «ожерелье Брисингов»³². Оно упоминается как в «Старшей», так и в «Младшей Эдде»³³. Так, в «Песне о Трюме» «Старшей Эдды», рассказывающей о том, как Тор вернул себе молот, похищенный великаном Трюмом, ожерелье неоднократно отмечается при описании убора Фрейи:

«Разгневалась Фрейя, зафыркала так, что затряслись	асов палаты, с нее сорвалось ожерелье Брисингов...» ³⁴
--	---

Если трактовать женские фигурки из Бирки и Поволховья с поднятой вверх рукой как изображения Фрейи, то становится понятной их поза. Богиня держит свое драгоценное ожерелье, боясь его потерять.

В скандинавских древностях имеются и другие женские изображения с ожерельями. Одним из них является фигурка, запечатленная на круглой серебряной подвеске из Аски, приход Хагебюхёга, провинция Эстерьётланд³⁵ (рис. 3). Она найдена в погребении женщины, захороненной по обряду кремации в середине X века. Сама подвеска датируется временем около 800 г. Изображение женской фигуры, показанной в фас, довольно детализовано. Хорошо различимы

Рис. 3. Подвеска из Аски, Швеция (по Б. Аррениус)

предметы, украшающие женщину. У шеи находится большая фибула, а на груди — несколько нитей бус. Рассматривая вопрос о персонификации изображения, некоторые исследователи пишут о Фрейе³⁶. Такая трактовка фигуры основана на наличии ожерелья и выдающемся животе, который, как считают ученые, может означать беременность. Последнюю черту полагают свойственной богине плодородия, каковой была Фрейя.

Фрейя (древнеисландское *Freyia* «госпожа») является наиболее ярким женским персонажем в дошедших до нас мифах. Вместе с отцом Ньёрдом и братом Фрейром она принадлежала к ванам — группе богов плодородия в скандинавской мифологии³⁷. Ее мужем называется Од, который, возможно, представлял одну из ипостасей Одина³⁸. Исследователи считают Фрейю богиней плодородия, любви и деторождения³⁹. Она имела также отношение к колдовству и магии⁴⁰. О Фрейе говорят как о предводительнице дис — женских созданий, в ведении которых состоит помощь при родах⁴¹. В «Младшей Эдде» говорится о том, что Фрейе «очень по душе любовные песни. И хорошо призывать ее на помощь в любви»⁴². В эддической поэзии «богиня ванов» наделена необыкновенной сексуальной силой⁴³ и, как самая красивая из богинь, пользуется неизменным вниманием у великанов⁴⁴. «Богиня любви» была среди богов «всех благословеннее к людским мольбам». Она считалась славнейшей из богинь⁴⁵.

Было бы естественным ожидать присутствия среди скандинавских древностей материального воплощения культа Фрейи. Подвески в виде женщин, особенно относящиеся к первой и третьей группам, являются, по нашему мнению, проявлением почитания этой богини.

Не следует, по-видимому, однозначно интерпретировать как изображения валькирий⁴⁶ и фигурки второй группы. Изготовление большей части подвесок этой группы из менее ценного материала — бронзы — вроде бы говорит о том, что перед нами божество, менее значимое, чем на других амулетах. Все же возможно, что и женские фигурки, держащие в руке кубки или питьевые рога, также являются одним из воплощений Фрейи.

В скандинавском обществе раннего средневековья, как и во многих других традиционных культурах, большую социальную и религиозную значимость имели пиры. Частью этого действия являлось упо-

требление хмельных напитков. В этих ритуальных церемониях важную роль играли женщины. Они угощали напитками своих родичей и гостей. Так, в «Младшей Эдде» описывается появление в Вальхалле великана Хрунггира, причем Фрейя угощает его пивом и подливает его в чашу, «словно на пиру у богов»⁴⁷. Из древнескандинавских литературных источников известно, что у «дочери Ньёрда» кроме любовной роли была и другая — связанная с войной. С Одином Фрейя делила «поровну воинов, в битвах погибших» и решала, где герои сядут в ее владениях — Фолькванге («поле войска») ⁴⁸. Вполне возможно, что женщины, держащие в руках сосуды, представляют собой изображение «владычицы павших», встречающей воинов в своих чертогах.

Находка амулетов, связанных с культом Фрейи в женских погребениях, в отличие от валькирий, не вызывает удивления. Эта богиня являлась символом богатства, помощницей в любви и родах, а ее палаты — Сессрумнир («вмещающий много сидений») — были единственным доступным местом для посмертного существования достойных женщин ⁴⁹. Не зря по ее имени знатных жен, «всякую владелицу своего имущества и всякую хозяйку, у которой есть свое добро», величали госпожами ⁵⁰.

Итак, имеющиеся аналогии не оставляют сомнения, что в найденной в 1940 г. в Старой Ладогe форме отливались женские фигурки, характерные для скандинавских древностей. Они были амулетами и несли определенное магическое значение, понятное носителям культа, но ничего не значившими для иноплеменников. Эти подвески принадлежали к женским оберегам, как и некоторые другие сакральные предметы ⁵¹. Наряду с другими культовыми предметами, глиняная форма для отливки подвесок в виде женских фигурок говорит о пребывании на Староладожском поселении скандинавов, сохранивших свои культурные и религиозные традиции. Эта находка показывает, что поселение в устье Ладожки являлось, наряду с Биркой, пунктом, где изготовлялись скандинавские амулеты. Близость изображений с подвесок этих двух памятников в очередной раз подтверждает тот факт, что приходившие в Ладогу варяги являлись в основном выходцами из Центральной Швеции. Обнаруженная форма свидетельствует также о почитании «жены Ода» на берегах Волхова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // Советская археология. XI. М.; Л. 1949. С. 34, 42, 45. Рис. 33: 3—5; 34: 5, 10, 11.

² Там же. С. 34.

³ *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в Древней Ладоре // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. Л., 1977. С. 101—105.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ *Nordahl E.* En kvinna från Gamla Uppsala // *Gotländskt Arkiv. Årgång 56.* Visby, 1984. S. 111—116.

⁶ *Arne T. J.* Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Uppland. Stockholm, 1934. S. 26—28, 56, 70, 71. Taf. VII: 11; *Holmqvist W.* The Dancing Gods // *Acta archaeologica.* Vol. XXXI. Fasc. 2—3. København, 1960. P. 113. Fig. 23.

⁷ *Arne T. J.* Das Bootgräberfeld... S. 56, 70, 71.

⁸ *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940. Taf. 92: 10; *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943. S. 298—300. Abb. 248; *Arwidsson G.* Verschiedene Schmuckgegenstände // *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm, 1989. S. 58, 59. Abb. 9: 1.

⁹ *Jansson I.* Ovals spännbucklor: En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björköfynden. Aun 7. Uppsala, 1985. S. 34—37, 129, 174, 175, 181, 182.

¹⁰ *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Taf. 92: 8; *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Text. S. 394—396. Abb. 346: 9; *Holmqvist W.* The Dancing Gods... P. 113. Fig. 21; *Arwidsson G.* Verschiedene Schmuckgegenstände... S. 58, 59. Abb. 9: 1.

¹¹ *Jansson I.* Ovals spännbucklor... S. 128, 174, 175, 181, 182.

¹² *Holmqvist W.* The Dancing Gods... P. 113. Fig. 24.

¹³ Там же. P. 113.

¹⁴ Там же. P. 113, 114. Fig. 25.

¹⁵ Там же. P. 114.

¹⁶ Там же. P. 113. Fig. 22.

¹⁷ Там же. P. 113.

¹⁸ *Graham-Campbell J.* Viking Artifacts: A Select Catalogue. London, 1980. P. 154. N 517.

¹⁹ *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 126. Рис. 44: 2; *Nosov E. N.* Ein Herrschaftsgebiet entsteht. Die Vorgeschichte der nördlichen Rus' und Novgorods // *Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands / Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete.* Band 1. Neumunster. 2001. S. 65. Abb. 46: 1.

²⁰ *Ambrosiani B., Erikson B. G.* Birka: Vikingastaden, 1994. Vol. 4. S. 25, 26; *Ambrosiani B., Erikson B. G.* Birka: Vikingastaden, 1996. Vol. 5. S. 26, 27.

²¹ *Bau F.* Seler og slæb i vikingetid. Birka's kvindedragt i nyt lus // *Kuml*, 1981. København, 1982. S. 15, 16, 31. Fig. 3; 4.

²² *Holmqvist W.* The Dancing Gods... P. 112. Fig. 20; *Bau F.* Seler og slæb i vikingetid. P. 15, 16, 31. Fig. 3.

²³ *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Text. ... Abb. 346; *Callmer J.* Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm, 1989. Abb. 3: 37.

²⁴ *Davidson H. R. E.* Pagan Scandinavia. New York—Washington, 1967. P. 130. Pl. 63; *From Viking. From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800—1200.* Uddevalla, 1992. P. 190, 277, 302. No. 186, 281; *Ambrosiani B., Erikson B. G.* Birka: Vikingastaden, 1994. S. 26; *Price N. S.* The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia. Aun 31. Uppsala, 2002. P. 336; *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково)

городище. С. 126, 159; Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 211; *Янссон И.* Скандинавские находки IX—X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 25, 26; *Петрухин В. Я.* «Сага о Волсунгах» на «Восточном пути» // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 44.

²⁵ Младшая Эдда. М., 1994. С. 56, 107.

²⁶ Младшая Эдда. С. 55, 56; Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. М.; Л., 1963. С. 39; *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л., 1976. С. 68.

²⁷ Мифы народов мира. Т. 1. С. 211.

²⁸ *Lindqvist S.* Gotlands Bildsteine. Stockholm, 1941. Bd. I. 96.

²⁹ *Price N. S.* The Viking way. P. 336.

³⁰ Практически во всех погребениях с женскими фигурками встречены ключи, которые считаются знаком достоинства хозяйки дома (Розсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 29).

³¹ *Gräslund A.-S.* Birka IV: The Burial customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm, 1980. P. 79—82, 86; *Nordahl E.* En kvinna från Gamla Uppsala... S. 114; *Стальберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 284, 285.

³² Мифы народов мира. Т. 1. С. 187.

³³ Старшая Эдда. С. 61, 62; Младшая Эдда. С. 53, 121.

³⁴ Старшая Эдда. С. 61.

³⁵ *Янссон И.* Захоронение знатной женщины из Аски // Наследие варягов. Дневник культур. Borås, 1996. С. 41—44; *Holmqvist W.* The Dancing Gods... P. 115. Fig. 26; *Arrhenius B.* «Det flammande smycket» // Fornvännen 57. 1962. S. 79—101.

³⁶ *Price N. S.* The Viking way. P. 158, 220.

³⁷ Мифы народов мира. Т. 1. С. 214; Т. 2. С. 572.

³⁸ Мифы народов мира. Т. 2. С. 241.

³⁹ From Viking... P. 147; Старшая Эдда. С. 199; Мифы народов мира. Т. 2. С. 572; *Розсдаль Э.* Мир викингов. С. 137.

⁴⁰ *Стурлусон Снорри.* Круг земной. М., 1995. С. 12; *Price N. S.* The Viking way. P. 108, 220.

⁴¹ *Розсдаль Э.* Мир викингов. С. 137; Мифы народов мира. Т. 1. С. 187, 384.

⁴² Младшая Эдда. С. 45.

⁴³ Старшая Эдда. С. 56, 57, 169; *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. С. 79.

⁴⁴ Старшая Эдда. С. 61, 232; Младшая Эдда. С. 62, 63, 114; Мифы народов мира. Т. 2. С. 572.

⁴⁵ Младшая Эдда. С. 44, 45.

⁴⁶ *Пушкина Т. А.* Подвеска-амулет из Гнёздова // Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 315.

⁴⁷ Младшая Эдда. С. 114.

⁴⁸ Старшая Эдда. С. 37, 224; Младшая Эдда. С. 44.

⁴⁹ *Price N. S.* The Viking way. P. 108, 109.

⁵⁰ Младшая Эдда. С. 45; *Стурлусон Снорри.* Круг земной. С. 16.

⁵¹ *Новикова Г. Л.* Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 197.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛАДЬЕ «СЛАВИЯ» ВОКРУГ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА

Древняя Русь возникла и развивалась на водных путях, связывавших Северную и Западную Европу с Византией и с арабским Востоком. Реки были главными артериями, связывавшими отдельные города и земли Руси на протяжении столетий, вплоть до XVIII века. По ним перевозились грузы, совершались военные походы, торговые и дипломатические поездки. Поэтому огромное значение в жизни средневековой Руси и в ее связях с другими государствами играли суда — ладьи.

Реконструкция древнерусской ладьи представляет определенную сложность, так как ни одной цельной находки этого судна пока еще не известно. Выполненная в 2001—2002 гг. гипотетическая реконструкция древнерусской ладьи была основана на археологических, изобразительных и этнографических материалах. Археологические находки — части и детали средневековых судов из Старой Ладogi, Новгорода и Пскова — содержат подробную информацию по средневековой судостроительной технологии. Изображения средневековых ладей имеются на древнерусских иконах — фресках — и книжных миниатюрах¹ (Сорокин, 1997). До недавнего времени в Южном Приладожье сохранялась ладожская ладья — судно, использовавшееся для плавания по Ладожскому озеру и сохранившее в своей конструкции многие средневековые элементы судостроения.

Обобщение всех этих материалов и использование практического опыта в строительстве деревянных судов позволили создать научную реконструкцию древнерусской ладьи. Строительство велось в селе Нямятово, расположенном на берегах Ладожского озера и Волхова, вблизи Новой Ладogi. Лодочный мастер Н. В. Логинов, строивший корпус судна, унаследовал секреты ремесла от предков, живших в Южном Приладожье, известном районе северорусского традиционного судостроения. В организации проекта участвовали Северо-Западный институт наследия, ИИМК РАН, общество «Русская Ганза».

Ладья «Славия» имеет следующие параметры и технические характеристики. Длина — 9,4 м, ширина — 2,7 м, высота бортов — 1,05 м в центре, 1,2 м у окончаний. Осадка ладьи в зависимости от загрузки составляет 0,4—0,5 м. Кормовая и носовая оконечности судна симметричны. Доски обшивки (10 поясов по каждому борту, ширина до 30 см) соединяются между собой в клинкер. Мачта, высотой 7,5 м, устанавливается в специальный брус — мачтовый степс, смещенный на 0,5 м от центра ладьи к носу. Парус, размером 5 × 4 м, поднимается на 5-метровой рее. Восемь вальковых весел (по четыре на каждом борту) фиксируются на релинговой доске с помощью деревянных уключин — колков.

В июле 2002 г. на Ладожском озере проходила научно-исследовательская экспедиция «Древности Ладоги». В ее ходе группа историков и энтузиастов совершила плавание вокруг Ладожского озера на деревянном парусном судне «Славия» (рис. 1).

Главной целью экспедиции являлось изучение древнерусского судостроения и моделирование средневекового судоходства на исторических водных путях Ладоги. Это озеро — крупнейшее в Европе — на протяжении всей русской истории играло значимую роль в развитии русского судоходства на Балтике и в северных морях, так как именно отсюда русское население начинало колонизацию морских берегов.

В процессе экспедиции ладья «Славия» за три недели — с 7.07 по 30.07 — проследовала по маршруту Петрокрепость, Морье, устье реки Бурной, о. Коневец, Приозерск, Валаамский архипелаг, о. Мантинсаари, устья рек Олонки и Свири, Новая и Старая Ладога, Петрокрепость.

Ладья, экипаж которой составляли на различных этапах экспедиции 5—8 человек, двигалась под парусом и на веслах (обычно использовалось 6 весел). Общая протяженность маршрута составила около 600 км. Среднее расстояние, проходившееся ладьей в течение одного дня, составляло около 35 км. Основная часть пути была пройдена под парусом (около 80% расстояния), поэтому движение зависело от погодных условий. При благоприятном ветре и отсутствии памятников истории и культуры, которые планировались для посещения, движение проходило без остановок либо с кратковременными стоянками. Ладья постоянно двигалась в пределах видимости берега или островов, обычно на удалении 2—5 км от них. Наибольшее удаление от берега было при переходе к Валааму: расстояние между Приозерском и Валаамом составляло около 60 км и далее от цепочки островов Валаамского архипелага к восточному побережью озера — около 40 км.

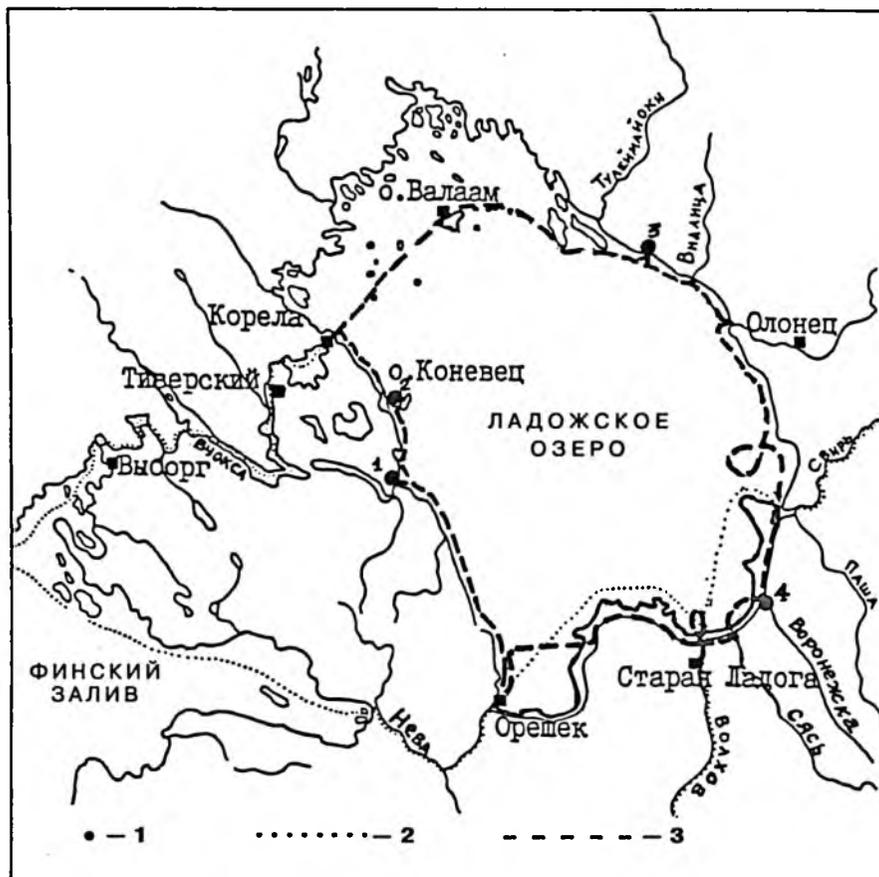

Рис. 1. Карта экспедиции «Древности Ладоги».

Условные обозначения:

1. Места проведения исследовательских работ:

1. Крепость в устье р. Бурной. 2. Гавань о. Коневец. 3. Варашев камень.

4. Устье реки Воронежки.

2. Исторические водные пути по Ладоге.

3. Маршрут экспедиции «Древности Ладоги»

Испытание ладьи в условиях Ладожского озера показало, что она хорошо приспособлена для плаваний в самых сложных навигационных условиях — на мелководьях и каменистых рифах, в штормовую погоду и даже при посадке на мели.

Экспедиция позволила выяснить, в каких условиях находились средневековые деревянные суда на Ладоге, с какими проблемами они

Рис. 2. Ладья «Славия» у восточного побережья Ладоги.
Фото В. Иванова

сталкивались. Навигационные условия Ладоги достаточно разнообразны. Северная Ладога с ее изрезанными берегами и многочисленными островными архипелагами, защищающими суда от непогоды, по своим навигационным условиям напоминает Фенноскандию. На восточном и западном берегах озера имеются лишь отдельные укрытия для судов: устье реки Морьи, Владимирская бухта, о. Коневец, устье Вуоксы с западной стороны и устья рек Видлицы, Олонки, острова Мантинсаари, Лукулансаари, Сало (Андрусовская пустынь) — с восточной (рис. 2).

В мелководной южной части озера, за исключением устьев крупных рек, укрытий от штормов нет. Мелководные прибрежные воды, а также Каредежская коса, Стороженецкий и Волховский рифы, на много километров выдающиеся в озеро со стороны южного берега и перерезающие кратчайшие водные пути от истоков Невы к устьям Волхова, Сяси и Свири, делают плавание здесь чрезвычайно опасным. В этих условиях характерное для Ладоги быстрое изменение погоды, когда в течение нескольких часов может разыгаться сильный шторм с короткими, захлестывающими волнами, приводило и приводит к гибели здесь многих судов. Это и стало причиной строительства здесь в XVIII—XIX вв. Ладожских обводных каналов.

Именно в Южной Ладоге, традиционно считающейся опасной для судоходства, экспедиция столкнулась с наибольшими сложностями, выдержав целую череду штормов и аварий. Особенно опасным участком был Стороженецкий риф, где шторм продолжался 4 дня, и существовала угроза сноса ладьи в открытое озеро. Далее в нескольких километрах от устья реки Сяси во время сильного шквала ладья была выброшена нагонной волной далеко на прибрежную мель. Для возвращения на глубокую воду потребовалась ее полная разгрузка. В условиях ночного плавания под парусом, при сильном попутном ветре ладья налетела на каменный риф у окончания Каредежской косы, в результате чего был сорван руль и потеряно управление судном. Только благодаря слаженной работе экипажа удалось преодолеть риф и избежать сноса ладьи в открытое озеро.

Главными результатами экспедиции стало получение новых научных данных о древней навигации на Ладожском озере и освоении его берегов в древности.

Во время экспедиции проводилось изучение археологических памятников на побережье и островах озера: остатков древних гаваней, фортификационных сооружений, поселений и судов.

1. **Бурная (Тайпале).** При устье реки Бурной, которая на самом деле является искусственно сооруженной в 1818 году протокой меж-

Рис. 3. Фортификационные сооружения крепости в устье р. Бурной

ду озерами Суходольским (Суванто-ярви) и Ладожским, расположен интереснейший комплекс археологических и исторических памятников разных эпох. В позднесредневековое время на месте впадения реки Бурной в Ладогу существовало крупное торгово-ремесленное поселение Сванский Волочек, впервые зафиксированное в писцовой книге 1500 года. На шведских картах XVII—начала XVIII веков оно обозначено как *Taipal*. В XVI—XVII вв. здесь проходил важный тракт, связывавший Корелу (Кексгольм) с Орешком (Нотеборгом) и другими городами Северо-Западной Руси.

Другим примечательным памятником, обследованным экспедицией является фортификационное сооружение — небольшая земляная крепость, которая расположена приблизительно в 0,5 км от северного берега реки Бурная и в 1 км от Ладожского озера. Она представляет собой сооружение бастионного типа, достигающее около 100 м в поперечнике, с высотой валов около 2 м. Ширина рвов составляет около 10 м, глубина — около 6 м. Крепость расположена на краю возвышенной террасы у проселочной дороги, которая, вероятно, восходит к проходившему здесь тракту (рис. 3). Можно полагать, что крепость должна была контролировать перешеек между двумя озерами.

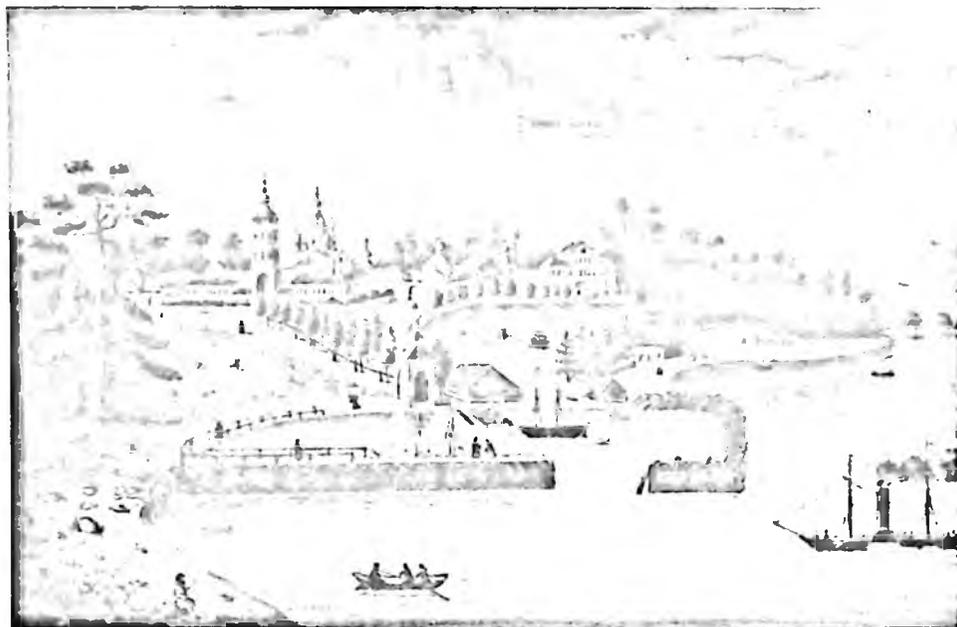

Рис. 4. Коневский монастырь и его гавань на гравюре второй половины XIX в.

Данное сооружение является интересным археологическим объектом, пока не привлекавшим внимание исследователей. На шведских картах Карельского перешейка XVII в. какие-либо укрепления в этом месте не обозначены. Имеются сведения о его возникновении уже после Ништадтского мира 1721 г. «Улицкий шанец» — в виде четырехугольной звезды присутствовал в реестрах Российского военного министерства вплоть до начала XIX в.² (Якимович, 2002: 8). Однако, по нашему мнению, его сооружение, вероятнее всего, следует связывать с фортификационной деятельностью А. В. Суворова на Карельском перешейке в нач. 1790-х гг. С присоединением Финляндии к России в 1808 г. эта крепость утратила свое значение. Однако впоследствии эта зона все же стала зоной ожесточенных боев — в годы советско-финляндской и Великой Отечественной войн здесь существовал мощный финский укрепленный район, многие из сооружений которого сохраняются до наших дней.

2. Остров Коневец. Коневский монастырь появляется в конце XIV в. на берегу озера. Известно, что в 1421 г. он переносится на более возвышенное место. После шведского разорения 1610 г. мона-

стырь прекращает свое существование более чем на столетие. Только в 1718 г. было принято решение о возобновлении монастыря, действовавшего до советско-финляндской войны 1940 г. Новое возрождение Коневского монастыря начинается в 1990 г.

Целью разведочных археологических исследований на о. Коневец была старинная гавань, расположенная на западном побережье острова, перед монастырским каре (рис. 4). Описание Коневской пристани имеется еще у академика Николая Озерецковского: «Берег против монастыря песчаный и отмельный, потому для подхода к монастырю проведен деревянный мост, отчасти на воде лежащий. По правую сторону моста находится пристань, срубами от озера обгороженная, которая хотя довольно пространна, но ныне сделалась мелка, и только небольшие соймы заходить и стоять в ней могут»³. (Озерецковский, 1812: с. 55). Изображения монастырской гавани имеются на гравюрах второй половины XIX в. Здесь показана искусственная гавань, защищенная двумя молами, сделанными из валунов и бревен, со стороны озера. Судя по этим изображениям, высота молов, отходивших от береговой линии, достигала около двух метров, а в северной части между ними имелся проход, связывавший акваторию гавани с озером. Местом швартовки судов был деревянный причал-мостки в центральной части гавани перед часовней, а также северный мол, отходивший от берега в западном направлении и защищавший гавань от северных ветров. По его поверхности были устроены деревянные мостки для прохода людей и транспортировки грузов, огражденные перилами со стороны воды. Мол, в форме полумесяца, закрывавший гавань с юга, представлял собой нагромождение валунов и бревен и выполнял, судя по всему, чисто защитные функции.

В процессе археологического обследования гавани был снят глазомерный план гавани, сделана фотографическая фиксация отдельных ее деталей, произведен осмотр подводной части молов с внешней стороны (рис. 5).

Южный мол, протяженностью около 90 м и шириной 5—15 м, представляет собой беспорядочное нагромождение гранитных валунов в форме полумесяца, возвышающихся над водой на 0,3—1,5 м. Местами под хаотичным нагромождением валунов прослежены забитые в грунт деревянные сваи. Подводные работы показали, что с внешней стороны этого мола на песчаном дне имеется развал валунов, уходящий на глубину до 5 м и представляющий собой его основание.

Северный мол, достигающий в длину около 80 м, имеет ширину 5—10 м, увеличивающуюся по мере удаления от берега. Под развалом валунов прослеживается система деревянных срубов — ряжей.

Рис. 5. Каменный мол гавани Коневского монастыря в настоящее время

Хорошо сохранившаяся срубная конструкция высотой в три бревна, толщина каждого из которых достигает 30—40 см, была прослежена под водой по внешней границе мола. С внешней стороны она закреплена забитыми в грунт сваями. Бревна ряжей, выступающие на поверхности из-под валунов, сохранились значительно хуже. Местами они были соединены между собой массивными коваными гвоздями длиной до 0,4 м. Между оконечностями южного и северного мола имеются два прохода шириной около 8 м каждый, связывающие гавань с озером. В середине между ними располагается островок размером примерно 7×7 м, представляющий собой ряжевую конструкцию, аналогичную вышеописанной.

Время появления первоначальной искусственной гавани на Коневце неизвестно, однако, учитывая, отсутствие на острове естественных укрытий для судов, можно предполагать, что появление ее относится к начальному этапу существования монастыря.

Изученная искусственная гавань представляет собой типичное для Ладоги сооружение. Опасность этого озера для судоходства и отсутствие природных мест для укрытия судов от штормов вынуждали обитателей этих мест строить искусственные укрытия. Ряжевые конструкции, появившиеся в глубокой древности и использовавшиеся

при строительстве плотин, причалов и мостов в северных русских городах, как нельзя лучше подходили для этого. Срубная конструкция, заполненная камнями, делалась обычно зимой на поверхности льда. Весной же, когда лед таял, она погружалась на дно и образовывала прочную строительную конструкцию, которая могла служить опорой для моста или защитой от водной стихии.

3. Валаамский монастырь. В 2000 г. Санкт-Петербургская археологическая экспедиция проводила раскопки на территории Валаамского архипелага. Главными результатами этих работ были открытие первоначального монастыря конца XIV—начала XV вв. на о. Святом, а также выявление пяти утраченных захоронений на братском кладбище монастыря⁴ (Сорокин, 2000).

Археологические исследования проводились и вокруг так называемого погребения шведского короля Магнуса. Легенда, повествующая о нем, связана с мореплаванием, поэтому мы остановимся на этом сюжете подробнее. До недавнего времени у юго-западного угла монастырских корпусов внешнего каре располагалась расколотая известняковая плита с надписью о захоронении здесь этого исторического деятеля. Сейчас осколки этой плиты хранятся в монастырском музее. На земной поверхности погребение обозначено кирпичной кладкой трапециевидной формы. Ее длина составляет 1,46 м, ширина 0,63—0,85 м. Вскрытие самого захоронения не планировалось, однако в ходе раскопок было изучено устройство погребального сооружения. Оно представляет собой склеп, опущенный на глубину около 1,0 м от дневной поверхности. В верхней части на глубину 0,25 м склеп сложен из трех рядов кирпича, причем верхний ряд выступает над земной поверхностью. Под ними прослежена грубая кладка из валунов, каменной плиты и кирпича на известковом растворе, а в основании находится еще один ряд кирпичной кладки, подстилаемый прослойкой строительного мусора. Судя по стратиграфическому размещению, составу и характеру кладки, склеп короля Магнуса может быть датирован не ранее XVIII в., вероятнее даже концом этого столетия.

Склеп перекрывал погребение, располагавшегося на 0,5 м глубже его основания. На отметке 1,85 м из-под его восточной стенки выступали кости голеней. При этом ориентировка склепа отличалась от ориентировки погребения примерно на 30 градусов. Несоответствие в размерах и расположении несомненно свидетельствует о том, что погребение и склеп были разновременные. Учитывая, что ориентировка склепа, существующих ныне и вновь выявленных четырех захоронений некрополя соответствует ориентировке корпуса внеш-

него каре монастыря, можно считать, что находящееся под склепом захоронение более древнее, чем время строительства каменного монастыря.

Обнаруженные в заполнении раскрытых погребений перемешанные человеческие кости свидетельствуют о долговременном существовании некрополя в этом месте. Это подтверждается и планом деревянного монастыря 1751 г., составленным Степаном Лехавым. Согласно совмещения этого плана с современными планами монастырское кладбище того времени размещалось в районе северо-западного угла внешнего каре монастыря и юго-восточной части территории, занимаемой некрополем в настоящее время ⁵ (Сорокин, 1997а: с. 186—195). Возможно, в этом же месте существовало и первоначальное монастырское кладбище XV—XVI вв. После строительства каменных сооружений внешнего каре (начато в 1807 г.) частично перекрытый ими некрополь был расширен в северном направлении.

«Рукописание короля Магнуша» *, содержащее информацию о захоронении этого короля на Руси, представляет собой публицистическое сочинение, созданное в Новгороде и вошедшее в новгородскую литературу, по мнению специалистов, в начале XV в. Оно было включено в древнейший список Софийской первой летописи, появление которого относится ко времени до 1481 года ⁶ (Воинские повести Древней Руси, 1985: с. 477). В нем сообщается, что во время плавания из Швеции в Мурманскую землю (Норвегию. — П. С.) корабли Магнуса потерпели крушение. Сам же он, уцепившись за доску, плавал три дня и три ночи. «Принес меня ветер к монастырю святого Спаса в Полную реку, и сняли меня с доски монахи, и внесли меня в монастырь, и постригли меня в иноки, и принял схиму: сохранял меня господь три дня и три ночи живым...» — говорится в рукописании. Основная мысль, вложенная в это произведение, — предостережение соотечественников короля Магнуса — шведов и норвежцев — о том, чтобы они никогда не воевали с Русью. Обращает на себя внимание тот факт, что в источнике не называется Валаам. Первое описание захоронения Магнуса содержится в описании академика Н. Озерецковского, составленном в 1785 году. Он писал: «Возле монастыря находится целая кленовая рощица, в которой показывают пустыnnики

* Шведский король Магнус Эрикссон (правил страной в 1319—1363 гг.) совершал поход на Северо-Западную Русь в 1348—1349 гг. и пытался насаждать здесь католическую веру. В 1363 г. в результате восстания он был изгнан из страны. В 1374 г. утонул в Норвегии, где и был похоронен.

могилу некоего шведского принца. Могила сия не имеет никакого надгробного камня и, следовательно, никакой надписи, а лежит на ней тонкая большая плита, которая по небрежению жителей раздавлена лошадьё. По сказкам монахов, погребенный там некогда принц занесен был на Валаам сильною бурей и, потеряв у сего острова свое судно, остался на нем до конца своей жизни...»⁷ (Озерецковский 1812: с. 90).

Позднее, в 1791 г., Игумен Иннокентий на запрос о имеющихся в монастыре древностях сообщал в синод: «Объявляем Вам, что погребен в 1374 году шведский король Магнуш, во святом крещении Григорий... А сделана на нем на кладбище сверх земли каменной маленкой терем, сверх лежит еще плита, и на плите надписи никакой нету». Далее следовала ссылка на то, что сведения об этом захоронении имеются в прилагаемом к рапорту списке документа «Рукописание Магнуша». Элиас Ленорт, посетивший место захоронения в 1828 г., упоминает на могиле деревянную плиту с надписью на церковнославянском языке, которая, по его мнению, была вряд ли старше 15—20 лет. Возможно, к сооружению этого памятника каким-то образом может быть причастен Иосиф Шаров, восстанавливавший монастырь в первой половине XVIII в. и ставший его первым настоятелем после восстановления⁷ (Спиридонов, Яровой, 1991: с. 93—97).

Остается загадкой, чье погребение находится под склепом короля Магнуса и кто занимался сооружением этого мемориального памятника в XVIII столетии.

4. Варшев камень. На восточном берегу Ладожского озера, в 1,5 км от деревни Пограничные Кондуши, находится интересный исторический объект — Варшев камень (рис. 6). Известно, что он являлся пограничным знаком между Россией и Швецией с 1617 по 1721 год, затем — между Олонецким и Сердобольским уездами до провозглашения независимости Финляндии и до 1940 года являлся пограничным между СССР и Финляндской Республикой. Камень представляет собой крупный гранитный блок, по размерам и форме значительно отличающийся от окружающих камней в этом районе. Это обстоятельство позволяет предположить, что он был специально привезен сюда откуда-то из другого места. Камень имеет пятиугольную форму. Его максимальная длина 5,9 м, ширина — 4,2 м, высота — 2,7 м. По всей видимости, он был специально обработан таким образом, чтобы три грани были точно ориентированы по сторонам света, а в западной, обращенной в сторону Ладоги, грани сходились в виде стрелы, указывая, вероятно, направление морской границы. Восточная,

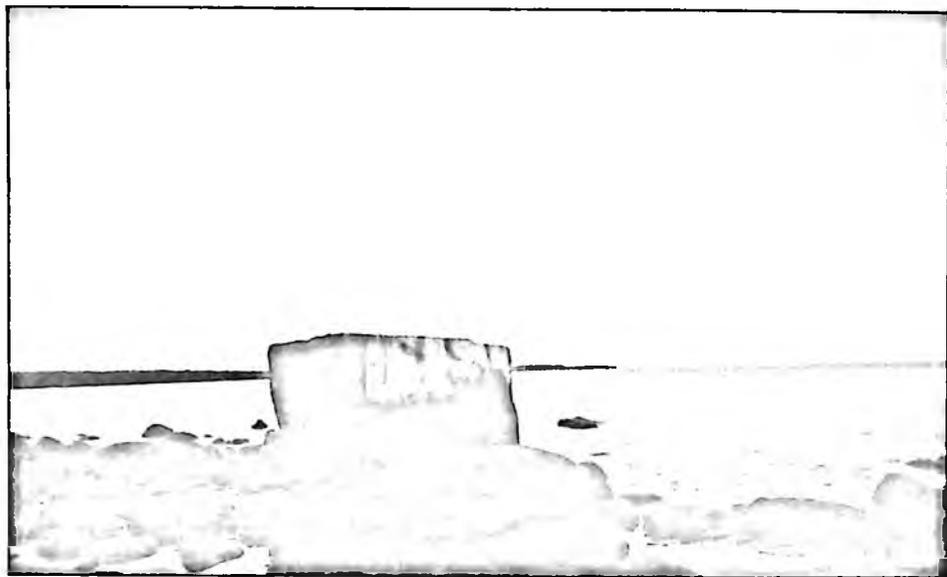

Рис. 6. Варшев камень

обращенная в сторону берега грань, длиной 2,8 м, была обработана с целью получения ровной вертикальной поверхности. На этой грани помимо многочисленных надписей позднего времени в верхней части сейчас различимы три латинские буквы: G. A. R., которые расшифровываются, вероятно, как Gustavus Adolfus Rex — «Густав Адольф Король». Похожая надпись была еще в XIX веке на камне в центре деревни Погранкондуши, возле бывшего почтового тракта. На верхней горизонтальной грани сейчас различимы буквы кириллицы, вероятно, обозначающие дату и круг диаметром 59 см, внутри которого крестовидный знак, который также мог указывать направление границы.

5. Устье реки Воронежки (рис. 7). Согласно летописным известиям, в мае 1162 г. шведский флот совершил нападение на Ладогу. После неудачного приступа ладожской крепости шведы ушли «на реку Воронаи». Князь Святослав с новгородцами, подошедший через 5 дней, 28 мая напал на них «...и победиша Божию помощью, овы иссекоша, а другие изымаша: и пришли бяху в 55 шнек, и изымаша 43 шнек, а мало их убежаша, и те язвени»⁸ (ПСРЛ, т. 3, 2000: с. 218). Это сообщение неоднократно воспроизводилось в исторической литературе, посвященной истории русского флота, где упоминалось как одно из

первых сражений, им выигранных. В действительности в источниках отсутствует точное указание на место этого боя, как и о том, были ли какие-то суда затоплены здесь.

Разведочные исследования включали осмотр акватории, примыкающей к устью реки Воронки, и опрос местных жителей и рыбаков о находках в этих водах. Следует отметить, что в связи со строительством Ладожских (Свирских) каналов географическая ситуация в этой местности значительно изменилась. Само устье реки, по свидетельству старожилов, сместилось на несколько сотен метров к востоку от первоначального. В настоящее время оно представляет собой протоку из Новосвирского канала, построенного в XIX в., в озеро. Канал отделен от озера высоким валом (около 5 м) из гранитных валунов, засыпанных землей.

Река Воронежка в нижнем течении достаточно широка (до 50 м) и глубоководна (2—3 м). Акватория озера, примыкающая к протоке и предполагаемому старому устью (в настоящее время оно никак не читается в рельефе местности), очень мелководна. Узкий фарватер, шириной не более 10 м, позволяет судам с осадкой до 1 м выходить в озеро. Песчаные мели и гряды камней, препятствующие свободному проходу судов, продолжают на удалении до 1 км от берега. При этом в последние десятилетия прослеживается зарастание

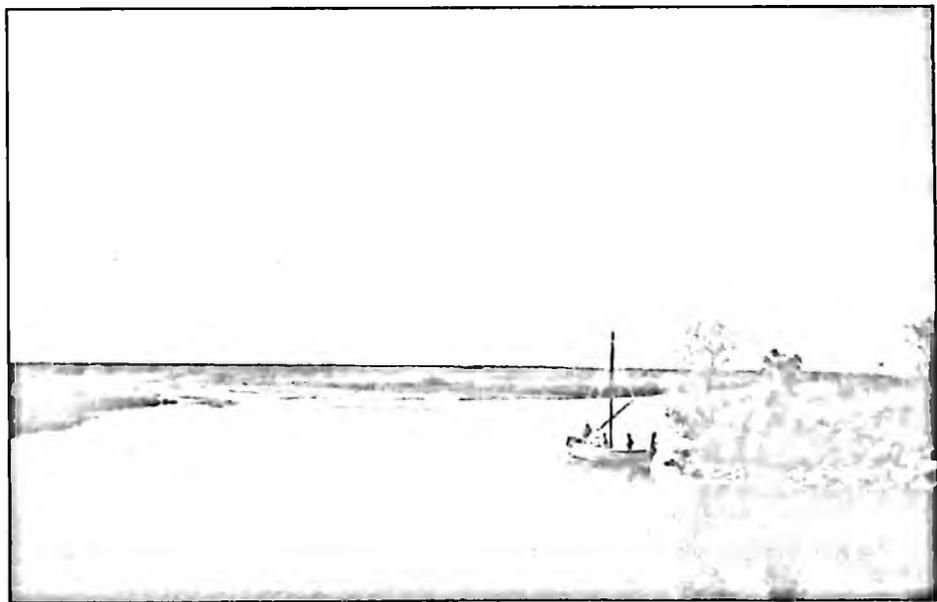

Рис. 7. Современный вид на Ладогу у устья реки Воронежки

прибрежных отмелей сплошными зарослями тростника. Дно в основном песчаное, у берега заиленное. Глубины колеблются в пределах 0,5—1,5 м, при этом видимость в воде ограничена и составляет около 0,5 м.

Проведение подводных археологических исследований в этих условиях представляется здесь малоперспективным. Вопрос об изменении уровня Ладожского озера с XII в. до наших дней остается пока открытым. Опросы местных жителей не дали какой-либо реальной информации о находках предметов вооружения или обломков судов в озере. В то же время нам был продемонстрирован наконечник копья, найденный местным жителем в реке Воронке, примерно в 1 км от ее устья, недалеко от южной окраины села. Он был найден во время купания на глубине около 2 м.

Наконечник имеет следующие размеры: сохранившаяся длина — 25,5 см, реконструируемая — около 26 см. Длина лезвия составляет 13,5 см (кончик остря обломан), максимальная ширина лезвия — 4,2 см, толщина — 0,8 см. Лезвие в сечении имеет ромбическую форму. Втулка расширяется по мере удаления от лезвия и имеет ширину в основании около 5 см. У лезвия она имеет овальную в сечении форму, у наконечника — округлую. Подобные типы наконечников копий существовали в позднесредневековое время. Однако, по мнению А. Н. Кирпичникова, грубость форм этого наконечника может свидетельствовать о его местном изготовлении и в более раннее время.

Сам факт захвата основных сил шведского флота русским может свидетельствовать о сложной ситуации, в которой оказались шведы. Навряд ли такое могло бы произойти в открытом озере или на рейде у устья реки Воронежки, так как известно, что шведские суда, лучше приспособленные для морского плавания, имели бы преимущество в скорости перед русскими ладьями. Вероятно, они оказались захваченными врасплох, когда стояли в самой реке и русские ладьи перекрыли им выход в озеро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сорокин, 1997. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.

² Якимович, 2002. *Якимович К.* Тайпале. СПб. 2002.

³ Озерецковский, 1812. *Озерецковский Н.* Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя.

⁴ Сорокин, 2000. *Сорокин П. Е.* Отчет об археологических исследованиях Валаамского отряда в 2000 г. / Архив Института археологии РАН.

⁵ Сорокин, 1997а. Возникновение Валаамского монастыря и формирование его топографии. Славяне и финно-угры. СПб. С. 186—195.

⁶ Воинские повести Древней Руси, 1985. Воинские повести Древней Руси. М.

⁷ Спиридонов, Яровой, 1991. *Спиридонов А. М., Яровой О. А.* Валаам: От апостола Андрея до игумена Иннокентия. М., 1991.

⁸ ПСРЛ, т. 3, 2000. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись. М.

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УЧЕНАЯ ФИКЦИЯ?

Проблема этнического развития Киевской Руси как один из важнейших аспектов ее истории постоянно привлекала внимание исследователей. Находясь на стыке ряда дисциплин, она исследовалась в трудах историков и археологов, этнологов и лингвистов, антропологов. К сожалению, интерес к этническим процессам на Руси не всегда обуславливался задачей поиска научной истины. Свое деформирующее влияние на их решение оказывала политическая конъюнктура. В диалектическом единстве переплелись тут официальная великодержавная доктрина «старшего брата» и национальный комплекс «младшего». Со времен М. П. Погодина и М. А. Максимовича историки ведут дискуссии о преимущественном праве на киево-русское наследие. Принадлежит оно русским или украинцам? При этом в полемическом задоре нередко забывают, что есть еще и белорусы, которые тоже имеют непосредственное к нему отношение.

Историография этого вопроса велика. Ее рассмотрение может быть темой отдельного исследования. Здесь хотелось лишь отметить, что практически все традиции исторической мысли дооктябрьского периода так или иначе унаследованы исследователями последующего времени. Речь идет не только об альтернативности выводов ученых по проблеме этнического развития Киевской Руси, но и о системе аргументации. Во многих случаях она базируется не на твердых документальных фактах, а на эмоциональном восприятии явлений истории, априорном убеждении в том, что нынешняя этническая ситуация в среде восточного славянства имела место уже в киево-русские времена. Такая точка зрения особенно популярна в новейшей украинской историографии, но встречается также в белорусской и российской.

Характерным примером этого может быть отношение к междукняжеской борьбе на Руси. Некоторые историки рассматривают эти феодальные усобицы исключительно через этническую призму.

«Украинские» Киев и Южная Русь противопоставляются «русским» Владимиру-на-Клязьме и Северо-Восточной Руси или «белорусскому» Полоцку. Следовательно, проблема остаётся и требует дальнейшего, непредубежденного ее исследования.

Многое в этнической истории восточных славян определилось еще на стадии их предгосударственного развития. Племена «Повести временных лет» — это не небольшие славянские коллективы, а крупные объединения, союзы племен, занимавшие значительные территории и имевшие относительно высокий уровень этнической общности.

В последнее время при характеристике летописных «племен» исследователи все более учитывают фактор их политического развития. В. Т. Пашуто видел в «полянах», «древлянах», «вятичах» и др. своеобразные конфедерации княжений, в которых уже заметны институты политической власти. Рассказывая о полянах, летописец отметил, что во главе их стоял князь Кий, который «княжаше в роде своем». Другие летописные «племена» имели аналогичную общественно-политическую организацию, в каждом из них правили свои князья. «И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое...»¹

При определении характера этнического развития восточных славян предгосударственного периода следует иметь ввиду такие летописные замечания.

Первое: Отдельные восточнославянские группы получили свои названия от мест расселения. «Празвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»².

Второе: Каждая группа восточных славян в процессе сосуществования приобрела локальные этнографические особенности: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, каждо свой нравъ»³.

Третье: Все они имели единый язык, который отличал их от окружающих народов. Перехода к их перечислению, летописец замечает: «А се суть иныи языци»⁴.

Справедливость летописных сведений находит подтверждение в археологических исследованиях славянских памятников VI—VIII ст. При общей схожести материальной культуры на всей территории расселения восточных славян заметны и региональные ее отличия. Четче этнографические особенности выступают в рамках больших регионов, которые охватывают территорию расселения нескольких летописных «племен». Они обусловлены прежде всего разными географическими условиями, а также соседством иноэтнического населения. На юге и юго-западе группы близких племен составляли поляне, северяне (черниговские), древляне, дреговичи (частично), воляныне, дулебы, тиверцы и белые хорваты; на северо-востоке — северяне

(восточные), вятичи и радимичи *; на северо-западе — дреговичи (северные), кривичи и словены.

Будет справедливо констатировать, что при всех региональных особенностях общая тенденция этнокультурного развития восточных славян предгосударственного периода определялась интеграционными процессами. Они представляли собой единый этнокультурный массив, осознававший свое отличие от других народов.

Следующий этап этнической и политической консолидации восточных славян представлен раннегосударственным образованием «Русская земля», которое сложилось в среднем Поднепровье в конце VIII—начале IX века, с центром в Киеве. Его территориальной и этнической основой были земли полян, древлян, северян, южные районы расселения дреговичей.

Тесно связанным с проблемой становления древнерусской государственности и народности есть вопрос происхождения этнонима «Русь». Спор историков о том, кто такие русы и где их следует локализовать, обусловлен характером источников. В своем большинстве они содержат сведения недостаточно конкретные, а часто и противоречивые. Избирательное их использование послужило основанием к появлению нескольких теорий: южного или северного происхождения слова «Русь», компромиссную (южного и северного одновременно), социального содержания термина «Русь», который вначале относился якобы только к знати, а не ко всем людям.

Поскольку этот вопрос имеет непосредственное отношение к нашей теме, следует остановиться на нем специально. Впервые этноним «Рос» или «Рус» встречается в сочинении сирийца Захария Ритора, который жил в VI в. В географическом очерке земель и народов, обитавших к северу от Кавказа, созданном продолжателем Захария Ритора, дается конкретное местопроживание «Росов». Оно находилось где-то поблизости от амазонок⁵. Анализ сведений Псевдо-Захарии в сопоставлении с археологическими материалами, выполненный Б. А. Рыбаковым, показывает, что географически область народа «Рос» должна была соответствовать юго-восточной окраине антских племен, где древние славяне уже в первые века н. э. смешивались с сарматами (росоманы, роксоланы). Более всего соответствует географическому приурочению народа «Рос» или «Рус», как полагал Б. А. Рыбаков, ареал культуры пальчатых фибул⁶.

В IX в. Русь как страна и народ неоднократно упоминается арабскими писателями, которые были лучшими знатоками исторической

* Этнографическая близость северян, вятичей и радимичей засвидетельствована в летописи: «И радимичи, и вятичи, и сѣверь единѣ обычаи имяху».

географии средневековья. Хронологически наиболее раннее упоминание названия «Рус» в арабской литературе принадлежит среднеазиатскому ученому IX ст. ал-Хорезми. В своем географическом сочинении «Книга картины земли», написанном между 838—848 гг., он упоминает реку Друс (Данапрос — Днепр), которая берет начало с Руской горы (Джабал — Рус) ⁷. Русов упоминает также Ибн-Хордадбех, а в сочинении «Худуд-ал-Алам» неизвестного автора IX ст. говорится, что страна русов находится между горой печенегов на востоке, рекой Рутой на юге и славянами на западе. Царя их называют «хакан русов».

Как видим, в соответствии с сирийскими и позднее арабскими источниками народ «Рос» и его страна находились не в далекой Скандинавии, не в Прибалтийско-Финском регионе или Волго-Окском междуречье, а в Среднем Поднепровье и восточнее его.

Историки, которые в решении проблемы происхождения этнонима «Русь» апеллируют к авторитету «Повести временных лет», для доказательства тезиса северного происхождения названия постоянно цитирует одно и то же место: «И быша у него (Олега. — П. Т.) варязи и словѣни и прочие прозавашася Русью» ⁸. Однако при этом почему-то всегда забывают отметить, что странное превращение северных пришельцев в русов происходит только после того, как они оказываются в Киеве. До этого летопись называет их варягами, чуждью, словенами и др.

Попутно возникает еще один вопрос. Если название «Русь» уже в IX в. путем тесных «славяно-финно-скандинавских контактов могло появиться только в среде этого смешанного населения», то почему Олег провозгласил «матерью городам русским» не Ладогу или Новгород, которые находились в центре предполагаемой конгломеративной Руси на севере, а Киев, расположенный от нее за тысячу километров? И как могло случиться, что летописцы нигде не отразили название «Русь» по отношению к северному населению? Они и позднее будут хорошо отличать Русь от варягов и даже словен.

В 1015 г. Ярослав выступил из Новгорода на Киев с одной тысячей варягов и другими воинами. Святополк вышел ему навстречу «пристрои бецисла вои, Руси и печенѣгъ» ⁹. После утверждения на киевском столе уже Ярослав становится хозяином русской (киевской) дружины. Для похода против Святополка «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ» ¹⁰.

В пользу южного происхождения этнонима «Русь», который вскоре распространился на всех восточных славян и их государство, свидетельствуют и летописные материалы XII—XIII ст. Исследователи уже давно отметили, что понятие «Русь», или «Русская земля», этого времени выступает в летописях в двух значениях — широком, которое

относилось ко всем восточнославянским землям, и узком, которое употреблялось только по отношению к определенной их части: Киевщине, Черниговщине и Переяславщине. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести еще несколько примеров.

Юрий Долгорукий, стремясь овладеть киевским столом, выступил из Ростово-Суздальской земли «в Русь». Его постоянный противник Изяслав Мстиславич, который вынужден был оставить Киев, пошел с «Руской земли» на Волынь, а затем вновь возвратился в «Рускую землю». В 1143 году Изяслав Мстиславич, передавая город Божск сыну Юрия Долгорукого Ростиславичу, наставлял его: «...а ты потеязи землѣ Руской оттолѣ»¹¹. Выгнанный за несоблюдение этого условия, Ростислав идет в Суздаль и говорит отцу: «...слышалъ есмь оже хочеть тебя вся Руская земля»¹². Юрий Долгорукий, обиженный за сына, воскликнул: «Тако ли мне части нѣту в Руськой земли, и мимъ детемъ»¹³. После убийства Андрея Боголюбского владимирские бояре говорили: «Князь наш убьен, а детей у него нет, сынок его в Новгороде, а братья его в Руси»¹⁴. Новгородцы также понимали под Русью Киевскую землю. В летописной статье 1135 г. говорится: «...иде в Русь архиепископ Нифонт». Когда на Руси появилось несколько городов с названием Переяславль, первый и древнейший из них стал называться Переяславлем Руским.

Подобных примеров в летописях множество, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что все они показывают Русь в ее узком значении в районе Среднего Поднепровья: между Десной на севере, Росью и Тясмином на юге, Сеймом и Сулой на востоке, Горыню на западе, т. е. там, где сидели когда-то поляне, северяне и древляне. Именно на базе этих племенных объединений и сложилась ранняя Русь. Ведущая роль здесь принадлежала полянам, летописец считал необходимым подчеркнуть это особо: «Поляне, яко же ныне зовома Русь».

Летописные сведения о восточнославянских племенах IX—X ст. указывают на важные этнические изменения, которые происходили в их среде одновременно с процессами политической консолидации. «Племена» в условиях формирования новой политической общности не могли сохранить свою этнографическую чистоту. Археологические и письменные данные свидетельствуют о взаимном проникновении полян на левый берег Днепра и северян — на правый. Видимо, именно в это время одна из небольших речек южнее Киева получила название Северки. В бассейне Припяти аналогичная картина наблюдается между древлянами и дреговичами, в Западном Побужье — между дреговичами и волынянами; славянская Новгородщина подпитывалась выходцами из южных земель восточных славян.

В конце X—начале XI вв. наблюдается мощный поток переселенцев в Южную Русь. Он охватил не только славян, но и скандинавов, чудь, представителей других северных народов. В годы княжения Владимира Святославича широкая государственная программа строительства крепостей на берегах Десны, Остра, Трубежа, Сулы и Стугны была реализована благодаря привлечению для этого людского резерва северных и северо-восточных земель: «И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады»¹⁵. В 991 году Владимир основал недалеко от Киева город Белгород, который населил выходцами из разных земель. «Наруби въ нь от инѣхъ городовъ, и много людей сведе в онь»¹⁶. Подобные государственные акции имели место при Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. В 1031 г., после похода Ярослава и Мстислава в Польшу, на Русь было выведено большое число пленных. «Многы ляхы приведоста, и раздѣливша я. Ярославъ посади своя по Роси»¹⁷. Мстислав, надо думать, расселил своих на Черниговщине. Летопись называет пленных «ляхами», но не исключено, что среди них были и червонорусы (галичане), городами которых овладели князья. В 1116 г. Ярополк Владимирович взял полоцкий город Друцьк, захватил много пленных и поселил их на Суле. «Ярополкъ же сруби городъ Жельди дрючанамъ, ихъ же бѣ полонить»¹⁸.

Определенное участие в сложении русской этнической общности приняли и неславянские народы, которые были интегрированы в государственную структуру Руси. На юге это тюркоязычные торки, печенеги, черные клобуки, на севере и северо-востоке — угро-финские племена — чудь, меря, весь, на северо-западе — представители балтских племен.

В непосредственной связи с интеграционными этническими и политическими процессами находилась эволюция употребления в письменных источниках этнических названий. Приблизительно до 60-х годов IX в. широко распространенными были: общее название «славяне» и региональные — «поляне», «северяне», «древляне», «словены» и т. п. Первое не заменяло других, а лишь определяло их родовую общность. С начала X в. утверждается новый этноним для всех восточных славян — «Русь». Он равнозначно относился и к стране, и к ее народу. Летописные выражения «Русь», «Руская земля», «Руские грады», «мы от рода Руского», «Руские послы», «Руские люди», «Русин», которые содержатся в текстах договоров Руси с Византией, неопровержимо указывают на активный процесс формирования единого этнического названия всех восточных славян. На протяжении X в. употреблялись и племенные названия, но их удельный вес в сравнении с общим «Русь» был незначительным. В XI—первых десяти-

летиях XII ст. этнографические названия практически исчезают и заменяются территориальными, производными от названий городов: «кияне», «новгородцы», «полочане», «ростовцы», «смоляне» и т. п. Название «Русь» распространяется на всю территорию восточнославянского мира и становится единым этнополитическим понятием.

Вместе с процессами этнической консолидации восточных славян происходила стабилизация государственных рубежей Руси. На севере, западе и северо-западе они уже в X в. совпадали с их этническими рубежами. Менее стабильными были северные и северо-восточные границы Руси, куда направлялся основной колонизационный поток, но и тут они определялись в целом пределами славянского расселения. Практическое совпадение государственных рубежей Киевской Руси с границами расселения восточных славян стало одним из тех феноменов, которые обеспечили условия для этнической консолидации.

Важная роль в ускорении процесса сложения единой этнополитической общности принадлежала Русской православной церкви. Централизация церковного управления, единство обряда, церковнославянский язык богослужения, общие для всей Руси духовные святыни, первые русские святые — все это способствовало росту этнического самосознания русских людей. Недаром уже в конце X—начале XI вв. понятия «русский» и «православный» для летописцев стали фактически тождественными.

Осознание этнического единства Руси нашло свое отражение в таких памятниках исторической письменности и литературы, как «Слово о законе и благодати», «Повести временных лет», «Поучение Мономаха», в летописях XII—начала XIII вв. и др. Митрополит Иларион, обращаясь к памяти «старых» русских князей, с гордостью замечал, что они «не в худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нъ въ Руськѣ, яже ведома и слышима всеѣми четверьми концами земли». Летописцы воспринимали Киевскую Русь как единое территориальное и этническое целое.

В советской историографии получил широкое распространение термин «древнерусская народность». В наше время он подвергается критическому пересмотру, поскольку, как кажется новым исследователям, был порождением не столько объективной реальности прошлого, сколько политической конъюнктурой советского времени. Возможно, какая-то доля правды в этом утверждении и есть. Абсолютизировать этническую монолитность русского народа IX—поч. XIII вв. действительно не следует. Но не следует впадать и в другую крайность: вообще отрицать его этническое единство. На это нас совершенно не уполномочивают исторические источники.

Некоторые историки, пытаясь найти что-то среднее между научной концепцией единой древнерусской народности и современным ее неприятием, предлагают такой палеатив. Этническая общность-таки была, но, во-первых, не абсолютно монолитная, а с этнографическими и диалектными различиями, а, во-вторых, осознавала это единство лишь элита древнерусского общества.

Что касается первого тезиса, то он не новый. Это одно из фундаментальных достижений советской исторической (и филологической) науки. Согласно ведущим филологам (Р. Аванесов, Ф. Филин, Л. Булаховский и др.), на Руси в XII—XIII вв. было около десятка диалектных зон.

Второй тезис более свеж, однако никакого отношения к существованию единой этнической общности он не имеет. Общность людей существует независимо от осознания (или неосознания) принадлежности к ней каждого индивидуума. На Украине еще в XIX в. на вопрос к жителям разных регионов: «Кто же они?» этнографы получали ответы: «Гутешні», «Поліщуки», «Запорожці», «Русини» и т. д. Тем временем все они говорили на украинском языке (хотя и на различных диалектах) и, безусловно, принадлежали к единому украинскому этносу. Могли ли знать эти люди (часто неграмотные), что со времен Т. Шевченко и М. Драгоманова общность, к которой они принадлежали, стала именоваться «украинской».

Аналогичной была ситуация и во времена Киевской Руси. Это летописец Нестор и образованные его коллеги осознавали, что они «русичи» и «от рода русского». Новгородские или волынские жители, особенно из какого-нибудь глухого полесского погоста, таких мудраций не знали. Но разве от этого они переставали принадлежать к единой восточнославянской языковой и этнической общности?

Стоит ли специально доказывать, что в условиях почти четырехсотлетнего совместного проживания в составе единого государства восточнославянская общность стала более монолитной. Этому содействовали единство правящего княжеского рода, чрезвычайно разветвленного и мобильного в государственных пределах Руси, общая православная вера с централизованной структурой церковного управления, которое осуществлялось из Киева, единый литературный язык, единый стиль культуры, экономическое взаимодействие русских земель и их столиц.

Достаточно ли перечисленных интеграционных факторов для образования древнерусской народности? Трудно сказать, тем более, что мы до сих пор не знаем, каким критериям должна отвечать эта этническая категория. В последних своих работах я употребляю термин «древнерусская этнокультурная общность», что, возможно, точнее

определяет сущность явления, хотя содержательно не очень отличается от понятия «древнерусская народность».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ, 1939. № 1. С. 114—115; *Дьяконов А. П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ, 1939. № 4. С. 84—87.

⁶ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 74—75.

⁷ *Новосельцев А. П.* Восточные и западные источники о древнерусском государстве // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 373.

⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 20.

⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 96.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Летопись по Ипатьевскому списку.* СПб., 1871. С. 258.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1962. С. 371.

¹⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 83.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 201.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРОНВЕРКА

С 1998 года при поддержке руководства Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Северо-Западной археологическая экспедиция развернула археологические работы в северо-восточном секторе Кронверка. Их целью было выявление первоначальных укреплений начала XVIII века и определение специфики культурных напластований в этой части города, осуществлявшееся в рамках программы «Археология Петербурга». Однако уже в первый год раскопок в двух разведочных траншеях неожиданно открылись объекты, залегавшие ниже ранних укреплений и связанные с ними подсыпкой. Предварительно они были интерпретированы как остатки военно-строительного лагеря армии Петра I, относящиеся к 1703—1704 гг. В ходе исследований 2000—2002 гг. эти наблюдения подтвердились.

К настоящему моменту общая площадь сплошных раскопов, прилегающих вплотную к северо-восточной оконечности современных валов Кронверка, составляет 108 кв. м. Кроме этого, к юго-западу от них, в единой сетке координат с ними, заложено 2 шурфа (по 2 × 2 м), которые со временем планируется развернуть в раскоп, чтобы получить более широкую картину жизни на данном участке в допетровское время и первые годы существования Санкт-Петербурга. По полученным материалам представляется, что она выглядит следующим образом.

На значительной площади раскопов и в северном шурфе на материке отмечены следы древней распашки и, возможно, огородных работ, что свидетельствует об освоении этой территории до 1703 года. Вероятно, именно с пахотой связаны находки позднесредневековой (в частности, белостенной) керамики. Фрагменты поливной посуды отсутствуют. Весьма любопытна находка серебряной монеты начала XVII века. В южном шурфе открыты две ямы, прорезающие материк и на верхнем уровне смыкающиеся друг с другом. В менее глубокой обнаружен развал горшка, датируемого в широких пределах: XVI—начала XVIII вв., но более вероятная дата — XVI столетие. Не исклю-

чено, что перед нами подполье жилища, но точно это установить до дальнейших исследований не представляется возможным. На отдельных участках слой погребенной почвы перекрыт тонкими прослойками белого песка (не более 1—2 см), а в самих отмеченных выше ямах прослеживается мощный замыв такого же песка. Выскажем осторожное предположение, что это следы одного из наводнений допетровского времени.

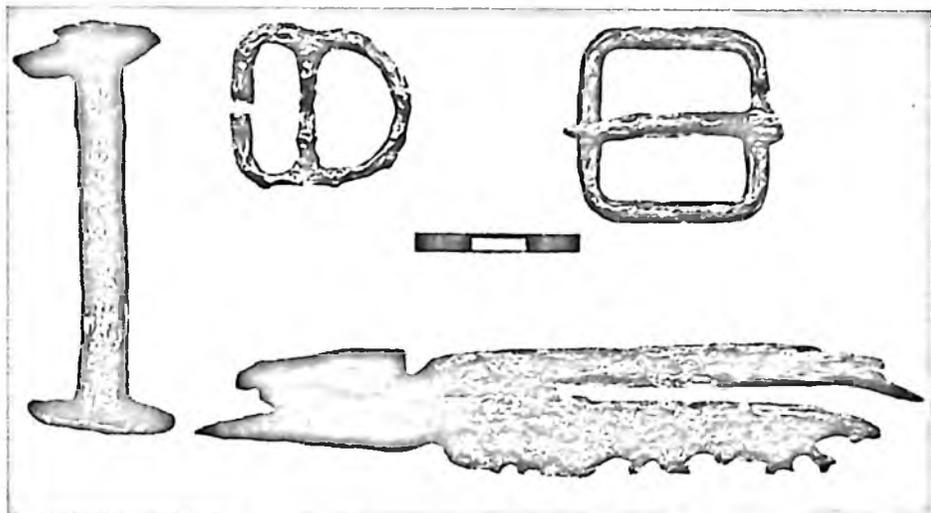
Следующий этап жизни на этом месте связан с эпохой Северной войны. Следы костров на погребенной почве, возможно, говорят, что постоянные жилые сооружения русского лагеря появились не сразу, а только с наступлением осенних дождей и холодов. Пока открыто почти целиком только два жилища. Их расположение, несомненно, согласовано, едины принципы строительства. Ниже приводится их краткая характеристика.

Основную их часть составляли неглубокие котлованы (дно от уровня поверхности материка 0,2—0,3 м, от древней дневной поверхности — погребенной почвы — до 0,4 м) с отвесными стенками. Оба котлована имели подпрямоугольную форму. Северный котлован был меньших размеров 1,5 × 3 (?) м, южный — 2 × 4 м. Особый интерес представляют отопительные устройства в виде небольших ям, примыкавших к одному из южных углов котлованов, но так, что оставалась небольшая земляная перемычка.

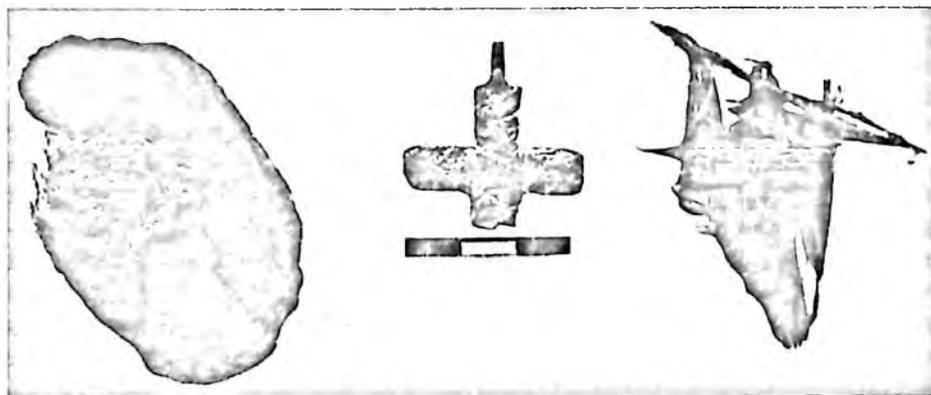
В меньшем по размеру сооружении очаг был обложен обломками грубо сформованного кирпича, имеющего аналоги со шведским кирпичом из города Ниен, среди которого находились прослойки золы и прокаленного песка, а также мелкие пережеженные кости птиц, рыб, обломок голландской трубки, кусок свинца. Чашка трубки и еще фрагмент мундштука найдены поблизости, но за пределами очага и котлована. Следует отметить, что, в отличие от большего по размеру сооружения, как края котлована и дно, так и его общая форма были выполнены с большой аккуратностью. По дну-полу можно даже проследить наличие утоптанности в одной его продольной половине и отсутствие — в другой. Вполне допустимо это связано с наличием оборудованного спального места, рассчитанного на одного человека. Учитывая вышесказанное, осмелимся предположить принадлежность данного жилища офицеру.

В отличие от описанного сооружения, постройка больших размеров имела более неровное дно, скошенные очертания котлована, а ее очаг представлял собой корытообразную яму, заполненную углем и прослойками прокаленного песка.

Грунт, вынутый из котлованов обоих сооружений, складывался поблизости, вероятно в качестве своеобразных бортиков, и был сбро-

Предметы из слоя военного лагеря и погребений:
корабельная заклепка, подпружная и уздечная пряжки, нож с деревянной ручкой

Бронзовые нательные кресты из погребений

шен обратно после прекращения функционирования построек. Кровля, несомненно, имела легкую конструкцию, поскольку ее несущие опоры не оставили никаких следов. Таким образом, оба сооружения могут быть реконструированы как шалаши или палатки с углубленной центральной частью и достаточно примитивными отопительными устройствами. Это, несомненно, говорит об их недолговременном характере. Рискнем высказать гипотезу о действии лагеря (по крайней мере, на этом участке) в непродолжительное время осени 1703 — весны 1704 годов. После чего его организованно покинули. При этом была произведена засыпка котлованов.

Особое значение, как в общей интерпретации раскрытых объектов, так и в оценке их хронологии играет открытие захоронений в котловане сооружения больших размеров. Четыре умерших человека были положены на дно старой землянки, использованной в качестве могильной ямы. Ориентировка погребенных — головой на северо-запад, руки сложены на груди, что соответствует общим нормам христианского обряда. На груди трех из них находились бронзовые кресты. Возможно, что кресты были у всех погребенных, но в одном случае удалось проследить только окислы бронзы. Вообще стоит отметить крайне плохую сохранность предметов из металла и костных останков по всей площади раскопа. Из других предметов, обнаруженных в засыпке ямы, необходимо упомянуть массивный нож с деревянной ручкой, куски кожи (в том числе, возможно, фрагмент поясного ремня), фрагменты телячьей шкуры и рожи, грубого сукна от обмундирования.

Антропологическое определение погребенных показало, что все костяки мужские. Это достаточно молодые люди (18—20 лет). Все они были небольшого роста, а грацильность костей свидетельствует о некачественном питании в течение жизни. Кроме того, погребенный № 4 болел венерическими заболеваниями. Характерная черта черепов — у всех на нижней и верхней челюстях заметна сточенность четырех крайних правых моляров. Возможное объяснение этого факта заключается в системе заряжания стрелкового оружия начала XVIII века, когда солдаты должны были отрывать зубами — «скусывать» — заднюю часть бумажного патрона перед насыпкой пороха в ствол. Это действие производилось правой рукой и, соответственно, правой половиной челюстей человека. В таком случае мы имеем дело с солдатами — русскими или, что менее вероятно, пленными шведами. Удалось зафиксировать невысокий могильный холмик, который, однако, был явно замечен на момент начала строительства укреплений.

Среди других находок, связанных со временем действия лагеря, можно отметить и некоторые предметы военного обихода, обнару-

Погребения в процессе расчистки

женные на пространстве между землянками, — ружейный кремь, бронзовый гвоздик (амуниционный или, возможно, знаменный), корабельные заклепки, подпружные пружки. Корабельные заклепки обычно связываются со скандинавской традицией судостроения — возможно, что на этом месте производилась разборка трофейных судов на дрова и стройматериалы.

Строительству укреплений предшествовала подсыпка (до 0,4 м), повышавшая уровень тогдашней дневной поверхности, надо думать, с целью предотвращения последствий наводнений. В пределы раскопа попала только незначительная часть вала начала XVIII века (окончание строительства 1708 г.), но можно уверенно сказать, что его конфигурация существенно отличается от современной, особенно на Западе.

Выше сформировались слои дерна, содержащие немногочисленные находки XVIII—начала XX веков, — те же корабельные заклепки (на территории Кронверка находилась верфь), детали артиллерийских станков, фрагмент граненого клинка, детали стрелкового оружия. Все эти предметы характеризуют культурный слой Кронверка как земляной крепости XVIII—XIX вв. Фрагменты кирпича, встречающиеся в этом слое, могут быть связаны с постройкой здания Арсе-

нала в 1850—1860 гг. Интересной находкой является французская медаль за оборону Порт-Артура русскими в войну с Японией 1904—1905 гг. Эти слои перекрыты мощным слоем битого кирпича и щебня, насыщенного металлическими обломками, фрагментами бронеплит и частями станков. Данный горизонт залегает непосредственно под современным слоем дерна и, видимо, может быть связан с деятельностью танкоремонтных мастерских, находившихся в Кронверке в годы Второй мировой войны и впоследствии разровненных при благоустройстве территории музея.

Исследования 1998 и 2000—2002 гг. показали большой потенциал Кронверка для изучения обстоятельств начала строительства Петербурга и ситуации предшествующей эпохи. В настоящий момент исследования при поддержке КГИОП продолжаются, предполагается музеефикация объектов Кронверка, что особенно актуально в юбилейный для Северной столицы год. Единственное опасение вызывает судьба останков первых строителей города — многочисленные обращения в городские инстанции не вызвали интереса к ним и потому вопрос о перезахоронении и установке памятного знака продолжает оставаться открытым.

ДРЕВНЕЙШАЯ КНИГА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Убеждение в том, что раньше середины XI века никакой письменности в Древней Руси быть не может, прочно засело в головах специалистов *. В 1928 году вышла в свет классическая работа академика Е. Ф. Карского о славянской палеографии, которая до сих пор остается настольной книгой историков. Там черным по белому написано, что на Руси писали на пергаменте, бересте, потом на бумаге, но не на воощенных дощечках (церах). Последний вид письменности был распространен в Западной Европе как естественное продолжение традиций Древнего Рима. Первые сомнения в истинности мнения Карского закрались в то время, когда в Новгороде параллельно с находками берестяных грамот обнаружили орудия письма. Все они (а их найдено уже свыше двухсот) имели непонятное, на первый взгляд, устройство. «Рабочий» конец, которым нужно было царапать бересту, никаких вопросов не вызывал, но противоположный конец имел форму лопаточки. Зачем она нужна, выяснилось позже, когда в Новгороде в слоях XI—XIV веков стали находить вышеупомянутые церы. На двух из них была вырезана азбука — эта дощечка служила наглядным пособием для обучения письму. Стало понятно, почему даже детские послания на бересте были написаны довольно уверенным почерком — юные новгородцы постигали азы грамоты на этих самых навоощенных дощечках. Они были сродни современной школьной доске — надписи можно было стереть, потом делать новые записи и т. д.

Но того, что произошло 13 июля 2000 года, не ожидал никто. В Новгороде во время раскопок в слоях конца X—первой четверти XI века мы вообще не рассчитывали найти какие-либо тексты. Дело в том, что самая древняя новгородская берестяная грамота датируется 1030—1040-ми годами. За весь XI век, «первое столетие грамотности

* Первая публикация: «Родина», январь—февраль 2001 г.

российской», было известно 20 достоверно датированных письменных документов, в основном фрагменты. А сезон-99 принес нам еще 10 грамот этого времени.

Правда, на Неревском раскопе мы в свое время находили орудия письма на бересте в слоях второй половины X столетия, то есть того времени, когда христианство еще не было принято. Но объяснить этот факт тогда было сложно. И вот найден уникальный триптих — три связанные между собой деревянные навощенные дощечки. Первая и третья являются своего рода обложками, и надписи на них нанесены только с одной стороны, а вторая тоньше остальных, двусторонняя (к сожалению, надписи на ней частично осыпались еще в древности, а в момент находки пострадали от удара лопатой). Итого четыре страницы текста.

Нас ошеломил уже первый взгляд на эту находку. На первой деревянной странице, которая сохранилась лучше остальных, были обнаружены 23 строки, исписанные мелким почерком. Текст оказался вполне читаемым и знакомым — фрагмент из Священного Писания, начало 75-го псалма. Мы, честно говоря, обрадовались библейским строкам, ибо, если бы надпись носила светский характер, было бы практически невозможно восстановить обстоятельства, о которых там шла речь. Осыпавшиеся фрагменты надписей на воске со второй и с третьей страниц мы аккуратно извлекли из земли. Они производят впечатление типографской наборной кассы, и казалось, что воссоздать первоначальный вид надписей будет очень сложно. Но сохранившиеся фрагменты позволили нам «зацепиться» за текст и установить, что на этих дощечках содержится окончание 75-го и 76-й псалмы. На последней, четвертой, странице текст сохранился лучше — вначале следует окончание 76-го псалма, затем надпись, по каким-то причинам затертая еще в древности, и, наконец, продолжение знаменитого 67-го псалма Давида: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его».

Академик А. А. Зализняк расшифровал с трудом различимые надписи на бортиках церы, в которых говорилось о том, что эта книга-псалтырь предназначена не для церковной службы и не для отпевания усопших, а для привлечения алчущих знания. Таким образом, перед нами первый учебник, по которому недавно крещенные новгородцы учились грамоте.

Реставрировать дощечки очень трудно — они насквозь сырые и при высыхании коробятся, искривляются и трескаются. Восковой слой придется перенести на промежуточную деревянную основу, а затем перенести на прежнее место.

Найденные в Великом Новгороде церы имеют этапное значение. Древнейшие на сегодняшний день славянские рукописи относятся

к концу X—началу XI столетия: это глаголические листки, кириллическая Саввина книга с Балкан, Остромирово евангелие, Изборник 1073 и 1076 годов и рукописи 1090-х годов. Ни одного памятника, написанного на древнерусском языке раньше Остромирова евангелия, наука не знала. Текст наших дощечек именно древнерусский — по авторитетному мнению известного лингвиста академика А. А. Зализняка, в нем содержится ряд особенностей, присущих языку восточных славян и не встречающихся в болгарских древнейших текстах (использование ряда букв и т. д.). Итак, перед нами — древнейшая на сегодняшний день книга на русском языке!

Ясно одно: в Новгороде уже в первые десятилетия после принятия Русью христианства широко распространилась собственная, отличная от балканских образцов письменность.

Правда, сохранностью этого образца мы, скорее всего, обязаны новгородским язычникам. Книга была втоптана в грязь — хорошо известно, что крещение Новгорода проходило очень тяжело и прежние верования местное население сохраняло еще долго.

Находки 2000 года существенно уточнили наши представления о культуре восточнославянского мира. По своему масштабу обнаружение этих навощенных дощечек вполне сравнимо с археологической сенсацией 1951 года, когда в Новгороде была обнаружена первая берестяная грамота.

В археологическом сезоне 1999 года мы остановились на берестяной грамоте № 915, считая только те, что обнаружила наша экспедиция. Еще 84 берестяных письма археологи раскопали в других древнерусских городах. И вот в 2000 году в слое первой четверти XI века нам попался лист бересты, на одной стороне которого изображен Христос, а на другой — Св. Варвара, держащая в руках крест, греческое слово «ха-гиос» (святая) и надпись русскими буквами (без твердого знака): «Варвара». Не скрою, велик был соблазн назвать эту находку берестяной грамотой и присвоить ей тысячный номер. Но, к сожалению, никакой иной информации эта находка не содержит и по всем формальным признакам грамотой считаться не должна. «Свято место пусто не бывает» — и вскоре в Торжке экспедиция Петра Дмитриевича Малыгина нашла сразу две берестяные грамоты, соответственно 1000-ю и 1001-ю. Так что по состоянию на 2000 год наши археологи нашли тысячу и одну грамоту.

Но и найденный нами лист бересты крайне любопытен в контексте славянской истории. Святая Варвара традиционно почиталась на славянских землях Южной Балтики, откуда был направлен основной поток переселенцев в новгородские земли (ранее считалось, что эту территорию заселили приднепровские славяне). Варвара считалась

небесной заступницей охотников, мореходов, но прежде всего рыбаков. Связи переселенцев с их «исторической родиной» продолжались и в более позднее время, о чем, в частности, свидетельствуют монетные клады, и берестяной лист с изображением святой подтверждает эти выводы ученых. Эта находка поддается точной датировке: на ней процарапана надпись, которая расшифрована нами как число 6537 — это дата от сотворения мира, которая соответствует 1029 году от рождения Христова.

ЛЮДИ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Н. В. ВЫРУБОВ *
(Париж)

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Вопрос плена возник с началом войны, после расторжения договора с Гитлером и нападения врага, когда непрочность обороны страны стала ясной. Сталин, обезглавив командование армии, ей не доверял, сомневаясь в ее готовности защищать им созданный ненавистный порядок. Чтобы плен не казался слишком легким под надзором Красного Креста, он, под угрозой расстрела, запретил сдаваться в плен и отказался подписать Женевскую конвенцию, бросив пленных на произвол жестокой судьбы.

Некоторые думают, что строгие сталинские меры, несмотря на причиненные ими бесчисленные жертвы, способствовали победе. Почему бы не представить себе, что народ, узнав ценой страданий, что враг ставил целью его уничтожение, восстал и победил? Что же победа принесла народу за его подвиг? Всё те же притеснения, хотя он и вправе был свободу получить. Полвека пришлось ждать усталым ветеранам.

Находясь при военном министре в Париже, я был послан осенью 1945 года временным назначением на Нюрнбергский процесс, где мне довелось присутствовать на многих заседаниях. На одном из них обсуждался вопрос зверского отношения немецкого командования к советским военнопленным. Обращаясь к Кайтелю, военачальнику личного штаба Гитлера, прокурор спросил, как он мог, вопреки всем военным законам, выдать приказ по армии за его подписью, разрешающий самые жестокие меры заключения по отношению к советским военнопленным. Их обрекали на верную смерть, держали под открытым небом, за колючей проволокой и без пищи. Кайтель ответил, что приказ Гитлера от 8 сентября 1941 года был идеологического содержания и приписывал советских военнопленных и население к опасным агитаторам, которых следовало уничтожать. А поскольку этот приказ являлся политическим, то ему не подобало обсуждать

* О Н. В. Вырубове см.: Культурное наследие Российского государства. Вып. III. СПб., 2002. С. 198. Там же см. его статью «Солдаты чести» (с. 189—198).

решения главы государства. Сталин, отказавшись принять Женевскую конвенцию, упростил дело для охранников, которые отныне действовали с безнаказанной жестокостью по отношению к беспомощным пленным.

На другом заседании полковник Юрий Покровский, помощник главного советского прокурора Руденко, докладывая о варварском отношении к советским пленным, представил доклад, составленный в 1942 году д-ром Гроттусом, заведующим отделом рабочей силы О. К. W. В этом докладе Гроттус жаловался на невозможность восполнять недостаток рабочей силы советскими военнопленными, которые бесполезно гибли в лагерях. Предъявляя данные, он указывал, что в ноябре 1941 года в плену находилось 3 900 000 советских военнопленных, а несколько месяцев спустя их осталось только 1 100 000. Из 2 800 000 погибших 500 000 погибло до января 1942 года.

Позже участь пленных изменилась, когда надобность в рабочей силе обострилась и военнопленных стали посылать на тяжелые работы или брали в армию в боевые или рабочие отряды. Неудивительно, что среди военнопленных, ожесточенных голодом, нашлись некоторые, кто, желая избежать верной смерти, вступили в ряды немецкой армии, в ее рабочие или боевые отряды, или поступили к генералу Власову.

В 1943 году в Тунисе нам пришлось сражаться против украинских боевых отрядов. После капитуляции многие вступили во французский Иностраннный легион, не по желанию продолжать борьбу вместе с союзниками, а чтобы избежать плена. Остальные были помещены в заключение вместе с немцами и итальянцами, и, насколько мне известно, несмотря на присутствие советского консула Богомолова, никакой репатриации не состоялось.

В Италии в 1944 году мы тоже столкнулись с украинскими отрядами, а после высадки на юге Франции нам пришлось сражаться против грузин, калмыков и представителей других национальностей, воевавших в рядах немецкой армии и, озлобленных судьбой, зверски себя ведших по отношению к местному населению.

В рядах движения Сопротивления во Франции среди партизан были советские люди, бежавшие либо из плена, либо с принудительных работ. Репатриация началась в 1945 году, после победы, она проходила в Италии, Австрии, Германии и Франции. Сначала советская репатриационная комиссия действовала свободно, но когда стало ясно, что многих людей репатриировали насильно, то комиссию стали сопровождать инспекторы ООН.

Теперь все знают, как жестоко советская власть отнеслась к вернувшимся военнопленным, подвергая их заключению и тяжелым работам. Только недавно, с трудом государство решилось признать их страдальческий путь.

Париж, май 2003 г.

ВСТРЕЧА

В русской прозе часто встречается замечание, что наше поколение эмиграции изменилось и говорит по-русски с акцентом. Мы не изменились, а остались такими, какими нас воспитали. Давно уже в России образованные люди приняли западный облик: Пушкина в лице называли французом не потому, что его первые стихи были на французском языке, Тургенев любил жить за границей, и многие, желая расширить свой кругозор, увлекались западной культурой, не теряя своей русскости. Притяжение к Западу возникло при Петре I и прервалось с советской властью. В России уже забыли, как говорили и выглядели образованные люди до того, как советская власть, создавая новый порядок, решила всё и всех уравнивать на пролетарский лад и нас прогнать.

Наши родители жили в изгнании, но на свободе, и воспитали нас в семейном, независимом духе, внушая нам сознание долга и достоинства, а также русскость, которую мы старались сохранить. Мы не руководствовались никакими идеологическими учениями, как на то иногда намекают. Мы упорно отстаивали наши убеждения, признавая право их оспаривать. Наши расхождения не политического, а нравственного содержания и поэтому, несмотря на приветливость отношений, стесняют.

Революция превратила Россию в Советский Союз, разрушила государственный строй, упразднила нравственные устои, на которых веками стояла страна, и, все подвергнув марксистскому учению, сбросила нас по разным берегам. Наши понятия правил жизни несомнестимы. Когда настало время встреч, стало ясно, что расхождение наше — существенное, что изгладить его будет трудно и создавшийся между нами ров одним прыжком не перепрыгнешь. С прошлым мы смирились и доживаем свой век с чистой совестью по отношению к России, волнуясь о ее судьбе. Нам ни от чего отречься не нужно, нечего отбрасывать, заблуждения нас не терзают, и жизнь нас не обманула. Наш взгляд на окружающий мир доброжелателен, и мы доверчиво идем на встречи.

Мы рады, что в России многое переоценивается в поиске новых духовных стремлений, что считавшееся еще недавно «грешным», вновь становится достойным и что Запад снова начинает привлекать к себе. Настанет день, когда сознание преобладания этики над всем остальным (во что мы искренне верим) вновь вернется в страну. Но, когда мы бываем в России, как бы там ни было душевно приятно, мы пока не чувствуем себя дома. Чего-то основного не хватает, а именно: привычных нам правил жизни. Не вид опустевшего семейного дома нас волнует, а то, во что превратилась страна после долгих лет советского порядка и бессмысленных жертв. Ни к чему было нас прогонять! Ни к чему искать вину в особой судьбе России, в выдуманном историками ее «предназначении страдать» за всех. Вина, скорее, в бездарности вождей, подвергших расшатанную войной страну утопическому эксперименту, выдуманному чужими знатоками. Немцы, возвращаясь к себе из России после двухсот лет отсутствия, смогли в Германии прижиться. Забыв язык, они нашли в стране свой природный дух, нас же различают не годы разлуки, а марксистский эксперимент, затронувший людей так глубоко, что, отбрасывая его с трудом и нерешительностью, не зная Запада, не понимая его, не доверяя и завидуя ему, они к нему относятся настороженно и заодно и к нам. В этом суть наших отношений. Хоть мы и одной почвы, но разного посева. Мы одинаково чувствуем, но по-разному размышляем.

Теперь, когда Россия распахнула окно, вступая в европейское русло, настало время воспрянуть новому духу. Премьер-министр России Михаил Касьянов во время своего недавнего визита в Париж сказал, обращаясь к журналисту «Figaro»: «Россия скорее нуждается в изменении менталитета, чем в реформах». Путь указан.

Париж, ноябрь 2002

А. А. БОБРИНСКОЙ

◆
ГРАФ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БОБРИНСКОЙ
1852—1927

(Сын об отце.)

*Подготовка к публикации, предисловие
и примечания И. Л. Тихонова*

Предисловие

Публикуемый ниже текст является воспоминаниями и биографическим очерком о крупном государственном и общественном деятеле дореволюционной России, сенаторе, депутате III Государственной Думы, члене Государственного совета, последнем председателе Императорской Археологической комиссии графе Александре Александровиче Бобринском¹, написанный его сыном Алексеем Алексеевичем Бобринским. Алексей Алексеевич Бобринский² (1893—1971) был единственным сыном А. А. Бобринского от первого брака с Надеждой Александровной Половцевой — дочерью государственного секретаря, сенатора А. А. Половцева. По окончании гимназии он в 1912 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, но обучение не закончил, так как в 1914 г. добровольцем пошел на фронт Первой мировой войны. Служил в кавалерийском гусарском полку, участвовал в военных действиях в Восточной Пруссии в ходе наступления армии генерала Ренненкампа, предпринятого по наступлению союзников России, чтобы отвлечь силы Германии с западного фронта. 27 сентября 1914 г. Алексей Бобринский во время атаки русской кавалерии был в конном строю рядом с великим князем Олегом Константиновичем — сыном президента Академии наук и литератора Константина Константиновича, когда тот был смертельно ранен и оказал ему первую помощь. Позднее Алексей Бобринский был направлен в Пажеский корпус, в котором провел 8 месяцев до получения офицерского звания поручика. Затем служил в полку иркутских гусар. Был награжден орденами святой Анны 3-й степени и святого Станислава 2-й степени. В сентябре 1917 г. уехал из Петрограда с семьей в Кисловодск. Покинул Россию в 1919 г. на английском пароходе из Батума, где служил переводчиком у английского губернатора, когда англичане захватили нефтяные промыслы в Закавказье. В 1919—1920 гг. служил в Русской миссии в Стокгольме в качестве

¹ Об Алексее Александровиче Бобринском см.: Тихонов И. Л. Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог граф А. А. Бобринский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 1. СПб., 2002. С. 72—88.

² В тексте воспоминаний везде приводится написание «Бобринской», которое было общепринято до революции и является правильным. В советской литературе почему-то утвердилось иное написание этой фамилии — «Бобринский».

помощника военного атташе, затем завершил образование в Оксфордском Магдален-колледже, где получил степени бакалавра и магистра. Жил в Лондоне, был преподавателем русского языка в Лондонском университете, членом Британского общества орнитологов, выступал в качестве автора и ведущего телепередач, снимался в кино и на телевидении.

В наше распоряжение текст воспоминаний предоставлен сыном Алексея Алексеевича Борисом Алексеевичем Бобринским, живущим в Париже. Судя по датам, упоминаемым в тексте, воспоминания создавались не ранее конца 1950-х гг. Ранее публиковался в издаваемой в Париже на русском языке газете «Русская мысль» только небольшой фрагмент воспоминаний, описывающий обстоятельство находки при раскопках кургана Солоха знаменитого золотого гребня с изображением скифов³. Судя по имеющейся в INTERNET ссылке⁴, какие-то записки графа Алексея Бобринского также хранятся в библиотеке Школы славянских и восточно-европейских исследований (School of Slavonic and East European Studies (SSEES) Library, University College London) в Лондоне. Рукопись публикуется с небольшими сокращениями, которые отмечены в тексте многоточием в квадратных скобках.

Мой отец, граф Алексей Александрович Бобринской, родился 19 мая 1852 года в нашем старом, прекрасном доме в Петербурге по Галерной улице, № 58 и № 60. Крестил моего отца и сам держал его над купелью император Николай Первый. С царской семьей у моего деда и бабушки Бобринских всегда были очень близкие отношения¹. Моя бабушка, графиня София Андреевна, урожденная гр. Шувалова, была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая Первого. Я помню на ее груди бриллиантовый шифр государыни с буквой А на андреевской ленточке. В моем самом раннем детстве вензель этой императрицы был уже большой редкостью.

Император Николай Первый любил моего прадеда гр. Алексея Алексеевича (1800—1868) и его жену гр. Софию Александровну, урожд. гр. Самойлову, которая была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла Первого, а впоследствии фрейлиной императрицы Елисаветы Алексеевны, супруги императора Александра Первого. Государь Николай Павлович и его августейшая супруга часто бывали в доме Бобринских на Галерной улице.

Близким отношениям не могло также не способствовать сознание императора Николая Павловича о том, что прадед моего отца,

³ Как был найден золотой гребень в кургане «Солоха» // Русская мысль. 1975 г. 30 октября.

⁴ <http://www.ssees.ac.uk/archives/gle/glella.htm>.

граф Алексей Григорьевич Бобринской, был сыном князя Григория Григорьевича Орлова (1734—1783) и императрицы Екатерины Великой, и, таким образом, император Николай Первый был двоюродным братом моего прадеда (правда, «с левой» стороны).

В доме на Галерной улице было 130 комнат. Сам дом был построен итальянским архитектором Луиджи Руска, который также построил казармы Кавалергардского полка на Шпалерной улице в Петербурге. Первоначально дом этот был построен для откупщика Мятлева, который нажил громадное состояние, имея откуп на известную территорию в России на право продажи водки. Эти откупы получали от казны за взнос крупной суммы авансом, а потом в течение многих лет «откупщики» возвращали свои деньги с большими прибылями. Дом был закончен в 1797 году, и Мятлев собирался в него въехать, когда зашел разговор между императрицей Марией Федоровной и графом Алексеем Григорьевичем Бобринском во время игры в вист. Императрица говорила Бобринскому, что дом, в котором она разместила своих питомцев и сирот, подведомственных «Учреждениям Императрицы Марии», слишком тесный и она хотела бы найти более просторный дом. Тогда Бобринской (полубрат императора Павла Первого) немедленно сказал: «Madame, ma maison est a Vous»*, — имея в виду свой дом на Мойке, соседний с домом графа Строганова, который выходил своим главным фасадом на Невский проспект. Дом этот ранее принадлежал обанкротившемуся банкиру Штегельману, который умер в 1791 году, и был сейчас же взят за долги в казну, и императрица Екатерина подарила его своему сыну Алексею Бобринскому.

Императрица Мария Федоровна была очень смущена такой внезапной щедростью Бобринского и ответила ему, что просит его подыскать себе другой дом в Петербурге, который она ему купит взамен штегельмановского дома.

Бобринской выбрал дом Мятлева, который был только что готов, но никто еще в нем не жил. Императрица с радостью его купила и взяла дом Штегельмана для своих «Учреждений». Однако, чтобы не вызывать никаких неудобств и излишней спешки в переездах, императрица назначила Бобринского почетным опекуном — нечто вроде звания почетного директора — своих «Учреждений» и дала ему право жить в штегельмановском доме, пока мятлевский дом не будет окончательно отделан и готов для своего нового владельца. Назначение Бобринского почетным опекуном состоялось на Рождество 1797 года, а уже в октябре 1798 года он переехал в мятлевский

* «Мадам, мой дом в Вашем распоряжении».

дом и просил его уволить от должности опекуна, что и было исполнено.

Мятлевский дом был, конечно, прекрасным и удобным, но в отношении ценности и местоположения штегельмановский дом был, конечно, более крупным имуществом. Но все остались довольны.

Таким образом, дом, построенный для откупщика Мятлева, стал родным гнездом последующих поколений Бобринских. В нем родился мой прадед в 1800 году, мой дед в 1823 году, мой отец в 1852 году, я сам в 1893 году и моя дочь Мария в 1917 году.

Мой отец был старшим в семье из пяти братьев. Сестер у него не было. Помню, у моей бабушки было кольцо на мизинце с пятью наискось вставленными бриллиантами на пяти тоненьких, соединенных между собою колечках, что означало 5 сыновей. Это кольцо бабушка никогда не снимала.

Братья моего отца были: Владимир 1853—1877,
Александр 1855—1890,
Андрей 1859—1930,
Георгий 1863—1940.

Все четыре брата моего отца проходили военную службу в Лейб-гвардии Гусарском полку, но мой отец никогда военным не был, потому что, как старший сын, он по закону не призывался по набору в армию. Старшие сыновья, так же как единственные сыновья, в императорской России считались «кормильцами» семьи и должны были помогать родителям по хозяйству. Многие сейчас не знают этого очень либерального закона, который существовал в прежней России.

Так как отец мой не должен был служить в войсках, его сразу стали воспитывать в области гуманитарных наук, классики, литературы и искусства. К этим наукам у него всегда были большое влечение и способности. Образование он получил домашнее, к нему приходили учителя на дом. Однако свое среднее образование мой отец, так же как и его брат, Андрей, получил в городе Вэвэ в Швейцарии. Название этой школы я не помню, но знаю, что она была основана еще Жаном-Жаком-Руссо и в ней сохранились весьма либеральные традиции, которые внушались всем ученикам с самого раннего детства. Это объясняет некоторый парадокс: в самодержавной России, стране абсолютизма и дисциплины, сыновья абсолютно лояльной к государю и всем тогдашним установлениям семьи были проникнуты духом энциклопедиста Руссо и уважением к личности человека.

Поэтому мой отец всегда внимательно выслушивал хотя бы самые безрассудные и невыполнимые просьбы и домогательства просителей и умел вникнуть в «человеческую» сторону всякого вопроса. Он был чрезвычайно доверчив, и было легко его обмануть и вовлечь

в невыгодную сделку. В нем не было никакой грубости. Наказать кого-нибудь словом или делом для него было всегда мучением. Он никогда никого не ударил. В тогдашнее время, может быть, некоторые считали это неуместной мягкостью или слабоволием. Он неоднократно приводил слова Тургенева: «Будь только добр человек, и никакое зло к нему не пристанет».

Эта черта моего отца стала проявляться с раннего детства, и поэтому он так был популярен среди своих товарищей по школе и впоследствии по университету в Петербурге. Его всегда избирали арбитром в товарищеских спорах, и он умел найти компромисс, удовлетворявший обе стороны. Таким образом, ему удавалось примирять врагов и отговаривать их от дуэлей, которые в то время случались довольно часто.

Учение происходило в Петербурге зимой, а летом вся семья переезжала в Смелу, в Киевскую губернию, где оставалась до начала октября. Смела была родовым имением, которое пришло в семью Бобринских как «приданое» графини Софии Александровны (урожденной Самойловой), дочери графа Александра Николаевича — героя второй турецкой войны при матушке Екатерине. Самойлов отличался необыкновенной храбростью. Когда главнокомандующий, светлейший князь Григорий Александрович Потемкин медлил со штурмом турецкой крепости Очаков в 1788 году, Самойлов сам повел свои войска и первый ворвался в эту «неприступную» крепость. За это он получил Георгия Второй степени («Звезду»), а впоследствии был назначен обер-прокурором юстиции — высшая должность в Юридическом ведомстве, когда министерств еще не было. Кроме орденов Самойлов получил земли в Новороссии, как назывались тогда земли, отвоеванные от татар после покорения Крыма. В числе таких земель была и наша чудная Смела. Муж Софии Александровны (мой прадед, гр. Алексей Алексеевич Бобринской) построил в Смеле первый в России свеклосахарный завод в 1838 году и посадил первую свеклу на русской земле. Описывать Смелу было бы слишком долго. Это заняло бы целый отдельный труд. Могу с уверенностью сказать, что Смела была одним из самых благоустроенных имений во всей России. Годами владельцы производили улучшения, выписывали новые сорта пшеницы и других семян и злаков, опытные поля повсюду были образцовыми. Помимо громадного пространства полей (около 30 тысяч гектаров пахотной земли) в Смеле были изумительные леса. В 7 лесничеств входило около 15 тысяч гектаров дубового леса; строевые дубы высились гордо вверх, правильно разделенные на кварталы, леса в Смеле было легко объезжать и осматривать, так как всюду были широкие просеки, по которым можно было ездить в шарабане

или других экипажах. Оборот рубки был установлен восьмидесятилетний. В вырубленных кварталах сразу производили насаждения молодых дубов, грабов, ясеней и кленов. В каждом лесничестве жил ученый лесовод, следивший за порядком и имевший большой штат лесников под своим управлением. У каждого лесника была форменная фуражка, а через плечо был перекинут рог-труба, в который он мог трубить и подавать этим тревогу соседнему сторожу-леснику в случае пожара или обнаружения лесокрадов для их поимки общими усилиями. Едва ли во всей России, а в особенности в южных областях, были такие леса как в Смеле. Когда осенью устраивались охоты, лесники являлись верхом и руководили облавщиками. У каждого лесника на поясе красовался револьвер для самозащиты, потому что некоторые лесники жили в домиках со своими семьями, далеко от другого жилья, и поэтому это была необходимая предосторожность на случай нападения или грабежа. Такие случаи бывали чрезвычайно редко, и отношения с местным населением были прекрасные.

Сахарных заводов в Смеле было 4 и один рафинадный. Выработка сахара равнялась тридцати трем тысячам тонн в год. Это количество могло бы быть вдвое большим, но у нас существовала нормировка, ограничивающая выработку сахара на больших заводах, чтобы дать возможность более мелким предприятиям работать беспрепятственно и не понижать стоимости сахара благодаря конкуренции. Я с детства слышал эти разговоры о нормировке и все в нашей семье возмущались тем, что Бобринские были первыми по введению сахарной промышленности в России и они же были наказаны казенным распоряжением о нормировке (или ограничении) выпуска сахара, потому что казна опекала маленьких заводчиков в ущерб крупным. Если бы этой нормировки не существовало, то появилось бы на русском рынке огромное количество сахара и цена упала бы. Большие заводы могли бы удовлетвориться меньшей прибылью, но мелких заводчиков это могло бы «зарезать», и поэтому казна ввела эту нормировку. Тогда большие фабриканты, как Смела, стали искать зарубежных рынков для сбыта сахара хотя бы по более дешевой цене, и таким образом русский сахар был дешевле в Австрии или в Персии, чем в России. Говорили, что в Австрии нашим русским сахаром откармливали свиней, а в Персии все сласти стоили гроши благодаря низкой цене русского вывозного сахара. Не лучше ли было бы позаботиться о низкой цене сахара для русского мужика, нежели о прибылях мелких заводчиков?

Однако надо вернуться к биографии отца. В Смелу переезжали также два гувернера мальчиков: француз Буазо и немец Йохансон. Дело было как раз до франко-прусской войны 1870 года, и атмосфера

была довольно натянутой в отношениях обоих педагогов. Однажды они поспорили о политике и Буазо раскричался так безудержно, что кинул чашку кофе в лицо Йохансону. Тот вскочил и начал бегать по длинному коридору смелянского дома и кричать: «Дайте мне мои сундуки, дайте мне мои сундуки...» В конце концов все улеглось, но оба педагога больше между собою не разговаривали.

Учение продолжалось и в Смеле во время лета, причем главное внимание обращалось на классическую сторону. Гораций и Вергилий были родными знакомыми, и их тексты братья могли цитировать без труда. Мой дядя Андрей даже мог свободно разговаривать со своим учителем на латинском языке.

Мой отец с самых ранних лет стал интересоваться археологией. Как раз в Смеле по части археологии было много интересного и даже замечательного. Там было множество курганов самых разных эпох. Мой отец стал их систематически раскапывать и делать свои выводы относительно эпохи, когда жили зарытые под этими громадными насыпями земли люди.

На большом болоте Ирдынь длиной в 80 километров, мой отец находил множество кремневых орудий, стрел и ножей, которыми пользовался доисторический человек. В курганах он находил предметы из железа и бронзы. Когда окрестные жители узнали, что мой отец интересуется древностями, к нему стали приносить множество предметов, которые мужики находили у себя в полях и огородах. Обыкновенно мой отец покупал их у крестьян, и, таким образом, скоро вся окрестность знала, что всякую находку можно принести моему отцу и получить больше денег, чем если бы эти предметы были проданы какому-нибудь мелкому торговцу в местечке Смела.

Смела была «местечком» — старинное название для поселений, которые не считались достаточно крупными для названия «город». Однако наш уездный город Черкассы на Днепре был по числу жителей меньше Смелы. До него от нас было 30 километров. В Смеле было 42 000 жителей. Конечно, Смела невероятно разрослась из-за сахарных заводов, которые привлекали к себе и рабочих из других мест империи, и служащих по разным конторским специальностям: бухгалтеров, экспедиторов, надзирателей, счетоводов и других.

Курса в Петербургском университете мой отец не кончил по болезни² и уже 25 лет от роду был избран петербургским губернским предводителем дворянства³. Эту должность одно время занимал его отец, избранный единогласно, «единственный случай единогласного избрания за всю историю петербургского дворянства», и занимал эту должность с 1869 до 1872 года. Сын как бы унаследовал должность

отца. Как предводитель дворянства мой отец был необыкновенно популярен. Доказательством этого может служить то, что его переизбирали в течение семи трехлетий, что тоже является рекордом для Петербургской губернии, где дворянство состояло из очень различных элементов и в отношении имущества, и в отношении политических убеждений. Его просто не хотели отпускать 21 год подряд⁴. Должность предводителя дворянства очень обширна по своим правам и обязанностям. Тут и надзор за рекрутскими наборами в армию, тут и дворянская опека над делами обанкротившихся дворян, постепенная уплата их долгов из их, подчас расстроенных, состояний, тут и надзор над всякими учреждениями и сумасшедшими домами, не говоря о дворянских балах в Дворянском собрании, на которые подчас приезжали государь и императрица. Тогда предводитель дворянства открывал бал и шел в первой паре с государыней или в вальсе, или в полонезе. Вся работа предводителя была совершенно бесплатной, и поэтому предводителю приходилось покрывать многие расходы из собственного кармана.

В первый же год его избрания на долю моего отца выпало вести делегацию петербургского дворянства во дворец к императору Александру Второму с выражением своих верноподданнических чувств. Пришлось сказать речь в очень торжественной обстановке, потому что как раз разгорелась турецкая война и многие дворяне высказали желание идти добровольцами в армию. Не успел мой отец сказать несколько слов, как император его остановил и, обратясь к стоявшему неподалеку моему деду, спросил его: «Ты позволяешь?» Наклоном головы мой дед дал свое согласие, чтобы мой отец продолжал свою речь.

Брат отца моего, Владимир, с которым мой отец был особенно близок, был уже в армии в Гусарском полку на Балканах. Он был полковым адъютантом, но, несмотря на эту кажущуюся легкой должность, он все время был под огнем неприятеля. 30 ноября 1877 г. Владимир был смертельно ранен в сражении около Орхание и скончался от ран в селе Богота в Болгарии. Мой отец немедленно выехал на Балканы, чтобы привезти тело брата.

10 декабря 1877 года сдалась турецкая крепость Плевна после трех приступов русских войск, понесших громадные потери убитыми. Турецкий главнокомандующий Осман-паша был ранен в ногу и шел на костылях, когда явился со сдачей в русский лагерь, и отдал свою саблю.

Его немедленно отправили в распоряжение императора Александра Второго, брата которого, великие князья Николай и Михаил Николаевичи, командовали русскими войсками. Мой отец как раз в этот день доехал до ставки императора и присутствовал на Высочай-

шем завтраке в палатке государя, когда ввели пленного турецкого главнокомандующего и представили его императору Александру Второму. Государь немедленно приказал вернуть Осману-паше его саблю и пригласил сесть за свой стол. Вот как Россия в те времена встречала своих сдавшихся врагов. Это напоминало стихи Пушкина «Полтава»: «За учителей своих заздравный кубок подымает...»

Мой отец служил тогда по Красному Кресту, потому что только таким образом он мог быть полезен Отечеству во время войны. Потеря любимого брата была для него ужасным горем. Он повез гроб с телом убитого брата на телеге, запряженной волами болгарских мужиков, и путешествие было трудным и долгим, потому что все горные дороги были запружены ранеными, пока наконец не добрались до железной дороги и не получили товарный вагон, в котором мой отец и довез тело брата до Петербурга и оттуда до имения «Вартемяги», принадлежавшее его дяде, графу Павлу Андреевичу Шувалову, и там состоялись похороны. Сам Шувалов в это время был со своим отрядом на фронте на Балканах и уже занял село Сан-Стефано в 12 километрах от Константинополя. Внезапно пришел приказ не вступать в столицу Турции, и Шувалову пришлось нехотя остановить свои войска перед незащищенной столицей Турции. Оказалось, что Англия послала ультиматум России не вступать в Константинополь, иначе британский флот будет обстреливать Кронштадт и даже саму столицу Российской Империи — Петербург. В это время вся русская армия была на Балканах, и никто не мог думать о такой подлости кабинета королевы Виктории, во главе которого стоял враг России — Дизраэли.

Никто не вступился за Россию. Германия еще зализывала раны после франко-прусской войны, Австрия (как говорил про нее еще император Николай Первый во время Севастопольской кампании в 1855 г.) «удивила мир своей неблагодарностью». Франция была враждебна России со времени Крымской кампании и своей антирусской политики в католическом мире.

Рассчитывать было не на кого, и государь Александр Второй приказал не вступать в Константинополь. Россия не получила абсолютно никаких выгод из войны 1877—1878 годов, и на Берлинском конгрессе по окончании войны выиграли только новосозданные страны: Болгария, Сербия, Румыния и маленькая Черногория. У России осталось только моральное чувство радости, что турецкое иго было сломлено и славянские братья были теперь свободными государствами.

В 1881 году зима была суровая и снег лежал в смелянских лесах очень долго. Появились волки, которые в Смеле были редкостью.

Была устроена охота 1 марта. Во время этой охоты в лес прискакал гонец с известием, что убили императора Александра Второго. Охота, конечно, была прекращена, и мой отец поехал немедленно в Петербург. Убийцы были арестованы, и был назначен суд. В числе судей был и мой отец, как губернский предводитель дворянства. Суду пришлось выслушивать бесконечные лекции о политике из уст главного организатора всего этого кошмарного дела — Желябова. Этот фанатик бесконечно развивал свои политические теории и не говорил о своем участии в деле. Надо было удивляться долготерпению председателя суда, сенатора Фриша, дававшего столько времени подсудимому на эти сумасбродные теории. Другие подсудимые были пешками и только исполняли приказы Желябова. Большинство были полуграмотные дураки. Все сознались и были приговорены к повешению, кроме женщины Геси Гельфман, оказавшейся беременной, и поэтому в отношении ее приговор не был приведен в исполнение. Надо вообще удивляться невероятной свободе в тогдашней России. Убийцы государя делали, что хотели, путешествовали из одного города в другой, подготавливали крушение поездов, нанимали квартиры и магазины (для отвода глаз полиции) и разгуливали по Петербургу с бомбами в карманах. Кстати сказать, эти бомбы были очень примитивного образца и были более опасны для собственников, чем для тех, для которых они предназначались; в публике существовало какое-то непонятное сочувствие террористам, и их легко прятали от полиции те люди, которым непоздоровилось бы в случае свержения существующего строя и замены его коммунизмом.

В 1882 году граф Сергей Григорьевич Строганов скончался, и освободилось место председателя Императорской Археологической комиссии, которая помещалась в Эрмитаже⁵. Вернее, даже не в самом Эрмитаже, а в Зимнем дворце, на нижнем этаже, со входом с набережной Невы на углу Зимней канавки. Хотя эта комиссия имела скромное название, но права и поле деятельности у нее были огромные. Фактически вся русская археология и все раскопки древностей были под ее ведомством. Комиссия возникла по инициативе графа Строганова, культурнейшего человека и большого знатока искусства. В 1859 году граф Строганов представил план создания такого учреждения императору Александру Второму, который немедленно его одобрил и назначил графа первым председателем⁶. В течение 23 лет под руководством графа Строганова русская археология стала на высокий научный уровень и множество сокровищ поступило в Эрмитаж. Без контроля комиссии сотни, если не тысячи, древних предметов искусства просто были бы проданы на слом или разо-

шлись бы по карманам частных собирателей. Когда император Александр Третий предложил моему отцу занять место покойного графа Строганова, мой отец согласился с радостью. Он отдал лучшую часть своей жизни русской археологии. В Комиссии был штат из 16 ученых историков, археологов и знатоков искусства. Мой отец сразу с ними установил самые дружеские отношения, и заседания комиссии проходили в семейной обстановке полного доверия друг к другу.

Первым другом и помощником моего отца был известный ориенталист профессор Николай Иванович Веселовский, который читал по-арабски и по-персидски так же легко, как по-русски. Любые самые древние и стертые временем тексты на металлических предметах далекого Востока поступали на его стол и подвергались его мудрому расшифрованию. Борис Владимирович Фармаковский был самым большим знатоком эллинского искусства и знал все, что можно было знать о греческих вазах. Михаил Петрович Боткин был крупным собирателем предметов византийского искусства и деятельным членом Комиссии в этой области. Марков и Булычев были нумизматами и знали все монеты на свете. Марков состоял хранителем нумизматического отдела Императорского Эрмитажа. Покрышкин и Романов были архитекторы, которые ездили по поручению Комиссии каждый год летом в самые далекие углы Империи для обследования и производства реставрации нуждающихся в ремонте церквей и монастырей. Профессор Михаил Иванович Ростовцев читал лекции в университете по восточной археологии и после революции 1918 года переехал (не без труда) в Соединенные Штаты и там стал профессором в Висконсинском университете. Многие его труды появились на английском языке и пользовались большой известностью.

Наконец, профессор Федор Александрович Браун — ректор Петербургского университета ⁷ был как бы членом Комиссии «экс-оффицио» и давал свои заключения по вопросам древнегерманской письменности и рунических надписей, которые встречались в России в разных местах и всегда приводили в недоумение даже самых великих знатоков.

Таким образом, комиссия была живой организацией, о которой, к сожалению, было мало известно широкой публике как в самой России, так тем более за границей. Комиссия издавала свои труды в форме «Известий», где помещались статьи и сообщения о ее деятельности периодическими выпусками ⁸. Раз в год устраивалась выставка найденных в раскопках древностей, на которую всегда приезжали государь и императрица. Я помню, как однажды мой отец поднес Александре Федоровне копию золотой брошки в виде утки по заказу,

выполненному фирмой Фаберже. Оригинал брошки был найден в раскопках в Керчи (в Крыму) и относился к пятому веку до Рождества Христова. Мой отец подарил еще одну такую брошку моей старшей сестре Екатерине Алексеевне (впоследствии Миклашевской). Оригинал брошки, вероятно, до сих пор находится в витринах в Эрмитаже. Императрица Александра Федоровна была очень тронута подарком моего отца. Государь иногда задерживался на выставке Археологической комиссии подолгу, так как это доставляло ему отдых от вечных, точно предусмотренных приемов и поездок, которые он с таким сознанием долга выполнял. Тут он мог забыть о необходимости давать свое согласие или решение — он не любил это делать. Принимая решение, он боялся кого-нибудь обидеть и часто поэтому не принимал никакого решения. Это ему часто ставили в вину и приписывали бесхарактерности, но в действительности это происходило из чремерной деликатности.

На коронационных торжествах в мае 1896 года мой отец был сделан сенатором, и уже, будучи гофмейстером Высочайшего Двора (с 1 апреля 1890 года), ему было поручено везти в процессии с коронами разных царств, вошедших на протяжении веков в состав Российской Империи, корону Царства Астраханского, причем для каждой короны была особая карета.

Однако я забежал вперед. Вернемся к хронологическому порядку биографии моего отца, к разным семейным обстоятельствам. 11 февраля 1883 года состоялась свадьба моего отца с Надеждой Александровной Половцовой. Торжество это имело место в домовая церкви графа Воронцова-Дашкова на Английской набережной, № 10. Графиня Елизавета Андреевна была урожденная Шувалова, родственница моей бабушки, и обе семьи были всегда в самых тесных дружеских отношениях. Шаферами у моего отца были его братья, а у моей матери — ее два брата и великий князь Николай Михайлович.

У моих родителей было 4 дочери и я, единственный сын. Старшая дочь Екатерина (1883—1954), Надежда (1884—1896 — она умерла в возрасте 12 лет от аппендицита, который вовремя не успели удалить, и у нее сделался перитонит), Домна (1886—1956) и София (1887—1949).

В 1889 году мой отец был назначен вице-президентом Императорской Академии художеств. Председателем, или президентом, был великий князь Владимир Александрович, брат царствующего императора Александра Третьего. В искусстве великий князь понимал немного, и поэтому вице-президенты фактически управляли Академией. На этой должности мой отец оставался лишь 4 года⁹, после которых он сдал свою должность графу Ивану Ивановичу Толсто-

му (брату директора Эрмитажа гр. Дмитрия Ивановича). У моего отца были прекрасные отношения с обоими братьями Толстыми, и он был рад освободиться от вице-президентства Академии художеств и иметь больше времени для археологии и раскопок¹⁰. Каждое лето мой отец производил раскопки в окрестностях Смелы и ее прилегающих областях. Свои труды он опубликовал в результате 14-летних раскопок, в трех томах, прекрасно иллюстрированных, под названием «Курганы и случайные археологические находки в окрестностях м. Смела Киевской губернии»¹¹. Раскопки курганов сопровождались точными планами и описанием найденных вещей¹². У моего отца была своя «артель» из 12 рабочих, с опытным руководителем работ крестьянином деревни Перегоновка, около Смелы. Его звали Самсон Коломиец. Когда приходило известие о какой-либо находке, Самсон ехал проверять, в чем дело. Расспрашивая местных жителей, он узнавал правду и решал, надо ли было начинать дальнейшие раскопки или дело оказывалось несостоящим и найденные предметы были случайной находкой, а не ключом к дальнейшим сокровищам. Разговоры с Самсоном всегда были очень интересными. У него был настоящий «нюх», и мой отец ему вполне доверял. Никогда Самсон не беспокоил моего отца зря, но и не пропускал случая начать раскопки, если ему казалось, что это стоило делать. Кроме Смелы отец производил раскопки в Крыму, где были древнегреческие колонии в Ольвии, Керчи, Херсонесе и других местах¹³. Часто отец ездил и в другие места России, в города, где были старинные храмы и монастыри. Приходилось иметь дело с духовенством, разные епископы и архиереи иногда не допускали археологов в ризницы своих церквей и противились реставрациям икон и самих зданий, в каком бы плохом виде не находились эти здания. Мой отец нашел выход из затруднений этого порядка, испрашивая благословение епископа на создание при его епархии «Архивных комиссий», причем сам епископ становился покровителем или почетным председателем. Таких «Ученых архивных комиссий» мой отец создал много в разных городах. Ученой архивной комиссии трудно было отказать в просмотре старинных Евангелий и других древностей, находившихся в ведении данного епископа. Если найденная рукопись была очень замечательна, мой отец принимал меры к ее водворению в музей, где она была бы в лучшей сохранности, чем в подчас не топленной церкви. Надо было действовать осторожно, чтобы никого не обидеть.

В конце прошлого века все-таки зародился большой интерес к родной старине, и работа моего отца вызывала большое сочувствие среди всех культурных людей данной области. Стать членом Ученой архивной комиссии многим было лестно, и поэтому эти комиссии делали очень много полезной работы, проявляя большую активность.

Моего отца выбирали членом многих археологических обществ как в России, так и за границей: в Бельгии, Франции, Дании и Германии¹⁴. У него установились регулярные письменные отношения с хранителем Лувра, музеем в Сен-Жермен-ан-Лэ около Парижа, известный ученый Соломон Рейнак стал его постоянным корреспондентом из Парижа. Археология ведет к антропологии и этнографии. Все эти общества посылали отцу свои ежемесячные бюллетени, и надо удивляться, как мой отец успевал все это прочитывать. Моя мать сопровождала отца на раскопки в Крым. Однажды ее пойнтер Сливки так вывалялся в отбросах гнилой рыбы в Керчи, что его нельзя было взять в гостиницу и ночью пришлось его мыть из пожарной кишки, чтобы отделаться от ужасающей вони. Этот пойнтер сопровождал мою мать повсюду и прожил 14 лет безоблачно счастливых. У него было только одно желтое ухо, а иначе он был совершенно белый, что редко для этой породы собак.

Однажды мой отец решил предпринять поездку в Бухару и Самарканд, где в мечети Гур-Эмир похоронен Тамерлан. Мечеть требовала ремонта. В те времена никто не слышал об антикварах и скупщиках древностей. Бухара была еще средневековым городом, полным яркости и своеобразной прелести. На базарах отец покупал ковры и предметы из бронзы. Эти «акваманилы» стали необычайной редкостью с тех пор, как их стали собирать в Западной Европе. Отцу посчастливилось купить через адъютанта Туркестанского генерал-губернатора один необычайно редкий котелок, который с тех пор стал известен на весь мир. Вещь эта единственная в своем роде. Во-первых, благодаря своему качеству и отделке, во-вторых, потому что имеется дата, когда эта вещь была сделана. Год обозначен: 559 гиджры (мусульманского календаря), что соответствует 1163 году по нашему летоисчислению. Сделан был этот котелок в Герате для хаджи Рукн-Эд-Дина, сына Абу Хуссейна Зенджанского; профессор Н. И. Веселовский написал специальную монографию с многочисленными иллюстрациями этого предмета. Книга вышла в 1910 году¹⁵.

После Туркестана мой отец бывал несколько раз на Кавказе, и в далеких аулах Дагестана он находил много предметов из бронзы, сделанных в Персии в XII и XIII веках. Местные жители продолжали пользоваться этой бронзовой посудой для своей пищи. Всего у моего отца набралась коллекция свыше двухсот предметов этого замечательного искусства. Путешествуя по Дагестану, моему отцу приходилось все время менять переводчиков, потому что одно селение не говорило на наречии соседнего селения. Громадные горы мешали сообщениям между населенными местами. Ездили верхом или на маленьких повозках, запряженных осликами. 108

Граф Алексей Александрович Бобринской
(1852—1927)

Фото из архива ИИМК РАН

Алексей Александрович Бобринской на раскопках кургана «Солоха», 1913 г.

Фото из архива ИИМК РАН

Однако не только археология интересовала моего отца, он тоже занимался общественными делами, состоял гласным Петербургской городской Думы и был даже один год ее председателем. В городской управе он тоже никогда не пропускал заседаний. Мой отец был всегда очень вежлив. Про него было пущено «крылатое слово»: если графу Бобринскому пришлось бы делать доклад о ремонте городской петербургской канализации, то он сказал бы не «Трубы лопнули», а «Трубы изволили лопнуть»...

Его председательствование в городской Думе совпало с моментом, когда обсуждались концессии на постройку городского электрического трамвая, и было предложено разным фирмам представлять свои проекты для получения концессии. Предложения поступали моему отцу на просмотр. В одной папке такого проекта мой отец, к своему удивлению, нашел записку на английском языке: «Узнайте, кто теперь председатель городской Думы, и предложите ему вознаграждение в размере пятидесяти тысяч рублей, если он утвердит наш проект». По-видимому, представитель фирмы либо случайно, либо нарочно «забыл» эту записку своего американского директора в досье предложения. Излишне говорить, что за такую попытку подкупа мой отец немедленно выкинул предложение постройки трамвая этой фирмы и исключил ее из числа соревнующихся предприятий. Не знаю, поступил ли бы другой председатель Думы таким же образом.

В 1900 году состоялась Международная выставка в Париже и мой отец был назначен главным русским представителем. Он всегда любил Францию, и это назначение дало ему возможность побывать во Франции еще раз и возобновить знакомства с его коллегами по археологии. Русский павильон был чудесный. Меха, уральские камни, предметы из дерева и вышивки, ковры и даже русский чай из государственного имения «Чаква» около Батума. Никто не знал, что в России может произрастать чай. В 1900 году я впервые побывал во Франции. Мы поехали всей семьей. Я в первый раз в жизни увидел море, когда мы водворились в даче на берегу моря в Берк-пляж. Отец все время ездил в Париж по делам выставки.

За свою работу на дело сближения России и Франции моему отцу пожаловали Командорский крест (на шею) французского ордена Почетного легиона. Мой отец, конечно, был рад получить эту высокую награду, но он относился довольно философски к этому событию и говорил только, что, дескать, теперь будут немножко меньше толкать его в толпе. Розетка с серебряной подкладкой этого ордена всегда была в петличке костюма моего отца, пока он был во Франции.

На следующий год мы всей семьей поехали в курорт Левико в Австрии, на границе Италии, где моей сестре Софии было предписано пить железистые воды. Мой отец не мог спокойно сидеть в этой дыре и довольно скоро повез нас в Триест, в Италии, после он поехал в город Чивидальэ, где в ризнице местного собора хранится замечательный псалтырь Архиепископа Трирского Экберта, десятого века. Эта священная книга побывала в России, и в Киеве к ней было прибавлено несколько миниатюр. Так как Киев был сожжен татарами в 1240 году, всякие рукописи этих далеких веков представляют собою громадную редкость. Их просто не сохранилось. Мой отец изучил и описал этот редчайший памятник древнего русского искусства в особой пространной статье, которая была издана в том же году в «Известиях Археологической комиссии»¹⁶.

В 1904 году разразилась японская война, и никто не мог себе представить, зачем она была нужна и как она кончится. Мой отец нарисовал разноцветными мелками целую стену на нашей террасе в Смеле¹⁷. Мы все следили за газетами и отмечали движение войск на этом плане Маньчжурии. Мой отец всю жизнь вел дневник¹⁸, но после катастрофы морского боя у Цусимы в мае, когда вся русская эскадра пошла ко дну, отец навсегда прекратил свой дневник.

В 1905 году вышла его книга «Херсонес Таврический» — результат его исторических исследований на протяжении многих лет. Год за годом отец описывает события с точки зрения города Херсонеса, начиная с самых древнейших времен и до наших дней. Указываются монеты разных царствований византийских императоров, которые были найдены в разное время в Херсонесе. Этот необыкновенный подход к историческому исследованию вызвал громадный интерес в русской науке.

1905 год ознаменовался небольшой революцией из-за поражения русской армии, и главным образом флота, в неудачной японской войне. Солдаты, вполне понятно, хотели поскорее вернуться домой, но железнодорожный путь в Сибирь был проложен из соображений соблюдения экономии только в одну колею. Поэтому поезда бесконечно задерживались на каждом полустанке, а тем более на каждой большой станции. Началось недовольство, и стали разбивать станции, а потом и магазины в городах. Начались забастовки рабочих на фабриках. Беспорядки перекинулись в Москву, куда пришлось послать Лейб-гвардии Семеновский полк под начальством полковника Мина, который быстро успокоил Москву, без больших жертв, и тем спас положение. Семеновский полк через несколько дней прошел с музыкой по улицам Москвы, и революция была окончена. Однако

одна террористка подкараулила полковника Мина на станции и застрелила его из револьвера в спину.

В Смеле, впрочем, не обошлось без погрома. Евреев всегда обвиняют в том, что они не желали служить на русской военной службе и какими-либо способами всегда старались отвертеться от воинской повинности. Кроме того, евреи всегда имели деньги и отдавали их в долг под громадные проценты. Если надо денег, — иди и бери в долг у местного еврея. Крестьяне в особенности чувствовали свою зависимость от евреев в отношении долгов. В случае неурожая — иди к еврею, подписывай долговое обязательство и возвращай деньги в срок с прибавкой процентов. Я склонен бросить упрек императорскому правительству в том отношении, что у нас не было поставлено дело оказания кредита крестьянам и в случае крайней необходимости они были принуждены идти за деньгами к ростовщикам-евреям.

Если бы российское правительство обеспечило крестьян кредитом на случай неурожая или падежа скота, то в еврейских ростовщиках не было бы надобности. Когда должник-крестьянин не мог заплатить в обусловленный срок деньги еврею, тот на законном основании опротестовывал расписку крестьянина (на гербовой бумаге, имевшую бесспорную законную силу), и имущество крестьянина продавали с торгов. Это, конечно, вызывало много недоброжелательства со стороны крестьян по отношению к евреям.

Евреев стали обвинять в увиливании от военной службы и в разорении крестьян, когда те не имели возможности вернуть долг. Это положение отчасти объясняет погромы. Разные безответственные элементы нападали на еврейские дома, выпускали пух подушек на улицу, избивали ни в чем неповинных евреев, и иногда даже были случаи убийств. У нас в Смеле обошлось без убийств и убытки были только материальные. Крестьяне толпами набрасывались на дома евреев и разбивали мебель и утаскивали самовары и посуду. Полиции было недостаточно, но совершенно неправильно было бы обвинять царское правительство в устройстве погромов. Такое обвинение просто было бы неправдой. Конечно, власть не устраивала погромов.

Когда погром кончился, а длился он всего два дня, к моему отцу явилась делегация смелянских евреев с раввином во главе с просьбой стать во главе комитета по сбору пожертвований пострадавшим от погрома. Это были торговцы и ремесленники. Мой отец старался объяснить делегатам, что, как не еврей, ему трудно выступать с просьбами о помощи, так как ему могут не поверить. Но делегаты настаивали, и, конечно, мой отец согласился. Он сразу стал писать своим евреям-археологам и ученым за границу, обратился к Соломону Рейнаку в Лувр в Париже, к Ротшильдам в Лондон и Америку. По-

жертвования стали довольно быстро поступать, и через месяца три-четыре было собрано пятьдесят тысяч рублей — очень крупная сумма денег по тем временам ¹⁹.

Помню, как однажды уже другая делегация евреев пришла к нам в усадьбу, и раввин нес какой-то блестящий предмет на высоком шесте. Только потом взволнованный мой отец объяснил мне, какая это была высокая для него честь. Блестящий предмет был священной Торой в серебряном цилиндре. Он с благодарностью принял этот замечательный подарок и хранил его у себя в доме как большую и ценную редкость. Раввин произнес речь со ссылками на псалмы из Священного Писания, относящимися к временному характеру людских несчастий. В конце концов Божия милость должна вернуться и трудности должны сгладиться.

В Смеле революция прошла совершенно спокойно и наши рабочие не бунтовали. Пока мы жили в Смеле, мой отец был вызван в Петергоф, чтобы принять участие в петергофских совещаниях по вопросу о созыве Государственной Думы и даровании других реформ. Совещания происходили под личным председательством государя. Первое заседание состоялось 19 июля, в присутствии 48 призванных императором лиц. Среди приглашенных были, конечно, великие князья во главе с Владимиром Александровичем. Он считал себя каким-то опекуном своего слишком мягкого племянника и не стеснялся говорить свое мнение при всяком удобном и неудобном случае. Возражать дяде императора не всегда решались, что не улучшало атмосферы. Мой отец имел с этим великим князем несколько стычек во время петергофских совещаний и не стеснялся говорить то, что думал. Мой отец предвидел много затруднений с проведением в жизнь Булыгинского проекта Думы. Проект был так назван по имени автора — министра внутренних дел. Владимир Александрович почему-то считал, что Булыгинский проект не нуждается ни в каких поправках и дополнениях. Мой отец держался обратного мнения и настоял на принятии многих поправок.

Приходилось обсуждать и общие положения, и невероятные подробности. Следовало ли назначить депутатам Думы жалованье? Следует ли допускать на заседания корреспондентов газет или заседания должны быть при закрытых дверях? Как разделять выборные округа, куда включать города? Нужно ли считать такой крупный центр, как Одесса, отдельным районом или же включить его в выборы всей губернии? Как быть с духовенством? Должно ли оно включаться в общие списки избираемых или же быть отдельным сословием и иметь как таковое своих представителей в Думе? Если духовенство является сословием, то почему не дворянство? Сколько

голосов предоставить сословию крестьян? Если дать много представителям крестьян, то Дума будет полуграмотная, потому что среди крестьян много малограмотных. Надо ли установить «образовательный ценз» грамотности или окончания каких-либо школ и если да, то каких?

Надо ли установить «имущественный ценз» — владение собственностью, домом, полем, фермой, фабрикой или же все голоштанники должны иметь одинаковые права, как профессора университетов? Если дать абсолютное равенство всем в выборах, то возникнет много подкупа и выборов депутатов за выгоды, деньги или подарки своим выборщикам.

Все эти жгучие вопросы были подвергнуты обсуждению, но не все были ясно решены. Государь обыкновенно соглашался с большинством и переходил к обсуждению следующего пункта. Он сам не проявлял горячности и вел заседания очень хладнокровно и даже равнодушно. Заседаний было всего пять, этого было мало для выяснения вопросов такой громадной важности для будущего России. Дума была созвана, но очень скоро распущена, Вторая Дума была также неудачной. Наконец, только Третья Дума была работоспособной и проработала все положенное время. В Третью Думу мой отец был избран депутатом от Киевской губернии. Он бросился в водоворот политики, и его речи всегда привлекали общее внимание. Третья Дума провела множество законов, была вполне «демократичной», и при ней Россия стала на путь счастливого развития.

Мой отец говорил впоследствии, что лучше было бы изучить во всех подробностях избирательные законы в Думу, а не спешить с законодательством, которое пришлось впоследствии и ломать, и переделывать? В первые две Думы попало много крикунов и полуинтеллигентных людей, совершенно неподготовленных к созданию разумного законодательства. Многие говорили без конца, лишь задерживая ход работ, другие пользовались эстрадой, чтобы вести крайнюю революционную пропаганду в стиле Желябова, и это тоже не относилось к делу. Правительство просто не могло работать с такой Думой, как первая и вторая. Каждое предложение правительства встречало оппозицию.

Как раз в это время, даже за месяц до начала петергофских совещаний, из Америки пришло предложение президента Рузвельта о посредничестве в переговорах с Японией. 6 июля 1905 года Витте уже выехал в Америку для заключения мирного договора с Японией. Я упоминаю это событие потому, что оно играло такую большую роль в истории России, и потому, что Витте был другом моего отца. Помню, как-то он сидел в гостиной моей матери и пил чай. Зашел

разговор о монетах, потому что у отца была одна из лучших коллекций в России и он поощрял мой интерес к нумизматике с самого раннего моего детства. Мы часто разбирали монеты вместе. Витте сказал: «Вот Вы, наверно, такой монеты никогда не видали?» — и протянул мне рукой кошелек из замши, в котором была монета. Я остолбенел. Монета была золотой, по размеру рубль, и надпись: «37 рублей 50 копеек. 100 франков», и год недавнего времени. Действительно, я ничего подобного не видывал. Витте рассмеялся и объяснил, что он выиграл этот золотой рубль в карты с государем императором, который всегда платил свои проигрыши символическим подарком выигравшему у него партию. Правда, не мог же Император Всероссийский рассчитывать в копейках со своими партнерами по игре в карты. Такие рубли чеканились специально по приказу государя для его личных подарков. Видя мое детское волнение, Витте сказал: «Ну вот, я Вам с удовольствием дарю эту монету на память...» Я не знал, что сказать от смущения.

Несмотря на свои успехи по мирному договору с Японией (Витте правда получил графский титул), у него появилось множество врагов и завистников. Уступив Японии половину острова Сахалин, которая и без того уже была занята японскими войсками, Витте не согласился ни на какие денежные контрибуции, и Россия вышла сухой из воды. Его стали называть граф Витте «Полусахалинский», что было недостойной интригой.

В Государственном совете кресло моего отца, вероятно по чистой случайности, стояло рядом с креслом Витте, что давало им возможность обмениваться мнениями без всяких усилий. Назначение моего отца членом Государственного совета произошло в то время, когда он был членом Государственной Думы третьего созыва. Это, кажется, единственный случай, когда члена Думы назначали в Государственный совет. Отчасти это было жалко, потому что отец был таким энергичным членом Думы, но в отношении службы и положения быть членом Государственного совета считалось высокой наградой верховной власти.

Учитывая роль русского дворянства в прошлом, мой отец организовал новый орган, в котором он стал председателем. Это был «Совет Объединенного Дворянства» всех губерний. Собрания происходили в нашем доме на Галерной улице, куда съезжались представители самых разнообразных политических направлений, и моему отцу было нелегко находить общий язык и согласовывать мнения, иногда весьма противоречивые. Надо удивляться энергии моего отца, который не мог не знать, на что он идет и какие трудности лежат на его пути. 28 марта 1907 года состоялся Третий съезд

объединенного дворянства, который можно было бы назвать скорее «разъединенного», чем «объединенного». Особенно враждебны были представители Псковского и Воронежского дворянства, некоторые депутаты прямо заявляли, что дворянству нечего объединяться, так как это отжившее сословие, анахронизм. Однако моему отцу удалось примирить и урезонить зарвавшихся теоретиков и сплотить организацию, направляя ее деятельность в общих интересах дворянского сословия ²⁰. [...]

В 1908 году состоялась свадьба моей второй сестры Домны с графом Дмитрием Александровичем Шереметевым. Это торжество происходило в домовый церкви отца жениха, на Французской набережной в Петербурге. Присутствовали вдовствующая императрица Мария Федоровна, шеф Кавалергардского полка, в котором служил Шереметев. Я, как единственный брат невесты, был старшим шафером. По количеству гостей и роскоши дамских туалетов и бриллиантов это была, вероятно, самая блестящая свадьба за весь год. В зале на нижнем этаже шереметевского дома на полу стоял большой стеклянный шкаф-покрышка, под которым было седло Карла Двенадцатого, взятое солдатами при бегстве разбитого шведского короля на Полтавском поле. Царь Петр подарил это седло графу Борису Петровичу, и оно с тех пор находится в семье потомков славного петровского фельдмаршала. Это седло сделано из расшитого позументом бархата и имеет кобуры для пистолетов по бокам. [...]

В 1910 году была устроена замечательная выставка восточного искусства в Мюнхене. Моему отцу было предложено туда послать часть своей коллекции древнеперсидской бронзы. Он согласился и отобрал несколько лучших вещей. На открытие выставки мы поехали вместе. Действительно, вещи коллекции моего отца произвели сенсацию, потому что их никто из ученых археологов еще не видал, а по своей природной скромности мой отец не делал вещам должной рекламы, какая полагается на Западе. Был издан роскошный иллюстрированный каталог в трех томах. На первом месте был помещен гератский бронзовый котелок 1163 года.

Мы познакомились со многими учеными, в том числе со шведом доктором Саррэ, у которого была прекрасная коллекция восточных вещей. До отъезда мы побывали в театре и смотрели пьесу Шиллера «Натан дер Вайзе». Посетили также и знаменитую пивную «Хофбройхаус».

Если бы кто-нибудь мог в то время думать, что всего через 7 лет произойдет в России полная конфискация имущества всех несчастных граждан, то, наверно, мой отец оставил бы свои вещи в сейфе мюнхенского или любого другого банка в Европе, а не отправил все

эти сокровища назад в Петербург, чтобы расставить их у нас внизу в столовой на их прежних местах. Но мы все были патриотами и не хотели иметь имущества за границей. В том же 1910 году в Риме умер граф Григорий Сергеевич Строганов. По своему духовному завещанию он оставил Эрмитажу все свои русские сокровища, которые были у него в Риме, в том числе изумительные вещи древневосточного серебра — сассанидские блюда — и вещи, найденные в раскопках в России. [...]

9 сентября 1912 года скончалась мать моего отца в возрасте 83 лет. Для моего отца это было ужасным горем. Бабушку похоронили в Смеле на паперти Успенской церкви рядом с могилой ее мужа, моего деда, который скончался в 1903 году. Мой отец в это время был уже членом Государственного совета, и заседания еще не начались, тогда как все члены Третьей Думы, среди которых мой отец был до своего назначения в Государственный совет, должны были 12 июня присутствовать во дворце в Царском Селе, на приеме у государя, который благодарил их за работу Думы, когда она закончила свой мандатный срок и провела громадное число законов Российской Империи.

В 1912 году, летом, пастушки села Малая Перещепина, около Полтавы, нашли в осыпях оврага несколько золотых предметов. Несколько вещей было продано местным торговцам, но полиция узнала об этой находке и сообщила о ней известному коллекционеру Богдану Ивановичу Ханенко, в Киев. Ханенко немедленно постарался скупить как можно больше вещей и сообщил об этом моему отцу. В России законы о находках старинных предметов были довольно неясны, и нашедшим вещи (в особенности на своей земле) принадлежало право их брать себе или продавать на вольном рынке. Только если находили вещи исключительного значения и ценности, предупреждали полицию и старались забрать вещи и дать владельцу справедливое вознаграждение. Однако всякое вмешательство полиции всегда вызывало протесты и оппозицию. Кроме того, о находках узнавали слишком поздно, когда большая часть найденного была уже продана мелким ювелирам какого-нибудь заолустного города, а те, чтобы избежать разных обвинений в покупке краденого добра, часто просто переплавляли предметы из золота на слитки, и таким образом вещи просто переставали существовать. Мой отец безуспешно боролся с таким положением, и, по его мнению, в России каждый год пропадало множество старинных драгоценностей древнегреческого производства. То же самое можно сказать и о монетах. Часто находили целые горшки, полные интересных монет, но лишь ничтожная часть их доходила до музеев. Остальное расходилось по рукам. Вос-

становить такую находку было уже невозможно, и ученые не могли знать, какие именно монеты были найдены и в каком количестве. Древнегреческая колония в Ольвии, в Крыму, принадлежала графу Мусину-Пушкину, это была его земля. Все, что там находили, а находили очень много предметов, делилось пополам, и граф Мусин-Пушкин каждый год приезжал на выставку находок, которую мой отец устраивал в Археологической комиссии, и выбирал себе добрую половину вещей. Только вторую половину мой отец «спасал» для какого-нибудь музея или даже для самого Эрмитажа. Приходилось приходиться к соглашению с собственником земли, на которой такие находки происходили. Граф Мусин-Пушкин был очень культурный человек, но отец мой иногда кусал себе губы, когда Мусин-Пушкин себе забирал какую-нибудь мраморную статую пятого века до Рождества Христова. Что ни говори, право собственности в России очень уважалось. Ленину и его друзьям пришлось пролить много народной крови, чтобы искоренить понятие о собственности.

В конце концов, перещепинский клад удалось спасти почти полностью благодаря щедрой помощи Богдана Ивановича Ханенко. Таким образом, почти весь перещепинский клад был сосредоточен в Императорской Археологической комиссии и приобретен для Императорского Эрмитажа. Среди вещей особенно выделяется по своему значению серебряное блюдо диаметром в 57 сантиметров и весом в 13 фунтов, принадлежавшее епископу Патерну города Томи (нынешняя Констанца в Румынии) во время царствования византийского императора Анастасия I (491—508). На официальных актах этот епископ подписывался: «*Paternus, misericordia Dei episcopus Scythiae provinciae metropolitanus*».

В марте состоялся Международный конгресс историков в Лондоне, и мой отец принял приглашение прочесть доклад, так же как и его коллеги по Археологической комиссии Придик, Ростовцев, Фармаковский и фон Штерн. Все ученые поехали вместе. Темой своего доклада мой отец избрал: «Перещепинский клад». Этот доклад имел громадный успех. Никто из европейских ученых ничего не знал об этой находке, о которой мой отец, со свойственным ему красноречием, рассказал впервые. Мой отец высказал предположение, что этот епископ Патерн Томийский принадлежал к числу так называемых придворных византийских епископов, проживавших в Константинополе. В то время латинский язык был официальным языком в Византии, и поэтому вполне понятно, что надпись на блюде сделана по-латыни. О городе Томи мы знаем весьма немногое. Возникнув сначала как греческая колония, Томи под римским владычеством оказался в области распространения латинского языка, благодаря созданной

императором Августом охране, лежавшей вдоль Дуная — границы Империи. Город вошел в пределы провинции Мезии. Здесь провел годы своего изгнания поэт Овидий. Он говорит в своей автобиографии:

«Cum maris Euxini positos ad laeva Tomitas
Quaerere me laesi principis ira iubet».

В русском переводе И. Аралова это звучит так:

«В Томи вдруг ехать велел, в городок, что на западе Понта,
Мной оскорбленный наш вождь, в гневе большом на меня».

Территория нынешней Добруджи составила позднее особую провинцию, получившую имя Скифии. Поэтому епископ Патерн именовался епископом Скифской провинции, которой главный город был Томи, с резиденцией губернатора (*praeses* — презес). В пятом и шестом веках Томи были богатым и цветущим городом, находящимся, впрочем, в постоянной опасности от соседних варваров — авар. В 599 году под самыми стенами Томи произошла большая битва, в которой византийский военачальник Мартин разбил аварского кагана и заставил его бежать за Дунай. Вскоре, однако, каган оправился и снова подступил к Томи, византийское войско было разбито, и варвары дошли чуть ли не до самого Константинополя. Пришлось откупаться ценными дарами и платить им большую сумму золотых. Затем в начале VI века авары, славяне, и в особенности болгары, хозяйничали свободно на Балканском полуострове, доходя чуть ли не до столицы империи. О городе Томи есть упоминание под 704 годом, когда император Юстиниан Второй, спасаясь от преследований внутренних врагов, бежал через Томи в Херсонес. К этому времени в Томи осталось мало от прежнего великолепия, так как историк упоминает об этом городе как о сельской местности. Наконец, в списках епархий константинопольского престола IX века имени Томи уже нет. Однако Лиутпранд, историк X века, на обратном пути из Константинополя заезжал в Томи и упоминает, что слышал здесь богослужение на готском языке. Мой отец приходит к выводу, что перещепинский клад должен быть отнесен, судя по монетам и штемпелям, к концу VII века. Можно предположить, что клад этот является тяжелой расплатой с варварами, откупом, благодаря которому авары согласились отступить от города. При этом жителям Томи пришлось расстаться со всеми своими богатствами, до церковных сокровищ включительно. Несомненно, что авары или славяне возвратились на родину, нагруженные золотом и серебром. История безмолвствует относительно того, что происходило в Южной России

и близ Полтавы в VII веке после Рождества Христова. Это время как раз предшествовало великому арабо-магометанскому движению. В Византии престол был занят серией бессильных и развращенных монархов, поглощенных нескончаемой борьбой за сохранение власти. Арабы и персы наводняют империю с востока. С севера авары и славяне уничтожают города и села, увозя с собою в плен поголовно все население. С каждым годом разграбления становятся все хуже и хуже. Перещепинский клад представляет собой, вероятно, картину большого разграбления такого рода. Можно себе представить какой-нибудь «почестен пир» славянского вождя VII века где-нибудь в его кочевом стане недалеко от Полтавы, когда на столах красовалось все его добро, награбленное у византийцев, — золотые и серебряные блюда и сосуды.

Помимо этого замечательного блюда епископа Патерна было найдено очень много других удивительных предметов. Среди них прекрасное вызолоченное серебряное сасанидское блюдо с изображением царя Сапора Второго (жившего в IV веке), скачущего на охоте за муфлонами. К сожалению, этот первоклассный образчик превосходного сасанидского дела очень пострадал от грубого обращения находчиков, вынимавших его из земли. Серебро, ставшее весьма хрупким от долгого лежания под землей, ломается при прикосновении, и диск был разломан на мелкие кусочки. Стоило огромных усилий, чтобы сложить и склеить разрозненные обломки этого чудесного предмета, когда он поступил в Археологическую комиссию в Петербурге. Помимо этого блюда было найдено еще три других, вероятно, служивших для церковного употребления. Было найдено тоже множество серебряных ваз. На одной из них были рельефные изображения фигур женщин в длинных платьях с лирами в руках. Здесь же звери, деревья, растения, виноградные лозы, цветы, изображение лебедя с распростертыми крыльями и ожерельем на шее, лисицы, хватающей гуся, ястреба, нападающего на перепелку, и т. д. Были найдены десять серебряных стаканчиков, пара массивных серебряных стремян и огромная, вызолоченная серебряная амфора весом в 55 фунтов. Ручки этой амфоры изображают двух больших, художественно исполненных дельфинов. Но главной ценностью этого клада было невероятное количество предметов из золота. Кувшины, вазы, тарелки, браслеты, пряжки, одиннадцать кубков, перстни, рукоятки мечей, ожерелья, подвески, пластинки для украшения седла, бубенчики, бляхи (их было найдено 210 штук) — все эти предметы из чистого золота, общий вес которого превышал 50 фунтов. Поистине это был изумительный клад. Кто бы ни были эти победители византийцев, их разгульная власть была недолговеч-

на. Другие варвары нагрянули с востока, и этим аварским ханам, в свою очередь, приходилось спасаться бегством. Перещепинским владыкам пришлось, в свою очередь, испытывать ужасы страха перед надвигавшимися одичалыми и сильными племенами. И вот в песчаных дюнах близ Полтавы аварский хан наскоро закапывает и упрячивает свои сокровища. Надо отдать ему справедливость, запрятал он их хорошо. Минули века, прежде нежели ветер снес песчаные насыпи и пастушки села Малой Перещепины выгребли из тайника серебряную и золотую утварь. Тщательно сохранили эти сокровища в течение многих столетий малороссийские пески, эти немые свидетели стольких народных передвижений. В самом деле, Украина в эпоху средних веков составляла излюбленный путь для странствований бесчисленных племен, и неудивительно, что Малороссия представляет настоящую сокровищницу кладов и старины всех времен. И ныне, восхищаясь Перещепинским кладом, мы поневоле позабываем о тех диких сценах грабежа и потоках крови, которым потомство как-никак обязано сохранением перещепинских сокровищ до наших дней. Этими словами мой отец закончил свой доклад.

Доклад сотрудника моего отца по Археологической комиссии фон Штерна касался другого клада, найденного летом того же года, как и перещепинский, — 1912-го — около немецкой колонии Бородино в Бессарабской губернии. Колонисты, добывая камни в холмистых окрестностях этого села, наткнулись на эти замечательные древности. Благодаря культурности крестьян и сельского учителя, эти предметы не были проданы, как это часто бывает со случайными находками, торговцам на месте на вес металла или разбросаны, а попали целиком по назначению в Императорскую Археологическую комиссию, которая их приобрела и по Высочайшему повелению передала их в Музей имени Императора Александра III. Колонисты тщательно собрали все, что было в земле, и поэтому клад сохранен полностью. Клад этот относится ко второму тысячелетию до Рождества Христова. Предметы довольно необычайные как по своему назначению, так и по материалу, из которого они сделаны. В находке имеются четыре целых каменных топора и два фрагмента. Это не простые топоры, а одни сделаны из ценного нефрита, а другие — из серпентина (камень зеленый с белыми крапинками). Единственные известные топоры, подобные этим, были найдены в развалинах Трои известным немецким археологом Шлиманом. Вероятно, они служили не для обычного применения, а для торжественных церемоний. Другие предметы того же клада сделаны из серебра с золотыми украшениями. Серебряное копье, большая серебряная булавка 31 сантиметра длины, с золотой насечкой, тоже служат указанием на

то, что эти предметы были орудиями культа, а не служили для военных целей. Борис Владимирович Фармаковский прочел доклад на тему: «Архаический период в России». Он указал на происхождение «звериного» стиля, и на историю взаимоотношений древнейшего ионийского искусства с искусством Малой Азии, и на отношения к Малой Азии народов Скифии. Изображение львов, оленей на серебряных предметах, находимых в России, тесно связано с подобными же изображениями на предметах из Малой Азии.

Профессор М. И. Ростовцев прочел доклад на тему о «Воронежском серебряном сосуде», который был найден в раскопках около города Воронежа и поднесен местными археологами государю императору. Впоследствии этот сосуд был передан в Археологическую комиссию. Ростовцев сравнивает этот сосуд с известным подобным же сосудом, найденном в кургане Куль-Оба. На обоих сосудах изображены скифы-воины в рельефной композиции. Благодаря этим сосудам, мы точно знаем одежду и вооружение древних скифов. Е. М. Придик прочел доклад о новых кавказских кладах. Близ села Бори, Шаропанского уезда, Кутаисской губернии, землевладелец г. Мачавариани, перекапывая свой виноградник, нашел множество серебряных чаш и других предметов. Одна чаша особенно интересна. На ней изображена лошадь, стоящая перед алтарем, на котором лежат яблоки и другие фрукты. Было также найдено множество золотых браслетов, серег и монет. Все эти предметы относятся к первому веку после Рождества Христова. По распоряжению моего отца некоторые вещи были отправлены не в Эрмитаж, а в Русский музей Императора Александра III в Петербурге, в том числе 2 серебряные чаши и много оружия из железа, которые более подходили к этому музею, чем к эрмитажным коллекциям. Поистине Кавказ и весь юг России были какими-то бесконечными источниками археологических находок. Доклады всех пяти ученых имели громадный успех среди участников этого конгресса и пролили свет на малоизвестные стороны русской археологии. В начале 1914 года вышла в свет особым изданием Археологической комиссии книга, посвященная этим докладам, с многочисленными, прекрасно исполненными иллюстрациями.

Из Кембриджа в Англии приезжал к нам в Петербург известный впоследствии профессор археологии и палеографии Эллис Миннз. Мой отец принял его очень радушно, познакомил с другими археологами, показал ему все эрмитажные коллекции, провел его в члены Императорского Русского Археологического общества и в члены Императорского Исторического общества любителей древностей в Одессе. Миннз впоследствии написал большой труд под заглавием «Scythians and Greeks», Cambridge University Press, 1913.

В этой книге Миннз постоянно ссылается на археологические труды моего отца, который дал ему разрешение пользоваться всеми иллюстрациями как его книг, так и рисунками из других ученых изданий Археологической комиссии. В своей книге Миннз пользуется репродукциями с рисунков моего отца, описывая находки и археологические раскопки в России. Миннз увез с собою в Кембридж целую библиотеку книг, подаренных ему моим отцом. Много лет спустя я посетил профессора Миннза в Англии, и он очень радушно меня принял. Он высказал некоторое сожаление, впрочем неизбежное, что в его труд не вошли описания находок в знаменитом кургане Солоха, потому что раскопки этого удивительного по богатству найденных сокровищ кургана произошли в том же 1913 году, когда уже его труд был опубликован.

Солоха был поистине удивительным событием в русской археологии. Старший член Императорской Археологической комиссии профессор Николай Иванович Веселовский давно направлял свои изыскания в сторону района, который еще Геродотом был назван «Геррос» — царство кочевников-скифов, малоизвестных и загадочных людей, которые делали набеги на греческие колонии с незапамятных времен. Это скифское царство простирается на равнинах Южной России, в Таврической и Херсонской губерниях. Около города Никополя знаменитый русский археолог Забелин нашел великолепную серебряную вазу в кургане Чертомлык в 1871 году. С тех пор она является перлом эрмитажных коллекций и не дает спать русским археологам. Веселовский поехал искать еще другие возможные курганы в этой местности. Жители указали ему на высокую насыпь, возвышавшуюся среди необозримых степей, и эта насыпь привлекла его внимание, и он решил ее раскопать. Работы по удалению лишней земли затянулись на два месяца, пока рабочие не дошли до грунта, т. е. светло-желтой глины, которая всегда находится под толстым пластом чернозема. Когда стали попадаться кости лошадей и даже бронзовые предметы, Веселовский остановил работы и послал моему отцу телеграмму в Смелу: «Дошел до погребения, которое, может быть, представляет большой археологический интерес. Приезжайте. Веселовский».

Мой отец собрался немедленно и разрешил мне его сопровождать. В одно прекрасное летнее утро мы пустились в путь. Сперва по железной дороге от нашей станции Бобринская Юго-Западных железных дорог, а выйдя на маленькой станции Никополь, сели на тележку, запряженную парой лошадок, и пустились по степи рысцой. На протяжении тридцати километров нам не попалось ни одной деревни, ни одного дома. Только громадные птицы дрофы смотрели на

нас, разгуливая по степным просторам и собирая кузнечиков под лучами палящего солнца. Наша поездка казалась нескончаемой. Ни одного поселения, всюду ровная, солнцем выжженная степь. Наконец наш молчаливый возница указал своим кнутом вдаль и сказал: «Вот виден курган». Мы встрепнулись. Действительно, на горизонте виднелись возвышение и люди около него. Мы подъехали к этому месту и увидели радостную фигуру дорогого, приветливого Веселовского. Мы соскочили с повозки и бросились к нему навстречу. Рабочие медленным шагом выходили с нагруженными землей тачками. Курган был действительно большим. От грунта до верха насыпи было 27 футов. Веселовский жил в довольно примитивной палатке, вторая палатка была предназначена для нас с отцом. Неподалеку был разложен костер из веток и прутьев, доставленных откуда-то издалека. Над костром висел большой чугунный котел, в котором варился суп из баранины. Вероятно, в таких же котлах варили себе пищу скифы 24 века тому назад. Воду доставляли в бочках из колодца далекой деревни. Солнце продолжало греть нас неумолимо. Веселовский жил в этом месте уже более месяца, подготавливая раскопку могилы. Для этого надо было раскопать и удалить громадное количество земли. Наконец вся насыпь была прорезана поперечными проходами, и можно было ясно видеть засыпанную черной землей могилу, расположенную в светлом, глинистом грунте. «Завтра начнем», — лаконически заявил Веселовский. Закусив вареной бараниной и выпив чаю, мы легли спать. Никаких кроватей у нас, конечно, не было, и мы просто легли на землю, подстлав под себя походные одеяла. Мы заснули как убитые. Посреди ночи всех нас разбудил страшный гром. Молния сверкала, полил дождь, наша несчастная палатка пропускала дождь как сквозь сито. Все наши скромные пожитки промокли немедленно. Потоки жидкой грязи стали заливать нас со всех сторон. Дождь все усиливался. Молния сверкала поминутно, раскаты грома гремели не переставая. Мы почувствовали себя совсем беспомощными и не знали, что делать. Спать было невозможно. Вся почва превратилась в жидкую массу грязи. Мой отец сказал: «Это царь защищается. Он не хочет, чтобы мы беспокоили его могилу». Гроза продолжалась около часа. Наконец ливень прекратился и ветер утих. На небе появились звезды, обрывки грозовых туч еще ползли кое-где по небу. Забрел рассвет. Мы сварили себе чаю и направились к месту раскопок. Проведя бессонную ночь, мы чувствовали себя усталыми, но горели желанием поскорее начать работу. «По-моему, скифский царь ничуть не противится нашим раскопкам, наоборот, он послал дождь, чтобы размягчить почву и облегчить нам раскопать его могилу», — сказал Веселовский. Однако мой отец не сдавался:

«Может быть, царь и не противится, но курган этот называется Солоха, а “Солоха” значит на местном наречии ведьма, вот эта ведьма нам и чинит затруднения». Солнце встало, небо было безоблачно ясным, как будто никакой грозы и не было. Воздух был живительно чистым. Мы подошли к месту погребения. Мой отец и Веселовский взяли в руки острые лопаточки, а я стал в почтительном отдалении, чтобы им не мешать. На земле разложили газеты, на которые можно будет класть все, что будет найдено. Приготовили и несколько сит для просеивания земли, содержащей мелкие предметы. Оба археолога встали на колени и начали с величайшей осторожностью скрести чернозем, которым была засыпана могила. Несколько рабочих стояли наготове с большими лопатами. Они принимали к сердцу все, что происходило, и с большим волнением следили за работой ученых. Вскоре послышались знакомые звуки, когда лопаточки натыкались на первые металлические предметы, закопанные в погребении. Это были мелкие стрелки, глиняная посуда, кусочки истлевшего дерева, бревен, которыми была обложена могила. Древки стрел давно истлели и обратились в желтоватую пыль. Вокруг могилы было найдено 8 скелетов лошадей. Верных спутников скифского царя убивали и хоронили вместе с их умершим хозяином. Вокруг могилы стояло 16 больших глиняных амфор, в которых для умершего царя было налито вино или масло, которое могло ему понадобиться в загробной жизни. Разбор этих лошадиных скелетов и их уздечек (уцелели только бронзовые бляшки, нашитые на кожаные ремни, истлевшие от времени) потребовал немало времени. С глиняными амфорами и посудой надо обходиться очень осторожно, потому что за 2 с половиной тысячи лет вес земли так давит на хрупкий предмет, что, лишившись этого давления при изъятии предмета из земли, он часто разваливается на куски. Удалять прилипшую к амфорам землю надо тоже с большой осторожностью. Лучше сразу ничего не удалять, а смыть прилипшие веками куски земли впоследствии, когда предмет освоится с воздухом. Иногда рекомендуется смывать прилипшую грязь не водой, а согретым оливковым маслом. С громадными предосторожностями мы вынесли эти 16 амфор, с прилипшей к ним землей, и поставили их около наших палаток. Это потребовало немало времени. Всякую операцию мой отец останавливал и зарисовывал по плану, где именно каждый предмет был найден, а Веселовский вел подробную запись, отмечая поминутно, что именно когда было найдено. Надо было сдерживать свое нетерпение. Только после очистки окружающего могилу пространства от всех конских скелетов и амфор можно было приступить к самой могиле. Для этого археологи решили соскрести лежащую на ней землю тонкими слоями и просе-

ивать всю землю через сито. Эта предосторожность необходима, потому что иногда в самой рыхлой земле скрываются мельчайшие предметы: бляшки, нашитые на одежду, кончики стрел и другие предметы. Рабочий осторожно трясет землю в сите, и только мелкая пудра падает на землю, а все более крупное остается на поверхности сита. Наконец Веселовский и мой отец смогли определить расположение скелета царя и стали вынимать землю, окружавшую его, буквально по столовой ложке. Постепенно скелет стал вырисовываться все яснее и яснее. Царь — теперь у нас не осталось никаких сомнений, что это был царь, предстал нам во всем своем великолепии. На нем была разноцветная шелковая туника, вся обшитая золотыми бляшками. Шелковые нитки его одежды кое-где сохранились, но, как только они соприкасались со свежим воздухом, их яркие цвета моментально блекли. Красные, лиловые, синие и желтые нити превращались в пыль через несколько секунд. Золотые бляшки — их было найдено более трехсот — совершенно не пострадали от долгого лежания в земле. Золото совсем не подвергается окислению и блестит как новое. Вдоль скелета лежало два меча, один из них в золотых ножнах, на голове царя был бронзовый шлем, а под шелковой туникой была кольчуга из множества бронзовых бляшек, чтобы защитить царя от вражеских стрел. Несколько бронзовых булав тоже лежали вдоль скелета. У ног царя мы нашли 7 серебряных чаш с рельефными изображениями охоты. Всадники скачут, окруженные собаками, задранными хвостом полукругом вверх. Рядом лежало большое золотое блюдо массивной работы, с изображением, по крайней мере, сорока дерущихся львов, тоже рельефной работы лучшего периода греческих мастеров. Вокруг шеи царя было массивное золотое ожерелье, заканчивавшееся гордиевым узлом, который держали в пасти два смотрящих друг на друга льва. Помимо этого массивного ожерелья вокруг шеи царя было еще два других, составленных из золотых трубочек с золотыми подвесками, пять массивных золотых браслетов украшали его руки. У ног царя было три больших бронзовых сосуда и несколько ваз для вина и масла. В боковой нише могилы мы нашли большой колчан, наполненный стрелами. Стенки этого колчана были облицованы золотым листом с рельефными изображениями сражений скифов с греками. Стрелы сохранились в виде слипшейся с землей щетинистой массы, но древки стрел давно истлели. Следов лука мы не нашли, вероятно, он тоже истлел от времени. Зрелище таких несметных богатств скифского царя нам вскружило голову. Найденные сокровища далеко превосходили все наши ожидания. В благоговейном молчании мой отец и Веселовский продолжали работать, бережно укладывая на листы газетной бумаги один предмет

за другим. Кто был этот могучий царь? Как его звали? На каком он говорил языке? Вопросы эти навсегда останутся без ответа. Только приблизительно, по сравнению с подобными предметами греческого искусства, можем мы догадываться о времени его жизни. Солнце стояло над нашими головами, было около полудня. Могила царя была наконец окончательно очищена от всех драгоценных предметов, которые станут гордостью Императорского Эрмитажа. Археологи смогли разогнуть свои спины. Мы все были ужасно голодны. Веселовский взял моего отца под руку и сказал: «Пойдемте теперь закусить, в могиле больше ничего не осталось». Они тихим шагом направились к палаткам, где их ждал суп из баранины и чай. Я не мог оторваться от теперь пустой могилы и как-то машинально продолжал скрести землю своей острой лопаточкой. Я остался совсем один на дне этого огромного кургана. Не знаю, почему это место меня все еще приковывало к себе как магнит, мой отец и Веселовский давно ушли. Тишина была мертвая. Я собирался уходить, потому что меня ждали старшие, да и делать тут было нечего. Вдруг моя маленькая острая лопаточка, которой я продолжал царапать дно могилы, царапнула что-то твердое, металлическое. Я копнул ниже, и из земли блеснул какой-то золотой предмет. Я копнул еще раз поглубже, и в моих руках оказался большой золотой предмет с какими-то зубьями. Я закричал от волнения в сторону, куда ушел мой отец с Веселовским: «Иди сюда, обратно, скорей, я нашел золотой гребень...» Я увидел, как мой отец повернулся в мою сторону и ответил: «Не трогай его, ты его сломаешь». — «Как я могу его сломать, он массивный, тяжелый, золотой», — ответил я. «Не говори глупостей! — закричал мой отец. — Золотых гребней не бывает, это, наверно, костяной гребень, приказываю тебе его не трогать, подожди, я сейчас иду», — и мой отец, несмотря на всю свою усталость, быстрыми шагами пошел ко мне. Я с торжествующим видом протягивал ему этот тяжелый гребень. Веселовский ковылял за моим отцом, он немного прихрамывал и не мог ходить быстро. Оба археолога выхватили у меня из рук тот предмет, который теперь знает весь ученый мир, — знаменитый солохский золотой гребень, лучший предмет всей этой замечательной раскопки. Это единственный на свете золотой гребень такой изумительной работы лучших греческих ювелиров IV века до Рождества Христова. Я, невежественный мальчишка, был первым человеком, которому довелось взять его в руки после двух тысяч трехсот лет, что он пролежал в земле Южной России. Пожелал ли дух скифского царя сыграть шутку над маститыми археологами или же ведьма-солоха подсунула мне в руки это сокровище, будущую гордость Эрмитажа?

На следующий день мы с отцом начали наше обратное путешествие в Смелу. Веселовский остался разбирать и укладывать все находки и отвез все эти сокровища в Археологическую комиссию для дальнейшего определения, чистки серебряных предметов и глиняных амфор. Колчан, отделанный золотыми листами, порядочно пострадал от давления земли, его пришлось долго выправлять и составлять все разбитые кусочки, но, когда он наконец был приведен в порядок, это оказался прекрасный предмет искусства. Удивительно было спокойно тогда на Руси. Никакой охраны у Веселовского не было. Он был совсем один со своими рабочими, но никому не приходило в голову ограбить или украсть эти сокровища. Веселовский бережно уложил все в вату и затем в большие коробки от макарон. Все пришло благополучно в Петербург, как его личный ручной багаж. Рабочим платили за восьмичасовой день два рубля пятьдесят копеек, а за сверхурочные часы по 40 копеек. Старший рабочий, или надсмотрщик (форман), получал 200 рублей в месяц. Уже существовало рабочее законодательство. Так, например, в случае гибели рабочего его вдова получала десятилетний оклад. [...]

Со стороны двора нашей смелянской усадьбы было деревянное крыльцо со ступеньками до входа в главную дверь. На этих ступеньках все люди, которые хотели показать свои находки моему отцу, их раскладывали и объясняли отцу, где и как они эти вещи нашли. Часто приносили разные польские монетки, обломки старинной посуды и всякую ветошь и дрянь. Иногда, впрочем, приносили и интересные вещи. Помню, раз выходит отец к ожидавшему его крестьянину и берет в руки какой-то блестящий предмет. Он нашел его в своем огороде, километрах в двадцати от Смелы.

По лицу моего отца было видно, что эта вещь его заинтересовала. «Сколько ты хочешь за эту вещь?» — ласково спросил крестьянина мой отец. Крестьянин, видимо, не решался сказать слишком большую цену, думая, что отец тогда ее не купит. «Ну что ж, восемьдесят рублей пожалуйста», — сказал крестьянин нерешительно. Мой отец ответил: «Эта цена слишком низкая, я тебе дам сто рублей». Крестьянин просиял и не верил такой щедрости отца. Когда отец протянул ему сторублевую бумажку, крестьянин сказал: «Позвольте теперь с Вашей милости попросить три рубля на радостях». Отец рассмеялся и дал ему еще три рубля. Их можно будет пропить, а сто отложить в сберегательную кассу на черный день.

Предмет этот оказался, к сожалению не цельным, а только частью золотого обруча-браслета со следами византийской эмали, вероятно, десятого века. Где и как пропала его другая часть, никто, конечно, не знал и не узнает. Впоследствии отец хранил эту вещь

рядом с другими византийскими эмалями своей коллекции в витрине в петербургском доме. В то же лето появилась еще и другая находка. Рыбаки около Черкасс, ловя сетями рыбу в Днепре, вытащили из песчаных отмелей два громадных черепа допотопного быка. Эти оба черепа были крепкие как камень от долгого лежания в воде. Размеры их были колоссальные. С трудом уложили их на телегу и отвезли моему отцу в усадьбу в Смелу. Отец распорядился их установить на своем большом платяном шкафу, который и занимал всю стену. Мы боялись, что они проломают верх шкафа, но, к счастью, шкаф был сделан из крепкого смелянского дуба и смог выдержать добавочную нагрузку в каких-нибудь двести кило. Отец сказал, что латинское название этих диких быков было «Бос Примигениус». Нижние челюсти отсутствовали, но на верхней, уцелевшей, части черепов гордо смотрели в стороны остовы мясистых хрящей (теперь тоже совершенно окаменелые), поверх которых у всякого быка и коровы находятся пустотелые рога. Судя по размеру этих окаменелых хрящей, можно было себе представить, какими невероятно большими рогами обладали эти быки. Гигантский «Олифант» — рог, которым пользовался легендарный герой Роланд, наверно, казался бы карликом по сравнению с рогами этих допотопных быков.

Лето 1913 года было очень интересным и богатым по впечатлениям и результатам раскопок и находок.

Мой отец почти никогда не пропускал заседаний Государственного совета. Эти долгие заседания его утомляли, и ему всегда не хватало воздуха. Он страдал одышкой и грудной жабой. Чтобы пользоваться воздухом, насколько было возможно, отец купил себе открытый автомобиль завода Хочкисса. Шофер Никандр подавал этот автомобиль к подъезду петербургского дома каждый день, какая бы ни стояла погода, и отец с наслаждением ездил на заседания либо в Зимний дворец в Археологическую комиссию, либо в Государственный Совет. По окончании заседаний отец обыкновенно делал прогулку пешком, а Никандра, одетого в шубу медвежьим мехом наружу, отправлял домой. Отец ходил в Апраксин двор поискать чего-нибудь в антикварном мире. Этот двор был подарен графу Апраксину Петром Великим и с тех пор переходил от отца к сыну Апраксиных. Там были нескончаемые проходы и коридоры, полные лавок всяких торговцев и антикваров. Шум и гам стояли всегда невообразимые. Многие торговцы знали моего отца и издали зазывали его посмотреть их находки и приобретения. Иногда отцу удавалось находить редкие и интересные вещи, попадались черные картины, которые отец отдавал реставратору, и бывали часто удивительные сюрпризы, когда удавалось счистить старый, почерневший лак. Ино-

гда отец находил древние иконы, у него собралось их около двухсот, и в петербургском доме была «иконная комната», где все стены были увешаны древними иконами. В то время иконы настоящих древних писем были главным образом в руках староверов, которые их не продавали, а бережно хранили для себя и своей семьи. Бывали, впрочем, исключения, и древнерусская икона попадала на рынок. Однако ценителей было не так много, и можно иногда было покупать чудного качества иконы за бесценок.

Кроме икон и картин мой отец находил много монет у этих торговцев Апраксина двора. После японской войны на Апраксином рынке стало появляться много китайских предметов, награбленных в Манчжурии солдатами. Были и вышивки, и бронзовые Будды, и всякие мелочи. Любопытно, что управляющий всего этого Апраксина рынка получал всего пятьдесят рублей жалованья в месяц. Можно себе представить, сколько он зарабатывал, отдавая в наем магазины всем сотням лавочников, которые, конечно, хотели иметь законный контракт и давали ему очень крупные взятки, чтобы получить лавку на каком-нибудь бойком месте. «Не подмажешь — не поедешь», — говорили лавочники, и эти взятки считались вполне нормальным явлением. Если бы сам граф Апраксин и хотел бы бороться с взяточничеством своего управляющего, он, наверно, не смог бы ничего сделать, потому что никто не жаловался и все было «шито-крыто». Впрочем, особенно жалеть этих лавочников было не нужно, потому что они заламывали невероятные цены с доверчивых покупателей, а сами доставали свой товар довольно темными путями, покупали краденое и поддельное наряду с настоящим.

К моему отцу часто приходили его коллеги по Государственному совету; я помню графа Витте, Коковцева, Нарышкина, Струкова, графа Сергея Дмитриевича Шереметева, который основал Общество любителей древней письменности и собрал громадную библиотеку древних документов и рукописей, посылая своих людей по далеким монастырям России и скупая множество редких бумаг исторического значения. Помню и министра народного просвещения Льва Аристовича Кассо, которого ненавидели революционеры за его борьбу со студенческими забастовками. Он был громадного роста, по происхождению грек. Все они приходили совещаться с моим отцом и часто спрашивали его советов. Многие оставались к чаю или к ужину в нашем доме.

Мои родители были оба весьма твердых убеждений и не хотели уступать друг другу, настаивая каждый на своей правоте. С годами они не сближались, а, скорее, систематически расходились. У каждого была своя, полная жизнь. Моя мать занималась астрономией и

просиживала иногда целую ночь над логарифмическими вычислениями, когда во всем городе было тихо и ничто не нарушало ее сложнейших математических работ. Результаты она проверяла в Пулковской обсерватории с директором, профессором Оскаром Андреевичем Баклундом. Мой отец не понимал и даже не сочувствовал ее столь высоконаучным занятиям. Коротко говоря, мои родители разошлись окончательно, и моя мать переехала из дома № 58—60 по Галерной улице в другой дом, рядом, № 54. Я остался жить у отца, но, конечно, навещал мою мать каждый день, а лето проводил частью в Смеле у отца, а частью в имении матери в Гродненской губернии, Кобринского уезда, у станции Дрогичин. С родителями у меня остались самые близкие отношения, несмотря ни на какие расхождения их между собою.

В общем мои родители оба проиграли от своего расхождения. Такие положения всегда создают неловкость и делят знакомых на сочувствующих одному и на сочувствующих другому. Моему отцу хотели предложить должность русского посла в Испании, но из-за его семейного положения испанский католический Двор отнесся не особенно сочувственно, и назначили Михаила Александровича Стаховича.

В начале 1914 года мой отец задался мыслью устроить обмен предметов исторического значения русского производства, находящихся в заграничных музеях, на такие же предметы иностранного производства, находящиеся в русских музеях. В первую голову он обратил внимание на Швецию, где имеется много русских трофеев, отобранных во время неудачных войн России против Швеции. Среди таких трофеев находятся две колоссальные пушки-пищали, которые потерял царь Иоанн Грозный. Они стоят на дворе замка Грипсгольм, около Стокгольма. Мой отец хотел предложить шведам какие-нибудь шведские трофеи, потерянные во время двадцатилетней войны против Петра Великого, и получить взамен эти две пищали.

Переписка со шведскими директорами музеев заняла много времени, и дело так и не вышло, главным образом потому, что началась война и заговорили другие пушки по всей Европе. Впрочем, шведы отнеслись с большим вниманием к предложению моего отца, и можно думать, что дело это осуществилось бы, если обстановка была бы нормальной. Мой отец издал специальную монографию под заглавием «Грипсгольмские пищали царя Ивана Васильевича Грозного». Он также нашел очень интересный шлем царя Иоанна Грозного в одном из шведских музеев и ему посвятил другой труд «Шлем Иоанна Грозного в Стокгольмском музее». Этот шлем имеет чеканенную золотом изящную надпись, удостоверяющую личность владельца. Так

как шлем небольшого размера, мой отец высказал предположение, что он принадлежал Грозному еще в то время, когда он был юношей и не достиг своего полного развития.

Моему отцу приходилось бороться по самым разным причинам за охрану памятников старины. Помню его волнение, когда ему сообщили о том, что знаменитой маленькой церкви Спаса-на-Нередице около Новгорода грозит опасность. Правительство решило проложить новую железную дорогу «стратегического значения», и по проекту путь должен был пролегать в непосредственной близости от этого прекрасного древнего храма. От постоянного движения поездов происходило бы сотрясение почвы и могли бы осыпаться старинные фрески, которые покрывали стены этого небольшого, но прекрасного старинного храма. Что было делать? Надо было помешать постройке железнодорожного пути по тому проекту, который был уже утвержден.

Единственным выходом было попросить аудиенции у государя и постараться добиться изменения первоначального плана и отвести путь несколько подалеже от храма. Государь никогда не отказывался принимать моего отца и назначил аудиенцию очень скоро. Когда отец изложил роковую опасность, которая грозила храму, государь сразу понял моего отца и сказал, что на этой же неделе переговорит с министром путей сообщения и потребует изменения трассы. Однако господин Рухлов, министр путей сообщения, заявил, что проект уже утвержден, что изменения пути вызовут огромные расходы, потому что местность там болотистая и потребуются очень большое количество камня, бетона и песка, чтобы устроить насыпь для прокладки рельс, которые не должны оседать в болото. Бедный государь, который всегда хотел всех примирить и найти компромисс, был на углях. С одной стороны, он был абсолютно согласен с доводами отца, любил старину и хотел сохранить храм от опасности, но, с другой стороны, он не решался идти наперекор своему министру путей сообщения, который отвечал за постройку железной дороги, в особенности когда Рухлов сказал о дополнительных расходах. «Кто же будет платить за эти дополнительные ассигнования? Граф Бобринской, что ли?» — язвительно сказал министр путей сообщения. — «Пожалуйста, отнесите эти дополнительные расходы на мой личный счет из кабинетских сумм», — спокойно ответил государь. Рухлову, конечно, пришлось только поклониться и исполнить слова императора. Таким образом Спас-на-Нередице был спасен и путь был проложен на несколько километров поодаль от храма.

Несколько месяцев спустя моему отцу сообщили, что на Черном море происходит учебная стрельба с наших военных кораблей и что

мишени расставлены на острове Березань, где находили множество предметов древнегреческого искусства пятого и четвертого века до Рождества Христова. Неужели на всех просторах Черного моря нельзя было найти другого места для учебной стрельбы военных кораблей? Тяжелые снаряды взрывались в земле, где лежали древнегреческие вазы и другие предметы искусства. Опять мой отец попросил аудиенцию и был очень скоро принят государем. Он пришел в ужас, когда мой отец сказал ему об этой стрельбе. Однако адмирал Григорович оказался более твердым, чем его коллега по кабинету министров Рухлов. Он заявил государю, что Березань, по разным соображениям, единственное место, где можно наилучшим образом устраивать стрельбу из тяжелых орудий, и что новый приказ о перемене инструкций вызовет беспорядок и проволочку времени, что недопустимо с военной точки зрения. Пока будут искать другое подходящее место, мы потеряем драгоценное время и моряки лишатся необходимой практики в наводке и стрельбе. Государь уступил, и тяжелые снаряды наших броненосцев продолжали взрывать древнегреческие вазы на воздух. Искусство и охрана древностей уступили упрямству адмирала и слабоволию нашего милого, но нерешительного государя.

В день убийства в Сараево мой отец был в Смеле, а я был на горных утесах Дагестана, охотясь на диких туров и серн на склонах горной Кахетии. Ни о какой войне, конечно, никто не думал. Только спустившись в Алазанскую долину — рай земной плодородия, виноградников и громадных диких лилий, я узнал от местных жителей, что объявлена война. Табуны горских лошадок гнали куда-то на отправной пункт в армию. Я немедленно взял поезд в Тифлис и вернулся в Смелу. Отец был в грустном настроении. Я рвался на войну, как многие молодые люди в то время. Я попросил разрешения у отца пойти добровольцем. Как единственный сын, по русским законам, я не подлежал мобилизации²¹.

Отец спросил меня: «А в какое военное училище ты хочешь поступить?» Я ответил: «Как — в училище? Через три месяца война кончится, и я все еще буду в военном училище? Я хочу идти солдатом немедленно...» — «Иди, если хочешь, солдатом, но эта война будет затяжной, и тебе торопиться нечего»... Я настоял на своем и послал телеграмму моему дяде в Петербург, а он меня сразу зачислил в Гусарский Его Величества полк солдатом-добровольцем.

Наш дом на Галерной улице мой отец предоставил под лазарет для раненых воинов. Можно было устроить 150 кроватей, со всем обслуживающим медицинским персоналом. Во главе этого госпиталя назначили Софию Михайловну Зографос, полугречанку по происхож-

дению. Ее сестра была замужем за графом Орловым-Давыдовым (Александром), который, как говорили злые языки, в момент своей свадьбы сказал по-французски: «Je crois que je fais une Maisie-alliance»*.

Его невесту звали Мэйзи, или, по-настоящему, Мария. Конечно, ловкая полугречанка не хотела пропустить случая выйти замуж за колоссально богатого графа Орлова-Давыдова, которому принадлежали земли на Волге — весь изгиб Волги под названием Жигули, где почва необычайно плодородная. Граф сделал «мезальянс», женившись на этой ловкой женщине. Ее сестра сразу стала распоряжаться как у себя дома у нас в доме и завела свиней для раненых, не спросив разрешения у моего отца. Эти свиньи стали разгуливать по саду и причинять большой вред деревьям и траве. Зачем это было нужно? [...]

1 июля 1916 года мой отец был назначен министром земледелия. Не обошлось без курьеза. Его предшественник был Наумов. Ждали 20-го числа, чтобы Наумов мог получить свое жалованье и тогда сдать пост моему отцу. В России всегда платили жалованье 20-го числа, а не 1-го числа, как в других странах. Это имеет свои исторические причины. Служащий мог, благодаря этому, посылать деньги к первому числу своей семье, которая иногда жила вдалеке от места работы чиновника. Было время получить деньги по почте, а при русских расстояниях это занимало много времени. Однако в данном случае мой отец негодовал. Если его назначили министром, то это значило, что Россия нуждалась в его руководстве этой весьма важной областью народного хозяйства. При чем же тут жалованье Наумова? Если Наумова решили уволить, то жалованье он может получить независимо от своего сидения на министерском кресле. Кроме того, Наумов был богатый человек и совсем не нуждался в этом жалованье. Все-таки «бюрократизм» взял верх, и моему отцу пришлось ждать 20 дней, пока Наумов получит свое жалованье и уступит отцу свой министерский кабинет и кресло.

У моего отца было два прекрасных, знающих дело сотрудника, товарищи министра Риттих и Грудистов. Оба стали его близкими друзьями, и работа пошла хорошо. Все снабжение армии фуражом находилось в ведении Министерства земледелия. Поэтому теперь, что в армии было такое громадное количество лошадей как в строю, так и в обозах всех частей, правильное снабжение продовольствием имело колоссальное значение и составляло главную заботу моего отца. Механизация армии была тогда еще в зачаточном состоянии. Лошадь — это было все.

* «Мне кажется, что я делаю мезальянс».

Однажды во время ежедневного разбора почты секретарь моего отца что-то стал ему шептать на ухо. Мой отец был немножко глуховат и сказал секретарю: «Говорите немножко громче». Тот ответил: «Вот, извольте видеть, здесь приложена записка...» — «Какая записка?» Мой отец ничего не мог понять, что это за мистерия. Наконец он увидел кусочек бумажки с текстом: «Милой, дорогой, сделай по-ихнему. Распутин». Оказалось, что было получено самое обыкновенное прошение от петербургских извозчиков, которые испытывали затруднения в покупке овса и сена для своих лошадей. Они решили обратиться к Распутину, думая, что это будет вернее. Как купить овес?.. Если Распутин вмешается, то овес и сено будет совсем легко получить. Мой отец взял на память эту записку себе в карман и после долго смеялся такой выходке. Тут были и смех и слезы, потому что и секретарь моего отца, и сами извозчики придавали такое значение этой записке Распутина. Мой отец передал прошение извозчиков, куда следовало, и их просьба была или отклонена, если для них не было достаточно продовольствия, или удовлетворена, если овса и сена было достаточно. Во всяком случае записка Распутина не имела ни малейшего влияния на ход этого дела. Может быть, другой на месте моего отца поступил бы иначе, увидав записку Распутина, и удовлетворил бы прошение в ущерб интересам службы и — в данном случае — армии. Такие записки Распутина гуляли по разным учреждениям и, вероятно, в некоторых случаях имели воздействие на чиновников.

Оставался на своем посту отец недолго²². Премьер-министры часто менялись. Шутя, говорили, что это «министерская чехарда». Видимо, на государя оказывалось разное влияние с разных сторон. Он считал Распутина только целителем своего больного гемофилией мальчика и не замечал, что Распутин вмешивался в управление страной, что во время войны было очень нежелательным. Распутина надо было держать на кухне с поварами и лакеями, а не пускать в царскую гостиную. Виноват не столько Распутин, как те, которые его принимали всерьез и просили помощи через его посредство.

На Рождество мой отец был сделан обер-гофмейстером — высший придворный чин. Это вызывало некоторые расходы, потому что придворный мундир имеет много золотого шитья на рукавах и на груди. Мой отец решил повременить с заказом нового мундира до окончания войны, тем более что во время войны не было никаких придворных событий, когда надо было бы являться во дворец в полном параде.

За его службу министром отец получил бриллиантовые знаки к уже имевшемуся у него ордену Святого Александра Невского.

«Звезда» этого ордена необыкновенно красива, вся осыпанная бриллиантами.

30 декабря 1916 года Распутин был убит Феликсом Юсуповым во время ночной попойки, которую Феликс устроил у себя в доме на Мойке. Это событие было описано им самим в его книге. Признавая нехорошую роль, которую Распутин играл в это время в Петербурге, ни мой отец, ни я сам не сочувствовали этому убийству. Во-первых, это убийство ни на шаг не остановило революции, которая произошла каких-нибудь два месяца спустя. Во-вторых, исчезновение целителя наследника принесло страшное горе его родителям: и государю, и государыне. Теперь уже никто не мог больше помочь бедному мальчику. В-третьих, это убийство сделало Распутина чуть ли не героем. В народе стали говорить, что, дескать, был один из наших мужичков близок к царю, да и его убили князья и дворяне. Наконец, сами участники убийства постарались воспользоваться своим привилегированным положением и избежали суда и наказания за убийство, которым они стали гордиться.

Опять же и тут сказались невероятная слабость и доброта государя. Феликсу Юсупову было предложено удалиться и жить в имении, великому князю Димитрию Павловичу было дано назначение в Персию, где он спас свою жизнь от революции и пользовался большим успехом у дам всего дипломатического корпуса. Вла. Митрофанович Пуришкевич, один из соучастников убийства, завопил о своем парламентском положении — как член Думы, он не мог быть арестован без разрешения председателя Думы, неприкосновенность была ему очень важна в это время. Миша Сухотин вернулся в свой полк на фронт, так же как и военный доктор, приготовлявший отравленные пилюли для Распутина. В общем все разбежались, вышли сухими из воды. Дело было прекращено по воле государя. Он только написал на докладе министра внутренних дел: «Никому не разрешено убивать», но эта истина и без того была известна с незапамятных времен. Царь Федор Иоаннович, да и только. Его девизом тоже могло быть: «О Господи, за что поставил Ты меня царем?»

В конце января 1917 г. в нашем доме на Галерной улице мой отец устроил завтрак, на котором мне было разрешено присутствовать. У стола сидели: генерал Рузский, главнокомандующий Северным фронтом, бывший премьер-министр Штюрмер, министр внутренних дел Протопопов, министр земледелия Ритгих, член Государственного совета Ал. Ал. Нарышкин, бывший премьер-министр Ал. Фед. Трепов, адъютант генерала Рузского, мой зять граф Дмитрий Александрович Шереметев и я.

Завтрак был устроен для обсуждения вопроса обороны столицы на случай беспорядков, о которых говорили довольно открыто. Германия сыпала большие деньги на революционную пропаганду в тылу России. Петербургский военный округ был подчинен генералу Хабалову, но многие считали его не на высоте положения. Следовало бы назначить кого-нибудь познергичнее, и главное, и на этом настаивал генерал Рузский, вернуть хотя бы некоторые части старой гвардии в их пустые казармы в Петербурге. Однако это было вопросом политики и требовало решения государя. Думали, что он может найти такую меру несвоевременной. Поговорили, поговорили и разъехались. Инициатива моего отца была правильной и дальнозоркой, но другие его недостаточно послушали. Протопопов даже стал говорить, что можно всегда толпу привлечь на свою сторону, хотя бы она как бык была разъярена. Надо только суметь взять быка за рога... Трудно было понять его сумасбродные мысли. Впрочем, Протопопов был назначен министром внутренних дел, пройдя большой общественный стаж. Он был московским городским головой и членом Думы от города Москвы. Что зевала Белокаменная? Москва считалась передовой по политическим убеждениям, и в данном случае нельзя ставить в вину государю, что он назначил такого человека министром внутренних дел. Выбор этот был, конечно, неудачен, и Протопопов оказался прескверным министром, но государь поступил правильно и вполне «демократично», назначив Протопопова министром. Вероятно, он думал, что это соответствует даже самым либеральным течениям, но в этом он глубоко ошибся.

Генерал Рузский со своим адъютантом Шереметевым вернулся в Псков, где помещался его штаб, и все пошло по старому. Петербургские казармы гвардейских полков были или пусты, или заполнены новоиспеченными новобранцами, прямо от сохи, не знавшими никакой дисциплины и военной выправки. Таких простых людей было легко распропагандировать и послать за первым фанатиком против полиции и существующего строя. Пороховой погреб был готов для любого взрыва. Командующие армиями думали о войне против немцев, а не думали про тыл.

22 февраля я был на несколько дней в нашем имении «Дябово» около суворовского имения Кончанское, в Новгородской губернии; надо было ехать до станции Боровичи, а оттуда 40 километров на лошадях по чудной, снежной дороге. Егерь Петр нашел следы редкого зверя — рыси и устроил маленькую облаву. Рысь вышла на меня, и я ее убил одним выстрелом. Это был очень красивый экземпляр, светло-серый с черными крапинками. Иногда рыси бывают рыжие и не красивой масти. На следующий день я вернулся на станцию

Боровичи и взял поезд в Петербург. Рысь уложили в пустой мешок из-под муки и уложили в багажном вагоне. Я хорошо выспался и вышел на платформу Николаевского вокзала в Петербурге. Был приятный, прохладный день, снег еще лежал на панелях улиц. Я захотел взять извозчика, чтобы ехать домой, но, когда я сказал адрес, извозчик сказал: «Десять рубликов пожалуйста»....

Я был очень удивлен столь высокой ценой и сказал извозчику, что нормальная цена не десять, а один рубль. На это он мне возразил, что вообще ездить по городу опасно, потому что еще вчера была стрельба на улицах. Одного полицейского убили шальной пулей, неизвестно откуда. Хорошие известия, подумал я. Это были первые выстрелы революции. Я согласился дать 10 рублей за проезд. Солнце только что встало, было около семи часов утра, и в городе все еще спали. Я благополучно доехал до дома. Старый буфетчик Егор открыл мне дверь и на мое замечание, что извозчик заломил с меня десять рублей с Николаевского вокзала, сказал, что я еще должен быть доволен, что вообще нашел извозчика в такое тревожное время. Мой отец был очень озабочен. Его предсказания о беспорядках сбывались, именно как он предвидел. Солдаты с красными бантами в петлицах разгуливали всюду. Иногда была слышна стрельба беспорядочными выстрелами.

Первое место в новом Временном правительстве сразу занял Керенский. Стали арестовывать разных деятелей старого режима, и, чтобы не попасть в число таких случайных арестов, мой отец позвонил Керенскому по телефону, спрашивая, нужен ли он будет для каких-либо допросов. Он хорошо знал Керенского по Думе. Керенский ответил, что арестовывать моего отца он, конечно, не собирается, но что ввиду таких внезапных революционных проявлений пролетарской старательности он советовал бы отцу на время уехать из столицы куда-нибудь на юг, где вполне спокойно.

Мой отец был очень удручен отречением государя, его так любил в армии, что, конечно, его уход в частную жизнь был не нужен и не соответствовал желаниям русского народа. Но народ никто не спрашивал, а отречение подсунули государю на подпись либеральные члены Думы — кто их уполномочивал?.. Великий князь Николай Николаевич написал телеграмму, «коленопреклоненно» прося царя отречься. Эта телеграмма была особенно обидна бедному государю. И что этим выиграл крайне недалезоркий Николай Николаевич? Хорошо он мог только ругаться последними словами, крича на солдат и офицеров.

Через недели три мой отец уехал в Кисловодск на Кавказе, где о революции еще никто и не думал²³. Там он нанял дачу и стал звать и

меня переехать туда, подальше от возможных эксцессов в Петербурге. Однако это было не так легко, потому что я состоял на военной службе и Россия еще находилась в состоянии войны против Германии. Правда, что фронт скоро перестал существовать и солдаты стали толпами сами себя демобилизовать и ехать домой в деревню.

Я взял отпуск от моего военного начальства. Эти отпуска давались довольно легко, потому что все знали, что война теперь, без государя, будет невозможна и никто не станет воевать за Временное правительство — это название было непонятно. Во главе этого правительства стояли теоретики-социалисты во главе с Керенским, которые панически боялись контрреволюции справа, боялись монархистов и не замечали, что самая большая для них и для России опасность шла не справа, а слева, от коммунистов, которым это Временное правительство доверяло и не принимало никаких мер, чтобы остановить их пропаганду. Говорить о контрреволюции справа было просто глупо, потому что все офицеры (в том числе и я сам) были освобождены государем от присяги и поэтому должны были служить тому правительству, которое встало у власти в России после отречения. Такая простая истина для Керенского и его друзей была непонятна, и он продолжал бояться переворота справа, хотя это было совершенно нереально и никакой опасности справа ему не грозило.

В церквях тем временем провозглашали «Многая Лета» Временному правительству, что звучало довольно странно и даже смешно. Под давлением коммунистов Керенский стал арестовывать всех деятелей императорского правительства, членов царской семьи — великих князей. Сожгли дом министра двора графа Фредерикса, убили несколько совершенно невинных генералов, в том числе графа Штакельберга, женатого на моей тете (урожд. гр. Шуваловой). Толпа пьяных солдат ворвалась в его квартиру на Миллионной улице и стала выкидывать всю мебель на улицу. Выкинули даже большое фортепиано, а потом и бедного Штакельберга прикончили штыками. Моя тетя Фекла (Тесси) спаслась через заднюю лестницу и без оглядки убежала к знакомым, жившим неподалеку. Иначе и ее прикончили бы заодно. Она была дочерью того самого графа Павла Шувалова, который со своим отрядом был у ворот Константинополя в 1878 году, когда Дизраэли послал России ультиматум с требованием не вступать в столицу Турции. Поэтому обвинять ее или ее мужа Штакельберга в какой-то антирусской, чуть ли не прогерманской, политике было бы просто глупо.

Наступило полное безвластие, и для коммунистов дорога к власти была открыта. Брат моей матери, генерал Петр Александрович Половцов, был Главнокомандующим Петербургского военного

округа и имел власть арестовывать подозрительных и опасных для общественного порядка людей. Когда он послал арестовать Лейбу Троцкого, посланный им адъютант Масленников застал Керенского в его квартире за чашкой чая с Троцким. Так как Керенский был в то время военным министром, то Масленников должен был ему стать во фронт и, конечно, не смел уже арестовывать Троцкого, у которого его главный начальник «министр» Керенский пил чай. То же самое вышло и с предполагаемым арестом Ленина.

Когда тот же Масленников с отрядом казаков явился арестовать Ленина (жившего в захваченном им доме балерины Кшесинской на Каменноостровском проспекте в Петербурге), Ленина кто-то уже успел предупредить, и он исчез в Финляндию. Когда Масленников и другой адъютант моего дяди Рагозин стали искать Ленина в Финляндии и знали точно, где именно он скрывается, Ленина тоже кто-то предупредил, и он спрятался, как говорят, в стоге сена, когда Масленников и Рагозин его искали там, где Ленин жил. Было ясно, что существует постоянная связь между коммунистами и кем-то во Временном правительстве.

Было противно смотреть на такой развал России. 13 сентября я со своей женой и малолетней дочерью поехали к отцу в Кисловодск, на Кавказ. Путешествие наше прошло благополучно, и мы в последнем поезде с вагонами «Международного общества спальных вагонов и европейских экспрессов» без пересадки проехали до назначения. Через несколько дней после этого весь состав этих роскошных вагонов был «национализирован» и схвачен безо всякого вознаграждения международной компании.

В Кисловодске все было спокойно. Продовольствия было сколько угодно, и цены были нормальные. Можно было наслаждаться солнцем и горным воздухом. Однако такое райское житье продолжалось недолго, потому что с Кавказского фронта хлынула волна солдат, возвращавшихся к себе в далекие деревни на севере и в центре России. Победоносная армия генерала Юденича, взявшая столько крепостей у турок (Эрзерум, Трапезунд и много других), теперь бросила фронт, и удивленные турки без труда отобрали все эти места назад и взяли Батум без сопротивления. Солдаты хватили поезда и просто ехали на север, куда глаза глядят. Хаос был полный. О войне никто и не думал. Поезда были переполнены, сидели даже на крышах.

Мы узнали о захвате власти в Петербурге Лениным сразу, когда циркулярно, по телеграфу, все банки получили приказание не выдавать ни копейки денег вкладчикам. Когда я пришел в банк получить деньги по своему чеку, кассир отказался выдать мне мои деньги и указал на приклеенную к окошку кассы телеграмму Ленина о запрете

и аресте всех денег, принадлежавших частным вкладчикам. Другими словами, мой отец и я остались без денег.

У местного казачьего населения (Кисловодск в Терской области) было много денег, которые люди хранили у себя дома и не держали их в банках. Конфискация денег Лениным не коснулась большинства этих казаков. Поэтому нам пришлось начать продавать свои вещи, и на эти деньги покупать себе пропитание. Казаки охотно покупали всякое белье, одеяла, теплые вещи, даже мелкие драгоценности. Мы же покупали у казаков баранов и кур, которых всегда было на базаре достаточно. Мы сделали запас муки, несколько мешков надо всегда было иметь в запасе. Сахара было мало, мы стали употреблять мед, которого в этих местах всегда много.

Казаки взорвали железную дорогу около станции Минеральные Воды, чтобы помешать разнузданной солдатне начать грабить по дороге и их зажиточные места. Таким образом у нас прекратилось сообщение с Россией, и мы не смогли получать почту регулярно. Газеты приходили с большим опозданием. В Кисловодске образовался по приказу Ленина свой Совдеп. Председателем этого нового управления города стал коммунист — стрелочник станции Кисловодск. Этот человек был неграмотный. Ленин стал управлять Россией по телеграфу, и все его приказы начинались со слов: «Всем, всем, всем». Все должны были исполнять эти приказания Ленина. Начались обыски и аресты.

Мой отец не выдержал такого сидения сложа руки и решил вернуться в Петербург, где был наш прекрасный дом, теперь брошенный на произвол судьбы. Я старался его разубедить, но тщетно. Конечно, дом наш будет или уже был схвачен новой властью, но в нем еще жили некоторые наши старые служащие, дворники и их жены. Все они любили моего отца и сами боялись неизвестного будущего. Нельзя же было схватить все дома в Петербурге в один день и устроить там какое-нибудь пролетарское общежитие.

Мой отец думал, что ему удастся спасти кое-что из своего имущества в петербургском доме, тогда как сидя в полном бездействии в Кисловодске, он только терял время и подвергал себя опасности со стороны местных коммунистов. Неудобства путешествия его не пугали. Из Петербурга можно было проехать и в Киев, который теперь стал столицей независимой Украины, и там было правительство гетмана Скоропадского. Правда, положение Скоропадского было основано на поддержке ненавистных немцев, которые оккупировали и грабили эти плодородные области, нуждаясь в пропитании армии. Кроме того, Германия была разбита западными союзниками и не могла претендовать на владение Украиной. Все положение гетман-

ской власти было довольно бутафорским, но одно преимущество этой власти было в том, что частное имущество граждан не подвергалось конфискации, как в самой Центральной России из-за «реформ» Ленина. Поэтому многие предпочитали власть гетмана Скоропадского, чем коммунистов. Что делалось в Смеле? По слухам, можно еще было продавать сахар, и частная торговля не была конфискована коммунистами, хотя положение было очень неустойчиво. Немцы отбирали сахар, но платили деньги. Правда, эти деньги стоили очень мало, но принцип частного владения не был еще уничтожен. Вероятно, многие служащие наших заводов еще были в Смеле на своих местах. Моему отцу не сиделось в Кисловодске, и он уехал в Петербург, как это ни было опасно и неудобно.

Мы очень долго не знали о нем ничего²⁴. Писать было невозможно и даже опасно из-за коммунистической цензуры на почте. События стали развиваться очень быстро. В Екатеринодаре образовалось казачье правительство и коммунистов выгнали вон. Горцы-мусульмане Кавказа были все против коммунистов. Началась волна белого движения. Появились храбрые генералы, как Лавр Георгиевич Корнилов, Антон Павлович Деникин и барон Петр Врангель.

Все они с большим трудом пробрались на Дон и стали во главе казаков, которые были все яркими антикоммунистами. Никакого «царизма», как говорили впоследствии разные невежественные иностранные критики, конечно, не было в этом народном движении против советской власти. Началась неравная борьба. Из центра России были посланы отряды Красной Армии, снабженные полным вооружением и патронами, Добровольческая Армия казаков всегда была в меньшинстве. На девять коммунистов был один казак.

Вооружение казаков было плохое. Приходилось отбирать патроны и винтовки в бою против Красной Армии. В Кисловодске я знал одного врача, который мне показал пулю, которую он вынул из раны солдата Красной Армии, пока Кисловодск был еще в руках коммунистов. Эта пуля была сделана из кости. У казаков было настолько мало патронов, что они сами делали пули из кости и вставляли их в патроны, чтобы стрелять красноармейцев. Вот до какой степени было трудно антибольшевикам в такой неравной борьбе. С другой стороны, все заводы, изготавливавшие военное снаряжение, находились в центре России и теперь были во власти Ленина и его компании коммунистов.

Кроме того, коммунистам невероятно везло. Вокруг Ростова и прилегающего к нему Новочеркасска расположены «сады» — частные усадьбы с фруктовыми садами казаков. Эти «сады» раскинуты на очень большом пространстве. В одном из таких домов, в саду ка-

зака, жил генерал Корнилов, руководитель сего предприятия борьбы с коммунистами. Это был выдающийся военный, сын крестьянина, дослужившийся до чина генерала и отличившийся во время войны 1914—1918 гг. Было затишье, и лишь изредка коммунисты стреляли по расположению казаков в этих «садах». Однажды красноармейцы произвели только один выстрел из пушки и снаряд попал именно в тот дом, где сидел Корнилов. Его убило наповал. Это могло быть чистой случайностью, и никогда никто не узнал, как и почему был произведен этот один-единственный выстрел. Сами красноармейцы не знали, что им удалось так случайно убить организатора всей борьбы казаков.

На место Корнилова вступил Деникин, но, к сожалению, это был штабной генерал, не имевший такой инициативы, как Корнилов. Вся история России могла быть другой, когда бы жил Корнилов²⁵. Корнилов был сыном казака-крестьянина, и все казаки считали его своим. Деникин был не того же «теста» и не пользовался той же безусловной популярностью, как Корнилов, хотя все его очень уважали. Постепенно его армия стала пополняться офицерами, которым удавалось бежать из Центральной России с большой опасностью. Многие коммунисты ловили и убивали по пути. Были созданы целые офицерские полки, но опять же им приходилось бороться один против десяти коммунистов Красной Армии. Несмотря на невероятные затруднения, армии Деникина удалось продвинуться до Орла и подступов к Москве. Тут казаки показали себя не на высоте положения. Многие стали говорить, что они уже освободили Дон и Кубань от коммунистов и поэтому они хотят вернуться домой, а очистку России от «красной заразы» они предоставляют местному населению. В то же время Красная Армия крепла, благодаря пропаганде коммунистов против восстановления власти помещиков и офицеров, кроме того, командиры Красной Армии применяли террор и ввели строжайшую дисциплину в рядах своих войск. Все эти факторы, взятые вместе, привели к ослаблению армии Деникина, и он стал отступать. В конце концов, его помощник Врангель сосредоточил остатки Добровольческой армии в Крыму. И тут повезло коммунистам, потому что замерз Сиваш — мелкое море вокруг перешейка, соединяющего Крым с Россией к северу. Поэтому оборона перешейка была бесцельна, раз фланг был открыт и Красная Армия могла переходить там по льду. Очень часто зима бывает теплая, и тогда этот Сиваш не замерзает. Эвакуация остатков Добровольческой армии прошла чудесным образом сравнительно благополучно. Море было необычайно спокойно, и даже на самых мелких судах люди уплывали от красных палачей, которые беспощадно убивали всех, кого они могли захватить,

Врангель с удивительным достоинством и спокойствием руководил этой эвакуацией. Союзники — англичане и французы — делали вид, что помогают, но в действительности их помощь была смехотворно недостаточной. Турция сдалась, и Босфор был во власти британского флота. Англичане прислали Деникину четыре танка — четыре на всю армию. Я сам их видел. Французский флот в Одессе взбунтовался, и коммунист Марти стал грозить адмиралу, что на французских кораблях он поднимет красный флаг, если флот не уведут назад во Францию. При таких условиях Франция быстро увела свой флот из Черного моря, не оказав никакой помощи русским патриотам, которых еще так недавно гнали в огонь в Восточной Пруссии, чтобы «спасать Париж» от нашествия Гинденбурга. Некоторые французские пароходы соглашались брать несчастных русских беженцев, которые под огнем наступавших коммунистов умоляли их взять на борт и увезти куда угодно от надвигающегося террора. В числе этих несчастных беженцев оказался и мой отец, которому удалось пробраться через Киев в Одессу до занятия этих мест коммунистами. По милости переводчика, находившегося при французском командовании, моему отцу предоставили койку в каюте, тогда как другие пассажиры спали вповалку на палубе парохода. Пароход доставил всех в Константинополь, и оттуда делай, что хочешь. У моего отца почти не было денег, потому что те деньги, которые ему удалось захватить из нашей киевской конторы, были в рублях и константинопольские менялы установили невероятно низкий курс рубля на турецкие деньги. Тем временем я со своей семьей покинул Россию из Батума, где служил переводчиком у английского губернатора, когда англичане заняли Батум и наложили руку на нашу нефть. Моя эвакуация прошла сравнительно спокойно, но англичане заставили меня заплатить 55 английских фунтов за провоз семьи на старом транспортном судне «Горгона» от Батума до Константинополя. Горечь хлеба в изгнании дала себя знать с этого момента.

Мы встретились с отцом на острове Халки, где мы могли жить в одной греческой гостинице. Из Халки мы ездили каждое утро в Константинополь, где посещали музей и другие достопримечательности. Встреча с отцом была и радостна, и бесконечно грустна, потому что это было концом нашей Родины — России. Мы знали, что ее никогда не увидим больше. Я с семьей через некоторое время уехал в Рим, Париж, Лондон и Стокгольм, где проживала сестра моей жены с мужем, который состоял при Русской миссии в Швеции. Я был причислен к нашей миссии в качестве помощника военного агента. Тем временем моя мать скончалась, ухаживая за ранеными в далеком Закаспийском крае, в рыбацьем селе Форт-Александровск на

Каспийском море. Там свирепствовал сыпной тиф, и моя мама скончалась от этой эпидемии в каких-нибудь 10 дней. Мне никогда не довелось побывать на ее могиле в закаспийских песках.

Будучи уже в Стокгольме, я получил от отца письмо с известием, что в Константинополе он женился во второй раз на Раисе Петровне Новиковой, с которой был давно знаком и которая разделила его судьбу в беженстве. Свадьба состоялась в русской посольской церкви 11 апреля 1920 года. В 1921 году, 8 февраля, у Раисы Петровны родился сын Николай, когда уже отец переехал в Ниццу во Франции. Моему отцу было уже 69 лет. Он страдал ревматизмом, подагрой и высоким давлением крови. У него было три удара, но натура его была крепкая, и на южном солнце Ниццы недомогания быстро сглаживались. Он принимал участие в церковных делах и был вице-председателем Церковного совета в Ницце. Часто его навещал великий князь Андрей Владимирович, который проживал тогда неподалеку, тоже на Ривьере, в Кап-д'Ай. Русская колония на Ривьере в то время была многочисленна.

В 1927 году мой отец взял домик в Грассе, и там я его навещал часто. 2 сентября 1927 года он скончался от припадка грудной жабы. Его похоронили на кладбище Кокад в Ницце.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основатель рода Алексей Григорьевич Бобринской (1762—1813) был внебрачным сыном императрицы Екатерины II и ее фаворита Григория Орлова. Фамилия была дана по названию поместья Бобрики в Тульской губернии, подаренного Екатериной сыну. (См.: *Петрова М. В.* Из прошлого рода графов Бобринских // *Вопросы истории.* 1993. № 5. С. 171—176.)

² А. А. Бобринской учился вместе с братом Владимиром на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1870—1872 гг. 31 августа 1872 г. был отчислен по окончании второго курса согласно прошению и рекомендации врачей. Этот же факультет в 1845 г. закончили их отец Александр Алексеевич и дядя Владимир Алексеевич Бобринские.

³ А. А. Бобринской был избран 21 марта 1875 г. петербургским уездным предводителем дворянства, а в феврале 1878 г. губернским предводителем дворянства. (См.: *Формулярный список о службе.* РА ИИМК, РАН. Ф. 1. 1886. Д. 8. Л. 146.)

⁴ Срок пребывания на посту предводителя дворянства составлял 3 года, т. е. А. А. Бобринского переизбирали семь раз подряд.

⁵ В 1882—1886 гг. председателем Императорской Археологической комиссии был князь А. А. Васильчиков, одновременно являющийся директором Императорского Эрмитажа. А. А. Бобринской был назначен председателем комиссии 1 февраля 1886 г. Его назначение на этот пост было неслучайным, так как на рубеже 1870—1880-х гг. А. А. Бобринской начинает раскопки степных курганов на территории своего имения, продолжавшиеся много лет. В 1882 г. он был избран действительным членом Русского археологического общества, неоднократно выступал с докладами о своих раскопках на его заседаниях. В апреле 1884 г. Русское археологическое общество избрало А. А. Бобринского своим представителем на VI Археологический съезд,

состоявшийся в Одессе. В 1885 г. он был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей и Общества любителей древней письменности, а в Русском археологическом обществе — управляющим отделением славяно-русской археологии. Последнюю должность он занимал до 1894 г., то есть к моменту своего назначения на пост председателя Археологической комиссии Бобринской был уже весьма авторитетным археологом.

⁶ Об истории создания и деятельности Археологической комиссии см.: *Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // *Советская археология*. 1984. № 4. С. 299—307.

⁷ Профессор Ф. А. Браун был не ректором, а первым избранным проректором Санкт-Петербургского университета в 1906—1908 гг.

⁸ Помимо «Известий» Археологическая комиссия издавала ежегодные «Отчеты» и «Материалы по археологии России».

⁹ А. А. Бобринской был назначен вице-президентом Императорской Академии художеств 10 декабря 1889 г., а уволен с этой должности 20 декабря 1890 г., т. е. занимал ее в течение только одного года. (См.: *Формулярный список*.)

¹⁰ Отношения А. А. Бобринского с И. И. Толстым были далеко не такими «прекрасными». Конференц-секретарь Академии художеств И. И. Толстой, интригуя через великого князя Владимира Александровича, фактически добился отставки Бобринского. Об этом писал в своем дневнике тесть Бобринского государственный секретарь, сенатор А. А. Половцев. Позднее И. И. Толстой довольно нелестно отзывался о деятельности А. А. Бобринского в Государственной Думе на страницах своего Дневника.

¹¹ См.: *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1—3. СПб., 1887—1901. В действительности А. А. Бобринской проводил раскопки курганов эпохи бронзы и железа в Среднем Поднепровье не 14 лет, а в течение более чем трех десятилетий, исследовав в общей сложности 523 кургана. Материалы раскопок после 1901 г. регулярно публиковались в «Отчетах» и «Известиях» Археологической комиссии.

¹² По поводу качества раскопок и публикаций А. А. Бобринского в отечественной историографии высказывались различные мнения. Некоторые авторы 1930-х гг. обвиняли графа чуть ли не в «кладонискательстве». (*Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Вып. 3—4. Л., 1930; *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.) Думається, что подобная оценка работ «влиятельного вельможи царских времен» определялась прежде всего принципами «классового подхода» и не была в полной мере справедливой. Но в то же самое время в 1935 г. молодые советские археологи-марксисты А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий отмечали, что Бобринской был единственным исследователем в свое время, который брал все кости животных и отдавал их на определение профессионалам-зоологам, а также описывал и собирал все мелкие кремневые орудия. Эти же авторы писали: «Вообще Бобринской является в достаточной степени интересной фигурой на фоне царской археологии, и замалчивание его современной критикой можно, пожалуй, объяснить лишь почти полным отсутствием у него работ сводного характера». (*Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935. С. 21—23.) В числе одного из ведущих исследователей конца XIX—начала XX вв. скифских памятников в России имя Бобринского называют и авторы тома «Археология СССР», посвященного скифским древностям (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.).

Сам А. А. Бобринской полагал по поводу раскопок, что археолог «должен зараннее отрешиться от погони за ценными предметами». Далее он писал: «Исследование кургана, в котором не найдено никаких никаких вещей, может при тщательном описании

встретившихся в нем костей животных и подробностей человеческого остова, не говоря уж об антропологических указаниях, принести науке, несомненно, большую пользу, нежели находки золотых или серебряных предметов». Следуя этим принципам, он с одинаковой тщательностью описывал и зарисовывал богатые скифские комплексы и рядовые, безынвентарные погребения бронзового века. Конечно, он копал курганы не так, как это принято сейчас, но в то время это была общераспространенная методика, которой пользовались все исследователи. В отличие от некоторых своих коллег, Бобринской всегда лично присутствовал на раскопках, не чураясь «грязной» работы и часто сменяя карандаш и блокнот на лопатку и кисточку. Его публикации были снабжены многочисленными чертежами, планами и разрезами курганов, рисунками, в том числе и рядовых вещей. Все вещи были привязаны к конкретным погребениям, на чертежах указывалось их местоположение в могиле. Все это позволяет пользоваться материалами этих раскопок и современным археологам.

¹³ По инициативе А. А. Бобринского Археологическая комиссия начала в 1888 г. раскопки в Херсонесе, а в 1901 г. в Ольвии. С. А. Жебелев писал, что «с конца 80-х гг., когда во главе комиссии стал А. А. Бобринской, комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей европейской, а отчасти и азиатской, России». (*Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. 1. Пг., 1923. С. 108.*) В августе 1887 г. в Херсонесе с Бобринским произошел курьезный случай — граф был задержан военным патрулем, так как, зарисовывая в свой блокнот развалины древнего города, вызвал подозрения у бдительной охраны, находившейся поблизости батареи морских орудий. Сам А. А. Бобринской проводил также раскопки курганов и склепов близ Керчи и исследования на Северном Кавказе. По поводу его работ в Керчи В. Д. Блаватский писал, что «Существенный сдвиг в исследованиях Пантикапея связан с именем А. А. Бобринского, производившего в 1891 г. раскопки города на восточном и северном склонах горы Митридат».

¹⁴ А. А. Бобринской был избран членом почти всех русских научных обществ, занимающихся археологией: Русское Археологическое общество (1882), Московское Археологическое общество (1882), Одесское общество истории и древностей (1885), Общество любителей древней письменности (1885), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (1892), Русское Антропологическое общество (1888) и мн. др., а также зарубежных: Финляндское общество археологии (1892), Королевское Общество северных древностей в Копенгагене (1894), Археологическое общество Брюсселя (1895), Национальное общество антиквариев Франции (1896), Берлинское общество антропологии и этнологии (1905) и мн. др.

¹⁵ *Веселовский Н. И.* Гератский бронзовый котелок 559 года Гиджры (1163 г. по Р. Х.) из собрания графа А. А. Бобринского. СПб., 1910.

¹⁶ *Бобринской А. А.* Киевские миниатюры XI века и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтыре Егберта, архиепископа Трирского. СПб., 1902.

¹⁷ Кроме археологии А. А. Бобринской занимался литературой, выступая под псевдонимом «А. А. Самойлов», писал пьесы, рассказы, стихи. Любил рисовать — многие страницы его дневников украшены шаржами, рисунками юмористического и сатирического характера. Объектами этих изображений становились домочадцы, знакомые, а иногда и весьма высокопоставленные персоны, включая членов императорской фамилии. Сюжетами их зачастую были комичные ситуации из жизни семьи графа: например, чтение дочерью революционной литературы или вызов супругой обойщиков, чтобы повесить термометр на стену; увлечение модной в великосветских кругах игрой в теннис.

¹⁸ Небольшие фрагменты этого дневника были опубликованы в СССР. См.: *Бобринской А. А. 1). Дневник (1910—1911 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 1. С. 127—150. 2); Воспоминания (1880—1881 годы) // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 73—129.*

¹⁹ А. А. Бобринской и его мать С. А. Бобринская сами пожертвовали в пользу этого комитета по 500 руб. (См.: РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 129.)

²⁰ О деятельности «Объединенного дворянства», возглавляемого А. А. Бобринским, см.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990.

²¹ Алексей Алексеевич Бобринской с 1912 г. был студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

²² «Правительственная» карьера А. А. Бобринского была весьма недолгой: 25 марта 1916 г. он был назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел, а 14 ноября 1916 г. уволен согласно прошению с должности министра земледелия. (См.: *Формулярный список.*) Хотя, как явствует из его дневников, Бобринского больше привлекал пост министра народного просвещения, во всяком случае, он внимательно следил за передачей этого министерского портфеля.

²³ 17 апреля 1917 г. Археологической комиссией был выдан Открытый лист (разрешение на раскопки) на право производства раскопок в Терской области на имя А. А. Бобринского. В конце апреля—начале мая он проводил раскопки кургана неподалеку от Кисловодской товарной станции (РА ИИМК РАН Ф. 1. 1917. Д. 35.)

²⁴ О жизни А. А. Бобринского зимой 1917—1918 гг. в Петрограде сохранилось очень мало сведений. Известно, что он вернулся в Петроград 7 ноября 1917 г. и принимал участие в некоторых заседаниях Археологической комиссии (например, 26 апреля 1918 г. именно он предложил избрать вместо умершего Н. И. Веселовского старшим членом комиссии А. А. Спицына), обращался в мае этого же года в Совет Петроградского археологического института с предложением прочитать курс лекций по курганным древностям. 20 июля 1918 г. А. А. Бобринскому было выдано Российской государственной археологической комиссией удостоверение о том, что он командирован на юг России с научными целями.

²⁵ Представляется, что автор значительно преувеличивает роль Л. Г. Корнилова, и его случайная гибель не могла изменить исторически предопределенный исход борьбы белых и красных.

Н. В. ДАНИЛЕВИЧ

◆
**КНЯЗЬ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ.
СУДЬБА И РОССИЯ**

Коллекция

С тех пор как в 1988 году в музее на Волхонке я увидела коллекцию князя Н. Д. Лобанова-Ростовского, живущего в Лондоне, я мечтала с ним познакомиться. Титул, имя, известное в мире, собрание картин художников, работавших для легендарного Дягилева, — уникальный, просто исторический персонаж для журналиста*.

Но не просто подойти к такому человеку. Как это сделать? В моем кругу были люди, встречавшие князя. К ним я и обратилась с просьбой нас познакомить. Однако в ответ услышала: «Ужасный человек! Злой!» Удивительно было то, что никто из этих людей не знал его достаточно хорошо, но какая жгучая ненависть слышалась в их словах! Передо мной разворачивалась драматургия, достойная самого Шекспира. Сюжеты, один интереснее другого, сыпались на меня, пока я изучала биографию своего героя. Первую статью о коллекции Лобанова-Ростовского в нашей прессе написал Илья Зильберштейн, известный литературовед, основатель Музея личных коллекций, которому он завещал свое большое собрание картин и рисунков. Репутация Ильи Самойловича была безупречна, ему все доверяли, и он имел редкую по тем временам привилегию бывать за границей и от имени государственных музеев и библиотек кое-что приобретать на антикварных аукционах. Имея связи со старыми русскими эмигрантами-аристократами, он много ценных реликвий успел получить от них даром и вернуть на родину. Из этих поездок привозил он также замечательные рассказы о своих находках, которые публиковал в «Огоньке». И вот однажды он открыл для себя выдающееся собрание русского искусства, хорошо известное на Западе по выставкам в крупнейших музеях мира, и написал о нем восторженную статью. В «Огоньке» ее приняли, но не опубликовали. Более того, рукопись

* Статья представлена Н. Д. Лобановым-Ростовским. О Н. В. Данилевич см.: Культурное наследие Российского государства. Вып. III. СПб., 2002. С. 199. Там же: Н. Д. Лобанов-Ростовский. Воспоминания о русских художниках за рубежом. С. 234 и сл.

вернули автору без объяснений. Не мог главный редактор сказать Зильберштейну правду: КГБ запретил публикацию. В наши дни это звучит неправдоподобно, а потому подкреплю свои слова документом — письмом с пометкой: «Для служебного пользования» от 25 мая 1983 года, адресованное главному редактору «Огонька» Софронову:

«Уважаемый Анатолий Владимирович!

Возвращаем Вам статью И. С. Зильберштейна “Шедевры отечественной культуры”. Популяризацию Лобанова-Ростовского Н. Д. и его коллекции в советской печати считаем нецелесообразным.

По нашему мнению, статья оставляет впечатление саморекламы автора и написана с объективистских позиций.

Приложение: статья на четырех листах, только адресату.

Начальник Пресс-бюро КГБ СССР Я. П. Кисилев».

Больше года Зильберштейн хлопотал, добываясь разрешения на публикацию своей статьи. Наконец ему удалось это сделать, и Софронов получил из КГБ следующее письмо:

«Уважаемый Анатолий Владимирович!

Согласно договоренности, направляем вам письмо доктора искусствоведения Зильберштейна И. С., полученное от него 16 августа с. г. во время встречи в Пресс-бюро.

Возражений против публикации, касающейся КГБ СССР, не имеется.

Приложение: статья на четырех листах, несекретно. Начальник Пресс-бюро КГБ СССР Я. П. Кисилев».

Сам Никита Дмитриевич с нескрываемым удовольствием рассказывает о своей победе над темными силами, и кроме копий этих двух официальных писем я получила от него еще одно откровенное частное письмо бывшего сотрудника «Огонька», объясняющего причину ненависти к коллекционеру, так самоотверженно служащего русской культуре, несмотря на вынужденную эмиграцию его семьи, потерю всего имущества и постоянные преследования:

«То, что когда-то завернули статью Зильбера, меня нисколько не удивляет. Собственно иначе и быть не могло в то время. Рассказывается о коллекции “беляка”, у которого отец “беляк”, был даже репрессирован и пропал без вести в наших или болгарских (но тоже наших) лагерях. А мы его коллекции будем пропагандировать, всякие там авангардистские штучки. Это сейчас все дозволено. А тогда бдили будь здоров как! Единственно, чему я порадовался, что Софронов (человек довольно трусливый, несмотря на его личные отношения с начальством из органов), наверное, крепко наложил

в штаны, получив такой ответ...» После того, как коллекция князя была рассекречена, благодаря мужественному Зильберштейну о собрании Лобанова-Ростовского появилась замечательная статья в лучшем журнале перестроечного времени «Наше наследие».

Бегство. Болгария

В России давно уже не встречаются такие фамилии, как Долго-рукие, Трубецкие, Волконские, Куракины, Лобановы-Ростовские, близко стоявшие у трона и связанные между собой тесным родством. Эмиграция была единственным способом спастись им от «карающего» меча революции. Бежали Лобановы-Ростовские через Одессу в Румынию. Случилось это так. Княжна Ольга (тетя Никиты Дмитриевича) еще перед войной 1914 года уехала учиться в Швейцарию, в Лозаннский университет. В 1919-м, когда надежды эмигрантов вернуть себе родину окончательно рухнули, Ольга отправляется в советскую Россию, чтобы спасти своих родных. Поезд шел через Бухарест, и в ее купе первого класса оказался приятный господин, которому после двух дней пути она решила рассказать о цели своего путешествия. Он счел это безумием и дал ей свою визитную карточку, сказав: «Передайте ее моему другу, капитану порта Галац Константину Улику. Он такой же отчаянный, как и Вы, и, может быть, он что-то сделает для Вас». По этой визитной карточке княжна Ольга узнала, что ее спутником был министр морского флота Румынии.

Капитан Улик нелегально на военном судне доставил русскую княжну к русским берегам и три дня находился в нейтральных водах, ожидая беженцев, которые, переодевшись в одежды крестьян, беспрепятственно покинули страну. Но в Румынии их всех арестовали. Уже тогда существовало соглашение между Румынией и советской Россией о выдаче беженцев. Благодаря тому, что семья имела деньги, их не отправили обратно, а посадили в тюрьму.

В тюрьме между Ольгой и Константином завязался роман. Они поженились и решили жить в Румынии. Все остальные во главе с князем Иваном (дедом Никиты Дмитриевича) отправились в Болгарию, где была монархия и правил царь Борис. Поселились в Софии. Этот выбор был обусловлен тем, что больше всего на свете старого князя интересовала музыка, а в соборе Александра Невского по воскресеньям пел хор Софийской оперы. Покидая Россию, он не заботился о вещах. Взял только свою любимую скрипку Страдивари. Бабушке удалось спасти семейные драгоценности и портреты.

Эти портреты — единственное, что осталось у Никиты Дмитриевича от большого имущества, которым владели в России его богатые предки до революции. В эмиграции Лобановы-Ростовские постепен-

но разорились. Бабушку обманули мошенники: за большие деньги продали ей «богатое месторождение». Потом выяснилось, что они закопали в землю несколько телег угля. На оставшиеся средства отправили сына Дмитрия учиться в Англию, в школу Хароу. В Париже, где он бывал у своих родственников, он встретил свою будущую жену Ирину Васильевну Вырубову, мать Никиты Дмитриевича. Она также закончила учебу в Англии, и, после того как они поженились, поселились в Болгарии. Мирно текла жизнь. Маленький Никита говорил на четырех языках. С няней и родителями он общался на русском языке, с прислугой говорил по-болгарски. Утром с ним занималась гувернантка немка, а после обеда — француженка. На фотографиях из семейного альбома семья выглядит счастливой и обеспеченной.

До коммунистического переворота в Болгарии, случившегося после Второй мировой войны, отец работал бухгалтером на текстильной фабрике «Фортуна», которая принадлежала итальянцам. В 1946 году ее передали Советскому Союзу в качестве репараций. Отцу предложили принять советское гражданство и получить советский паспорт. Он отказался. Вслед за этим начались постоянные стычки с властями. В Болгарии становилось страшно жить, начинался красный террор. Спасаться можно было только бегством. Дед Никиты Дмитриевича по матери Василий Васильевич Вырубов до революции был товарищем министра князя Львова, последнего главы Временного правительства. После переворота большевиков они оба поехали в Америку к президенту Вильсону за помощью и, получив отказ, уехали в Париж, где у князя Львова еще с начала века была хорошая квартира с прислугой. Эмигрантская жизнь Вырубовых проходила в Париже. И оттуда дед Никиты Дмитриевича попытался организовать для них нелегальный переход через границу. С помощью денег и одной из западных разведслужб он нашел проводника. Им был Данчо Пеев, бывший пограничный офицер болгарской царской армии. Он взялся провести беженцев к Греции через самые высокие горы в Родобах. «Мы вышли к границе, — вспоминает Никита Дмитриевич, которому тогда было одиннадцать лет, — недалеко от Салоников нас должен был встретить проводник с греческой стороны. Ждали целые сутки, скрываясь в сугробах. Было это в декабре, стояли морозы. Отец решил сам искать дорогу и наткнулся на болгарских пограничников. По его следам на снегу пограничники нашли и нас с мамой. Так я и мои родители попали в софийскую тюрьму. В день давали по сто пятьдесят граммов хлеба, и тогда я научился воровать. Я пытался хотя бы немного заработать, чинил старые велосипеды. В кладовке, где их держали, хранили лук и кар-

тошку, и я стал их потягивать. Когда одежда совсем изнасилась, я взял мешок из-под лука, прорезал в нем три дыры и ходил в нем».

Однажды я спросила Никиту Дмитриевича, какие воспоминания из прошлого чаще всего беспокоят его. Он ответил: «Тюрьма. Когда меня и родителей арестовали, то, конечно же, разделили. Во всех камерах не было окон, кроме моей, так как она находилась в конце коридора. Мне было слышно все, что происходило на тюремном дворе, и я замирал от ужаса, когда раздавались крики избиваемых людей. А по ночам их расстреливали. Эти выстрелы я очень хорошо слышал, несмотря на то, что тюремщики пытались заглушить их, включая моторы грузовиков. Но зато, благодаря этому окну, я узнал, что мой отец еще жив и находится в той же тюрьме.

Раз в месяц в тюрьму приходил парикмахер и стриг заключенных в коридоре возле моего окна. Однажды я услышал, что кто-то насвистывает старый английский военный марш «Дорога в Типерери далека». Я понял: это отец и он подхватил мелодию. Так мы узнали, что находимся рядом друг с другом. От недоедания я заболел дистрофией, и, чтобы я не умер в тюрьме, меня решили выпустить. Я получил свободу, но мне некуда было пойти...» Приютила его няня, Елена Ивановна Иванюк. Она работала посудомойкой в русском клубе, а ее муж, бывший офицер царской армии, — ночным сторожем. Притеснить их еще больше было трудно, и они ничего не боялись. Несколько месяцев он жил у них, подрабатывая на улице: чистил ботинки «товарищам», собирал на улице окурки, выбивал из них табак и продавал цыганам на вес. Наконец из тюрьмы освободили мать и отца. В Софии их квартиру конфисковали, жить было негде. К счастью, в пригороде Павлове у знакомых нашлась свободная комната.

Болгарские власти в этот раз ничего не смогли сделать с «врагами народа» и отступили потому, что Николай Васильевич Вырубов, дядя Никиты Дмитриевича, служил в секретариате ООН. Он не прекращал свои хлопоты, стремясь выручить своих родственников, и на одном из заседаний ООН заявил: «Как же Болгария хочет стать членом Объединенных Наций, когда держит в тюрьме людей, которые были схвачены на территории Греции?» Помогло и то обстоятельство, что мать Никиты Дмитриевича была французской подданной, а ее сын был вписан в ее паспорт.

Но жить по-человечески им уже не дали. После тюрьмы родители Никиты Дмитриевича не имели права работать. Выжили только благодаря помощи из Парижа, от деда и тети, Киры Николаевны Галаховой. Продавали часть вещей, которые приходили в посылках. В послевоенной Болгарии на пару новых ботинок можно было жить три месяца. Еще одно кошмарное воспоминание Никиты Дмитриевича

вича: «Спустя год после выхода из заключения отец исчез. Это случилось в 1948 году. Тогда многие “исчезали” без суда и следствия. Он вышел из дома за молоком, и больше мы никогда его не видели. Недавно я узнал, что отца посадили в специальный истребительный лагерь Пазарджик. Люди оттуда уже не выходили. Теперь я знаю, что его убили 13 октября 1948 года. Когда лагерь закрывали, всю стражу расстреляли, здания снесли. Никаких следов не осталось. Теперь там роща. Уцелел только начальник этого лагеря, от которого я все это узнал. Он давно в отставке, живет как почтенный человек в городе Старая Загора в Болгарии. Официальный документ о смерти отца мне выдали только в конце 1992 года».

Никита Дмитриевич бывает иногда в Болгарии, где он родился и жил до восемнадцати лет. Здесь он впервые по-настоящему полюбил девушку-болгарку. Она и сейчас там же живет, но от встречи отказывается, смущается, что теперь не так красива, как прежде. Здесь остались у него друзья юности, и один из них Любомир Ловчев, в прошлом председатель Союза писателей Болгарии и член ЦК Болгарской Компартии. В 1988 году вышла книга Любомира Ловчева «Убей болгарина», в которой он дает характеристику своему однокласснику Никите Лобанову-Ростовскому, каким он запомнился ему на фоне того драматического времени.

«Осенью 1949 года я поступил в гимназию. Я обратил внимание на то, что один из моих соучеников, так же как и я, ездил туда издалека на моем трамвае № 5. Мы вместе сходили на остановке “Александровская больница” и не спеша плелись по бульвару Славейкова, даже вопреки тому обстоятельству, что вечно опаздывали в гимназию. Эта общность судьбы нас и подружила. Мы даже сели за одну парту, последнюю в ряду у окна. Мой соученик Никита Лобанов был высокого роста, как и я, но более стройным и привлекательным. Он был ироничным, иногда даже наглым, что помогало ему хранить тайну доброго сердца. Думаю, что все ученики нашей школы были одеты лучше, чем я. Никита же был одет как маленький принц. Принцем он не был, но, как выяснилось, был князем. Каждый белогвардеец в Болгарии после второй бутылки утверждал, что он граф. Но князья даже в русском кабаке — большая редкость. Позже я узнал, что малый, разделявший со мной парту, был князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. Одно из немногих имен, сохранившихся со времен варяга Рюрика. Это была старинная благородная фамилия, которую Лев Толстой переименовал, видимо для собственной безопасности, в Ростовых, когда писал “Войну и мир”. Одет князь был ни шикарно, ни экстравагантно. Одежда его приходила в посылках из Парижа, и, соответственно, он отличался от всех нас как

белая ворона. Кто в то время носил замшевые панталоны, башмаки на каучуке и пуловер английской шерсти? Были области знания, в которых я был до смешного невежествен по сравнению с князем, например, в любви. Или в знании иностранных языков. Никита говорил по-русски, по-французски или по-английски лучше, чем по-болгарски.

Что же касается других предметов, например политических наук, тут ему вполне светила возможность не перейти в следующий класс. Думаю, что именно эту хитрость он использовал, чтобы убежать из элитарной Второй мужской гимназии и перебраться в Пятое единое училище имени Ивана Вазова в предместье Павлове.

В конце концов, я сбежал из гимназии, а вслед за мной и князь. В те времена Пятое единое было чем-то совершенно невообразимым... Многие были попросту выгнаны из других гимназий. Присутствовали и ломбровские физиономии, ходившие с ножами и наточенными отвертками и не особенно скрывавшие их. Педагоги, в свою очередь, были неким коктейлем, вполне соответствующим этой опасной компании. Некоторые были опытными, но политически неблагонадежными учителями еще старой школы. Как два беглеца или новичка, мы не могли занять подобающее нам место в этом обществе. Оба мы были членами геологического кружка, который возглавлял член БКП Иван Паяков. Кружок собирался в поход на Родопские горы вблизи от греческой границы. Никите, увлекающемуся геологией, очень хотелось пойти вместе со всеми. Но шансов у него было мало, так как его отца считали врагом народа. И вот в “каменный штаб” вызван кандидат в поход князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Мы побаивались, что он не сможет пройти это испытание. Я предполагал, что Паяков задаст ему вопрос на засыпку. Например: “Кто Генсек Монгольской Компартии?” И я все время говорил Никите, что имя генсека Чойбалсан. Наступила решающая минута встречи с Паяковым, и Никита превратился в какого-то мотылька. Вел он себя, как Иванушка-дурачок. Паяков глядел на него с любопытством, но без злобы. Вместо того чтобы пить из Никиты кровь или наслаждаться его прощальным визгом, он взял образец минерала и бросил его Никите. Он ловко его поймал, так как был пловцом и ватерполистом.

— Что это?

— Пирит.

— Пирит или халкопирит?

— Пирит.

— Почему?

— Форма кристаллов, цвет, присутствие кварца...

Паяков засмеялся и сказал: “Хорошо, я принимаю тебя в свою группу, готовься”. Некто услужливо шепнул руководителю:

— Знаешь, из какой он семьи и кому служил его папаша?

— Папаша его служил, кому хотел, а этот будет служить нам. Это даже занятно — иметь с собой князя в походе.

В день, когда умер Сталин, в нашем доме появился Никита. Он взглянул на радио и сказал: “Наверное, хорошо принимает. Давай попробуем поймать Лондон”. Так тогда называли Би-Би-Си. Эту радиостанцию я не слышал с тех далеких времен, когда мой отец вскрывал восковые печати и следил за событиями в Москве и в Лондоне. Помню неприятные интонации в голосе диктора Мацанкиева. С тех пор мне никогда не приходило в голову слушать иностранные радиостанции. Князь ловко нашел очередные новости. Сообщали следующее: сегодня умер великий сын русского народа, гений всего человечества... Сергей Прокофьев.

Интересной была дальнейшая судьба князя. В конце пятидесят третьего года ему разрешили эмигрировать во Францию. Отец его бесследно исчез в 1948 году. По этому поводу ходили разные легенды. Его видели и даже после смерти. Мать Никиты довольно рано заболела раком груди. Это и послужило формальным поводом для разрешения на выезд. Увы, причина не была выдуманной, вскоре после приезда в Париж она скончалась. Из Франции Никита написал нам смешное письмо-рассказ о своих первых переживаниях в “свободном мире”. Дедушка поселил его в “шато” на берегу Сены для промывания мозгов после коммунистического ада. В этом карантине Никита чувствовал себя одиноким. В первое утро его разбудил лакей и спросил, где он предпочитает завтракать — в постели или в столовой. Конечно, Никита попросил завтрак в постель. И пока он пил кофе, допустил первую ошибку, сказав лакею:

— Может, подружимся?

За ужином при свечах дедушка вместо оплеухи дал Никите совет:

— Не следует развращать прислугу.

Позднее я потерял следы князя, и очень надолго. И совершенно неожиданно в 1970 году я встретил его на софийской улице. Он приехал навестить свою старую няню и прогуляться, как в старые времена, по склону Витоши. Он уже был заместителем директора Кэмикал-бэнк на Уолл-стрит в Нью-Йорке (ныне Генс-банк).

Не так давно, в 1988 году, когда мы встретились в Варне, мне пришла в голову мысль показать ему рукопись этой книги. Как социолог и даже апологет социалистического реализма он посоветовал мне усилить показ социальных конфликтов времени. Он напомнил

мне как жители деревни Владая, которых он называл почему-то кулаками, закоротив пробки в нашем классе, в темноте пырнули отверткой в спину комсомольского секретаря. Он напомнил мне, что сидел в тюрьме вместе с родителями и носил мешок из-под лука. Может быть, князь о луковом мешке и прав. О многих событиях я здесь ничего не рассказываю. Это привилегия взгляда мальчишки, прошедшего через ад и не испугавшегося».

В книге «Ты следующий» (1998 г.) Левчев пишет:

«Никита исчезал, как Маленький принц с потоком астероидов. На софийском перроне несколько белогвардейцев, плача, прощально махали руками: “Не забывайте! Не забывайте!” Локомотив выпустил пар, как джина, играющего с людскими судьбами.

В этот миг мы с моим соучеником Князем начали жить в разных мирах, ненавидящих друг друга. Судьба складывалась таким образом, чтобы сделать нас обоих в каком-то смысле избранными, но каждого своей системой. И должна ли была эта ненависть отравить нашу юношескую дружбу, как и все остальное?

Нет, этого не случилось. Жизнь, похоже, изыскивала всяческие возможности для того, чтобы мы могли забыть, охладеть друг к другу или поссориться. Я был главным редактором газеты в Болгарии, Никита был директором банка в США. Но достаточно было нам встретиться (а мы встречались), как мы вновь становились самими собою — детьми, скажем лучше, юношами, готовыми ликовать друг с другом, да так, как будто мы нашли новый кристалл. Мы не спрашивали друг друга, кто строит будущее, а кто остался в жалком прошлом. И это краткое мгновение повторялось, как будто судьба Вселенной зависела от прекрасного сна нашей дружбы».

В письме Никите 1998 года он пишет:

«...Уходит век. Он был нашим! Уходит Тысячелетие. Что все это было? Ренессанс? Просвещение? Иллюзии?»

Чудесное спасение. Оксфорд

Вырваться из Болгарии было непросто, никто из официальных лиц не хотел проявить заботу о семье репрессированного белоэмигранта. И Никита втайне от всех искал путь к побегу. После тюремной диеты у него были проблемы со здоровьем и доктор сказал: «Останешься рахитичным, если не займешься спортом». Тренировался по восемь часов ежедневно, проплывая по шесть-семь километров. Он все рассчитал: три километра морем до нейтральных вод, еще шесть вдоль болгарско-турецкой границы и три до турецкого берега. Лучше всего подходил для этого стиль «басс», так как он позволял видеть все, что происходит вокруг. Тренер был в восторге от

быстрых успехов своего нового ученика, особенно когда в 1951 году он стал чемпионом Болгарии по плаванию. Сам же Никита считал плавание самым скучным видом спорта, но своими соображениями он тогда ни с кем не делился.

К счастью Лобановым удалось уехать из Болгарии обычным путем — помог французский посол в Болгарии Ж. А. Парис. И. В. Вырубова была французской подданной, а сын был вписан в ее паспорт. Путем долгих переговоров и хитрых дипломатических приемов мать с сыном удалось вывезти во Францию. 30 сентября 1953 года они приехали в Париж и поселились в доме дедушки. Через три года умерла мама — сказались все тяготы последних лет.

Ни на одной карте мира нет такой страны — Оксфорд. А между тем фактически это совершенной красоты и устройства отдельное замкнутое государство, со своей историей, вмещающей восемь веков. Серые здания колледжей совершенно особенной архитектуры, ползущие по их стенам дикие розы, свежие и обширные парки, в которых спокойно бродят олени, строгость и неподвижность университетских правил, средневековые церемониалы и бутафорские для современного глаза костюмы — от всего этого веяло такой благонадежностью и стабильностью, какой не найти было нигде в послевоенном мире, кроме Англии. Попастъ в Оксфорд не просто. К счастью, анонимный благотворитель учредил в Оксфордском университете стипендию для беженцев из Восточной Европы. При поступлении помимо английского языка требовалось знание латыни. Дед нашел репетитора — деревенского священника, к которому Никита все лето ездил на велосипеде. Зубрил целыми днями — мечтал во что бы то ни стало попасть в Оксфорд. Когда узнал, что на эту стипендию претендует двадцать пять человек, понял, что шансы его равны нулю. Отступить нет смысла, когда нечего терять, и случилось невероятное: принят был именно он.

Однако, как ему объяснил спустя годы один из членов комиссии, сэр Исая Берлин, знания четырех языков и латыни были тут ни при чем. Комиссия руководствовалась только одним желанием — избавить британскую казну от потенциального безработного гуманитария. Среди претендентов на стипендию только Лобанов-Ростовский хотел изучать физику и химию, чтобы стать инженером-геологом. Все остальные мечтали заниматься историей, философией или юриспруденцией. Комиссия решила, что инженер всегда найдет работу, значит, одним нахлебником будет меньше.

Практичность английской жизни была вполне понятна, так как даже спустя девять лет после войны сохранялись продовольственные карточки на мясо и сахар. В ресторанах со столов убрали сахарницы. В Англии оставалась только одна ресторанный сеть «Lyons

Corner House», возобновив довоенное правило — оставлять сахар на столах. В глазах студента эти рестораны отличались особенной щедростью еще и потому, что в них подавался чай в больших чашках. «Сахар имеет специфическое свойство: в стакане чая можно растворить такой же объем сахара, и это спасало меня от чувства голода, когда я был студентом». Мне казалось странным, что этот комментарий был самым важным во время нашей экскурсии в Оксфорд. Я не услышала от Никиты Дмитриевича, имеющего слабость просвещать людей, ничего из истории Оксфорда.

Когда он показывал мне коллекцию русского искусства в Оксфордском музее «Ashmolean», он автоматически, на мой взгляд, говорил о том, как все эти чудесные театральные эскизы Александра Бенуа и эротические сценки позднего Льва Бакста попали сюда. Их завещал коллекционер, эмигрант из Одессы Брайкевич. Было заметно, что он не первый раз исполняет в этом музее роль гида. И я, как, наверное, и другие, кого он приводил сюда, была очень благодарна ему за то, что он помог мне открыть коллекцию, о которой мало кто знает. Когда все рисунки и акварели были просмотрены, пришли служащие и унесли папки и белые перчатки, в которых полагается переворачивать листы. Здесь, в сумрачных залах хранилища, Никита Дмитриевич вспомнил об анонимном благодетеле, назначившем при его поступлении стипендию для эмигранта из Восточной Европы. Эта стипендия открыла ему будущее. А человеческое отношение преподавателей вернуло ему веру в добро. Профессор химии, например, был удивительно трогателен в своей заботе. Он купил советский учебник химии в специальном магазине Лондона, чтобы приспособиться к уровню знаний своего нового студента.

Удивительно, что князь до сих пор хранит в памяти благодарность тем людям, которые дали ему всего лишь доброе напутствие или хороший совет. В 1954 году, в самом начале учебы в Оксфорде, сэр Исая Максимович Берлин ему сказал, что университет полон всяческих соблазнов для молодого человека, а потому, если хочешь преуспеть в жизни, почаще пренебрегай приглашениями на вечеринки и болтовней с приятелями. Этому совету он строго следовал все четыре года оксфордской жизни.

«Who is Who»

В США выходит справочник «Who is Who in the World», в котором есть сведения о всех важных персонах, что-то представляющих собой в мире бизнеса и культуры. В нем дана такая характеристика Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому:

Сын Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского и Ирины Васильевны Вырубовой, родился 6 января 1935 года в Софии. Гражданин

Никита Дм. Лобанов-Ростовский. Будапешт 1997 г.
Портрет кисти А. В. Вагина

США. В 1958 году окончил Оксфордский университет (Крайстчерч колледж) в Англии, получил степень бакалавра и магистра геологии. Продолжил образование в США, где в 1960 году в Колумбийском университете в Нью-Йорке получил степень магистра экономической геологии, а в 1962 году в Нью-Йоркском университете — степень магистра банковского учета. В 1960—1961 годах работал геологоразведчиком нефти в Аргентине. С 1961 по 1967 год занимает должность помощника заведующего международным отделением «Кемикал Бэнк», в 1967—1970 годах — пост помощника вице-президента компании «Бэйч энд Ко» в Нью-Йорке. В этот же период он участвует в разведывании месторождений ртути и никеля. С 1970 по 1979 год он является вице-президентом «Уэллс Фаргоу Бэнк» в Сан-Франциско (Калифорния), а также главой отделений Ближнего Востока и Африки. С 1980 по 1983 год он занимает пост старшего вице-президента Международного банка финансов и ресурсов в Лондоне. Никита Лобанов — высококвалифицированный специалист по банковским капиталовложениям, в настоящее время является советником фирмы «Де Бирс» (добыча и продажа бриллиантов).

Член Американской ассоциации геологов-нефтяников и Американского института инженеров горнодобывающей, металлургической и нефтяной промышленности.

Никита Лобанов активно занимается общественной деятельностью: он директор Ассоциации театрального музея в Лондоне и пожизненный член Союза благотворителей Музея Метрополитен в Нью-Йорке, член президиума Фонда Кирилла и Мефодия в Софии, член правления Института современной русской культуры в Лос-Анджелесе (Калифорния), а также член Ассоциации американских ученых русского происхождения в США (Нью-Йорк). Член Клуба коллекционеров в Москве. Автор ряда научных работ, например, «Русские художники и театр» (1969), «Финансирование торговли» (1980), «Банковское дело» (1982).

Его имя внесено в биографические справочники «Кто есть кто в мире» (1982—1983), «Кто есть кто в банковском и финансовом деле на Ближнем Востоке» (1982), и в Биографический словарь Советского Союза» (1917—1988/89). Женат на француженке Нине Жорж-Пико, проживает в Лондоне.

Князь и Россия. Потомок

Однажды Никиту Дмитриевича спросили: «Что значит сегодня быть русским князем, потомком рода Рюриковичей?» Он ответил: «В силу моей полной оторванности от российских корней из-под ног обстоятельствами была выбита почва, на которой мое происхождение»

ние могло бы принести больше пользы обществу даже на исходе XX века. Замечательный русский философ Николай Бердяев в книге «Философия неравенства» заметил, что истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Я же надеюсь, что служу восстановлению в правах отдельных областей русской культуры, и в этом вижу свою миссию».

В Россию он приезжает с 1970 года. В Москве знает все улицы и переулки и часто подсказывает своему шоферу из местных, как ехать коротким путем. В телефонной книге у него — вся Москва. Его язык абсолютно русский, без акцента, но от простонародной скороговорки москвичей он отличается выразительностью интонаций. Так говорят вахтанговские актеры старой школы. Он видел все лучшие постановки Большого театра, музейные выставки, его библиотека по искусству в Лондоне наполовину состоит из русских книг. Можно сказать, что он много знает, много изучает, но сегодняшнюю Россию не понимает. Он чувствовал себя дома, когда жил в Париже у деда, в Америке, открывшей ему возможности к карьере ученого и финансиста, в Англии, куда он вернулся через 20 лет и нашел все тот же удобный стиль жизни, прежние знакомства с оксфордских времен. В России он не чувствует почвы под ногами. Энергия князя, привыкшего к деятельности, раздражает многих. Он не понимает, почему в России не говорят «Нет», но при новой встрече просто не помнят о том, что так заинтересованно обсуждали вчера. Зачем же тогда эти так называемые деловые встречи и разговоры, если это не пролог дела? Подобные деятельные характеры в России выглядят странно. Что он хочет, этот американец, непонятно. Подарил Музею личных коллекций в Москве целую витрину агитационного фарфора, работы Николая Бенуа, Александры Экстер, одной из самых дорогих художниц русского авангарда. Здесь же, в Москве, он издал два тома каталога коллекции, которую собирал сорок лет. Сегодня издавать в России энциклопедические иллюстрированные издания может прийти в голову только сумасшедшему. Этот дорогой проект с самого начала был убыточным. Последний том вышел в 1994 году в издательстве «Искусство» накануне показа коллекции Лобанова-Ростовского в Музее личных коллекций. Роскошная книга, в глянце-вом супере весит 2½ килограммов, как и каталог выставки века «Москва—Берлин», печатавшийся за границей на деньги могущественного «Инкомбанка». Князь издавал свой каталог-резоне без спонсора, на свои средства, теряя на этом сорок тысяч долларов. Но теперь, с этим каталогом, который пятнадцать лет составлял Джон Боулт, самый известный специалист в области русского искусства на

Западе, собрание Лобанова-Ростовского приобрело историческое и научное основание. Известным оно стало уже давно, благодаря выставкам в крупнейших музеях мира, сотням публикаций в прессе, а также из-за многочисленных даров. В каталоге, который как бы подводит итог собирательской деятельности князя, опубликован список работ, подаренных общественным собраниям: от Музея Метрополитен или Фонда Стравинского—Дягилева в Нью-Йорке до театрально-музыкальных архивов Петербурга и Сухуми. В этом списке перечислено 475 работ! По-княжески щедро.

Теперь князь хотел бы устроить свою коллекцию в России. Американский дилер, владелец галереи «Модернизм» господин Мартин Мюллер предлагает за часть коллекции пять миллионов долларов, не скрывая, что хочет ее распродать по частям, чтобы заработать больше. Князь не соглашается, он готов получить за свою коллекцию меньше при условии, что она попадет в Россию, в один из музеев Москвы или Петербурга, а значит, уже никогда не будет продана.

Высокопарная болтовня о служении Отечеству, крепко связанная с традицией застолий, сегодня выглядит как основная национальная черта русского народа. Лобанов-Ростовский не любит таких речей и скрывает свой наследственный патриотизм за циничными фразами, совсем как Рэд, главный герой фильма «Унесенные ветром». Он пытается выглядеть жестким и злым, тогда как без людей он жить не может. Он не пьет крепких напитков, но все вечера у него заняты, так как он любит компании, приемы, вернисажи. Привязавшись к человеку, он будет дружить с ним всю жизнь, прощая ему многое в благодарность за что-то хорошее.

В России князь выглядит слишком эксцентрично. Те, кто судит о нем по внешности, сердятся на него за то, что он не скрывает своего превосходства, слишком требователен и насмешлив. Журналисты обожают брать у него интервью. Он назначает им встречу, приглашая к себе на квартиру. Журналист доволен: идет к князю чай пить. Приходит. И застает там одного или больше коллег из конкурирующих изданий. Конечно, это не то, что он хотел, и ему неприятно. Или журналист, ничего не понимающий в искусстве и толком не знающий, что князь собирает, задает не очень подходящий вопрос. Князь, понимая, что перед ним профан, вежливым тоном рассказывает, что он — нумизмат. «Ах, как интересно! Вы собираете старинные монеты...», — показывает свою блестящую эрудицию журналист. — «Нет, дорогой, — убийственно любезно отвечает князь, — я банкир и собираю современные денежные знаки». Не всякому приятны такие шуточки. «Какой князь Лобанов-Ростовский хам!» — услышала я от одной очень приличной дамы, замучившей всех своими ахами и

олами о судьбе России. Чтобы спасти вечер, Лобанов-Ростовский рассказал неприличный анекдот из запрещенного Пушкина, и патристически настроенная дама потеряла свою аудиторию.

Характер князя мало кому понятен, и это настраивает против него. Часто люди даже не понимают, чего он хочет. Он обладает редким терпением в достижении поставленной цели, всегда готов жертвовать многим, но, если он не видит никаких существенных результатов, он взрывается так бурно, сжигая все мосты, что хладнокровному человеку, наблюдающему со стороны, его действия кажутся нелогичными, даже абсурдными. У него другая логика: действовать, постоянно что-то создавать, даже меняя резко направление. Он уходит от бессмысленного расходования своей колоссальной творческой энергии, так свойственной его предкам. Видимо, эта наследственная черта привязывает его к России, от которой он не может оторваться прежде, чем он не оставит свой исторический след на ее почве. Он никогда не поднимает вопросов генеалогии. Не рассказывает о своих предках, Рюриковичах, и по линии отца, и по линии матери. Об этом написано в «Российской родословной книге» и в других исторических источниках. Он молчит об этом, потому что давно знает о своем предназначении.

Двойную фамилию их род носит потому, что Лобановы княжили в Ростове Великом. Когда Иван Грозный покорял Астраханское и Казанское ханства и объединял Русь, он заключил с Лобановыми союз, чтобы они против него не воевали. А в благодарность за это он сохранил им их княжеские права в Ростове Великом. При въезде в город князей полагалось встречать особыми почестями. У ворот их встречал митрополит, и звонили в колокола. Но со временем эти традиции были забыты. И только много лет спустя одному из князей Лобановых-Ростовских захотелось въехать в город, как при Иване Грозном. Этот звон колоколов он вспоминал потом до самой смерти. Царю это не понравилось, и князь, спасаясь от его гнева, вынужден был покинуть Россию. Он поселился во Франции, и теперь в Аниере под Парижем есть Лобановское шато; в Шантии — ипподром, так как верховая езда была страстью этого князя. В Ментоне до сих пор сохранилась большая вилла с родовым гербом Лобановых-Ростовских над въездными воротами.

В России, несмотря на исторические драмы, осталось несколько таких достопримечательных мест, построенных предками Никиты Дмитриевича. Однажды он взял меня и фоторепортера из журнала «Элита» на экскурсию, чтобы показать памятники допожарной Москвы. Вначале поехали на Рождественку. За красной стеной женского монастыря, построенного в 1386 году княгиней Марией Ивановной Лобановой-Ростовской в память о Куликовской битве,

каким-то чудом уцелела фамильная усыпальница. Было видно, что ее недавно привели в порядок. Стены были только что выкрашены и довольно небрежно. Строительный мусор еще не успели убрать, и через него пробивались желтые одуванчики. Князь был рад, что здание вовремя отремонтировали и оно теперь не пропадет. Внутри усыпальницы мы не были: низко к земле повешенная дверь, как в деревенских избах, была на замке. Князь сказал, что внутри ничего не сохранилось, во время революции или позже склепы были разрушены. Это тогда происходило по всей России — искали драгоценности. Эту усыпальницу, а вернее то, что от нее осталось, князь реставрировал частично на свои средства.

Потом мы поехали на Мясницкую улицу, где под номером 43 сохранилась городская усадьба с белыми колоннами. Но она, до сих пор прекрасная, в таком плохом состоянии и для восстановления нужны такие огромные средства, что трудно поверить в возможность ее спасения. А на фотографиях в русских и иностранных путеводителях по исторической Москве дом выглядит прекрасно. Сведений о владельце дома сохранилось немного. Первоначально он принадлежал влиятельному московскому вельможе графу Панину. В конце XVIII века его за 27 500 рублей приобрел сенатор, князь Александр Иванович Лобанов-Ростовский (1752—1839), вышедший в отставку в чине генерал-майора. Его современник и родственник князь П. В. Долгорукий дал ему довольно художественную характеристику:

«Князь Александр был известен своим ужасным характером. Когда он бывал в плохом настроении, он ходил туда-сюда и напевал: “Тюрлю-тю-тю, шапо пуантю”, и, как только раздавалось это злоеющее “Тюрлю тю-тю”, все его домочадцы, прислуга, дети и женщины начинали трепетать...»

В кругу московских собирателей князь стал знаменит благодаря своей коллекции древних рукописей. В 1797 году он был выбран предводителем московского дворянства и решил перестроить свой до тех пор обыкновенный дом. Он уже не соответствовал его имущественному и общественному положению князя, генерал-майора, предводителя дворянства, человека, бывшего у всех на виду и состоявшего в родстве со многими аристократическими семействами, среди которых были Голицыны, Куракины, Долгоруковы, Волконские, Панины, Салтыковы... Очевидно, необходимость быть «не хуже других» заставила князя заняться перестройкой дома, превратившей его в настоящий дворец. С именем Лобанова-Ростовского он и вошел в историю русской архитектуры XVIII—XIX веков.

Архитектором был итальянец из Болоньи Франческо Кампорези. Он работал вначале в Петербурге, а потом по указу Екатерины II был

отправлен в Москву. Здесь он служил сорок лет и участвовал в работе по отделке Екатерининского дворца в Кремле. Во время пожара 1812 года сгорела почти вся Москва. Документы свидетельствуют, что из 9151 дома уцелело 2626. Мясницкая часть принадлежала к числу наименее пострадавших. Здесь осталось 293 владения. В трудах крупнейшего исследователя Москвы П. В. Сытина записано, что дом оказался в полосе пожара, но пламя не коснулось его. Возможно, что его спасли французские солдаты, охраняя покой поселившегося здесь наполеоновского офицера.

А в Петербуге Лобановым-Ростовским принадлежал один из красивейших дворцов, занимавший целый квартал Адмиралтейского проспекта. Пушкин в поэме «Медный всадник», а Александр Бенуа в иллюстрации к книге запечатлели его навеки.

Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдаль во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Под огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Это огромное треугольное здание с мраморными львами у парадного подъезда было построено в 1817—1820 годах знаменитым архитектором О. Монфераном, создателем Исаакиевского собора, для князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского. И эти самые львы, которых во время страшного наводнения 1825 года увидел несчастный Евгений, заказали лучшему итальянскому скульптору того времени Трискорни. В 1810 году они были исполнены и доставлены в Петербург из Каррары, итальянского городка, богатого первоклассным мрамором. Подробности об этом неординарном владельце можно найти у историка М. И. Пыляева, известного своими книгами «Старый Петербург» и «Старая Москва»:

«В двадцатых годах жил роскошно в своем громадном доме, на углу Исаакиевской площади и Малой Морской (теперь дом Военного министерства), блестящий вельможа Александровской эпохи, князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский. Дом князя, великолепно отделанный в стиле "empire", вмещал несколько редкостных музеев; князь имел редкую, даже в Европе, библиотеку, в которой в числе многих исторических отделов, был один, где было собрано все, что было писано на всех языках, о жизни несчастной королевы Марии Стюарт. Впоследствии, по смерти жены, когда князь задумал продать свою библиотеку и большой свой дом, то не нашлось покупщика, и Лобанов уже предполагал разыграть ее вместе с домом в лотерею, по рублю за билет, выпустив билетов на миллион рублей, но император Николай не допустил лотереи и купил как дом, так и библиотеку; за последнюю государь назначил князю пожизненную пенсию. Князь Лобанов был женат на самой богатой невесте в России — графине Клеопатре Ильинишне Безбородко. Лобанов в высшем обществе пользовался всеобщей любовью, это был прямодушный человек, безупречного, благородного характера. Князь служил флигель-адъютантом у императора Александра I, с вступлением на престол императора Николая он как-то заслужил выговор нового государя, явившись во дворец в старой форме. После этого князь вышел в отставку и долго жил в Париже. Здесь он предался страстно охоте вместе с друзьями своими, князем Голицыным и Бутурлиным, арендовал знаменитый королевский парк Фонтенбло. Лобанов жил в этом замке по-царски, каждый вечер приглашал первых артистов к себе на ужины. Почтовые тройки в русской упряжи привозили актеров. Эти пиры наших русских бар заставили говорить весь Париж. Князь Лобанов вместе с князем Тюфякиным (бывший директор театров) основал в Париже яхт-клуб, где он и был долго командором. В числе различных редкостей, которыми владел князь Лобанов, у него была превосходнейшая коллекция драгоценнейших тростей и палок, принадлежавших королям и другим историческим лицам. Эту коллекцию впоследствии у него приобрел граф Воронцов-Дашков.

Под конец своей жизни князь Лобанов жил в Петербурге, на углу Большой Морской и Гороховой улицы, в доме Штрауха, где и давал один раз в год, Великим постом, роскошный раут для мужчин. На этом великосветском рауте устраивали всегда турнир на бильярде. В то время в знатных русских домах везде были заведены бильярды, в подражание французам. Иностранные посланники и другие высокие гости состязались на бильярде во фраках и со всеми звездами».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

Литературный быт есть предбытие литературы, т. е. та повседневная бытийная реальность, в рамках которой происходит непрекращающийся процесс творения литературы как реальности отраженной. В роли индивида в пространстве литературного быта выступает писатель (творец), в роли социума — писательское сообщество в самом широком смысле слова, включающее собственно писателей, издателей, редакторов, цензоров, меценатов, каждый из которых выступает и в роли читателя, — т. е. всех индивидов, совокупные усилия, сотворчество которых являются необходимыми и достаточными для производства литературного продукта и функционирования его в культуре («бытия-в-культуре»). Произведение литературы, как и личность писателя, есть результат взаимодействия «некоторых сложных единств»¹, определенным образом организованных, взаимоналожение и взаимопереплетение которых происходит в пространстве литературного быта, формируя его ткань. В пространстве литературного быта формируются определенные семиотические нормы, на фоне и с учетом которых складывается психология группового и индивидуального поведения в различных культурах. В системе норм, в свою очередь, заложены и правила их нарушения, и возможность формирования аномалий, необходимых для существования нормы, реальное поведение индивида колеблется между нормой и аномалией и выстраивается им в соответствии с индивидуальным восприятием тех и других. Исследование литературного быта представляется весьма значимым в приложении к ситуации изгнания, когда происходит взаимоналожение двух или более культурных парадигм норм и аномалий, в рамках которых складывается типология поведения и механизмы выстраивания автообраза деятеля литературы в эмиграции.

Эмиграция, при любых условиях представляющая собой экзистенциальную катастрофу (независимо от того, осознается она эмигрантом как таковая или нет), неизбежно приводит к разорванности

сознания и к обусловленному последней кризису идентичности. Независимо от телео- и аксиологической установки сообщества, любой эмигрант в силу обстоятельств и собственного сознательного выбора вынужден существовать в чужом культурном пространстве «здесь и сейчас», подчиняясь законам чужого дискурса или хотя бы приспособляясь к ним. С другой стороны, эмигрант по инерции продолжает существовать «там и тогда», т. е. осознавать себя в рамках прежнего, доэмигрантского, бытия, перенося в новые условия укоренившиеся в сознании стереотипы, доигрывая прежние роли и пытаясь в новых условиях найти ответы на извечные экзистенциальные вопросы, связанные в сознании эмигранта с прежней, утраченной, действительностью. Можно утверждать, что эмигрант вынужден существовать в состоянии постоянного «пересечения границы», непрерывно переходя из одного (своего) культурного и языкового пространства в другое (чужое) и обратно. Иными словами, речь следует вести о существовании в условиях неизбежного наложения двух бытийных пластов: объективно-реального (текущего собственно эмигрантского) и субъективно-реального (прежнего, добровольно или вынужденно оставленного и ушедшего в историческое прошлое, но сохраненного в индивидуальной памяти и памяти сообщества). Весьма существенно, что статус истинной реальности далеко не всегда приписывается первому пласту, при этом он нередко расценивается как внешний, преходящий. Граница физическая превращается в границу метафизическую, необратимо разделяющую бытийные пласты и в значительной мере способствующую формированию (само)сознания эмигранта и эмигрантской идентичности. «Находясь психологически по обеим сторонам границы, архетипический экспатриант обретает раздвоенное сознание»².

Наиболее ярко сущность и механизм указанного явления представлены в классическом описании подобного состояния, ср.: «Превращение на чужбине в чернорабочих и шоферов такси вызвало у многих эмигрантов своего рода раздвоение личности. Лучшая часть их “я” не участвовала в жизни тех стран, куда они попали по кабальным рабочим контрактам. Здесь не понимали их языка, ничего не хотели знать о всех перенесенных ими испытаниях, видели в них только чернорабочих, варваров, “грязных метеков”. Но в своем собственном представлении они продолжали оставаться русскими офицерами, чиновниками, интеллигентами, и положение, в котором они очутились, казалось им каким-то непонятным недоразумением, отвратительным, неестественным и тягостным, но, слава Богу, временным, не заслуживающим внимания. Все их помыслы были обращены не к сегодняшней, “ненастоящей”, жизни, а к будущему —

“когда мы в Россию вернемся”, и к прошлому, недоступному вторжениям враждебной и равнодушной чужбины. [...] И чем горше была беженская доля, тем ярче воскресали в памяти видения отчего дома, детства, юности, всей славы и счастья прежней жизни на родине. Эти воспоминания помогали измученным, всё потерявшим людям забывать тоску эмигрантщины и сердцем жить в соединении со всем тем святым, великим, добрым, прекрасным и вечным, чем была в их сознании Россия»³. В данном случае речь идет об эмигрантах первой волны, «унесших» Россию в изгнание и осознававших сохранение культурного наследия как свою историческую миссию. Эмигранты последующих волн, напротив, отталкивались от культуры и страны исхода и стремились как можно быстрее и полнее ассимилироваться в новых условиях, сделавшись полноценными гражданами страны проживания. Тем не менее, даже действуя «от противного», усвоенные культурные стереотипы, конвенции, система запретов и разрешений и весь жизненный багаж в целом в сочетании с естественными трудностями ассимиляции объективно способствовали формированию основанного на феномене раздвоенности сознания «комплекса эмигранта», имеющего неизбежным результатом выраженный кризис идентичности.

Спектр внешних проявлений кризиса и реакций на него весьма широк, однако в целом все многообразие возможных реакций сводимо к двум инвариантам, допускающим, в свою очередь, определенный набор вариантов: к уходу от кризиса и к его преодолению. Крайними формами первого являются самоубийство и возвращение на родину, представляющие собой различные формы отрицания кризиса посредством «снятия» вызвавшей его бытийной ситуации. Суицид и возвращенчество как потенциальная возможность латентно присутствуют в любой эмигрантской среде, становясь более или менее выраженными в зависимости от изменения политической, социальной и экономической ситуации⁴.

Способом преодоления кризиса является «собрание себя» вокруг этоса, т. е. вокруг отношения Я к тому, что представляет для него экзистенциальную ценность, формирующуюся и осознаваемую в перспективе метафизической потребности Я, желающего скорее Другого, чем Я. Указанное Другое может быть как всеобщим (Богом, социальной утопией и т. п.), так и сугубо индивидуальным (стремлением выжить во враждебном мире, чувствовать себя защищенным, добиться исполнения мечты, достичь успеха, признания и т. п.). Личность может осознавать всеобщее как значимое для себя Другое или самостоятельно избрать свое, индивидуальное Другое; в любом случае оно будет определять Я в его чувствах и действиях. Я станет

ощущать себя посредником между миром данности наличного бытия и миром должного и эвентуально деятельно достижимого, т. е. получит возможность действовать ради преодоления противоположности между двумя мирами, а стало быть, — ради обретения утраченной идентичности.

Для эмиграции первой волны в роли единого для сообщества Другого выступали Россия и русская культура, для сообщества писательского — русская литература, получившая статус Русской Литературы. Соответственно цель и смысл деятельности русского писателя в изгнании осознавались как сохранение традиционных ценностей русской литературы для будущих поколений и — в идеале — возвращение их на родину. Представление о будущем (идея, образ желаемого будущего) становилось побудительным мотивом к деятельности, а деятельность в пространстве литературного быта выступала как деятельность-ради-Другого. Объективно, пусть и не всегда осознанно, эта деятельность сводилась к поискам Смысла (Слова) в условиях экзистенциальной катастрофы и потери Дома и имела результатом обогащение привычных явлений новыми смыслами. Единый этос эмигрантского литературного сообщества формировался как вертикальная перспектива Смысла, складывавшегося из многообразия индивидуальных и групповых Смыслов, значимых в границах различных хронотопов.

Индивидуальная или групповая оценка события литературной жизни, т. е. наделение его смыслами, в значительной степени зависела от соответствия или несоответствия хронотопа ⁵, в рамках которого оно происходило, тому хронотопу, который оценивающая сторона рассматривала как свой. В результате любой факт литературного быта оценивался (кодировался) многократно, причем приписываемые ему в процессе оценки смыслы могли быть диаметрально противоположными. Писательский бал, например, членами «дамского ордена» осознавался как связанное с непростыми хлопотами мероприятие, имеющее целью помочь бедствующим русским писателям. Для купившего дорогой билет мецената это была возможность посмотреть на знаменитых авторов вблизи и, возможно, познакомиться с ними лично. В обоих случаях в переживании изнутри значительно повышался собственный статус. Для самих писателей кроме несомненной практической пользы весьма значимой была функция игровая, «освобождающая» и объединяющая. Каждое событие подобного рода переживалось как праздник русской культуры. Наконец, тем членам писательского цеха, которые ощущали себя или действительно являлись изгоями, литературные торжества давали пищу для жестоких пародий ⁶, что являлось своего рода мораль-

ной компенсацией ощущения отверженности и также способствовало повышению собственного статуса в индивидуальном переживании.

Игра велась «выше» уровня «настоящей» («обыденной») жизни, которая эмигрантами долгое время воспринималась как временная и ненастоящая. Игра представляла собой реальность в реальности и, несмотря на свою «отраженность», переживалась эмигрантами как единственная подлинная реальность. Переходя из пространства повседневного быта (бытия) в пространство быта литературного, человек словно менял навязанную ему судьбой роль бесправного эмигранта на роль идеально-желаемую, с которой он готов был полностью отождествить себя. Нищие изгнанники, мойщики окон, шоферы такси, чернорабочие превращались в Русских Писателей и Поэтов, наследников и хранителей великой культурной Традиции. Удачливый спекулянт, жертвующий «на литературу», становился достойным уважения Меценатом. Издатель с не всегда безупречной репутацией осознал себя последователем прославленных русских издателей прошлого. В прошлом профессиональный политик или общественный деятель, возглавив периодическое издание или заняв пост в писательской организации, ощущал себя причастным к делу сохранения Русской Культуры в изгнании. Маска, надеваемая каждым из них в соответствии с разыгрываемой ролью, не только повышала статус того или иного деятеля в собственных глазах — нередко она осознавалась как более соответствующая его реальному лицу или духовному облику, чем лицо, открытое вовне в «обыденной» жизни⁷. Весьма показательны, что многие из известных политиков вошли в историю эмигрантской культуры именно благодаря своей деятельности в пространстве литературного быта. Так, И. И. Фондаминский увековечен мемуаристами как неутомимый организатор многих культурных начинаний: один из основателей и редакторов крупнейшего эмигрантского журнала «Современные записки», основатель объединения «Круг», объединившего авторов молодого поколения и эмигрантских «отцов»; и лишь соратники по партии писали о его боевом эсеровском прошлом и о заслугах перед партией. Статус П. Н. Милюкова — практического политика в эмиграции — заметно понизился, однако статус и влияние Милюкова — редактора «Последних новостей», самой влиятельной газеты демократического направления, оставались неизменно значительными. Многие общественные деятели и предприниматели получили в эмиграции широкую известность как меценаты и хранители русской культуры благодаря тому, что их имена связывались с изданиями и авторами, которых они поддерживали, что повышало их статус в

собственных глазах и в глазах сообщества в целом. Деятельность в пространстве литературного быта осознавалась как престижная и желательная, поскольку способствовала формированию идентичности в желаемом направлении и, таким образом, выступала как один из значимых факторов преодоления кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «По отношению же к своей современности писатель есть результат сплетения некоторых сложных единств; писательская индивидуальность, в конечном счете, сводится к некоторому соотношению участия в ее создании объективных литературных, литературно-бытовых и социальных сил» // *Эйхенбаум Б. М.* Предисловие // *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны Л., 1929. С. 17.

² *Матич О.* Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции) // *Russian Studies* — ежеквартальник русской филологии и культуры, 1996. Vol. 11. №2. С. 158.

³ *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 172.

⁴ Подробнее см.: *Демидова О. Р.* Эмиграция: Кризис идентичности в условиях двоемирия // Кризис идентичности и формирование гражданского общества в России. Ярославль, 2003 (в печати).

⁵ Хронотоп понимается как «присущая событию, однородному ряду событий или состоянию субъекта пространственная или временная определенность, оформленность и жанровая завершенность» // *Шукин В.* Миф дворянского гнезда; Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Krakow, 1997. С. 39.

⁶ Одна из наиболее известных и злых пародий на эмигрантское писательское общество — роман *И. Наживина* «Неглубокоуважаемые» (Тянцин, 1935); подробнее см.: *Демидова О. Р.* Метаморфозы в изгнании... С. 29—30.

⁷ Подробнее об игре и масках см.: *Демидова О. Р.* Там же. С. 65—108.

Н. И. КРИВОШЕИН*

(Париж)

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 200-ЛЕТИЮ
ПАЖЕСКОГО КОРПУСА
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.**

25 декабря 2002 г.

Прежде всего, спасибо огромное за прекрасную организацию этого юбилея, за внимательный и сердечный прием **.

Вспоминал вчера, проходя по коридорам Корпуса, частые рассказы отца о том, как он боялся ночных дежурств: ведь за углом мог возникнуть призрак императора Павла!

Благодарю Бога за подаренную вчера милость негаданную: смог быть на литургии в дивной расстрелиевской церкви, где совсем молодыми молились мой отец Игорь Александрович Кривошеин и его старший брат Василий. Таким образом, я и сын, и племянник пажей... Осенью 1914 г. оба они о военной карьере не помышляли. Василий был студентом Петербургского университета, обещающим математиком. Игорь весной получил аттестат зрелости с золотой медалью и еще не знал, куда пойти продолжать образование. Как только разразилась Первая война, их отец, А. В. Кривошеин, тогда министр сельского хозяйства и землеустройства, послал старшим сыновьям телеграмму (он тогда отсутствовал в столице): «На вашем месте я бы знал, как поступить». Молодым людям на расшифровку этой фразы понадобилось мало времени — в тот же день оба пошли поступать в Пажеский корпус, оба стали выпускниками ускоренных курсов

* Никита Игоревич Кривошеин, внук А. В. Кривошеина, министра земледелия в правительстве А. П. Столыпина, и сын И. А. Кривошеина — героя французского Сопротивления. Родился в 1934 г. в Париже, в 1947 г. приехал с родителями в СССР. В 1956 г. выступил против ввода советских войск в Венгрию. Во французской газете «Le Monde» в апреле 1957 г. появилась заметка Н. И. Кривошеина о советской интервенции в Венгрии и об арестах среди молодежи. В 1958 г. военным трибуналом Московского военного округа осужден на три года исправительно-трудовых лагерей «За антисоветскую пропаганду». Отбыв срок в мордовских лагерях, после освобождения трудился в журнале «Новое время». В 1970 г. переехал во Францию. В настоящее время проживает в Париже, работает синхронистом-переводчиком в международных организациях — ЮНЕСКО, Совете Европы. Литератор-публицист. (Прим. ред.)

** Конференция состоялась в Санкт-Петербургском Суворовском военном училище в 2002 г.

в 1916 г. Заканчивалось, и на очень долго, время, когда каждому было очевидно, как должно поступать...

Начинался период, так точно обозначенный вчера отцом Богданом по ходу панихиды «десятилетиями смуты России».

Оба брата были зачислены в Лейб-гвардии Конную артиллерию. Оба успели попасть на фронты Первой мировой. В Государственном историческом архиве Петербурга даже сохранились (неизвестно, как туда попавшие) письма всех братьев Кривошеиных и поручика Игоря Кривошеина своему отцу: «Папа, я вчера побывал в деле...» Семейное воспитание и два года Пажеского на всю его жизнь, как мы увидим дальше, привили ему щемяще обостренную любовь к России, любовь на всю жизнь деятельную.

Судьба Василия укладывается в полторы трагические строки: в 1919 г. он умер от тифа на юге страны.

Игорь Александрович Кривошеин ушел из Крыма в 1920 г. и вскоре стал во Франции преуспевающим инженером. Не буду утомлять вас подробным рассказом о его дальнейшем жизненном пути. Для того чтобы глубина привязанности моего отца к стране стала бы очевидной, достаточно обозначить в пространстве четыре точки, в которых ему последовательно пришлось прожить: Дахау, Бухенвальд, внутренняя тюрьма МГБ СССР на Большой Лубянке, Озерлаг, что в Тайшете.

Быть может, утешением и подлинной наградой было ему очень пожилым добраться до того года, когда он успел четко предугадать и порадоваться совсем близкому повороту к лучшему! До тех лет, когда сбылись сказанные при свидетелях в 1921 г. на смертном одре Александром Васильевичем Кривошеиным, главой правительства юга России, слова: «Россия вступает в полосу мрака и разрухи, которая продлится восемьдесят лет, а потом снова начнется период расцвета и благополучия».

Очень часто отец говорил мне: «Самое трудное — не исполнить свой долг, а знать, в чем он состоит».

Но вот история России снова не в чужом, а в своем русле, и будем надеяться на то, что никому, а тем более слушающим нас молодым людям, не придется больше мучиться для того, чтобы уяснить себе, в чем состоит его долг...

Позвольте вручить Вам, господин генерал *, для библиотеки Училища только что вышедшую в Санкт-Петербурге книгу «Судьба века. Кривошеины»

* Начальник Санкт-Петербургского Суворовского военного училища генерал-майор В. Н. Скоблов.

◆
**МИЛОСЕРДИЕ
МАТЕРИ МАРИИ
(СКОБЦОВОЙ)**

В данной работе я хочу, по возможности, опереться на выступления и записи самой матери Марии и исключить какие-либо наслоения из области фантастической романтики, которые в свое время исказили образ матери Марии в Советском Союзе *. В равной степени в эмиграции ее деятельность и образ были также преподнесены в несколько «искривленном» виде. Жизнь этой замечательной женщины была разрублена пополам на две части: первая половина — это Россия до эмиграции, вторая часть — исход в 1921 году, жизнь в эмиграции, во Франции, с Россией в сердце. Важно отметить, что Елизавета Юрьевна (Скобцова по второму браку) уезжает в эмиграцию уже вполне созревшей личностью, а следовательно, с огромным интеллектуальным багажом, политически совершенно определившихся взглядов и духовно (я бы сказала даже, душевно) подготовленной к монашескому пути, который уже наметился в России. Я не совсем разделяю мнение некоторых исследователей жизни м. Марии, которые считают, что решением вступить на путь монашества была смерть ее маленькой дочери Насти. На мой взгляд, все гораздо глубже, а не поверхностно-импульсивно. Хотя сама мать Мария обладала характером бурным, увлекающимся и многие ее друзья отмечали в ней черты человека увлекающегося и часто безрассудно кидающегося в неизвестность. Смерть Насти, скорее, была той песчинкой, которая перевесила и окончательно определила ее путь, сомнения и поиск продолжались до 1932 года, когда она приняла монашеский постриг. По пути милосердия (а само слово прекрасно, оно ведь составлено из милости сердца или сердечной милостыни) почти сто лет шел весь русский народ, интеллигенция, дворянство и купечество, вплоть до 1917 года. На милосердии к ближнему и вере в Бога была воспитана лучшая часть русского общества. Все боль-

* Настоящая статья написана для выступления на конференции, посвященной 200-летию Марининской больницы в С.-Петербурге, и любезно предоставлена автором для публикации в нашем сборнике. (Прим. ред.)

ницы, приюты, сельские школы, помощь неимущим, благотворительность в самом широком смысле стали традицией в России. Мать Мария — целиком отражение этого явления, более того, она достигла наивысшего духовного расцвета, потеряв страну. Эмиграция людей часто не объединяет, а ожесточает и размежевывает. В условиях первой эмиграции (как ее принято называть) людей, выброшенных в пустоту и нищету, было не сотни, а сотни тысяч. Надо сказать, что эмиграция русская была разнообразно сословной, то есть были совсем простые и малообразованные люди, была аристократия и были интеллектуалы — писатели, художники, артисты, духовенство. Но все эти слои находились в бедственном материальном положении. Ведь русские люди бежали от пули, от большевистских расстрелов, пересекали страны (Сербия, Турция, Чехия, Германия, Франция...), по дороге, если и удалось что-то сохранить из своих сбережений и ценных вещей — все тратилось и продавалось. Редко кто из прибывающих на Запад мог заработать себе на жизнь своей настоящей специальностью, если таковая была. Расхожий образ русского эмигранта, кстати внедренный советской пропагандой, — это русский князь — шофер парижского такси. Были, конечно, и такие, но большинство из тех, кто знал иностранные языки (а в среде интеллигенции и аристократии их было большинство), все-таки устраивались или гувернерами в богатые дома, или манекенщицами в Дома мод, снимались в кино, шли во французскую армию, поступали в Сорбонну, университет, и получали французские дипломы. Со временем жизнь устраивалась: кто-то адаптировался, но многие терпели страшное, бедственное положение, превращались в бездомных бродяг, спивались, сходили с ума...

Семья Скобцовых приехала из Сербии в Париж в январе 1924 года. Выезжали они из России в эмиграцию в 1920 г. В продолжении этого долгого пути в Тифлисе у них родился сын Юрий, а в Сербии в 1922 г. родилась Настя.

В эмигрантской анкете, которую заполняла Е. Ю., в строке «Профессия», ею было написано: «Рисование». А у Даниила Ермолаевича была специальность «политического лидера казачества» — так что профессией это было назвать трудно, но тем не менее он активно включился в общественную деятельность в среде казаков-эмигрантов в Париже. А для того, чтобы прокормить семью, он устроился.... шофером такси. Семья с трудом пыталась сводить концы с концами, Елизавета Юрьевна зарабатывала росписью тканей, шитьем и изготовлением кукол, она на этом навсегда испортила себе глаза. Но конкуренток у нее была масса, русские женщины в Париже были

известны своим мастерством рукоделия и вышивки, платили за этот неблагодарный труд очень мало.

Личность Елизаветы Юрьевны настолько связана с эпохой, в которой она воспиталась и выросла, что нельзя о ней сказать, будто она «человек на все времена», которому можно подражать во всем в наше время. Мы можем восхищаться только ее силой духа, смелости и даже безрассудности, с которой она кидалась в пропасть неизвестности ради достижения и нахождения истинного решения. Ее внутренний огонь опалял окружающих, а многие говорили, что когда она входила в комнату, то будто заполняла собой все пространство. Так и в деле помощи ближнему, в милосердии, в строительстве домов для бедных и больных, открытии храмов — сила ее личности и вера в то, что она сумеет довести начатое до конца, заражали ее помощников. Она ведь все делала своими руками для своих приютов — и полы мыла, и стены возводила, и храмы расписывала, и пищу готовила.... Судьба матери Марии во многом похожа на судьбу России XX века. Революция расколола страну и выбросила из России лучших ее сынов и дочерей, русские люди потеряли свою родину, православие, веру в Бога и доброту к ближнему. Мать Мария в условиях этой безнадежности душ и отчаяния сердец нашла силы спасти людей словом и делом.

Жизнь матери Марии состоит из трагических этапов и, я бы сказала, даже роковых ударов, но и много раз ей спасительно везло. Вот и с началом своей второй жизни ей повезло — она оказалась в эмиграции в Париже. Воспитанная в России на немецкой и французской философии XIX века, увлеченная левыми, «прогрессивными» идеями, модными и распространенными в то время настолько, что у многих в убеждениях и взглядах стиралась грань между христианством и коммунизмом (то, что произошло, кстати, с Н. Бердяевым), потрясенная и не принявшая первую революцию, но увлеченная Октябрьским восстанием, ставшая членом эсеровской партии и активно работающая при новых властях, Е. Ю. была мучима и раздираема поиском идей справедливости на Земле. Кто тогда из русских не был затянут в этот омут и чем это обернулось для России мы теперь знаем на собственной истории. Она была ученицей «Серебряного века», как губка впитавшая в себя идеи Вл. Соловьева, свободу поэтического слова А. Блока, услышавшая раскаты грядущего Апокалипсиса в Гражданской войне и, конечно, предчувствующая свой мученический конец. Во многих своих текстах, написанных живым, темпераментным (и, я бы сказала, горячим языком), слышится ее голос, оклик, призыв к нам оглянуться вокруг и задуматься о страшных грехах, бездне безбожия и голгофе, на которую возшло человечество в

XX веке. Очень рано она почувствовала свое предназначение и судьбу, и как это бывает у Святых, она пророчила свою гибель! В Париже началась ее вторая жизнь, но первая служила именно фундаментом, богатым, неисчерпаемым источником.

В парижской эмиграции она встретила со своими единомышленниками и старыми друзьями. А жить без общения с близкими по духу людьми было просто невозможно, и как бы ни тяжела была рутинность и бедность, Елизавета Юрьевна шла по пути предначертанному. Вопреки всему, она продолжала писать статьи, стихи, читать лекции и... учиться. Могу предположить, что творчество было для нее как молитва и спасение в самые трудные моменты жизни. Даже в лагере, в атмосфере нечеловеческих условий, больная и, конечно, знавшая о своей смерти, мать Мария продолжала творить — вышивать икону.

* * *

В январе 1923 года из России была выслана большая группа интеллигенции, среди них был и Н. Бердяев. С 1925 года он возглавил в Парижском православном богословском институте кафедру догматического богословия. Его выступления привлекали слушателей и вызывали огромный интерес, часто во время лекций возникали споры, обсуждения. Елизавета Юрьевна стала вольнослушательницей Богословского института. В том же 25-м году состоялось освящение храма Сергиевского Подворья, во главе всего стоял митрополит Евлогий (Георгиевский). Атмосфера Православного богословского института, в которую она окунулась, совершенно ее преобразила, мучившие вопросы стали находить ответы, появились единомышленники, будто новую жизнь она начала, сблизившись с чутким наставником и ставшим ее духовником о. Сергием Булгаковым. Она высоко ценила Булгакова-богослова, но сейчас она еще больше оценила Булгакова-иерея. В те годы статьи и философские размышления, написанные Е. Ю., были пронизаны влиянием идей отца Сергия. Он остался на всю жизнь ее советчиком.

В Париже в то время было столько русских, что выходило несколько ежедневных газет, ежемесячных толстых журналов, десятки издательств, русских ресторанов и кабаре, были русские лицеи и школы, летние лагеря для детей и подростков, при каждом православном приходе была воскресная школа. Кадетский корпус продолжал свою деятельность, политические движения и партии самого разного толка жили активной жизнью, общественная и культурная жизнь била ключом. Франция двадцатых годов оправлялась после тяжелейших ран Первой мировой войны и экономически набирала обороты. Те из эмигрантов, кто помнит эти годы не из книг, все

говорят, что Франция вплоть до мирового кризиса 1929 года жила на подъеме и даже весело, но, конечно, эта атмосфера в малой степени касалась русской эмиграции. Социальная защита и помощь немущим, а тем более эмигрантам, только начинали обретать конкретные действия. Было страховое обеспечение по болезням, но это было частное страхование, которое могли себе позволить люди, работающие и откладываящие деньги на случай болезни или госпитализации. Люди без работы, без дипломов и профессий не могли рассчитывать на социальную помощь от государства. Первая русская эмиграция (впрочем, как и другая) могла занять место только среди наименее квалифицированной части... пролетариата, то есть совершенно «люмпенизироваться», что и произошло почти со всеми слоями русского общества. Более того, по сравнению с французским рабочим русский эмигрант мог рассчитывать на мизерный заработок и, даже получив работу, он никогда не был уверен в завтрашнем дне, при малейшем промышленном кризисе предприятия он первый увольнялся. Конечно, это жестокое социальное неравенство тяжело сказывалось на морально-психическом состоянии людей. Это унижение было даже двойное, так как многие из эмигрантов обладали специальностями, и общественно-политическим положением, «весом» в России, но все это было совершенно непереносимо «автоматически» на Запад. Нужно было все начинать с нуля, проходя круги ада унижений, просьб и нищеты.

Елизавета Юрьевна с тремя детьми, мужем и матерью оказалась в самой гуще событий и переустройства жизни. Софья Борисовна Пиленко (урожд. Делоне) — ее мать, всю жизнь оставалась опорой, поддержкой и стержнем семьи. Даниил Ермолаевич в равной степени (даже после развода) был помощником и деятельным участником во всех начинаниях Е. Ю. Счастье, что они были окружены в Париже близкими по духу и деятельности людьми.

В продолжение зимы 1925—1926 годов тяжело болела маленькая Настя, а 7 марта 1926 года она скончалась.

Е. Ю. не отходила от постели умирающей дочери, и до нас дошли страшные рисунки умирающей Насти, которые датированы буквально по часам. Смерть девочки, так же как и смерть в свое время любимого отца, потрясла ее. Это странное определение «несправедливости» смерти, о котором она писала и говорила в юношеские годы, после кончины отца, сейчас обрели другие формы. Тогда она замкнулась и почти озлобилась на Бога, всячески пытаюсь разобраться, в чем же «Его справедливость и за что наказание». А сейчас, в свои 34 года, она написала следующее: *«Сколько лет — всегда — я не знала, что такое раскаяние, а сейчас ужасаюсь ничтожеством»*

своему. Еще вчера говорила о покорности, все считала властной обнять и покрыть собой, а сейчас знаю, что просто молиться-умолять я не смею, потому что ничтожна». И дальше она пишет: «Рядом с Настей я чувствую, как всю жизнь душа по переулочкам бродила, и сейчас хочу настоящего и очищенного пути не во имя веры в жизнь, а чтобы оправдать, понять и принять смерть. И чтобы оправдывая и принимая, надо вечно помнить о своем ничтожестве. О чем и как ни думай, — больше не создать, чем три слова: «любите друг друга», только до конца и без исключения, и тогда все оправдано и вся жизнь освещена, а иначе мерзость и тяжесть». Эти строки можно считать поворотом и уже настоящим началом ее пути, к которому она так долго готовилась, перед ней открылись, как она сама говорила, «ворота в вечность и законы вчерашнего дня отменились», и у нее «выросли крылья». И по ее же выражению, это называется «посетил Господь». И смерть девочки не парализовала душу ее страхом, не замкнула ее на своем горе, произошло чудо: она увидела ясную цель, свой жертвенный путь без остатка отдать себя на Любовь к ближнему своему.

В 1927 году, на 5-м съезде русского студенческого движения в Клермоне, Елизавета Юрьевна была выбрана кандидатом в члены Совета движения. Практически с этого момента начинается ее миссионерская деятельность. Формально она должна была ездить по Франции с докладами на собраниях русских общин, разбросанных по всей стране. Сама она писала в своих отчетах, что чаще всего эти лекции превращались в духовные беседы, более того, она говорит, что «С первого же знакомства завязывались откровенные беседы об эмигрантской жизни или о прошлом, и мои собеседники, признав, вероятно, во мне подходящего слушателя, старались потом найти свободную минутку, как бы поговорить со мной наедине: около двери образовывались очереди, как в исповедадьню. Людям хотелось высказаться, поведать о каком-нибудь страшном горе, которое годами лежит на сердце, или об угрызениях совести, которые душат. В таких труппах (где она чаще всего бывала) о вере в Бога, о Христе, о Церкви говорить бесполезно, тут нужда не в религиозной проповеди, а в самом простом — в сочувствии».

Ее рассказ, как она посещала шахтеров в Пиренейских горах, на юге Франции, и с какой ненавистью она была встречена этими несчастными людьми, как только начала свою «проповедь о добре и зле», с призывами в «состраданию к ближнему», — без душевного сочувствия к людям не возможно было выступать и философствовать, когда страшная нищета и болезни шахтеров — все это требовало незамед-

лительных действий. Ее предложение провести беседу было встречено враждебным молчанием и потом злобными словами: «Вы бы лучше нам пол вымыли да всю грязь прибрали, чем доклады читать!» Она сразу согласилась:

«Работала усердно, да только все платье водой окатила. А они сидят, смотрят... а потом тот человек, что так злобно мне сказал, снимает с себя куртку кожаную и дает мне со словами: «Наденьте... Вы ведь вся вымокли». И тут лед растаял. Когда я кончила мыть пол, меня посадили за стол, принесли обед, и завязался разговор». В результате беседы выяснилось, что один из шахтеров был на грани самоубийства. Елизавета Юрьевна решила, что невозможно оставлять его в таком состоянии. Она решила уговорить его и отвести к знакомым, где он смог бы восстановить свои душевные силы и веру в жизнь.

В следующей своей поездке в Марсель, целью которой было спасение двух русских интеллигентов-наркоманов, она совершенно бесстрашно вошла в притон и буквально вытащила силой из него молодых людей. Следующим действием она посадила их на поезд и сама отвезла их в семью (в деревню), где они, постепенно работая на природе, стали приходить в себя.

На этих двух примерах (а таких случаев было много) можно сказать словами самой Е. Ю.: *«то, что я даю им, так ничтожно: поговорила, уехала и забыла. Каждый из них требует всей вашей жизни, ни больше ни меньше. Отдать всю свою жизнь какому-нибудь пьянице или калеке — как это трудно».* Она продолжала ездить и читать доклады по всей Франции, но каждый раз «лекции» переходили в человеческое общение. Душеспасительные разговоры чаще всего переходили в конкретные действия с ее стороны: она старалась помочь больным, осиротевшим детям, отчаявшимся от одиночества и нищеты женщинам.... Она все чаще стала задумываться о том, что же необходимо сделать для этих несчастных людей и как она должна поступить СЕГОДНЯ. Все больше Е. Ю. понимала, что она обречена идти по пути самоотверженного милосердия.

В 1927 году она издала сборник житий под названием «Жатва Духа». Это сборник пересказов житийного материала, но сама она на основе его пытается высветлить и конкретно обозначить центральную роль просветления и расцвета *чужих душ* в результате жертвенного служения Святых подвижников. В этом сборнике она приводит пример инока Серапиона, который готов был отдать последнее и самое драгоценное имущество — Евангелие — на пользу нищих и бродяг. И когда его спрашивали, куда он девал Евангелие, он отвечал:

«Я продал Слово, которое научило меня: продай имение свое и раздай нищим».

Так постепенно вокруг будущей матери Марии стала образовываться настоящая группа людей, поставившей своей задачей, наряду с практической благотворительной деятельностью, искать и выяснять **ХРИСТИАНСКИЕ основы общественной социальной работы**.

Католичество с давних пор уделяло большое внимание социальным вопросам, а с середины XIX века Ватикан взял на себя дело *«особой католической социальной доктрины»*.

У протестантов тоже были напряженные поиски в этой области, и к тридцатым годам XX века появилось *«Движение социального христианства»*.

Если говорить о настоящем времени, то католичество и протестантство в XX веке показало на практике свое воплощение идей «социальной доктрины». Во Франции существуют развитые и современные католические больницы для всех слоев общества, бесплатные столовые и денежные пособия для бездомных. Для детей-сирот, одиноких стариков, наркоманов существуют специальные центры, где их лечат и о них заботятся. Более того, эта помощь распространяется и на другие страны, причем совершенно не ставится условие, что помощь отправляется только в католические страны. Примеров масса, особенно в последние десятилетия, когда войны, экологические катастрофы, болезни и эпидемии обрушились на весь мир. Щедрость наших братьев-католиков во Христе остается примером для многих.

Но вернемся к нашему рассказу: в те годы в Православии социальные вопросы прямо не поднимались. Но, как ни парадоксально, русская богословская мысль и русская традиция милосердия девятнадцатого века были глубоко социальны, именно поэтому к началу XX в. уже были намечены конкретные пути к решению «православных социальных проблем» в России. Но революция все разрушила, и группа русских, оказавшихся во Франции, сумела объединиться вокруг м. Марии и создать общественное объединение «Православное Дело». В одной из своих статей в сборнике «Православное Дело» м. Мария говорит: *«Мы собрались вместе не для теоретического изучения социальных вопросов в духе православия. Среди нас мало богословов, мало ученых, и мы тем не менее хотим поставить нашу социальную идею и мысль в теснейшую связь с жизнью и работой. Вернее, из работы мы исходим и ищем посильного, богословского ее осмысления. Мы помним, что “Вера без дел мертва” и что главным пороком русской богословской мысли была ее оторванность и беспочвенность от церковно-общественного ДЕЛА»*.

Мать Мария (Скобцова) 1891—1945
 рисовала Ксения Ершова-Кривошеина

Пламя: с молодости м. Мария была уверена в том, что ее ожидают мьгтарства и сожжение. Она погибла от огня в марте 1945 г. в концлагере Равенсбрюк (Югендлагерь). Также — тепло от нее идущее.

Звезда Давида: мать Мария и отец Димитрий Клепинин спасали евреев в годы оккупации Франции.

Хлеб: милосердие, помощь бедным.

Камни под ногами: тернистый путь.

Виноград: юность мать Мария провела в Крыму, где возделывала виноградник, а последнюю часть жизни — во Франции, стране вина.

Книга с ее стихами напоминает о том, что она была и поэтом.

Петропавловская крепость: аллегория С.-Петербурга и тюрьмы. Город, где произошла ее встреча с Александром Блоком, там она стала писать стихи.

Дом из дерева и камня: основанный ею приют для бедных.

Моя задача в этом сообщении, по возможности, полнее осветить деятельность организации «Православное Дело». Но прежде чем продолжить свой рассказ, я должна сказать о поворотном событии в жизни Елизаветы Юрьевны Скобцовой. 16 марта 1932 года в храме Сергиевского подворья Парижского православного богословского института Е. Ю. приняла от митрополита Евлогия монашеский постриг, получив имя Мария в честь Святой Марии Египетской. Митрополит Евлогий очень надеялся, что мать Мария пойдет по пути традиционного монашества. Но, видимо, не суждено было этому быть. Мать Мария после пострига проехала по монастырям, побывала и в Пюхтицком женском монастыре, ездила в Финляндию, на Валаам. Но не в затворнической жизни чувствовала она свое призвание: вся ее натура и вся ее готовность служения были направлены в народ, в люди, в монашество в миру, путь, на который она вступила, не мог превратиться для нее в убежище. Основоположницей женского монашества она не стала, хотя митрополит Евлогий возлагал большие надежды на это. И сам он к концу тридцатых годов с прискорбием писал, что «монашества аскетического духа, созерцания, богомыслия, то есть монашества в чистом виде, в эмиграции не удалось». Он внимательно и с большой сердечностью относился ко всем начинаниям м. Марии, помогал ей во всех начинаниях, с его благословения она открыла свои Дома и Храмы. Однажды митрополит Евлогий и мать Мария вместе ехали в поезде и, стоя у окна, любовались пейзажем Франции, и неожиданно для нее самой он задумчиво вслух произнес: «Вот Ваш монастырь, мать Мария!»

А в сентябре 1932 года мать Мария подписала свой первый контракт на аренду дома, в нем она собиралась открыть «Общежитие для одиноких женщин». Этот дом 9 на ул. Вилла де Сакс в Париже был снят ею без всяких надежных финансовых средств. Пришлось взять денег в долг. Потом у нее подобная ситуация повторялось часто. Сначала возникала идея, которой она была одержима и кидалась в нее с головой, заражала своим энтузиазмом своих помощников, ее пытались отговорить, образумить, но она никого, никогда не слушала, и... получалось, она добивалась цели.

Название организации «Православное Дело» придумал Н. Бердяев, ближайшие помощники и сотрудники были всегда рядом: Т. Ф. Пьянов, И. И. Фондаминский, К. В. Мочульский, о. Дмитрий Клепинин, духовный наставник о. Сергей Булгаков, а уже в начале войны большую организационную помощь оказывал в течение полутора лет И. А. Кривошеин. К моменту открытия первого Общежития

«Православное Дело» накопило уже немалый опыт. Это были не только богословские кружки и поездки с лекциями по Франции, но и уже конкретно организованная помощь бедным. Но сейчас у м. Марии появилась первая крыша и дом, который мог стать приютом для всех, кто нуждался в нём незамедлительно. Дом был совершенно пустым и необжитым, одна из комнат на втором этаже была превращена в домовую церковь. Именно с неё начались росписи стен, окон, вышивки для убранства церкви. Постепенно дом заполнялся «посетительницами», а уже через два года он не вмещал всех нуждающихся.

Сама мать Мария вела активную деятельность, и не только по благоустройству нового дома, она ездила по Франции, списывалась с больницами, посещала их и привозила к себе в «Общежития» для восстановления сил. Это были самые разные люди: у одних не было возможности долго оставаться в больнице, кто-то был одинок, и ему нужно было помочь с оформлением документов, а потом найти работу, а тяжелее всего было старикам...

В своем рассказе-отчете «В мире отверженных» мать Мария пишет: *«Во первых, удалось организовать Комитет помощи русским душевнобольным, в который вошли доктора-психиатры, как русские так и французы, и различные лица, принявшие к сердцу тяжелое положение этих больных. Во-вторых, удалось, путем переписки со всеми французскими психиатрическими учреждениями (которых больше восьмидесяти) установить, что, по крайней мере, в 60 из них находятся на излечении русские. Общая цифра этих людей достигает 600 человек. Дома чрезвычайно разбросаны по всей Франции, русские распределены в них неравномерно — есть такие, где два-три человека, а есть и такие, где их несколько десятков. Перед Комитетом стоит задача — посетить все дома, что, конечно, требует больших средств, даже при возможности поручить это дело в особо удаленных департаментах местным православным священникам. Но, несмотря на трудности этой задачи, кое-что мне удалось осуществить. Во первых, этим делом сейчас занимается пять человек (это помощники по Общему Делу). Мне лично удалось посетить, не считая Парижского района, все дома Нормандии и Бретани, дома, расположенные в центре Франции, и дом в Армантье (Норд). В общей сложности я была в 18 домах, остальные посетители видели тоже домов до 12. Думаю, что обций итог обследованных больных сейчас превышает 200 человек. По моим подсчетам, из этих 200 меньше 15—20 могут быть возвращены к нормальной жизни.*

Прежде чем говорить об этих конкретных случаях, мне кажется нужным дать общую характеристику постановки дела и лечения душевнобольных во Франции (Прим. докл. — в тридцатые годы XX века). Конечно, дома чрезвычайно разнообразны, но общее впечатление от них совсем не плохое. Поражает огромное количество врачей, по нашим понятиям юношей, в возрасте 30 лет, которые стоят во главе домов (главврачи) с 1000—2000 больных. Это очень отрадное явление, так как это квалифицированный врач, и думается, что это явление чрезвычайно благоприятно отражается на общей атмосфере самой больницы. Впечатление такое, что в течение последних пяти лет обновился весь медицинский состав. Младший состав лечащих врачей чем дальше от Парижа, тем лучше, проще и сердечнее. В смысле помещений картина также разнообразна: есть очень устарелые и малогигиенические здания, а есть только что построенные, причем по последним правилам техники и гигиены. Тут мне хочется сделать одну неожиданную оговорку. Мне пришлось посетить одно учреждение, которое состоит на половину из старых и негигиеничных павильонов, предназначенных на слом, а другая половина этой больницы только что отстроена. Новые павильоны поражают количеством солнца, воздуха, чистоты. Это своеобразные стеклянные оранжереи, окружённые песчаными площадками для прогулок.... Далее из всех моих впечатлений мне хочется выделить две “семейные колонии” — мужскую и женскую. Они находятся в департаменте Сены. Центр этого учреждения по составу больных не велик — это больница человек на пятьдесят, где есть зал для собраний, кинематографический зал, души, парикмахерская, помещение для персонала и административное бюро. Принцип этой больницы-приюта, что больные распределены по квартирам у местных жителей. Правительство платит местным жителям, которые берут к себе домой больного, около 300 фр. в месяц. А лучший из хозяев на ежегодном конкурсе получает награду.

Для местных жителей это своеобразное подсобное ремесло, а для больных — это возможность жить не в больничных стенах (эта больница может располагать только 50 койками, но располагает врачами и фельдшерами, которые еженедельно навещают больных). Мужчин, числящихся за этой больницей, — 800, а женщин — 500. Интересно заметить, что за 30 лет подобной практики существования колонии почти не было несчастных случаев, т. е., когда фельдшер замечает, что состояние больного ухудшается, он незамедлительно забирает его в больницу. Должна сказать, что система этих двух “колоний” произвела на меня самое отрадное впечатление.

Теперь хочу перейти к вопросу о “русских” больных. Это понятие “русский” для меня и нашего “Православного Дела” гораздо шире. А здесь я хочу перейти к конкретным примерам и тому, что мы ДОЛЖНЫ делать для них. Понятие “русский” тут надо понимать более чем растяжимо. Мне часто приходится иметь дело с больными вообще любой славянской народности. Они были рады объясниться со мной хоть на каком-то славянском языке и рассказать о своих нуждах. Ведь они даже французского не знают и объясниться с персоналом не могут!..

Нашему Комитету придется в связи с помощью для таких людей вступить в переговоры с различными консульствами, рекомендуя обратить их внимание на собственных граждан, находящихся в чрезвычайно трагической ситуации. Я сама видела совершенно ужасающий случай (и, видимо, он не единственный), как один молодой поляк, только что приехавший во Францию и не знающий ни слова по-французски, заболел, но попал на излечение не в обыкновенную больницу, а в сумасшедший дом. Там-то я его и обнаружила. И сколько таких случаев еще! Многие из таких больных умоляют помочь им выйти отсюда. Не будем забывать, что больных среди них большинство и что выход для них невозможен. Но необходимо посещать больных, как в нормальных стационарах, так и душевнобольных. Надо отвечать на их письма, посылать им газеты, книги, табак... Но есть категория людей, которым нужна не только такая “косметическая”, но кропотливая и постоянная помощь. Это те люди, кто поправился совершенно и мог бы быть выпущен на свободу. Относится это к разным больным: и к категории поправившихся душевнобольных, и туберкулезных, и прочих. Необходимо, чтобы кто-нибудь взял на себя заботу об их устройстве на работу или нахождении им посильного труда вне стен больницы. К этой категории относятся: бывшие пьяницы, сидящие иногда по пять лет и получившие дезинтоксикацию, потом жертвы всяческих несчастных случаев, падений, переломов, сотрясений мозга, плохо видящие и глухие.

Посещая больницы, по составу людей из “русско-славянских” народов я видела за последнее время: несколько инженеров, художников, много офицеров, таксистов, простых казаков, одного банкира, солдата экспедиционного корпуса, одного калмыка. (Женщин гораздо меньше, чем мужчин.) Среди больных попадаются и очень молодые. Я видела трех слепцов, и одному из них, по словам врача, операция помогла. Все эти люди нуждаются в общении на родном языке, участливости и внимания, так как все они одиноки.

Чтобы этот рассказ не производил впечатления полной безнадёжности для наших сил и не пугал трудностями поставленной задачи, я считаю своим долгом добавить, что нам удалось уже помочь шестерым из нуждающихся. Они совершенно вошли в жизнь, но психологически находятся в некотором промежуточном периоде. Нам необходимо обследовать и далее все больницы и психиатрические лечебницы, в них мы можем помогать выявлять здоровых и нуждающихся в поддержке людей».

* * *

Чем больше разворачивалась деятельность матери Марии, тем острее вставал вопрос об аренде нового дома в Париже и за городом. В помещении на ул. Вилла де Сакс велась активная работа. Так, в январе 1933 года здесь прошёл съезд Лиги православной культуры. С докладом выступил К. Мочульский, и присутствовал митр. Евлогий, в ноябре состоялось открытие Богословских (Миссионерских) курсов с числом слушателей 56 человек. Вступительная лекция была прочитана о. Сергием Булгаковым, задача была поставлена большая: лекции по изучению Священного Писания, истории Церкви, литургии, апологетики, догматического богословия.

И вот летом 1934 года мать Мария снимает новый дом на ул. Лурмель, № 77. Дом был расположен в 15-м округе Парижа, в самом центре «русского района». Плата за наём была 25 тыс. фр. в год, по тем временам огромная. Мочульский писал: «Денег никаких, риск огромный, но она не боится», а сама м. Мария говорит: «Вы думаете, что я бесстрашная? Нет, я просто знаю, что это нужно и что это будет. На Сакс я не могла развернуться. Я кормлю теперь двадцать пять голодающих, а там я буду кормить сто. Я просто чувствую по временам, что Господь берет меня за шиворот и заставляет делать, что Он хочет. Так и теперь с этим домом. С трезвой точки зрения это — безумие, но я знаю, что это будет. Будет и церковь, и столовая, и большое общежитие, и зал для лекций, и журнал. Со стороны я могу показаться авантюристкой. Пусть! Я не рассуждаю, а повинуюсь...». И у нее все получалось! Дом был настолько нежилым, что пришлось буквально заниматься строительством. Для церкви она придумала переустроить гараж во дворе дома. Попросила, кого можно, собрать церковную утварь. Сестра Иоанна (Рейтлингер) написала большую икону Покрова Пресвятой Богородицы, постепенно, за многие годы в этой церкви появились вышивки и иконы, написанные самой матерью Марией. На фотографиях, которые дошли до нас, можно увидеть, в каком виде было здание вначале и как оно преобразилось. Даже облачения священнику она вышивала собственными руками.

Несмотря на годы, войну и большое разорение (дом и часть улицы снесены в середине 1970-х годов), сохранились иконы, вышивки и облачения, созданные руками этой замечательной женщины.

Она ни минуты не могла сидеть без дела: строительство нового дома, закупка продовольствия, поездки по стране, вышивки икон, стихи, статьи, большая организационная работа... всего не перечислить. Лурмель стал и до конца оставался центром деятельности м. Марии.

Вот что было написано в «Вестнике РСХД» 1937 года: *«Цель женского общежития (на ул. Лурмель) — дать возможность малоимущим людям за минимальную плату иметь полный пансион. В общежитии сейчас живет 25 человек, из которых часть оплачивает свое существование, часть не имеет возможности внести даже половинную сумму. Кроме того, в общежитии постоянно живет 7—8 человек персонала. При этом общежитии уже три года существует дешевая столовая, в которой выдается от 100 до 200 обедов в день. (В одном 1935 году столовая выдала 22 991 обед.) За этот год о росте столовой говорят такие цифры: в январе было отпущено 814 обедов, а, например, в декабре уже 2815. Стоимость обеда (суп и второе мясное) этой осенью была поднята с 1 с пол. до 2 франков. Столовая посещается главным образом получающими пособие безработными. Среди столоующихся удалось наладить культурно-просветительскую работу, в которой активное участие принимают сами посетители столовой».*

Мать Мария не остановилась на достигнутом и продолжала открывать новые общежития: на ул. Франсуа Жерар в 16-м округе был найден дом, предназначенный для семейных неимущих. На авеню Феликс Фор был открыт дом для мужчин. В тридцатые годы во Франции правительство все больше обращало внимание на права и нужды эмигрантов, особенно в здравоохранении. Те, у кого было постоянное место жительства (т. е. снятая или собственная площадь), могли по закону получить бесплатный уход в больнице. После пребывания в больнице (особенно это касалось туберкулезных больных) предстояло немедленно идти на работу. Санаториев, домов отдыха на всех не хватало. Под Парижем, в Нуази-ле-Гран, м. Мария и ее помощники приобрели усадьбу для выздоровления таких туберкулезных больных. Безусловно, что миссионерская деятельность м. Марии во Франции была тесно связана со структурами социальной помощи населению. Положительные перемены в области здравоохранения постепенно набирали обороты, на миссионерской ниве значительный вклад внесли женщина-философ Симона Вейл (ее часто сравнивают с м. Марией), а также движение «*Prêtres Ouvriers*».

Сегодня во Франции каждый человек застрахован и последний бездомный может рассчитывать, что он не останется без врачебной помощи. Начало страхового и социального обеспечения зарождалось именно в тридцатые годы XX века.

Невозможно в коротком сообщении рассказать о всей деятельности м. Марии и «Православного Дела», а также передать атмосферу «центрального» дома на ул. Лурмель. Но приведу отрывок из воспоминаний ее близкого друга и помощника профессора Мочульского: *«Комната, в которой живет мать Мария, — под лестницей, между кухней и прихожей. В ней большой стол, заваленный рукописями, письмами, счетами и множеством самых неожиданных предметов. На нем стоят корзинка с разноцветными мотками шерсти, большая чашка с недопитым холодным чаем. В углу — темная икона. На стене над диваном — большой портрет Гаяны. Гаяна, старшая дочь м. Марии, погибла 30 авг. 1936 г. в Москве. До сих пор неизвестны причины ее смерти (Прим. докладчика). Комната не отапливается. Дверь всегда открыта. Иногда м. Мария не выдерживает, запирает дверь на ключ, падает в кресло и говорит: «Больше не могу так, ничего не соображаю. Устала, устала. Сегодня было около сорока человек, и каждый со своим горем, со своей нуждой. Не могу же я их прогонять». Но запирание на ключ не помогает. Начинается непрерывный стук в дверь, она отворяет и говорит мне: «Видите, так я живу».*

* * *

14 июня 1940 года началась оккупация Парижа. Работа м. Марии и «Православного Дела» не только не прекратилась, а даже усилилась и расширилась. При немецкой администрации эта деятельность стала более опасной, а 22 июня 1941 года, после нападения Германии на СССР, в Париже и окрестностях было арестовано больше тысячи русских эмигрантов. Все они были направлены в лагерь Компьень, в ста километрах от Парижа. Среди арестованных были и соратники м. Марии по «Православному Делу».

Далее я хочу привести отрывок из книги «Мать Мария», автор о. Сергей Гаккель: *«В числе заключенных находился и Игорь Александрович Кривошеин. В конце июля он был освобожден. Его товарищи по заключению, чья судьба еще не была решена, поручили ему организовать помощь как заключенным в лагере, так и их семьям, — многие из которых лишились средств к существованию. Чтобы осуществить это задание, И. А. Кривошеин обратился к С. Ф. Штерну, который годами занимался сбором пожертвований и оказанием*

помощи нуждающимся. Штерн согласился помочь и посоветовал Кривошеину обратиться к матери Марии. Это была их первая встреча. Мать Мария приняла его ласково и сразу дала согласие на совместную работу». После этого при помощи Кривошеина был организован комитет, в который помимо м. Марии, Кривошеина и Штерна вошли о. Дмитрий Клепинин, С. В. Медведева и Р. С. Клячкина. Благодаря замечательной организации, на протяжении периода 1941—1942 годов этим комитетом были отправлены сотни посылок семьям заключенных и нуждающимся, французский Красный Крест предоставил для перевоза посылок грузовик. Самый опасный период для «Православного Дела» наступил в 1942 году. В феврале этого года в Париже были расстреляны Б. Вильде и А. Левицкий (русские участники Сопротивления), с которыми, благодаря И. А. Кривошеину, сотрудничала м. Мария. А 7 июня во Франции вступил в силу указ гитлеровской канцелярии о необходимости всем евреям носить «желтую звезду Давида». Практически с июля месяца начались массовые аресты евреев. На Лурмель уже не хватало места для всех нуждающихся, а с возникновением новой проблемы — помощь евреям, работы только прибавилось. И. А. Кривошеин говорил, что «вопрос стоял уже не только о материальной помощи. Нужно было доставать для евреев поддельные документы, помогать им бежать в еще не оккупированную зону Франции, укрывать их и устраивать детей, родители которых были уже арестованы». Мать Мария и ее соратники вели бесстрашную жизнь, и с самого начала войны они верили в победу. Хочу уточнить, что благодаря свидетельствам и рассказам И. А. Кривошеина, который сам пережил Бухенвальд и Дахау, а потом и советские лагеря, был награжден медалью Героя Сопротивления, появились в шестидесятые годы первые рассказы о матери Марии. Эти подлинные и правдивые свидетельства о жизни этой замечательной женщины легли в основу для дальнейших исследований летописцев. В его архиве сохранились документы тех лет, а также фотографии художественных работ м. Марии.

Я не хочу рассказывать о последних месяцах, которые мать Мария провела на свободе, об этом много написано. Хочу привести сухие даты из летописи, составленной А. Н. Шустовым:

8 февраля 1943 года — обыск на ул. Лурмель, разгром гестаповцами «Православного Дела». Арестован сын м. Марии Юрий Скобцов.

9 февраля мать Мария и о. Дмитрий Клепинин и Ф. Пьянов арестованы гестапо, заключены в пересыльную тюрьму — форт Роменвиль.

27 апреля м. Мария в числе 213 арестованных отправлена из Компьяна в женский концлагерь Равенсбрюк.

В 1944 году 28 января Софья Борисовна Пиленко получила открытку от дочери из Равенсбрюка, в которой м. Мария писала: «Я сильна и крепка».

6 февраля в концлагере Дора погиб сын м. Марии Юрий Скобцов.

16 апреля празднование православной Пасхи. Мать Мария украсила окна своего барака художественными вырезками из бумаги (все виды праздников, в т. ч. религиозных, в лагере были запрещены). Она посещала чужие бараки, утешала женщин, вела беседы и рассказывала многим из советских заключенных о жизни во Франции. Часто читала им Евангелие и толковала его. Эта драгоценная книга была у нее украдена, когда ее перевели в карантинный блок.

1945 год, 10 января — мать Марию, ослабевшую и больную, переводят в Югентлагерь.

31 марта — узница под номером 19263 казнена в газовой камере Равенсбрюк.

Так, не дожив двух месяцев до победы и освобождения лагеря союзными войсками, погибла мать Мария. Ее трагическая кончина пришлось в Великую Пятницу по западной пасхалии. По одной из версий, состояние здоровья от крайней степени истощения было таким, что, по лагерному методу «селекции», она была обречена на уничтожение. По другой, — она добровольно заменила собой девушку, которой было уготовано сожжение в газовой камере.

А. К. КЕППЕН *
(США)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

1) Гражданская война не могла не отразиться на руководстве Православной Церкви России. Священный Синод и Патриарх Тихон фактически не имели никакой связи с церквями на юге России, занятыми частями Добровольческой армии.

2) Эти обстоятельства и побудили Патриарха Тихона и Святейший Синод издать Декрет № 362 от 7/20 ноября 1920 г. на тот случай, когда связь с Патриархом и Синодом будет потеряна, и создать свой собственный «Высший Церковный Совет». Это и было сделано на юге России.

3) При эвакуации частей Белой армии «Высший Церковный Совет» был по приглашению Константинопольского Патриарха переведен в Константинополь, и его деятельность среди российской эмиграции была утверждена Декретом Константинопольского Патриарха № 9082 от 22 декабря 1920 года.

Руководителем «Высшего Церковного Совета» был выбран Митрополит Антоний (Храповицкий), который впоследствии стал первой главой «Русской Православной Церкви Заграницей» — «Зарубежной» (Russian Orthodox Church Outside of Russia) по-английски).

4) Митрополит Антоний по приглашению сербского патриарха перевел «Высший Церковный Совет» в Сремские Карловицы (Югославия, вблизи города Новый Сад). Маленькая Сербия была одной из немногих стран, гостеприимно принявших русских беженцев. Новоизбранный Митрополит и Синод оставались в Карловицах до 1943—1944 года.

5) Военные действия Второй мировой войны заставили новое руководство перевести церковное управление в Мюнхен (1945—1949 гг.) и потом в Махопак (США, в штате Нью-Йорк), где князь Белосельский-Белозерский предоставил ему в распоряжение свое небольшое имение. В 1957 году Синод переехал в город Нью-Йорк, где и находится до сих пор.

* Об А. К. Кеппене см.: Культурное наследие Российского государства. Вып. III. СПб., 2002. С. 226—227. Там же его статья: Научные достижения российской эмиграции в Северной Америке (с. 210—233).

б) После смерти Митрополита Антония в 1936 году руководство «Русской Православной Церкви Заграницей» перешло в руки Митрополитов Анастасия (1936—1964 г.) и Филарета (с 1964 г.). Теперь, после того как все они «ушли в мир иной», «Русская Православная Церковь Заграницей» находится под руководством Владыки Виталия.

По данным немецкого исследователя, опубликованным в книге *Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland* (изданной типографией монастыря Св. Иова Почаевского в Мюнхене в 1983 году), «Русская Православная Церковь Заграницей» имеет 349 приходов (143 в США и Канаде, 41 в Южной Америке, 132 в Европе, 25 в Австрии и Новой Зеландии и 8 в Африке и Азии).

Кроме того, в монастырях и скитах живут 80 монахов и 230 монахинь. Они находятся на территории США, Канады, Чили, Германии, Франции, Англии, Австралии и Святой Земли.

Интересен тот факт, что после Второй мировой войны было построено более чем 150 церквей (ныне число нововозведенных храмов значительно повысилось).

Автор был очевидцем того, как началась организация новых церквей в Австралии вскоре после того, как прибыли транспорты из разрушенной Европы (1948—1950 г.), а также из Китая после прихода к власти коммунистов Мао Дзе Дуна в 1948 г. Стихийно организовывались небольшие церковные группы. Как правило, сначала снимали в аренду пустой зал, ставился иконостас, находился священник, начиналась служба.

Православные беженцы из России, Восточной Европы и Китая так и валили на службу. Несмотря на общую бедность большинства, приход щедро давал на это национальное русское начинание. Со временем покупался участок земли и строилась церковь.

При церквях существуют для детей сто церковных школ, где дети обучаются Закону Божию, русскому языку, литературе и истории.

В США существуют две церковные гимназии с числом учащихся в 400 человек. Помимо этого в Чили и Палестине существуют две школы для девочек с числом учащихся в 350 человек.

Церковь помогает восьми Домам для престарелых, находящимся в США, Канаде, Европе, Южной Америке и Австралии.

Существуют также пятнадцать русских кладбищ и десять печатных предприятий. Последние печатают книги религиозного содержания, календари, литературные, исторические и философские работы и журналы (*Православная Русь*, *Церковная Жизнь*, *Православная Жизнь и Orthodox Life*). Кроме того, издается годичное издание *Православный Путь*.

Заключение

«Русская Православная Церковь Заграницей», которая существует более семидесяти лет, оказалась после революции в чрезвычайно тяжелом материальном и часто бесправном положении. Несмотря на это, сплоченность и жертвенность эмиграции помогли церкви встать на ноги и укреплять свои позиции постройкой новых храмов, монастырей, школ, старческих домов и т. д.

Прошу принять во внимание, что никакой государственной поддержки российская эмиграция не имела и должна была базироваться на частных пожертвованиях своих же обездоленных земляков.

Султан — друг детства

Рассказ из времен Гражданской войны

Прожив большую часть жизни далеко от родины и постоянно имея четвероногих друзей, мне кажется, что любовь к животным пришла ко мне с тех пор, когда наша семья в начале Гражданской войны в России попала из Подмосковья в бывшую Самарскую губернию.

Случилось это при весьма необычайных обстоятельствах. Отец, служивший главным инженером на одном из заводов взрывчатых веществ во время Первой мировой войны, не поладил с новым красным правлением завода и уехал в Москву, где остановился у друзей. Там он встретился со своим бывшим начальником — директором завода — артиллерийским полковником в отставке, ожидавшим, как и многие, скорого крушения советской власти.

Полковник Б. познакомил его с одним из офицеров, который, как оказалось, был послан колчаковским правительством для вербовки специалистов для постройки порохового завода в Сибири. В то время наступающая армия адмирала Колчака сильно нуждалась в боевых припасах. Так как колчаковские части захватили часть золотого запаса Императорской России, то они могли легко расплатиться с западными поставщиками. При переходе советского фронта этот офицер был убит, и на нем нашли список инженеров — специалистов по взрывчатым веществам.

Это было сообщено в ЧК (Чрезвычайную Комиссию). В то время чекисты проводили облавы на «ненадежный элемент» по всей Москве. В одну из таких облав попал отец, который был посажен в подвал знаменитой Лубянки (бывшее Российское Страхование общество), переделанный чекистами в тюрьму временного заключения. Оттуда мало кто выходил живым!

После нескольких дней отца вызвали на допрос, где ему было предъявлено обвинение в участии помощи Белому движению. При допросе участвовал сам «Железный Феликс» (Дзержинский). Но, видно, в то время компания сильно нуждалась в специалистах, которых почти не было. Дзержинский предложил отцу место главного инженера в недавно «освобожденном» заводе взрывчатых веществ на востоке. Отец тогда спросил, что с ним будет, если он откажется. На это ему ответили: «Вас расстреляют».

Волей-неволей пришлось ему принять это предложение. Мы встретились с отцом в Москве. Конечно, кроме самого необходимого, мы взять ничего не могли, а все остальное было реквизировано.

Приехав на место назначения, отец нанял извозчика, который привез нас в один из домов, выстроенных до революции для администрации завода частным обществом, которое построило этот завод. Там нас мило встретила семья главного механика В. У их ног крутилась большая черная собака лабрадор. Мы их спросили: «Это ваша собака?» На это они ответили: «Это не наша, а генеральская». Оказалось, что директор завода уехал с отступающей Белой армией, а ее здесь оставил.

Так произошло мое знакомство с Султаном. Прошло немного времени, и после слезных просьб моих и сестры Султан переселился к нам и стал почти полноправным членом семейства. Наши соседи по дому были милые, интеллигентные люди из Москвы. Мы поровну поделили дом и оставшуюся мебель генерала, ибо как одна, так и другая семья все потеряли при переезде. Отцы семейств приступили к работе на заводе.

Так как в эти годы разрухи ничего на деньги купить было невозможно, а Советское правительство было заинтересовано в продолжении работы завода, инженерно-техническому персоналу, мастерам и партийному руководству давали паек, состоящий из муки, подсолнечного масла, пшенной крупы и иногда мяса.

По воскресеньям бывали базары, где можно было достать молоко, творог, мясо в обмен на городские вещи и белье. Тогда еще волжские деревни были зажиточными, но крестьяне не хотели продавать свои продукты за бумажные деньги, на которые они не могли ничего купить.

Отец никогда не интересовался сельским хозяйством, несмотря на то что он часто проводил лето в дедовском имении в Крыму, решил им заняться. Они с нашим соседом съездили к огородникам-болгарам, осевшим на плодородных землях Волжской дуги, и достали у них семена. Заводские водопроводчики проложили ороситель-

ные трубы, и уже в первую осень мы имели на прекрасном волжском черноземе хороший урожай томатов, дынь, арбузов и огурцов. Другая часть участка, где стояли пустые конюшни, была отведена для картофельного поля.

Мать, бывшая бестужевка (так назывались студентки первого университета для женщин в С.-Петербурге), тоже не отставала и, наняв деревенскую девушку в прислуги, купила козу, получившую имя Катьки, от которой пошли целые поколения козлят. Появились молоко, масло, а также свежее мясо. Так понемножку налаживалась жизнь нашей выбитой из колеи интеллигентной русской семьи.

Наш дорогой пес Султан стал в это «смутное время» хранителем и защитником наших владений и животных.

Это было жестокое время. Голодающие беженцы России и беспризорные дети из Центральной России, голодные красноармейцы из батальона, расквартированного в этом фабричном городке, рыскали в поисках пищи. В 1921—1922 гг. к ним примкнули крестьяне. Сбылись слова А. С. Пушкина:

«Настанет год, России черный год —
когда царей корона упадет...»

Султан летом проводил всю ночь на веранде дома. Он считал это своей обязанностью. Дом был окружен крепким забором, оканчивавшимся колючей проволокой. Внутри забора шли кусты акаций с шипами. Но это не всегда задерживало посетителей.

Однажды утром мать заметила, что Султан стал хромать. Мать его осмотрела и обнаружила глубокую рану, нанесенную холодным оружием. Ночной пришелец, наверное, целился в сердце, но оружие скользнуло. Дело было летом, в ране завелись большие белые черви. Нашли ветеринара, который сделал операцию под наркозом (эфир). Мама пожертвовала одну из наших простыней, которые мы имели, для перевязки. В скором времени Султан поправился.

Школы в то время были закрыты, и первые уроки я с сестрой брали у мамы. Раз в неделю приходил священник учить нас Закону Божьему. В то время коммунистические правители имели другие заботы и атаки на Церковь начались позднее. Наш верный Султан всегда присутствовал при уроках. Летом, когда козы и овцы, жившие в поселке, приходили домой после пастбища в степи, Султан всегда встречал наших коз и если они не приходили, то отправлялся с нами в степь на поиски. Он также был верным участником наших игр и «охоты» на сусликов (prairie dog), которых было множество. Другой дичи у нас в поселке не было. Они жили в подземных норах, и мы выгоняли их, заливая соседние к норам отверстия водой.

При бегстве из нор мы их старались убить из самодельных пистолетов. Они были заряжены украденным у родителей порохом и капселями, забиты войлоком и мелко нарезанным свинцом. Для меня до сих пор остается загадкой, как мы при этом не искалечили себя. Позднее к нашей группе пришел соседний мальчик Саша, сын главного бухгалтера. Однажды мы даже сняли шкуру и выпотрошили убитого суслика и варили его в котелке на костре. Потом мы рассказывали нашим родителям, что мясо суслика «было очень вкусное почти, как курочки».

Гражданская война приходила к концу. Однажды от всех рабочих и служащих потребовали прийти на митинг на станцию. Обещали, что бронепоезд с товарищем Троцким (Бронштейном) остановился на нашей станции и он будет выступать на митинге. Пошли и мы. Поезд приехал поздно. Потом вышел на площадку, скинутую из вагона, мужчина в пенсне, с козлиной бородой, и выступил с речью о победе российского пролетариата и крестьянства над «внутренним врагом» и о том, что пролетариат и крестьянство Запада нам помогут совершить «Великую Всемирную Революцию».

Слава Богу, что люди Запада не последовали нашему примеру!

Так среди Великой Смуты протекала жизнь инженеров, служащих и их семей. Мы, дети, конечно, не осмысливали того, что творится в нашей стране. Зимой появились в нашем поселке одинокие мальчишки. Это были бывшие кадеты, пробивавшиеся домой, на запад. Это были милые ребята, которые помогали нашей прислуге колоть дрова, чистить стойло, кормить коз и в других работах. Я запомнил одного, Алешу, одетого в старый крестьянский полушубок и солдатские сапоги. Он приютился в нашей кухне. Зимой, когда светило солнце, я часто приходил навестить его. Он весело напевал военные песни и был рад компании. Иногда он надевал свою синюю шапочку с нашитым на ней красным погоном. Я лишь много позднее узнал, что эта шапочка-пилотка, которая, вероятно, одна осталась от его обмундирования, принадлежала форме Донского кадетского корпуса. Его приятель жил недалеко, у наших друзей. Они, вероятно, не хотели, чтобы их видели вместе, и поэтому редко виделись. Весной наши питомцы пропали. Надеюсь, что они дошли до своих семейств и смогли потом укрыться среди советского населения.

Пришел двадцать второй год и с ним, искусственно вызванный жестокой «продразверсткой», голод. Части особого назначения конфисковывали у поволжских крестьян все запасы зерна и скота. Это привело к известному голоду Поволжья, когда миллионы крестьян когда-то богатого и хлебодородного Поволжья умирали от голода.

Селения пустовали, появились шайки или одиночки людоедов, которые, как правило, расстреливались отрядами чрезвычайного назначения. В нашем фабричном поселке не было отбоя от нищих крестьян, просивших хлеба.

У нас на кухонном столе всегда лежал нарезанный каравай хлеба, и по маминому приказу никто не уходил от нас без куска хлеба. После 6 часов вечера все окна и двери были заперты, и нам было запрещено выходить на двор. Даже бескорыстная помощь США не могла остановить это несчастье, обрушившееся на одну из хлебоборобных частей бывшей Российской Империи. Все это создало большое недовольство среди широкой части населения, которое вылилось в народных восстаниях против коммунистической власти (Кронштадтское восстание, Антоновское восстание и многие другие). Коммунистическое руководство испугалось и объявило Новую Экономическую Политику (НЭП).

Отец съездил в родной Петроград, навестить родственников. Он нашел, что жизнь в городе немного налаживается, и через старых друзей и знакомых нашел службу по специальности. Так как во время разрухи и голода многие из населения бывшей столицы покинули ее, он также нашел квартиру. Но она было оставлена без мебели и нуждалась в ремонте. Сестра и я с ужасом наблюдали, как рушится наша спокойная детская жизнь. Больше всего нас беспокоила судьба нашего неизменного друга Султана. Наш друг доктор решил взять его к себе.

В последнюю ночь перед отъездом наша мама, войдя в нашу спальню, увидела нас двоих, в сорочках лежащих на полу, обнимающих нашего любимого черного друга, льющих горькие слезы прощания. С большим трудом удалось ей отвести нас до наших кроватей, и, перекрестив нас, она ушла к отцу.

С тех пор у меня возникла большая любовь к животным, особенно к собакам, которая не оставляет меня даже в моем преклонном возрасте. Так что детская дружба с Султаном оказала большое влияние на мою позднюю привязанность к ним. Сейчас, на склоне лет, в США, после завтрака, накинув на плечи рюкзак, я, к удивлению соседей-американцев, отправляюсь в соседний сосновый лес, который я посадил более 30 лет тому назад, и наполняю кормушки кукурузой и старым хлебом. Эта пища оленей, лебедей и уток. Приятно начать свой день благим делом, господа!

ЗАМЕТКИ МОЛОДОГО РУССКОГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ 1917 г.

В конце 1917 г. война с немцами еще продолжалась, но наши войска почти не вели настоящих боевых действий, и поэтому на всех фронтах было затишье **. Наш отряд тральщиков, базируясь в городе Або (Турку), занимался уже почти работой мирного времени, уничтожая минные заграждения в Ботническом заливе. Основной район траления был недалеко от маленького финского городка Ньюстадт. Почти ежедневно мы выходили рано утром в море и возвращались к шести вечера на свою базу. Отряд состоял из девяти небольших катерных тральщиков, командирами на которых в основном были окончившие нашу Школу прапорщиков по адмиралтейству в г. Ораниенбауме и несколько выпускников Военно-морского училища. Воскресные дни были выходными. В то время Финляндия была самостоятельным автономным государством, находившимся в полной зависимости от России. Финское население не участвовало в войне с Германией, хотя наш флот и базировался в ее портах. Жизнь в стране была значительно лучше нашей. Поскольку в Финляндии была своя валюта, то нам, русским, на кораблях жалование платили финскими деньгами, а поэтому вместо двухсот сорока рублей выдавали по шестьсот финских марок. По тем временам это была очень большая сумма.

Мы тогда были молоды, часть из нас любила шикануть в ресторанах и не жалела денег. Обычно мы ходили всей компанией, кроме дежурных командиров, заказывали всевозможные закуски и подолгу сидели за столиками, слушая музыку. Как правило, музыканты, по

* Николай Иванович Носов (1896—1973) — морской офицер, юрист. В начале 1917 г. окончил Школу прапорщиков в г. Ораниенбауме, в 1927 г. — юридический факультет Ленинградского государственного университета. Служил в Кронштадтском флотском экипаже в 1917—1918 гг., в Волжско-Каспийской флотилии в 1919 г., затем вновь на Балтийском флоте, участвовал в обороне Ленинграда. В мирное время работал юрисконсультантом в различных организациях.

** Материал любезно предоставлен Е. Н. Носовым.

преимуществу румыны, играли по нашим заявкам. Никаких денежных расчетов во флотской компании не велось, каждый раз расплачивался кто-нибудь один, очередь до которого платить снова доходила дней через десять, не раньше. Вином вообще мало кто злоупотреблял, а я в то время почти не пил ничего спиртного.

Если в России жизнь уже была полна всяких неожиданностей, то в Финляндии она пока еще ничем не нарушалась. Отношение к нам, русским, со стороны финнов было хорошее. Въезд в Финляндию практически был свободным при соблюдении совершенно незначительных формальностей. Пользуясь моим пребыванием в Финляндии, ко мне, когда мы еще были в Гельсингфорсе (Хельсинки), приезжал погостить мой старший брат Евгений.

Запомнился финляндский обычай обслуживания банщиками всех посетителей бань. Преимущественно банщицами были женщины, большей частью среднего возраста, прилично одетые. Посетителю приходилось только раздеться самому, а затем он поступал в полное распоряжение банщицы, которая его мыла, обращаясь с ним, как медицинская сестра при уходе за больным. Никакой дополнительной оплаты банщицам не полагалось, так как их зарплата уже включалась в стоимость купленного билета. Для нас, русских, сначала такой обычай был в диковинку, но потом он понравился, так как побывать в бане у нас отнимало очень мало времени и, кроме того, всякий раз, оставляя свое старое белье и приходя вторично, при покупке билета мы получали его уже выстиранным. Кроме того, нас просто поражало увлечение финнов банным делом. Бани были оборудованы по последнему слову техники, имелись образцы бань всех национальностей. Вам предлагалась на выбор и русская баня, и французская, и всевозможные души, и паровые мешки, и ванны. Содержание бань отличалось чистотой и опрятностью.

Во время своего короткого визита в Финляндию брат проживал в очень скромной гостинице «Хоспиц». В один из дней он решил принять ванну. Когда ванна уже была готова и брат намеревался раздеваться, он услышал легкий стук в дверь и женский голос, просивший на русском языке разрешения начать его мыть. До этого брат слышал от нас о финских обычаях в банях, удивлялся этому и говорил, что ни за что не позволит себя мыть женщине. Сейчас же он проверил запоры у двери и категорически отказался пустить банщицу в ванную комнату. Банщица была очень удивлена такому поведению жильца, а для нас этот случай надолго остался поводом подтрунивать над братом.

Вообще в финляндских гостиницах чувствовалась во всем забота о постояльцах. Во время отсутствия хозяина номера дверь обычно

запиралась на ключ, а сам ключ должен был висеть на крючке у двери, с правой стороны. В отсутствии жильца номер будет прибран. Тогда еще вместо умывальников в каждом номере находились специальные белые тазы и кувшины с водой. Если в шкафах оставалась ваша одежда, то она чистилась и проветривалась. Унести ключи от номера значило обидеть хозяев гостиницы. Был такой случай с нашим офицером Кучинским, который, уходя на работу, запер дверь, а ключ по рассеянности положил себе в карман. В связи с этим номер его остался неубранным, а сам Кучинский был вызван к директору гостиницы, и ему в вежливой форме предложили не нарушать в дальнейшем финских обычаев — он не должен бояться за сохранность своих вещей, в Финляндии никто не рискнет воспользоваться собственностью другого.

Нам самим неоднократно приходилось сталкиваться с честностью и порядочностью финского народа. Так, при поездках на маленьких пароходиках, сновавших по шхерам, приходилось наблюдать такие эпизоды. Парходик подходит к пристани, где никого нет. Матрос или сам капитан выгружает одну или несколько корзинок с продовольствием, и парходик сразу же отчаливает и плывет дальше по своему маршруту. Оказывается, такие поручения обычны — на пристань позднее придут хозяева корзинок и разберут их по принадлежности. Можно упомянуть про случай лично со мной — впервые с поезда я ехал в свою часть на извозчике. Фазтон был закрытый, и по приезде на место я случайно забыл в нем свой небольшой чемоданчик с мелкими вещами. Ценностей в нем вообще не было, и поэтому я не придавал никакого значения пропаже. Между тем мне настоятельно советовали обратиться в полицию, где обязательно укажут местонахождение моего чемодана и как мне его получить обратно, хотя прошло уже около месяца. В Финляндии на этот счет можно не беспокоиться — у них ничего не пропадет. Ради интереса я пошел в полицию, и там мне любезно сообщили, что мой чемодан цел и невредим и находится у того же самого извозчика на хранении. Мне дали его адрес, и я действительно нашел свой чемодан в целостности и сохранности. Замочек был в исправности — никто, видимо, даже и не поинтересовался содержимым чемодана.

С расформированием старых армии и флота в начале 1918 г. вся наша семья наконец собралась дома, в Петрограде, и мы с братом Анатолием, уже окончательно демобилизованные из флота, намеревались продолжить свою прерванную учебу: я — в Университете, а Анатолий — в Лесном институте...

Н. И. ПЛАТОНОВА

ЗАПИСКИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА (из семейного архива Бонч-Осмоловских)

В архиве потомков выдающегося русского археолога Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского хранится интересный документ — глава из неопубликованных воспоминаний инженера (в прошлом — петербургского студента, затем прапорщика Белой армии) Павла Осиповича Сомова. Большая часть жизни автора этих воспоминаний прошла в эмиграции. Однако после снятия «железного занавеса» Павел Осипович постарался восстановить утраченные связи с близкими, оставшимися на родине. В первую очередь переписка наладилась у него с бывшей женой Ольгой Георгиевной, которая после бегства мужа за границу связала свою жизнь с Г. А. Бонч-Осмоловским. Именно Глеб Анатольевич заменил отца сыну Павла Осиповича от первого брака Георгию Павловичу Сомову (ныне крупный российский эпидемиолог). Эта семейная драма была впоследствии описана О. Г. Бонч-Осмоловской в автобиографической повести «Одна судьба», опубликованной под псевдонимом «Ольга Морозова» (Морозова, 1976). Но с конца 1950-х, вплоть до смерти Ольги Георгиевны в 1975 г., между нею и ее первым мужем, жившим тогда в Чехословакии, поддерживалась интенсивная, очень дружеская переписка.

Павел Осипович скончался в конце 1970-х, дожив до восьмидесяти. Его судьба в эмиграции сложилась относительно благополучно. Сыграло роль то, что за границей у одного из родственников Ольги Георгиевны (Е. Н. Зандрока) были вложены крупные капиталы. Сейчас уже трудно установить, каким образом членам семьи, оказавшимся в эмиграции, удалось воспользоваться этими деньгами. Однако именно на эти средства Павел Осипович сумел получить высшее инженерное образование в Чехии в 1920-х годах. Публикуемая глава воспоминаний была вложена в письмо, адресованное Ольге Георгиевне. Она получила его в Ленинграде в начале 1960-х годов. По утверждению самого Павла Осиповича весь остальной текст у него пропал во время очередного переезда, но этого мы не можем знать достоверно. Этот отрывок представляет собой интересный документ эпохи. Сейчас он предлагается вниманию читателя. Название главы «Эвакуация» принадлежит самому Павлу Осиповичу.

...Кто-то упорно стучал в окно. Я проснулся и прислушался: кто-то стучит. Открыл окно Юра Никольский ¹.

— Вставай, Перекоп сдан. Надо эвакуироваться.

Очень не хотелось одеваться. Я был очень усталым после тяжелой болезни и прочих невзгод. Два или три дня дома, из которых один день — похороны Бориса Наумовича Синани. Открытая могила. Серое небо, холод и дождь. Безнадежные рыдания дочери Бориса Наумовича, Леночки. Одна! В целом свете одна. Никого кругом. Все это, в довершение к общей картине врангелевского Крыма, давило огромным роковым камнем, навалившимся на плечи, на грудь, не знаю еще на что, короче — на все!

Я оделся. Встали Ольга, Лидия Николаевна, впустили Никольского. Он был с кем-то из Оболенских, не помню, с Андреем или с Гулей.

— Надо эвакуироваться, сам понимаешь.

Я понимал: в сложившейся обстановке надо было эвакуироваться, ничего другого не оставалось. Все надо было решать скоро. На размышление были минуты, далеко не часы! Ольга сказала, что она не в силах эвакуироваться, она останется с сыном и матерью ². В моих глазах этим решался вопрос о моей эвакуации. Остаться — значило навлечь, быть может, преследование на всю семью.

Пошли к Оболенским. У Оболенских, несмотря на глубокую ночь, было много народу. Впрочем, самих Оболенских было довольно много. Кроме них Никольский, я, Арбузов, Бобровский, Вера Андрусова и еще кто-то, кого по фамилии я не знал. Княгиня Оболенская в слезах. Владимир Андреевич, бледный и растерянный, говорил что-то о безнадежности положения и о безнадежности эвакуации. Однако все же было решено идти на вокзал — может быть, там что-нибудь и образуется. Кто-то из присутствующих, кажется, Вера Николаевна Андрусова — она была сестрой милосердия, — сказала, что санитарные поезда еще стоят на станции, но надо спешить, пока есть паровозы, поезда отправляют один за другим.

Решили эвакуироваться: князь Владимир Андреевич с Андреем и Гулей, да и с Асей — она тоже была сестрой милосердия — Бобровский, Арбузов, Никольский и я. Неизвестный мне господин помотал головой и сказал, что он ни в коем случае родной страны не покинет. Я посмотрел на него и с завистью, и с уважением.

Пошли на вокзал. На улицах города никого не было ³. Там-сям шли одинокие фигуры по направлению к вокзалу. Окна светились. На вокзале было пусто. На задних путях стоял какой-то длинный состав. Подошли. У каждой площадки сторож — кто с винтовкой, кто со штыком на поясе. Не пускают. Владимир Андреевич вызвал коменданта; после короткого разговора комендант махнул рукой: влезайте, если поместитесь, все равно паровоза пока нет. Паровоз обещали, но пока его еще нет. Влезли и кое-как разместились, потом

втиснулся еще кто-то и тоже поместился. Сидели в проходах, в коридоре на скамейках, всюду! Говорили мало. Сидели и ждали. Ждали без конца! Мы сидели в этом поезде больше суток! Паровоза не было. То есть паровоз был, но он ремонтировался. Несколько человек, отчаявшись, пошли обратно домой. Кто-то приходил посмотреть и еще раз проститься. Приходила Арбузова, говорила с мужем и плакала. Арбузов очень колебался, все хотел вернуться. Владимир Андреевич уговаривал его остаться в поезде.

Пришла Ольга и сказала, что был Глеб и обещал «все устроить»⁴. Я посмотрел на нее. Глаза ее сияли, она была счастлива от того, что увиделась с Глебом. Мне уже нечего было говорить. Накануне, ночью, она мне сказала, что после всего того, что мы вместе пережили, Глеб для нее не существует. Жизнь, по-видимому, подготавливала другое решение. Мне нечего было на это сказать. Мне хотелось, чтобы она ушла. Это было уже днем или к вечеру, после десяти- или двенадцатичасового сидения в поезде. Вокзал пустел. Воцарилась тишина. Где-то недалеко было слышно, как грохочут по шоссе повозки и пушки. Вера Николаевна все время вспоминала своего брата Диму, о котором ничего не знала. Он был в артиллерии. Постепенно стемнело, и поезд погрузился в сон. Я видел, что не спят Владимир Андреевич, Арбузов и еще несколько человек. Не спал и я. Вера Николаевна заснула, положив голову мне на плечо. Я старался не двигаться. Она перед этим тоже пережила немало. Она в числе нескольких сестер убежала с санитарного поезда, который недавно захватила Первая Конная.

Перед рассветом всех разбудил толчок. Несколько человек выскочило посмотреть. Паровоз! Вагон дернулся, качнулся и медленно-медленно поплыл. Поезд был длинный, паровоз, очевидно, не в полной исправности, тянул еле-еле, однако тянул, и мы ехали по направлению к Севастополю. Это продолжалось недолго, на каком-то подъеме поезд остановился. Какой-то субъект в штатском кричал: «Все, кто может, — из вагонов вон! Будем толкать!» Другого выхода не было. Мы, действительно, протолкали этот длинейший поезд до спуска. Под уклон он покатился сам. Через некоторое время то же самое. Остановка. Команда: «Все вон!» Опять толкание до спуска, опять едем. Так три или четыре раза. Уже солнце склонялось к закату, день был солнечный. Когда мы пришли в Бахчисарай, машинист пришел и сказал, что дальше так ехать невозможно, что ночью он не поедет. Мало ли что может случиться, надо часть вагонов отцепить. Часть вагонов отцепили, в том числе и наш вагон. Публика влезла на крыши. Машинист предупредил, что будут туннели, — лежать и не поднимать голов. Поезд пошел быстрее. Перед туннелями он свистел, все прижимались к крышам. Говорили, что кого-то все же сбило. Но

поезд даже не остановили. В темноте мы пришли в Инкерман. Дальше путь был забит сошедшим с рельс бронепоездом «Витязь». Ничего другого не оставалось, как, взяв вещи, идти пешком. На несчастье, у маленького, тщедушного Арбузова был довольно тяжелый чемодан. Помогали ему по очереди. У остальных были только мешки с провизией. У меня не было ничего. Впереди был довольно далекий путь и еще два или три туннеля. По пути шли какие-то люди, лошади, повозки. Нельзя было ничего разобрать. Мы старались держаться вместе. Особенно тяжело было в туннелях, где была полная, непроницаемая темнота. Снаружи еще кое-что было видно, хотя светили только звезды.

Поздно ночью мы вошли в Севастополь. Город был пуст и тих. На рейде стояли суда. Мы не поняли, в чем дело, и сочли это за образцовый порядок. Владимир Андреевич повеселел и сказал, что все отлично. Пойдем ночевать к его знакомому доктору Н. — кажется, Никонову — не могу вспомнить точно фамилию. Нам тотчас же открыл сам доктор. Владимир Андреевич как ни в чем не бывало поздоровался и начал объяснять, что нас восемь, но нам некуда деваться и т. д. и т. д. Доктор молча пожал ему руку, открыл две двери направо и налево, всюду спали плечом к плечу какие-то шинели, фуражки, сестринские косынки.

— Владимир Андреевич, нет места! Я сам лежу в передней на шубе, потому и открыл вам так быстро, — сказал он.

Делать было нечего, попрощались и ушли. Тут выступил Арбузов (он был в то время городским головой или помощником городского головы Симферополя). Он сказал, что знает городского голову Севастополя, что в такое тревожное время он, наверное, у себя в управе. Надо пойти туда, он все устроит. Мы шли довольно долго. Городская управа была на противоположном конце города, не помню улицу. Нам отворил какой-то здоровый и очень раздраженный «дядя».

— Что надо?

Выступил Арбузов:

— Городского голову Н. (не помню фамилию).

— Его здесь нет.

— Я — городской голова Симферополя, пустите нас в кабинет.

Отворивший секунду колебался, потом открыл двери и сказал: «Пожалуйста». Мы вошли в кабинет городского головы. Все было на местах, но все шкафы пустые, стол был заперт. В углу стояла печка, в ящике немного дров. Затопили, вскипятили чай, разложили запасы, которые имели. Петр Семенович Бобровский сосредоточенно молчал, точно что-то обдумывал. Потом он обратился к Арбузову: «Николай Сергеевич! Это кто — швейцар?». Арбузов ответил, что не знает, вероятно, новый служащий, прежде был швейцаром такой-то

(назвал по имени), но это не он. В тепле, под крышей, после теплого чая и ужина стало как-то легче. Хотя чувство загнанности, давившее меня с момента, когда меня разбудил Юра Никольский, не прошло, чувство загнанного зверя! Бежать от погони, еще хоть немного, еще в ту щель, еще хоть несколько шагов! Однако усталость и тепло взяли свое (мы не спали уже две ночи); все заснуло, кто где приткнулся.

Проснулись мы тоже как-то все сразу, в окна светило солнце. Была глубокая осень. Солнце всходило поздно. Оказалось, что не все спали, не спал Петр Семенович Бобровский.

— Вы знаете, где мы находимся? — спросил он.

Все с недоумением уставились на него.

— В исполкоме какой-то красной севавтопольской организации! Я не спал, мне с вечера ситуация не нравилась. Прислушивался и слышал, как отдавались приказы поставить посты в тех частях города, которые оставляют белые, освободить заключенных, приготовить провиант и фураж для армии. Потом длинный разговор об евпаторийских каменоломнях. Не знаю, выйдем ли отсюда?

Минуту царило молчание. Потом я взял мыло и полотенце и отправился на разведку. Я вышел в вестибюль, там стояло четверо молодых людей в штатском, по-видимому, рабочих. Я спросил самым мирным тоном, где здесь можно умыться. Один из них показал мне, где уборная. Я умылся, причесался и с полотенцем на шее пошел обратно. Доложил Владимиру Андреевичу, что охрана есть. Не помню точно, кому принадлежала инициатива нашего дальнейшего «отступления» из городской управы, но мы хорошо его выполнили. Гуля и Андрей Оболенские тихонько соскользнули через окно, выходящее в переулок, на тротуар. Сейчас же им дали чемоданы и узлы. Они их оттащили в следующий переулок. Остальные между тем ходили мыться. Выходили искать папиросы. Я вышел и вернулся, потом опять ушел. Владимир Андреевич тоже, Ася и Вера Николаевна вышли вместе. Через час мы все были в соседнем переулке, взяли вещи и полным ходом пошли по направлению к гостинице Киста. Там был штаб генерала Врангеля. На полдороги наткнулись на офицерский пост: «Стойте! Кто такие и откуда?» Объяснили. Офицеры очень удивились: «Ту часть города мы еще вчера оставили!» Мы это уже и сами поняли. Нас пропустили, сказав на дорогу, что суда все переполнены и стоят на рейде. Владимир Андреевич сказал, что это ничего, он знает Врангеля давно. Врангель что-нибудь сделает. Отправились. Само собой разумеется, в штаб; [туда] не хотели пустить даже Оболенского. Однако после того как Владимир Андреевич послал свою визитную карточку (или просто записку — не помню), прибежал рысью адъютант:

— Князь, пожалуйста, его превосходительство Вас ожидают! Однако Владимир Андреевич вернулся буквально через несколько минут, махнул нам рукой, что значило: идемте.

— Генерал Врангель сказал буквально следующее: Вас, князь, я могу положить с собой рядом на койку, но Ваших сыновей уже положить некуда! Все переполнено. Все суда в море на рейде, — сказал он.

В молчании, говорить было нечего и не о чем, мы прошли мимо графской пристани и пошли вверх по Большой Морской.

Навстречу шел французский офицер. Владимир Андреевич приостановился.

— Пойдите, это Пешков, — сказал он.

Он подошел к французскому офицеру и заговорил с ним по-русски. Разговор был коротким. Французский офицер сказал коротко:

— Конечно, конечно, все, что могу! Пойдемте на пристань.

Нам он откозырял только издали. Не представился и не поздоровался по русскому обычаю. Мы стояли на пристани. Владимир Андреевич разговаривал с майором Пешковым. Подвалил паровой катер. Майор Пешков снова откозырял в нашу сторону, пожал руку Владимиру Андреевичу и укатил. Не знаю, сколько времени [прошло], мне показалось — вечность. Я начал уж подумывать о том, что делать, если все это не будет иметь никаких последствий? Было видно, что нервничает и Владимир Андреевич.

Однако вдалеке опять показался катер. Он приближался к Графской пристани. Из него выскочил, по-видимому, унтер-офицер и по бумажке, перевирая и коверкая имена, [про]читал:

— Прэнс Оболенски Вольдемар, прэнс Оболенски Анри, прэнс Оболенски Сергей (или Серж — не помню), прэнсес Оболенски... — и все!

Вызванные не заставили себя долго просить и быстро попрыгали в катер. Вместе с ними прыгнула и Вера Николаевна Андрусова. Унтер-офицер хотел воспрепятствовать, но Владимир Андреевич что-то сказал по-французски, и унтер-офицер успокоился. Катер отвалил. Владимир Андреевич крикнул нам только: «Ждите!»

Мы ждали. Мы ходили по пристани, сидели на парапете, опять ходили. На душе было очень скверно. Чувство затравленности усугубляется, если друзья, спасаясь, бросают на произвол судьбы. Наконец я сказал:

— Пойдемте в горы, я доведу вас до хутора Шнитниковых. Я их немного знаю. Не выгонят.

Петр Семенович Бобровский сказал:

— Подождемте, Владимир Андреевич не такой человек, чтобы бросить на произвол судьбы.

Никольский тоже думал, что Владимир Андреевич нас не бросит. Время шло, уходило светлое время — очень важное и очень нужное для путешествия в горы. Прошло много времени, я чувствовал, что все поставлено на карту, и считал карту битой. Но опять показался катер. Подвалил к пристани. Опять выскочил тот же самый унтер-офицер и опять, безбожно перевирая имена и фамилии, вызвал всех нас. Мы все погрузились, катер отчалил. Мы не знали, куда едем. Катер пошел к стоящему далеко на рейде флагманскому крейсеру «Вальдек-Руссо». Мы поднялись на палубу и попали в объятия [к] Оболенским. Владимира Андреевича, впрочем, не было, он был приглашен к адмиралу Дюменилу.

Камень с души свалился. Цел и невредим. И буду жить! Тут я заметил, что уже вечереет, солнце стоит низко над горизонтом. Мы вспомнили, что ничего не ели целый день. Андрей Оболенский разъяснил, что до ужина уже ничего не получим, что здесь довольно много всякого рода беженцев. Здесь баронесса Врангель, князь Долгорукий, кто-то еще, и кто-то еще (я уж точно не помню, да вряд ли тогда очень интересовался перечисленными людьми), и дочь алушкинского доктора Татьяна Гохбаум. Я стоял на борту и смотрел на притихший Севастополь. Где-то в районе Южной бухты, около мельницы или вернее элеватора, что-то горело. На корабле была обычная суэта, бегали туда и сюда французские матросы с красными помпонами на бескозырках. И вдруг со стороны Севастополя, откуда-то издалека, донеслась пулеметная очередь. Оборвалась, опять донеслась — на этот раз длинная, без перерыва. На палубу выскочил горнист, проиграл тревогу. Все исчезли. Я остался один. Прозвенели какие-то звонки, и все орудия зашевелившись, повернулись по направлению к элеватору и задрали стволы вверх.

Чувство бешеной злобы охватило меня. Как? Стрелять в наших? После стольких жертв для союзников? Мы можем с ними сражаться! Это наше дело, но они не смеют стрелять ни в нас, ни в них! Мы им спасли Париж! Если бы «Вальдек-Руссо» был у пристани, я, наверное бы, с него ушел. Но нас отделяло от берега несколько километров моря, и была почти зима. Прыгнуть через борт было нельзя. Позднее я узнал, что сыновья профессора Орлова — они были артиллеристами — дошли с отступлением до берега моря в Севастополе и отказались погрузиться. Что с ними стало потом, я не знаю. Через некоторое время пулемет смолк. Горнист проиграл отбой. Орудия встали на свои места. Матросы с помпонами опять забегали туда-сюда. Пришел Гуля Оболенский и позвал меня ужинать. После ужина нам развесили в каком-то помещении матросские койки — «бананы». Я мгновенно заснул каменным сном...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О некоторых лицах, упомянутых в настоящей статье, см.: Именной указатель. Тех, кто не упомянут в нем, идентифицировать пока невозможно.

² К моменту, о котором идет речь, Ольга Георгиевна однажды уже пыталась уехать за границу вместе с Павлом Осиповичем. В конце 1919 г. они с несколькими товарищами пересекли на лодке Днестровский лиман и оказались в Бессарабии. Там румынские власти немедленно посадили беглецов в тюрьму как *красных шпионов*. Они подверглись целому ряду издевательств и наконец — все порознь — были высланы обратно в Россию. Возвращаться к родным Ольге пришлось одной — без средств и без всякой помощи. Путь домой занял несколько месяцев. Воспоминания о нем преследовали О. Г. и много лет спустя. В ее личном дневнике за 1929 г. (1 марта) имеется фраза: «Золотую способность ощущать счастье я потеряла где-то на разных дорогах в тот тяжелый год». Вторично уехать с Павлом в эмиграцию О. Г. уже не решилась. Впоследствии она написала: «Я израсходовала все, весь запас чувств. Они выродились в огромную к нему жалость... Но это было не то чувство, ради которого жертвуют всем». (Морозова 1976: 95—96).

³ *Города* — Симферополя.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский не участвовал в Гражданской войне, но в описываемый период открыто сочувствовал красным. В период, когда Крым был занят белыми, он помогал красным подпольщикам. Вряд ли это увлечение подпольной работой носило очень серьезный характер. Однако знакомства Г. А. с несколькими видными большевиками, завязавшиеся в тот период, в дальнейшем не раз служили защитой и ему, и семье Ольги Георгиевны.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Бонч-Осмоловская (урожд. Морозова, в первом браке — Салова) Ольга Георгиевна (07.05.1895—08.11.1975) — художник и педагог. В 1913—1916 гг. училась на Высших женских архитектурных курсах в Петрограде. На рубеже 1920—1930-х гг. много работала в области монументальной живописи. Исполняла росписи музейных залов, оформляла экспозиции Русского музея (этнографический отдел), Музея революции, Четвертичной выставки АН СССР и пр. С 1934 г. до начала 1960-х гг. преподавала в художественных студиях и школах Ленинграда. Талантливый писатель-мемуарист. Повесть «Одна судьба», подписанная «Ольга Морозова», представляет собой прекрасный образец автобиографической прозы.

Всю жизнь прожила в С.-Петербурге. В годы блокады работала в Военно-морском госпитале — медсестрой и заведующей библиотекой. Значительная (и, вероятно, лучшая) часть ее художественного наследия предвоенных лет погибла в блокаду, будучи сдана на выставку, открывшуюся за несколько дней до войны.

Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич (04.11.1890—01.11.1943) — крупнейший советский археолог и антрополог. Родился в Белоруссии, в родовом имении Блонь под Минском. Потомственный дворянин. Накануне Первой мировой войны учился в С.-Петербургском университете, специализировался по этнографии. В 1915 г. пошел на фронт добровольцем. В Гражданской войне не участвовал. Окончил университет в 1923 г. Внес большой вклад в исследование четвертичного периода на территории СССР. В 1924 г. открыл в пещере Киик-Коба (Горный Крым) погребение неандертальского человека и доказал, что территория Восточной Европы была обитаема в эпоху нижнего палеолита. В 1933 г. репрессирован по делу «Российской национальной партии», приговорен к трем годам лагерей. В 1936 г. освобожден досрочно за ряд усовершенствований, введенных им в практику углеразведки. Накануне войны в тяжелых условиях сумел довести до конца работу над двумя

монографиями из серии «Палеолит Крыма». После снятия судимости (февраль 1941 г.) принят на работу в Институт истории материальной культуры РАН. С сентября 1941 г. — доктор исторических наук, профессор. Умер в эвакуации в Казани. Новаторские идеи Г. А. Бонч-Осмоловского, впервые сформулированные им в конце 1920-х гг., почти на 20 лет опередили развитие мировой археологии, а кое в чем предвосхитили и теоретические построения середины XX в. Далеко не все они были оценены по достоинству при жизни ученого.

Зандрок Евгений Николаевич (ум. в 1960-х гг.) — «дядя Женя» — любимый дядя О. Г. Бонч-Осмоловской. Предприниматель и финансист. В 1917 г. — помощник управляющего страховым товариществом «Саламандра» в С.-Петербурге, директор акционерного золотопромышленного общества «Алтай», член совета золотопромышленного товарищества «Сеймур и К». Известный яхтсмен. Гражданскую войну пережил на Украине. В период НЭПа жил и работал там же, помогал заново наладить сахарное производство в республике. В конце 1920-х гг. репрессирован. После отбытия срока заключения поселился в г. Вологде. Дожил там до глубокой старости.

Никольский Юрий — описан в повести «Одна судьба» как «Юра Н.». Соученик П. О. Сомова по коммерческому училищу, в дальнейшем — студент Петроградского университета. Был принят в семье отца Ольги Георгиевны — великого русского лесовода Г. Ф. Морозова. По словам О. Г., в их доме «Юра осел прочно и надолго. Он очень много говорил и заговаривал... родителей, которым импонировали его ум, его начитанность... Это был нескладный, но искренний и талантливый человек...»

Оболенский Владимир Андреевич — князь, жил в С.-Петербурге по соседству с Е. Н. Зандроком, вращался в тех же предпринимательских, финансовых кругах, что и он. В начале 1910-х гг. он был инспектором Русско-Азиатского банка в С.-Петербурге. Его отношения с семьей Г. Ф. Морозова представляются близкими, почти родственными. Сын Евгения Николаевича Ю. Н. Зандрок был женат на княжне Оболенской.

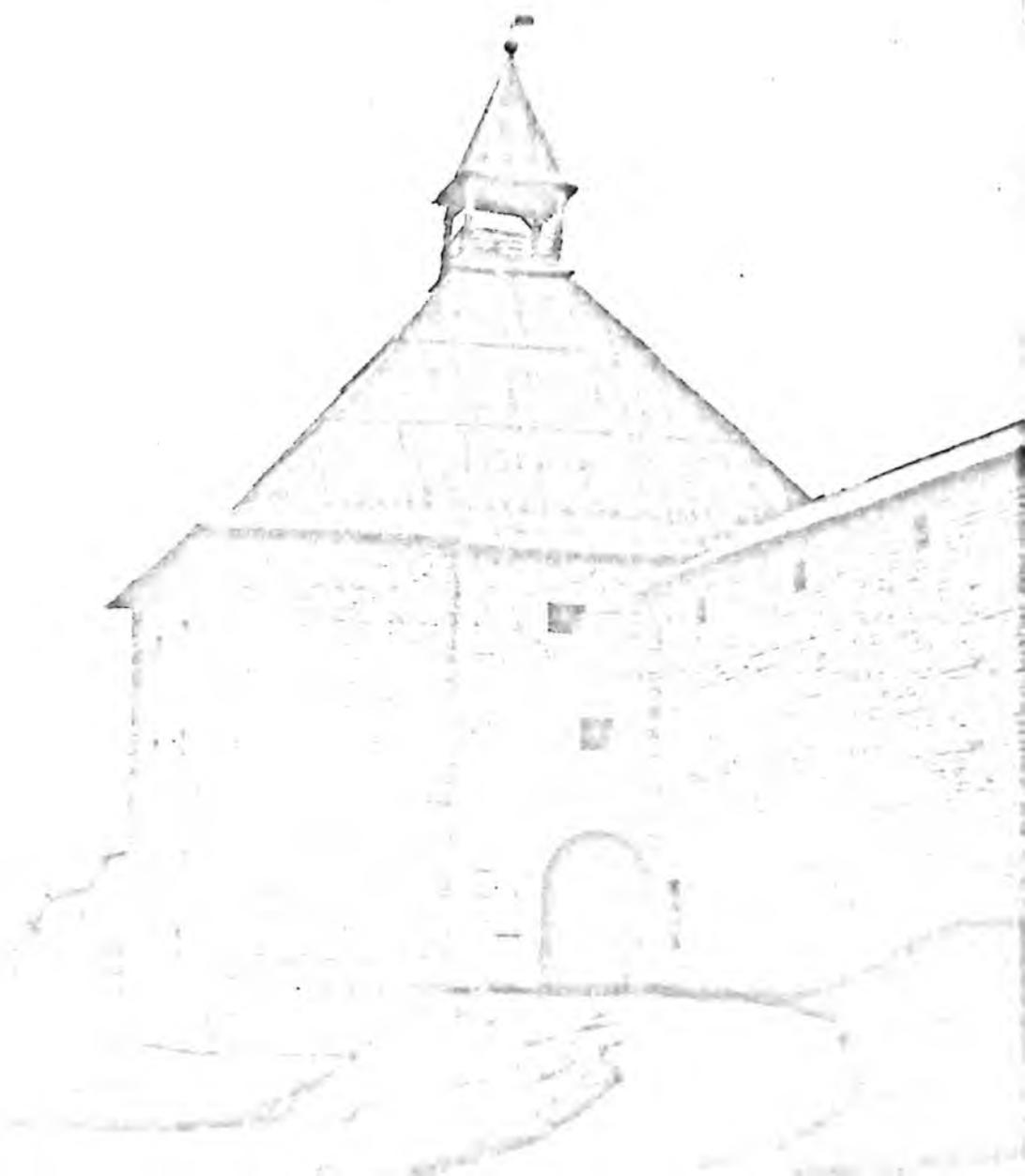
Сомов Георгий Павлович (род. 01.10.1917) — сын П. О. Сомова от брака с Ольгой Георгиевной. Вырос в семье Г. А. Бонч-Осмоловского. Крупный российский эпидемиолог. Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАМН. В 1989 г. — лауреат Государственной премии СССР за открытие и изучение нового проявления псевдотуберкулеза у человека. В настоящее время живет во Владивостоке, заведует лабораторией экологии патогенных бактерий НИИЭМ.

ЛИТЕРАТУРА

Морозова О. Г. 1976: Одна судьба. Л.: Советский писатель.

Подготовка текста, комментарии и именной указатель Н. И. Платоновой

КРОНИКА

◆
**СОВЕТ ГУМАНИТАРИЕВ
АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Объединенный научный совет по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию образован в апреле 1992 года. Совет создан для выполнения экспертных и координирующих функций при формировании междисциплинарных программ научных исследований.

В составе Объединенного научного совета действуют:

— Экспертный совет по науковедению, который имеет в своем составе несколько секций (председатель совета академик Ю. С. Васильев, зам. председателя д. ф. н. С. А. Кугель);

— Научный совет по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области (председатели чл.-корр. РАН Е. Н. Носов и д. и. н., проф. А. Н. Кирпичников);

Совет по социально-экономическим проблемам (председатель чл.-корр. РАН И. И. Елисеева).

Совет проводит свою работу по нескольким направлениям:

— формирование на основе экспертного отбора программ научных исследований по гуманитарным и общественным наукам;

— организация и проведение научной экспертизы отдельных фундаментальных, поисковых и прикладных исследований;

— проведение организационно-научных мероприятий по тематике Совета (конференции, симпозиумы и т. п.);

— участие в подготовке аналитических докладов о состоянии научно-технического потенциала и по проблемам его развития (по направлениям, координируемым Советом);

— издательская деятельность;

— подготовка и проведение выставок за рубежом (совместно с Комиссией по сохранению и популяризации академических коллекций СПбНЦ РАН).

Совет участвовал в разработке ряда программ и конкретных исследований по заказу правительства города, администрации Василеостровского района, провел экспертизу программы «Научно-технический потенциал Санкт-Петербурга», принимал участие в формировании Стратегического плана Санкт-Петербурга.

В 1999—2000 гг. Объединенный научный совет совместно с Научно-техническим советом Санкт-Петербурга и другими научными советами СПбНЦ РАН провел работу по созданию и изданию сборника предложений «Наука — городу», содержащего около 650 проектов, подготовленных академическими и отраслевыми институтами, вузами и промышленными предприятиями. Ежегодно специалистами Совета выполнялась экспертиза проектов, представленных в комитеты Администрации Санкт-Петербурга для подготовки плана НИОКР города.

Особого внимания заслуживают несколько научно-организационных мероприятий Совета. Это — семинар по научным школам, который проходил в 1995—1997 гг. По итогам работы семинара Советом было подготовлено издание «Академические научные школы Санкт-Петербурга. К 275-летию Академии наук» (СПб., 1998). В 1999 году Совет провел конференцию «Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук», материалы которой были изданы в четырех томах (СПб., 1999). Ежегодно (с 1992 года) проводилась Международная школа по социологии науки и техники. Итоги работы школы отражены в ежегодно издаваемом сборнике «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов».

Многие члены Совета участвовали в комплексном проекте «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга». Проект объединил 11 петербургских академических институтов гуманитарного и естественнонаучного профиля и завершился изданием монографии, которую авторы посвятили 300-летию Санкт-Петербурга (руководитель авторского коллектива профессор Ю. А. Петросян). Основной задачей этого проекта было сводное комплексное описание богатейших архивных, книжных и иных коллекций академических организаций Санкт-Петербурга — Института русской литературы (Пушкинский дом), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Института истории материальной культуры, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения, Санкт-Петербургского института истории, Ботанического и Зоологического институтов, Музея М. В. Ломоносова, а также книжных и архивных собраний Библиотеки Академии наук и Санкт-Петербургских филиалов Архива РАН и Института истории естествознания и техники.

В 2001—2002 гг. выполнялся еще один комплексный проект — «Гуманитарные науки в академическом Санкт-Петербурге: традиции и современность» (руководитель проф. Ю. А. Петросян). Задачей данного проекта было проследить историю развития

академических гуманитарных исследований в Петербурге как на примере деятельности научных организаций, так и наиболее ярких ученых, в контексте мировой истории культуры. Актуальность проекта определялась его направленностью на восстановление памяти о выдающихся страницах истории российской культуры и науки. Значение данной работы в контексте изучения гуманитарной науки в России определяется тем, что объектом анализа является весь комплекс академических гуманитарных исследований в их взаимодействии на протяжении длительного исторического периода.

Комплексные проекты осуществляются и в Экспертном совете по науковедению, и в Совете по социально-экономическим проблемам. Так, в Экспертном совете по науковедению в 2000—2001 гг. выполнялся проект «Фундаментальная наука Санкт-Петербурга и роль РФФИ в поддержке фундаментальных исследований» (руководители проекта Ю. С. Васильев и С. А. Кугель). Конкретная задача данного проекта заключалась в изучении влияния конкурсно-грантового механизма финансирования. Участниками проекта проведена комплексная оценка потенциала фундаментальной науки Санкт-Петербурга в свете поставленной задачи, а также предложены комплексные показатели, учитывающие оценки мировым научным сообществом результатов научной деятельности петербургских ученых. В проекте используются методы социологического опроса научного сообщества, экономического, библиометрического, информометрического анализа. А с 2002 года ведутся исследования по проекту «Человеческие ресурсы фундаментальной науки Северо-Запада и возникновение и развитие новых технологий».

В 2000 году в Совете по социально-экономическим проблемам было проведено комплексное исследование «Разработка социальной политики, учитывающей прогнозируемые демографические и социальные изменения состава населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области». Отчет по данному исследованию был передан в Комитет по экономике и промышленной политике. В исследовании, возглавляемом членом-корреспондентом РАН И. И. Елисеевой, принимали участие ученые Санкт-Петербургского экономико-математического института РАН, Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, Санкт-Петербургского государственного университета, Департамента федеральной государственной службы занятости населения по Санкт-Петербургу, Петербургкомстата — демографы, статистики, экономисты. Проведенный анализ был нацелен на разработку социальной политики, учитывающей прогнозируемые демографические и социальные изменения состава населения Санкт-Петербурга и Ленинградской

области. Исследование показало, прежде всего, зависимость приоритетов доминантных половозрастных групп, их потребностей в развитии образовательной сферы и социальной инфраструктуры. Обосновано влияние демографических процессов на специфический спрос на услуги дошкольного воспитания, школьного образования, внешкольной работы с детьми. Доказана значимость воссоздания и развития системы профессионального обучения как составной части образовательных институтов. Выявлена специфика развития высшей школы в свете грядущего реформирования российской системы образования. Затронута и проблема воспроизводства научных кадров академических учреждений, в которых всегда формировались ведущие научные школы.

В 2001—2003 гг. проведены три междисциплинарные конференции «Петербург в европейском пространстве науки и культуры». Изданы 4 сборника по первой конференции, издан 1 сборник и уже находятся в печати 3 сборника по второй конференции. Идет сбор докладов, заслушанных на третьей конференции для 4-х завершающих серию сборников.

В 2002—2003 гг. Совет, в состав которого ныне входят более 30 крупнейших ученых-гуманитариев институтов СПбНЦ РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Русского музея, Европейского университета, заслушал на своих заседаниях серию научных докладов по актуальным проблемам гуманитарной науки. С докладами выступили директор Эрмитажа чл.-корр. РАН М. Б. Пиотровский, директор Пушкинского Дома чл.-корр. РАН Н. Н. Скотов, директор Кунсткамеры доктор исторических наук Ю. К. Чистов, главный научный сотрудник ИИМК проф. А. Н. Кирпичников.

Перспективные планы работы Совета нацелены на объединение усилий ученых-гуманитариев вокруг проблемы изучения историко-культурного наследия.

ФЕСТИВАЛЬ ЮБИЛЕЕВ

«Фестивалем юбилеев» назвал в 1993 году цепочку празднований столетий со дня рождения физтеховцев, отцов-основателей отечественной физики видный историк науки В. Я. Френкель (1930—1997). «В этом году отмечались (на страницах печати, созывом соответствующих конференций) столетия со дня рождения Якова Ильича Френкеля, Ивана Васильевича Обреимова, Петра Ивановича Лукирского — физтеховцев первого поколения, начавших работать в институте практически со дня основания»¹. Но с еще большим основанием термин «фестиваль юбилеев» можно применить ко всему десятилетию 1993—2003 гг., включающему 275-летие Российской академии наук, двухсотлетие А. С. Пушкина, столятидесятилетие И. П. Павлова, переход в новое тысячелетие, то есть 2000-летие Рождества Христова, и завершающееся 300-летием Санкт-Петербурга. Редкое десятилетие может сравниться с этим по масштабу юбилейных торжеств, по глубине исторического чувства, наконец, по парадоксальности. Поскольку юбилейные фанфары звучали на фоне тотального социально-экономического и политического кризиса, охватившего все социальные институты и затронувшего каждого жителя нашего города и всей России. Ученые не составили исключения. Они бедствовали, они «выживали», они «адаптировались», но с тем большим усердием, наперекор печальным обстоятельствам, они праздновали. Они проводили архивные изыскания, готовили международные конференции, находили средства в РФФИ и РГНФ и печатали юбилейные сборники. Они пытались пробудить то самое «историческое чувство» у молодежи и у новых «хозяев жизни». «Смотрите, в какой великой стране вы живете, какой великой цивилизации вы наследуете! Будьте достойны этого наследия», — взывали профессора и доценты. Конечно, прошедшее десятилетие включало немало памятных дат и из других областей культуры: литературы, искусства, спорта, политики, народного хозяйства, религии. Выбор научных юбилеев для настоящей заметки обусловлен

только профессией автора. Острота восприятия тяжелой поступи истории, напротив, характерна как для «научных», так и для «не научных» юбилеев.

«Фестиваль юбилеев» в Санкт-Петербургском научном центре Российской академии наук был открыт в 1993 г. празднованием 250-летия со дня рождения Е. Р. Дашковой, директора Академии наук и Президента Российской академии, и 300-летия «петровского токаря» А. К. Нартова. В марте 1993 года прошла международная конференция «Воронцовы — два века в истории России. К 250-летию Е. Р. Дашковой». В библиотеке РАН, в Государственном Эрмитаже, в Российской национальной библиотеке и в здании Академии наук были открыты выставки, посвященные Екатерине Малой и ее времени. В Эрмитажном театре прошел юбилейный вечер, на котором исполнялись музыкальные произведения композиторов XVII века и пьеса Е. Р. Дашковой «Тоисиоков» (режиссер-постановщик — доцент Академии культуры В. В. Петров). В здании СПбНЦ РАН был открыт скульптурный портрет Екатерины Романовны — гипсовая (по бедности!) авторская копия бронзового бюста, установленного в «Технохим» (Воронцовском дворце). Автор — член союза художников России И. А. Сурский.

Дашковские торжества задали тон предстоящему десятилетию, установили традицию: строгий историзм научных конференций и принцип единства петербургской культуры, объединяющей науку, образование, литературу, театральное, изобразительное и музыкальное искусство. За дашковскими днями последовали нартовские: прошла международная конференция «К истории искусства, науки и техники Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. К 300-летию А. К. Нартова». В галерее «Петрополь» была организована выставка «THEATRUM MACHINARUM», или три эпохи резьбы по кости в Санкт-Петербурге». На выставке экспонировались работы В. И. Мокеевой и ее учеников, выполненные на токарном станке А. К. Нартова, восстановленном под руководством выдающегося механика-станкостроителя доктора технических наук И. А. Дружинского. Подробно юбилейные торжества описаны в статье ², вошедшей в сборник, основанный на материалах юбилейной конференции, посвященной Е. Р. Дашковой.

Фестиваль юбилеев был продолжен в 1994 г. конференцией, посвященной 100-летию со дня основания ЦНИИ им. академика А. Н. Крылова. Этот институт — один из ведущих научно-исследовательских учреждений Военно-Морского Флота. Юбилей ЦНИИ им. А. Н. Крылова, последующее празднование 300-летия отечественного флота позволили историкам, морякам, инженерам и ученым

раскрыть трехсотлетний путь Санкт-Петербурга как морской столицы России, проследить тесную связь науки, техники и образования с флотом³.

Центральной памятной датой 1995 г. стало, безусловно, 50-летие Победы в Великой Отечественной войне. Петербургские историки отметили годовщину научной конференцией «Великая Отечественная война и Академия наук», материалы которой составили сборник⁴.

Происходило и немислимое в советское время: отмечались юбилеи членов императорской фамилии. Дело, конечно, не во внезапно возникшем «монархизме» академических историков, а в необходимости соблюдения принципов полноты историографии, объективной интерпретации исторического процесса. В 1995 г. прошла конференция «Великий князь Константин Константинович — Президент Академии наук», в 1996 г. — конференция «Наука и просвещение в николаевское время. К 275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I». В том же году был совершен и переход от Екатерины Малой к Екатерине Великой: в августе состоялась международная конференция «Екатерина Великая — эпоха российской истории». Для участников и гостей конференции Государственной академической капеллы была подготовлена и исполнена на сцене Эрмитажного театра музыкальная композиция по «историческому представлению» Екатерины II «Начальное управление Олега», не исполнявшееся с конца XVIII века. К конференции были приурочены выставки в Библиотеке Академии наук, в Академии художеств, Государственном Эрмитаже и музее-заповеднике «Царское Село». Международной конференцией «Г. В. Лейбниц и Россия» было отмечено 350-летие со дня рождения великого философа и математика, внесшего значительный вклад в предысторию Российской академии наук⁵.

Вышедшим в 1997 г. сборником⁶ российские и зарубежные историки «откликнулись» на 80-летие Февральской и Октябрьской революций, хотя на самом деле международный научный коллоквиум, материалы которого составили сборник, состоялся еще в 1995 г. Это был третий коллоквиум из большой серии научных форумов, посвященных истории рабочего движения, реформ и революций в России.

На 1998 г. пришелся 80-летний юбилей Физико-технического института. «Детский сад папы Иоффе», «колыбель отечественной физики», Физтех отметил свой юбилей большой международной конференцией «Физика на рубеже XXI века».

1999-й год был юбилейным для Российской академии наук. Основные праздничные мероприятия проходили в Москве, но зато

в Петербурге с максимальной точностью дан старт юбилейным торжествам: 8 февраля, точно в день подписания Петром Первым Указа об образовании Академии наук и художеств, известный историк науки Ю. Е. Копелевич прочитала на заседании Президиума СПбНЦ доклад о подготовке и осуществлении «последней петровской реформы». Одним из центральных событий юбилейного для Академии наук года стала Международная конференция «Петербургская академия наук в истории академий мира». Материалы пленарных и секционных докладов составили 4 объемных тома⁷. По окончании конференции по сложившейся традиции состоялся музыкальный вечер в Эрмитажном театре, на котором выступили хор и оркестр Государственной академической капеллы под управлением В. А. Чернушенко.

21 сентября 1999 г. состоялось выездное заседание Президиума РАН в Санкт-Петербурге. На заседании выступили Президент РАН академик Ю. С. Осипов, министр науки и технологий РФ академик М. П. Кирпичников, Президент Академии наук Белоруссии А. П. Войтович, другие видные представители науки и руководства города. С докладом «Академия наук в Петербурге-Ленинграде за 275 лет» выступил вице-президент РАН, председатель Президиума СПбНЦ РАН академик Ж. И. Алферов. Деятельности Академии наук в годы Гражданской войны был посвящен доклад д. и. н. А. В. Кольцова и д. ф. н. Э. И. Колчинского (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН). Современный взгляд на жизнь и деятельность первого русского академика М. В. Ломоносова изложил в своем докладе директор Музея М. В. Ломоносова Э. П. Карпеев.

Юбилей А. С. Пушкина был отмечен выездным заседанием Президиума СПбНЦ РАН в Пушкинском доме, состоявшемся 17 мая 1999 г. Были заслушаны доклады директора ИРЛИ чл.-корр. РАН Н. Н. Скатова «Пушкинский дом накануне Пушкинского юбилея», д. фил. н. С. А. Фомичева «О факсимильном издании рабочих тетрадей А. С. Пушкина и к. фил. н. В. Э. Вацура «К выходу в свет первого тома нового Академического собрания сочинений А. С. Пушкина».

На юбилейном Общем собрании СПбНЦ РАН, посвященном 150-летию со дня рождения великого русского ученого, первого отечественного лауреата Нобелевской премии академика И. П. Павлова с докладом «Величие И. П. Павлова — ученого и гражданина» выступил академик-секретарь Отделения физиологии РАН академик Ю. В. Наточин. Интересные сообщения о различных этапах жизни и деятельности И. П. Павлова представили директор Института физиологии им. И. П. Павлова д. м. н. (ныне чл.-корр. РАН) Д. П. Дворец-

кий, зам. начальника Военно-медицинской академии В. С. Новиков, ректор СПбГУ академик РАО Л. А. Вербицкая. «Павловская сессия СПбНЦ» стала своеобразным прологом к Нобелевской премии по физике, полученной академиком Ж. И. Алферовым в 2000 году. «Двадцатый век в истории петербургской науки обрамлен фигурами Павлова и Алферова», — написали авторы предисловия к книге Ж. И. Алферова «Физика и жизнь».

В 2001 г. академическое сообщество Петербурга отметило 200-летие со дня рождения математика М. В. Остроградского, 100-летие со дня рождения механика А. И. Лурье, провело конференцию «Н. А. Львов – выдающийся представитель российской культуры XVIII века».

Научные форумы историков, в том числе историков науки, в 2002 и 2003 гг., естественно, были посвящены 300-летию Санкт-Петербурга. Юбилейный год северной столицы еще не завершился и (даже не претендующий на полноту) отчет о том, как академическое сообщество отпраздновало трехвековой юбилей, — еще впереди. Но уже сегодня ясно, что главным праздником науки стала Петербургская встреча лауреатов Нобелевской премии «Наука и прогресс человечества». По приглашению академика Ж. И. Алферова в Петербург приехали 19 выдающихся ученых, удостоенных самой авторитетной научной премии. С 16 по 21 июня каждое утро в старинном здании Академии наук собирались убеленные сединами специалисты и научная молодежь — студенты и аспиранты, чтобы послушать лекции нобелистов. На первой лекционной сессии выступили Чарльз Таунс, удостоенный премии по физике в 1964 г. (совместно с Н. Басовым и А. Прохоровым) за фундаментальные исследования в области квантовой электроники и открытие лазерно-мазерного принципа, Рудольф Мессбауэр — лауреат премии 1961 г. за исследование резонансного поглощения гамма-излучения и открытие эффекта, названного его именем, и Роберт Вильсон, удостоенный Нобелевской премии по физике за 1978 г. (вместе с Арно Пензиасом) за открытие реликтового излучения. До последнего дня «нобелевской недели», когда свои лекции прочли физики Рихард Эрнст и Жорес Алферов и экономист Джеймс Хэкман, не спадал интерес аудитории. Кроме специальных тем, лауреаты Нобелевской премии обсуждали вопросы взаимодействия науки и власти, «ответственности ученых за пределами фундаментальных исследований» (тема лекции Р. Эрнста). Параллельно проходили 7 круглых столов, посвященных актуальным проблемам энергетики, нанотехнологий, химии, физиологии, генетики, медицины, космологии. Научный форум собрал крупнейших специалистов в этих отраслях науки.

Петербургская встреча лауреатов Нобелевской премии стала крупным научным и общественным событием, оказала сильное положительное влияние на восприятие современной России международным сообществом. Нет сомнения, что через 100 лет в дни празднования 400-летия Петербурга будет отмечаться и 100-летие «слета нобелистов».

В дни празднования трехвекового юбилея многим приходило в голову, что «во всемирном масштабе» Петербург — город молодой. Утешением для тех, кого смущает недостаточная древность Питера, послужит юбилей еще одной северной столицы — Старой Ладogi.

Первая столица Древней Руси отмечает в этом году 1250 лет со дня своего основания. Тут мы погружаемся в глубокую древность, «во времена Гостомысла», когда хроники и летописи противоречат друг другу, когда документированная история сменяется мифом, свобода интерпретаций становится неограниченной. Взять того же Гостомысла. Летопись считает его новгородским посадником, Л. Н. Гумилев интерпретировал его как «коллективное имя» для компрадорской партии в Новгороде. Автору настоящей статьи ближе концепция тождественности летописного Гостомысла с историческим князем ободритов, а летописного Рюрика — с историческим фрисландским маркграфом⁸. При любой интерпретации — юбилей Старой Ладogi означает погружение в истоки отечественной истории, является символом связи времен, непрерывности исторического времени.

Исключительно результативны оказались археологические раскопки в Старой Ладoge, которые проводит экспедиция Института истории материальной культуры РАН. Можно сказать, что археология Старой Ладogi породила ее юбилей. Выяснена научная дата основания города Ладogi — 753 г. (как это место называлось до 1704 г.), обнаружены остатки различных деревянных построек, многочисленные находки, международные по своему происхождению, заново оценена роль этого города в развитии Северной Европы и становлении русской государственности.

Фестиваль юбилеев завершается самой почтенной годовщиной. Фестиваль юбилеев продолжается. Скажем, столетием со дня рождения Георгия Антоновича Гамова, которое будут отмечать в 2004 г. физики и астрономы. Выпускник нашего Госуниверситета, работавший в ФТИ и ГОИ, Г. А. Гамов, уже будучи в эмиграции, предсказал упомянутое выше реликтовое излучение. Ну, а древнее реликтового фона нет ничего во Вселенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Френкель В. Д. Предисловие // Чтения памяти А. Ф. Иоффе. 1993—1995 / Сост. В. Я. Френкель. СПб.: Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН, 1995. С. 3.

² Иванова Е. А., Лаппо-Данилевский К. Ю., Тропп Э. А. Юбилей Е. Р. Дашковой в Петербурге // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы / Studiorum Slavicozum Monumenta. Т. 8. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. С. 5—12.

³ Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. СПб.: Наука, 2001. 534 с.

⁴ Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 1995. 139 с.

⁵ Г. В. Лейбниц и Россия. Философский век. Альманах. СПб., 1996. 223 с.

⁶ Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861—февраль 1917. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. 640 с.

⁷ Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции 28 июня—4 июля 1999 г. В 4-х томах / Санкт-Петербургский научный центр РАН. СПб., 1999.

⁸ См., напр.: Никитин А. Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001. С. 158—159.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Безгрешнова Алевтина Михайловна — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры художественной культуры РГПУ им А. И. Герцена.

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН).

Бобринской Алексей Алексеевич (1893—1971) — поручик, участник Первой мировой войны, дипломат, преподаватель русского языка в Лондонском университете, ведущий английских телепередач.

Богуславский Олег Петрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИМК РАН.

Богуш Владимир Борисович — председатель Комитета по культуре Правительства Ленинградской области.

Булкин Валентин Александрович — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Васильева Алена Александровна — кандидат искусствоведения, ассистент кафедры рисунка РГПУ имени А. И. Герцена.

Васильева Лариса Сергеевна — врач, преподаватель высшей квалификационной категории, дочь С. П. Луппова.

Вербицкая Людмила Алексеевна — действительный член Российской академии образования, профессор, ректор СПбГУ.

Воронов Борис Вениаминович — заместитель директора музея СПбГУ.

Вырубов Николай Васильевич — журналист, ветеран Второй мировой войны (проживает в Париже).

Грусман Владимир Моисеевич — кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ, директор Российского этнографического музея.

Данилевич Надежда Витольдовна — журналист, историк, пресс-атташе барона Э. А. Фальц-Фейна.

Двас Григорий Викторович — доктор экономических наук, вице-губернатор Ленинградской области

Демидова Ольга Ростиславовна — доктор философских наук, профессор РГПУ имени А. И. Герцена.

Длужневская Галина Вацлавовна — кандидат исторических наук, заведующая фотоархивом ИИМК РАН.

Желдина Зоя Владимировна — заместитель председателя Комитета по культуре Правительства Ленинградской области.

Зайцев Владимир Николаевич — генеральный директор Российской национальной библиотеки, президент Российской библиотечной ассоциации.

Иванова Елена Александровна — ведущий специалист Санкт-Петербургского центра РАН.

Ивлева Светлана Евгеньевна — старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

Калашникова Наталья Моисеевна — доктор культурологии, заведующая отделом этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдавии Российского этнографического музея.

Кеппен Андрей Карлович — доктор философии, профессор, инженер (проживает в штате Мичиган, США).

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Королькова Людмила Владимировна — научный сотрудник Российского этнографического музея.

Кривошеин Никита Игоревич — переводчик-синхронист в международных организациях ЮНЕСКО, Совета Европы, литератор, публицист (проживает в Париже).

Кривошеина Ксения Игоревна — художник, литератор (проживает в Париже).

Курбатов Александр Валентинович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИМК РАН.

Леонов Валерий Павлович — доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, директор Библиотеки Российской Академии наук.

Медведева Мария Владимировна — научный сотрудник ИИМК РАН.

Мосолова Любовь Михайловна — доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой художественной культуры РГПУ имени А. И. Герцена.

Мусин Александр Евгеньевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН.

Носов Евгений Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор ИИМК РАН, заведующий кафедрой археологии исторического факультета СПбГУ.

Панфилова Мария Петровна — главный специалист Комитета по культуре Правительства Ленинградской области.

Петренко Татьяна Алексеевна — старший научный сотрудник отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея.

Петросян Юрий Ашотович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, заместитель главного ученого секретаря Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Пивоварова Надежда Валерьевна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея.

Платонова Надежда Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИМК РАН.

Плохов Алексей Вячеславович — научный сотрудник ИИМК РАН.

Путин Владимир Владимирович — Президент Российской Федерации.

Сердюков Валерий Павлович — кандидат экономических наук, губернатор Ленинградской области.

Серебрякова Наталья Юрьевна — научный сотрудник Государственного Русского музея.

Симаков Владимир Сергеевич — главный редактор издательства «Вести», член Союза журналистов и Союза писателей России.

Скатов Николай Николаевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, директор Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

Скворцов Вячеслав Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, ректор Ленинградского областного университета имени А. С. Пушкина.

Соловьева Ирина Дмитриевна — кандидат искусствоведения, заведующая отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея.

Сорокин Петр Егорович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИМК РАН.

Сорокина Марина Александровна — старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

Тихонов Игорь Львович — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии СПбГУ, директор Музея истории СПбГУ.

Толочко Петр Петрович — доктор исторических наук, академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии Национальной АН Украины.

Третьяков Виталий Петрович — доктор психологических наук, главный редактор издательства «Сад искусств».

Тропп Эдуард Абрамович — доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Главный ученый секретарь Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Федосеева Мария Витальевна — старший научный сотрудник отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея.

Фролов Владимир Александрович — искусствовед, историк архитектуры и монументально-декоративного искусства.

Шалина Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного Русского музея.

Шмелев Кирилл Владимирович — научный сотрудник Центра «Петроскандика» Научно-исследовательского института комплексных социологических исследований СПбГУ.

Шорбан Екатерина Антоновна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствоведения Министерства культуры Российской Федерации.

Яковлева Елена Пантелеевна — доктор искусствоведения, заведующая сектором Государственного Русского музея.

Янин Валентин Лаврентьевич — академик РАН, заведующий кафедрой археологии МГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
----------------------	---

ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРЫ

В. В. Путин. Выступление по вопросам культуры на Государственном Совете 16 июня 2003 г.	9
В. П. Сердюков. Выступление по вопросам культуры на Государственном Совете 16 июня 2003 г.	13
В. Б. Богуш, З. В. Желдина, М. П. Панфилова. Работа в области культуры Ленинградской области.	16
Л. А. Вербицкая, Б. В. Воронов. На русском языке — по-русски, или русское слово в мировой культуре.	22
А. Н. Кирпичников. В поисках национальной идеи	27
Л. М. Мосолова. Феномен культурного наследия в системе образования Ленинградской области.	32
Н. Н. Скатов. Русская культура сегодня	37
В. Н. Скворцов. Сохранение и развитие историко-культурного наследия Ленинградской области.	46

АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО

В. А. Булкин. Несостоявшийся Ренессанс	53
В. М. Грусман. Орел над музеем.	64
С. Е. Ивлева. «Путешествие по всей России» на страницах журнала «Иллюстрация» (1845—1847 гг.).	67
М. В. Медведева. Ярославль и округа. Архитектура и археология.	75
Т. А. Петренко. О реликварных крестах из Александро-Свирского монастыря	81
Н. В. Пивоварова. Из истории сохранения и изучения художественных памятников Выговской старообрядческой пустыни в первом десятилетии XX в.	88
И. Д. Соловьева. Троицкий Александро-Свирский монастырь в XVI—XVII столетиях.	99
М. В. Федосеева. К истории собрания прорисей Государственного Русского музея: ранние иконные образцы первой половины XVII в.	114
В. А. Фролов. История мозаики нового времени началась в Усть-Рудице. ...	121

И. А. Шалина. Псковские монастырские иконостасы и их иконографические особенности	138
Е. А. Шорбан. Архитектурный «мир» русского купечества конца XVIII—начала XX столетий: от крестьянской усадьбы к промышленному городу ...	161

КУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА

А. М. Безгрешнова. Проблема поколений в русской художественной культуре XIX—начала XX вв.	189
А. А. Васильева, Л. С. Васильева. Летние дачи Петербургской губернии в формировании личности ученого	207
Г. В. Двас. Филокартия на службе исторической науки	223
Г. В. Длужневская. Из истории одной фотографии	236
В. Н. Зайцев. Российская национальная библиотека — как особо ценный объект культурного наследия страны	245
Н. М. Калашникова. Традиционный костюм народов России в XX в.	253
В. П. Леонов. О своеобразии русской библиотечной культуры	262
Н. Ю. Серебрякова. О неизвестных автографах А. И. Куприна	278
В. С. Симаков. Петербургская поэзия на рубеже тысячелетий: от века «серебряного» к «алмазному»	287
М. А. Сорокина. Народное искусство Ленинградской области	293
В. П. Третьяков. «Маленькие» люди в культуре	306
Е. П. Яковлева, А. В. Руманов и его художественное собрание	313

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ

С. В. Белецкий. Сколько лет Пскову?	331
А. Н. Кирличников, О. И. Богуславский. Историческое наследие Старой Ладogi	341
Л. В. Королькова. Археологическое собрание Тихвинского музея	369
А. В. Курбатов. Новые данные по истории ремесленного ученичества в средневековой Руси	373
А. Е. Мусин. Древнейшие свидетельства христианской культуры на Руси ...	384
Е. Н. Носов. Первые города Северной Руси	401
А. В. Плохов. «Дева Одина» или «Жена Ода»?	428
П. Е. Сорокин. Путешествие на ладье «Славия» вокруг Ладожского озера .	438
П. П. Толочко. Древнерусская народность: историческая реальность или научная фикция?	454
К. В. Шмелев. Археологические исследования Кронверка	463
В. Л. Янин. Древнейшая книга на русском языке	469

ЛЮДИ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Н. В. Вырубов. Судьба советских военнопленных	475
Н. В. Вырубов. Встреча	477

А. А. Бобринской. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852—1927). Сын об отце	479
Н. В. Данилевич. Князь Лобанов-Ростовский. Судьба и Россия.	533
О. Р. Демидова. Литературный быт как пространство формирования идентичности в условиях эмиграции.	552
Н. И. Кривошеин. Выступление на конференции, посвященной 200-летию Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге. 25 декабря 2002 г.	558
К. И. Кривошеина. Милосердие матери Марии (Скобцовой).	560
А. К. Кеппен. Краткая история русской зарубежной церкви	578
А. К. Кеппен. Султан — друг детства.	580
Н. И. Носов. Заметки молодого русского офицера о Финляндии 1917 г.	585
Н. И. Платонова. Записки белого офицера	588

ХРОНИКА

Ю. А. Петросян, Е. А. Иванова. Совет гуманитариев академических институтов Санкт-Петербурга	599
Э. А. Тропп. Фестиваль юбилеев.	603
Коротко об авторах	610

CONTENTS

Editorial	5
-----------------	---

PRIORITIES OF CULTURE

V. V. Putin. The address to the State Council deputies on problems of culture on June, 16, 2003.....	9
V. P. Serdyukov. The speech on problems of culture delivered at the State Council meeting on June, 16, 2003	13
V. B. Bogush, Z.V. Zheldina, M. P. Pamfilova. Activities in the sphere of culture in Leningrad Region.....	16
L. A. Verbitskaya, B. V. Voronov. For purity of Russian language or significance of Russian culture within the world culture.	22
A. N. Kirpichnikov. In search of the national idea.	27
L. M. Mosolova. The phenomenon of cultural heritage in the educational system of the Leningrad Region.	32
N. N. Skatov. Russian culture today.	37
V. N. Skvortsov. On conservation and development of historical-cultural heritage of the Leningrad Region.	46

ARCHITECTURE AND ART

V. A. Bulkin. Unrealized Renaissance	53
V. M. Grusman. The Eagle over the museum.	64
S. E. Ivleva. «Travelling all over the Russia» as represented by the «Illustration» magazine (1845—1847)	67
M. V. Medvedeva. Yaroslavl and its neighborhood. Architecture and archeology.	75
T. A. Petrenko. On relic crosses of Alexander-Svir Monastery	81
N. V. Pivovarova Historical excerpts on conservation and study of the Vygovo old-believers' hermitage art memorials in the first decade of XX century	88
I. D. Solovyeva. Alexander-Svir Trinity monastery in XVI—XVII centuries ...	99
M. V. Fedoseyeva. On the history of icon collection in the Russian State Museum. Early icon collections in the first half of XVII century.	114
V. A. Frolov. The history of modern mosaic begins in Ust-Ruditsa.	121
I. A. Shalina. Monastic iconostases of Pskov and their iconographic peculiarities	138
E. A. Shorban. Architectural world of Russian merchantry in the late XVIII-early XX centuries; from peasant farmstead to industrial city.....	161

CULTURAL MOSAIC

A. M. Bezgreshnova. Problem of generations in Russian art culture of XIX-early XX centuries.	189
A. A. Vasilyeva, L. S. Vasilyeva. Influence of summer cottages in Petersburg Province on formation of scientist's personality	207
G. V. Dvas. Philocartography in the service of historic science.	223
G. V. Dluzhnevskaya. From the history of one photograph	236
V. N. Zaytsev. The Russian National Library – a valuable piece of Russian cultural heritage.	245
N. M. Kalashnikova. Conventional attires of Russian peoples in XX century....	253
V. P. Leonov. On peculiarity of Russian library culture	262
N. Yu. Serebryakova. On unknown autographs of A. I. Kuprin	278
V. S. Simakov. Petersburg poetry of millenia boundaries: from «Silver Age» to «Diamond Age»	287
M. A. Sorokina. Folk art in Leningrad region.....	293
V. P. Tretyakov. «Minor» people in culture.	306
E. P. Yakovleva. A. V. Roumanoff and his artistic collection.	313

HISTORICAL AND ARCHEOLOGICAL ANTIQUITIES

S. V. Beletsky. How old is Pskov?	331
A. N. Kirpichnikov, O. I. Boguslavsky. Historical heritage of Old Ladoga.	341
L. V. Korolkova. Archeological collection of the Tikhvin museum.....	369
A. V. Kurbatov. New evidences on handicraft apprenticeship history in medieval Rus.	373
A. E. Musin. Ancient evidences on Christian culture in Rus.	384
E. N. Nosov. First cities in the Northern Rus.	401
A. V. Plokhov. «Odin's Maid» or «Od's wife»?	428
P. E. Sorokin. Voyage aboard «Slavia» boat about Ladoga lake.	438
P. P. Tolochko. Ancient Russian nationality: historical reality or scientific fiction?.	454
K. V. Shmelev. Archeological investigations in Kronwerk	463
V. L. Yanin. The oldest book in Russian.....	469

PEOPLE AND CULTURE OF RUSSIANS BEYOND THE BORDER

N. V. Vyubov. The fate of Soviet prisoners of war.	475
N. V. Vyubov. Meeting.....	477
A. A. Bobrinsky. Count Alexey Alexandrovich Bobrinsky (1852—1927). Son about his father.....	479
N. V. Danilevich. Prince Lobanov-Rostovsky. His fate in Russia.	533

O. R. Demidova. Literary mode of life as a medium for forming identities in emigration conditions.	552
N. I. Krivoshein. The speech at the conference dedicated to the 200-th anniversary of the Page Corps marked in St. Petersburg on December, 25, 2002	558
K. I. Krivosheina. Mother Maria's grace. (of Mother Skobtsova)	560
A. K. Keppen. A brief history of the Russian Church abroad	578
A. K. Keppen. Sultan — a friend from childhood	580
N. I. Nosov. Young Russian officer's notes about Finland in 1917	585
N. I. Platonova. White Guard officer's notes	588

CHRONICLE

Yu. A. Petrosyan, E. A. Ivanova. The Humanitarians' Council of academic institutes in St. Petersburg.	599
E. A. Tropp. Festival of celebrations	603
In brief about the authors.	610

На обложке — Староладожская крепость и памятный камень в честь 1250-летия
Старой Ладogi, установленный в 2003 году. *Фото А. В. Малофеева.*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В авторской редакции

Технический редактор Г. В. Преснова

Компьютерная верстка: Р. А. Быстрова, О. Б. Омелина, А. Г. Плюскова

Корректоры В. Л. Галзи, Н. И. Шишкова

Сдано в набор 07.07.03. Подписано к печати 23.09.03.

Гарнитура Times. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Печать офсетная. Печ. л. 38,75. Усл. печ. л. 36,17.

Тираж 1000 экз. Заказ № 124.

Издательско-полиграфический комплекс «Вести»

191311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.

